

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Е.И. Чернышев

**Народы Среднего Поволжья
в XVI – начале XX века**

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Казань – 2020

УДК 94(470.4)
ББК 63.3(235.54)
Ч-49

**Серия «Исторические судьбы народов
Поволжья и Приуралья»**

Выпуск 13

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *И.К. Загидуллин* (научный редактор),
кандидат исторических наук *И.З. Файзрахманов*,
кандидат исторических наук *А.В. Ахтямова*

Чернышев Е.И.

Ч-49 Народы Среднего Поволжья в XVI – начале XX века: избранные труды / сост., авт. предисл., прим., указ. и сокр. *И.З. Файзрахманов*; под ред. *И.К. Загидуллина*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2020. 548 с.

ISBN 978-5-94981-344-7

В книгу вошли опубликованные работы известного казанского историка-архивиста Евгения Ивановича Чернышева (1894–1979), посвященные архивному делу, научной деятельности его учителя – профессора Н.Н. Фирсова, истории народов Среднего Поволжья в XVI–XVII вв., крестьянскому и рабочему движению в Казанской губернии XVIII – начала XX в., а также рецензии к книгам.

На обложке: Поленов В.Д. Русская деревня. 1889 г.

ISBN 978-5-94981-344-7

УДК 94(470.4)
ББК 63.3(235.54)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Евгений Иванович Чернышев: страницы биографии и научной деятельности	7
РАЗДЕЛ 1. Ранние труды: формирование научных интересов	28
Без прошлого нет настоящего! [об архивном деле в ТАССР]	28
Берегите архивы	32
Охрана рукописных памятников народов Востока	35
Школа и архив	45
Краткий отчет доцента Восточного Педагогического Института Е.И. Чернышева о научной командировке в Ленинград и Москву летом 1926 года	47
Рукописи Ульяновского книгохранилища	51
Рукописи Ульяновского Дворца Книги	58
Опись рукописей XVII и XVIII столетий Ульяновского (Симбирского) Дворца Книги	71
Профессор Н.Н. Фирсов как историк Поволжья	76
Рецензии	88
РАЗДЕЛ 2. Страницы истории крестьянского и рабочего движения в Казанской губернии	108
Материалы по истории крестьянской революции в Казанском крае в 1917 году	108
Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам). Часть 1	111
Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам). Часть 2	131
Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк третий по архивным материалам). Часть 3	153
Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX века	269
Волнение казанских татар в 1878 г. (Очерк по архивным материалам)	277
Из истории рабочего движения в России в XVIII в. Борьба казанских суконщиков (очерк по архивным материалам)	303
Первая революционная ситуация в Казанской губернии	343

РАЗДЕЛ 3. История народов Среднего Поволжья в XVI–XVII вв.	368
Облик казанской жизни в XVI веке	368
Обзор материалов русско-ногайских отношений в XVI веке	376
К вопросу о связи Камско-Волжского края с российским рынком в XVII веке	382
Татарская деревня второй половины XVI и XVII в.	398
Марийский край в составе централизованного многонационального государства во второй половине XVI – в XVII вв.	415
Татария в составе русского многонационального централизованного государства (вторая половина XVI и XVII вв.)	446
Селения Казанского ханства (по писцовым книгам)	468
Список публикаций Е.И. Чернышева	501
Именной указатель	507
Географический указатель	521
Список сокращений	546

Вені́ Гро́ншев

1913 г.

Е.И. Чернышев с супругой Раисой Ивановной
и дочерью Татьяной. 1960 г.

За работой. 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Евгений Иванович Чернышев: страницы биографии и научной деятельности

В ряду выдающихся казанских исследователей XX в. историк Е.И. Чернышев выделяется как человек, который благодаря преданности своей профессии и самоотверженному труду вырос до ученого академического уровня, внесшего недооцененный до сегодняшнего дня вклад в изучение различных вопросов истории и культуры народов Среднего Поволжья XVI – начала XX в. Евгений Иванович обладал энциклопедическими знаниями, одновременно мог заниматься несколькими научными проблемами. Наследие Е.И. Чернышева состоит из полусотни опубликованных работ (многие имеют монографический характер), а также большого объема неопубликованных рукописей. Багаж знаний Евгения Ивановича был настолько широк, что на основе его незаконченных разработок состоялись защиты нескольких кандидатских диссертаций...

Ступени образования

Е.И. Чернышев родился 7 марта 1894 г. в Симбирске. В метрической книге Богоявленской церкви он был записан как внебрачный сын симбирской мещанки Анны Ивановны Чернышевой¹. Про его отца ничего не известно. Фамилию ребенку дали дедовскую по материнской линии, а отчество досталось от крестного отца Ивана Васильевича Васильева. В двухэтажном доме № 36 по ул. Энгельса в Ульяновске (до революции – ул. Панская г. Симбирска) прошли детские годы Евгения Ивановича.

Е.И. Чернышев получил начальное образование в приходской школе, в 11 лет поступил в 1-ю Симбирскую мужскую гимназию, где обучался с 1905 по 1913 г. Аттестат зрелости, выданный ему после окончания гимназии, свидетельствовал о весьма средних результатах в учебе при отличнейшем поведении юноши. Тем не менее, учеба в гимназии выявила у него склонность к гуманитарным наукам, и вот в 1913 г. он – студент первого курса историко-филологического факультета Казанского Императорского университета².

С началом Первой мировой войны жизнь в стране поменялась кардинально. По вытянутому жребии в призывную кампанию 1915 г. Е.И. Чернышеву подлежало поступить на военную службу, и только учеба в университете дала отсрочку. В этом отношении ему очень повезло. Так, М.Г. Худяков

¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 41062. Л. 17.

² Там же. Л. 9 об.

(позднее стал известным историком и археологом) – однокурсник Е.И. Чернышева – был призван в действующую армию, и его учеба прервалась.

В период обучения в университете Е.И. Чернышев написал свои первые самостоятельные рефераты: «Первая губернская реформа Петра Великого», «Волостное устройство крестьян по реформе 1861 г.», «Крестьяне по Соборному Уложению». Его квалификационная работа IV курса на тему «Историко-географический очерк Казанской губернии с учреждения ее в 1708 году до царствования Петра Великого» получила положительный отзыв ординарного профессора университета Н.Н. Фирсова³. Рецензент отметил сильное стремление и настойчивость студента к решению научной задачи, подчеркнул самостоятельность автора при анализе исторических источников и, резюмируя, ходатайствовал перед руководством историко-филологического факультета о присуждении ему золотой медали⁴.

В вузе существовал институт профессорских стипендиатов для подготовки молодых научных кадров из воспитанников университета. Получение стипендии во время учебы обязывало выпускника полтора года отработать в учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения. В связи с этим в 1917 г., после окончания университета, Е.И. Чернышев был оставлен при кафедре русской истории профессорским стипендиатом. Он привлек внимание профессоров Н.Н. Фирсова, М.М. Хвостова, приват-доцентов В.И. Огородникова, И.А. Стратонова своим непоколебимым желанием упорно и систематически заниматься научными изысканиями. В ходатайстве об оставлении Е.И. Чернышева при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию, адресованном в Совет университета, отмечался высокий уровень его семинарских докладов и «продуманные замечания» на рефераты сокурсников⁵. Приват-доцент В.И. Огородников охарактеризовал Е.И. Чернышева как «усердного, добросовестного и способного студента», выделявшегося постоянным интересом к занятиям, который был направлен «как на тщательную разработку источников, так и на методологическую постановку многих научных вопросов»⁶.

В 1917 г. к власти пришли большевики, вскоре началась Гражданская война. Е.И. Чернышев описывал эти первые послереволюционные годы как самые сложные в плане физического выживания: «... сидели в температуре от 2° до 0° (Ц) с опухшими руками, с бронхитом и совершенно обессилевшими от недоедания»⁷. Экстремальные условия не оставляли возможности для систематических занятий. Были периоды, когда молодому специалисту хотелось навсегда забросить научную работу. Лишь «горячая привязанность к

³ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфака. Д. 2493. Л. 1 об.

⁴ Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год. Казань: Типолитография императорского университета, 1916. С. 25–28.

⁵ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфака. Д. 2493. Л. 45.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфака. Д. 2603. Л. 2.

своему важному и главному делу, преданность к тому, к чему готовился с гимназической скамьи, останавливали от решимости покончить с наукой», отмечал Е.И. Чернышев в автобиографии⁸.

Основное внимание профессорского стипендиата Е.И. Чернышева было сосредоточено на двух темах: «Декабристы как представители оппозиционного дворянства в России»⁹ и «Социально-экономический очерк Казанской губернии эпохи Петра Великого»¹⁰. Кроме того, Е.И. Чернышев продолжал активно изучать «социологическую школу» в русской историографии, спецкурс по истории России XVIII–XIX вв. «с уклоном в область хозяйственно-экономической жизни и взаимоотношений социальных групп»¹¹. Как составная часть последней темы, у молодого специалиста наметился интерес к истории крестьянства России.

Научная и общественная деятельность в 1920-е годы

1920-е гг. для Евгения Ивановича были временем активной научной и общественно-педагогической деятельности. С 1919 г. в Высшем институте народного образования, который в 1922 г. был преобразован в Восточный педагогический институт (ВПИ), он преподавал курс «Отечественная история» и смежные дисциплины¹². В 1924 г. Е.И. Чернышев начал вести занятия по истории России «эпохи крепостного хозяйства», а с весны 1928 г. – спецкурс «История классово-борьбы в России в XVIII в.». Тогда же его делегировали от Восточного педагогического института в Москву на Всесоюзную конференцию историков-марксистов¹³.

Кроме преподавания в ВПИ, Е.И. Чернышев по совместительству занимал разные должности: в 1919 г. был помощником заведующего музеем Оте-

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ По этой теме он собрал материалы по истории общественных движений в России в XIX в. Е.И. Чернышевым изучались, прежде всего, мемуары и записки декабристов (Д.И. Завалишина, Н.А. Бестужева, И.Д. Якушкина и др.) – всего 23 сочинения, а также другая литература по теме – еще около 60 работ и источников (Там же. Л. 4–5).

¹⁰ Тема разрабатывалась им еще со студенческих лет, по которой Е.И. Чернышев изучил большой объем исторической литературы, особое внимание обратил опубликованным источникам («Доклады и приговоры Правительствующего Сената» – 6 томов, «Полное собрание законов Российской империи» – тт. III–VII, «Письма и бумаги Петра Великого» – тт. I–V и др.) (Там же. Л. 17).

¹¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфака. Д. 2493. Л. 54.

¹² Он вел следующие спецкурсы и семинары: 1) история России XIX в.; 2) история России дофеодального периода; 3) история крестьянства России XVI–XX вв.; 4) история общественной мысли России в XVI–XVII вв.; 5) история архивного дела в России; 6) экономика местного края в связи с его историей в XVIII–XIX вв. (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 6).

¹³ В 1929 г. Е.И. Чернышев стал доцентом по истории СССР.

чествоведения Казанского университета Н.Н. Фирсова¹⁴; с 1920 г. вел занятия в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте, а в 1921–1922 гг. – в Восточной академии, к которой был присоединен Северо-Восточный археологический и этнографический институт¹⁵. В эти годы Е.И. Чернышев успел, так же по совместительству, поработать в нескольких новообразованных советских учреждениях: с 1919 г. в Татнаркомпросе заведовал лекционным отделом Политпросветотдела, в рамках которого в 1920 г. побывал в Москве на Всероссийском съезде Политпросветработников; с ноября 1920 г. исполнял обязанности секретаря в Научном отделе Татнаркомпроса, одновременно занимался вопросами внешкольного образования в отделе культуры районного управления водного транспорта, читал лекции красноармейцам политотделов Военного комиссариата ТАССР и Запасной армии (до перевода последней в 1922 г. из Казани в Самару). Он еще успевал выступить с лекциями перед рабочими предприятий Казани и в деревнях¹⁶.

Новый этап трудовой биографии Е.И. Чернышева начался в 1921 г., когда он был назначен заведующим Центральным архивом ТАССР, где проработал до 1926 г. (в 1924–1926 гг. – в должностях заведующего научно-технической частью управления и заведующего секцией народного хозяйства)¹⁷. В этот период им были написаны несколько статей по архивной теме¹⁸. Эти публикации, главным образом, были посвящены деятельности Казанского губернского архива до 1920 г., плачевному состоянию архивных фондов, где царила разруха, впрочем, как и во всей стране. Е.И. Чернышев взывал к безотлагательным мерам по упорядочению как центральных, так и местных архивов – только так можно было сохранить бесценные документы для потомков. Отсутствие порядка в архивах также существенно затрудняло научные исследования историков. Между тем у подавляющего большинства современников формировалось отношение к архивным документам царского времени, как к ненужным бумагам, макулатуре. Полемизируя, Евгений Иванович призывал: «Необходимо всем и каждому спасать, хранить и оберегать архивы и отдельные документы, ибо тот, кто этого не делает, не только является палачом памяти родного прошлого, но и дезорганизатором текущей творческой работы возрождения России»¹⁹.

¹⁴ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфака. Д. 2493. Л. 32.

¹⁵ ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ ГА РТ. Ф. Р–7. Оп. 4л. Д. 392. Л. 18.

¹⁸ Чернышев Е.И. Без прошлого нет настоящего! [об архивном деле в ТАССР] // Вестник Просвещения. 1921. № 1. С. 17–20; его же: Берегите архивы // Казанский библиофил. 1921. № 1. С. 54–56; его же: Охрана рукописных памятников народов Востока // Казанский музейный вестник. 1924. № 1. С. 29–39; его же: Школа и архив // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 1–2. С. 23–25.

¹⁹ Чернышев Е.И. Берегите архивы // Казанский библиофил. 1921. № 1. С. 56.

Е.И. Чернышев так же активно выступал с научными докладами на заседаниях работников Центрального архива ТАССР на такие темы, как «Областная историография и центральные архивы» (24 декабря 1922 г.), «Декабрист Д.И. Завалишин в Казани в 1863 г.» (15 апреля 1923 г.) и др.²⁰ 16 октября 1925 г. Е.И. Чернышев в ходе областной архивной конференции сделал сообщения на темы «Государственное и научное значение архивов» и «О взаимоотношениях Центрархива с научными учреждениями и организациями»²¹. В эти же годы он активно писал рецензии на новые книги, десять из которых были опубликованы в журналах «Казанский библиофил» и «Вестник научного общества Татароведения».

В 1920 г. Е.И. Чернышев стал действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ) и выполнял очень большую организационную работу: был библиотекарем (1924–1927 гг.), ученым секретарем (с 1927 г.), возглавлял секцию истории и экономики, редактировал большинство выпусков «Известий» Общества, вышедших во второй половине 1920-х гг., входил в оргкомитет по подготовке 50-летнего юбилея Общества²².

Остановимся подробнее на деятельности Е.И. Чернышева в качестве библиотекаря ОАИЭ. В отчете ОАИЭ за 1924–1927 гг. отмечалось, что библиотека функционировала круглогодично, но в течение недели открывалась в общей сложности на 2–8 часов. Значительные затруднения в обслуживании читателей были вызваны, с одной стороны, отсутствием учета книжного фонда, с другой – кражами. Библиотека Общества помещалась в подвальном этаже здания 6-го студенческого общежития университета. Осенью 1925 г., пользуясь отсутствием наружной охраны, воры, взломав окна, проникли в комнату, где хранились периодические издания, и похитили значительную часть книжной продукции. Часть похищенных книг была отыскана уголовным розыском и возвращена Обществу. Осенью 1926 г. вновь произошла кража. На этот раз была похищена часть изданий Общества последних лет, Труды IV Археологического съезда в Казани 1878 г. Все заботы по организации внутреннего распорядка в библиотеке лежали на плечах Е.И. Чернышева. В 1925 г. им была начата инвентаризация книг и составление подвижного каталога. К апрелю 1927 г. Е.И. Чернышев составил карточки на 5500 томов в русском отделе, подобрал 2684 тома в иностранном отделе, для вторых экземпляров книг он оформил особый фонд²³.

Кроме того, в 1926–1927 гг. Е.И. Чернышев выступил с научными докладами на общих собраниях ОАИЭ на следующие темы: «Неизданные руко-

²⁰ ГА РТ. Ф. Р–7. Оп. 1. Д. 54. Л. 40, 53–53об.

²¹ ГА РТ. Ф. Р–7. Оп. 1. Д. 142. Л. 19–20.

²² Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1927. Т. 33. Вып. 4. С. 105–106; 1928. Т. 34. Вып. 1–2. С. 1, 3.

²³ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1927. Т. 33. Вып. 4. С. 107–108.

писи Щапова», «Материалистические взгляды Щапова», «Участие татар и башкир в Пугачевщине», «Пугачевщина в Камском крае», «Татарская печать эпохи реакции XX века», «Восстание декабристов 1825 г.», «Аграрная борьба в Казанском крае в 1917 г.»²⁴.

Поражает также исследовательская активность молодого человека в 1920-е гг. По поручению Академцентра Татнаркомпроса он работал над написанием следующих тем: «История землевладения в Среднем Поволжье в XVIII–XIX вв.» (объем 10 печатных листов), «Экономический быт дворцовой мордвы XVII столетия» (3 п.л.), «Очерки по истории Башкирского землевладения» (5 п.л.), «Классовые интересы в Екатерининской комиссии» (10 п.л.), «Материалы по истории землевладения в Среднем Поволжье в XVII–XVIII вв.» (25 п.л.), которые остались в виде рукописей или не были доведены до конца²⁵.

Для сбора материала по исследуемым темам в 1926 и 1928 гг. Е.И. Чернышев продолжительное время работал в Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР (ныне Российский государственный архив древних актов), Архиве революции и внешней политики (ныне Государственный архив Российской Федерации), Ленинградском центральном историческом архиве (ныне Российский государственный исторический архив)²⁶.

Кроме того, Е.И. Чернышев в ходе поездок в Ульяновск описал ряд рукописей из фондов Дворца книги им. В.И. Ленина (ныне – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина)²⁷. В эти же годы у молодого ученого наметился интерес к истории селений Казанского ханства и общественно-политической жизни края в составе Русского государства²⁸.

В 1920-е гг. Е.И. Чернышев активно участвовал в работе таких обществ, как «Научное общество Татароведения» (с 1923 г.), позже переименованного в «Общество изучения Татарстана»), «Казанское Педагогическое общество» (с 1925 г.), в которых состоял действительным членом. В 1925–1926 гг. он являлся секретарем «Научного общества Татароведения», членом Правления

²⁴ ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 7; Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1927. Т. 33. Вып. 4. С. 106.

²⁵ ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 6 об., 8.

²⁶ Чернышев Е.И. Краткий отчет доцента Восточного Педагогического Института Е.И. Чернышева о научной командировке в Ленинград и Москву летом 1926 года // Восточно-педагогический институт в Казани: Научно-педагогический сборник 3. Казань, 1927. С. 124–128.

²⁷ Чернышев Е.И. Рукописи Ульяновского книгохранилища // Край Ильича. Казань, 1926. № 1. С. 40–47; его же: Рукописи Ульяновского Дворца Книги // Край Ильича. Казань, 1927. № 2. С. 47–56; его же: Опись рукописей XVII и XVIII столетий Ульяновского (Симбирского) Дворца Книги // Край Ильича. Казань, 1928. № 3. С. 60–63.

²⁸ Чернышев Е.И. Облик казанской жизни в XVI веке // Старая и Новая Казань: культурно-исторические экскурсии. Казань: Изд. Акад. Центра Татнаркомпроса, 1927. С. 39–60.

(с 1926 г.), за семь лет существования Общества (1923–1929 гг.) неоднократно выступал на общих собраниях с докладами по истории Поволжья, многие из которых были опубликованы в «Вестнике научного общества Татароведения», в котором он выполнял обязанности технического редактора (с 1925 г.)²⁹. На страницах этого журнала выходили его статьи на разнообразные темы, написанные на основании использования широкого круга источников³⁰.

В ТАССР широко отметили 50-летний юбилей ОАИЭ. Газета «Красная Татария» от 24 января 1929 г. сообщила: «Завтра, в Доме Таткультуры, в 6 ч. веч., начнутся заседания об-ва археологии, истории и этнографий при университете по случаю 50-летия общества. Ожидается приезд председателя Всесоюзного об-ва культурной связи с заграницей О.Д. Каменевой, некоторых академиков и многочисленных гостей из Москвы, Ленинграда, Чувашии, Башкирии и пр. Заседания будут проходить 25, 26 и 27 января. Главнейшими докладами явятся: проф. Н.Н. Фирсов – “50 лет деятельности Общества”; проф. С.А. Пионтковский – “Современные проблемы изучения материальных культур тюркских народов СССР”; <...> Е.И. Чернышев – “Судебный процесс 1906–18 годов о башкирских землях” <...> и др. Вход для всех свободный³¹». Во время прений профессор С.А. Пионтковский охарактеризовал доклад Е.И. Чернышева, как «составленный на основании сырых архивных материалов», но в то же время сообщающий ряд интересных фактов о том, «как путешествовали по царским судам дела, как и в каких формах протекала борьба башкир за земли»³².

Среди работ Е.И. Чернышева 20-х гг. XX в. по научной значимости следует выделить публикации о документальном наследии А.П. Щапова³³. В 1924 г. на заседаниях ОАИЭ Е.И. Чернышев неоднократно выступал с докладами о неизданных сочинениях А.П. Щапова и его общественно-политических взглядах. В фонде канцелярии Казанского губернатора им был обнаружен текст лекции неизвестного автора под названием «Общий взгляд на историю Великорусского народа». Е.И. Чернышев идентифицировал этот документ как вступительную лекцию, прочитанную А.П. Щаповым в Казанском университете 12 ноября 1860 г., и опубликовал его с обширным предис-

²⁹ ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 6 об.

³⁰ Чернышев Е.И. Обзор материалов русско-ногайских отношений в XVI веке // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 1–2. С. 16–22; он же: Волнение казанских татар в 1878 г. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. 1927. № 7. С. 173–202.

³¹ Красная Татария. 1929. 24 января.

³² Пионтковский С.А. К 50-летию Казанского общества археологии, истории и этнографии // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 275–276.

³³ Афанасий Прокопьевич Щапов (1831–1876) – русский этнограф и антрополог, публицист, историк демократического направления. В 1852–1857 гг. учился в Казанской духовной академии, затем читал лекции в той же академии и Казанском университете.

словием и с обстоятельно составленным научным аппаратом³⁴. В 1926 г. в фонде III отделения Канцелярии его императорского величества нынешнего Государственного архива Российской Федерации Е.И. Чернышев выявил «Дело бакалавра Казанской духовной академии А.П. Щапова». Среди материалов его привлекло письмо А.П. Щапова, адресованное им из тюрьмы в мае 1861 г. императору Александру II. В этом письме автор изложил свой план государственных преобразований: организацию земских советов от волостей до центра, изменение налоговой системы, организацию областных всесословных банков и широкую реформу народного образования. Это письмо А.П. Щапова Е.И. Чернышев опубликовал в журнале «Красный архив»³⁵. Еще одна группа источников о А.П. Щапове увидела свет в «Материалах по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX века»³⁶. Е.И. Чернышев также написал объемную статью об общественно-политических взглядах А.П. Щапова³⁷. Много лет спустя в 1951 г. Е.И. Чернышев вернулся к этой теме и опубликовал работу «Революционный демократ-историк А.П. Щапов (1830–1876 гг.)», как завершающий труд своих изысканий по этой теме³⁸.

Одним из важнейших направлений научных интересов Е.И. Чернышева была история крестьянства, аграрного движения в России, которой он интересовался, как было отмечено выше, со времен учебы в университете. Для советской власти сверхважным являлось освещение классовой борьбы в Казанской губернии в 1917 г. Татарское Бюро Истпарта, в котором Е.И. Чернышев с 1923 г. состоял научным работником, поручило ему заняться этой темой³⁹. В этой связи Е.И. Чернышев писал на страницах «Вестника научного общества Татароведения»: «Но вопрос об изучении крестьянской революции мощно выпячивается современной общественностью и наукой, настолько мощно, что становится в порядок дня, вызывает срочные работы и по выявлению соответствующих материалов»⁴⁰. Прежде всего, Е.И. Чернышев опубликовал несколько документов из фондов Центрального архива ТАССР.

³⁴ Щапов А.П. Неизданные сочинения: С предисловием и примечаниями Е.И. Чернышева // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1926. Т. 33. Вып. 2–3. С. 1–58.

³⁵ Письмо А.П. Щапова Александру II в 1861 г. // Красный архив. Т. 19. 1926. С. 151–165.

³⁶ Чернышев Е.И. Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX века // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1927. Т. 33. Вып. 4. С. 75–98.

³⁷ Чернышев Е.И. А.П. Щапов о цензуре и просвещении // Восточно-педагогический институт в Казани: Научно-педагогический сборник 2. Казань, 1927. С. 51–82.

³⁸ Чернышев Е.И. Революционный демократ-историк А.П. Щапов (1830–1876 гг.) // Вопросы истории. 1951. № 8. С. 38–58.

³⁹ ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 6 об.

⁴⁰ Чернышев Е.И. Материалы по истории крестьянской революции в Казанском крае в 1917 году // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 1–2. С. 41.

Опубликованные материалы характеризовали нарастание крестьянской борьбы против помещиков в ноябре 1917 г.⁴¹ А прошение крестьян деревни Шемякино Тетюшского уезда казанскому губернатору 1915 г. свидетельствовало об усилении недовольства крестьянской бедноты в период Первой мировой войны⁴². Выявленные источники в дальнейшем были им критически проанализированы и опубликованы в серии, состоящей из 3-х статей, под общим названием «Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам)», приуроченной к десятилетней годовщине Октябрьской революции⁴³.

В его работах по аграрной истории был сделан акцент на изучение ряда новых для своего времени проблем. Е.И. Чернышев подсчитал выступления крестьянства в Казанской губернии в период с февраля по ноябрь 1917 г. и показал динамику антиправительственного движения, которое носило массовый характер, сам процесс вовлечения в движение сельских обществ и отдельных групп крестьян. Однако ему не удалось представить обобщающие выводы. Автор и сам отмечал, что его задача – дать материал и наметить некоторые заключения по истории крестьянского движения⁴⁴. В соответствии с идеологическими установками эпохи, Е.И. Чернышев основное внимание уделил оценке характера антиправительственного движения, его политико-экономической и классовой сущности и основным формам проявления социального протеста крестьян.

Указывая на растущие социальные противоречия в деревне, порожденные, прежде всего, внутриобщинными взаимоотношениями на почве наделно-общинного землевладения, Е.И. Чернышев выделил три основных направления массового крестьянского движения: 1) против казенного и удельного землевладения; 2) против крупного и мелкого личного землевладения; 3) против самовольных захватов земель как внутри общины, так и между общинами⁴⁵.

С высоты достижений современной исторической науки не все выводы автора бесспорны. Например, Е.И. Чернышев, как нам представляется, пре-

⁴¹ Там же. С. 41–54.

⁴² Чернышев Е.И. Характеристика классовых отношений в деревне в 1915 г. // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 3. С. 40–42.

⁴³ Чернышев Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. 1926. № 4. С. 50–71; его же: Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. 1926. № 5. С. 81–105; его же: Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк третий по архивным материалам) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. 34. Вып. ½. С. 4–98.

⁴⁴ Чернышев Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. 1926. № 4. С. 54.

⁴⁵ Там же. С. 53.

увеличивал роль «представителей зажиточного и кулацкого элемента деревни», которые, по его мнению, возглавляли «погромное движение» против помещиков от февраля к октябрю 1917 г. и внесли решающий вклад в борьбе с помещичьими хозяйствами. Небесспорным представляется показ автором всего крестьянского движения 1917 г. как стихийного проявления недовольства крестьянства, подобно тем, которые были во времена С.Разина и Е.Пугачева. Также вызывает вопросы утверждение автора о том, что «татары проявили себя сторонниками полного уничтожения крупного хозяйства более резко, чем другие национальности»⁴⁶.

Несмотря на серьезную критику, публикации Е.И. Чернышева, освещавшие антиправительственные выступления крестьянства накануне Октябрьской революции, сохранили свое значение для специалистов и до настоящего времени, прежде всего, как первый опыт изучения крестьянского движения на основе архивных материалов.

В его статье «Обзор материалов русско-ногайских отношений в XVI веке» было отражено состояние ногаеведения к середине 1920-х гг. Отметив основные источники по русско-ногайским отношениям («Продолжение Древней Российской Вивлиофики», памятники дипломатических сношений с Турцией, Крымом и Ногайцами, опубликованные в 41 и 95 томах «Сборника РИО» и др.) и степень их изученности, Е.И. Чернышев обозначил те вопросы, которые оставались плохо изученными: «хозяйственный быт», родовая и социальная структура, распри и междоусобицы в различных родовых союзах, а также внутри их, ногайская внешняя политика и методы ногайской дипломатии. Е.И. Чернышев указал на необходимость изучения русского дипломатического протокола именно касательно ногайцев, что позволило бы более или менее отчетливо представить малоизученные выше вопросы. Например, автор вполне справедливо заметил, что исходя из степени «чести», оказываемой тому или иному ногайскому мурзе или его представителям (послам) в Московском государстве, можно было бы реконструировать роль представителя этой знати в политической жизни Ногайской Орды⁴⁷.

В середине 1920-х гг., вместе с Г.С. Губайдуллиным, Е.И. Чернышев принял участие в поиске архивных материалов о крестьянском движении в татарской деревне в 1878 г. В своем очерке «Волнения казанских татар в 1878 г.» он ввел в научный оборот новые материалы: рапорт казанского губернатора Н.Я. Скарятин в Сенат за 1879 г., следственное дело Казанской

⁴⁶ Чернышев Е.И. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк третий по архивным материалам) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. 34. Вып. ½. С. 98; Файзрахманов И.З. Е.И. Чернышев о крестьянском движении в Казанской губернии в 1917 году // Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.): сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С. 430–439.

⁴⁷ Чернышев Е.И. Обзор материалов русско-ногайских отношений в XVI веке // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 1–2. С. 16–22.

судебной палаты «по обвинению крестьян Мамсинской волости в восстании против властей», дело III отделения Собственной его императорского величества канцелярии о купце Ш.Сагадееве⁴⁸. Е.И. Чернышев дал анализ причинно-следственным связям крестьянских выступлений в уездах Казанской губернии. Он справедливо отметил, что это – протест, возникший под влиянием слухов о насильственном крещении татар. Автор подсчитал численность татарских сельских обществ Казанского уезда, принявших участие в антиправительственных выступлениях, выделил основные формы проявления их социального протеста: во-первых, полное игнорирование волостных и полицейских властей и неподчинение их распоряжениям, во-вторых, смена, а местами избиение представителей сельских властей, в-третьих, отказ крестьян от исполнения повинностей⁴⁹. Кроме того, Е.И. Чернышев обратил внимание на волнения в татарских деревнях Спасского и Чистопольского уездов, которые прошли не в таких масштабах и не в такой резкой форме, как это было в Казанском уезде⁵⁰.

В статье «Восточная печать в эпоху реакции XX века» Е.И. Чернышев по материалам канцелярии Казанского временного комитета по делам печати (ныне фонд 420 Государственного архива РТ) проанализировал основные тенденции количественных изменений татарской литературы в 1906–1914 гг.⁵¹ Как продолжение изысканий Е.И. Чернышева по данной проблематике вышла небольшая статья о нереализованном проекте известного ориенталиста Петра Ивановича Пашино (1836–1891) по изданию татарского журнала «Файда» в 1864 г.⁵²

В рамках изучения истории классовой борьбы в регионе, Е.И. Чернышев также подготовил обстоятельный труд о социальном поведении рабочих Казанской суконной фабрики в XVIII в. В исследовании основное внимание было уделено тяжелым условиям труда и быта посессионных рабочих и их борьбе за улучшение экономических условий жизни⁵³.

⁴⁸ Чернышев Е.И. Волнение казанских татар в 1878 г. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. 1927. № 7. С. 173–202.

⁴⁹ Там же. С. 178–179.

⁵⁰ Там же. С. 184–185.

⁵¹ Чернышев Е.И. Восточная печать в эпоху реакции XX века: [очерк по архивным документам] // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1925. Т. 33. Вып. 1. С. 107–113, 116.

⁵² Чернышев Е.И. К истории татарской периодической печати в России. Проект татарского журнала «Файда» («Польза») // Труды Общества изучения Татарстана. Казань, 1930. С. 129–134.

⁵³ Чернышев Е.И. Из истории рабочего движения в России в XVIII в. Борьба казанских суконщиков (очерк по архивным материалам). Казань, 1930. 57 с.

Под прессом тоталитарной системы

Столь активная научная деятельность Е.И. Чернышева в 1920-е гг. контрастировала плачевным состоянием преподавания истории в Казани. Социальные потрясения отрицательно сказались на казанской исторической школе – ряды историков заметно поредели. Историки старого поколения, как носители «буржуазной» идеологии, всячески притеснялись, сознательно отстранялись от преподавания. Дошло до того, что в 1920-е гг. историческое образование в Казанском университете было практически полностью ликвидировано. Сократился профессорско-преподавательский состав казанских вузов. Так, в 1927 г. насчитывалось всего 8 историков, среди которых было только два преподавателя русской истории – Н.Н. Фирсов и его ученик Е.И. Чернышев⁵⁴.

С конца 1920-х гг. развернулась политическая кампания по травле историков старшего поколения. В местной печати (газеты «За коммунизм», «За пролетарские кадры», «Красная Татария») начиная с декабря 1929 г. по март 1931 г., по неполным данным, было опубликовано 13 статей с критикой Н.Н. Фирсова как мелкобуржуазного историка и врага Советской власти⁵⁵. Суть обвинений против Н.Н. Фирсова и его учеников заключалась, в частности, в недооценке ими роли классовой борьбы и пролетарского характера Октябрьской революции.

Под удар этой политической кампании, получившей название «фирсовщина», не мог не попасть и Е.И. Чернышев. В последних номерах «Вестника научного общества Татароведения», вышедших в 1930 г., Е.И. Чернышев опубликовал обширную статью о жизни и творчестве своего учителя, в которой высоко оценил его деятельность, назвал «историком угнетенного царским режимом рабоче-крестьянского большинства»⁵⁶. Он всячески подчеркивал, что Н.Н. Фирсов – не мелкобуржуазный историк, наоборот, «лекции его были проникнуты жестокой критикой политики господствующих классов, горячим развенчиванием царского режима, громадным вниманием к судьбам угнетенных, особенно, крепостных крестьян и посессионных рабочих, не говоря уже о таких боевых моментах их жизни, как эпоха Смуты, Разиновщины и Пугачевщины»⁵⁷.

Такая публичная поддержка Е.И. Чернышевым своего учителя не осталась незамеченной. 15 января 1931 г. на общем собрании студентов и научных работников Восточного педагогического института Е.И. Чернышев был заклеен «реакционером в исторической науке», объявлен ярым великодержавником и активным саботажником соцсоревнования и ударничества.

⁵⁴ Научные работники Казани. Справочник: Казань, 1927.

⁵⁵ Ермолаев Е.И., Литвин А.А. Профессор Николай Николаевич Фирсов. Очерк жизни и деятельности. Казань, 1976. С. 81.

⁵⁶ Чернышев Е.И. Профессор Н.Н. Фирсов как историк Поволжья // Вестник научного общества Татароведения. 1930. № 9–10. С. 11.

⁵⁷ Там же. С. 9.

Неприязненные отношения с зав. кафедрой истории СССР ВПИ проф. С.П. Сингалевичем и директором института Г.К. Касымовым только подлили масло в огонь. Е.И. Чернышев был уволен с должности и лишен права вести общественную и научную работу. В газете студентов и научных работников ТАССР «За пролетарские кадры» от 17 января 1931 г. вышла статья «Реакционная сущность доцента Чернышева», характеризовавшая его в духе того времени как врага народа⁵⁸.

В числе нескольких казанских историков, филологов и студентов (С.П. Шестаков, В.И. Анучин, В.Ф. Смолин, Н.Н. Фирсов, Н.Е. Будде, Г.М. Залкинд и др.) Е.И. Чернышев был арестован с предъявлением ему обвинительного заключения «О контрреволюционной деятельности группы профессоров и преподавателей Казанского восточно-педагогического института и Казанского университета и ее студенческих разветвлений в тех же вузах, обвиняемых по ст. 58–10 УК РСФСР». Конкретно преподавателю ставилась в вину пропаганда кадетской идеологии: «... славил Ключевского, Соловьева, Чичерина, а когда дошла очередь до историков-марксистов Рожкова и Покровского, то... у всех студентов осталось впечатление чего-то смятого, неопределенного»⁵⁹.

В статье «Против реакционной фирсовщины», вышедшей в № 23 газеты «Красная Татария» от 29 января 1931 г., было продолжено разоблачение «реакционной сущности» Н.Н. Фирсова и его «последыша» Е.И. Чернышева⁶⁰.

После этой пропагандистской кампании труды Н.Н. Фирсова и Е.И. Чернышева, посвященные крестьянскому движению, были надолго забыты. На наш взгляд, жизненные принципы Е.И. Чернышева, сформировавшиеся еще до 1917 г., не претерпели существенного изменения в советский период. Формально принимая идеологию большевиков и работая в рамках марксистской концепции понимания исторического процесса, Е.И. Чернышев основным своим долгом считал изучение и популяризацию отечественной истории, и в первую очередь истории Среднего Поволжья и Приуралья.

⁵⁸ Грачев Е. Против реакционной фирсовщины // Красная Татария. 1931. 29 января.

⁵⁹ Литвин А.А. Общественно-политическое движение в Поволжье, конец XIX – начало XX вв.: Российская историография: дис. ... д.и.н. Казань, 2003. Л. 52.

⁶⁰ В частности, отмечалось: «Чернышев много опасней Н.Н. Фирсова. Это враг маскирующийся и хитрый. Он клянется марксизмом и ленинизмом, изображает из себя советского активиста. Но, в то же время, в своих писаниях («Из истории крестьянского движения в Казанском крае в 1917 году») под покровом изучения особенностей местного крестьянского движения он настойчиво и умело протаскивает эсеровские идейки о самостоятельности крестьянского движения и независимости его от руководящей роли пролетариата. Умелым подбором фактов он постарается посеять в неискушенной голове сомнения: “Пожалуй, мол, в 1917 году деревня могла обойтись и без большевиков”, – сумеет смазать значение Октября в деревне и пролетарского влияния на нее» (Грачев Е. Указ соч.).

Следствие по «фирсовщине» продолжалось больше года. 4 февраля 1932 г. Е.И. Чернышев был освобожден из заключения, а следствие было прекращено за недоказанностью обвинения. Арест и последующая невозможность восстановления на прежней работе, где в руководстве находились те же непримиримые с ним лица, лишили его возможности продолжить научную карьеру. Целых 17 лет (с 1931 по 1948 г.) Е.И. Чернышев не мог публиковаться. Сначала пять лет он работал экономистом на разных предприятиях города: Казмашстрое, судовой верфи «Динамо» и Наркомсвязи, меховой базе Наркомторга. В 1937 г. Е.И. Чернышеву разрешили педагогическую деятельность – он начал работать учителем истории и русской литературы сначала в среднеобразовательной школе для взрослых при Татпромсовете, затем – в средней школе для взрослых при Лынокомбинате и в средней школе № 7 г. Казани.

Е.И. Чернышев предпринимал попытки вернуться к научной работе. В 1937 г. он подготовил сборник документов по экономике мордвы XVII–XVIII вв. для Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при ЦИК МАССР. Однако никакой реакции со стороны руководства института не последовало.

16 апреля 1937 г. Президиум ЦИК ТАССР принял постановление о создании Татарского научно-исследовательского института языка и литературы, который начал свою работу 7 октября 1939 года. 1 апреля 1941 г. Е.И. Чернышев был назначен научным сотрудником в этом институте, но начавшаяся Великая Отечественная война прервала его научную карьеру. 1 сентября 1941 г. он был уволен по сокращению штатов на время военных действий (по возрасту в армию не призывался). Евгений Иванович вновь продолжил работу в школе, оставаясь внештатным сотрудником ИЯЛИ. Вследствие болезни супруги, семье Чернышевых пришлось перебраться в Первомайский район ТАССР, где в 1942–1943 гг. Е.И. Чернышев преподавал историю и литературу в средней школе с. Шешминская Крепость⁶¹.

Война вызвала дефицит преподавательских кадров в Казанском университете. Многие преподаватели и студенты ушли на фронт. Вследствие этого в университете нашлась работа и для Е.И. Чернышева. В 1943–1945 гг. он работал на должности доцента кафедры «История СССР» истфака Казанского университета. Евгений Иванович читал курсы по историографии, источниковедению и истории СССР, одновременно был преподавателем кафедры «История государства и права СССР» Юридического института, читал курс «Ис-

⁶¹ В 1920 г. Е.И. Чернышев женился на дочери зажиточного симбирского лесоторговца Храмцовой Раисе Ивановне. Во время войны она работала на рытье окопов, где очень сильно простудилась и получила серьезное заболевание легких. Забегая вперед, скажем, что жена Е.И. Чернышева умерла в 1964 г. после долгих лет борьбы с недугом. У Евгения Ивановича и Раисы Ивановны была единственная дочь – Татьяна Евгеньевна (1924–2008). Она так же пошла по стопам отца – работала в научной сфере в области геологии, защитила кандидатскую диссертацию, написала много работ по своему профилю.

тория СССР»⁶². В период войны Е.И. Чернышевым была подготовлена только одна статья (о Куликовской битве 1380 г.) для предполагавшегося к изданию сборника «Героическое прошлое русского народа» (не была издана)⁶³.

Е.И. Чернышев – научный сотрудник ИЯЛИ

Плодотворная научная деятельность Е.И. Чернышева началась с переходом в 1945 г. на работу в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) старшим лаборантом сектора истории (1945 г.), затем младшим научным сотрудником (1947 г.). Евгений Иванович пришел на работу в ИЯЛИ уже известным ученым, за плечами которого были опыт преподавательской работы и значительный объем написанных трудов.

Из производственной характеристики младшего научного сотрудника ИЯЛИ Е.И. Чернышева за 1950 г. мы узнаем: «За время работы в Институте тов. Чернышев показал себя как подготовленный, серьезный и способный научный работник в области гражданской истории Татарии. Тов. Чернышев хорошо владеет методикой работы в архивах, методикой изучения архивных документов, умеет научно обобщить исторический фактический материал»⁶⁴. В 1947–1949 гг. он получил дополнительное образование на историко-философском отделении Вечернего университета марксизма-ленинизма при Казанском горкоме КПСС⁶⁵.

ИЯЛИ внес большой вклад в развитие исторической науки в республике. Сотрудники отдела истории осуществили сбор и систематизацию источников и материалов по истории края, писали коллективные труды. Так, в 1948 г. вышли две объемные статьи Е.И. Чернышева в первом выпуске сборника «Материалы по истории Татарии»: «Татария в период разложения крепостного строя» и «Крестьянская реформа в Казанской губернии».

В первой статье на основе выявленных новых архивных материалов Е.И. Чернышев дал характеристику многоукладной экономике Казанской губернии дореформенного периода: рассмотрел развитие торговли, ремесел, мануфактурной и позднее фабрично-заводской промышленности, обратил внимание на мелкотоварный характер развивающихся форм промышленности. Волнения казанских суконщиков, государственных и помещичьих крестьян были им представлены как антикрепостническое движение народных масс против феодально-крепостнических отношений. Массовое отпадение от православия крещеных татар также приписывалось к антикрепостническому движению, имевшее религиозную окраску⁶⁶.

⁶² Архив Казанского физико-технического института им. Е.К. Завойского Казанского филиала РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 27. Л. 8 об.

⁶³ Там же. Л. 8 об.

⁶⁴ Там же. Л. 16.

⁶⁵ Там же. Л. 13.

⁶⁶ Чернышев Е.И. Татария в период разложения крепостного строя // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 286–365.

Вторая статья была посвящена подготовке и проведению крестьянской реформы 1860-х гг. в Казанской губернии. Автор охарактеризовал состояние сельского хозяйства в губернии накануне реформ, обстоятельно проанализировал проект «Положения о крестьянах» Казанского дворянского комитета и проведение самой реформы в помещичьих (1861 г.) и государственных (1866 г.) деревнях, выявил влияние преобразований на социально-экономическое, имущественное и правовое положение сельского податного населения⁶⁷.

При подготовке 2-х томной «Истории Татарской АССР» Е.И. Чернышев был привлечен к написанию трех глав: «Татария в период дворянской империи XVIII века» (гл. VI), «Татария в период разложения крепостного строя в России (XIX век до революционной ситуации 1859–1861 гг.)» (гл. VII), «Татария в период развития капитализма (1861–1895)» (гл. IX). Первый том, охватывавший период с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, вышел в 1951 г., а в 1955 г. был переиздан с небольшими поправками. В дополнение к плановым статьям, Е.И. Чернышев занимался подбором рисунков и составлением диаграмм к первому тому, а также подбором рисунков для второго тома (по советскому периоду), главным образом, из фондов Государственного музея Татарской АССР (Казань, 1951, 1955, 1960)⁶⁸.

Статьи Е.И. Чернышева в этом академическом издании охватывают широкий круг вопросов социальной и экономической истории народов Среднего Поволжья XVIII и XIX вв.: изменения в административном делении, развитие промышленности, сельского хозяйства и торговли, политика насильственной христианизации местных народов, протесты и выступления суконщиков, восстание крестьян под предводительством Е.И. Пугачева, просвещение, культура, общественные движения и многое другое. Забегая вперед, отметим, что эти же и другие новые темы освещались Е.И. Чернышевым в трех главах (IV, V, VI) однотомного издания⁶⁹. Если V, VI главы были обобщенными результатами ранее изданных публикаций, то IV глава была новой работой Е.И. Чернышева.

В 1954 г. в Москве на заседании секции по Истории СССР Ученого Совета Института истории АН СССР Е.И. Чернышев успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социально-экономические очерки по истории Казанской губернии XIX века (дореформенный период)». Диссертация состо-

⁶⁷ Чернышев Е.И. Крестьянская реформа в Казанской губернии // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 366–413.

⁶⁸ История Татарской АССР. Т. 1 Казань: ТГИ. 1951. С. 6; История Татарской АССР. Т. 1 Казань: ТКИ. 1955. С. 9; История Татарской АССР. Т. 2. Казань: ТКИ. 1960. С. 5.

⁶⁹ «Татария в составе русского многонационального централизованного государства (вторая половина XVI и XVII вв.)» (IV), «Татария в составе дворянской империи. XVIII в.» (V), «Татария в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы» (VI) (История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 101–177).

яла из введения, восьми глав, заключения, приложений, библиографии и содержания (542 листа). Работа была написана на основе, прежде всего, документов архивов Москвы, Ленинграда и Казани: Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, Ленинградского отделения Центрального исторического архива, Центрального государственного архива ТАССР, рукописного отдела Научной библиотеки Казанского государственного университета, архива ОАИЭ и др. Так, при написании диссертации использовались документы по движению земельной собственности в Казанской губернии за 1798–1863 гг., привлечены сведения из ревизии 1795 г., а также по крестьянскому движению и по истории борьбы казанских суконщиков, обработаны описания помещичьих имений 1840-х гг.

1-й оппонент доктор исторических наук, профессор К.В. Сивков отметил актуальность изучения социально-экономических отношений в регионе в выбранных хронологических рамках. По его мнению, наиболее успешными оказались главы «Движение населения в Казанской губернии» (II), «Землевладение Казанского края» (III), «Промышленность Казанского края» (V), «Классовая борьба крестьян и посессионных рабочих» (VIII). Вызвали вопросы I глава «Обзор литературы и источников», которую предлагалось включить во Введение в сокращенном виде. VI глава «Роль Казанского края на внутреннем рынке России», была хотя и с многообещающим названием, но по содержанию не удовлетворила оппонента сравнительно малым использованием архивных источников. VII глава «Крепостнический и национальный гнет в первой половине XIX века» имела погрешности в виде отступлений в век XVIII, впрочем, что было характерно и всей работе⁷⁰.

Второй официальный оппонент кандидат исторических наук, доцент М.Е. Найденов также высоко оценил диссертацию: «Работа... является плодом многолетнего труда над самыми разнообразными источниками. И та легкость, с которой автор оперирует фактическим материалом, убеждает в том, что автор основательно изучил различные стороны экономической жизни Казанской губернии XIX века. Он отчетливо представляет себе те процессы, которые происходили тогда в ней»⁷¹. В качестве положительных моментов также было отмечено наличие значительного количества таблиц и приложений. При обсуждении диссертации неоднократно звучали рекомендации к изданию работы монографией. В связи с этим прозвучало много замечаний, в том числе мелких, с целью, чтобы соискатель мог доработать свой труд. К сожалению, публикации не последовало.

Вскоре после успешной защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, в 1955 г. Е.И. Чернышев выдвинулся на ученое звание

⁷⁰ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 795. Л. 12–13.

⁷¹ Там же. Л. 20–21.

старшего научного сотрудника⁷². Вот некоторые слова поддержки о нем известных казанских историков, озвученные на заседании Ученого совета ИЯЛИ КФАН СССР 22 октября 1955 г. Н.Ф. Калинин в своем выступлении отметил: «Евгения Ивановича я знаю более 30 лет. Он прекрасно знает архивы, имеет огромный опыт работы. Это звание он заслужил давно». Г.М. Хисамутдинов также высоко оценил профессиональные качества коллеги: «У Евгения Ивановича много ценных качеств, одно из них – чувство новизны. Все его исследования не есть повторение чего-либо, а новые, свежие материалы, над которыми он работает кропотливо»⁷³. 30 марта 1956 г. Президиум Академии наук СССР присвоил Е.И. Чернышеву звание старшего научного сотрудника Академии наук, в том же году он был переведен с должности младшего научного сотрудника на должность старшего научного сотрудника.

В 1950-х гг. Е.И. Чернышев уделял много внимания проблеме «Генезис капитализма в Волжско-Камском крае». В рамках этой темы им была подготовлена работа «О формировании татарской буржуазной нации», результаты которой были изложены на Всесоюзной конференции историков, состоявшейся в 1952 г. в Москве. Однако материалы не были изданы. Позднее его молодой коллега Х.Х. Хасанов (1907–1995) продолжил эту тему (см.: Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977).

Кроме того, Е.И. Чернышевым была подготовлена и издана статья «К вопросу о связи Камско-Волжского края с российским рынком в XVII веке», в которой на основе изучения таможенных книг была сделана попытка раскрыть процесс вовлечения края во всероссийский рынок. Автор проанализировал таможенные книги северных торговых центров страны: Великого Устюга, Сольвычегодска и Тотьмы, информировавшие об участниках торговли, местах торжищ и ассортименте товаров на указанных рынках («казанские люди», каринские (вятские) и варзинские (елабужские) татары). В работе особо подчеркивалось деятельное участие в торговых операциях каринских татар Вятского края, а также появление во второй половине XVII в. на рынках Устюга и Сольвычегодска варзинских (елабужских), казанских и уфимских татар. Е.И. Чернышев проследил основные торговые маршруты, предметы и объемы торговли, связанные с Камско-Волжским краем, и сделал вывод о все большем вовлечении края во всероссийский рынок.

Как часть темы процесса генезиса капитализма в крае Е.И. Чернышевым была написана статья «К истории строительства Казанской железной дороги», раскрывающая долгий путь соединения Казани с железной сетью страны⁷⁴.

⁷² Архив Казанского физико-технического института им. Е.К. Завойского Казанского филиала РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 27. Л. 26.

⁷³ Там же. Л. 28.

⁷⁴ Чернышев Е.И. К истории строительства Казанской железной дороги // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1957. С. 105–115.

В 1962 г. Е.И. Чернышевым была опубликована статья «Первая революционная ситуация в Казанской губернии», осветившая, в первую очередь, экономические предпосылки назревания революционной ситуации в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. и обозначившая перспективы дальнейшего изучения реформ 1861–1866 гг.⁷⁵

Е.И. Чернышев вел активную научно-популяризаторскую деятельность – неоднократно выступал с научными докладами на научных сессиях КФАН СССР и Института истории АН СССР («100-летие Безднинского восстания», «О развитии мелкотоварного хозяйства в XVII в. в Волжско-Камском крае», «О научной деятельности А.П. Щапова» и др.).

В рамках подготовки обобщающего труда по истории Марийской АССР Е.И. Чернышев привлекался для написания раздела, посвященного периоду второй половины XVI–XVII вв. В этой работе, в традиционной для того времени манере, были изложены русская колонизация и общественно-политическая борьба населения (главным образом, движение сопротивления марийцев)⁷⁶.

Востребованным направлением научной деятельности Е.И. Чернышева было изучение татарских поселений по источникам XVI и XVII вв. В работе «Татарская деревня второй половины XVI и XVII вв.». Е.И. Чернышев исследовал социальное размежевание татарской деревни во второй половине XVI – XVII вв., дал подробный анализ Писцовой книги Ивана Болтина⁷⁷. Одно из основных наблюдений Е.И. Чернышева состоит в том, что служилые татары противопоставляли себя ясачным татарам и называли их «чюваши»⁷⁸. Историк обратил внимание на то, что служилые татары, имея большие земельные владения, но, лишённые крепостных крестьян, обращались к тем же самым «чювашам» и сдавали свои земли им в аренду⁷⁹.

Одной из самых значительных работ Е.И. Чернышева следует признать статью «Селения Казанского ханства (по писцовым книгам)», не потерявшая своей актуальности и на сегодняшний день. Большая заслуга автора заключается в том, что он, опираясь на писцовые, межевые, переписные книги, археологические материалы, сведения краеведов и большое количество других

⁷⁵ Чернышев Е.И. Первая революционная ситуация в Казанской губернии // Вопросы истории Татарии. Казань, 1962. С. 160–187.

⁷⁶ Чернышев Е.И. Марийский край в составе централизованного многонационального государства во второй половине XVI – в XVII вв. // Очерки по истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965. С. 96–139.

⁷⁷ Чернышев Е.И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига: Издательство АН Латвийской ССР, 1963. С. 180, 181.

⁷⁸ Там же. С. 176.

⁷⁹ Там же. С. 179–180.

делопроизводственных документов XVI в., составил картограмму населенных пунктов Казанского ханства первой половины XVI в.⁸⁰

В 1966 г. Евгений Иванович вышел на заслуженный отдых. Но и на пенсии с он продолжал научную работу. В последние годы своей деятельности Е.И. Чернышев ввел в научный оборот большое количество архивных материалов, которые легли в основу его новых работ «Предпосылки крестьянской войны 1773–1775 гг. в Камско-Волжском крае», «Развитие мануфактурного производства в Камско-Волжском крае», «Камско-Волжский край в первый период Крестьянской войны 1773–1775 гг.», «Народы Камско-Волжского края в Крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева». Подготовка этих работ занимала практически все его время в последние годы жизни, однако завершить начатое дело он не успел. Его дело продолжили ученики, в частности, С.Х. Алишев, защитивший кандидатскую диссертацию под его руководством (Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973).

Заключение

Резюмируя, следует отметить, что историко-краеведческие интересы Е.И. Чернышева были весьма обширны, а написанные труды в большинстве своем имеют фундаментальный характер, сохраняют актуальность и сегодня. Примечательным является тот факт, что, кроме изучения социально-экономических проблем Среднего Поволжья и Приуралья, особое место среди его исследований занимала история татарского народа: татарская периодическая печать, взаимоотношения татар с русской администрацией, развитие татарских торговых, мануфактурных и промышленных предприятий, история татарских деревень периода Казанского ханства и второй половины XVI и XVII в., земельные правоотношения служилых и ясачных татар и т.д. Многие из этих тем ранее не изучались или только начали изучаться.

Будучи человеком своей эпохи, Е.И. Чернышев, конечно, не мог быть свободным от советской идеологии и писал свои труды, опираясь на «марксистко-ленинскую советскую передовую историографию». Многие его работы (и все работы, опубликованные с 1948 г.), насыщенные грамотно проанализированными новыми архивными материалами, привносили новизну в историографию поднимаемых им тем. Во многом это объясняется его стремлением беспристрастно оценить историю на основе анализа архивных материалов, а не исходя из конъюнктурных соображений псевдоисториков.

Е.И. Чернышева отличали такие качества, как дисциплинированность, трудолюбие, целеустремленность, энциклопедичность знаний. Одним из главных принципов, которому он всегда придерживался, было не безвольное сле-

⁸⁰ Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. Вып.1. С. 272–292.

дование течению жизни, и недопущение себе поспешных непродуманных действий в надежде на то, что что-то да получится, а объективная оценка своих возможностей, исходя из обстановки, определение достижимых задач и целенаправленно шаг за шагом, пускай и медленно, но верно, осуществление задуманного. Евгений Иванович требовал от своих учеников по всей строгости, хотел, чтобы они имели фундаментальные знания; ценил людей, думающих, имеющих собственную точку зрения...

В копилке Е.И. Чернышева 57 опубликованных работ в период с 1921 по 1930 г. и с 1948 по 1971 г., в т. ч. 10 рецензий. В данный сборник избранных трудов вошли его работы, отобранные по тематико-хронологическому принципу: архивное дело, научная деятельность Н.Н. Фирсова, рецензии, история Среднего Поволжья в XVI–XVII вв., история крестьянского и рабочего движения в Казанской губернии⁸¹.

На данный момент остаются неопубликованными работы Е.И. Чернышева о крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева в 1773–1775 гг., его кандидатская диссертация «Социально-экономические очерки по истории Казанской губернии XIX века (дореформенный период)». Его архив, который хранится в Центре письменного и музыкального наследия ИЯЛИ, располагает большим объемом документальных материалов, собранных им для написания научных работ.

Евгений Иванович оставил после себя большой объем научных трудов и добрую память о себе как об очень уважаемом и профессиональном историке. Его наследие, безусловно, достойно изучения.

⁸¹ В данную книгу не вошли его следующие ранее изданные работы: «Восточная печать в эпоху реакции XX века» (1925), две статьи за 1925 г. с публикациями документов по истории крестьянской революции («Материалы по истории крестьянской революции в Казанском крае в 1917 году», «Характеристика классовых отношений в деревне в 1915 г.»), 4 публикации о А.П. Шапове (1926–1927, 1951), повторяющееся издание работы «Из истории рабочего движения в России в XVIII в. Борьба казанских суконщиков (очерк по архивным материалам)» (1930), 3 статьи за 1930 г.: «К истории татарской периодической печати в России. Проект татарского журнала “Файда” (“Полезьа”))»; «Причина эмиграции крымских татар в Турцию в 1860 году. (Очерк по архивным материалам)», «Список трудов Н.Н. Фирсова». Из-за больших объемов в книгу также не были включены статьи Е.И. Чернышева в коллективных трудах: две главы «Материалы по истории Татарии. Вып. 1. (Казань, 1948), три главы «Истории Татарской АССР. Т. 1» (Казань, 1951), три главы «Истории Татарской АССР. Т. 1» (Казань, 1955), три главы «Истории Татарской АССР» (Казань, 1968), автореферат диссертации (1954), а также статьи «К истории строительства Казанской железной дороги» (1957), «Татарская деревня второй половины XVI–XVII вв.» (тезисы докладов, 1961), опубликованная относительно недавно небольшая заметка Е.И. Чернышева о Г.Ибрагимове («Чарующий облик Галимджана Ибрагимова [воспоминания]» (2007).

РАЗДЕЛ 1

Ранние труды: формирование научных интересов

Без прошлого нет настоящего! [об архивном деле в ТАССР]

*Опубликовано в журнале «Вестник Просвещения»
(Казань, 1921. № 1. С. 17–20)*

По инициативе Народного Комиссариата Просвещения (Наркомпроса ТССР) в Казани учрежден в конце января мес. 1921 г. Центральный Архив ТССР, который состоит в ведении местного Наркомпроса. Этот факт выдвигает на очередь крупную реформу в постановке архивного дела в Татарской Республике. Надо сказать, что последнее до настоящего времени было как бы в тени, не вызывало особых забот и стараний, будучи в непосредственном ведении Главархива. Москва далеко, оттуда не видно всех зияющих прорех в организации и постановке архивного дела в нашем крае, а канцелярская переписка не давала ничего существенного для развития дела; с местной же властью, Совнаркомом ТССР и Наркомпросом, бывший Губархив совершенно не был в контакте, что, конечно, не могло отразиться на работе учреждения, которая все более и более замирала, хирела и чуть теплилась. Теперь же, с учреждением Центрального Архивного Управления ТССР, можно рассчитывать, что дело не только будет развиваться, но в смысле организации и привлечения широких официальных и общественных кругов вдохнет струю свежего напряжения всех сил, даст широкий размах и инициативу делу охраны и собирания культурных остатков прошлого, всякого рода рукописей представляющих результат умственного труда наших предков. Широкие круги населения либо слишком в малой степени, либо совершенно не в состоянии оценить всего значения архивов для науки и общественной жизни. Доказательством этому служит масса случаев, когда расхищались архивы не только разъяренной толпой, не только бессознательными в этом смысле гражданами, темными и малопросвещенными, но и представителями власти, целыми органами и даже организованным путем. За примерами далеко ходить не приходится. В крепости города Казани был сложен архив бывшего Губернского Присутствия по крестьянским делам. По нарядам от высшего начальства, комендант здания, которому вверен был ключ от архива, периодически отпускал по несколько пудов архивных материалов чуть ли не до февраля текущего года! А разве не было дано инструкций комендантам от бывшего Губархива? Сколько хотите. А когда весь архив был расхищен, в Губархивное Управ-

ление дано было знать об этом. Раньше же не удосужились, а может быть и приказа не было? Такие случаи имеют место в таком культурном центре, как Казань! Все заинтересованные могут получить об этом вопиющем факте документальные доказательства в Управлении Центрального Архива ТССР (Казань, Чернышевская ул., д. № 20/12). Архивы в уездных городах совершенно беспризорны. Нет ни средств, ни технического персонала, чтобы следить за их сохранностью. И конечно, ничего нет удивительного, что в Бугульме в парикмахерской можно было найти архивную бумагу 80-х годов прошлого столетия, представляющую отрывок от судебного дела Волостного Суда и употреблявшуюся на нужды предприятия. По словам сотрудников отдела Народного Образования, архивную бумагу мог получить всякий желающий со складов Бугульминского Земотдела, который, можно сказать, монополизировал торговлю архивными материалами, сосредоточив их в том же дворе, где помещался и самый отдел Наробраза.

Лишь небольшая доля сохранилась от Волостных Архивов, большая часть уничтожена бесследно; архивы помещичьих усадеб совершенно уничтожены и ни один Совхоз в настоящее время не дал положительного ответа о существовании или частичной сохранности архива. Картину позорного расхищения архивов может дополнить и небольшая заметка А.Н. в «Казанском Музейном Вестнике» № 7–8 под заглавием Казанский Губернский Архивный фонд (с. 25), к которой я и отсылаю заинтересованного читателя впредь до окончательной обработки собранного по краю статистического материала.

Все вышеуказанное в полной мере подтверждает ту мысль, что, разоряя архивы, люди не ведают что творят. Вся практическая жизнь общества строится на наследии прошлого, а о прошлом даст понятие и архивный материал, и культурные остатки прошлого, не только, в виде построек, памятников искусства, сооружений, всевозможных орудий производства, но и рукописных данных культурных остатков старины, архивный материал в самом широком смысле этого слова. Если мы живем действительно в век осуществления в жизни великих идей научного социализма, если мы приступаем к сознательному творчеству и воплощению в жизнь социалистического государства, то просвещение и наука должна быть во главе угла при созидании нового, мирозерцания; вместе с этим, каждый сознательный гражданин, если только он так себя именуется, должен иметь уважение, а в случае его отсутствия, воспитать таковое и проникнуться уважением к тому материалу, который составляет фундамент историко-социальных наук, который обосновывает существование их и процветание на благо человечества.

Но и этого мало. Мало одного только уважения к старине, необходимо проявлять каждому инициативу, принимать участие в сбережении материала подобного архивному. Каждый просвещенный человек должен в настоящее время распространить этот клич о сбережении архивного материала в самых глухих уголках нашей республики, во всех школах для взрослых, на всевозможных собраниях комитетов служащих, фабричных и заводских рабочих

комитетов, чтобы ни одно дело, ни одна древняя и ценная рукопись, ни один архив не ушел из сферы надзора и хранения Центрального Архивного Управления ТССР. Все ученые Общества и культурные учреждения края должны поднять вопрос о мерах предотвращения гибели известных им архивов, развить посильную агитацию и пропаганду архивных знаний; не только среди сочленов, но и в общественных кругах, группирующихся вокруг данного Общества или учреждения. Одним словом, активная поддержка всех общественных слоев населения крайне важна в деле сохранения и, главным образом, открытия местонахождения архивных материалов. Каждый сознательный и просвещенный гражданин может и должен оказать посильную помощь Республике в этом деле.

Время дорого! Вспомним, сколько ценностей погибло в течение последних трех лет. И продолжают гибнуть. Если не спасем остатки и то, что еще сохранило нам время, то на нас падет презрение от наших потомков за нашу беспечность, за нерадение к государственной и научной ценности, за наше обывательское равнодушие как к старине, так и к переживаемым событиям. Необходимо еще добавить то, что уничтожению, расхищению и игнорированию предается всего чаще именно архивный материал, а поэтому к сохранению его и надо относиться наиболее ревниво всем и каждому, кто сознательно переживает революционную эпоху Российской Республики. Очень много архивов погибло в виду непредусмотрительности и пренебрежению к их ценности со стороны военных властей, допускающих самовольное распоряжение архивным материалом большей частью для нужд канцелярий. Этому некультурному и незаконному действию должен быть положен конец. Частично такие поступки совершаются и другими учреждениями. Архивное Управление ТССР надеется, что голос об охране архивов будет услышан везде и всюду, и даже больше: ждет, что оно найдет сочувственный отклик в деле собирания и хранения материала. Способов к выполнению этого очень много.

1. Каждое учреждение, организация, общество, предприятие, включительно до рядового гражданина пусть сообщит либо письменно, либо лично в Архивное Управление ТССР о существовании архивного материала, как бы мало его ни оказалось, с указанием места его нахождения.

2. Надо побудить граждан, чтобы они принимали меры к пополнению Центрального Архива ТССР, где материал будет сохраннее и составит неоценимый вклад в науку и культуру.

3. Каждый гражданин призывается жертвовать имеющийся у него архивный материал в указанное хранилище, дать его на сохранение или во временное распоряжение Архивного Управления.

4. Во избежание потерь, расхищения и тому подобных, случаев, каждое учреждение должно организовать при самом учреждении так называемые текущие архивы или же по истечении года передавать все бумаги по законченным делам на хранение в Центральный Архив ТССР, если невозможно учредить архив при самом учреждении. Такой порядок дел даст полную га-

рантию к сохранению всего материала, ценнейшего для истории революции и Советского строительства на социалистических началах.

5. Пропаганда архивных знаний путем лекций, обращений, плакатов, посредством печати и ученых обществ даст возможность оценить значение архивного материала и побудить к собранию и хранению его в Архиве ТССР.

6. Авангард просветленного пролетариата ТССР, преподаватели высших, средних и низших школ, а также и руководители профессионально-технического образования, создавая научные кружки по изучению местного края, пусть соединяют в сфере своей научной деятельности разыскание, хранение, опись и изучение архивного материала.

Указанные средства доступны каждому гражданину, желающему вложить посильную лепту в дело развития науки, просвещения народных масс, увековечению революции и жизни настоящего и далекого прошлого в памятниках культуры и быта.

Необходимо указать еще на одну сторону дела, до сих пор не имевшую места в практике местного архивного фонда. Либо по недостатку средств, либо за отсутствием работников и инициативы, в Архив слишком мало поступало материалов по национальной и культурной жизни мелких народностей, населяющих Татреспублику. С учреждением Центрального Архива ТССР эта задача становится первоочередной. Материалы по национальной и культурной жизни народностей находятся большей частью в частных руках, в распоряжении общин и обществ и, в силу этих условий, совершенно недоступны к использованию их. Часто лицо, имеющее на руках древние рукописные книги, столбцы, грамоты и др. материалы, при перемене места совершенно теряет их, т.к. дома уберечь очень трудно в виду сложившихся тяжелых условий жизни; много рукописей и ценных собраний материалов погибают от огня, когда последний пожирает их безвозвратно для владельца, науки и Республики.

Всего этого можно избежать при существовании Центрального Архива ТССР. Необходимо только сознательное отношение всех граждан к архивному материалу и помощь в общем деле собирания и хранения архивных документов.

Граждане! Охраняйте культурные остатки ваших предшественников.

Собирайте самый ценный для науки архивный материал и направляйте его в Центральный Архив Татреспублики!

Организируйте научные кружки и общества по изучению местного края, а вместе с тем по собиранию и изучению архивных документов, всесторонне освещающих жизнь населяющих Татреспублику народностей!

Только содействие широких слоев населения, его помощь и поддержка предоставят гарантию в деле развития архивного дела и придадут ему широкий размах и инициативу!

Берегите архивы

*Опубликовано в журнале «Казанский библиофил»
(Казань, 1921. № 1. С. 54–56)*

«Библиофил» ставит своей целью напомнить обществу о том, что книга бережется, служит и должна служить предметом внимания. С первых же шагов своей деятельности журнал должен сделать и еще одно напоминание своему читателю. Нужно беречь архивы и отдельные документы.

1. Что такое канцелярское дело, ведомственное отношение, судебный акт, нотариальная крепость, бухгалтерская книга, метрическая запись, входящий и исходящий журнал, статистическая таблица, межевой план, специальная техническая сводка и т.д. и т.д., конечно, не всякий сумеет отличить. Но всякому понятны слова – печатная книга, рукописная бумага и письмо. И всякий, кому они понятны, тем самым ставится к тому, что разумеется под этими словами, в положение до известной степени его обязывающее. К чему? Хранить, собирать, спасать.

2. Мы еще не научились уважать документ. А без такого уважения общество – слепец, который не имеет надежды прозреть. История народа в географической, языковой, литературной, эстетической, социально-экономической, государственно-правовой и прочих сторонах непредставима без фундамента документов. Нужный народу для самопознания материал дают только они, документы, т.е. все эти рукописные и прочие дела, хранящиеся обыкновенно в так называемых архивах. Там, где гибнут архивы, гибнет прошлое, гибнет история самого народа, гибнет самое сознание народа, ибо оно утрачивает полноту ясности.

3. Архив есть собрание документов, обычно данного, строго определенно-го ведомства. Каждое казенное учреждение, большое или малое, всегда имело свой архив. Это – склад дел и бумаг данного учреждения, будет ли то школа или мыловаренный и кожевенный заводы, комиссариат народного здоровья или лазарет тифозных больных, ученое общество или подпольная политическая организация. Но особенно обычны во всех губерниях архивы бывших волостных правлений и учреждений: судебного типа, сословных, нотариальных, финансовых, административных, военных, промышленных (заводов, фабрик, предприятий), наконец, иногда большие частные архивы, принадлежавшие дворянским фамилиям. В России недавнего прошлого это чаще всего были склады бумаг неупорядоченные, хаотические, не имеющие не только алфавита, но простых описей. С точки зрения старого бюрократа и обывателя архив есть груда бумаги, подлежащая уничтожению, так как она потеряла значение для текущей жизни. И чиновная Россия уничтожала дела и документы весьма энергично, причиняя непоправимые утраты для истории народа. Россия знала до

сих пор лишь до десятка более или менее упорядоченных архивов¹ со штатом специальных работников. А остальная масса архивов уничтожалась или гнила, сознательно отдаваемая на съедение червю и плесни и всяким прочим случайностям. Широкие массы следовали в отношении архивов за правительственным равнодушием. Слово «архив» стало синонимом ненужного. Сдать в архив – все равно, что выбросить на свалку. Только отдельные сознательные личности да ученые общества понимали, что архив – это вечно живое лицо прошлого, что архив – вечно свежая картина своего собственного духовного развития в его предшествующие этапы и что архивные материалы наших дней представляют картину настоящего времени нашим потомкам. Чтобы видеть эту картину, нужно уметь ее разворачивать, и таким путеводителем по картинной галерее, даваемой архивным материалом, была всегда наука. Вот почему положение архивов есть один из показателей состояния просвещения у данного народа. Чем ниже последнее, тем не обеспеченнее и опаснее положение первых. Едва ли ныне найдутся враги музеев, а ведь архивы – те же музеи, только специального типа, музеи дел и документов.

4. Революционная перестройка России почти сразу же отразилась на положении Российских архивов.

С одной стороны бушующая стихия народной массы проявила резче тот обывательский взгляд на архивы, который в ней был воспитан. Всем известны прискорбные факты сожжения и расхищения архивов жандармских правлений, охранных отделений, а позже и всех вообще архивов, на которые падал взор воинской части или обывателя, служащего, подчас воодушевленного прекрасной идеей возрождения страны. Казанская губерния в этом отношении пострадала весьма заметно². И до сих пор эта струя безразличия и враждебности к архивам в широких массах Татареспублики продолжает развиваться.

С другой стороны центральное революционное правительство в вопросе об архивах стало сразу же на точку зрения государственную. Уже 1 июня (19 мая) 1918 года, т.е. почти через полгода после октябрьского переворота был издан декрет о реорганизации и централизации архивного дела в России, которым в целях охраны архивов учреждался Единый Государственный Архивный Фонд, ставший органом государственной опеки над архивами.

Таким образом, точка зрения революционных государственных верхов разошлась с точкой зрения обывательских взглядов на архивы. К сожалению, последняя фактически до сих пор торжествует. Учреждения и отдельные граждане Татареспублики в этом отношении также нуждаются в напоминаниях об обязанности перед собой и обществом настоящим и будущим бережно относиться ко всем архивам, как бы бесполезны и ненужными казались они на первый взгляд.

¹ См.: «Исторический Архив», издаваемый Гл. Упр. Арх. Делом. Кн. 1. Петрогр., 1919. С. 1.

² Материалы имеются в Татархиве, а некоторые указаны в «Казанском Музейном Вестнике» № 7–8. 1920. С. 94–95 и № 3–4. С. 54–55.

5. В чем конкретно заключаются эти обязанности? Первая и основная заповедь в этом отношении – не быть вредителем и губителем архивов и отдельных архивных дел. Практика Казанского Губархива показывает определенно, что декрета недостаточно для ограждения архивов от самого жестокого вредителя – двуногого. Второй долг каждого – быть активным охранителем архивов и отдельных дел. А в частности задачи распределяются таким образом.

а) Задача местных властей ясна, и она осуществляется. Декретирование охраны документа, учреждение т. наз. сначала Губархива, ныне Татархива, на котором лежат специальные функции защиты и организации архивов, осуществлено. Остается финансирование его и содействие работам этого учреждения, и это делается органами местной высшей власти. Нелишне только напомнить органам администрации учреждений, что Управление Татархива, помещающееся в Казани, ул. Чернышевского, дом № 20/12, есть учреждение, обход которого во всяких делах, касающихся архивов, карается ответственностью по закону (юридически) и негодованием общества (морально).

б) Задача общества, особенно организованных его слоев в отношении к архивам должна быть также четко выяснена. Партийные организации, ком. ячейки, рабочие клубы, профсоюзы, заводкомы, домкомы, всякие сельские и прочие организации независимо от их характера несут культурную ответственность за гибель документов и архивов, которая совершается с их ведома или даже с их участием. Собрать и сохранить архив, попавший под угрозу, чтобы, дав знать Управлению Татархива, передать ему дела, – вот элементарная культурная и государственная обязанность такого рода общественных организаций.

в) Но особенно нужно напомнить о долге в этом отношении каждому гражданину в отдельности. Уничтожая архив или способствуя его гибели, мы тем самым творим и культурное и государственное преступление. Больше того, необходимо, чтобы каждый гражданин в этом отношении был активен. Обнаружив хотя бы небольшое количество дел и документов без призора, он должен довести об этом или до сведения ближайшего народного учителя, или Культурно-просветительного Отдела Совдепа, а лучше всего в Управление Татархива (Казань, ул. Чернышевского, д. 20/12). Если делам и бумагам что-нибудь угрожает, нужно собрать их, сохранить или отдать на хранение надежному лицу. Словом, нужно всеми мерами содействовать спасению архивов.

г) Наконец, особенно серьезна ответственность тех учреждений, организаций и лиц, в ведении которых уже хранятся прежние архивы или составляются новые. Эти «хранители», часто являющиеся губителями архивов, должны стать подлинными хранителями, т.е. взять на себя специальные обязанности. Мало хранить архив, т.е. бросить его в чулан. Нужно беречь его, т.е. привести в порядок, систематизировать и описать³. Дальше, нужно предоста-

³ Образцами описания документов и дел могут служить «Описания документов и дел, хранящихся в Моск. Арх. Мин. Юстиции» за ряд лет, а правила описания дру-

вить архиву сухое, светлое помещение, свободное от пыли и исключаящее выполнение всяких иных назначений, кроме хранения дел, наконец, иметь, может быть, особое лицо, которое всегда было бы знакомо с архивом, могло бы дать соответственную справку и досматривало бы за сохранностью дел, ибо последние подчас портятся специально бумажными насекомыми⁴. Все, что неясно в организации архива, разъяснит Татархив, который встретит всякую серьезную готовность помочь ему в деле охраны архивов с живейшей признательностью.

6. Итак, вывод ясен. Необходимо всем и каждому спасать, хранить и оберегать архивы и отдельные документы, ибо тот, кто этого не делает, не только является палачом памяти родного прошлого, но и дезорганизатором текущей творческой работы возрождения России.

Охрана рукописных памятников народов Востока

*Опубликовано в журнале «Казанский музейный вестник»
(Казань, 1924. № 1. С. 29–39)*

История архивного дела в дореволюционную эпоху в России нашла полное отражение в труде И.А. Маяковского⁵, который заключает свой очерк характеристикой эпохи самодержавия в отношении архивного строительства как времени, губившего всякие культурные запросы русского общества. Действительно, то, что выдвигалось научными обществами и учреждениями страны в области улучшения архивного дела, все то подавлялось ведомственной рутинной, политикой нивелировки и уничтожения всех доказательств прошлой политики не только по отношению к малым народностям к национальным группировкам, составляющим меньшинство населения России, но и по отношению к великорусскому ее населению.

Ничего нет удивительного в том, что идея об организации архивов, об их усовершенствовании по европейским образцам, находила мало сочувствия в правительственных кругах, преследовавших совсем иные цели и ставивших себе совершенно противоположные требованиям науки задачи. Говорить же о создании областных архивов и совсем не приходилось, когда не давали достаточных средств для усовершенствования центральных архивов Москвы и Петрограда.

Революция 1917 года и эпоха последующих годов выдвинули совершенно противоположные тому времени отношения к малым народностям, населяющим

гих рукописей см.: Перетц В.Н. Из секции по методологии истории русской литературы. Киев, 1914. С. 239–245.

⁴ См.: Пузино И.В. О принятых на Западе способах сохранения архивных документов. Петроград, 1919.

⁵ Исторический очерк архивного дела в России. Пгр., 1920.

Россию. Более или менее широкая автономия не только в отношении культурного строительства, но и хозяйственного, правового и политического, побудила поставить ребром все наболевшие вопросы прошлого.

Не моя задача касаться всех сторон общественной жизни, но отмечу, что для созидания культурных ценностей переживаемое время наиболее подходящее, т.к. теперь уже умолкли треск пулеметов, гром пушек, улеглись страсти, разожженные самодержавием и проявившие себя во время революции; экономическая разруха, надо надеяться, остановилась в своем поступательном движении, муки голода приходят к концу, – одним словом, как будто наступает пора осуществления и культурных запросов, которая всего больше требует наиболее спокойного времени.

Одной из самых важных потребностей этого культурного строительства, одним из самых важных вопросов его является создание архива, в котором были бы собраны все материалы для изучения *прошлого* нашей страны, республики, города и *настоящего*, которое можно понять лишь на основе тщательного изучения прошлого и связи с ним во всех отношениях. К тому же надо заметить, что в России в настоящее время чрезвычайно благоприятная обстановка для создания актохранилищ и собирания исторических памятников прошлого. Особыми декретами правительства от 1 июня 1918 г. и 20 января 1922 года в России образовано Центральное управление архивным делом и Центральный архив всей Федерации Российской. В этой концепции находятся губернские и областные отделы Архивного управления, заботой которых является собирание материалов по истории и изучению местного края во всех отношениях. Автономные республики, входящие в состав России, занимают более выдающееся место в отношении архивного строительства: они имеют свои центральные архивы и, подчиняясь в области архивной техники и благоустройства Центральному архиву РСФСР, находятся под непосредственным покровительством высшего органа управления – Совнаркома данной республики. Кроме того, несмотря на все неблагоприятные условия современности, центральные архивы автономных республик пользуются сравнительно большими средствами от правительства. Если к этому прибавить еще то положение, что все законченное делопроизводство всех без исключения учреждений и предприятий находится в непосредственном заведывании и распоряжении Центрального архива и никакое ведомственное вмешательство в дальнейшую судьбу архивного материала уже не имеет более места, то этим вполне доказывается та благоприятная ситуация, которая необходима для пышного развития и осуществления самых сокровенных и издавна лелеемых надежд в области собирания культурных остатков прошлого и создания Центрального архива, отражающего своими богатствами все стороны народной, хозяйственной и политической жизни края.

В архивах России, ее губерний, областей и автономных республик уже сосредоточено значительное количество материала для изучения прошлых судеб нашей страны, но справедливость требует заметить, что материал этот отлича-

ется односторонностью. Именно, материалы, хранящиеся в наших актохранилищах, являются отложением официального делопроизводства различных органов управления. Между ними есть, конечно, не только материалы публично-правового характера, но и частноправового, но все же в целом весь, этот материал по преимуществу – делопроизводство ликвидированных и упраздненных учреждений. Между тем для ученого этот материал недостаточен. Ему нужны документы и индивидуального происхождения, письма, записки, воспоминания, собрания бумаг отдельных общественных и государственных деятелей, делопроизводство общественных коллективов, а для нашего края в особенности важно обладать материалом, отражающим национальную жизнь края, ее фазы развития, рисуящим бытовые условия и особенности. До революции нельзя было и думать о чем либо подобном, но теперь, когда каждая более или менее крупная нация получила права политической автономии, а вместе с ней и права на культурное совершенство, то выдвинуть вопрос о собирании все более и более исчезающего материала является не только своевременным, но и насущным требованием настоящего момента. Если нация завоевала право на политическую самостоятельность и, пользуясь ею, она не воспользуется возможностью создания необходимых культурных ценностей, в их числе и архивов, то впоследствии это упущение станет невознаградимой утратой. История всех народов и стран говорит за это. Архивы создавались исключительно в моменты наибольшего благоприятствования им со стороны правительства. Раз создавшись, они уже не погибали так, как погибают чрезвычайно ценные исторические материалы, находясь в частных руках. Все архивы Западной Европы, которые составляют гордость той страны, где они находятся, создались лишь потому, что культура подготовила давно уже вполне подходящие для этого условия, а правительство, хотя бы и под давлением и нехотя, но все же шло на удовлетворение культурных запросов общества. Совсем не то мы видим на Востоке. О культурных запросах населения государств Востока не приходится говорить еще и в настоящее время, т.к. только теперь они чуть-чуть проявляются, что же касается до того, чтобы культурные запросы населения влияли на политику правительства и действовали на ее направление, об этом и сейчас можно только мечтать. Наоборот, в странах Востока государственность всегда давила на общественность. В особенности нас интересуют страны мусульманского Востока. И чтобы выяснить себе все убожество их в области постановки архивного дела, нам целесообразнее всего проследить судьбу архивов на протяжении всей исторической жизни этих народов. Необходимость раз и навсегда убедиться в том, что нужно использовать каждый момент в целях создания архивов, этих свидетелей культуры прошлого и культуры настоящего, побуждает нас обратиться к небольшой, но чрезвычайно интересной и важной для нашей эпохи и края статье академика В.В. Бартольда, появившейся лишь в 1920 году в одном из Петроградских редких изданий⁶. Эта статья, снабженная

⁶ Архивные курсы. Часть I. Акад. В.В. Бартольд «Хранение документов в государствах мусульманского Востока». Пгр., 1920.

богатым фактическим аппаратом, вполне достигает своей цели – в стремлении заинтересовать, познакомить с прошлым архивов мусульманского Востока и хоть теперь положить прочное начало собиранию еще не погибших культурных остатков прошлого, рассеянных, главным образом, среди частных лиц и общественных объединений. Кроме того, эта статья для нашего края еще тем заслуживает большого внимания, что настоящее время является вполне подходящим для собирания архивных материалов, отражающих жизнь национальностей, населяющих среднее Поволжье и бассейн р. Камы, в особенности памятников татарского происхождения и татарской культуры, тесно связанной с арабской и культурой народов Средней Азии. Пройденный народами Востока исторический путь привел некоторых из них, в том числе и татарский народ, к созданию автономных республик, что вполне благоприятствует удовлетворению культурных запросов вообще и потребности архивного строительства в частности.

Статья В.В. Бартольда сможет убедить в этом каждого. А посему пусть не поставит нам читатель в упрек, если мы зайдем его внимание подробным изложением ее содержания.

«Развитие архивного дела везде, в том числе и на Востоке, говорит Бартольд: связано с развитием государственности»; мусульманский мир в том и другом отношении во многом находился в зависимости от традиций древнего Востока (371).

В Ассирии, могущественном государстве вавилонского культурного мира, в библиотеке Ассурбанипала хранились и документы, как то: писцовые книги Харранской провинции, официальные письма и донесения, описания походов и проч. Дошли до нас остатки архива XIV в. до Р.Х. эпохи Аменхотепа IV и более ранние материалы, составлявшие архив египетских фараонов. К этой же ранней эпохе относится дошедший до нас архив Хеттского государства из города Хатти, ныне развалины Богазкей, в Малой Азии.

Установившееся в Египте эпохи Птолемея бюрократическое устройство с его обширным и развитым делопроизводством и централизованной системой управления было воспринято правителями Египта и мусульманского периода. Документы писались на папирусе, а с IX в. после Р.Х. папирус начинает вытесняться тряпичной бумагой.

О наличии счетоводства и документов в сассанидской Персии и об охране этих материалов известно лишь от авторов мусульманского периода. Документы изготовлялись в трех экземплярах, из которых один поступал в делопроизводство для хранения. В VIII веке для письма употреблялись египетский папирус и пергамент. Все письменные материалы и книги были на ответственности «хранителя царских записей». Местом хранения документов большею частью служили мечеть и почтовое ведомство. Очень много разного рода документов уничтожалось во время восстаний: халиф Омар I в 701 году

совершенно спокойно допустил сожжение и расхищение «дивана»⁷ персидского царя. Но собрания документов не все пропадали бесследно; так, один из историков сообщает, что диван халифа Хишама (724–743 гг.) считался образцовым, в виду полного соответствия финансовой системы интересам, как правительства, так и населения. При Аббасидах наблюдается дальнейшее развитие административного аппарата, напр., введение государственного контроля. Но и в эту эпоху мы видим, что диваны перемещаются вместе с халифами и отношение к ним не меняется; так Эмин, преемник Харун-аль-Рашида, приказал доставить к нему помещенные последним на хранение в самом священном храме мусульманского мира, в Каабе, документы, определявшие права трех его сыновей. Привезенные в Багдад документы были уничтожены. Это произошло в 810 году. А во время смут следующих годов пожаром были уничтожены все диваны Багдада, что нарушило на некоторое время и все счетоводство, восстановленное лишь с 819 г. халифом Мануном.

В конце X века существовали книги, регистрирующие содержание документов, как почты, так государственной канцелярии и других собраний документов (с. 376).

Исторический труд Абдул-Фазла-Бейхаки (XI в.) указывает, что документы хранились в это время в здании, где жил государь, и были под надзором и на ответственности особого чиновника. Упоминаются находки документов в архивах: «после завоевания в 1017 году газневидским султаном Махмудом Харезма (ныне Хивинское ханство) при осмотре бумаг дворца был найден документ, свидетельствующий об измене некоторых газневидских чиновников» (с. 376–377). Архив был и в Газне, напр., в XIII в., о чем подробные сведения находятся в труде В.Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (часть II).

Для обозначения «архива» употребляется еще в IX веке термин «казна» (собств. казна или хазана). Архивами пользовались не только как справочным материалом в деле управления, но иногда эксплуатировали его и в научных целях, как, напр., это сделал географ IX века Ибн-Хурадбех. Дошедшее до нас описание царских библиотек конца X века, бухарской и ширазской, знакомит со способами хранения рукописей и книг. И те и другие помещались в сундуках, в шкафах и на полках. Обслуживались архивы и библиотеки особым штатом служащих; заведующим (вакиль), хранителем (хазин) и контролером (мушриф).

Мустафа Решид-паша, после возвращения из путешествия по Европе, построил «хранилище бумаг» (хазине-и-аурак) перед Высокой Портой (1846 г.). В это хранилище были перенесены из финансового департамента документы в количестве 62312 дел, обнимавшие период 1730–1839 гг. В кон-

⁷ Термин «диван» служил для обозначения собрания счетоводных книг и канцелярского делопроизводства какого либо халифа или ему подчиненного видного администратора; всего удобнее под «диваном» разумеать собрание документов, представляющих собой нечто целое.

це концов, в нем сосредоточилось до 350000 дел, большей частью новейшего времени, которым в 1893 году было закончено систематическое размещение и составление инвентаря.

Другое не менее важное хранилище было в старом дворце Тойкапусерай, где помещалось в полном беспорядке не менее 500000 дел; из этого количества часть была свезена в библиотеку при Порте, часть в покинутую мечеть при дворце. Остатки приводились в порядок и переплетались в книги, классифицировались по годам и по содержанию; но эта работа была проведена далеко до совершенства. Документы этого хранилища восходят к XVI в. по Р.Х. и к X в. мусульманской эры.

Из других хранилищ требует быть отмеченной мечеть св. Софии, в которой документами занято два склада (махзин).

Произведенная каталогизация в 40 томах рукописей константинопольских библиотек, далекая от совершенства с точки зрения тщательности выполнения, и все перечисленные попытки устройства актохранилищ доказывают пробуждение среди образованных османов интереса к своему прошлому, но одновременно с этим проявляют «их неспособность справиться без помощи европейских научных сил с соответствующими научными задачами» (386). Помощь в этом смысле тем более необходима Турции, что она занимает третье место (после Петрограда и Москвы) по количеству рукописей на восточных языках. Более подробные обзоры мероприятий и достижений в области архивного благоустройства в Турции имеются в журналах «*Revue Historique*» 1910 г., издававшемся на турецком языке, и «*Zeitschrift der D. Morgenges*» LIV (1900).

Какие же заключения можно вывести из содержания этой статьи? А вот какие: 1) чуть не за полторы тысячи лет до начала современной эры летоисчисления уже сознавалась необходимость хранения делопроизводства и документального материала у всех народов Востока. Самые материалы для письма избирались наиболее прочные, чтобы гарантировать долговечность всякому документу. Места для хранения документов отводились самые безопасные от порчи и гибели. Таковое отношение к документальному материалу передавалось из века в век, от поколения к поколению, что, казалось бы, должно было внушать такое же отношение и ко всем другим материалам – культурному наследию пережитых эпох.

2) Однако в действительности было совершенно иначе: собрания документов, независимо от их количества и значения, гибли и губились беспощадно. Причины этих явлений крылись в отсутствии государственности или просто гражданственности у тех руководителей народной жизни, которые держали в своих руках власть, в отсутствии сознания того, что весь документальный материал является отражением народной жизни. Наоборот, при торжестве собственнических взглядов, в архивах видели неотъемлемую и крайне богатую собственность данного владыки народных масс, гибель которой обессиливает владельца ее, наносит ему материальный ущерб. Исторические

материалы, большая ценность которых сознавалась на всем протяжении исторической жизни народов Востока, были крайне недоступны, составляли тайну для всех, желающих воспользоваться ими, кроме держателя их, который видел в этих материалах либо ключ к власти над народными массами, либо доказательство его прав на власть, властвование и владение, либо источник обвинений самого владельца перед народными массами и другими странами, компрометирующий его перед лицом широких масс и посторонних политических объединений.

Угнетенные же трудящиеся массы, подавляемые безудержным самовластием царей, ханов и халифов, видели в архивном материале источник всех своих несчастий, обременительных налогов и рабской зависимости от владельцев этого материала. А в виду этого и со стороны широких масс населения не могло возникнуть мысли о хранении архивного материала, в гибели последнего и они видели залог своего благополучия. И лишь за последнее время, и то лишь в Турции, взгляд на архивный материал изменился вследствие повышения просвещения, вследствие поднявшегося культурного уровня и политического самосознания населения. В отдаленную же эпоху в странах Востока никакой порядок, существовавший в архивах, никакая страна не могли гарантировать полной сохранности архива для потомства, и архивы гибли либо в результате военных поражений их владельцев, либо как никому не нужный материал, либо в результате народных восстаний против политических узурпаторов и рабовладельцев – собственников.

3) Лишь с ростом политического самосознания широких народных масс, с ростом государственности у народов Востока, с развитием просвещения и с повышением культурного уровня населения, лишь с пробуждающимся стремлением к культурному строительству и созиданию культурных ценностей меняются взгляды и на архивы. В них привыкают видеть весьма ценное народное достояние, достойное тщательного хранения, на них смотрят как на документы, отражающие весь путь культурного развития данного народа, гибель которых ничем вознаграждена и в настоящем и в будущем. А так как торжество этих взглядов – дело будущего, то архивы в странах Востока продолжают гибнуть и в настоящее время и даже там, где культура стоит сравнительно выше, чем в других государствах, напр. в Турции.

Турецкие завоеватели не внесли ничего нового кроме терминов в персидскую бюрократическую систему, наоборот, даже сами усвоили ее, но нельзя того же сказать про монгольских завоевателей.

Эти завоеватели ввели в Монгольской империи стройную систему управления и делопроизводства, выработанную отчасти под влиянием традиции кочевых империй, отчасти под влиянием Китая. Наиболее важные указы (ярлыки), печати (тамги) и официальная хроника под названием «Золотой книги» (алтан дептер) хранились в сокровищницах ханов. В конце XIII и XIV веках особенно строго развилась эта система в Персии, которая являлась образцовой страной в смысле постановки управления и делопроизводства для всех сосед-

них стран, не исключая и Египта. В Тавризe, новой столице Персии, для хранения документов был оборудован «дом закона» (бейт-ал-канун), нечто вроде центрального актохранилища, который, вероятно, был и местом «великого дивана», где хранились, напр., списки податей с населения страны. Помимо этого рукописи и документы хранились в библиотеках (кутубхана), расположенных в окрестностях Тавриза. Как на один из способов опубликования указов и распоряжений, можно указать на выделку плит из камня, меди и железа с текстом указа, которые ставились на людных местах, на стенах мечетей и проч.

Значительно меньше сведений имеем мы о делопроизводстве татарских государств, в особенности Золотой Орды. Лишь памятники истории Крымской Орды и крымских ханов, хотя бы и последних по времени, дают некоторое основание судить об интересующем нас предмете.

Крымский государственный архив сгорел в 1736 году во время взятия Бахчисарая Минихом, но все же до нашего времени сохранились 124 переплетенные в кожу тетради, заключающие по преимуществу судебные дела, содержание отдельных документов, свидетельства о праве получения определенной денежной суммы, описи имущества отдельных ханов и проч. Часть этого материала, относящегося к VII веку, опубликована в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии». Она принадлежала некогда главному судье (кадиаскеру). Но большая часть находится в Публичной библиотеке и ждет еще исследователей. В руках ученых есть много оснований к утверждению того мнения, что в странах Индии, Туркестана и Хивы было хорошо налажено дело охраны документов за время их самостоятельного существования, в особенности после XIV века, вплоть до покорения этих стран Россией и Великобританией.

В Индии, например, существовали специальные руководства по управлению, взиманию и регистрации податей (дастураламаль). Подобные дастуры в копиях сохранились и до нашего времени.

В XVIII в. в Туркестане дело охраны памятников истории было поставлено на должной высоте; ханские библиотеки и архивы отличались завидной полнотой; так же обстояло дело и с Хивинским ханством. Но при завоевании Индии англичанами, а Туркестана и Хивы русскими войсками не было обращено достаточного внимания на эти культурные остатки прошлого, результатом чего явилась их безвозвратная гибель для науки. Лишь единичные случаи убеждают в сохранении некоторых ценных документов в руках частных лиц, а между тем собрание материалов по истории этих стран эпохи их самостоятельности могло бы составить благодарную задачу для ученых обществ и учреждений, а равным образом и всей мировой науки.

И потому это чрезвычайно важно, что дело издания документов по истории этих стран всегда было частным предприятием, сплошь и рядом очень далеким от требований современной науки. Вот перечень наиболее ценных изданий документов:

1) Собрание писем Абдул-Фазля, министра индийского императора Акбара (1556–1605).

2) Труд Абдул-Фазля об устройстве империи Акбара, составленный по официальным документам. И то и другое составлено в 17 веке.

3) Сборник грамот турецких султанов, составленный феридуном, хранителем архива в XVI в. (1575).

4) Сборник документов персидских шахов, составленный хранителем дворцового архива (харима, т.е. запретного места) в Исфагане Абдул-Касим Ив-Оглу Хайдар в XVII веке. В этом же сборнике помещены некоторые и средневековые грамоты, напр., сельджукского Султана Али-Арсана (1064–1072).

Официальной историографии, основанной на документальном материале, нигде в мусульманском мире не существовало, в противоположность Китаю, Персии и Турции.

В единственной стране мусульманского Востока, именно в Турции, были предприняты попытки реорганизовать архивное дело по европейскому образцу. Из четырех категорий документов (дела по управлению, земельные дела, документы по счетоводству и судебные дела) лишь земельные дела подвергались более тщательному хранению, но и то лишь те, которые сохранили свое правовое значение. Помещались они, не в пример прочим, в чистом 2-хэтажном помещении, в полном порядке и в переплетах; отношение к остальным видам документов можно назвать небрежным. К тому же много документов по управлению погибло при пожаре в 1755 году; остатки были присоединены к документам по счетоводству и помещены в финансовом департаменте (михтер-хана).

К этим печальным выводам каждый из нас должен внимательно прислушаться и подумать о своих архивах, которые также разбросаны, также ждут очереди для собирания их и разработки. В наше время, в XX веке, в эпоху могущества широких масс, завоевавших власть и созидających своими руками свое лучшее будущее, уже нельзя пройти мимо архивов, чтобы не узнать их содержимое и не принять мер к охранению их от гибели.

Архивы отражают в себе эволюцию народной жизни, в архивах сосредоточен весь материал, чтобы изучить прошлое народа, его друзей и врагов. И если мы признаем, что время, когда архивы были недоступны для желающего научно работать в них над изучением прошлого данного народа, миновало безвозвратно, то позаботиться об устройстве архивов наша святая обязанность.

И это в особенности важно для народов и племен, населяющих наш край, Волжско-Камский край, архивы которого слишком сильно пострадали не только во время последней революции и гражданской войны, но гибли и раньше, в эпоху царского режима, когда подавлялась всякая мысль о национальной автономии и самостоятельности. В существующем Центральном Архиве Татарской Республики есть материал, отражающий жизнь национальностей в старую пору, материал очень ценный, хотя и официального происхождения,

выясняющий условия жизни и придавленность национальных групп под ярмом царской, бюрократической, все нивелирующей машины. Но эти материалы чрезвычайно бедны, недостаточны, чтобы быть нам покойными и вполне удовлетворять все научные требования современности. В настоящее время очень много ценного в научном отношении материала находится в руках частных лиц, у бывших и настоящих общественных деятелей всяких национальностей; много ненужного никому, кроме ученых, материала находится на чердаках мечетей и в сундуках, материала, который даже не охраняется, а просто валяется, представляя собою лишний балласт, хлам, никому не нужный. Мало того, ценный в научном, историческом и практическом значении рукописный материал продолжает гибнуть на глазах у многих просвещенных людей, без должного внимания проходящих мимо подобных явлений современности. Приведу несколько примеров, занесенных мною на память из последней поездки по кантонам Татарской Республики. У жителя г. Чистополя, татарина – преподавателя, погибла в пожаре редкая старинная рукопись киргизских пословиц. Года за три или за пять до великой европейской войны по поводу спора за землю в Сарапульском, Бирском и Мензелинском уездах у местных жителей была обнаружена масса старинных документов на земельные угодья, принадлежащие инородцам-крестьянам еще со времен Ивана Грозного; местонахождение этих материалов в настоящее время совершенно неизвестно. Большой интерес и значение имели бы для науки судебные материалы давно исчезнувших Бирских кантонов, но эти материалы считаются уже погибшими. Однако, и теперь еще не поздно приступить к собиранию исторических документов, освещающих быт различных национальных групп, в особенности татар, и эту задачу взял на себя Центральный Архив Татарской Республики, который проектирует организовать ряд научных экспедиций по Татарской Республике за материалами по истории татар и прочих национальных групп. Разрозненный и разбитый, будучи собран в одно целое, материал стал бы отвечать своему назначению, освещая богатую по существу, но бедную памятниками прошлого жизнь национальностей нашего края, достигших и власти и высшей формы государственности. Но чтобы это начинание увенчалось полным успехом, необходимо заранее подготовиться к этому делу, заранее связаться с теми лицами, учреждениями и местами, которые обладают материалами по истории и быту населяющих край национальностей. Тут-то вот и необходимо Центральному Архиву СССР содействие всего общества и всех учреждений и организаций на территории Татарской Республики. Многие просвещенные лица могут в письменной форме сообщить по адресу: Казань, Воздвиженская, Татарский Архив, о местонахождении известных им письменных памятников, а может быть, даже дать и их характеристику в историческом и научном отношении, что весьма облегчит выполнение взятой на себя задачи Центральному Архиву Татарской Республики. Содействие просвещенных кругов, учреждений и организаций окажет, в свою очередь, моральную поддержку Центральному Архиву СССР в достижении им поставленных задач и сильно облегчит выполнение

их. Пусть каждый задумается над этими вопросами и своим активным участием в деле собирания архивных материалов проявит себя в создании вечных культурных ценностей.

Школа и архив

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1925. № 1–2. С. 23–25)*

В практике, особенно школ профессиональных и второй ступени, становится на прочную ногу знакомство с положением и развитием не только отдельных видов промышленности края, но и с жизнью населения края, с его общественным устройством и культурными ценностями. Но сплошь и рядом, методом достижения этой цели, кроме экскурсий, является ознакомление с популярной литературой, весьма убогой в области анализа и динамики социально-экономических отношений. Положение руководителей школьных занятий по культурно-бытовым и социально-экономическим вопросам краеведения становится подчас весьма критическим, т.к. эта литература не только не удовлетворяет ни их самих, ни школьников, но может быть и недоступна последним, либо вследствие ее отсутствия не только в школьных библиотеках, но и в публичных, либо вследствие трудности изложения; кроме того, питаясь одной лишь литературой, руководитель остается недовольным и вследствие того, что он не достигает в необходимой степени развития активности и стремления школьников к самостоятельным работам по различным вопросам краеведения.

Выходом из создавшегося тупика является постановка работы со школьниками в архивах г. Казани, а в уездах – в архивах кантисполкома и других учреждений, хранящих и дореволюционные архивы. Во избежание каких-либо сомнений и скептического отношения к высказанному берем смелость уверить, что работа в архивах посильна не только человеку высшего образовательного ценза, который ведет исключительно исследования и научные разыскания, но и всем прочим, обладающим достаточной энергией, целью и настойчивостью, интересующимся вопросами краеведения.

Под руководством педагога и архивного сотрудника школьники могут знакомиться с подлинными документами, заранее для них заготовленными, изучать их, сравнивать одни с другими, систематизировать, объединять, копировать, и уже в школе производить им анализ под руководством педагога. Перевод занятий из школы в архив уже произведет сильное психологическое влияние и повысит продуктивность работы.

Что же касается предметов занятий в архиве, то в этом отношении мы можем указать на их неисчислимое количество, в котором каждый руководитель найдет для себя и своих учеников массу интересного. История городов,

землевладения, экономического развития губернии, сельского хозяйства, история сословий, революционной и классовой борьбы, история общественной мысли, печати, просвещения; администрация и ее работа, отношение к ней населения, политика правительства и отражение ее в деятельности администрации по отношению к населению губернии, и проч. и проч. – все это нашло себе яркое отражение в архивных материалах различных учреждений. Не зная конкретных запросов школы, трудно остановиться на самом главном материале и охарактеризовать его в этой статье, т.к. этого материала очень много.

Что касается эпохи, освещаемой архивными материалами местного актохранилища, таковая по отношению к отдельным вопросам исследования чрезвычайно разнообразна, но по преимуществу архивный материал XIX и XX века, т.е. тот, который наиболее нужен для школьного краеведения. Если педагогический персонал питает интерес к более отдаленному прошлому, именно к XVII и XVIII векам и прививает его учащимся, то и с этой эпохой можно ознакомиться по подлинным документам. Правда, пользование ими более затруднительно по их почеркам, к которым надо привыкнуть в течение некоторого времени, а для большей продуктивности даже подготовиться, но и эта эпоха даст чрезвычайно много полезного и интересного как для педагога, так и для учащихся.

В порядке плановой работы каждый педагог поставит задачу, прежде всего, собрать фактический материал по интересующему вопросу, ознакомиться с архивом, с его объемом, с содержанием хотя бы в общих чертах, чтобы ориентироваться в нем самому и целесообразнее планировать свою работу. Конечно, в этой части работы в архиве большую помощь окажет архивист и сделает работу легко и скоро выполнимой.

Считаем необходимым указать на некоторые архивы, богатые историческими материалами, готовые к работе в них и крайне интересные для школьного краеведения: 1) Канцелярии Губернатора, 2) Жандармского Управления, 3) Губернской Земской Управы, 4) Управления Государственных Имуществ и Земледелия, 5) Военно-Цензурной Комиссии, 6) Губернской Земельной Управы, 7) Попечителя Казан. Учебного Округа, 8) Профессиональных школ 9) средних учебных заведений, 10) Воеводских Канцелярий 18 века, 11) фамильные архивы, 12) столбцы, книги и тетради 17–18 века, 13) Дворянский архив, 14) Каз. Окружного Суда, 15) Судебной Палаты, 16) Мировых Судей, 17) фабричной Инспекции, 18) фабрики б. Алафузовых, 19) Комиссий по выборам в Государственную Думу и Учредительное Собрание, 20) Уездных гражданских и уголовных судов за первую половину XIX века, 21) Магистратов и Ратуш в ту же эпоху, 22) Татарской Ратуши и др. Кроме того, при Центральном Архиве ТССР имеются большие коллекции памятников древней письменности, большое количество газет и ведомственных изданий, составляющих ценнейшее собрание справочников и литературы по краеведению.

Вообще можно сказать, что недостатка в материале оказаться не может. Нужно только больше инициативы, энергии, организованности и близости к

архиву со стороны педагогического персонала, чтобы в результате работ *по вопросам краеведения* получилось полное удовлетворение в дело изучения родного края, чтобы участники работ прониклись и сознанием и необходимостью вложить свою лепту в дело развития краевой историографии. Раз или два поработав в архиве, и педагог и школьник уже сами придут в третий раз, чтобы минуты досуга провести в полезной и интересной работе. Работа над архивным материалом как нельзя больше развивает активность, предприимчивость, критицизм и общественность в каждом участнике ее, одновременно сильно пополняя его знания фактическим материалом, а в этом ведь и заключаются основы и цели общего образования. Идя к этому, должно использовать и указанную меру в той степени, насколько возможно.

Этой статьей мы ставим вопрос лишь в принципиальной плоскости, а поэтому желательно услышать мнение самих педагогов и научно-методической комиссии Татнаркомпроса по затронутому вопросу. При наличии откликов есть возможность дать тематические обзоры архивного материала и методические указания.

**Краткий отчет доцента Восточного Педагогического Института
Е.И. Чернышева о научной командировке в Ленинград
и Москву летом 1926 года**

*Опубликовано в сборнике «Восточно-педагогический институт
в Казани: Научно-педагогический сборник 3»
(Казань, 1927. С. 124–128)*

Весной 1926 года Общественно-экономическая Предметная Комиссия удовлетворила мое представление о научной командировке в Ленинград и Москву для занятий в архивах по *истории землевладения в Волжско-Камском крае*.

Вместе с тем мне поручено было Академическим Центром Татнаркомпроса ознакомление с материалами *о татарах* в Архиве Революции. Это не могло отвлечь меня далеко в сторону от моих непосредственных занятий; наоборот, могло лишь содействовать им, расширяя постановку вопроса моего исследования.

В Ленинграде я работал 4 недели (июль месяц). Ожидал я, что мне удастся ознакомиться с материалами по истории землевладения в архивах Государственного Совета, Министерства Внутренних Дел и Сената по делопроизводству XIX века. Однако первый из означенных архивов все лето был закрыт потому, что готовился к перевозке в другое помещение; второй тоже оказался закрытым, т.к. был перевезен в новое помещение и пребывал неразобраным. Работу свою я сосредоточил в архиве Сената.

I. Основным материалом, мною проработанным, являются *Ведомости о переходе в поземельном владении и во владельцах по губерниям за 1798–1856 гг.*, находящиеся в составе делопроизводства сенатской чертежной Межевого департамента. Эти ведомости освещают движение земель в эпоху крепостного хозяйства по губерниям Казанской, Вятской, Нижегородской, Пермской, Самарской, Саратовской и Пензенской. Я взял наиболее для меня необходимые – по Казанской губ. *Ведомости о переменах в поземельном владении и во владельцах по Казанской губернии с 1798 г. по 1865 г. на 773 листах (№ 12)*. Все ведомости, представляемые в Сенат по третям года, мне удалось проконспектировать с указанием села и уезда расположения земель, фамилии владельца их и лиц, к которым переходили земли, времени перехода, количества десятин или душ и юридического основания для перехода (продажа, наследование, дарение и т.д.).

В результате этого я получил более 1100 случаев земельных сделок за 1798–1863 гг., что дает возможность осветить вопрос о движении земельной собственности в первую половину XIX века. Правда, эти материалы не безупречны в смысле полноты, но все же они способны дать представление об этом вопросе, т.к. до сих пор в научной литературе нет на это никаких указаний. *В.В. Святловский* в своей книге «Мобилизация земельной собственности в России» прямо замечает, что «освещение вопроса для времени до 1861 г. навсегда останется чрезвычайно слабым: не имеется соответствующих сведений» (с. 26, 2-е изд. 1911 г.). Если это верно по отношению к территории всей России, то относительно отдельных ее областей вопрос обстоит иначе. Имея же налицо данные генерального межевания, мы можем открыть в материалах по движению земель совершенно новую страницу в истории областного землевладения.

Ведомости казенных лесных и оброчных дач и Ведомости продажных цен на земли, заимствованные мною из материалов того же департамента, отчасти дополняют, отчасти расширяют значение материалов о движении земель.

В качестве дополнительного материала по теме мое внимание привлечено было к делу канцелярии Генерал-Прокурора Сената: *Рапорт Казанского вице-губернатора кн. Тенишева 1797 г. (№ 37)*, в котором очень важна одна ведомость о всех недоимках и недоборах по Казанской губ. к 1/III–1797 г., которая представляет собой прекрасный материал для характеристики доходной части бюджета Казанской губернии в конце XVIII века.

На этом моя работа в Ленинграде прервалась. В общей сложности проработано мною свыше 1000 листов. В Сенатском архиве предстоит продолжить изучение материалов о движении земель в других губерниях. Кроме того, неизбежна работа в архивах Государственного Совета и Министерства Внутренних Дел. 12 сентября я приехал в Москву и скоро получил разрешение для занятий в *Древлехранилище* и в *Архиве революции и внешней политики*.

II. В Древлехранилище я был занят материалами по *истории мордовско-го землевладения (Алатырского уезда)* преимущественно XVII века. Этот уезд до сих пор не исследован в отношении истории землевладения. Причина этого кроется в том, что в центральных архивах нет компактного материала на эту тему, исключая «отказные книги» XVII в., выборка из которых соответствующих сведений требует чрезвычайно продолжительной работы. В моем распоряжении имеются материалы по мордовскому землевладению в XVII в., добытые мною из Ульяновского Дворца книги (бывш. Карамзинская библиотека г. Симбирска) и из частных собраний (проф. П.П. Миндалева и М.Е. Евсеева). Этот, главным образом, писцовый материал (количеством более чем на 15 печ. листов) первостепенной важности по своему научному значению, необходимо было дополнить материалами, находящимися в Древлехранилище в Москве.

С этой целью мною были использованы следующие книги: 1) *Книга описная 176 года* арзамасского да темниковского уездов вотчин боярина Б.И. Шереметева (По описи к. № 7. Л. 245–260).

2) *Книги межевые* алатарских служилых татар 196 года (По описи к. № 473. Л. 15–22).

3) *Книги межевые* по Алатарскому уезду 199 года (По описи № 173. Л. 103–109).

4) *Книги межевые* Алатарского уезда вотчин Троице-Сергиева монастыря 7200 года. (По описи к. № 473. Л. 138–146).

5) *Книги межевые* тех же вотчин и того же уезда села Ичиксы 190 года. (По описи к. № 1. Л. 1–14).

6) *Перечневые книги* описных земель Алатарского уезда дер. Шубина Усаду 194 и 195 гг. (По описи к. № 1. Л. 46–50).

На основании этих материалов с привлечением ранее собранных мною, писцовой книги 1624–1626 гг., переписной 1696, выписей из отказных и писцовых книг 1646 и 1685 гг. вполне возможно дать очерк и мордовского землевладения и колонизационного движения в Алатарский уезд в XVII в.

Воспользоваться богатыми материалами по разинскому движению не удалось за недостатком времени.

III. В Архиве революции и внешней политики я ознакомился с описями дел III отделения канцелярии Е. И. В. (18 томов). Меня главным образом интересовали материалы, отражающие участие татар в революционном движении, преимущественно Среднего Поволжья, и материалы, отражающие движение татар на почве землевладения и землепользования. Что касается первых, то мои поиски особенным успехом не увенчались. Однако просмотрено было свыше 60 дел, относящихся к периоду 1850–1880 гг. Некоторые бумаги, имеющие научное значение, были мною скопированы:

1) *О журнале* на татарском языке «Фаида» 1864 г. (№ 11, ч. 20).

2) *О казанском купце* Ш.Сагадееве от 1880 г. (№ 4, ч. 59).

3) *Бумаги* по разным предметам из губерний за 1868 г. (№ 5, ч. 13).

В этом деле помещен чрезвычайно интересный для характеристики политического настроения рапорт жандармского капитана из Чистопольского уезда.

Значительно богаче оказался материал по вопросу *об эмиграции татар из Крыма* в эпоху 1854–1860 годов. Этот вопрос имеет довольно обильную литературу, возникшую главным образом, на основании воспоминаний и крымских сведений (Тотлебен, Погодин, Марков, Щербань и др). Но до сих пор оставались неиспользованными чрезвычайно богатые материалы архива III отделения.

Из них наиболее важные:

Дело о проявлении враждебного духа в татарах Крымского полуострова во время войны европейских держав против России (1853 г. № 101). Дело состоит из 3 частей.

а) О сомнении, что у татарских мурз в Крыму находятся склады пороха и о подстрекательстве их к тому турками.

б) О неблагонамеренных разговорах, предательских действиях и о грабеже татар в Крыму.

в) Об изменнических поступках татарина Сиид-Ассан-Чилиби. Заголовки дел значительно уже, чем содержание бумаг их.

Некоторое отношение к этому вопросу имеет дело № 275 (1858 г.) под заголовком: *Об облегчении участи татар, высланных из Крыма во внутренние губернии России под надзор полиции*.

Наконец, специальное дело 1860 года № 94: *о переселении татар из Крыма в Турцию*, ярко вскрывает все перипетии этого события и отражение его в политических, общественных и народных кругах.

Я не имею возможности объяснять это событие, происходившее в течение целого ряда лет, лишь как следствие политического режима, что вытекает из мемуарных источников. Вернее подходит к вопросу крымский экономист С.А. Усов, который основную причину события видит в экономических тенденциях того времени и рассматривает вопрос в связи с историей землевладения и землепользования в Крыму (см. Истор.-экон. очерки Крыма, Симферополь, 1925, с. 49). Добытые мною материалы вместе с незначительными публикациями из местных архивов, сделанными А.Озенбашилы в 1925 году, побуждают всесторонне осветить этот вопрос в русской научной литературе, чего до сих пор еще не было выполнено. Хотя этот материал не имеет прямого отношения к истории землевладения в Поволжье, однако он представляет чрезвычайно благодарный объект для сравнения.

IV. Не мог я пройти мимо хранящегося в архиве III отделения *дела о бакалавре Казанской духовной Академии А.П. Щапове от 1861 г.*, некоторые сочинения которого я опубликовал весной 1926 года. Дело это состоит из 302 листов. Нельзя назвать его следственным; это, скорее, дело по наблюдению за Щаповым. Состав бумаг очень разнообразный, но резко разграничивается на 2 части: бумаги, принадлежащие непосредственно перу Щапова, и прочие,

разных должностных лиц и правительственных учреждений. В числе первых необходимо отметить показания Щапова о панихиде по убитым в Бездне крестьянам, его письмо Александру II, подлинник лекции «О конституции», к сожалению, без начала, отрывки лекций о декабристах, об администрации XVIII века и пр. Показания о панихиде, письмо Александру II и отрывок из лекции о декабристах мною скопированы, а лекцию «О конституции» я сверил с изданной мною.

Из прочих бумаг я воспользовался: 1) письмом казанского губернатора о панихиде, 2) докладом Собещанского о Бездне, 3) отзывом митр. Филарета о письме Щапова, 4) донесениями пермского жандармского полковника о щаповцах, б) перепиской III отделения с Валуевым и Головкиным и т.п.

На основании этих материалов открывается довольно ясно мировоззрение Щапова, его политические взгляды, его стремления и влияние. Без этих материалов трудно представить себе его личность в детальной обрисовке, что подтверждается тем, что взгляды Щапова, его общественно-политический облик не нашли себе существенно-необходимого отражения ни в одной из крупных биографий, принадлежащих перу Аристову, Кузьмина и Лучинского.

Ввиду сильного интереса к Щапову в научных кругах в Москве, я использовал возможность сделать сообщение о добытых мною материалах в секции новейшей истории Ассоциации Исследовательских Институтов (*Ранион*). Сообщение было на тему: «*Новые материалы о Щапове*»⁸ (18 октября).

Редакция «*Красного Архива*» приняла часть материалов для напечатания в одном из ближайших номеров журнала.

Изучением их я занят и в настоящее время.

Подводя итог проведенной работе, я должен указать, что мои работы в архивах не могут считаться законченными и необходимость продолжения их вполне очевидна. К тому же считаю необходимым прибавить, что из представленных мне 4 месяцев, я смог использовать лишь около 2¹/₂.

Рукописи Ульяновского книгохранилища

*Опубликовано в сборнике «Край Ильича»
(Казань, 1926. № 1. С. 40–47)*

С каждым годом рукописное отделение Ульяновского Книгохранилища пополняется ценными старинными рукописями. На рукописное собрание Ульяновского Книгохранилища⁹ обращено внимание еще IV-м археологическим

⁸ За любезное внимание ко мне пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность председателю секции В.И. Невскому и проф. С.А. Пионтковскому.

⁹ О книжном богатстве этого Хранилища см.: статьи Н.Н. Столова «Книжное искусство на Ульяновской выставке» (Каз. Библиофил. № 3. 1922. С. 27–30) и «К истории просвещения в Ульяновске» (Синбир. № 1. 1923. С. 9).

съездом в Казани в 1877 году, на котором было заслушано два доклада Загоскина и Христофорова о рукописных материалах, есть о рукописном собрании некоторые сведения и у профессора В.С. Иконникова¹⁰.

Пополнения же, произведенные за последние годы, и научная ценность некоторых недавно приобретенных рукописей заставляют еще раз обратить внимание на это культурное сокровище и тем самым еще раз попытаться пробудить к нему научный интерес. Рукописи, которым посвящено настоящее сообщение, составляли ранее либо фамильные реликвии дворянских родов, либо находились в неизвестности, случайно попав в библиотеки ныне ликвидированных учреждений или учебных заведений.

Из исторических рукописей, охватывающих эпоху с возникновения государственной жизни в древней Руси, обращают на себя внимание две, из которых первая пожертвована И.И. Долговым, а ранее находилась в Музее Полоцкого Кадетского Корпуса (№ 3110), а вторая была подарена еще Карамзинской библиотеке (№ 317 а). Обе рукописи написаны в начале XVIII века.

Рукопись музея б. Полоцкого Кадетского Корпуса писана скорописью XVIII века; даты написания не имеется и лишь по водяным бумажным знакам можно безошибочно отнести ее к обозначенному времени¹¹. Рукопись писана в десть и делится на две части. Первая часть рукописи имеет 90 глав, названия которых следующие: 1) о начале древнего словенского народа, 2) о имени и о языке словенской, 3) о свободе или вольности словенской, 4) о трех частях света именуемых Азия, Африка и Европа, 5) о народе русском, 6) о народе сарматском, 7) роксолянском, 8) о Москве... 12) о преславном верховном и всего народа русийского главном городе Киеве и о начале его, 13) о первоначальных князях Киевских, и т.д.

Вторая часть имеет особую пагинацию с первого листа (л. 1–135) и содержит следующие главы; 1) о приходе множественных сил царских и войск запорожских к Киеву в лето 7183, от Р.Х. В 1679. (л. 1–46), 2) о московских древних государях и о всероссийских владетьствованиях (л. 47–70), 3) царство гос. ц. и вел. кн. Михаила Федоровича и последующих (л. об. 71–85), 4) о зачатии и рождении вел. гос. Петра I (л. об. 85–106), 5) журнал краткой о походах и о взятые городов и протчаго (л. 107–109) и 6) духовные приклады и душеспасительные повести новопроведенные от I великого Зерцала (л. 110–135), и т.д.

Рукопись Карамзинской библиотеки под заглавием «История Российская» написана скорописью в полдесть на 200 листах в переплете, прекрасно ее сохранившем, заключается в 7-ми книгах, охватывающих почти тот же период, что и первая рукопись, и заканчивается на эпохе северной войны. Имя автора неизвестно, но ясно, что он – современник Петра Великого, участник северной войны и не только начитанный, но и близко стоявший к Петру I человек.

¹⁰ Иконников [В.С.] Опыт русской историографии. Т. 1. Ч. 1. [Киев, 1891]. С. 875–876 (Тут же библиография о Карамзинской библиотеке, которая составляет основной фонд Ульяновского книгохранилища).

¹¹ Лихачев [Н.П.] Бумажные знаки. № 3 и 208.

Это подтверждается последними словами рукописи: «Ежели бы і историю подборную следовать по достоинству довелось, воистину еще бы несколько сот книг таких же мало было, но то нас по сию точку содержало, что мы бывший в Швеце в плене под арестом жестоким и хотя моя свобода запретительна едва сие сыскать могла, но дальше подлинно записки не имея и того ради далее лететь перу возбраняю» (л. 200).

Несомненно, что детальное изучение этих двух рукописей может открыть и источники, которыми пользовались авторы при составлении своих «Историй», и степень оригинальности данных летописных сказаний. Огромную ценность представляет собою список с Летописи Стрыйковского, известной под наименованием «Хроники». Этот список принадлежал в свое время историку Карамзину, а впоследствии поступил в бывш. Карамзинскую библиотеку (№ 4654). Список имеет такой заголовок: «Летописания Матфея Стриковского от начала мира трудолюбием отцев и многих летописателей написана и во свет дана прежде на польском языке, ныне же написана словенски, лето от сотворения мира 7196-го, от Рождества же Бога Слова 1688-го». Писана в десть полууставом на 690 листах (90 «тетрадей») по 26-и строчной кераксе. Титульный лист писан золотом и украшен заставкой, исполненной киноварью и золотом. Список состоит из 25 книг разделенных на главы. На полях, отделенных чертой, следуют заголовки отдельных сюжетов. Рукопись прекрасно сохранилась, чему немало содействовал богатый кожаный переплет с золотым тиснением на корешке.

Летописец XVII в.¹² Эта рукопись носит такое название: «Книга глаголемая летописец Степан царя і великого князя Федора Ивановича всея Руси, а в ней сперва немногие главы царя і великого князя Ивана Васильевича всея Руси в начале убо книги сея от взятия царства Сибирского». Писана скорописью, в полдесть, на 50 тетрадях (400 листов); конец рукописи утерян (на обороте последнего листа начинается 382 глава, тогда как в оглавлении их обозначено 387). Пагинации не имеется. Рукопись была в кожаном переплете, который сильно пострадал. Научная ценность рукописи несомненна хотя бы по сюжету; содержание почти исключительно посвящено эпохе смуты и царствованию Михаила Федоровича. Помета на переплете говорит о принадлежности рукописи Ивану Андреевичу Рогозину, помещику Ульяновского края.

История XVII в., освещающая эпоху Федора Ивановича и смутного времени (до начала царствования Михаила Федоровича) под заглавием «История в памяти предыдущим родом», писана скорописью 17 века в десть на 170 листах. В начале имеется подробное оглавление 76 глав, на которые разбивается все содержание рукописи. Ранее рукопись принадлежала графу Мусину-Пушкину.

¹² «Сказание Авраамия Палицына» – одно из самых ярких документально-исторических произведений русской литературы начала XVII в. Впервые был напечатан в 1784 г., с тех пор неоднократно переиздавалась (Ред.).

Из богатого собрания Языковых поступила в бывшую Карамзинскую библиотеку рукопись 18 века под заглавием «О зачатии и о рождении великого государя императора Петра Первого самодержца Всероссийского и о прочем» на 119 листах в полдесть. Содержание делится на 300 глав (л. 1–74) с приложением 2 больших статей: 1) журнал путешествия Петра Великого за границу (л. 76–109) и 2) хронологии важнейших событий с 1672 до 1740 год (л. 110–119). Автор рукописи и год написания – неизвестны.

К рукописям исторического характера относится весьма интересная и ценная в научном отношении рукопись № 8035 под заглавием «Оправдание о безвинном разорении и о семилетнем страдании бывшем в ссылке в Пустозерском остроге боярина Артамона Сергеевича и сына его комнатного стольника Андрея Артамоновича с 7184 г. по 7190 год». Писана в десть на 128 листах. Ни имени писца, ни времени написания не обозначено; судя по бумажным водяным знакам («М» с кораблем, герб с медведем), можно отнести рукопись к эпохе первой половины 18 века; к этому же приводит новая наклонная скоропись, четкая и довольно крупная, характерная для 18 века. Впереди текста имеются два листа нумерованных; первый лист чистый, а на втором более поздняя памятка, написанная скорее всего владельцем рукописи: «1774 году октября 29 дня провезли Пугачева в Москву Черновским, а при нем были гвардии капитан Александр Павлович Галаков да майор Павел Степанович Рунич да казначей майор Барадин». На обороте этого же листа еще надпись. «Из книг Александра Ермолова». С третьего по порядку листа начинается пагинация и заголовок рукописи; последний занимает целую страницу с небольшим.

Дальше следуют: 1) первая челобитная, посланная из пустозерского острога в Москву в 7185 (1677) году (л. 2–24), 2) вторая челобитная Артамона Матвеева 187 (1679) года (л. 24–43), 3) третья челобитная 189 (1681) года (л. 43–69). Эти три челобитные были адресованы самому царю. За ними следуют три челобитные, которые Матвеев посылал патриарху Иоакиму одновременно с адресованными царю; первая челобитная л. 69–72; вторая – л. 72–77, и третья – л. 78–93. После этого помещены письма к ближним боярам: 1) Кн. Юрию Алексеевичу Долгорукову 187 года (л. 93–96), 2) второе письмо ему же и того же года (л. 96–104), 3) Кн. Никите Ивановичу Одоевскому (л. 104), 4) Кн. Михаилу Юрьевичу Долгорукову (л. 104–105), 5) Родиону Матвеевичу Стрешневу (л. 105), 6) Кн. Якову Никитичу Одоевскому (л. 105–106), 7) Кириллу Палуевктовичу Нарышкину (л. 106–107), 8) Ивану Михайловичу Милославскому 185 и 187 годов (л. об. 107–109), 9) Богдану Матвеевичу Хитрово (л. 109–110). Последние листы (об. 110–128) заключают «Объявление», которое нашел необходимым написать сам «достоверный писатель», сопровождавший Матвеевых во все время их ссылки и вместе с ними прибывший в Москву. Это «объявление» написано в память о Матвеевых «предыдущим родам», начинается временем выезда из Пустозерского острога и кончается смертью Матвеева во время стрелецкого бунта.

Кроме боярских взаимоотношений, обрисовываемых «Оправданием», содержание последнего ценно еще в том смысле, что дает полную автобиографию Артамона Матвеева, характеристику дворцового быта второй половины XVII века, экономические условия жизни в Пустоозерском остроге, где совершенно отсутствовало земледелие и жители питались хлебом, лишь весной доставлявшимся из пермского края.

В научной литературе источник этот далеко не использован полностью, есть лишь указания на знакомство и некоторые выдержки у С.М. Соловьева¹³, хотя «История о невинном заточении боярина Матвеева» напечатана уже вторым изданием в 1785 г.

К памятникам юридического характера относятся 3 списка «Уложения Алексея Михайловича» и один сборник указов, относящихся к 18 веку и касающихся положения, главным образом, беглых крестьян в Московской Руси.

Самая древняя рукопись – «Собрание указов о положении беглых крепостных крестьян» (под № 261). Писана в полдесть в начале 18 века новой скорописью. Во всем сборнике 157 листов.

Сборник составляют указы о крестьянах со второго десятилетия 17 века до царствования Петра Великого включительно и некоторые новоуказные статьи, вошедшие в силу после издания Соборного Уложения; всего в сборнике помещено свыше 50 указов, которые и представляют собою богатый материал для освещения крестьянского вопроса и правового положения крестьян в 17 веке.

Список XVIII в. с Соборного Уложения, (№ 14662), поступивший в б. Карамзинскую библиотеку из собрания Соловцева, писан в десть скорописью первой четверти 18 века; пагинация доведена лишь до 80-го листа. Год написания не обозначено, а скоропись и бумага, а также ссылки на сенатские указы 1717 года говорят за то, что рукопись писана не ранее этого года. Кроме того, на последнем листе имеется пометка: «подлинные вотчинные статьи за прописью дьячка Никифора Румянцева за справками подьячих, что ныне дьяки, Ефрема Чуманова, Клима Крестова», подтверждающая соображения о времени выполнения списка. Список этот замечателен тем, что он являлся руководством в какой-либо воеводской канцелярии. Каждая страница рукописи делится вертикальной чертой на две равные части; на левой стороне от черты написан текст статьи Соборного Уложения или цифровое обозначение этих статей, а на правой стороне – все новоуказные статьи, дополнения и разъяснения, последовавшие к каждой статье со времени издания Уложения до первой четверти XVIII века включительно. Судя по количеству новоуказных статей можно быть уверенным, что важнейшие из них для делопроизводства того времени помещены полностью. К сожалению, рукопись должно считать незаконченной, т.к. к 19 и последующим главам никаких дополнений не имеется.

¹³ Соловьев [С.М.] История России с древнейших времен. [СПб., 1911.]

Второй список с Соборного уложения (№ 295) писан в десть по 28-ми строчной кераксе. Текст заключен в рамке; имеются заставки и концовки, исполненные чернилами; начальная буква в каждой главе имеет украшения, исполненные черными и красными чернилами; сохранилась рукопись прекрасно благодаря кожаному переплету, хотя и была подмочена. На верхней корке с оборотной стороны – надпись, которая указывает на старинного собственника этого списка, на стоимость его и дату написания: «Сия книга Соборное Уложение дому лейб-гвардии семеновского полку порутчика Степана Ларионовича Телепнева служителя ево Михаила Павлова, а на оную книгу бумаги куплено на 16 алтын на 4 денги от писма дано рубль от переплету дано 11 алтын 4 денги, а списана сия книга в нынешнем 732 году сентября в первый день». Впоследствии книга принадлежала подканцеляристу Льву Алексею сыну Михайлову (л. III.), перстневая печать которого имеется на втором листе книги с инициалами «А. М.» (над буквами летящая птица). Лист IV обозначен в рукописи первым и с него начинается счет листов славянским обозначением. На нем фигурирует и заголовок «Сия книга Соборное Уложение и приличные указы». Далее следует подробное оглавление с наименованием статей Уложения (л. 1–49) и самый текст с некоторыми дополняющими указами (л. 50–282), которых помещено значительно меньше, чем в предыдущем списке. 283 и 284 листы заняты лишь росчерками писца¹⁴.

Третий список Соборного Уложения, поступивший в Ульяновское Книгохранилище из Карсунской Центральной библиотеки (3028/340), писан в десть в конце 18-го или начале 19 века. Список этот интересен своими дополнениями; в предыдущих двух списках преобладают новоуказные статьи 17 века и лишь частью 18-го, в этом же списке – дополнения и изменения, вошедшие в Уложение в 18 веке. После Уложения следуют «Артикулы воинские», затем «Краткое изображение процессов судебных или тяжбных», копия «с пополнительных пунктов о наследниках 1723 г. декабря 7 дня», указ Сената 1797 г. и вексельное право.

Последние четыре рукописи, описанные мною, представляют выдающуюся разновидность по своему содержанию и выполнению и интересны не только для историка, но и правоведа.

К памятникам письменности, рисующим домашний быт эпохи 17 века, относится лечебник – прекрасно исполненная и хорошо сохранившаяся рукопись. Переписчик, писавший эту рукопись, проявил свое трудолюбие в полной мере, вложил в нее массу энергии и времени, дал рукописи привлекательный вид, изукрасив ее тончайшего письма виньетками, заставками и миниатюрами. Завершение рукописи равнялось окончанию колоссального предприятия, и это выражено последней фразой, написанной после облегчен-

¹⁴ Сборник указов о беглых крестьянах и второй список Соборного Уложения хотя и упомянуты в докладе И.Я. Христофорова на IV археологическом съезде, но из этого упоминания совершенно никакого представления не создается (см.: Труды IV археологич. съезда в России. Т. 2. С. 28).

ного, но действительно, и заслуженного вздоха – «Птица рада весне, а писец концу» (л. 211).

Рукопись писана в полдесть по-славянски разными чернилами (черными и красными; название книги под миниатюрой писано под устав «Книга глаголемая Прохладной Вертоград, [далее по-славянски], избранная от многих мудрецов о различных врачейских вещах, пристоящих ко здравию человеческого» (л. 42). Перед подробным оглавлением имеется предисловие, которое рисует читателю цель этого труда: «Сказание о немощах человеческих, которые бывают в человецех и како именуются и чем которую немощь по докторским наукам лечите и то в сей книжище подлинно написано» (л. 25). Надо заметить, что, кроме поименованного, в рукописи имеется описание всех медикаментов, которые употребляются при лечении болезней, и способов приготовления лекарств. В ряду подобных источников, рассмотренный лечебник может занять выдающееся место; к сожалению приходится констатировать досадное отсутствие заинтересованных подобными рукописями лиц, либо индифферентизм их под бременем повседневных забот.

Кроме перечисленных рукописей, представляющих собою либо летописные сборники, либо памятники юридического и бытового характера, наше внимание привлекает черновая рукопись Петра Ивановича Рычкова «Опыт Казанской Истории древних и средних времен», поступившая в рукописное собрание Ульяновского Книгохранилища из библиотеки Карамзинской Колонии душевнобольных лишь в июне месяце 1923 года. Черновая рукопись Рычкова писана в десть на 228 страницах; нескольких последних листов недостает: делится на 3 части: 1) часть 1, главы 1–7 (с. 1–89), 2) часть 2, главы 8–14 и опыт собрания для будущей Казанской истории (с. 91–204), соответствующей «Прибавлению» академического издания, 3) «реестр знатнейшим именам и вещам»... (с. 200–228). Рукопись заключена в переплет с кожаным корешком, но нижняя корка утеряна; вся рукопись была подмочена, вследствие чего первые 2 листа присохли к корке, а последние 25–30 порваны, сильно истлели и, частью измяты, сохлись настолько, что расправить листы, не разрушая их, еще труднее.

Время написания рукописи – начало 60-х годов XVIII в., что подтверждается пометой на 89 странице: «Списано ноября 22 дня 1764 году в селе Спасском», а ниже: «Все вышеописанное переписано на 13 тетрадах, в коих 100 страниц и послано в Академию¹⁵. В этой рукописи отсутствуют: 1) посвящение Екатерине II, 2) «предуведомление» и 3) оглавление, что выполнено уже во время печатания.

Реестр академического издания «Опыта» Рычкова значительно страннее, чем в черновике, но в рукописи даются указания не только на страницу, которых, кстати сказать, лишь несколько, но, главным образом, на главу и статью или параграф, тогда как в печатном издании указывается лишь

¹⁵ Последняя помета более поздняя и писана красными чернилами. Первое издание «Опыта Казанской Истории» Рычкова вышло в 1767 году.

страница. В черновой рукописи имеется много текста, не попавшего в печать или зачеркнутого самим автором «Опыта»: 1) краткая роспись о Казанских ханах, начиная с Батыя и кончая Едигером¹⁶. 2) Начало третьей главы – «о начале гор. Казани» – все подвергалось переделке и попало уже в четвертую главу¹⁷, 3) лист 91 представляет собою начало второй части, которая должна была начинаться опять с первой главы, но это разделение в последней редакции было уничтожено, и первая глава II части названа восьмой главой «Опыта», 4) «примечание об астраханском царстве»¹⁸, 5) на последней 228 странице начинается описание пропусков, дополнительных примечаний и исправлений, 6) многие примечания под текстом (особенно с. 29–36). Все вставки и поправки писаны красными чернилами; почерк всюду один, разница лишь в плотности; много помещено добавлений не только под текстом, но и на полях. В стилистическом отношении черновик «Опыта» отличается весьма незначительно от академического издания.

Факт местонахождения рукописи в пределах города Ульяновска объясняется, скорее всего, тем обстоятельством, что рукопись после смерти Петра Ивановича Рычкова перешла его старшему сыну Андрею Петровичу, который в начале 70-х годов был комендантом города Ульяновска и погиб в 1774 г. во время пугачевского движения. Из многочисленного собрания рукописей Книгохранилища мы взяли лишь исторические и большие. Но кроме этих имеется более 150 столбцов и «тетрадей», преимущественно XVII и XVIII веков, описание которых оставляем или до следующей книги, или до более благоприятного времени.

Рукописи Ульяновского Дворца Книги

*Опубликовано в сборнике «Край Ильича»
(Казань, 1927. № 2. С. 47–56)*

В № 1 «Край Ильича», предложив вниманию читателей краткое описание рукописных книг исторического содержания, хранящихся в Ульяновском Книгохранилище (ныне Дворец Книги), мы указывали на «столбцы» и «тетради», как на ближайший объект наших забот в будущем. Исполняя обещанное, теперь мы даем краткую опись этих последних.

На IV археологическом съезде в Казани (в 1877 г.) И.Я. Христофоров дал краткое обозрение рукописей Симбирской Карамзинской библиотеки с указанием, что им составляет опись столбцам и тетрадам, в которую вошло уже 205 документов. Но дальнейшая судьба этих описей совершенно неиз-

¹⁶ С. 23 нумерованной тетради, вплетенной после с. 28 общей пагинации; всего же нумерованных 26 страниц.

¹⁷ Рукопись. С. 29–36.

¹⁸ Там же. С. 203–204.

вестна: ничего не говорит о них проф. Н.П. Загоскин; не удалось их обнаружить и нам. И.Я. Христофоров указывал, что число свитков в его время достигало 500. Проф. Н.П. Загоскин в 1882 г. издал «Архив кн. Баюшева», куда вошло 219 документов из 349, пожертвованных в библиотеку Баюшевым. Принадлежность прочих рукописей не установлена, так что мы лишены возможности в настоящее время дать внешнюю историю памятников.

С 80-х годов XIX в. рукописи не располагали к себе внимания не только отдельных лиц, но даже Ученой Архивной Комиссии, которая блестяще себя проявила в издании «Материалов исторических и юридических района бывшего приказа «Казанскаго Дворца» (т. II-VI). Не оказала влияния на изучение рукописей и характеристика их проф. Иконниковым в его «опыте русской историографии».

Революция 1917 г. на некоторое время отодвинула интерес к седой древности, но развивающаяся в настоящее время деятельность краеведческих организаций внушает уверенность в возврате к давно минувшим временам. История крестьян, национальных меньшинств, история колонизации Среднего Поволжья, история народного хозяйства, социальных и политических движений широких народных масс – таковы объекты современного изучения. На очереди у краеведа стоят задачи пересмотра научной литературы и исторических источников, уже изданных, и разыскания и изучения еще неизвестных. Для последнего незначительной лептой является и наша попытка и предложить ученому вниманию краеведу и историку сведений о неопубликованных до настоящего времени рукописных материалах, хранящихся в Ульяновском Дворце Книги, основным фондом которого является быв. Карамзинская библиотека с ее книжными и рукописными сокровищами.

Представленные в описи 193 документа являются материалом правовых отношений тяглого населения как между собой, так [и] с господствовавшим классом – дворянством в XVII и XVIII вв. Челобитные о пожаловании поместий, о восстановлении прав на владение землей, о возвращении беглых крестьян сменяются различными грамотами и указами, владенными «памятями, доездами» и т.п. Очень много материала для истории тяглого туземного населения заключают в себе выписи из «писцовых», «переписных» и «крестьянской отдачи» книг, из «пособных», межевых, дозорных, отказных и отдельных книг, из отписных, оброчных и окладных книг. Чрезвычайно много бытового дают выписи из судебных дел и «сказок».

Акты частного юридического быта, как-то: мировые, отступные, поступные, данные и раздельные записки, купчие отписи и крепости, выписи из ясырных таможенных книг, отпускные и выводные в замужество записи, – все это дает весьма обильный материал и по истории и по этнографии населения Среднего Поволжья. В этих материалах очень видное место занимают сведения о мордве, татарах, русских и отчасти о чувашах.

В территориальном отношении материалы касаются Алатырского, Симбирского и Казанского уездов в границах XVII и XVIII вв., и отчасти Арзамасского, Саранского, Ядринского и Свияжского уездов.

Рукописи расположены в нижеследующей описи в хронологическом порядке. Не имеющие даты рукописи распределены по эпохам на основании указаний текста и следуют за рукописями той эпохи, к которой они относятся. Рукописи без обозначения количества листов или столбцов писаны на одном или части листа или столбца. Число, заключенное в скобки, обозначает библиотечный номер рукописи.

Опись рукописей XVII и XVIII столетий
Ульяновского (Симбирского) Дворца Книги

№ 1.

1626 г. Ввозная грамота, данная новокрещену В.И. Смиленеву на поемный жеребий дер. Ходяшевы, по Казанской дороге. Столб. 1–3 (11).

№ 2.

1631 г. Владенная память, данная мордве деревни Баевы Подгородной Алатырского уезда на владение землей и уплаты податей. Столб. 1–2 (188)

№ 3.

1632 г. Выпись из посопных книг 132–134 гг., данная мордве дер. Бокшандино Медян тоже Алатырского уезда на право владения землей и угодьями Столб. 1–4 (134).

№ 4.

1692 г.¹⁹ Выпись с оброчных книг 132–134 гг., данная мордве починка Порамзинка Алатырского уезда Иневату Чувашеву с товарищи на владение землею. Столб. 1–4. (160).

№ 5.

1639 г. Мировая запись на полевою землю, данная мордвою дер. Лобасков Алатырск. у. мордве дер. Чюкальской Выставки того же у. Столб. 1–3 (156).

№ 6.

1639 г. Выпись с отказных 142 и 143 гг. и писцовых 132–134 гг. книг, данная мордве Алатырского уезда на владение Болдинским полем в дер. Старых Селищах. Столб. 1–3 (159).

№ 7.

1640 г. Выпись с отдельных книг 148 г., данная мордве деревень Старых Чюкал и Селищ Алатыр. у. на владение землею. Столб. 1–2 (157).

¹⁹ Должно быть 1632 г. (Ред.).

№ 8.

1642 г. Выпись из отдельных книг 149 года, данная на право владения землей мордве Черевашку Теняеву с товарищи в дер. Аржадеевой Алатырского уезда. Столб. 1–2. (121).

№ 9.

1644 г. Указ из приказа Казанского Дворца алатырскому воеводе Чубарову об отдаче земли, захваченной помещиком Гречиным обратно ясачной мордве деревни Коласевы Алатырск. у. Столб. 1–8. (179).

№ 10.

1649 г. Росписной список гор. Тамбова, его построек, укреплений и острогов, составленный по принятии воеводства О.Н. Лихаревым от воеводы А.С. Вельяминова. Столб. 1–15 (7).

№ 11.

Без даты. Выпись с писцовых книг 132–134 гг. за приписью Д.Ю. Пушечникова и за скрепой А.Костяева, данная мордве дер. Ночаевой Алатыр. у. на право владения землею и угодьями. Столб. 1–7 (162)

№ 12.

Без даты. Выпись с писцовых книг 132–134 гг. за справою А.Костяева и за скрепою дьяка П.Чемесова, данная по челобитью мордвину Бисяру Поводимову на владение лесом и другими угодьями в Алатырском уезде. Столб. 1–2. (171).

№ 13.

1654 г. Выпись с отказных книг, данная мордве дер. Кечюшевы Алатырского у. на посопную их землю при «выходе» из деревни. Столб. 1–4. (155).

1654 г. Выпись с отдельных книг, данная мордве дер. Отяшевы Алатырского у. на владение их посопными землями. Столб. 1–4. (186).

№ 14.

1655 г. Выпись с отдельных книг, за печатью воеводы Хитрово, данная мордвину дер. Баевы на р. Саре для владенья и спору на его посопную землю. Столб. 1–3. (189).

№ 15.

1658 г. Список с выписи из отдельных книг, выданная Тагаевским казакам на право владения придаточной землей из Синбирской приказной избы. Столб. 1–3 (4).

№ 16.

1662 г. Черновой набросок свидетельских показаний в судном деле о побегах крестьян из усадеб по Арзамасскому уезду (Отрывок). Столб. 1. (88).

№ 17.

1663 г. Данная грамота на владение жонкою, взятой в полон в Литовский поход, выданная Г.И. Жукову, казанскому помещику, по его челобитью. Столб. 1. (27).

№ 18.

1663 г. Выпись с вершеного судного дела, данная из приказной избы мордвину дер. Киржеман Алатыр. у. Бурнучке Сустатову на владение землей. Столб. 1–5. (176).

№ 19.

1665 г. Отпись подьячего Шешукова, выданная помещикам Патрекеевым в том, что с них взяты полонные деньги и с села их Арбузова Арзамасского уезда. (90).

№ 20.

1667 г. Копия с выписи, данной казанцу Г.И. Жукову на крепостных его крестьян из приказа Казанского Дворца. Столб. 1–2. (14).

№ 21.

1668 г. Список с ввозной грамоты, данной Аиту мурзе Доскееву сыну Байкееву на землю в Казанском уезде по Арской дороге на р. Казанке полсела Урсек. Столб. 1–2 (8).

№ 22.

1670 г. Отпись в приеме стрелецкого хлеба, данная помещикам с. Арбузова и дер. Булдовы Арзамасского уезда. (95).

№ 23.

1670 г. Выпись с отдельных межевых книг 177 года, данная мордве дер. Атяшевы под Сурским лесом Алатырского у. на владение землей. Столб. 1–4 (161).

№ 24.

1670 г. Выпись из дозорных книг, данная мордве дер. Баевы на р. Саре на посопную землю в Алатырском у. за скрепой и печатью воеводы Пестрикова. Столб. 1–3 (190).

№ 25.

1671 г. Отпись в приеме данных денег с с. Арбузова Арзамасск. у., принадлежащего Михайле да Ивану Патрекеевым (112).

№ 26.

1672 г. Выпись из Саратовских таможенных ясырных книг, данная казанцу гр. Жукову о купле им в Саратове двоих ясырей. 9 и 10-ти лет от роду (29).

№ 27.

1672 г. Купчая крепость на двоих калмыков 9 и 10-ти лет, приобретенных казанцем гр. Жуковым у Мих. Никифорова (30).

№ 28.

1673 г. Выпись из таможенных ясырных книг, данная казанцу Мих. Жукову на купленных им двоих ясырей калмыков у черноморского стрельца в гор. Астрахани. (31).

№ 29.

1673 г. Выпись из таможенных ясырных книг, данная казанцу Мих. Жукову на купленных им 6 ясырей калмыков в гор. Астрахани. (32).

№ 30.

1673 г. Выпись из таможенных астраханских ясырных книг, данная казанцу Мих. Жукову на купленных им 6 ясырей калмыков. (33).

№ 31.

1673 г. Выпись с алатырских писцовых книг 132–134 гг., данная Несмеянку Амуатову с товарищи на право владения землей в дер. Отяшеве Алатырского уезда. Столб. 1–6. (120).

№ 32.

1674 г. Проездная грамота, данная из астраханской таможи казанцу Мих. Жукову на провоз до г. Казани купленных им семи ясырей калмыков. (34).

№ 33.

1674 г. Выпись из таможенных астраханских ясырных книг, данная казанцу Мих. Жукову на вымененных им за товар ясырей калмыков. (35).

№ 34.

1674 г. Отпись в приеме стрелецкого хлеба с помещичьих деревень Арзамасского уезда, данная Мих. Патрекееву и другим. (102).

№ 35.

1675 г. Купчая запись, данная казанцу Гр. Жукову на купленного им в гор. Черном Яру ногайского парня 5 лет от роду у отца его за один рубль. (28).

№ 36.

1675 г. Выпись из таможенных черноморских книг, данная казанцу Гр. Жукову на купленного им ясыря калмыка 17 лет. (36).

№ 37.

1675 г. Выпись из таможенных черноморских ясырных книг, данная казанцу Гр. Жукову на купленного им ясыря калмыка 6 лет. (37).

№ 38.

1676 г. Отпись в приеме стрелецкого хлеба с с. Арбузова Арзамасского у., принадлежащего помещикам Патрекеевым. (91).

№ 39.

1678 г. Отпись в приеме стрелецкого хлеба с дер. Арбузовки Арзамасского у., принадлежащей помещикам Патрекеевым. (89).

№ 40.

1678 г. Выпись из писцовых книг 132–134 гг. на мордовские бортные уюхья ясашной мордвы дер. Нагорной Аловы Алатыр. у. Столб. 1–4. (141).

№ 41.

1681 г. Черновик челобитной синбирян Дмитрия Богданова и Степана Данилова Дурасавых о присылке откащика для повторения отвода земли на р. Багурне в Синбирском уезде и для записи в отказные книги за неотысканием прежних книг в Синбирской приказной избе. Столб. 1. (1).

№ 42.

1681 г. Выпись из Саранских отказных книг на выменное поместье, принадлежащее стольнику А.Шеину и расположенное в Саранском уезде. Столб 1–3. (145).

№ 43.

1681 г. Выпись из переписных книг 186 года, данная А.Шеину на владение дер. Медянцы Саранского уезда. Столб. 1–4. (147).

№ 44.

1681 г. Выпись с отказных книг, данная А.Шеину на владение дер. Рысевой и крестьянами в ней в Саранском у. Столб. 1–5. (148).

№ 45.

1682 г. Черновой отрывок из межевых записей на земельные угодья в Казанском уезде по Арской дороге с. Ички-Казань, принадлежащие роду Смиленевых. Столб. 1–5. (22).

№ 46.

1682 г. Отпись в приеме ямских и полоняничных денег с крестьян дер. Семы Арзамасского уезда. (110).

№ 47.

1682 г. Послушная грамота крестьянам помещика А.Шеина, живущим в разных поместьях Саранского уезда. Столб. 1–3. (146).

№ 48.

1684 г. Выпись из писцовых и межевых книг 148 и 149 годов, данная на право владения землей ясашной мордве дер. Дубровок Алатырского уезда. Столб 1–3. (144).

№ 49.

1684 г. Выпись с атемарских писцовых книг 148 и 149 годов на земельные угодья мордовских деревень Тарасовых Алатырского уезда. Столб. 1–7. (152).

№ 50.

1685 г. Список с ввозной грамоты, данный новокрещену С.Д. Колчюрину на выморочное поместье Смиленевых в дер. Ходяшеве по Арской дороге Казанского уезда. Столб. 1–8. (12 а.).

№ 51.

1685 г. Челобитная Дмитрия и Льва Жуковых о выдаче им выписи с писцовых и отказных книг на вотчину и поместья их в Казанском уезде в сельце Иски-Казань и деревне Урмате. Столб. 1. (18).

№ 52.

1685 г. Выпись из писцовых атемарских книг 148 года на мордовскую землю дер. Кечюшевы Алатырского у., находящуюся в Саранском уезде. Столб. 1–3 (135).

№ 53.

1685 г. Список с царского указа воеводе Дубенскому о платеже оброчных денег на Москве мордвою дер. Тарасовы Батушевы тож Алатырского уезда. Столб. 1–3. (153).

№ 54.

1687 г. Отпись, данная тагаевским стрельцам и казакам в получении с них явочных денег синбирским посадским человеком П.М. Сусленковым. Столб. 1. (5).

№ 55.

1687 г. Выпись из межевых книг 194 года, данная симбирского уезда с. Архангельского крестьянам А.Лазареву с товарищи. Столб. 1–6. (136).

№ 56.

1688 г. Полюбовная запись на землю, данная мордве дер. Лобасков мордвою дер. Чюкал Алатырского уезда. Столб. 1–5. (140).

№ 57.

1688 г. Выпись с писцовых книг 132–134 гг. на владение земельными и другими угодьями, данная мордве ясашной деревни Лунги Алатырского уезда. Столб. 1–6. (142).

№ 58.

1689 г. Выпись с отдельных книг и с дела, данная мордве с. Новотроицкого Алатырского у., на владение землей и угодьями. Столб. 1–5. (137).

№ 59.

1690 г. Полюбовная запись мордвы дер. Тазнеевы с мордвою дер. Челпановы Алатырского у., на межу их земельных угодий, совершенная в Алатырской приказной избе. Столб. 1–4. (177).

№ 60.

1691 г. Список с царской грамоты о пожаловании части выморочного поместья Смиленевых Л.Г. Жукову в дер. Ходяшеве Казанского у. Столб. 1. (21).

№ 61.

1692 г. Черновик челобитной К.П. Левина об отказной грамоте на размежеванную после обмена землю в Арзамасском уезде. (111).

№ 62.

1692 г. Грамота алатырскому воеводе о сборе денег с мордвы дер. Алгышевы за оброк с их угодий и об установлении подчиненности мордвы приказу Большого Дворца. Столб. 1–7. (180).

№ 63.

1694 г. Список с отказной грамоты, данной переведенным из с. Ключиш Казанского у. казакам Синбирского уезда пригородка Тагаева А.Лабзину с товарищи, на право владеть землею, которую у них оттягал было синбирянин В.Гречин. Столб. 1–10. (3).

№ 64.

1694 г. Выпись с вершеного дела о споре за землю и межевая запись на земляное владение мордвы деревни Дубенок Алатырского уезда. Столб. 1–8. (143).

№ 65.

1694 г. Владенная память на половину поляны, данная на владение мордве дер. Игнатовы Алатырского у. Столб. 1–5. (196).

№ 66.

1695 г. Владенная память на сенной покос на нагорной стороне р. Волги в синбирском уезде, данная саратовцам детям боярским Ст. Саблину с товарищи. Столб. 1. (2).

№ 67.

1696 г. Список с грамоты симбирскому воеводе А.П. Измайлову о разрешении обмена земли между помещиками Ростовским и Дурасовым и о посылке в синбирский уезд для производства описи обмениваемых земель по р.р. Космынке и Чилне. (6).

№ 68.

1696 г. Меновая запись на вотчину в Казанском уезде, данная служилым татаринном Илекеем Урекеевым Арслану мурзе Курмаметеву-Смеленеву. (19).

№ 69.

1697 г. Меновая запись данная Иваном Ивановым новокрещеном Л.Г. Жукову на выменную землю казанского уезда по Арской дороге в деревнях Азяковы и Ходяшевы. Столб. 1–2. (9).

№ 70.

1697 г. Меновая запись на землю в дер. Ходяшеве Казанского у., данная новокрещеном Гр. Кулушевым Л.Жукову. Столб. 1–2. (16).

№ 71.

1697 г. Полюбовная запись на землю, данная мордве дер. Нават мордвою дер. Заозерья Алатырского у., для владения и спору. Столб. 1–2. (187).

№ 72.

1698 г. Выпись из писцовых книг 124 г., данная Ждану Кильдешеву с товарищи на владение земель в дер. Новой Аржадеевой Алатырского у. Столб. 1–5. (122).

№ 73.

1698 г. Владенная выпись с вершеного дела по сыску беглых крестьян из с. Собакина Саранского у. помещика А.Шейна. Столб. 1–7. (149).

№ 74.

1698 г. Выпись с атемарских писцовых книг 148 и 149 гг. на пустошь Кечюшево в Алатырском уезде, принадлежащую новокрещену Максиму. На 2 листах гербовой бумаги (150).

№ 75.

1699 г. Меновая запись, данная Сем. Колчюриным Льву Жукову на помещенные их поместья в Казанском у. по Арской дороге в сельце Худяшеве и за р. Волгою по Ногайской дороге. Стол. 1–2. (23).

№ 76.

1699 г. Ввозная грамота, данная Л.Г. Жукову на выменное его у Смилевых поместье в Казанском у. в селе Ходяшеве. Столб. 1–5. (25).

№ 77.

1699 г. Поступная запись на крепостную семью, данная синбиренину Мих. Коровину Степаном Микулиным и представленная в приказной избе р. Ядрина. (98).

№ 78

1700 г. Выпись с судного дела о поместной земле в Казанском уезде по Арской дороге дер. Ходяшевы Льва Жукова с Семеном Колчюриным и Иваном Кулушевым. Столб. 1–20. (26).

№ 79.

1700 г. Образец порядной помещичьих крестьян на различную работу и отхожие промыслы с порукой деревни о возвращении в срок. (66).

№ 80.

1700 г. Черновик меновой записи на поместные земли Неклюдова и Левина в Арзамасском уезде. (67).

№ 81.

1700 г. Расписка в получении муки, данная А.Патрекееву для представления в Нижний Новгород. (78).

№ 82.

1700 г. Поступная запись на крепостного крестьянина, данная в гор. Ядрище М.Свиным М.Коровину. Столб. 1. (96).

№ 83.

1700 г. Поступная запись на беглого крепостного крестьянина, проживавшего в дер. Кожине Костромского у., и из нее сбежавшего, данная в г. Ядрине С.Ростиславским Алатырскому помещику Мих. Коровину. Столб. 1. (103).

№ 84.

1700 г. Список с вершеного дела о спорной земле, данный мордве с. Новотроицкого Алатырского у. для владенья и спору. Столб. 1–15. (138).

№ 85.

1700 г. Выпись из писцовых книг 133–134 гг., данный мордвину Надешке Кизаеву дер. Нижней Алатырского у. Столб. 1–5. (139).

№ 86.

Без даты. Черновой отрывок без начала из межевых записей на земельные государевы и служилых людей угодья в Казанском уезде по Арской дороге в с. Ички-Казань. Столб. 1–4. (10).

№ 87.

Без даты. Черновик челобитной Л.Жукова о пожаловании ему части выморочного поместья Н.Смиленева в дер. Ходяшеве Казанского уезда. (13).

№ 88.

Без даты. Челобитная Н.Г. Змеева о размежевании земель его от соседних владений и об отводе ему примерных земель пустоши Кузнецовской в Казанском уезде по Арской дороге. Столб. 1–6. (24).

№ 89.

Без даты. Отрывок рукописи без начала и конца о судном деле за земельные угодья: скаски сторонних людей. (70).

№ 90.

Без даты. Отпись в выводной девке, данная А.Патрекеевым Михайлу да Овдокиму Ульяниным в г. Арзамасе (93).

№ 91.

Без даты. Владенная память на земли и угодья, данная мордве дер. Старой Нижней из Алатырской приказной избы после спора с крестьянами помещика Морозова. Столб. 1–2. (133).

№ 92.

Без даты. Выпись из отдельных книг за скрепой дьяка Матвеева и за справой подьячего О.Щепелина, данная мордве дер. Пичевели Алатырского уезда на право владения. Столб. 2–5. (Начало утеряно). (158).

№ 93.

1701 г. Челобитная Л.Жукова о привлечении к допросу А.Степанова относительно выменной ими части земли в Казанском уезде на р. Килне. (15).

№ 94.

1701 г. Запись на провенную землю в Свияжском уезде на поместье в сельце Ходяшеве Казанского уезда, данная М.Аристовым Л.Жукову. Столб. 1–2. (17).

№ 95.

1701 г. Сделочная запись, данная Гр. Кологривову синбиренином Гр. Омачкиным об отказе от жившего у него и женившегося на его крепостной, беглого крестьянина Ф.Иванова с семьей. (69).

№ 96.

1702 г. Челобитная Л.Жукова и М.Аристова о расписке за ними выменных друг у друга поместий в Свияжском и Казанском уездах. (20).

№ 97.

1702 г. Отпись подьячего П.Никонова в получении ямских и полоняничных денег с Гаврилы и Алексея Патрекеевых по с. Арбузову Арзамасского уезда. (113).

№ 98.

1702 г. Межевая выпись из отдельных книг 147 года, данная на владение землей дворцовой мордве дер. Андреевки Алатырского уезда. На листе герб. бумаги. (119).

№ 99.

1702 г. Выпись из отказных межевых книг 1702 г. на поместную землю в дер. Канше Пензенского уезда., данная стольнику Чиркову с товарищи. Столб. 1–6. (163).

№ 100.

1704 г. Отпись в приеме ямских и полоняничных денег, данная А.Патрекееву, помещику с. Арбузова Арзамасского уезда. (49)

№ 101.

1704 г. Отпись в приеме денег на жалование ратным людям с помещицких сел и деревень Арзамасского уезда. (97).

№ 102.

1704 г. Выводная в замужество запись на крепостную крестьянскую дочь, выданная симбирским помещиком Нагаткиным. (114)

№ 103.

1704 г. Поступная запись на крепостных крестьян, находящихся в бегах, данная симбирской помещицей М.Зимнинской Михайлу Корвину.(116).

№ 104.

1704 г. Память в Алатырскую приказную избу из приказа Большого Дворца о приписке дворцовых сел Ведянец и Елаевки к названному приказу. На 4 листах. (131).

№ 105.

1704 г. Выпись из писцовых книг 132–134 гг., данная мордвину Левке Исаеву на владение земель в дер. Малых Чюкалах Алатырского уезда. На 2 листах. (173).

№ 106.

1705 г. Поступная запись на крепостного крестьянского сына из дер. Коровины Алатырского у., данная симбирским помещиком Дм. Климовым Мих. Коровину. (99).

№ 107.

1705 г. Список с вершеного дела о спорной земле и сенных покосах дворцовой мордвы дер. Хмелевки и крестьян помещицкого села Медянец Алатырского уезда. На 6–20 листах. (126)

№ 108.

1705 г. Выпись из писцовых книг 132–134 гг., данная на владение землей в дер. Куримачкасы яшашной мордве С.Павлову с товарищи. На 2 листах. (130)

№ 109.

1706 г. Память об уплате медового сбора помещиком Патрекеевым села Арбузова Арзамасского уезда. (48).

№ 110.

1706 г. Отпись в получении хлебных запасов в азовский отпуск за 1706 г. с дер. Румянцевы и других Арзамасского уезда. (53).

№ 111.

1706 г. Владенная память, данная ясачным крестьянам Петру Кирееву с товарищи из приказной избы на владение Орловской землей в Алатырском уезде. На 2 листах. (172).

№ 112.

1706 г. Владенная память, выдан из приказной избы ясачного сбора мордвину Абр. Чинаеву на владение поляной в урочищах дер. Старой Чемзины Алатырского уезда. На 2 листах. (174).

№ 113.

1704 г. Копия купчей крепости на проданного крестьянина с женой и детьми, данная Ив. Проухову помещицей синбирского уезда Пр. Кологривовой. На 2 листах. (84).

№ 114.

1707 г. Черновик челобитной помещичьих крестьян дер. Куродеевки Симбирского уезда, о сложении рублевых денег, которые собирают с них на правеже безвинно. (92).

№ 115.

1707 г. Отпись в приеме денег на жалование рекрутам, данная Гаврилу и Алексею Патрекеевым из Арзамасской приказной избы. (94).

№ 116.

1707 г. Выпись из оброчных книг Алатырского уезда, данная ясашникам Овчиникову с товарищи на владение землей и угодьями в дер. Собачине, позднее Дмитриевской. (169).

№ 117.

1707 г. Выпись с вершенного судного дела о владении полянками между мордвою дер. Урусовы Алатырского уезда. На 7 листах. (182).

№ 118.

1707 г. Выпись с вершеного дела о земляном владении, данная мордве дер. Игнатовы Алатырского уезда, после спора с мордвою дер. Старых Чукал. На 3 листах. (195).

№ 119.

1708 г. Владенная память, данная отписным крестьянам с. Кемли на владение землей в дер. Новой Тургаковой Алатырского уезда. На 3 листах. (164).

№ 120.

1708 г. Выпись из писцовых книг 132–134 гг., данная ясашникам на владение землей в Алатырском уезде в дер. Лобасках, позднее дер. Собаченок. На 2 листах. (170).

№ 121.

1709 г. Поступная запись на крепостных крестьян, данная синбирским помещиком Вас. Кологривовым казанскому помещику Ив. Мерлину. (115).

**Опись рукописей XVII и XVIII столетий
Ульяновского (Симбирского) Дворца Книги**

*Опубликовано в сборнике «Край Ильича»
(Казань, 1928. № 3. С. 60–63)*

122. 1709. Выпись из отписных и окладных книг, данная крестьянам с. Святительского Пензенского у. на владение землей и угодьями в Алатырском уезде. На 4 листах. (192).

123. 1710 г. Выпись с писцовых книг 132–134 гг., данная мордве дер. Новой Чемзины Алатырского у. на владение землею и др. угодьями. На 2 листах. (165).

124. 1712 г. Список с судного дела о спорной земле, данный ясачной мордве сц. Дмитриевского Собаченки тож Алатырского у. из канцелярии Казанского губернатора. На 9 листах. (171).

125. 1713 г. Отпись, данная помещикам и попу Арзамасского у. села Арбузова, в приеме с них лошадного сбора по гривне с лошади. (43).

126. 1713 г. Выпись с вершенного судного дела и межеванья, данная на владение землей мордве дер. Нижней на р. Нус после спора с мордвой дер. Чукал Алатырского уезда. На 18 листах. (181).

127. 1714 г. Поступная запись помещицы Симбирского у. М.Титовой в беглом крестьянине за беглого же крестьянина, данная Ивану Танскому (75).

128. 1715 г. Раздельная запись в крестьянах, данная помещиком синбирского уезда Лавр. Патрекеевым племянницам его двум Афимьям Патрекеевым, дочерям брата его родного Андреяна. (83).

129. 1715 г. Выводная в замужество запись, данная помещиком дер. Ручьи Н.Г. Шелимовым в Алатыре К.Федорову на дворовую девку Т.Евдокимову. (107).

130. 1716 г. Отпись в приеме денег на жалование ландратам и комиссарам на 1716 год с Матвея Воронцова, помещика дер. Мякишины. (38)

131. 1716 г. Указ о выдаче выписи из писцовых книг ясадного села Никольского Алатырского уезда на владение землей Сем. Аристову с товарищи. На 2 листах. (129).

132. 1717 г. Отпись в приеме «зборных» денег канцелярией розыскных дел в Нижнем Новгороде с Ив. Мерлина за брата его Василья, собиравшего деньги в г. Арзамасе. (41).

133. 1717 г. Список с купчей крепости на проданное имение в Арзамасском уезде синбиренином Ив. Мерлиным Ионе Новосильцеву. На 2 листах. (86).

134. 1718 г. Выпись из писцовых книг 132–134 гг., данная Алексею Пестову на владение землей в с. Покровском Баева тоже Алатырского уезда. На 2 листах. (128).

135. 1718 г. Указ из Барышской ее величества канцелярии ясажным крестьянам и мордве о свободном въезде в леса деревень Кечюшевой и Кулясовой Алатырского уезда. На 2 листах. (151).

136. 1718 г. Выпись из писцовых книг 132–134 гг. на бортный ухожей в Алатырском уезде, принадлежащий []²⁰

137. 1719 г. Выпись с вершеного судного дела о земельном владенье между мордвою дер. Урусовы и крестьянами Троице-Сергиева монастыря села Тургакова Алатырского уезда. На 10 листах. (183).

138. 1720 г. Работное письмо Ф.Крюкова, данное помещицкому крестьянину Аф. Гусяниткову в Тагаеве с обязательством за деньги отработать срок. (68).

139. 1720 г. Выпись из писцовых мордве дер. Тарасовой и др. На 2 листах (154).

[]²¹ книг 132–134 гг., данная мордве дер. Баевы Алатырского уезда²² на владение бортными ухожьями. На 2 листах. (191).

140. 1721 г. Копия купчей крепости на крестьянина с женой и детьми, данная помещиком синбирского уезда Гав. Романовым Никите Кологривову. (85).

141. 1722 г. Отпись в приеме денег вместо рекрутской службы с однодворца Никиты Михайлова из с. Рождественского Микулино тож Синбирского уезда. (39).

142. 1722 г. «Скаска» о движении по службе и о количестве недвижимого имения и крестьян у фискала Ив. Степ. Дурасова Синбирского уезда помещика. (71).

143. 1724 г. Указ из Алатырской земской конторы арендатору мельницы в с. Кузмодемьянском Кирзять тож новокрещенному Василью Иванову на оброчное владение мельницей. На 2 листах. (167).

144. 1725 г. Челобитная помещика Углицкого уезда поручика Д.Тютчева о возвращении отнятого у него хлеба и фуража помещиком Олсуфьевым и Углицким монастырем. На 2 листах. (77).

145. 1725 г. Миртовая запись по земляным делам, данная дюркинской мордве дер. Баевы крестьянами дер. Параней Алатырского уезда. На 2 листах (132).

146. 1726 г. Расписка в получении рекрута и рекрутских денег с обязательством заменить рекрута другим, если он сбежит, данная И.П. Саврасовым, помещиком синбирского уезда. (51).

147. 1727 г. Выпись из писцовых алатырских книг 132–134 гг., данная мордве дворцовой деревни Хмелевки «для владения и спору» из новотроицкой дворцовой канцелярии. На 3 листах. (124).

²⁰ Без конца (Ред.).

²¹ Без начала (Ред.).

²² См.: «Край Ильича». Сборник № 1 и 2 (на 49 с. Сборника № 2 в описи документа № 12 число 171, заключенное в скобки, следует читать 178).

148. 1729 г. Отпись, данная однодворцам синбирского уезда с. Микулина в приеме с них денег по различным статьям за 1722 год. (42).

149. 1729 г. Доезд подъячего Ф.Романова на отвод четвертой части имения Ив. Дурасова жене его Наталье в Синбирском уезде. На 2 листах. (59).

150. 1729 г. Копия подлинного дела Федора и Анны Скавронских, данная им из вотчинной коллегии на право владения вотчинами в Саранском, Алатырском и Синбирском уездах. На 6 листах. (168).

151. 1731 г. Челобитная И.И. Мерлина о привлечении крестьян его дер. Терешки Дворянское тож Синбирского уезда к ответственности за чинимые беспорядки и слушание. (76-а). (Сохранился и черновик челобитной за № 76).

152. 1732 г. Челобитная синбиренина Н.Кологривова о привлечении к допросу беглого крестьянина Ширшилова за возведенное им обвинение помещика в приеме беглого. На 2 листах. (72).

153. 1732 г. Крепостное письмо, данное Н.Кологрееву в приобретении последним беглого крестьянина за 10 р. доверенным его Я.Верещагиным. (82).

154. 1732 г. Список с вершеного судного дела о рыбных ловлях, данный дер. Лунги Алатырского уезда мордвину А.Мокулову на владенье рыбными ловлями. На 4 листах. (175).

155. 1734 г. Черновик челобитной Ф.Петлина об отсрочке вершения дела о разделе крестьян жены его в деревнях Синбирской провинции. (104).

156. 1734 г. Копия с выписи из отказных и межевых книг 1703 года, данной крестьянину кн. Мусина-Пушкина на владенье с. Никольским Ключищи тож Алатырского уезда. На 10 листах. (184).

157. 1735 г. Копия с квитанции в приеме рекрута набора 1734 года от помещика с. Растовки И.С. Воронкова и др. селений Синбирского уезда. (54).

158. 1735 г. Наказная память из Синбирской приказной канцелярии Н.Кологривову на взыскание оброчных за сенные покосы денег с крестьян с. Устренского. (60).

159. 1735 г. Черновик челобитной Нат. Федоровской о возвращении ей непокорных крестьян из с. Дмитревского Симбирского у. (73).

160. 1735 г. Копия с купчей крепости на продажу поместья Мусину-Пушкину в с. Енгальчеве Алатырского уезда. На 2 листах. (185).

161. 1737 г. Копия с челобитной Н.Кологривова о возвращении ему украденной лошади, обнаруженной у чувашина Килметева в дер. Старые Чукалы Синбирского уезда. (74).

162. 1738 г. Копия квитанции в приеме драгунских лошадей по одной с 284 душ с разных помещиков за счет подушного оклада. (40).

163. 1738 г. Копия квитанции в приеме рекрута из сел Синбирской провинции с 98 душ одного, данная крестьянину А.Алкаеву. (47).

164. 1738 г. Квитанция в приеме рекрут Синбирской провинциальной канцелярии и провианта на месяц для этих рекрут с дер. Убеи, Кологреевка и др. (57).

165. 1738 г. Черновик челобитной о записи в подушный оклад вернувшегося из бегов крестьянина дер. Мякишины Синбирского у. (101).

166. 1742 г. Копия квитанции в приеме рекрута от сел и деревень Синбирского уезда от 240 душ М.Кузьмина из поместья Хардина. (44).

167. 1742 г. Копия квитанции в принятии рекрута в набор 1741 года из деревни Пилюгино и др. Синбирского уезда. (55).

168. 1742 г. Расписка синбиренина М.Хардина в получении денег за рекрута с Н.Кологривого с двух душ дер. Кологривовки Синбирского уезда. (79).

169. 1742 г. Указ, данный из Саранской канцелярии о спорной земле с санными покосами с. Медянец с крестьянами с. Сырьес и дер. Хмелевки Алатырского уезда. На 8 листах (127).

170. 1743 г. Расписка в приеме присланных из Синбирской провинции рекрут, припасов и судна, данная Н.Кологривову подпоручником Навагинского полка. (45).

171. 1747 г. Копия квитанции в приеме присланной из Синбирской провинции села Николаевского Растовка тож подъемной лошади с 2028 душ муж. пола. (46).

172. 1748 г. Квитанция в приеме подушного сбора за вторую половину 1748 г., данная крестьянам с. Матюшина Синбирского уезда, принадлежащего Ст. Кологривову. (52).

173. 1748 г. Квитанция в приеме подушного сбора за первую половину 1748 г. с крестьян с. Матюшина Синбирского у. (56).

174. Без даты. Расписка в приемных деньгах, данная женой Грушешникова помещице с. Микулина в зачет податей. (80).

175. Без даты. Доезд Н.Кологривова в Синбирскую канцелярию о результатах поездки в с. Саловку Саранского уезда для взыскания с крестьян доимки за землю (61).

176. Без даты. Челобитная помещика Синбирского у. дер. Микишины М.Воронцова о пожаловании ему крепостного парня Л.Корнилова, воспитанника его деревни. (100).

177. Без даты. Черновик челобитной М.Воронцова о записи за ним беглых его крестьян, вернувшихся из бегов в дер. Иглиновку Синбирского уезда. (105).

178. Без даты. Копия челобитной разных помещиков об ограждении их прав на землю в Карлинской Слободе Синбирского уезда, которой завладел Мусин-Пушкин. (106).

179. Без даты. Черновик челобитной об обратном водворении от помещика сел Вязовки и Алексеевки Синбирского уезда С.Б. Голицына беглого

крестьянина из села Жукова Казанского уезда, принадлежащего Г.И. Мерлина сыну. (109).

180. 1752. г. Справка о выдаче списка с вершенного дела о спорной земле деревень Хмелевки и Медянец Алатырского у. (125).

181. 1753 г. Расписка в приеме крепостей, данная С. и П.Патрикеевыми сестре их А.Лаврентьевой. (81).

182. 1753 г. Явочная челобитная помещика с. Родников Синбирского уезда П.Воронцова о привлечении к ответственности за обиду братьев Патрикеевых. (108).

183. 1754. г. Выпись из писцовых книг 132–134 гг., данная мордве сельца Баева, что на р. Инзоре Алатырского уезда для владения бортными ухозяями и др. угожьями. На 2 листах. (166).

184. 1760 г. Отпускная на волю дворового человека с. Сосуновки Саранского уезда, данная ему из Алатырской канцелярии. (193).

185. 1760 г. Отпускная на волю дворового человека с. Ардатова Алатырского уезда, данная ему из Алатырской провинциальной канцелярии. На 5 листах. (194).

186. 1761 г. Черновик купчей крепости на крепостного крестьянина, проданного помещицей Синбирского уезда А.Варыпаевой Ст. Кологрееву за 10 рублей. (87).

187. 1763 г. Копия указа о приписке к дер. Кологреевке крепостного крестьянина Егора Иванова. (62).

188. 1764 г. Подрядная запись, данная новокрещенами чувашею дер. Старых Чюкал Н.Кологривову на доставку леса. (65).

189. 1766 г. Копия со списка грамоты на владение с данный из межевых книг, выданная вместо сгоревшей новокрещену С.Зотову на землю в дер. Козловке Алатырского у. На 3 листах (123).

190. 1769 г. Покормежная, данная из Синбирской провинциальной канцелярии крестьянину Синбирского у. села Коровина принадлежащего П.Кологривову. (63).

191. 1770 г. Расписка помещиков в добровольном соглашении ставить рекрут по вынужтому жребию. (64).

192. 1785 г. Расписка в приеме складочных денег за рекрут, данная М.Осоргиной из Синбирского наместничества помещице деревень Коровиной и Шишовки Синбирского уезда (50).

193. 1827 г. Расписка в приеме штрафных денег с крестьянина К.Макарова за порубку леса в Симбирском уезде. (58).

194. 1684 г. Список с синбирских отказных книг 192 г. данный на владение землю солдатам выборного полка В.Краснову с товарищи. На 2 столбцах; конца нет. (157 а).

Профессор Н.Н. Фирсов как историк Поволжья

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1930. № 9–10. С. 5–16)*

С самого начала 1887 г. развернулась плодотворная научно-литературная, а с декабря 1888 года и научно-педагогическая деятельность в Казанском Университете нашего маститого ученого *Николая Николаевича Фирсова*, ныне профессора по кафедре русской истории Восточно-Педагогического Института г. Казани и истории классовой борьбы в России Казанского Государственного Университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

В течение 40 с лишним лет Николай Николаевич проявил чрезвычайно многогранную общественно-политическую и культурную. Автор почти 200 научно-исторических работ, один из самых популярных профессоров Университета и Института, Николай Николаевич является сотрудником многих научных журналов, местных и центральных, сотрудником газеты «Красная Татария» и председателем двух казанских научных Обществ, Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете и Общества Татароведения.

Николай Николаевич один из самых известных популяризаторов исторических знаний, даровитый оратор, он в то же время примыкал до революции к крайне левым политическим течениям среди профессуры и, несмотря на препятствия, под своим политическим углом зрения освещал и исторические события, чем немало содействовал проникновению революционным настроением тех из своих слушателей, многие из которых заняли видное место среди деятелей революции 1905–1906 и 1917 года. Проникнутый служением угнетенному при царизме большинству рабоче-крестьянского населения, Николай Николаевич в течение последних 12 лет с тем же воодушевлением продолжает служить проводником истинного просвещения среди рабочих и крестьян нашего Союза Советских Республик.

Все это служит для нас приятным долгом отметить редкую годовщину 40-летнего юбилея культурной деятельности неутомимого и уважаемого ученого. Всероссийская известность Николая Николаевича как ученого историка, труды которого пользуются всеобщим признанием и распространены везде и всюду, придают его знаменательному 40-летнему служению науке характер всероссийского праздника исторической науки, не говоря уже о Поволжье и Казани, для которых юбилей проф. Н.Н. Фирсова является выдающимся событием для всей советской общественности.

80-е и 90-е годы XIX века были эпохой оформления исторического и политического мировоззрения проф. Н.Н. Фирсова. Вполне сознательно воспринимал он события 1 марта 1881 г., разгром «Народной воли», близкие факты «хождения в народ», захватившего и Поволжье еще с 60-х годов XIX века. Много определяющего внесли чтения сочинений Герцена, Лаврова, К.Маркса и

главным образом Чернышевского. Семейная среда тоже благоприятствовала развитию в нем либерального мировоззрения; особенно это нужно сказать про отца его, историка-областника Н.А. Фирсова, по кафедре ближайшего преемника А.П. Шапова, который своими научными трудами заложил принцип областничества и у Николая Николаевича. С поступлением же в Университет (1884 г.) 20-летнему юноше пришлось встретиться с мрачной политической действительностью. В этом году был введен новый устав, покончивший с университетской автономией, и это было для Казанского Университета началом новой эры, когда до чрезвычайности обострились отношения в среде профессоров и у студентов с начальством, назначенным «свыше».

В своих воспоминаниях проф. Н.Н. Фирсов так говорит об этом времени: «Если царь был первый сыщик в государстве, то каждый, желавший сделать карьеру, становился сыщиком, – и канцелярии Российских Университетов фактически превращались в отделения жандармских управлений». «Сыск и шпионство царили в Университетах. В Казанском они проявились, кажется, в особо грубых формах». Знаменитая эпоха попечителя Казанского учебного округа Масленникова началась назначением инспектором студентов некоего Потапова (быв. гимназического директора), при котором в Университете и развернулся сыск во всю ширь и глубину. «Все низшие и средние служители инспекции должны были служить и под руководством своего шефа-инспектора служили делу сыска в Казанском Университете. Жатва была обильна». Только по подозрению студентов исключали, пересылая документы пребывающему на летних каникулах студенту на родину. Многие профессора собирались в знак протеста оставить работу в Университете, а некоторые и выполняли это. Среди студентов бурлило глухое недовольство, которое, наконец, вылилось в сходке 4 декабря 1887 г., когда могучий и могущественный Потапов был избит студентами в актовом зале, и вследствие которой произошли массовые исключения студентов из Университета, в том числе и В.И. Ульянова-Ленина. В этом же году произошло и второе «1 марта» в Петербурге, участником которого был старший брат Ленина – А.И. Ульянов. Так что студенческие движения в Университете и революционно-террористические выступления народолюбцев были яркими фактами, которые захватывали Николая Николаевича и определяли его политический кругозор; эти события даже натолкнули его на изучение *«студенческих историй»* в Казанском Университете в 50 и 60-х годах XIX века, которые были, правда, тщательно проредактированы его отцом и за подписью Н.А. Фирсова были напечатаны в 1889 году в «Русской Старине». Эта работа обнаруживает лишь тематический характер научных интересов; в ней уже сказался живой интерес к революционным движениям, изучение которых Николай Николаевич не оставляет в продолжение всей своей более чем 40-летней научной деятельности.

В 1887 г. было отпечатано первое исследование проф. Н.Н. Фирсова *«Вступление на престол имп. Елизаветы Петровны»*. Оно было выполнено по заданию историко-филологического факультета на соискание награды и по-

служило основанием к оставлению автора при кафедре русской истории для подготовки к профессорской деятельности. Однако и в этой работе Николай Николаевич оказался оригинальным. Красной нитью всего исследования является *социальный антагонизм* эпохи, за который был спрятан один из основных признаков современного понимания истории – классовая борьба. Здесь мы знакомимся с холопской психологией государственных деятелей перед высшими представителями власти, выросшей на почве крепостничества при засилии европейского торгового капитализма; недовольство гвардии и духовенства политикой иноземного правительства, глухой ропот крестьянства и всего тяглого люда, доходящий до открытого восстания в Башкирии и др. провинциях, как следствие нажима налогового пресса и крепостнической эксплуатации, борьба «общества» и «народа», общества и правительства, угнетателей с угнетенными – основные мысли, пронизывающие все сочинение, написанное, однако, в легальной терминологии того времени, но, можно сказать, совершенно не имеющее ничего общего в политическом отношении с работой своего главного патрона, проф. Д.Н. Корсакова, столбового дворянина и ярого монархиста, автора книги «Воцарение Анны Ивановны», который постарался отплатить Николаю Николаевичу за эту «дерзость» чуть не сторицею, предоставив возможность чтения специальных курсов по поручению факультета лишь спустя 10 лет после выхода в свет этого сочинения, т.е. уже после того, как Николай Николаевич защитил магистерскую диссертацию. С инакомыслящими проф. Корсаков был беспощаден и никому иному, как проф. Н.Н. Фирсову, это пришлось испытать целиком и полностью; слишком уже резала глаз Д.Н. Корсакову самая формулировка, хотя бы II главы «Различные классы рус. общества в период иноземного правительства». Итак, в анализе событий политического значения Николай Николаевич проявил себя по преимуществу как историк социальной, классовой борьбы, и этим проникнуты все его последующие подобные произведения²³.

А голод 1891 и 1892 годов и связанные с ним бедствия среди крестьянской бедноты натолкнули Николая Николаевича на изучение истории крестьян и ее бурных революционных этапов, начиная со смутного времени. Это и выразилось прежде всего в публичной лекции, прочитанной в Университете в 1892 г. на тему «Голод пред смутным временем». Социальные сдвиги второй половины XVII в. не имели бы того размаха и глубины опять-таки классового антагонизма, если бы страшный голод 1601–1603 гг. не вывел голодающее

²³ В 1890 г. в статье «Вопрос о беглых и разбойниках, поднятый в комиссии для составления проекта нового Уложения (1767 г.)» определенно глубокий интерес к судьбам крестьянства и, что особенно важно, к наиболее угнетенной, экономически слабой и социально поработанной его части, единственный выход из тяжелого положения для которой был в бегстве от экономического и крепостного гнета или в открытой борьбе с господствующим классом, что выявилось уже в Пугачевщине, или в разбое, воровстве, т.е. в партизанских налетах на дворян и дворянские усадьбы.

крестьянство, холопство и казачество на борьбу с своими классовыми врагами: «богатеями» из дворян, бояр, духовенства и деревенских мироедов. «Эти сироты беглые и являются той основной силой, которая породила смутное время на Руси», – делает вывод проф. Н.Н. Фирсов, тогда еще только приват-доцент с необязательными для студентов специальными курсами, но публично выступающий против установившихся взглядов на смуту, как результат прекращения династии Рюрика. Это новое слово, горячо и в соответствующий момент сказанное, воодушевило Николая Николаевича и к дальнейшему изучению истории *социально-политической борьбы крестьянства* на всем ее протяжении, начиная с XVI века и до настоящего времени.

Но главнейшим содержанием научных занятий проф. Н.Н. Фирсова в 90-х годах было изучение истории торгово-промышленного класса и экономической политики правительства в связи с общественными и классовыми течениями XVIII столетия. Этим вопросам посвящены обе диссертации его: магистерская *«Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII столетия»* (1896 г.) и докторская *«Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование имп. Екатерины II»* (1902 г.). В отличие от буржуазных ученых того времени (Лаппо-Данилевского и Туган-Барановского), автор этих трудов стремится дать отнюдь не результаты цифровые или правовые экономической истории XVIII в., а «закулисную» сторону ее, в которой можно узнать «о скрытых, но действительных побуждениях и мотивах, создавших эффектные торгово-промышленные законы и отдельные мероприятия». В результате изучения обширного архивного материала, до того времени совершенно не затронутого в научной литературе, проф. Н.Н. Фирсов вскрыл внутреннюю борьбу торгово-промышленного класса, показав новыми документами, как «от награждения богатых купцов мизерные разоряются». Но история торгово-промышленного класса им изучалась для того, чтобы выяснить причины бедственного положения городского и сельского населения. Вот в чем состояла цель его многолетних работ и об этом он указал в конце своей вступительной речи на защите магистерской диссертации в Московском Университете в 1896 г.: «Едва-ли можно сомневаться, что в весьма значительной степени это [печальное] положение [городского и сельского населения] создалось под воздействием торгово-промышленного капитала – компаний купцов и вельмож, с их монополиями и др. льготами, с прикреплением мелких промышленников к конторам властных лиц, с припиской множества государственных крестьян к заводам и фабрикам под разными юридическими формами»²⁴.

Как видим из изложенного, делая свои социологические обобщения, Николай Николаевич всегда дает обильный фактический материал, характеризует эпоху или одну из сторон общественно-экономической, политической или культурной жизни, исходя из целого комплекса различных фактов и побуждений представителей общественных групп и классов. Но особенного внима-

²⁴ Фирсов [Н.Н.] Историч. характеристики и эскизы. Т. 1. Каз[ань], 1922. С. 50.

ния заслуживают *характеристика* отдельных лиц, исторических персонажей из различных общественных групп. Характеристики царей, виднейших политических деятелей, историков, писателей и журналистов, идеологов революционной общественности и самой темной реакции, – целая галерея портретов, составляющая солидный том «Исторических характеристик и эскизов», представляет собою оригинальную особенность научного творчества проф. Н.Н. Фирсова. Костомаров, Соловьев, Ключевский и Плеханов давно уже известны как лучшие мастера своего времени личных характеристик. Но оригинальность Николая Николаевича заключается в том, что он обрисовывает личность с точки зрения общественно-полезной деятельности ее, принимая во внимание быт и среду, окружающую эту личность, классовые, политические и экономические условия, в которых она действовала, обрисовывая ее подчас на фоне и европейских общественно-политических, и культурных тенденций эпохи. В причинном же обосновании тех или иных действий личности он прежде всего и больше всего смотрит в экономическую основу. В кружевной ткани подлинных выражений документального материала перед читателем обрисовывается личность со всеми ее достоинствами и недостатками, вся деятельность ее и значение этой деятельности с точки зрения различных общественных классов. Это чувствуется уже в первой работе такого типа, в статье «*Некоторые черты из жизни русской интеллигенции XVIII века*» (1893 г.), где дается характеристика нескольких представителей «знаменитого» рода князей Воронцовых. Указывая на их своеволие и самоуправство не только по отношению к крепостным, но и к дворянам, автор видит в этом «реальную сущность нравов служилого класса в течение всего XVIII столетия», а европейское просвещение, которое отличало этот класс от «подлого» сословия, лишь «слегка скользнуло», отразившись на его показной, праздничной жизни. «Трудно было превратиться в европейца, когда в экономической сфере не только оставались, но и продолжали *развиваться* азиатские порядки». «Будучи неподготовлены к европейскому просвещению при имп. Петре I, русские служилые люди в остальное время прошлого века еще более отделились от главного смысла этого просвещения вследствие сильного развития крепостного права в XVIII в.» Такого рода характеристики давались лишь крайне левыми представителями исторической и политической мысли» долго не сидевшими на кафедрах, а большею частью ее и совсем не ощущавшими под своими ногами даже в столицах, а тем более в Казани, где со времен А.П. Щапова обстояло «все благополучно» и где проф. Д.А. Корсаков сводил жизнь деятелей, по выражению проф. Н.Н. Фирсова, «к метрическим записям, придворным интригам и «действиям», и к послужным спискам». И ничего нет удивительного, что этот «кафедральный» профессор чуть не 15 лет стремился приглушить научную деятельность Николая Николаевича.

Еще в 1890 г. в статье «*Из области народных картин*» приват-доцент Н.Н. Фирсов указывал, что историк, изучая «материальную, умственную и нравственную жизнь верхних слоев того или иного государства, не должен,

однако, отделяться общими фразами и о его нижних слоях», «*простонародное* приобрело права гражданства в историографии». Если это «простонародное» игнорировать, то история не достигнет своей цели – «народного самосознания»²⁵. Эта мысль, как и вышеуказанные принципы, легла в основу его чтений *по истории России*, обеспечив ему и большую аудиторию, состоящую из студентов всех факультетов, и оригинальность его научных построений, особенно выразившуюся в том, что лекции его были проникнуты жесткой критикой политики господствующих классов, горячим развенчиванием царского режима, громадным вниманием к судьбам угнетенных, особенно, крепостных крестьян и посессионных рабочих, не говоря уже о таких боевых моментах их жизни, как эпоха Смуты, Разиновщины и Пугачевщины.

Если указанное мною резко отличало курс Николая Николаевича от обычных университетских курсов того времени в классовом отношении, в обострении внимания к социальной борьбе, то наблюдения над историческими судьбами Поволжья, Сибири, Украины отразились и на построении схемы общего курса, что выразилось в том, что история России рассматривается на более широком фоне международных отношений, начиная с древнейших времен, и с большим уклоном в историю отдельных областей России. История царей, цариц и царедворцев была направлена проф. Н.Н. Фирсовым для воспитания в слушателях и читателях *политического самосознания*. Эти цели, конечно, целиком и полностью противоречили задачам университетского преподавания в эпоху Александра III и Николая II. К тому же «кафедральный» проф. Д.А. Корсаков видел непреодолимого для себя конкурента в лице Николая Николаевича, вследствие чего еще в 1893 году попытка последнего объявить общий курс русской истории, хотя и была поддержана факультетом и Советом Университета, все же не увенчалась успехом, т.к. Министерство Нар. Просвещения, по представлению того же проф. Д.А. Корсакова, не утвердило его курса, о чем приват-доцент Н.Н. Фирсов получил следующее уведомление от факультета, датированное 31 августа 1893 г. (№ 115) за подписью декана, проф. Беляева: «Вследствие предложения г. исправлявшего должность Ректора Университета от 7 минувшего июля за № 1885 историко-филологический факультет имеет честь уведомить Вас, м. г., что г. Министр Народного Просвещения, утверждая обозрение преподавания по историко-филологическому факультету на 1893–1894 учебный год, не мог не обратить внимания на то, что кафедра русской истории в Каз. Университете вполне обеспечена личным составом преподавателей, а по тому объявленный вами общий курс по русской истории представляется излишним».

И лишь с 1902 года он не стал «излишним», когда Николай Николаевич, имел уже степень доктора русской истории! Но «наблюдение» продолжалось и даже перешло от проф. Д.А. Корсакова к агентам Жандармского Управления. Результаты этого наблюдения сказались в 1906 году, когда проф. Н.Н. Фирсову было предъявлено обвинение в оскорблении величества ех

²⁵ Историч. характеристики и эскизы. Т. 1. К[азань], 1922. С. 248.

cathedra. Перспектива будущего рисовалась мрачными красками, некоторые профессора Университета предполагали даже ссылку в Сибирь, но вследствие того, что Совет Университета стал на защиту проф. Н.Н. Фирсова и послал к Министру Внутренних Дел Столыпину целую депутацию для представления своего постановления во главе с проф. Загоскиным, дело было взято в Министерстве во избежание студенческих беспорядков перед выборами во II Госуд. Думу. Однако в последовавшую после 1905 г. реакцию все эти «замятые» дела были подсчитаны, особенно к исполнившемуся в 1914 году 25-летнему юбилею научно-педагогической деятельности проф. Н.Н. Фирсова. Вместо чествования юбиляру было предложено уйти в отставку за «выслугою лет», т.к. «научная командировка» в 1908 году не оказала совершенно никакого «воздействия» на содержание лекций Николая Николаевича. В «отставке» последний пробыл 2 учебных года и только в 1916 г. снова появился на кафедре в Казанском же Университете, пребывая с того времени неотлучно в Казани, чему содействовала исключительно Октябрьская революция 1917 года, создавшая самые благоприятные условия научной деятельности проф. Н.Н. Фирсову. Если до революции 1917 года Николай Николаевич центр тяжести научных работ имел на XVIII столетии, то после революции он развернул работу и лекции по XIX и XX векам, на печатав такие работы, как «Крестьянская революция 1917 г.», «Русская революция и Ленин», «Герои 14 декабря», «Александр II», «Александр III», «Николай II», «Победоносцев», «Призрак социализма пред Николаем I» и др.

Особенно важное место в деятельности Николая Николаевича занимает изучение *истории Поволжья* и организационная деятельность его по этой линии. Интерес к истории Поволжья вполне естественно вытекал как из того, что в этом отношении он продолжал работу своего отца, так и из того историко-политического мировоззрения, которое легло в основу его исторических занятий.

Николай Алексеевич Фирсов, автор трудов по истории тюркских народностей Поволжья, из которых наибольшей известностью пользуются «Положение инородцев сев.-вост. России в Московском Государстве» (Казань, 1866 г.) и «Инородческое население прежнего Казанского Царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель» (Казань, 1870 г.), по сравнению с своими предшественниками (Рычковым, Фуксом, Рыбушкиным, Бажановым, Перетятковичем и др.) поставил изучение Поволжья на совершенно иную почву. Здесь, во-первых, мы видим чрезвычайно крупный масштаб исследования (от Поволжья до Сибири включительно) и более глубокий анализ событий, во-вторых, прямо выдвинутый вопрос о политическом прошлом народов Поволжья, Урала и Сибири не только в эпоху существования татарских ханств, но и после гибели их и подчинения тюркских народов Российской Империи, а до нее – Московскому Государству.

На основании детального изучения по преимуществу вполне официальных источников (Пол. Собр. Зак.), Н.А. Фирсов дал подробную характери-

стику правового положения тюркских народов в России и как следствие этого указал: на выдающиеся случаи протеста и борьбы особенно татар и башкир. Конечно, и предшествующие историки касались этих тем, хотя бы и частично, но заслуга проф. Н.А. Фирсова состояла в том, что в его трудах мы не найдем ни великодержавного, монархического патриотизма, ни миссионерских тенденций, чем особенно богаты были работы, исполнявшиеся «историками» из Духовной Академии и подобных ей учреждений. Либеральное областничество, воспитываемое в Казанском Университете со времен Ешевского, Березина и Щапова, поглотило и Н.А. Фирсова и передалось его сыну, еще дальше двинувшего изучение истории Поволжья, несмотря на то, что Николаю Николаевичу пришлось и по этой линии испытать очень сильное давление со стороны обладавших большею властью, чем он сам.

Самое главное, что внес проф. Н.Н. Фирсов в изучение истории Поволжья, Сибири и тюркских народов, это – политическая история, история социальных взаимоотношений и социальной борьбы на основе познания экономической политики и борьбы за материальные интересы. Это отчетливо выявляется уже из первой напечатанной статьи по истории края, «Политическое и финансовое значение колонизационной деятельности И.И. Неплюева» (К. 1893 г.). Изложив материал по истории борьбы башкир с правительством, возбуждаемой главным образом, отображением башкирских земель, проф. Н.Н. Фирсов делает такой вывод: «Отсюда можно заключить, что ненависть, которую башкирцы сначала затаили в своих сердцах, а потом свирепо выразили в открытом мятеже против русских, вытекала, главным образом, из экономических причин, из условий промышленной русской колонизации и соединенного с ней перехода башкирских земель в руки людей, причинявших им вдобавок всевозможные вымогательства»²⁶.

Экономические причины, которые в каждом историческом событии он пытался вскрыть прежде всего, помогли ему правильно разъяснить социально-политическую борьбу, скрывавшуюся в особенностях этнографических образований. В той же статье Николай Николаевич писал о Неплюеве, что ему удалось «социальными и финансовыми мерами» «разорвать связь, которая соединяла башкирцев и других многочисленных инородцев, называвшихся на официальном языке (по их социальному положению, а не этнографическим особенностям) тептярями и бобылями». Вот это глубокое раскрытие чрезвычайно сложных отношений вместе с широкой постановкой вопроса о политической и классовой борьбе выгодно и отличает научные работы проф. Н.Н. Фирсова от всех его предшественников и современников. И если отец определял инородцев «тяглыми» и «податными», то сын с своим политическим мировоззрением прямо назвал их «угнетенными» Российским правительством, дворянством и капитализмом.

В 1894 г. Николай Николаевич объявил в Казанском Университете специальный курс *по истории Среднего и Нижнего Поволжья*. Студенты Уни-

²⁶ Историч. характеристики и эскизы. Т. 1. [Казань, 1922]. С. 40.

верситета с жадностью начали слушать оригинальный курс, который строился таким образом:

I. *Хазарско-болгарский период.*

1. Хазария.
2. Волжско-Камская Болгария.
3. Торговля на Волге.
4. Борьба на Волге и Каме в эпоху Болгарского Государства.

II. *Монголо-татарский период.*

1. Золотая орда.
2. Казанское Царство и его отношение к предшествовавшим Волжским общественным союзам.
3. Торговля в татарскую эпоху на Волге.
4. Борьба за Волгу.

III. *Русский период.*

1. Мятежи инородческого населения в бывшем Казанском Царстве и их причины.
2. Социально-политическая борьба на Волге до Разина.
3. Движение Разина и т.д.

В этом курсе обращает на себя внимание уже самая периодизация. Введение хазарско-болгарского периода и монголо-татарского указывало, что лектор на истории Поволжья имеет в виду увязать историю российского Востока с общей историей России, что Николай Николаевич не отмахивался от освещения истории не-русской Волги и, мало того, он хотел показать на фактах исторические традиции, могущие лечь, а в революцию 1905 и 1917 г. и легшие в основу автономных политических течений среди народностей Поволжья. Кроме того, главным содержанием курса являлась история политической и социальной борьбы на основе тех же материальных, экономических интересов, которые сталкивались на территории Поволжья на протяжении всей его истории. Эта характеристика содержания курса была бы неполной, если бы мы не обратили внимание на отражение в нем интересов каждой национальности в тот или иной период ее политической самостоятельности и подчиненного положения России. История национально-политической, классовой и революционной борьбы – вот основной стержень схемы курса по истории Поволжья. Несмотря на то, что курс был утвержден всеми университетскими органами и Николай Николаевич начал уже его чтение, все же началась «переписка», опять-таки не без участия в ней «кафедрального». Последний добился-таки того, что попечитель учебного округа, исполняя распоряжение министра просвещения, заставил университетское начальство снять с учебного плана курс по истории Среднего и Нижнего Поволжья.

13 декабря 1894 г. попечитель писал ректору Университета об этом следующее: «При этом г. Министр не может не обратить внимание на избранный пр.-доц. Фирсовым для чтения курс «История среднего и нижнего Поволжья». Настоящий курс, имеющий предметом изучения той окраины русского госу-

дарства, историческое прошлое которой своими односторонними и мятежными проявлениями постоянно шло в разрез с культурной деятельностью русского правительства, едва-ли удобен, и не следовало-ли бы заменить его иным, более соответствующим программам и экзаменным требованиям курсом».

16 декабря ректор уведомил об этом факультет, а последний, исполняя предписание, бумагой от 13 февраля 1895 г. предложил Н.Н. Фирсову «избрать другой предмет для своих чтений»; от этой «чести» Николай Николаевич, однако, уклонился.

Революция 1905 года открыла возможность чтения курса, но опять-таки ненадолго, и лишь Октябрьская Революция создала вполне благоприятные для этого условия, обстановку и необходимость; эта же Октябрьская Революция предоставила возможность и напечатания «Чтений по Истории среднего и нижнего Поволжья», первый выпуск которых вышел в 1919 г., второй – в 1920 г., и оба вместе вторым уже изданием – в 1922 году, к глубокому сожалению прервавшись на движении Разина. Трудно удержаться от пожелания Николаю Николаевичу закончить этот полезный труд и довести его до наших дней.

Труды проф. *Н.Н. Фирсова «Разиновщина» и «Пугачевщина»* увидели свет значительно раньше «Чтений по истории среднего и нижнего Поволжья», первый – в 1906 г., а второй – в 1908 г. И то и другое сочинения почти целиком посвящены истории Поволжья и Урала. И здесь с непоколебимой настойчивостью автор рассказывает о тягостных судьбах «простого народа», забитого нуждой, горем, произволом и крепостным насилием, повествует о героических усилиях этого «народа» сбросить с себя вековое иго своих угнетателей – помещиков, капиталистов и администрации, достигая истинного пафоса в описании социальных битв и социальной идеологии восставших против своего рабства и бесправия. И в том и в другом сочинении автор стремится доказать, что Разиновщина и Пугачевщина далеко не местные бунты, а события первостепенной важности и всероссийского значения. «Разиновщина – по определению Н.Н. Фирсова – одно из самых крупных и самых острых проявлений народной оппозиции тяжестям политического режима и социального быта в Московском Государстве». Но этого мало: «Разиновщина», с подавлением мятежа, стала «психологическим прецедентом, способным, при подходящем случае, оживлять разинское настроение в народе»²⁷. Примеры этого «оживления» он видит и в раскольничьем казачком движении на Дону в 80-х годах XVII в. и в XVIII веке, когда ярче всего он выразился в «Пугачевщине». Последней посвящена большая работа, в которой тщательный анализ социально-политической и экономической обстановки приводит его к такому выводу о социологической природе «Пугачевщины»: «это целый ряд вооруженных восстаний со стороны разных групп населения: со стороны яицкого казачества и тесно связанного с ним раскольничьего мира, со стороны инородческого и рабочего на селения обширного приуральского и по-

²⁷ Разиновщина. 3-е издание. М., 1920. С. 5 и 52.

волжского края и, особенно, со стороны крепостного крестьянства»²⁸. Пугачевщина полна выражением социально-экономических стремлений. И Николай Николаевич детально вскрывает эти стремления и проявления их в политической борьбе.

Большое внимание истории Поволжья и ее отдельных этнических образований – русских, татар, мари и чуваш, но по преимуществу угнетенной политической и экономически ее части, т.е. подавляющему большинству, уделяется и в книге *«Народные движения в России до XIX в.»* (М. 1924), главным содержанием которой являются такие события, как Смута, Разиновщина, Астраханский и Булавинский бунты, крестьянские движения в 18 веке и та же Пугачевщина.

Многое о Поволжье читатель найдет и в специальном историческом очерке под заглавием: *«Крестьянская революция на Руси в XVII веке»* (М. 1927 г.), в котором освещаются по преимуществу Смута и Разиновщина. Можно сказать вполне определенно, что оба последние научно-популярные сочинения по преимуществу касаются истории Поволжья, а архивные разыскания и методологические новшества придают им большую новизну и свежесть.

Многолетние работы над историей Поволжья, Сибири и Украины хотя и сосредоточивались преимущественно на древних временах, но воодушевляла к этим занятиям действительность, а связать именно с ней древнейшую историю этих областей эта же действительность и не позволяла, т.к. «командировки с научной целью» от Жандармского Управления производили некоторое воздействие, вследствие чего написанная еще в 1914 году статья *«Децентрализационные течения в России и их основные социолого-психологические последствия»* появилась в печати лишь в 1917 г. А в ней-то мы и находим то, что и определяло выбор предмета научного изучения Н.Н. Фирсова и являлось наиболее характерным в истории Поволжья и окраин по мнению нашего ученого автора.

Историк угнетенного царским режимом рабоче-крестьянского большинства, проф. Н.Н. Фирсов своими обличениями господствующего класса эпохи царизма резко отмежевался от последнего и стоял все время в оппозиции. Когда же он постиг все значение Октября, а в ряду таковых Николай Николаевич оказался одним из первых научных работников г. Казани, он, всецело примкнув к революции, еще шире развернул свою общественно-политическую и научную деятельность, а в статье 1925 года *«Русская революция и Ленин»* он запечатлел это присоединение в следующих словах: «Коммунистическая партия со своим вождем одержала верх в обострившейся классовый борьбе только потому, что была во главе самого революционного класса – пролетариата – и сумела организовать стихийно-революционное движение стомиллионного крестьянства, пошедшего, наконец, в своей вековой борьбе против помещиков за фабрично-заводским пролетариатом, поднявшимся на капиталистов».

²⁸ Пугачевщина. 3-е издание. М., 1925. С. 140.

Список его печатных работ указывает нам, что большая половина их выполнена уже после революции. Но это далеко не все. До революции мы знаем Николая Николаевича преимущественно как ученого и популяризатора научных знаний, деятельность его, даже и общественного характера, редко выходила из стен высших учебных заведений и со страниц газет и журналов. После же Октября проф. Н.Н. Фирсов читает лекции красноармейцам, рабочим и крестьянам, сотрудничает в местных и центральных газетах и журналах, принимает активное участие в организации народного просвещения в крае (Научный Отдел Казанского Отдела Народного Образования и Академический Центр Татаркомпроса), принимает пост ректора Восточной Академии в Казани в 1920 г., организует научное общество востоковедения в Казани, а в 1923 г. Научное Общество Татароведения, в котором в течение 6 лет избирается председателем его; в нем же он является ответственным редактором печатного органа «Вестника Научного Общества Татароведения».

Наконец, нельзя обойти молчанием такую работу, как *«Прошлое Татарии»* (Казань, 1926 г.). В этом кратком, научно-популярном историческом очерке он дал *историю татарского народа*, доведя ее до революции 1917 г. и образования Татарской Соц. Сов. Республики. «Камско-Волжская Болгария», «Казанское ханство» и «Татария под русской властью» – таковы основные разделы этого сочинения. Особенно обращает на себя внимание итоговая сводка работ по истории XIX и XX века и вновь опубликованные архивные материалы, характеризующие национальную борьбу в условиях царского режима. Эта небольшая книжка представляет собою схему истории татарского народа, которая долго будет служить импульсом в дальнейших научных разысканиях. Внутри каждого раздела этой книги читатель найдет тот же лейтмотив, который преобладает в прочих сочинениях маститого ученого – история народного хозяйства, борьба за экономическое и политическое господство, эксплуатация и гонения, пережитые татарским народом за время подчинения до падения царского режима, и историю борьбы татарского народа за свою независимость, выразившуюся в многочисленных народных движениях, мятежах и восстаниях.

Таков актив общественно-полезной и научной деятельности за 40 с лишком лет авторитетного ученого проф. Н.Н. Фирсова. Много сделано, много соорганизовано и в особенности за последние 12 лет его работы на пользу национального возрождения народностей Поволжья и, главным образом, татар, на пользу социалистического строительства и науки *господствующего* со времени Октябрьской Революции, а до нее угнетенного *большинства* рабочих и бедняцких-средняцких масс всех наций, создавших под руководством коммунистической партии и свой политический мирового значения Союз Соц. Сов. Республик. Поэтому-то 40-летний юбилей многогранной деятельности Николая Николаевича Фирсова, являясь праздником науки вообще, имеет особенно важное значение для Волжско-Камского края и Татарской Республики.

РЕЦЕНЗИИ

Платонов С.Ф. Борис Годунов. Петроград: Изд-во «Огни», 1921. 157 с.

*Опубликовано в журнале «Казанский библиофил»
(Казань, 1921. № 2. С. 174–177)*

Несколько месяцев тому назад вышла из печати книга «Борис Годунов» из серии «Образы прошлого», предназначенная для самообразования широких слоев населения и принадлежащая даровитому перу проф. С.Ф. Платонова. Нельзя не отметить первого впечатления, какое дает эта книга своей внешностью. В наше время, когда приходится мириться со многими лишениями и недостатками, кризисами в различных областях промышленности и бумажным голодом в частности, великолепно изданная книга, с претензиями на издание довоенного времени от бумаги до художественной обложки скорее просится в руки читателя, чем всякая другая. Рассматриваемое нами издание настолько удачно, что самый разборчивый читатель не найдет, пожалуй, упущений с технической точки зрения.

Но еще больше получаешь удовлетворения от ее внутреннего содержания. Бросается в глаза оригинальное построение труда с методологической и методической точки зрения. Здесь отсутствует трафаретная форма изложения автобиографического материала с эпохи прадедов и прапрадедов; здесь нет и шаблонного перечня событий, в которых принимал участие и которых был виновником Борис Годунов. Полный образ и характеристика Бориса определяется разрешением трех основных вопросов: 1) карьера, 2) политика и 3) трагедия Бориса Федоровича Годунова. И что особенно ценно, содержание этих вопросов не снабжается мелкими деталями, незначительными фактами, которые лишь увеличивают объем книги, но мало помогают разрешению вопросов.

Автор «Очерков по истории смутного времени в Московском Государстве» и «Древнерусских сказаний и повестей о Смутном времени» чувствует себя и в работе «Борис Годунов». Большая начитанность и редкое умение владеть источником в работе популярного характера ставят последнюю на видное место в ряду нашей научно-популярной литературы. С первых страниц чувствуется школа автора.

Читатель не увидит Бориса Годунова действующим одиноко оторванным от жизни и обстановки; наоборот, он заметит, как сложился тип Бориса Годунова под влиянием тех социально-экономических и политических условий второй половины XVI века, которые определяют весь ход истории России за этот период.

Царит общее положение, действительность: личность же заметна постольку, поскольку, она понимает это общее состояние, *эту действительность*, и исходя из действительности при содействии творческой инициативы, избирает правильный или неправильный курс своих действий, своей политики.

Борис Годунов, как практический государственный ум, понял окружающую его обстановку. Он видел, что экономическое положение страны не везде одинаково и особенно много опасений представляет в центре России, ввиду процветавшего здесь экстенсивного хозяйства, обусловленного, главным образом, поместным землевладением. Он видел, что в связи с этим социальные отношения обостряются и процесс сильно прогрессирует; развился отлив тяглого населения на «украину» и в «понизовые» области, развился антагонизм между княжатами (родовитым боярством) и «служилыми», между вотчиной и поместьем. В связи с этими процессами Московское Государство пришло в упадок, что учтено было соседями, с которыми требовалась особенно тонкая политика, чтобы сохранить *status quo* Московского Государства. Нужно было укрепить Государство не только в военном, но и в хозяйственном отношении, нужно было сосредоточить интересы всех общественных групп в одном фокусе, в обороне государства. Но если имеются непримиримые факторы, то курс политики на спасение государства потерпит крушение, а вместе с ним обречены на погибель и вдохновители этой политики.

Борис Годунов, увлекшись идеей спасения Государства, и был ее жертвой, т.к. не мог примирить непримиримое, не мог побороть действительности, как ни глубок был его государственный опыт. Вот в чем заключается трагедия Бориса, вот где причина его гибели.

Таковы общие мысли, положенные в основу работы проф. С.Ф. Платонова.

Позволим себе войти в некоторые подробности. «Карьера Бориса» (с. 3–38) начинается освещением личности Бориса в научной исторической литературе. После сжатой биографии Бориса, его краткого «*curriculum vitae*», автор переходит к изображению той обстановки, которая окружала Бориса и содействовала занять одно из самых видных мест среди служилой знати в эпоху Ивана Грозного. Вопросы о верховной власти, о боярских группах, местничества и опричнине представляют собою весьма важный материал, который и нашел изображение у проф. С.Ф. Платонова в крайне популярной и сжатой, но не лишенной художественности и увлекательности форме. Не менее ценна картина о взаимоотношениях боярских групп и служилых людей, «двора» и «княжат», на фоне которой обрисовывается энергично действующий и Борис Годунов. Продолжатель политики Грозного по отношению к боярству, Годунов прочно базирует свою деятельность на служилом элементе и благодаря бреши, нанесенной боярству еще Грозным, одерживает над ним победу, прибегая к более мягким средствам, и становится у кормила правления государством в царствование Федора Ивановича и после его смерти. Обрисовав Бориса Годунова как правителя, его государственные способности и качества, с приведением интересных и важных выдержек из источников официального, публицистического и иностранного происхождения, автор переходит к политике Бориса (с. 39–92).

Эпоха Грозного поставила перед его потомством целый ряд задач во внешней политике, большая часть которых для государства разрешена была благополучно Борисом Годуновым во время его регентства в царствование Федора Ивановича и в его собственное правление. Политическая ситуация Московского государства базировалась вокруг интересов тех государств, которые, главным образом, соприкасались границами с Москвией и некоторыми другими. Польша, Швеция, Цесарский двор (впоследствии Австро-Венгрия), затем Англия, Голландия, Дания, Литва – вот ряд Западно-Европейских государств, имевших более горячие сношения с Россией, на востоке же Турция, Кавказ, Крым и Сибирь, по отношению к которым в общем продолжалась политика Грозного. Слабым местом была политика по отношению к Европе. И Борис Годунов достиг многого. Резюме автора таково: «Во всех проявлениях московской политической жизни, во всех сношениях, с Европой и Востоком чувствуется при Борисе подъем правительственной энергии и возрождение политической силы. Можно сказать, что Борис достиг своих целей и заставил соседей считаться с Москвой так же, как они считались с нею в лучшие времена Ивана Грозного» (с. 67)²⁹.

Внутренняя политика Бориса, вращаясь около вопроса о создании политической и экономической мощи Московского Государства, главным образом, сосредоточилась около хозяйственных и социальных требований. Охарактеризовав внутреннее положение Московии по смерти Грозного, крестьянский «выход» и перемещение тяглого населения на окраины государства, антагонизм между вотчиной и поместьем, борьбу хозяев за рабочие руки и правительственные меры по отношению к крестьянам, холопам и беглым людям, а также и ко всем сословиям и классовым группировкам того времени, автор правильно отметил общее направление сословной политики в пользу мелкопоместного служилого элемента за счет тяглого населения и аристократии. Но кроме этого желательно было бы видеть и объяснение столь глубокой и дальновидной политики Бориса в пользу государства путем анализа экономических взаимоотношений того времени, о чем большой материал приведен в исследовании проф. Н.Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». В связи с революцией в экономической области в XVI в. призраком социального движения на рубеже и в первую четверть XVII века обрисовался бы отчетливее и еще сильнее бы оттенил место и значение Бориса Годунова в эти годы бедствий Московии. В чем же видел автор трагедию Бориса? Довольно подробно С.Ф. Платонов останавливается на Углическом событии 15 мая 1591 г. и рядом веских доказательств вскрывает истину, уже известную по исследованию автора. Отношения современников, различных боярских и придворных групп к этому событию и избранию Годунова на царство, что особенно удачно выражено в вопросе об избирательной кампании в Москве (с. 118–127), раскрывают политическое одиночество Го-

²⁹ Нельзя не отметить весьма удачной, по силе экспрессии и подбору материала с большим интересом читаемой главы: вопрос о патриаршестве в Москве (С. 58–66).

дуновых, что в связи с социальным движением ставит Бориса в критическое положение. Годунов остается без поддержки и со стороны мелкопоместного служилого класса, который не успел еще овладеть сильными позициями и организовать в крупную политическую силу, а выступление самозванца, поддержанное, главным образом, тяглым населением, боярством и недовольною Борисом частью служилого элемента положили конец политике Годунова. Идея государственности, положенная в основу политики Бориса, должна была отступить перед социальным движением, вызванным целым рядом экономических причин. И как ни старался Годунов защищать свои позиции, прибегая ко всевозможным средствам, до колоссального шпионажа включительно, все же он должен был погибнуть. Досадно лишь то, что автор книги, наметив вначале значение социального фактора в судьбе Годунова и его семьи, а также и в судьбе Государства Московского, не развил его в конце, отчего может получаться неблагоприятное впечатление и неправильный вывод. Если глубже взглянуть на социальные взаимоотношения того времени, то становится ясным, что Борис Годунов не оттого потерпел крушение в своей политике, что не хватило ему сил отстоять свои государственные идеи. Трагедия Бориса заключается в том, что он с классовой точки зрения, был царь-опричник, *царь* мелкопоместного служилого класса, в пользу которого он действовал, но которого не мог превратить в политическую силу, чтобы на нее опереться в борьбе за ее интересы с боярством и широкими массами крестьянства, казачества и беглого люда, лишившихся свободы передвижения, «воли» и записанных в тягло. Поднимающаяся волна *народного восстания*, сдвинутая голодом 1602–1603 гг., была и идейно и физически настолько могуча, что не мог удержаться не только Годунов, но и всякий другой, с более широкими классовыми тенденциями.

Все же мы надеемся, что внимательный читатель не войдет в заблуждение и отведет должное место и значение кратким и сжатым заключениям автора в этом вопросе.

В конце книги приведен список наиболее важных пособий о Борисе Годунове. Общее впечатление от книги вполне благоприятное и позволяет питать надежду, что «Борис Годунов» С.Ф. Платонова займет видное место в нашей научно-популярной исторической литературе.

Богословский М. Петр Великий и его реформа.
М.: Изд-во «Кооперативное Издательство», 1921. 117 с.

*Опубликовано в журнале «Казанский библиофил»
(Казань, 1921. № 2. С. 177–180)*

Популяризация научных знаний занимает в настоящее время не только правительство, но и весь ученый мир. Школы II ступени, школы взрослых, педагогические долгосрочные курсы, общеобразовательные курсы повы-

шенного типа, красноармейские курсы, а также рабочие факультеты при всех высших учебных заведениях Республики и пролетарские университеты вызвали широкий поток трудового элемента, стремящегося пополнить свое образование, расширить свой умственный и политический кругозор. Наблюдается не только большой интерес к лекциям, школьным занятиям, дающим систематическое развитие, но ярко выражена тенденция и закрепить полученное знание тщательной проработкой материала, путем прочтения серьезной и понятно написанной книги по интересующему вопросу.

Эту насущную потребность в доступной широким массам книге и назначается удовлетворить работа маститого ученого М. Богословского. Написанное сжато, вполне популярно, содержание книги распадается на 12 глав, в которых мы находим изложение политического и экономического состояния России как при вступлении Петра В. на престол, так и в продолжение его 35-летнего царствования. На этом фоне обрисовываются реформы Петра Великого во всех областях государственной и социальной жизни России, а также и крупная фигура самого преобразователя.

Изображая в 1 и 2 главах детство и юношество Петра Великого, автор вводит читателя в курс придворных интриг и боярской борьбы на почве местничества и честолюбия. В стрелецких бунтах 1682 и 1689 гг. определяется довольно выпукло соотношение классовых сил в Государстве и роль царевны Софьи.

В 3 главе описывается столкновение Петра Вел. с Софьей и победа над ней, с приведением массы коротких, но характерных выдержек из источников; особенно удачно описание сцены заговора Софьи против Петра Великого.

Предоставляя полное распоряжение государственными делами сторонникам той партии, при поддержке которой Петр Великий сломит сопротивление царевны Софьи, молодой государь занимается «потехами», которые в 1695 и 1696 гг. перешли в серьезное дело под Азовом и вызвали первые государственные реформы и предприятия. Таково содержание 4-й главы, в которой, к сожалению, преобладает догматическое изложение материала, между тем как, на наш взгляд, следовало бы значительно больше уделить места причинной связи событий; две фразы, посвященные этому вопросу только намекают на связь с прошлым в области крымской политики, но не объясняют ее (с. 26).

Глава 5 посвящена заботам о сооружении флота, изображению немецкой слободы и описанию заграничной поездки.

Эта глава может быть отнесена к одной из самых удачных по художественности изображения и силе мысли; живо и красиво написанная с массой документальных справок и присущих 17 веку выражений, эта глава читается легко и свободно, с постоянно возрастающим интересом. Но справедливость требует указать и на заметный пробел в вопросе о причинах, цели и результатах поездки Петра за границу. Любопытство царя возбужденное немецкой слободой, желание своими глазами повидать Европу, людей и их условия жизни, поучиться самому любимому им корабельному делу и военному ис-

кусству вместе с другими русскими людьми, отправившимися для той же цели, – все это не вполне определяет поездку Петра Вел. в Европу. Европа привлекает Петра и с другой стороны; он мог там вполне исчерпывающим образом познакомиться с международной ситуацией, с главными вопросами и злобой дня европейской дипломатии. Такой вопрос может быть поставлен на одной плоскости с кораблестроением, которое выдвигается автором в качестве главной причины путешествия Петру, и тем самым увеличить и уяснить значение его поездки. Проф. М.М. Богословский не будет протестовать против того факта, который указывает на изменение внешней политики Петра Вел. по возвращении из путешествия по Европе: центр тяжести внешней политики был перенесен с юга на Запад и Балтийское море. Этот вопрос не является новостью; его освещал в своем общем курсе еще В.О. Ключевский. В специальной же монографии о Петре Вел. хотелось видеть не только упоминание, но и более подробное освещение его. В данном вопросе приходится констатировать досадный пробел.

Предметом шестой главы является война Петра Вел. с Турцией, Швецией и Персией, изложение которых вводит читателя в курс международной политики, объясняющей международное положение России и дипломатию Петра Великого. 33-летняя война определяет и курс внутренней политики, направляемый всецело на удовлетворение вызванных войной нужд и потребностей. Прежде всего, внутренняя реформа коснулась войска, флота, а в связи с этим и финансов. Седьмая глава и дает очерк реформ в этих областях государственной жизни страны; читается с возрастающим интересом по мере того, как в текст вводятся результаты многочисленных исследований ученых-экономистов.

К сожалению, следующая глава о промышленности и торговле написана до того сжато и коротко, что лишает главу полного синтеза всему исследованному материалу, чего мы вправе ждать от профессора Богословского. Если нам скажут, что от книги, имеющей целью популяризацию научных данных, нельзя ожидать нового материала, дополняющего известные до сих пор монографии по указанным вопросам, то мы вправе требовать указания всех вопросов уже затронутых исследованиями и даже тех, которые еще подлежат исследованию. Иначе популярная книга не сможет дать толчка к разработке еще неосвещенных вопросов. Слишком догматическое изложение материала не только не будирует мысль, но даже не укрепляет в памяти и изложенного.

Вот почему и хотелось бы встретить в книге проф. Богословского более подробное освещение таких важных и интересных вопросов, как торговля и промышленность. Вообще, слишком слаб в этой главе не только материал, но и самые приемы его изложения.

Вкратце перечислены меры Петра Вел. в области просвещения, без всякой претензии отметить значение и смысл просветительной политики Петра Вел. в области быта и народного мирозерцания. Затем следует социальная реформа.

Автор довольно подробно останавливается на судьбах дворянства; много внимания уделяется трем основным законам Петра Вел.:

1) табели о рангах, 2) единонаследию, и 3) обязательной службе дворянства. Можно бы высказать пожелание, чтобы в этой главе было больше материала, характеризующего быт и изменения, которые внесла реформа в социальную жизнь дворянства, главным образом, мемуарного характера, но это уже *desideratum* для нового издания. Но вдаваясь в долгие рассуждения, по поводу рассмотрения главы вполне уместно поставить вопрос: почему дворянство удостоилось такого внимания со стороны автора за счет всех других сословных и общественных группировок, о которых упоминается лишь вскользь в других главах. Любопытно было бы каждому читателю иметь наиболее подробную и цельную картину социального строя, и еще лучше *социальную жизнь страны*. С прискорбием констатируем, и это не только фактический пробел, но и методологический недосмотр.

Глава 11 останавливается на административной реформе в области центрального и местного управления России: дается сжатая сводка компетенции наиболее важных учреждений и институтов: Сената, генерал прокуроров, коллегий и губерний. Влияние войны на эту область реформ выражено достаточно определенно. Характер и личность Петра Вел., его способность подыскивать себе подходящих сотрудников, семейные дела, вопрос о престолонаследии в связи с личностью царевича Алексея – все это красиво изложенное, с приведением многочисленных выдержек из источников, составляет заключительную главу книги, но опять-таки не вполне удовлетворяющую интерес читателя как к личности Петра Великого, так и к некоторым вопросам его государственной деятельности. Слишком тенденциозная экономия места заставила, видимо, опустить характеристику Петра Вел., какую дает нам обильный бытовой народный материал. Как смотрел народ на Петра, и как реагировал народ на деятельность императора? Вот вопросы, оставшиеся в стороне, загороженные государственной реформой и личностью Петра, как государя.

Рассмотренное нами сравнительно небольшое руководство вводит нас в великую эпоху жизни русского народа и государства, когда подвергалась серьезной критике и реорганизации Московская Русь, когда дан был сильный толчок развитию в России денежного хозяйства, вместе с тем промышленности и торговли с одной стороны, и закреплению социальных групп населения – с другой; эта же эпоха Петра Вел. указала и дальнейший путь социальной борьбы, развивавшейся в 18 и первой половине 19 века.

Бросая общий взгляд на книгу проф. Богословского, надо признать, что внимательное ее чтение приводит к следующим выводам:

1) С точки зрения содержания надо заметить, что весьма ценный материал по психологии народных масс, по народному быту и отдельным сторонам государственной (торговля и промышленность) и особенно социальной жизни (классовая группировка и классовые взаимоотношения, а также и отношения между классами и государством) опущен и не получил должного осве-

щения, хотя бы за счет лишних комментариев к более простым и менее трудным для понимания событиям государственной жизни России начала 18 века.

2) С методологической точки зрения тоже не все благополучно. Приходится признать, что догматизм очень сильно дает себя чувствовать; вполне возможно, что произошло это вопреки всякому желанию автора, но и в других отношениях метод не выдержан до конца (о чем мы указывали выше).

3) Свежего материала очень мало; книга не особенно далеко ушла даже от общеизвестных исследований. Между тем научная литература XX века обогатилась им в достаточной степени для того, чтобы признать слишком узкими те рамки, в которые заключает его проф. М.Богословский.

4) Несмотря на указанные шероховатости и недочеты, к которым надо отнести и отсутствие литературного указателя, можно полагать, что книга проф. Богословского займет видное место в школьной и внешкольной библиотеке, а может быть явится и удовлетворительным руководством в учебных заведениях указанного типа, тем более, что проф. Богословскому удалось найти настолько понятный, а местами и художественный язык в изложении сухого научного материала, доставшегося нам в наследие от величественной по своей важности эпохи первой четверти 18 века.

Руководства монографического характера многие могут дать стремящемуся к знанию и политическому развитию трудового гражданства необъятной Российской Федерации. Выразим искреннее пожелание видеть в самом ближайшем будущем научные популяризации и по другим вопросам нашего прошлого, чтобы полностью удовлетворить насущную нужду народа в научном обосновании своего политического мирозерцания.

Архивные курсы. Часть 1. История Архивного Дела Классической Древности, в Западной Европе и на Мусульманском Востоке. Петроград, 1920. 111+387 с.

*Опубликовано в журнале «Казанский библиофил»
(Казань, 1922. № 3. С. 50–52)*

Сравнительно недавно смогли дойти до Казани издания Архивных курсов, имевших место в Петрограде в 1918 и 1919 годах. Всего пока вышло 3 выпуска, из которых первый посвящен истории архивного дела в государствах Западной Европы и мусульманского Востока. Все напечатанные курсы лекций построены приблизительно по одному плану, основные пункты которого следующие: 1) история архивов и архивного законодательства, 2) содержание архивов вообще и особенно выдающихся по своей ценности в частности, 3) состояние описей, инвентарей, индексов и каталогов; история составления их, 4) издательская деятельность архивов и Архивных Управлений, 5) порядки, существующие ныне в архивах и 6) архивные работники, их

квалификация, отношение к делу и заслуги. После речей, произнесенных при открытии курсов главными руководителями их, С.Ф. Платоновым, А.Е. Пресняковым и А.С. Николаевым следует курс проф. Г.Ф. Церетели «Архивы классической древности. (Греция и Рим)» сжато изложенный и крайне интересный. Проф. Церетели дает обзор архивов Греции, Рима и Греко-Римского Египта, освещает их историю, организацию, внутренний распорядок, поскольку этому способствует фактический материал, заимствованный из собраний источников, относящихся к тому времени и из собраний современников и государственных деятелей времен с VII века до Р.Х. по V век после Р.Х. В архивах классической древности, как в центральных, так и в провинциальных, храмовых и частных были сосредоточены большие собрания материалов как публично правовых, так и частноправовых отношений. Особенно отличались своим значением архивы: Метроон (Аттика), Сенатский и Палатинский (Рим), Адриановский и Наноон (Египет). Отмечается чрезвычайно серьезное отношение в постановке архивного дела, бережливое отношение к архивам в особенности в Египте и Греции, – и недоступность архивов. Но все же архивами пользовались не только в целях утилитарных, но и научных. В эпоху древности в архивах видели «базу не только чисто исторических изысканий, но и для правильной постановки всего государственного управления для урегулирования ряда бытовых, экономических и т.п. условий, одним словом, древность понимала, что бережное отношение к документам, к этим посредствующим звеньям между минувшим и настоящим есть признак культурности» (с. 71) таков вывод автора.

Проф. О.А. Добиаш-Рождественская, в «Истории архивов романской Европы при старом порядке» приходит к выводу, что традиции античного мира имели место лишь в позднее средневековье, в эпоху возрождения и местами лишь в 17 и 18 веке. Чрезвычайно метко охарактеризовано отношение к архивам трех видов: 1) в эпоху переселения народов и в эпоху великой Французской Революции за некоторыми исключениями все архивы превращаются в хаос, 2) большей же частью сохраняются одни архивы и разрушаются другие и 3) усилиями ученых, а также бенедиктинских монахов наиболее ценные архивы приводятся в порядок и разумно оберегаются, благоустройство архивов ставится на научную почву, развивается особая научная дисциплина: «дипломатика», но революция и властная рука Наполеона, разрушают начатое дело. Весьма обильный фактический аппарат и красивое изложение делают курс весьма интересным и легко читаемым. Бедность русской литературы по вопросам, затронутым проф. Церетели и Добиаш-Рождественской определяют и высокое научное значение их курсов.

Краткий очерк истории «Ecole des chartes» с начала ее существования дополняется статьей Инны Любименко «французская школа архивистов «Ecole des chartes», в которой последняя знакомит читателя с программой этой школы, условиями работ учащихся в ней и важным значением последней в истории архивного строительства Франции до последнего времени.

История архивного дела во Франции дополняется статьей проф. Е.Ф. Гарле «Национальный Архив в Париже», которая знакомит с историей его возникновения, развития, постановкой работ и положением его в настоящее время. Попутно высказываются чрезвычайно важные мнения относительно хотя бы отбора бумаг для уничтожения («Triage»), издательства исторических материалов и т.п., что имеет особое значение в отношении к России и в частности к ее провинции (с. 176).

Краткие курсы проф. М.А. Полиевктова «Архивное дело в Германии и Австрии» и «Архивы Италии» вводят читателя несколько в иную сферу создания архивов, ныне занимающих весьма видное место в Европе, как напр. Мюнхенский *Reiclisarchiv*, Дрезденский, Берлинский Главный Архив, Римский *Archivio del Regno* и проч. Развитие архивного строительства очень тесно связывается с развитием государственности; до возникновения архивного законодательства архивы представляют собой тип регистратур, как городских, так и ведомственных. К настоящему времени всюду отмечаются большие успехи в области подготовки кадра архивных работников и издания архивных материалов.

В более лучших условиях наблюдается развитие архивного дела в Великобритании по заключению Инны Любименко в ее курсе «Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем». Раннее развитие конституционализма, отсутствие частых и опустошительных войн на территории метрополии Англии, отсутствие ломающих сверху до низу общественный строй революционных и социальных движений способствовали к наиболее полной сохранности архивов и их благоустройству. Систематизация архивов, подготовка их к научному использованию, составлению описей и каталогов начались с первых годов 19 в. Много сделано, но далеко не все. Затем дается краткий очерк создания особенно важных архивохранилищ, как напр. Лондонской *Public Record office*, Британский музей, Бодлеанская библиотека в Оксфорде и др. Указаны наиболее важные издания документов и справочников, в сочувственных тонах охарактеризованы архивные порядки и условия работ в британских архивах на основании пережитых лично впечатлений. Статья чрезвычайно ценная и живо написанная.

Не так благополучно с архивами обстоит дело в государствах мусульманского Востока, которым посвящена статья академика В.В. Бартольда «Хранение документов в государствах мусульманского Востока». Автор заключает, что архивы их находятся в зачаточном состоянии и то, что было в сохранности, напр. в Турции, в Бухаре, Туркестане, либо расхищено, либо находится в состоянии разрушения и безвозвратной гибели. Низкое состояние просвещения, культурного развития, пережитки полукочевого образа жизни, не утвердившегося государственного строя и проч. являются причинами, вызывающими гибель архивного материала. Только дружные усилия европейских и русских ученых способны двинуть по пути прогресса архивное дело даже в Турции (с. 386–387). Статья чрезвычайно интересная и важ-

ная ввиду полного отсутствия подобной литературы на русском языке; жаль одно, что она очень короткая.

Всякому интересующемуся архивными делами рассмотренная книга даст много приятного и полезного, даст сведения о современном состоянии архивов Западной Европы, тем более что приходится признавать крайнюю бедность серьезной литературы по архивному делу на русском языке, и приводит к сознанию, что в России при создавшихся неблагоприятных по многим обстоятельствам условиям заметно пробуждение интереса к архивному творчеству и фактическому созиданию культурных ценностей.

**Архивные курсы. Часть 2. Маяковский И.А. Исторический очерк
Архивного Дела в России. Петроград, 1920. 11+176 с.**

*Опубликовано в журнале «Казанский библиофил»
(Казань, 1922. № 3. С. 52–53)*

Сосредоточить внимание на происхождении и эволюции архивных богатств России и на историческом развитии законодательства и практики архивного дела – основная задача «Очерка» и надо заметить, что это задание автором выполнено блестяще, с одушевлением в виду тех целей, которые преследует «Исторический очерк»; а о целях предоставим сказать самому автору: «Поддержать присущую каждому архивисту неусыпную тревогу за вверенные нашему попечению памятники старины, учесть и отрицательный, и положительный опыт в архивном деле прошлого, ощутить под толстым напластованием продуктов архивного нестроения и хаоса органические процессы и преемственные связи, слагавшие наше архивное здание, и твердо встать на завоевание нашему делу высокой научной роли, – таковы те задачи, которые повелительно диктуются нам самым положением наших архивов» (с. 20)

Печальную историю архивного дела в России автор разбивает на несколько крупных периодов, в связи с внешними и внутренними переменами, которые известны нам с XII века до настоящего времени и которые так или иначе, но влияли на судьбу архивных богатств России. Эти эпохи следующие: 1) Домосковская Русь, 2) эпоха Московского Государства, 3) Петровская эпоха, 4) эпоха коллегий (XVIII век) и 5) эпоха Министерств XIX и нач. XX века.

Рассматривая каждую в отдельности, автор главное внимание обращает на 1) историю создания архивных фондов, 2) место его хранения, 3) меры, принимавшиеся с целью охраны архивного фонда от тления, расхищения и гибели; на врагов архивов: пожары, войны, небрежность, отсутствие квалифицированных работников и приличных помещений, 4) значение архивного материала для правительства и общества, 5) эволюцию архивных фондов,

б) производство описаний архивных фондов, их систематизацию, каталогизацию и пр., 7) архивное законодательство и 8) результаты, уже достигнутые и 9) нужды, подлежащие к удовлетворению. Вот те объекты, на которые автор обращается главное в области архивного строительства внимание. Соответственно тому значению, которое архивы занимали в различные эпохи, определяется и их состояние. В эпоху домосковскую и московскую на архивный материал смотрели как на орудие, необходимое для восстановления прав собственности: этим взглядом было проникнуто и правительство и общество, а вследствие этого архивы стремились беречь, но не умели. Петровская эпоха важна тем, что внушила мысль о научном значении архивов и необходимости их централизации, но эта мысль не нашла подходящих условий, чтобы претвориться во что-либо реальное. Эпоха коллегий, а в особенности министерств (XVIII и XIX век) создали в правительственных кругах такое отношение к архивному материалу, которое способствовало только гибели архивов; именно: если старое делопроизводство не нужно было для справок, то его можно и должно уничтожить. Это ведомственная рутина столкнулась, наконец, с противоположным общественным мнением, видевшим в архивах фонд для научной разработки судеб России и русской народной жизни, выдвинувшим ряд мероприятий, клонившихся к упорядочению архивного дела в теории и практике его, и поставившим во главу угла принципы централизации архивов и управления ими ведомственного невмешательства и строго научной постановки дела. Вся вторая половина XIX и начало XX века наполнены перипетиями этой борьбы, которая закончилась победой над старой рутинной уже в эпоху революции с изданием декрета о централизации архивного дела 1 июня 1918 года (с. 156–175). И бросая сравнительный взор на прошлое русских и западно-европейских архивов, автор ничего не находит иного в прошлом наших архивов, как «одно пустое место, ничего поучительного и полезного» (с. 1–2). Но в конце концов, и в этом сплошь отрицательном прошлом вспыхивали огоньки настоящего; это и дало возможность автору заключить свой «Очерк» словами, которые должна услышать вся Россия и, услышав, откликнуться на призыв помощью в деле охраны культурных остатков нашего прошлого: «В тисках непроглядной рутины, безразличия, не сочувствия и даже яростной враждебности она (идея централизации архивного дела) властно приковывала к себе внимание и не могла быть побеждена никакими ведомственными соображениями. В этом – самый верный залог ее насущности и жизнеспособности (с. 175)».

Приведенная главная литература по истории архивного дела в России показывает, что в рассмотренном очерке мы видим первый опыт *систематического построения* истории архивного дела, чем определяется громадная заслуга И.А. Маяковского и высокое научное достоинство его труда.

Архивные курсы. Часть 3. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк Русской Дипломатики Частных Актов. Петроград, 1920. 188 с.

*Опубликовано в журнале «Казанский библиофил»
(Казань, 1922. № 3. С. 53)*

Термином «дипломатика» обозначается учение о документах и актах как публично правового, так и частноправового характера. Дипломатика изучает их как источник, т.е. выясняет принципы и приемы интерпретации и критики актов, и как явление, т.е. происхождение документов и актов, их состав и формуляры, способы удостоверения и т.п.

Задачи дипломатики автором исследования определяются так: «она выясняет принципы и методы исследования не столько документов, сколько актов, облекающих правоотношения в более определенные, преимущественно письменные формы, которые и подлежат специальному ее изучению» (49–50).

Главное внимание дипломатики сосредотачивается, как видно из слов Лаппо-Данилевского, на частных актах в силу того, что документы официального происхождения не требуют такой глубокой и тонкой критики, как акты частного происхождения.

Область русской дипломатики частных актов, хотя уже более 70 лет обращала на себя внимание русских ученых (И.Д. Беляева, Н.В. Калачева, И.И. Срезневского, Д.Мейчика, Н.П. Лихачева, С.А. Шумакова, Веретенникова и др.), но все же систематический очерк русской дипломатики частных актов мы констатируем впервые. Несмотря на то, что курс Лаппо-Данилевского чрезвычайно сжат, он являет собой большое завоевание в систематическом построении схемы данной научной дисциплины.

Выяснив весьма выпукло в первом отделе своей книги предмет дипломатики и дипломатическое изучение в русской археографии и историографии, А.С. Лаппо-Данилевский во втором отделе переходит к интерпретации и критике частных актов, а в третьем и последнем – к документальному построению частных актов, где особенное внимание уделяет анализу частного акта, различая анализ предварительный (место и время происхождения частного акта), дипломатический (расчленение каждого акта на составные части – клаузулы, определение более или менее общих и частных клаузул сравнительно с другими актами той же группы, выяснение типического соотношения в преемстве клаузул данной группы, актов) и юридический анализ, устанавливающий различие между отдельными актами по их происхождению с юридической точки зрения. Исследование заканчивается синтезом частного акта, чрезвычайно важными выводами которого будет пользоваться всякий ученый, имеющий дело с источниками частноправового характера.

А.С. Лаппо-Данилевский устанавливает в заключение особенную важность частных актов при изучении народного быта, хозяйства и социальных отношений; кроме того, частные акты «дают некоторое понятие о системе и

эволюции права» (с. 178–188). Рассмотренная нами книга представляет собою ценный вклад в научно историческую литературу, выдвигает вопросы, требующие дальнейшего и всестороннего изучения, и побуждает приложить силы и способности каждого, интересующегося указанной научной дисциплиной, к дальнейшему разрешению поставленных, но не разрешенных еще наукою вопросов.

Все рассмотренные книги представляют собою крайне нужный для каждого архивиста материал и руководство и надолго останутся настольными книгами интересующихся не только архивным делом, но и всякого участника в культурном строительстве современности.

Материалы по истории крестьянских движений в России
/ Под ред. Б.Б. Веселовского, В.И. Пичета, В.М. Фриче.
Вып. 3: Крестьянские движения 1902 года. М., 1923. 129 с.

*Опубликовано в журнале «Казанский библиофил»
(Казань, 1923. № 4. С. 173–174)*

Настоящий сборник представляет собою, по заявлению редакции, «первый по времени выхода выпуск» из намеченных к изданию «Материалов», так что в нем мы можем констатировать начало чрезвычайно необходимого издания для изучения эпохи 2-й половины XIX и начала XX века. Материалы, составившие этот выпуск, взяты из Сенатского Архива и касаются крестьянских движений в Харьковской и Полтавской губерниях, происшедших весной 1902 года.

В предисловии проф. И.Пызырев отмечает, что материал, вошедший в этот сборник, не так полно излагает фактическую сторону, как старается «проследить главнейшие исторические причины, обусловившие этот судорожный взрыв, и заинтересоваться той совершенно своеобразной психической атмосферой, в которой происходило это первое революционное выступление крестьянства в новейшее время» (с. 5). И, действительно, талантливо подобранные материалы из 5-ти томного дела вполне отвечают поставленным заданиям. Читатель найдет в них отражение в процессе взглядов всех социальных групп на эти события, увидит, насколько справедливо понесли наказание «бунтовавшие» и как смотрела на этот процесс сама власть. «Материалы» блещут силой доказательности о «законности» и «справедливости» царского суда по отношению к податному сословию и отчетливо вскрывают все язвы и продажность как суда и судей, так и всей царской администрации.

В конце книги (с. 126) примечания приобретают особенную ценность, как средство лучше ориентироваться и разобраться в приводимом материале.

Редакция в скором времени обещает подарить изданием аналогичных материалов из эпохи 50-х и 60-х годов XIX в., а также 1901–1905 и 1917 гг. и

есть полное основание заключить, что и будущие выпуски несколько не уступят по ценности материала только что рассмотренной нами книге. Тот принцип, который положен в основу этого издания – осветить условия крестьянской жизни и причины движений – делает издание поистине оригинальным и чрезвычайно ценным. И в этой области приходится еще раз отметить благотворное влияние великой революции, которая открыла все тайники правительственных архивов для изучения самых «секретных» и «конфиденциальных» памятников царского самовластия.

Архивное дело. Вып. 1. М.: Госуд. Изд., 1923. 1+137 с.

*Опубликовано в журнале «Казанский библиофил»
(Казань, 1923. № 4. С. 177–178)*

Текущий 1923 год составляет новую эру в области, архивного строительства в России. Начиная с 1921 года Центрархив дарит нас ежегодно крупными событиями: в 1922 году была созвана всероссийская конференция по архивному делу, в 1922 году мы отмечаем появление чрезвычайной важности и интереса исторического журнала «Красный Архив», а 1923 год – год выхода в свет первого выпуска первого в России специального архивного органа, посвященного вопросам архивоведения в широком смысле слова. Цель издания – «научная обработка теоретических и практических проблем архивного дела» и посильное освещение новой архивной жизни, как она проходит после реформы 1 июня 1918 г. в живой работе в центре, и на местах». Пропаганда архивного дела, вопросы рациональной охраны и методы научного описания архивных материалов, освещение процесса архивной реформы в условиях настоящего времени – вот основные задачи издания.

Необходимость последнего давно уже назрела, особенно в провинциальной России, где мало подготовленных архивистов, где нет сплошь, и рядом не только иностранной научной литературы по архивному делу, но и русской, где методы работы приходится выискивать и выработать в процессе самой работы, вместо того, чтобы воспользоваться теми достижениями, которые стали обычны и в наших столицах и за границей. Нужда в таком издании ощущается особенно после декрета о централизации, после того, как все архивы РСФСР, где бы они ни находились, составили Единый Государственный Архивный Фонд, что, без сомнения вызывает и единый план в практической работе каждого отделения этого фонда.

Содержание рассматриваемого издания резко распадается на 2 части: теоретическую и практическую, а первая в свою очередь охватывает не только вопросы российского архивоведения, но и европейского.

В первую часть вошли статьи *С.Рожественского «Историк-археограф архивист», Н.Лихачева «К вопросу о составлении перечня изданных русских актов», С.Валка «Архивные обзоры», В.Шереметевского «Из семинария по*

архивоведению», Д.Егорова «Образование архивиста на Западе» и И.Пузино «Западно-Европейские периодические издания по архивному делу».

В русской действительности особенно ценное значение приобретают статьи С.Рождественского и Д.Егорова, из которых первая определяет те требования, которым должен удовлетворять архивист, имея в виду задачи современной истории и археографии, а вторая знакомит с теми требованиями, которые предъявляются к ученому архивисту на Западе в наше время. Переходя к нашей действительности, автор заключает, что организованный архив возможен только тогда, когда мы будем обладать организованным же работником, т.е. вполне соответствующим по своей научной подготовке своему высокому назначению. Несмотря на то, что в мыслях обоих авторов не так много оригинального, все же статьи крайне полезны, т.к. они способны выдвинуть целый ряд мероприятий как в Центре, так и на местах, чтобы воплотить в жизнь то, что для нас является еще новым, а в Европе уже обычным.

Н.Лихачев и С.Валк выдвигают очередные задачи, требующие исполнения и приноровленные к нашей печальной действительности, которая заставляет в любом начинании, прежде всего, доказать, что это не так дорого стоит и возможно выполнить с нашими наличными силами и средствами.

Очень ценна и статья В.Шереметевского, которая дает образчик выполнения чрезвычайно тяжелой задачи в короткое до минимума время (в 4 дня) – знакомить с практическими приемами описания документов Московской письменности XVI и XVII вв. (Разрядного приказа).

Вторая часть заключает в себе «Летопись архивной жизни провинции за 1920 год», составленную М.Вишневым, «Первую всероссийскую конференцию архивных деятелей» с конспектами докладов и резолюциями по ним, составленную В.Пичета, некрологи, библиографию и заметку. «Архив помещиков Опочининых», принадлежащую С.Талантовой.

Вообще нужно сказать, что и эта часть очень интересна и важна, особенно для провинции, результаты работ которой и нашли себе здесь отражение, особенно в «Летописи архивной жизни». Просматривая эту «Летопись», возникает сожаление, что приводятся сравнительно старые сведения, тогда как в эту летопись можно бы включить данные 1921 – и частью 1922 года. Что касается сущности содержания «Летописи», то можно заметить, что недостаточная систематичность не позволила сделать обзора архивной жизни всей России, а лишь части ее; кроме того, данные о некоторых Губернских Архивах приводятся не только за 1920, а за 1919 г. и иногда 1921 год, что противоречит самому заголовку. Не лишена «Летопись» и фактических ошибок; чтобы не быть голословным, приведу пример из обзора Казанской Губернии: на с. 86 есть указание, что архивы Казначейства, Губернского Присутствия, Канцелярии Губернатора и вотчинный архив Толстых-Милославских погибли, тогда как все эти архивы сохранились, и лишь архив Казначейства и Толстых-Милославских потеряли до 60% своего наличия, два же другие пострадали в самой незначительной части.

Обстоятельность, которую блещет работа В.Пичета о «Всероссийской конференции по архивному делу» долго будет приковывать внимание читателя и специалиста к работам этой конференции, ярко запечатлевшей состояние архивного дела в России в 1921 году и те надежды и проблемы, которые воодушевляют архивных работников на дальнейшие труды в этой области.

Подводя итоги краткому обзору 1-го выпуска «Архивного Дела», мы можем констатировать, что этот новый орган будет встречен с большим удовлетворением и явится настольной книгой провинциального архивного работника, т.к. по своему содержанию он настолько удовлетворяет запросам времени, что поднимает дух и энергию в повседневной работе, заставляет задумываться над насущными вопросами архивного строительства, пробуждая инициативу и освобождая от мысли, что работа в провинции должна сосредоточиться лишь на охране архивов, лишь на надзоре за сохранностью замков, которыми они заперты, что явилось результатом финансов – экономического кризиса, голода и холода в пережитую уже эпоху 1920–1922 годов.

Будем же приветствовать появление 1-го выпуска первого архивного органа «Архивного Дела», желаем ему дальнейшего процветания и выразим надежду, что и последующие выпуски с успехом выполняет те цели и задачи, которые поставила себе редакция «Архивного Дела».

Внешность книги, техническое выполнение и бумага несколько не уступают лучшим изданиям нашего времени. Высокая цена, пожалуй, помешает широкому распространению книги, о чем приходится только пожалеть.

**Труды Иваново-Вознесенского губернского
научного общества краеведения. Вып. 2. 1924. 92 с.;
Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского губ.
научного общества краеведения за 1924 г. 1925. 45 с.**

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1925. № 3. С. 52–53)*

Внешность и того и другого издания очень хороша. Многим обществам Советского Союза Республик есть что и позаимствовать. Но и внутренняя сторона вполне соответствует внешней. Тем более хочется это отметить, что эти издания принадлежат молодому обществу, открывшемуся 31 января 1924 г. Статьи 2 выпуска «Трудов» по преимуществу – результаты изучения Валдайского озера Д.А. Ласточкиным, Н.В. Кордэ, Н.И. Цешинской и В.В. Горшково-вой; их небольшие исследования объединяются одной темой «Очерк населения озера и его гидрологическая характеристика» (с. 1–34). Затем идут В.М. Пчелкина «Материалы к флоре Иваново-Вознесенской губернии» и статья Д.Годнева с характеристикой климата губернии (с. 49–63). Заканчивается сборник наиболее обширной коллективной работой П.С. Чернобровцева и С.Д. Старынкевича «Распределение Иван-Вознес. губернии на сельскохозяйственные районы» (с. 64–92). Приложенные к работе картограммы чрезвычайно полезны и

ярко иллюстрируют основные положения авторов. Вызванная к исполнению вопросом об экономическом районировании, эта статья, чрезвычайно интересно построенная в методологическом отношении, страдает отсутствием материалов более раннего происхождения, что могло бы с большей наглядностью установить и хозяйственно-экономическую динамику, что по нашему мнению, имеет первостепенное значение и в вопросе о районировании.

Из трудов мы узнаем, что в первом выпуске трудов (еще не дошедшем до Казани) помещены были статьи по археологии, истории культуры, печати и революционных движений. Изданы «Руководство к собранию материалов», «Программы и тезисы краеведческого съезда». Это показывает о больших достижениях. За первый год существования общества, которое раскинуло свою деятельность и в уездах губернии и втянуло в работу большое число культурных сил, сумев одновременно воплотить все «новости дня» в области краеведения. Все это говорит о том, что Общество проявило себя авторитетной организацией, вполне отвечающей духу современности и имеющей все шансы на дальнейшее процветание и общественно-полезную научную работу.

**Краеведение. Часть I. Природа и население Самарского края.
Самара: Губиздат, 1924. 260 с.**

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1925. № 3. С. 53)*

Книга издана давно, но на казанском книжном рынке появилась только в настоящее время. В серии «В помощь школьному работнику» эта книга представляет 2 выпуск. Состоит из большого количества статей по естественной истории губернии. Все они составляют синтез, или сводку данных по известному вопросу в популярном изложении. Таковы статьи Преображенского, Медведева, Щукина, Безсонова, Петрова и Хрущева. Описываются в них естественные районы Самарской губернии, история земной коры и полезные ископаемые, климат, почвы, растительный и животный мир. Чисто методического и программного характера статьи Терехова «К изучению растительного покрова в летней школе среднего Заволжья» и Архангельского «Краеведение в школе» требуют быть отмеченными; оригинальностью особенно выделяется первая из них, Каноныкин дает план и метод записей по фольклору. Истории края посвящаются три статьи, Гольмстема – археологический очерк, Преображенского – исторический очерк Самарского края, и Блюменталь – Революция 1905 года в г. Самаре и Самарской губернии. Последняя статья выгодно отличается от других, т.к. представляет собою очерк исполненный на основании изучения архивных данных б.Жандармского Управления. Сборники этой серии издаются под руководством Методического Бюро при Отделе Народного Образования. Книга чрезвычайно интересна, легко читается и весьма полезна как пособие в краеведческой работе.

**Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого
обследования одной деревни. Часть 1 и 2-я.**

Л.: Госуд. Изд., 1925. 259+212 с.

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1925. № 3. С. 53–55)*

В течение ряда лет автор производил собирание и обработку материала по деревне Гадыши Валдайского уезда Новгородской губ. В результате продолжительной работы получилось чрезвычайно солидное приобретение для каждого краеведа, для каждого педагога и каждого культурного человека. Часть первая посвящена производительным силам деревни.

Дается географическое описание деревни с приложением весьма интересных планов ее; описываются постройки, чересполосица усадеб; дается эволюция строительной техники. Затем автор переходит к характеристике землепользования и сельскохозяйственной техники. Здесь ему удается наметить и периодизацию землеустроительной политики со всеми особенностями преломления ее на практике в деревне, и дать распределение земель не только по угодьям, но и по имущественному признаку, что весьма хорошо иллюстрируется и дальнейшим изложением технического оборудования, применяемого жителями деревни в сельском хозяйстве. В очерке о скотоводстве приводятся интересные данные о количестве земли за 60 с лишним лет, а о количестве скота – более чем за 30 лет. Далее автор обрисовывает лесные работы, собирание ягод и грибов, охоту, рыбную ловлю, домашние и отхожие промыслы. По мере возможности и эти очерки проникнуты желанием изобразить каждый из них в исторической перспективе, это-первое, а второе – с точки зрения организации ремесла в деревне, его распространения и доходности. Наконец, все это синтезируется в главе о росте производительных сил деревни с 1861 года. Дав в этой главе характеристику движения населения деревни за 70 и более лет, автор переходит к вопросу об имущественном расслоении крестьян, обрисовывает крестьянские бюджеты, накопление в крестьянском хозяйстве, доходность отдельных отраслей крестьянского сельского хозяйства и товарность последнего. Все эти главы основаны на анализе вновь собранного материала, преимущественно за 20-е годы XX века, представляя собою совершенно новую страницу в истории деревни, явившуюся в результате завоеваний революции и нового направления в области общественных наук.

Хороши, полезны и новы и приложения к этому тому, перепись дворов, картины крепостного права по воспоминаниям крестьян, документальные извлечения из волостного архива, деревенский табель-календарь, чрезвычайно интересные крестьянские генеалогии и таблицы обеспеченности крестьянских дворов рабочей силой и капиталом.

Часть 2-я книги посвящена старому и новому быту. Первый отдел касается семейной и общественной жизни. Отношения между молодежью, брак, положение женщины, воспитание детей, расслоение деревенского «мира»,

земельные отношения, общественные организации, – все это представляет собой прекрасный материал и для ознакомления с деревней и для работы в деревне и для деревни. Далее описываются, во втором отделе, язык и творчество (говор и народная поэзия), мировоззрение (религия и колдовство, народная медицина, гаданье, приметы и поверья, этика и политические взгляды) и быт гадышевских крестьян (будни и праздник).

В этой части мы находим и большие приложения материалов, иллюстрирующих старый и новый быт деревни (песни, частью положенные на ноты, рассказы, словарь деревни и т.п.).

Вот в общих чертах обзор содержания работы. Во всех частях ее виден большой труд и организаторский талант автора, который использовал, по видимому, все возможности, представлявшиеся ему в деревне, чтобы собрать наиболее полный, характерный и интересный материал для своей книги. Правда кое-где сквозит мозаичность работы, кое-где видна искусственная увязка материала, но это уже не вина автора, а скорее – типа данного произведения.

Книга, часть первая, богато иллюстрирована снимками, чертежами и рисунками, что весьма оживляет чтение ее и придает максимум наглядности, вызывая неослабевающее внимание ко всем частям ее содержания.

Библиографический обзор, данный автором, чрезвычайно нужен для ориентировки в вопросе и его разработке. Но этот же обзор выдвигает рассматриваемое исследование как совершенно незаурядное, как исследование вполне отвечающее запросам современного краеведения. Действительно, в наше время приходится констатировать сильное стремление к краеведению не только со стороны научных и краеведческих объединений, но и школьных работников, студентов, учащихся школ, техникумов, культурнических кружков на заводах, предприятиях и в советских учреждениях. Энергии проявляются много, но утилизируется эта энергия более чем плохо. Особенно в кантонах и волостях Татреспублики чувствуется сильный недостаток в организации дела, в методическом руководстве в области собирания и обработки материала.

Эти недостатки могут быть быстро устранены и совершенно изжиты, если краевед, учитель, организатор, инициатор и все рядовые члены краеведческих организаций повнимательнее ознакомятся с книгой Феноменова. Она может быть прекрасным примером того, что надо делать, и как надо делать.

К слепому подражанию, может быть, найдется и немного охотников, но как руководство и притом необходимое, эта книга найдет массу читателей. В самом деле, пред ними живое воплощение, наглядный труд и образчик краеведческой работы, который интересен и важен для каждого, который не только показывает, что и как надо собирать и обрабатывать, но вместе с тем пробуждает в читателе инициативу и энтузиазм, пробуждает стремление не только идти самому по указанному пути, но и вложить собственное творчество, углубляя и расширяя затронутые вопросы из жизни деревни.

РАЗДЕЛ 2

Страницы истории крестьянского и рабочего движения в Казанской губернии

Материалы по истории крестьянской революции в Казанском крае в 1917 году

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1925. № 1–2. С. 41–43)*

Крестьянская революция 1917 года еще не изучена. Мы имеем несколько очерков общего характера, которые выясняют ее нарастание и развитие в общероссийском масштабе. Набросана только схема этой истории и наиболее отчетливая, на основании изучения архивных материалов, принадлежит перу проф. Н.Н. Фирсова¹. Если же взять работы Дубровского и Тюменева, то в них историческая схема обоснована значительно хуже, более туманно и на основании лишь анализа *предреволюционного* состояния крестьянского хозяйства и классовой дифференциации крестьянства. Конечно; состояние источников, на основании которых можно будет обрисовать это движение, далеко не соответствует запросам современной науки. В этом заключается основная причина того явления, что крестьянская революция 1917 года, деревенская революция не нашла еще такого полного отражения в научной литературе, как рабочая, городская революция. Не только изданий материалов по истории крестьянской революции, мы даже не имеем сплошь и рядом и благоустроенных архивов, приведенных в порядок, обеспечивающий возможность изучения их, и, больше того, архивный материал этой эпохи находится в периоде выявления. Это создает невероятные трудности научного изучения деревенской революции: исследователь должен лично открывать, выявлять необходимые для его работы материалы, перерывать иногда десятки тысяч дел, чтобы разыскать десятка два-три нужных ему «дел» и «нарядов». Вполне возможно, что немногим лучше дело обстоит и в столичных архивах. Но вопрос об изучении крестьянской революции мощно выпячивается современной общественностью и наукой, настолько мощно, что ставится в порядок дня, вызывает срочные работы и по выявлению соответствующих материалов. Прислушиваясь к этому, мы можем надеяться, что 10-я годовщина октябрьской революции будет богата не только результатами хозяйственного строи-

¹ «Пути революции», изд. Казанским Истпартом. № 1.

тельства, но и общекультурного, а в частности на этом последнем фронте и результатами научного изучения крестьянской революции.

Возможно, что материалы столичных архивов скорее могут быть приготовлены для научного изучения и мы получим чрезвычайно ценные издания их. Но все же надо сказать о необходимости собирания и издания материалов и провинциальных. В них, и только в них мы сможем получить те источники, которые дадут возможность осветить всесторонне историю деревенской революции с исчерпывающим фактическим изображением национально-классовых и социально-политических взаимоотношений. Эти четыре грани революционно-исторического движения со всей полнотой на фоне хозяйственных и вообще экономических тенденций века могут быть изучены *только* по материалам провинциальных архивов в должной степени и полноте. Правда, эти мысли покажутся многим аксиомой, не требующей доказательства; действительно это так, когда *только* еще *готовится* материал. Но далеко не так бывает, когда материал уже *подготовлен*. Разыскивать материал, готовить его к печати, а тем паче издавать его многим и многим не хватает решимости, т.к. в нужный момент аксиома забывается и выступают *иные* соображения. Но об этом мы говорим лишь между прочим. Во всяком случае, наш долг мобилизовать силы для высококультурного дела и призвать к лепте на ниве просвещения и науки всех, кто близко стоит к ней и живет ее интересами.

Деревенская революция в России 1917 года, без сомнения, в основе своей имеет аграрный вопрос. Несколько столетий вопрос о земле заполнял весь актив революционного крестьянства. В этой связи мы и будем прежде всего изучать эту революцию. Главным врагом крестьянского хозяйства и крестьянского благополучия было помещичье хозяйство, помещичье благополучие. Это тоже вполне очевидно для каждого. Но все же нельзя закрывать глаза на всю многогранность революционного действия, которым богат 1917 г. Такими же врагами, как и помещик, для крестьянства оказались самодержавное государство в лице казны и казенного землевладения, сам царь с его семьей в лице удела и удельного землевладения, чиновник-бюрократ, суд, весь административный аппарат, действовавший лишь в руку только сильного, вся конституция Российской империи в целом. Крестьянство выступило и против маленьких врагов: кулака-мироеда, попа и монаха-землевладельца, отрубника и хutorянина, захватившего лучшие надельные земли. В 1917 году сводились счеты и между целыми селами, деревнями, обществами, возникшие или на почве права сильного во времена самодержавия, или на почве устаревших норм обычного права и бытовых отношений, или на почве национального антагонизма, разжигаемого самодержавием для общего «благополучия» Империи. Каждому будет ясно, что 1917 год в деревне оставил далеко позади 1905–1907 годы по существу политической программы движения. И всю эту многогранность деревенской революции можно, действительно, понять исходя из *всей* массы *фактического* материала провинциальных архивохранилищ.

Материалы по истории крестьянской революции сосредоточены главным образом в архивах провинциальных государственных, общественных и партийных учреждений, а именно: Губернской Земской Управы, Губернский Земельной Управы, Губернского Комиссара, Губ. Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Совета Крестьянских Депутатов, Управления Государственных Имуществ и Земледелия за 1917 г. и др. Мы не имеем возможности, за ограниченностью места, дать более подробную характеристику материалов по их объему, составу и содержанию, но добавим, что много драгоценных источников хранится в уездах и волостях в архивах учреждений, соответствующих указанным губернским, что должно уже привлечь внимание кантонных и волостных культурных людей, как с целью охраны их от уничтожения, так и с целью изучения.

Из огромного количества имеющихся архивных материалов очень трудно выбрать и немного, и удачно, и целесообразно с научной точки зрения. Мы избрали один маленький вопрос из истории крестьянской революции в Казанском крае: характеристику крестьянских движений против помещиков главным образом в ноябре месяце 1917 г. Массовый разгром помещичьих усадеб разразился после, а вблизи города и одновременно с пролетарской революцией в Казани. И государственные и общественные учреждения положительно опустили руки и только отписывались. Отписывались и помещики, лишь изредка прибегая к организации сопротивления. Бумажный поток направился и в Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов и в Губ. Земельную Управу, повсюду почти безрезультатно, если не считать предоставления *права* (и очень редко – возможности) вывезти часть имущества или запасов. Если нижеприводимые материалы не блещут разнообразием происхождения, то по разнообразию содержания они могут быть полезны для изучения наиболее острого момента борьбы.

Взяты они из наряда бумаг Губернской Земельной Управы под названием «Погромы частновладельческих имений в Казанской губернии» за № 33 по архивной описи². Из этого наряда мы можем почерпнуть богатейшие сведения о революции; в течение двух месяцев было прислано свыше 100 сообщений о произведенных разгромах, перечисляются все перипетии борьбы крестьян с помещиками и их слугами. Исключительно за недостатком места мы принуждены ограничиться лишь нижеприводимыми материалами³.

² Каз. Губ. Земельн. Управа. № 33. Л. 18–20, 28. 53, 57, 67, 69, 99, 147, 205–206, 211, 265, 279, 360.

³ Далее следуют 14 документов из архивных дел. См.: Материалы по истории крестьянской революции в Казанском крае в 1917 году // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 1–2. С. 44–54 (Ред.).

**Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году.
(Очерк по архивным материалам). Часть 1**

(Доклад, читанный в собрании Научного Общества Татароведения
22 ноября 1925 года)

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1926. № 4. С. 50–71)*

I

Характер крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г.

Экономическая и классовая дифференциация в деревне.

Самодержавие пало. Приступило к управлению Россией временное правительство. Два с половиной года империалистической войны уже вытянули из деревни до 40–50% рабочей мужской силы, взвинтили цены на жизненные припасы, обогатили немногих и свели на положение дефицитных хозяйств значительное их большинство, лишили рабочего скота, сократили посевную площадь, снизили потребление в деревне и в городе, до максимума милитаризовали все хозяйство, как промышленное, так и торговое. Обострившийся во время войны хозяйственный кризис повлек за собой обострение и классовых отношений; в деревне это выявилося значительно сильнее, т.к. слишком разделились взгляды на ближайшее будущее у представителей различных общественных групп. Помещик, работая на «оборону», получил солидный доход от государственного казначейства за поставки хлеба для армии, вводил в хозяйстве усовершенствованные машины, нанимал крестьян для уборки хлеба не только во время, но чаще всего заблаговременно и по дешевке, особенно, если удавалось выдать авансик в 2–3 пуда хлеба в конце зимы или весной. Крестьяне же, вследствие мобилизации лошадей и остального скота, начали землю уж не пахать, а ковырять (особенно в слабых середняцких хозяйствах); для пополнения своего бюджета принуждены были идти работать в поле к помещику или к купцу, который, в отношении эксплуатации производительных сил земли и населения как будто давно уже обогнал помещика, особенно за спиной «хорошего» приказчика или управляющего из поляков или немцев⁴. Поправились дела и крепла солидарность с империалистической политикой правительства и у кулака-торговца в деревне; ему удавалось и крестьян втянуть в свои цепкие руки отпуском товаров в «кредит», а в нужное время взять у них хлеб в «уплату за товар»; таким образом скапливал он небольшой транспорт хлеба «на армию» и шел по одной дорожке, хотя и стороной, с помещиком. Если крестьянин решал обратиться за помощью к тому же правительству, которое было правительством купца, помещика и деревенского мироеда, то ему встречались на пути иные особы, кроме этих, нами указанных. Хуторянин и отрубник, крестьянин – мелкий собственник и

⁴ Вестник Научн. Общества Татароведения. № 1. С. 52–54.

укрепленец пользовались большими льготами у правительства и земства и при получении кредита, машин, семян, скота, леса, дров и при получении юридической помощи. Крестьянин бедняк и середняк – общинник был предоставлен в лучшем случае и прежде всего самому себе, или же «попечению» сильных однодеревенцев и землевладельцев, но лишь в области добычания средств к существованию: что же касается разного рода поставок, как то: лошадей, скота, своих трудов, наконец, своей жизни, то тут у этого крестьянина оказалась полная монополия. Довершали картину острого классового антагонизма писарь, урядник, земский, чиновник, управский член, т.е. представители бюрократического государственного аппарата. Крестьяне дер. Шемяковой Тетюшского уезда так рисуют отношения в прошении своем на имя губернатора в 1915 году: «25 апреля выбрано к отправке в Тетюши из волости 123 головы лошадей, на глазах у всех от богачей приготовлено отправить в Тетюши 3–2 головы лошадей..., т.к. богачи представили лошадей им самим негодных, то у них оказались негодными все лошади.... Бедные крестьяне за лошадей, стоящих 160–170 рублей получили по 88 рублей 70 коп. денег, кроме того понесли расхода по 5 рублей, для посева наняли рабочих за 15–20 рублей, сеяние тоже запоздало; кроме того, в довершение разорения, остались без сыновей и лошадей. Бедняков совсем не жалко... Если сыновья у нас, бедных крестьян, – на войне, если последние у нас лошади, поддерживающие жизнь всех наших семей, берутся за полцены и если мы, ради спасения своей дорогой родины от неприятеля, не жалеем жертвовать свою жизнь, своих детей и свое имущество, – вся наша просьба заключается в том, что мы просим близко стоящих к нам чиновников вершить дело по справедливости...»⁵. Таким образом, и экономическое состояние деревни и социально-политическое ее настроение было до чрезвычайности напряженным. Падение самодержавия можно рассматривать как последствие революционного напряжения не только общественных групп радикальной буржуазии и рабочего класса, но и крестьянства, тяготившегося войной и созданным ею положением в деревне.

Начало движения в деревне.

Вскоре после переворота обнаружилось, что временному правительству с крестьянством дальше свержения самодержавия – не по пути. И крестьянство молниеносно осмыслило дух и природу вступившего временного правительства: оно совершенно не ждало законодательных актов о земле, помня итоги движения в 1905–1906 гг., и, получив весть о падении царского правительства, сразу же стало осуществлять свою веками взлелеянную программу: «Земля и воля должны быть трудовому народу» и т.п.⁶

⁵ Дело № 15 за 1925 г. Казанского Временного Комитета по делам печати. Отношение к войне было в массах резко отрицательное (см.: статью Н.Н. Фирсова в № 1 «Пути революции», изд. Татбюро Испарта. С. 83).

⁶ Дело Казанской Губ. Земельной Управы № 2. Л. 56, 245; Дела Казан. Губ. Совета Крестьянских Депутатов № 18 и 13. Сравн. Дубровский [С.М.] Очерки русской

Очень быстро, по примеру города, деревня свалила и чиновника, выгнала помещика и купца, начала расправляться и с маленькими врагами; в городах открыли свои действия «Крестьянский союз» и «Совет крестьянских депутатов», по деревням и селам началась агитация о секуляризации частновладельческих земель. А власть, т.е. Временное правительство, все еще «временило» и лишь 21 апреля, когда аграрным и политическим движением была охвачена почти вся Россия, решило приступить и к крестьянскому вопросу, хотя бы организацией только Земельных Комитетов, задачей которых было «регулировать» земельные отношения и только. Но, организовавшись, земельные комитеты стремились и *решить* земельный вопрос, по крайней мере, на территории волости. А при такой программе работ, основанной к тому же на постановлении Губернского крестьянского съезда 13 мая, деревня становилась уже вне сферы влияния Правительственных распоряжений.

Количественный подсчет всех случаев выступления крестьянства в борьбе за свое право имеет большое научное значение. Он позволяет изучить постепенное распространение движения и самый процесс вовлечения в движение сел, деревень и отдельных групп крестьянства. И нет сомнения, что крестьянское движение в 1917 г. носило массовый характер, так что численность отдельных случаев его очень велика. К этому выводу приходим обязательно после ознакомления с подлинными архивными материалами. Но все таки еще рано давать подсчет всем случаям проявления движения, т.к. вопрос находится в начальной стадии научной обработки и для указанной цели еще не установлены прочно те принципы, которые должны быть положены в основу подсчета. Больше возможности – выявить характер этих движений, их политико-экономическую и классовую сущность и поступательное их движение и нарастание ко времени октябрьского переворота.

Прежде всего, необходимо заметить, что помимо аграрных дел местного значения деревня была вовлечена уже с марта месяца и в дела общегосударственного и революционного порядка. Изгнание царских чиновников, выборы сельских и волостных Комитетов Безопасности и Продовольствия, а в июне месяце – и Земельных Комитетов поднимают революционное настроение крестьянства. Как только обнаруживалось, что состав комитетов идеологически не подходил к массам, начиналась борьба за перевыборы, если сами комитетчики не покидали своих постов. Так, избранные в июне месяце члены земельных комитетов почти всюду переизбирались по несколько раз, начиная уже с июля месяца, а в ноябре идет повсеместная перевыборная кампания. На этой плоскости тоже шла борьба между кулаками и средниками, шедшими в союзе с бедняками. Комитеты, сплошь и рядом превышая власть, данную Временным Правительством, не могли и сдерживать деревню в стихийном движении, не могли и примкнуть к ней, хотя были исключения и в ту и в другую сторону. В связи с майским губернским съездом крестьянских депутатов

видно большое оживление и подъем в деревне, которым иногда пользовались, главным образом, эсеры для проведения и принятия деревней типа их наказа депутатам по разрешению аграрного вопроса. Но позже в июле-сентябре, больше внимания уделяется большевикам, которые изредка навещают деревню; в ноябре же весь подъем аграрного движения можно приписать исключительно им и отчасти левым эсерам.

Движения крестьян, связанные непосредственно с их аграрно-хозяйственными интересами, можно разделить на 3 основные направления: 1) движения против казенного землевладения, т.е. ведомства Уделов и Государственных Имуществ, 2) движения против землевладения крупного и мелкого, носящего личный характер, и 3) движения связанные с внутриобщинными взаимоотношениями.

Все указанные направления для Казанского края одинаково актуальны. Ввиду того, что помещичьих земель в Казанском крае было мало сравнительно с другими областями, напр., с правобережной верхней и нижней Волгой, внимание крестьянства должно было направиться на земли казенного ведомства, которые были наоборот, весьма многочисленны. Движение против личной земельной собственности имело глубокие исторические и классовые традиции и выразилось тем острее, чем сильнее хозяйство было организовано и чем больше оказывало сопротивления крестьянским тенденциям.

В научной литературе уже имеются попытки осветить крестьянские движения в России и в некоторых ее областях, но все они касаются, почти без всякого исключения, лишь движений против личной поземельной собственности. Принимая во внимание прежде всего классовый подход к изучению вопроса, представляющему собою слишком недавнее прошлое, историки и брали самый острый момент классовый борьбы, может быть и самый важный, особенно с точки зрения политического момента, – это вполне естественно; но в настоящее время пора на крестьянские движения взглянуть значительно шире и подчеркнуть большое политическое значение крестьянского движения, порожденного особенностями как казенного землевладения, так и внутриобщинными отношениями аграрно-хозяйственного значения.

Назначение настоящей статьи – дать материал и наметить некоторые заключения по истории крестьянских движений, порожденных внутриобщинными взаимоотношениями. На этом преимущественно мы сосредоточим наше внимание. Что же касается движений против казенного землевладения и личной поземельной собственности, то мы представим их в схематическом виде, отмечая главным образом их темп, а детальное рассмотрение вопроса отложим на будущее. К тому же схематическое изложение этих направлений движения послужит нам общим фоном, на котором выделяется крестьянское движение внутриобщинного характера⁷. Коснемся прежде всего движения против казенного землевладения.

⁷ Стесненные размером статьи, мы не касаемся и более детальной характеристики дифференциации земель Казанского края и распределения их в национально-

Движение против казенного и удельного землевладения.

Земли казенного и удельного ведомства, состоящие исключительно из лесов, если не считать небольших пахотных и сенокосных площадей, находящихся в пользовании лесной стражи и лесных чиновников, занимали в Казанском крае значительные пространства, в общей сложности достигавшие до 1,5 миллионов десятин. Лишь только началась революция, крестьяне начали возбуждать ходатайства или перед ближайшим или перед губернским начальством, особенно, из тех волостей и уездов, где мало было помещичьих земель.

В документах встречаем прямые указания на то, что «увеличение земельного пользования может быть только за счет земель под казенными лесами»⁸. Мотивировкой к просьбе о нарезке земли из казенных или удельных земель служило безземелье, отсутствие леса и дров, недовольство узкоклассовой политикой землеустроительных или землеразорительных комиссий, как называли их широкие массы крестьянства⁹.

классовом отношении, оставляя это до появления в печати нашего исследования «Очерки по истории землевладения в Казан. крае в 19 и 20 вв.».

⁸ Дело Управл. Госуд. Имуществ. № 419. Л. 27.

⁹ Приведем чрезвычайно характерное прошение доверенных от общества села Комаровки Зюринской вол. Мамадышского уезда крестьян Федорова и Архипова, датированное 10 апреля 1917 года и адресованное на имя Управляющего Государственными Имуществами:

«В 1905 г. 15 авг. учреждены земельные крестьянские банки для скупки земель и 1906 г. 15 окт. манифестом якобы разрешены в продажу казенные и удельные оброчные статьи в продажу; так было сказано в высочайших указах то, что крестьянин может взять из этих банков деньги якобы под залог своей душевой земли и на эти деньги купить казенную оброчную статью; для этой цели устроены старым режимом землеустроительные комиссии, но в данный момент можно сказать, что они больше землеразорительные комиссии, если им не дадут новое направление Всенародное Правительство и тогда, боже избави, но мы вполне надеемся на новое Правительство, что оно будет делать дело, а не издавать на бумагах нелепые указы, заводящие людей в напрасные хлопоты и в заблуждение о земле. Назад 12 лет прошло этим указам и нам ничего не дали; мы на основании этих указов и манифестов неоднократно хлопотали об оброчных статьях, которые находятся в наших полях: 1-я статья под названием «Комаровска» 30 дес. 2-я тоже числится – 1-е Гришкенской Кулопоманской 45 дес. 2 участок казенный, бывший лесной стражи, 20 дес. Всего в 3-х статьях 95 дес. В настоящее время они находятся в распоряжении 2 Кляушского Лесничества, который их сдает в аренду на года кому угодно их, то мы и желаем в настоящее время приобрести себе в нарезку на 360 душ, которой приходится на душу с небольшим по четверти десятины, да имеем свой по $\frac{3}{4}$ десят. с неудобной на душу. В силу этого безземелья мы и возбудили ходатайство. На основании вышеизложенного покорно просим вас на основании Всенародного Правительства: сделайте распоряжение о том, чтобы нам обществом было возможно приобрести указанные оброчные статьи в количестве 95 десятин в вечную собственность, хотя бы и на выкуп по оценке Всенародного

Считаем необходимым отметить, что на этом фоне обрисовывается и организующая роль земельных комитетов. Они особенно летом и осенью, насколько возможно было, планируют выдачу дровяного и строевого леса, заботятся об охране лесов и вообще чувствуют себя полными распорядителями лесных богатств, имеющихся на территории волости. Именно в этом последнем к зиме замечается некоторая тенденция даже к огосударствлению лесных массивов, особенно обширных и водоохранных. Но достижения в этой области слишком незначительны.

Из многочисленных документальных данных мы приведем лишь один, наиболее полно освещающий точку зрения крестьянства, с непоколебимой настойчивостью выдвигающий необходимость ликвидации земельных наделов лесной стражи и передачи этих наделов в распоряжение крестьянских обществ, выдвигающий ликвидацию существующих порядков хозяйственной заготовки леса и порубок его, причем интересы государства и общества ставятся на первый план; в нем указывается и необходимость облесения некоторых мест, порубок и гарей. Но вместе с этим подчеркивается и желание устранить те порядки, которые содействовали распространению злоупотреблений, например, при лесных пожарах.

«Собравшись 3 июня 1917 г., мы, граждане Казанской губернии, Царевкокшайского уез., Больше-Шигаковской вол. Каребеляковского общества имели суждения о постановлении лесной кооперации в гор. Казани. На всестороннем обсуждении постановили:

1) Решительно протестовать за пользование лесной стражей наделной землей и лугами, ввиду того, что лесная стража за свой труд пользуется определенным вознаграждением, которое в будущем еще увеличится.

2) Протестуем против настоящей хозяйственной заготовки леса, исходя из того, что настоящая заготовка не отвечает требованиям правительства и приносит государству не прибыль, а убыток. Как напр., в Сотнурском лесничестве из заготовленных 220 плотов доставлено только 40 плотов, остальные разбиты. Ввиду изложенных таких печальных последствий, повторяющихся почти у каждого лесничего, просим выслать следственную комиссию для расследования разработки по лесничествам. Хозяйственную заготовку в будущем с специально поставленными лицами и заинтересованными в этом деле *при участии местного населения* (курсив наш – Е. Ч.) можно приветствовать при условии ее удовлетворения требованиям государства.

3) Решительно протестуем против существующей участковой (с делянками и кварталами) вырубке леса, которая вредит как источникам, озерам и рекам, так и самой культуре леса. Находим, что безвредной вырубкой является вырубка по выбору, начиная с пяти вершков за исключением для местных хозяйственных надобностей. Невырубленный молодой лес будет постепенно подрастать, а в вырубленных чисто делянках строевой лес никогда не растет и

Правительства. Просим вас дать нам официально объявление на руки Вашего распоряжения» (Дело Управления Госуд. Имуществ № 420. Л. 5 и 6).

делянки зарастают низкорослыми деревьями: орешником, осинником и другими. Вред от первой вырубki и пользу от 2-ой видим в окружающем нас лесе.

4) Решительно протестуем против существующих порядков тушения лесных пожаров, когда крестьян насильно заставляют ходить на тушения, платя за работу 20–30 коп. в рабочий день. Видя в тушении пожаров общегосударственную пользу и считая нравственной обязанностью, мы охотно всегда пойдем на тушение и при прежнем вознаграждении за работу, но только на пространстве 10 верст в окружности и при условии бесплатной выдачи мертвого буреломного леса и бесплатной пастьбы скота в лесах. Те из граждан, которые пожелают работать на пожаре далее 10 верст, должны получать поденную существующую местную плату. Вообще протестуем против принудительного тушения пожаров, а требуем добровольное. Существующие же питомники должны огораживаться казной, вычитая на это требуемую сумму с лесопромышленников, как вычитает она с них на культурную посадку и на очистку.

5) Ввиду ожидаемого увеличения земельного пользования граждане постановили, что увеличение земельного пользования в нашей местности может быть только за счет земель под казенными лесами Юшутского и Лушмарского лесничеств и, чтобы не страдала от того площадь лесов, произвести культурную посадку вместо уничтоженного леса на свободных лесных полянах и гарях»¹⁰.

А так как на такие просьбы начальство отвечало или отрицательно или ссылалось на учредительное собрание, то крестьяне стали брать земли и уголья уж без всяких ходатайств. Забирали и наделы лесной стражи и лесных чинов, забирали лесные делянки, действуя и в одиночку и скопом. И это, начавшись весьма рано, разрослось в стихийное движение, которое не в силах была остановить ни одна чиновничья душа. Уже в июле месяце от заведывающего Семитским лесничеством несется безнадежный вопль о самовольных запашках, покосах и порубках: «Я дважды ходил на сельский сход в дер. В.-Метески с целью убедить крестьян не чинить беззаконие, 4 раза посылал нарочных в Волостной Комитет с просьбой повлиять на крестьян своим авторитетным заявлением о недопустимости захватов, но комитет, пронизанный большевистскими убеждениями, не только не предпринял никаких мер против захвата, но, по заявлению крестьян, сам упорно настаивал на том»¹¹. Такое положение вещей характеризует весь 1917 год.

¹⁰ Дело Управления Госуд. Имуществ № 419. Л. 27.

¹¹ Дело Управления Госуд. Имуществ № 420. Л. 30. Масса документов имеется о захвате мельниц, лугов и пашни; захват казенных и удельных угодий происходит и у арендаторов из крестьян, не говоря уже о таковых из других сословий: сплошь и рядом крестьяне отказывались платить установленные арендные суммы и цены за аренду установили сами раза в 3–4 меньшую, тем самым нарушая договора с казной и уделом. Если захваты казенных участков и происходили у арендаторов, то в большей степени заплатились купившие землю у казны или удела. Лесные торги, назна-

Движение против личного землевладения.

Теперь рассмотрим *движение крестьян, против частновладельцев*, будь то помещик, купец, монастырь или церковь. Несомненно, что этот враг был еще очень силен до Октябрьской революции и хорошо организован; в его интересах действовало и Временное Правительство и до конца дней своих; через союз сельских хозяев этот враг выступал организованно и в центре и на местах, особенно в Губерн. Земельной и Продовольственной Управе. Но преимущество крестьянства заключалось в том, что оно представляло собой *революционную* массу и сразу повсеместно, хотя и неорганизованно, выступило против уже «некоронованных» врагов. Научная литература отмечает уже в марте начало аграрных движений, в апреле они охватили уже всю Европейскую Россию и перекинулись в Сибирь¹².

В Казанской губернии уже за апрель месяц отмечено 3 сообщения об аграрных движениях. Архивные разыскания дадут более обширный материал по этому вопросу. Пока же мы приведем два свидетельства представителей из уездов на заседаниях Губерн. Земельной Управы. В Свияжском уезде еще «до учреждения земельных комитетов были беспорядки, громили имения, уносили имущество помещиков, земли и луга отбирали и делили по душам, в лесах были порубки». Та же картина наблюдается в Спасском уезде: «до учреждения Земельных Комитетов в апреле сего года крестьяне являлись в комитеты общественной безопасности гурьбами и требовали отдать им в пользование землю землевладельцев Молоствовых и др. Молостровы согласились и сдали землю под пар: Кукуранов тоже с условием уплаты аренды по 15 руб. за десятину и с принятием налогов, и Асеев – по 10 руб. за десятину плохо разработанной земли. После этого съезд крестьянских делегатов вынес постановление¹³ отобрать все земли от помещиков бесплатно, а также весь инвентарь живой и мертвый. Крестьяне часть этого постановления привели в исполнение: у Молостровых разобрали с конского завода лошадей, в имении Маркова тоже все было разобрано при участии продовольственного комитета; предстоял разгром имений. При таком состоянии дел начали функционировать земельные комитеты с 3 июня»¹⁴. Таким образом, крестьянство выступило очень быстро после свержения самодержавия и весьма решительно, что дало возможность и Съезду выразить волю крестьянства наиболее полно и в свою очередь крестьянство в Совете Крестьянских Депутатов увидело свой аппарат, который впоследствии постоянно противопоставлялся правительственным и даже контрреволюционным земельным комитетам и управам. Деятельность последних в лучшем случае – приведение действий крестьянства в деревне к каким-либо законным нормам; но это было сравнительно редко, да и только в волостях, но не в горо-

чаемые уделом и казной срывались крестьянам (кроме того, см.: Дело Губ. Земельной Управы № 20. Л. 93–94).

¹² Фирсов Н.Н. [Указ.] соч. С. 54–55 и Дубровский С.[М.] [Указ.] соч. С. 176.

¹³ 13 мая 1917 года.

¹⁴ Дело Губ. Земельн. Управы № 16.

дах: в большинстве же случаев земельные комитеты старались удержать крестьянство от массовых выступлений, чем навлекли на себя и вполне заслуженно, недоверие населения и потеряли всякий авторитет в его глазах. Июльские события в городе и крушение армии усилили приток в деревню новых и своих организаторов, что вполне подготовило аграрный взрыв в ноябре и декабре месяцах, когда мы наблюдаем беспощадные погромы, поджоги, растаскивание по бревну помещичьих усадеб, увод и увоз скота, орудий и различных запасов, изгнание «господ» и их приказчиков и управляющих, а кое-где – увечье и убийства, хищнические порубки лесов и т.п. Все документы и все мнения говорят за то, что этот взрыв аграрной революции был вызван октябрьским переворотом, а подготовлен всей контрреволюционной деятельностью Временного Правительства и его местных органов. Летний «организованный» период движения в нашем крае имел совершенно противоположное значение, а не то, что ему приписывалось¹⁵. Следует подчеркнуть еще один момент в этой стадии аграрного движения. Несмотря на то, что «сильного мужичка» сравнительно успели уже ослабить и ослабляли еще, особенно хуторян и отрубников, но все же местами сильно поживились и они от «вороньих» помещичьих гнезд, как об этом указывают доклады с мест, напр. по Лаишевскому уезду в Аркатовской волости. Корректив в этом отношении дает уже 1918 г. Но ни в каком случае нельзя считать, что это было господствующее, а не частичное явление для 1917 г., особенно последних его месяцев. В ноябре и декабре главным действующим лицом был бедняк.

Борьба с хуторянами, отрубниками и крестьянами-собственниками, не исключая товарищесств мотивировалась тоже классовым антагонизмом, помимо того, что находила оправдание в ненависти к тем лицам, которые пользовались поддержкой государства в ущерб общинным интересам. Последнее каждому понятно. Но чисто классовую точку зрения мы подкрепим документальным свидетельством. Граждане дер. Новый Щелкан Цивильского уезда 13 авг. рассуждали так: некоторые из них «не имеют до сего времени клочка земли, каковую землю заняли буржуазиями, т.е. богатыми людьми, которые укрепили ее незаконно при низвергнутом Правительстве после смерти некоторых лиц и от переселенцев в разные Сибирские губернии, а укрепленной землей воспользуются буржуазии, хотя у них имеются свои душевые наделы; кроме того, эта же буржуазия арендует землю от бедных людей, заманивая их даванием взаимобразно «деньги, хлеба и угощениями, пиво и вино», и тут же постановили: «отобрать от буржуазии как укрепленную, арендованную и духовную землю¹⁶ каковую землю вознаградить неимущим лицам и гражданам от 18 лет и моложе»¹⁷.

¹⁵ Материалы по истории крестьян. революции в Каз. крае в 1917 г., собранные мною и опубликованные в «Вестн. Научн. Общества Татароведения». № 1–2. С. 48 и др.

¹⁶ Т.е. полученную по духовному завещанию.

¹⁷ Губ. Земельн. Управы Д. № 34. Л. 89.

Подобная мотивировка господствует с августа месяца, но раньше этого, когда комитетчики были из «буржуазиев» же, приходилось доказывать с законами в руках факт нетрудового землепользования, хотя бы эти законы вышли из Совета Крест. Депутатов, если не было таковых от Временного Правительства. В материалах только Земельной Управы упоминается свыше 100 волостей по всем уездам, где происходила подобного рода «экспроприация». Отметим еще то обстоятельство, что, теряя свои «благоприобретенные» земли, отрубники и мелкие собственники очень цепко держались за землю и мы не имеем случая, когда земля отошла бы в общину «без боя», хотя община именно без боя предоставляла им надел на равных для всех основаниях; при чем столкновения теряли свою остроту по мере приближения к октябрю. Живой и мертвый инвентарь разбирался крестьянами лишь изредка, чаще бывали случаи, когда усадьба целой не оставалась¹⁸. Особенной остротой борьба с хуторянами и отрубниками отличалась в Мамадышском, Чистопольском, Цивильском и Казанском уездах.

Будучи весьма близки и по типу хозяйства, и по идеологии и по экономической природе предприятия к хуторянам и отрубникам, пострадали и *арендаторы* земельных и неземельных *оброчных статей*, принадлежащих Казне или Уделу. Ввиду того, что таковых хозяев было сравнительно мало, руки до них дошли только летом и, главным образом, осенью. Как пример мотивировки захвата арендованного имущества, можем привести случай с арендаторшей 3-х поставной мельницы в с. Старые Параты. 28 ноября 1917 года Волостной Комитет составил приговор, в котором читаем: «мы, граждане, признали, что Гусева оказалась очень вредной в среде нас, потому именно она настоящая спекулянтка, сильно начала обижать бедных трудящихся, народ; покупала хлеб по дешевой цене, а продавала по тройной цене, всегда цены на хлеб набавляла; она заставляла также прибавить цены приезжим молоты; если кто имеет хлеб на продажу, то продать по низкой цене, и во время мельбы на мельнице брала по 3 фунта за каждый пуд, к сверх вышеуказанной причины, ворует»¹⁹.

Разгром помещичьих хозяйств, как крупных, так и мелких, разгром мелких крестьянских собственников-землевладельцев, захват всей частной земельной собственности в Казанском крае произошел, как и всюду, в пользу «черного передела» на трудовых началах среди общинного крестьянства. Но в этом крае антагонизм между крупным и мелким хозяйством выразился не на основе отношений капиталиста и рабочего в сельском хозяйстве, а больше на основе отношений феодала и холопа, т.к. и у помещика и у купца все же преобладало экстенсивное хозяйство, в основе которого была лишь площадь

¹⁸ Губ. Земельн. Управы дела № 2, 3, 20, 4, 18, 9, 11, 36, 8, 25, 21, 22, 7; Архив Управления Госуд. Имуществ и Земледелия 1917 г. Д. № 420; листы дел не указываем вследствие чрезвычайного обилия в них материалов по данному вопросу.

¹⁹ Дело Управл. Госуд. Имуществ. 1917 г. № 419. Л. 47.

земли и эксплуатация ее, но отнюдь не капиталистические средства производства.

Крестьянское же хозяйство в целом, еще более экстенсивное, в связи с кризисом, помимо экономических причин развившимся на основе форсированнейшей классовой дифференциации крестьянства, искало выхода прежде всего в ликвидации малоземелья²⁰.

В результате всего этого чрезвычайно обостренные классовые отношения в деревне и послужили причиной уничтожения частной собственности на землю.

II.

Крестьянские движения на почве наделно-общинного землевладения.

В дальнейшем мы рассмотрим аграрные взаимоотношения и борьбу на почве наделно-общинного землевладения. Основания; побуждающие нас к этому заключаются в том, что крестьянство, выступая против всех прочих видов землевладения и землепользования, ярко выдвигает принцип наделно-общинного землепользования. Суть аграрной борьбы *внутри крестьянского общества* выяснится из фактического материала, на основе которого мы сделаем несколько общих наблюдений и замечаний.

При изучении архивных материалов, прежде всего, бросаются в глаза быстро возрастающие и доходящие до обостренных форм споры за наделную землю между целыми обществами и результаты этих споров. Это чрезвычайно важный объект борьбы и мы останавливаемся на нем настолько подробно, насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении материалы. Затем мною рассматриваются аналогичные по содержанию споры за наделную землю между отдельными членами, иногда и группами однообщественников, захваты наделной земли, сданной в аренду, и аграрно-семейные отношения, как они складывались и выражались в 1917 году. Особый интерес представляет материал о расторжении арендных договоров на наделную землю. В этих действиях крестьян-общинников как нельзя ярче сказался лейтмотив всех аграрных движений 1917 года – принцип трудового землепользования, провозглашенный в деревне с самого начала революции. Следуя этому принципу, крестьянство объявило борьбу и повело ее чрезвычайно настойчиво против испольщины, нетрудового землепользования вообще. Одновременно со всем этим всплывает вопрос об общем переделе земли. Переделы земель имели громаднейший политический смысл, огромное влияние на обострение классовых отношений еще до революции довольно сильно дифференцированного крестьянства в производственно-экономическом и поли-

²⁰ Сравн. Дубровский С.М. [Указ.] соч. С. 184–187; Месяцев П.А. Аграрная политика в России. [М., 1924]. С. 95–96; Архангельский П.Г. Очерки по истории земельного строя России. [Казань, 1920]. С. 321.

тическом отношении. Внутриобщинные аграрные взаимоотношения деревни вскроют перед нами те основы, которые мыслились крестьянством нашего края как единственно положительными; эти основы, принципы и стимулы борьбы и хозяйственно политического строительства определяют и дальнейшее направление политики революционного крестьянства по отношению ко всем прочим видам земельного владения. Вот почему мы подчеркиваем особенно важное значение этого направления борьбы и обращаем на него наибольшее внимание. Теперь ознакомимся с фактическим материалом по затронутым вопросам.

Столкновения между обществами за наделенную землю.

В Мамадышском уезде в Мало-Кирменской волости возникло дело между деревнями Букени и Нижние Яки с одной стороны и деревней Верхние Яки – с другой. Лет 40²¹ до революции эти три деревни имели общую нарезку в 80 дес. из фонда казенных земель на праве лесной рощисты. По производительности почва – чрезвычайно разнообразна и малоплодородная; преобладают суглинки.

В лучшем положении дер. Верхние Яки, где надел на мужскую душу достигал, правда, в 1907 году до 4,1 дес.²², тогда как в дер. Нижние Яки надел был 2,1 дес., а в д. Букенях – 3,9 дес.²³ При таком положении вещей, население дер. Букени и Н.-Яки, по-видимому, пересмотрело вопрос о пользовании землей из под рощисты в пользу увеличения доли из этой земли за счет доли дер. Верх.-Яки. Хотя волостной земельный комитет и не утвердил этого решения, деревня Верхние Яки, по-видимому, лишилась части своей доли. Это и послужило яблоком раздора: 29 июня была написана жалоба Губернскому Комиссару. В жалобе указывается на лишение крестьян дер. Верхние Яки всей земли в количестве 80 десятин. «Захват этот, – пишут потерпевшие крестьяне, они (захватчики) мотивируют свободой, которую понимают так, что свобода нам дана для того, чтобы сильный обижал слабого». Копия, а может быть, и второй экземпляр этой жалобы, была подана в Совет Крестьянских Депутатов, который, внемля просьбе потерпевших, без расследования дела по существу, отправил бумагу в Волостной Земельный Комитет с категорическим предложением восстановить права жалобщиков.

Казанская мотивировка жалобы и неудачное «распоряжение» Совета Крестьянских Депутатов получили должный отпор со стороны волостного комитета. Последний отвечал в бумаге от 4 авг., что не только мотивировка, но и самый факт заявления считается комитетом голословным, а тем более не имеют никакой силы и значения и *распоряжения* Исполнительного Комитета

²¹ Не 40, как указывается в архивных материалах, а, по-видимому, больше, т.к. количество земли со времени наделения (60-е годы) оставалось одно и то же; население увеличилось вдвое.

²² Земля была тоже лучше, чем в дер. Букенях, и население русское; в других деревнях – татары.

²³ Крестьян. Землевлад. Вып. 8. С. 35.

Крестьянских Депутатов, поскольку последний, не проверив факта через волость, стал уже распоряжаться о ликвидации «захвата». Такого рода распоряжения, предупреждает волостной комитет, возбуждают заинтересованное в этой земле население к аграрным беспорядкам. Видимо, к этому времени долготерпение в ожидании аграрных реформ уже истощалось и нужна была большая осторожность в тактических соображениях, а особенно в «распоряжениях» всякого рода, чтобы население не расправилось по-своему с неугодными ему «распорядителями» и «законодателями»²⁴. Бедность и незначительность земельных угодий толкала к обострению отношений, и самый незначительный повод мог взволновать жителей нескольких селений. Как разрешился конфликт, сведений у нас нет, но из содержания переписки ясно, что жалоба последствий могла и не иметь, т.к. в жалобе были извращены факты, что и устанавливается. Но, тем не менее, этот случай довольно показателен в деле размежевания земельных угодий между обществами, которые до революции только мирились с существовавшими порядками; революция дала возможность самим крестьянам разрешать чисто местные земельные споры совершенно самостоятельно и, что самое главное, в самых первичных своих организациях, в сельских и волостных комитетах. К тому же столкновение произошло, вероятнее всего, на почве, национального антагонизма и взглянули на него как на случай чисто местного значения, что противоречило взглядам Совета Крестьянских Депутатов. Подобные случаи наблюдались и в других уездах, например, в Козьмодемьянском, где очень сильные опасения внушал спор чуваш о лугах на Масловском острове между 7-ю деревнями Акрамовской волости, с одной стороны, и 17 деревнями Сюндырской волости Козьмодемьянского уезда, с другой стороны. Обе стороны осуществляли

²⁴ Наряд бумаг Каз. Губ. Земельный Управы № 6. Л. 22, 27–29, 125. Приводим чрезвычайно интересное «удостоверение», выданное Мало-Кирменским Волостн. Земельн. Комитетом 4 августа за № 1472:

«Мало-Кирменский Вол. Зем. Ком. сим удостоверяет, что указанную в сообщении Исп. Ком. Казанск. Совета Крестьянск. Депутатов за № 344 земель в количестве 80 дес. Нижне-Якинское Сельское Общество здешней вол. и Букенское – Омарской вол. беспрепятственно пользовались по очистке от леса более 40 лет, ввиду чего заявление гражданина дер. Верхних Яков Мифтахутдина Шакирова о захвате означенной земли якобы во время переворота управления страной является голословным и не подлежащим удовлетворению в смысле отдачи земли Верхне-Якинскому Сельскому Обществу для пользования, а потому распоряжение Исп. Ком. Крестьян. Депутатов за № 344, кроме того, данное без предварительного дознания чрез здешние Волостные Комитеты о действительности захвата является совершенно противоречащим указаниям Времен. Правительства, а потому незаконным и возбуждающим население заинтересованных в этой земле селений к аграрным беспорядкам.

Означенное удостоверение выдано поверенному Ниж.-Якинскому Сельск. Обществу Шарипу Валишину для ходатайствования перед господином Губернск. Комиссаром об отмене распоряжения за № 344 и предания виновных в его выносе лиц к уголовной и судебной ответственности».

(Следуют подписи). (Дело № 6. Л. 27 и 28).

свое право на луга назначением охраны, а крестьяне Сюндырской вол. еще раньше много сена скосили и свезли по домам. Спор за луга принимал чрезвычайно острые формы, уездный земельный комитет в своем сообщении в губернию жалеет об отсутствии военных команд, особенно в связи с сильными аграрными движениями по другим поводам в Акрамовской волости. К сожалению, документы не вскрывают всех подробностей этого конфликта²⁵.

Более яркий случай можно констатировать в дер. Комаровке Мамадыш. у. Ельшевской волости. Крестьяне этой деревни 12 июля подали прошение Губернскому Комиссару, в котором указывают, что татары д. Бол.-Тюлязей отняли у них паровое поле и не допускают снимать озимой посев. Все это производится «самовольно», т.е. без соответствующего постановления волостного земельного комитета. Указывается на полную возможность «очень печальных последствий», т.к. «мы – пишут потерпевшие крестьяне – ни в каком случае не допустим, чтобы нашу надельную землю отобрали от нас. Мы – крестьяне малоземельные, и кроме означенной земли у нас нет». Положение создавалось тяжелое и в деревне и у начальства в Казани. Губерн. Земельная Управа решила «упорно» бороться против «своевольства» и одновременно разослала 5 бумаг, из них одну – в Губ. Совет Раб. и Крест. Депутатов и 3 телефонограммы в Мамадыш: в Земельный Комитет с предложением выслать делегатов для «увещаний» татар, а Губернскому и Мамад. Комиссарам с просьбой «оказать содействие уездному земельному комитету *посылкой на место воинских частей или милиции*»²⁶. К сожалению, документы не говорят о последствиях этих распоряжений, но все же необходимо подчеркнуть, что обращение за вооруженной силой против революционных действий крестьянства фиксируется уже 12 июля. Для нас интересен и еще один момент: почему произошло это явление именно между этими деревнями? Оказывается, Комаровка во всей волости – единственное русское село, это во-первых, а во-вторых, душевой надел в Комаровке – 3,5 дес., тогда как в Б.-Тюлязях надел достигал менее 2,9 дес. на мужскую душу, хотя и с более худшей суглинистой почвой²⁷. Вот, на мой взгляд вероятная основная причина. Кроме того, опять мы наблюдаем здесь чрезвычайно обостренные отношения в области землепользования, установленные целыми столетиями между разными национальностями и разрываемые в эпоху величайшего революционного переворота. Ясно, что татарское население выступало в этом случае как угнетаемая до сих пор национальность, но сознающая свои права на *равенство* в области распределения природных богатств и в деле экономического и политического строительства. Но об этом требовалось не только заявить, но и отстоять. Проявление этих тенденций мы и наблюдаем в этом случае²⁸.

²⁵ Наряд Земельной Управы № 4. Л. 17–19, 27, 34.

²⁶ Дело Земельной Управы № 29. Л. 1–4, 39–40.

²⁷ Крестьян. Землевлад. Вып. 8. С. 14–21.

²⁸ Приведем еще аналогичный случай, но происшедший между русскими и марицами, а не татарами.

Приведем несколько случаев иного характера, особенно со стороны причинности явлений.

Приблизительно в то же самое время, в пору покосов лугов, разгорается не менее сильное столкновение в Сюддырской волости Козьмодемьянского уезда между обществами 1-м и 2-м Кинярским, Анат – и Калай Касинским с одной стороны и Нижне-Томлаевским, Чуратчинским, Вусь-Пуртским, Синьяльским, Байрашевским – с другой из-за Владимирской луговой дачи на Кинярском острове. Первые 4 общества скосили луга и свезли часть сена по своим дворам, но часть его в количестве 205 возов находилась под арестом на все время до решения этого конфликта, между тем как в течение 6 последних лет этим сеном пользовались вторые 5 обществ, согласно решения Окружного Суда от 1911 г. Потерпевшие в своей жалобе пишут Губернскому Земельному Комитету, чтобы последний обязал захватчиков возвратить им все взятое сено, «а в случае сопротивления с их стороны, то мы, – взывают крестьяне, ходатайствуем дать нам вооруженную стражу, с которой мы могли бы отобрать у них скошенное незаконно ими в наших лугах сено». Хотя уездный земельный комитет 30 июля и постановил восстановить нарушенный порядок, но, видимо, unsuccessfully; этого постановления было мало, вооруженной же стражей он не располагал. Губернский же Комитет, получив, видимо, справку о деле в 1911 г., оставил жалобу без последствий²⁹.

Сюддырский волостной комитет еще 25 июля писал, что 4 общества владели этими лугами до 1911 года и, восстановив явочным порядком свои права, скошив сено «цельными обществами», добровольно уступить сено потерпевшим не желают. Уже из этих объяснений обеих сторон, из нейтральной позиции волостного комитета в этом споре ясно видно, до какой степени остро обстояло дело о надельной земле, и не только в этой волости, но и во всех других. Это мы можем сказать на основании протокольной записки доклада 30 июля секретаря Козьмодемьянского Уездн. Земельн. Комитета о положе-

В Марасинской вол. Краснококш. у. в начале июля возник конфликт из-за лугов между деревнями Каменная Гора и Малая Кушня. Каменногорские крестьяне пользовались лугами, находящимися в границах д. Малой Кушни. Черемисы этой последней деревни были недовольны разделом их лугов на 2 деревни, вследствие чего дело это еще в царское время доходило до Окружного Суда; к тому же, вполне возможно, что при решении спора в суде справедливость была переломлена в пользу каменногорского русского населения. Революция вновь выдвинула этот спор, который Волостным Земельным Комитетом и был решен в смысле пропорционального и равномерного пользования лугами соответственно общему количеству душевых наделов обеих деревень. В уездном комитете волостной протокол рассматривался уже 22 сентября, и постановление о лугах было признано незаконным, т.к. по инструкции волостные комитеты «в разрешение земельных споров о надельных землях не должны входить» (Наряд Земельной Управы № 10. Л. 159–160). О дальнейшем ходе этого дела мы сведений не имеем, но надо думать, что и постановление уездного Земельного Комитета осталось без последствий.

²⁹ Наряд Земельной Управы № 4. Л. 18 и № 27. Л. 13–15.

нии земельного вопроса на местах: «докладчик дает очень грустную картину деревенской анархии: самовольные захваты пахотных и луговых угодий, порубка лесов, споры и тяжбы из-за нескольких пудов сена – вот обычная картина разрешения вопроса о земле на местах»³⁰. Конечно, не пуд сена играл роль, а принцип, и если бы за крестьянами признавали способность отстаивать свои принципы подобные докладчики, то, может быть, они рассмотрели бы в крестьянских движениях значительно больше, чем анархию. Крестьяне восстанавливали попранные некогда царским судом их права, и чем сильнее и чувствительнее были тогда их жертвы в хозяйственном или правовом отношении, тем сильнее и настойчивее они заявляли себя в 1917 году, не пренебрегая никакими средствами.

Интересный случай тяжбы за наделную землю встречается в Чистопольском у. Ст.-Максимкинской волости между деревнями Малой Максимкиной и Емураткой. Крестьяне последней 22 сент. заявили желание получить обратно 304 дес. 1175 кв. саж. земли, находившейся в течение нескольких лет в пользовании крестьян д. М.-Максимкиной. Вполне возможно, что это пользование было на правах аренды, т.к. подати уплачивались Емуратскими крестьянами; к сожалению, в документах нет заявлений крестьян деревни Мало-Максимкиной, но ясно, что они не соглашались добровольно возвратить землю, т.к. пользовались ею с 1909 года, со времени размежевания земель этих двух деревень. Дело дошло до Губернской Земельной Управы, которая решила, что единственное средство разрешить этот конфликт – внести дело в суд, о чем и сообщила в волость³¹. Необходимо здесь подметить, что крестьяне стремятся выправить свое отношение к земле и юридически ее за собой закрепить, на праве трудового землепользования, тем самым корректировав наследие царской эпохи, (в данном случае отмежевание ее к дер. Емуратке), а власть сводит принципиальные вопросы к случайным поводам для тяжбы на основе частноправовых отношений. Тут отсутствует даже трафаретная ссылка на Учредительное Собрание, хотя именно это и было первоначально в резолюции, но оказалось впоследствии зачеркнутым.

Или вот еще случай.

Крестьяне дер. Самуковки захватили луга, отведенные крестьянам д. Шоркиной (Шор-Касы) Чебоксарского уезда Тогашевской волости вследствие того, что и от д. Самуковки отошли лучшие луга во время распланирования земель трех смежных обществ Землеустроительной Комиссией. Несмотря на протесты захвата со стороны всех заинтересованных органов и учреждений, самуковцы остались при своем решении³². В этом случае мы наблюдаем ликвидацию аграрных отношений, унаследованных тоже от павшего строя и порожденных на пренебрежении к голосу крестьянства, особенно его слабых в экономическом отношении элементов. А тут как раз на распланирование зе-

³⁰ Наряд Земельн. Управы № 4. Л. 16.

³¹ Наряд Земельной Управы № 36. Л. 97–99.

³² Наряд Земельной Управы № 12. Л. 39.

мель самуковцы «согласия не давали». Кроме того, потерпевшее крестьянство ликвидирует порядки, установленные ненавистным для него царским органом – Землеустроительной Комиссией, столь не лестную память оставившей в среде массового крестьянства в нашем крае.

Чем ближе к осени, тем движения обнимали все больший и больший район с вовлечением в них все более широких масс населения. Причем эти движения принимали формы наиболее острых столкновений. Так, в Цивильском уезде крестьяне дер. Нового Урюма захватили землю в количестве 131 дес. 1280 кв. саж., принадлежащую крестьянам дер. Нов. Буженер в Старо-Тябердинской волости. Произошло это как раз во время сева озимых. Власти местные были совершенно парализованы, а Земельная Управа выбрала последнее средство: обратиться к губернскому комиссару, чтобы тот дал распоряжение по телеграфу выслать – на место воинскую команду «для немедленного прекращения творимого *безобразия*»³³ (курсив наш – *Е. Ч.*). Этот случай весьма характерен для эпохи Времен. Правительства. Наконец, в половине ноября мы наблюдаем чрезвычайно острый конфликт из-за надельной земли между Б.-Атнинской волостью Казанского у. и Шиньшинской вол. Краснококшайского уезда³⁴. Атнинские татары имели в последней лес, луга и 2 мельницы. Мы не имеем сведений, каким образом эти земли перешли атнинским татарам от шиньшинских татар; по-видимому, поводом послужило малоземелье первых, но во всяком случае ясно одно, что эта передача произошла вопреки желанию крестьян дер. Сап-Баш, около которой расположены земли. Вполне возможно, что этот конфликт начался задолго до Октябрьской Революции, т.к. дело доходило до Губернского Земельного Комитета, который решил его в пользу б.-атнинских татар. Имеющийся в нашем распоряжении документ прекрасно изображает настроение крестьян Краснококшайского уезда, что во всем этом конфликте для нас всего важнее. Когда атнинские доверенные явились с бумагой в Шиньшинский волостной земельный комитет, председатель последнего отклонил от себя выполнение решения Губернского Комитета, боясь, что его убьют, и ссылаясь на отсутствие волостной земской управы, которая-де и должна удовлетворить иск атнинских татар, а присутствовавшие на волостном сходе крестьяне «положительно отказали в отдаче обратно»: мало того, к этому добавили: «эту бумагу за № 3817 вы получили из Губернского Земельного Комитета на деньги, т.к. Земельный Комитет торгует бумагами». А если уже стал подорван авторитет и бумаги и учреждения, откуда она пришла, то о возвращении захваченных земель не может быть и речи. Доверенным Б.-Атнинского общества ничего не осталось после этого, как возвратиться вновь в Казань требовать привлечения к суду виновных в противозаконной агитации и оскорблении государственного

³³ Наряд Земельной Управы. № 34. Л. 73–75.

³⁴ Здесь и далее Е.И. Чернышев ошибочно называет Царевококшайский уезд Краснококшайским. Царевококшайский уезд был переименован на Краснококшайский 17 февраля 1919 г. (*Ред.*)

учреждения шести человек из состава Шиньшинского волостного схода и просить «известное количество вооруженных солдат для возвращения леса, лугов и двух мельниц»; отряд солдат тем более был необходимым, что крестьяне Шиньшинской волости «грозят убийством» и почти все «ходят вооруженными»³⁵.

³⁵ Наряд Губерн. Земельной Управы № 26. Л. 258.

Ввиду исключительной важности приводим прошение в Казанскую Губ. Земельную Управу доверенных Больше-Атнинского Сельского Общ. Ш.Насыбуллина, А.Ахмадуллина и А.Ахметзянова, датированное 14 ноября 1917 года. «14 сего ноября мы с Больше-Атнинским старшим милиционером Антышевым, Больше-Атнинским Сельским Комиссаром Валиуллой Гайнуллиным, понятыми: Фаттахутдином Шаметдиновым из крестьян дер. Большой Атни, и крестьян Царевококшайского уезда, Кшкловской вол., дер. Жильгильди Самигуллой Гизетуллиным и дер. Дусмы Фахрутдином Назмутдиновым и Абдулбареем Габдрауфовым прибыли в Шиньшинский Земельный Комитет, вручили выданный нам Губ. Земельн. Ком. пакет за № 3817. Председателю Шиньшинского Земельного Комитета, происходящему из крестьян Шиньшинской волости, дер. Чувак Кисяк Захару Ефремову, который принял вышеозначенный пакет в присутствии вышеупомянутых понятых, вскрыл и прочел находящуюся в пакете бумагу и сказал нам, что я эту бумагу исполнить не могу, так как я нахожусь в больном положении, и кроме того боится объявлять эту бумагу населению, объясняясь, что его убьют, а затем он нам сказал и написал бумажку, которая при сем прилагается, что это дело не Земельного Комитета, а Волостного Земства, а почему не открывают Волостное Земство, я говорит, этому не виноват, ввиду чего бумагу эту не отдал нам обратно и послал нас в Вол. Испол. Комитет. Мы тотчас же зашли в Испол. Комитет и предъявили эту бумагу Волостному Комиссару, который нам объяснил тоже самое, что и первый: затем в Волост. Комитет собрался Волостной Сход, который окружил нас и начал спрашивать, относительно чего именно пришли вы сюда, и мы Волостному Сходу тотчас же объявили бумагу Губ. Земельн. Комитета от 10 ноября 1917 года за № 3817 и предложили допустить Больше-Атнинское Общество к владению нашего леса, лугов и двух мельниц, но они нам положительно в отдаче обратно принадлежащих нашему обществу удобств отказались с угрозою убийством. Кроме того, они нам сказали, что эту бумагу за № 3817 вы получили из Губерн. Зем. Ком. на деньги, т.к. Земельный Комитет торгует бумагами. Затем уведомляем Губ. Зем. Ком., что лица, которые смущают население и говорят, что Губ. Земел. Комитет торгует официальными бумагами, и просят таковым бумагам не подчиняться, следующие: деревни Нижних Шиньшей Кучерга Егоров, 2) Яков Алексеев, дер. Перещенных Сап, 3) Губадулла Галиуллин, 4) Магасумзян Хайруллин, 5) Ахметзян Насыбуллин, 6) Халиулла Габайдуллин, по ихней противной законной агитации народ слушает и ввиду чего отняли тогда у нас лес, луга и две мельницы и каковые уже сдали в аренду. А потому покорнейше просим Губ. Зем. Ком. с возвращением бумаги за № 3817 – указанных выше лиц Кучергу Егорова и др. за противозаконную агитацию привлечь к законной ответственности и за оскорбление Губ. Земел. Комитета, а нашему, т.е. Больше-Атнинскому обществу исходатайствовать по Вашему усмотрению известное количество вооруженных солдат для возвращения леса, лугов и двух мельниц от крестьян Шиньшинской вол. для неприкосновенного пользования нашего общества.

Присовокупляем, что без помощи вооруженной силы нашему обществу возвратить принадлежащие сему обществу удобства не представится возможным, т.к. кре-

Этот конфликт из-за земли чрезвычайно много дает для понимания происходящих событий не только в деревне, но и в городе.

Закончив рассмотрение материалов и их анализ о столкновениях между целыми обществами по земельному вопросу, мы можем констатировать такое положение в деревнях нашего края: вначале революции, после известия о свержении самодержавия, крестьянство в целом, критически относясь к происходящим событиям, немедленно выдвинуло и приступило к разрешению земельного вопроса, сначала довольно робко и осторожно, но с апреля месяца уже более решительно и настойчиво. От просьб, адресованных «по начальству», крестьянство быстро перешло к требованиям, затем к захватам, сначала продуктов производства, инвентаря, а затем и самой земли; с развитием революционных событий деревня стала уже не только охранять «незаконный захват» оружием, но и с оружием в руках стала производить этот захват. Таково повсеместное явление.

«Незаконный», с точки зрения временного правительства, захват скоро получил в среде революционного крестьянства вполне законную для него форму в виде постановления сельского схода и волостного комитета, а впоследствии земельного комитета; юридическим базисом для подобных постановлений и приговоров было решение майского съезда крестьянских депутатов, авторитет которого был чрезвычайно велик в широких массах крестьянства.

Базируясь на решениях съезда в своих революционных действиях, крестьянство воплощало и проводило их и в правительственных сельских и волостных органах в форме постановлений и тем самым вполне самостоятельно и сознательно строило деятельность правительственных учреждений на принципах, провозглашенных революционной массой крестьянства и выразителем его надежд и желаний – Съездом и Исполкомом Крестьянских Депутатов, организаций и учреждений, можно сказать, совершенно чуждых правительственной политики. Этим и объясняется такое множество «противозаконных» постановлений сельских и Волостных Комитетов Безопасности. В противовес им возникли в волостях продовольственные и земельные комитеты, но и их постигла та же участь: они быстро навлекли на себя недоверие со стороны правительства. Эти комитеты очень быстро «превысили» свои полномочия, сразу же взявшись не только за подготовку земельной реформы, что предоставило им правительство, но и за самостоятельное проведение этой реформы революционным порядком, основываясь на решениях своего революционного штаба, а это было правительству весьма нежелательно.

С другой стороны, в тех случаях, когда правительственные учреждения в деревне придерживались и правительственных принципов в земельных вопросах, то они или теряли авторитет у крестьянства, разрешавшего в таких случаях вопросы даже помимо этих учреждений на сельских и волостных

стыне Шиньшинской волости грозят нам убийством и почти все крестьяне оной волости ходят вооруженными, а наше общество крайне нуждается в топливе, а получить дрова из своей лесной дачи невозможно».

сходах, как это было в июне июле и августе, или переизбирали состав комитета, вводя туда более левые элементы, как это произошло в конце октября и в ноябре месяце, хотя частично эти попытки производились в июле и августе.

Так что революционное сознание крестьянства для достижения своих целей создавало чрезвычайно эластичный и революционный аппарат, проявивший чрезмерную самостоятельность, реагирующий весьма чувствительно на все распоряжения высших властей включительно до бойкота его распоряжений, до выражения недоверия и открытого недовольства его действиями.

С самого начала революции крестьянство, объединенное в общества с надельнодушевым землепользованием, – а оно составляло подавляющее большинство в нашем крае, – выдвинуло лозунг трудового землепользования безо всякого исключения, в силу чего должны были ликвидироваться не только все виды и формы нетрудового землепользования, а тем более – землевладения, в их чистом виде, но и все признаки их в практике общинного землепользования. В результате этого мы наблюдаем повсеместное расторжение арендных договоров на общинно-надельную землю, на луговые угодья, мельницы и леса; причем, земли и угодья переходят обыкновенно к арендаторам или в то общество, к которому принадлежат арендаторы, а не иначе, в силу провозглашенного принципа трудового землепользования. Но в тех случаях, когда земля сдавалась в аренду не вследствие излишка, а по нужде, и сдавшее в аренду общество решало снова обрабатывать ее личным трудом, то в силу того же положения и оно расторгало арендный договор.

Приступив к реализации провозглашенного революцией трудового землепользования, крестьянство не оставило без внимания и тех случаев, которые являлись наследием царской землеустроительной политики, шедшей во вред общинному трудовому началу. Порядки, установленные или судебными органами или землеустроительной комиссией, разрушались; захваченные казной или отрезанные ею земли снова переходили в эксплуатацию потерпевшего общества; это же происходило и в тех случаях, когда земли были переданы казной соседним сельским обществам.

Наконец, необходимо подчеркнуть и значение национального момента в этих столкновениях крестьянских обществ, порожденного, прежде всего, той же земельной нуждой одних и сравнительным благополучием других. Чрезвычайно острые столкновения на этой почве мы наблюдаем у всех народностей, населяющих край, как между собой, (т.е. внутри одной национальности), так и одной национальности с другой. Мы указали фактический материал подобного рода для чуваш, марийцев, татар и русских. Или исконная национальная рознь на почве отношений туземца к пришельцу, или экономическое превосходство господствующей национальности ко всем прочим, или групповые привилегии, существовавшие раньше внутри одной какой-либо национальности, вследствие тарханских или служебных преимуществ, – вот те причины, которые, главным образом, содействовали развитию тех столк-

новений между крестьянскими обществами, которые иногда достигали огромных размеров, включая и вооруженное сопротивление и наступление.

**Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году.
(Очерк по архивным материалам). Часть 2**

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1926. № 5. С. 81–105)*

Индивидуальные захваты общинной земли.

Одновременно с захватами, в которых принимают участие целые общества, развиваются внутри каждого общества индивидуальные или групповые захваты земель и продуктов производства. В этого рода столкновениях мы можем наблюдать те мотивы, которые наиболее ярко выражают и классовые тенденции экономических групп крестьянства сельского общества и борьбу с семейно-бытовым укладом, порожденным аграрными взаимоотношениями целого ряда десятилетий и событиями эпохи войны и революции.

Архивные материалы больше всего констатируют факты не только насилия, но и засилья «крепкого» мужичка, который пользовался всеми средствами, чтобы оправдать свои захватнические побуждения; материалы отражают и вопиющую бедность, которая опять-таки побуждала не разбираться в средствах, лишь бы хоть на время облегчить свое материальное положение; наконец, эти же материалы дают освещение семейно-бытовых отношений, имевших в своей основе поземельный строй, который будучи разбит революционным движением, нарушил и семейно-бытовой уклад крестьянской жизни.

Обратимся к типичным примерам, освещающим первый поставленный нами вопрос. В Тойсинской волости Ядринского уезда в июле месяце разбирались конфликты между крестьянами деревень Шор-Касы, Кошлоуш, Ерши-Пось и Аба-Касы по поводу отобрания надельных земель иногда по решению сельского схода, иногда же самовольно. Документы освещают 11 случаев захвата, причем 8 из них в деревне Ерши-Пось. Мотивировка захвата – отсутствие в селе работников, малосемейность и многонадельность. Основание захвата – постановление Совета Крестьянских Депутатов от 13 мая. Если и есть на лицо противозаконность, то оно – формального свойства: подчас захват не запротоколирован, но сущность его состоит в том, что постановлением 13 мая воспользовались в корыстных целях наиболее сильные кулачки, со свойственной им дальновидностью еще в самом начале работ земельных комитетов занявшие там «соответствующее» личным потребностям положение. Многонадельные и малосемейные могли быть скорее всего семьи, оставшиеся вследствие военных действий без рабочих рук с подорванным хозяйством, а вследствие этого и с подорванным же авторитетом. Принимая это в соображение, легко уже объяснить и все противозаконные явления. Подтверждени-

ем этого служит двукратная протокольная запись, что *члены* Ерши-Посинского сельского комитета 8 отобранных душевых наделов «поделили между собой». Волостной Комитет порицает это действие и, аннулируя раздел земельных наделов, предписал вернуть наделы обратно. Документов об исполнении последнего не имеется, тем более что захватчики на заседании волостного комитета весьма категорически заявили, что они «раз отобранную землю возвращать обратно не желают»³⁶.

Аналогичные случаи захвата душевых наделов с преобладанием лишь мировых сделок и возврата земель, наблюдается в Убеевской волости Ядринского у. в деревнях Синьял, Дватта-Пюрть, Передние Карьки, Убеево и Малая Шатьма. Здесь эти конфликты не носят той остроты, которую мы наблюдаем в Тойсинской волости, хотя и в Убеевской вол. было не все спокойно: население готово было к восстанию, как отмечает протокол от 1 сентября, но не в результате собственных взаимоотношений, а на почве отношения к землям казенного ведомства.

Захваты душевых наделов независимо от общих переделов встречались и в Цивильском уезде в дер. Бол.-Бикших, где у четверых крестьян было отобрано 7 душевых наделов из числа «мертвых душ», тогда как более 65 таких же наделов осталось в пользовании других крестьян без всяких изменений³⁷; то же явление наблюдается в Хормалинской вол. в д. Айбечь, где у одного крестьянина снят урожай ярового и озимого поля с 5-ти душевых наделов³⁸.

Здесь мы видим уже иную мотивировку – необходимость ликвидации наделов на «мертвые души», которые могли сосредоточиться в руках семей, наиболее пострадавших вследствие военных действий от потери на полях сражений своих мужей, братьев и сыновей. Сытый не считался с нуждой и горем голодного.

Подобного рода явления были широко распространены и вызывали не только отклики, но и угрозы по адресу захватчиков как со стороны потерпевших, так и со стороны правительства, хотя причины у тех и других были совершенно противоположны. Особенно усилились эти отклики и угрозы, когда в деревнях началась ликвидация не только «мертвых» наделов, но и живых, т.е. таких, которые числились за лицами, взятыми на войну и военную службу и вследствие этого отсутствовавшими в своем хозяйстве.

Так, например, 14 сентября рядовой инженерного полка жалуется, на захват 2-х десятин надельной земли обществом дер. Янзы-Касы: это вызывает особенное внимание земельных губернских учреждений. Земельная Управа дает такую директиву уездной управе: «необходимо не допускать захвата солдатских земель, т.к. это может повлечь за собой очень большие неприятности. По возвращении с фронта они будут требовать возврата захваченных

³⁶ Наряд Земельной Управы № 14. Л. 90–94, 116–117; Крестьянское землевладение. Вып. 11. С. 54–57.

³⁷ Наряд Земельной Управы № 34. Л. 28–29.

³⁸ Там же. Л. 110.

полос и на этой почве возможны самые ужасные последствия. Во избежание этого и во имя справедливости, защищая интересы защитников родины, необходимо в высшей степени осторожно действовать с земельными участками солдат и всеми имеющимися мерами защищать их от самовольного захвата³⁹.

Опасения, высказанные представителями Земельной Управы, были далеко небезосновательны. Деревня имела связь с фронтом и фронтовики очень чутко прислушивались и вникали в интересы своей деревни, а тем более своего хозяйства и своей семьи. Нежелательные события в интересах деревенского хозяйства могли возбуждать и возбуждали и «нежелательные» для правительства явления. Так, крестьянка дер. Кюстимера, прося возвратить захваченный надел, указывает, что ее два сына, находящиеся на фронте, «услышав об отобрании земли, могут бежать со службы». И, действительно, в августе месяце, когда разбиралось это дело, развал армии был уже совершившимся фактом, который может быть оправдан и происходившим в деревне захватом душевых наделов.

«Сильные» пошли и дальше: они стали отбирать душевые наделы на малолетних детей, пользуясь тем, что в подорванном хозяйстве рабочих рук было меньше, чем следовало бы; хотя и тут основная причина упадка хозяйства могла быть та же самая: отвлечение на военную службу рабочей силы⁴⁰.

Теперь обратим наше внимание на случаи иного рода, когда на захват земли, лугов или продуктов производства толкали не кулацкие инстинкты, не

³⁹ Наряд Земельной Управы № 34. Л. 135–141.

⁴⁰ Наряд Земельной Управы № 14. Л. 147 и 148. Приводим выдержку из копии журнала от 18 августа 1917 г.:

«Тойсинский Волостной Земельный Комитет в заседании своем в составе председателя Сергея Федотова и членов: Якова Федорова Кошова и Андрея Евгеньева Рубинского слушали: Заявление крестьян дер. Кюстимер вдовы Марьи Алексеевой и Петра Федорова об отобрании у них душевых наделов сельским сходом д. Кюстимер, каковые уже распределили и засеяли, просят об отобрании упомянутых наделов.

Вдова Марья Алексеева добавила, что у нее 2 души, имеет 2 сына, которые оба состоят на службе. Ввиду этого она вторично просит возвратить землю, ибо сыновья, услышав об отобрании земли, могут бежать со службы. Петр Федоров объяснил, что у него 3 души, имеет 8-х сыновей несовершеннолетних, просит возвратить обратно. Явившийся в качестве поверенного крестьянин дер. Кюстимер Козма Сергеев объяснил, что душевые наделы, отобранные у вдовы Марьи Алексеевой и Петра Федорова, розданы неимущим и многосемейным. Приговор сельск. схода от 20 июня сего года об отобрании земли, представленный в доказательство, проверенный Волостным Комиссаром и Председателем Комитета, признан неправильным, как составленный меньшинством голосов. Постановил: на основании циркуляров Временного Правительства Г. Министра Керенского, Губ. Комиссара и Губернск. Земельного Комитета отобранные 2 душевых надела у вдовы Марьи Алексеевой и Петра Федорова возвратить обратно и объявить сходу чрез поверенного Сергеева, что земельный вопрос следует отложить до Учредительного Собрания. К подлинному за надлежащим подписом».

эгоистические побуждения личной наживы, а совершенно противоположные явления: материальная необеспеченность, неприкрытая нужда в куске черного хлеба; иной раз это явление осложнялось еще и стихийными бедствиями.

Так, в деревне Толбаевой Чебоксарского уезда, Никольской вол. у одного крестьянина, весьма нуждающегося, весенней водой размыло яровой клин. Этот размыв поля переполнил чашу терпения земледельца и толкнул его во время ярового посева на захват у своего однообщественника 290 кв. сажен (!!) надельной пашни⁴¹. Можно сказать, что подобные случаи слишком незначительны, носят частный характер. В отношении фактов это – справедливо, так смотрели и крестьяне, а особенно «власти» того времени, но для нас важно в этих случаях подчеркнуть решимость задавленных нуждой крестьян пользоваться без исключения всеми средствами, чтобы улучшить свое материальное положение. Был для этого использован и революционный момент. И неудивительно, что в отношениях с иными классовыми группировками мы встречаем более острые формы борьбы и чем дальше к осени, тем больше.

Насколько сильна была идея установления трудового землепользования видно из следующего *случая ликвидации испольтчины* на надельно-общинной земле.

В с. Б.-Кодрякове Лаишевского у., Шумбутской вол., бывшем владельческом, мы наблюдаем в конце июня разрешение вопроса об испольтной обработке надельной земли. Матрос Якобий «обрабатывал» испольтно в течение нескольких лет свой 3-х десятинный надел; революция внушила крестьянам, действительно обрабатывавшим землю, поделить ее между собой и отказаться от испольтной обработки. Матрос должен был лишиться земельного надела и только уже волостной земельный комитет восстановил его в правах пользования наделом, но на определенных условиях: чтобы Якобий землю вперед обрабатывал собственными средствами, не продавая и не сдавая ее в аренду; кроме того, к 15 августа должен быть закончен посев, «в противном случае, говорит постановление, – земля перейдет в распоряжение здешнего комитета»⁴². Таким образом, трудовое землепользование и здесь заявило о себе и уничтожило испольтчину, вернее, ее уничтожило.

Революция оказала свое влияние и в области земельно-патриархального *быта крестьянской семьи*. Прежде всего, это коснулось земельных наделов. Взрослый сын желает иметь свой личный, хотя бы и небольшой надел в 0,25 души⁴³; протест отца, стремление последнего охранить нераздельность семьи и хозяйства не находит отклика во взглядах сына, который не останавливается перед общественным мнением деревни и выносит вопрос в земельный волостной комитет, всецело ставший защитником интересов молодого хозяина и обязавший отца наделить землей сына из своего семейного участка. Тако-

⁴¹ Наряд Земельной Управы № 12. Л. 20 и 21; Крестьян. Землевладение. Вып. 7. С. 38, 41.

⁴² Наряд Земельной Управы № 5. Л. 234.

⁴³ Душевой надел не достигал и 2 дес. (Крест. Землевлад. Вып. 2. С. 88–89).

вой же случай имел место в Шумбутской вол. Лаишевского же у. в с. Малом-Кодрякове 4 июля 1917 года⁴⁴.

Происходит раздел земель у родных братьев, выделяются вдовы погибших на войне мужей из семьи мужа и от братьев его: поводом к этому служат чаще всего притеснения. Часто эти выделы происходят без острых конфликтов и регистрируются в земельных комитетах как мировые сделки. Подобные случаи имели место в Ядринском у., в конце июня и начале июля, в деревнях Сюлово и Токшихова-Шербаша Тораевской волости⁴⁵.

В области семейных отношений мы имеем еще случай корректива в отношении землепользования. В силу неизвестных обстоятельств за крестьянкой, вышедшей замуж в деревню Онга-Пось, с 1914 года сохранился душевой надел на ее родине в дер. Крика-Касы Козьмодемьянского уезда, Сюндырской волости. В июне месяце сельский сход постановил ее надел с 1918 года передать в пользование другому крестьянину и тем самым восстановить силу обычая⁴⁶. Основное содержание этого факта заключается в том, что крестьяне в силу каких-то причин не могли сделать указанного приговора в свое время, в 1914 г.; может быть в то время повлияло имущественное положение и авторитет семьи кр-ки Федоровой или же давление начальства, хранившего неподвижность землепользования вследствие военных действий. Но важно то, что лишь революция предоставила возможность восстановить права общества в распределении земель. Жалоба потерпевшей не имела последствий в ее пользу, не смотря на то, что она уже от себя для большего воздействия прибавила, что ей не дают косить траву, хотя этого и не было в действительности. Аналогичный случай был в августе месяце в Чебоксарском уезде, Воскресенской волости в дер. Этнескерь, где до замужества имела надел крестьянка дер. Ибрайял⁴⁷.

К истории аграрно-семейных отношений относится и интересный случай временного лишения душевого надела на усыновленного воспитанника одного из крестьян дер. Трех-Алгашей Мало-Яушевской волости Ядринского уезда. Ввиду того, что такой факт противоречил и обычаям и законам, надел был возвращен⁴⁸. Нельзя сказать, что в деревне был ничтожный земельный надел (на душу в среднем приходилось около 3 десятин), так что не безземелье вынудило эту вспышку, но вполне возможно, что зажиточность этого крестьянина и корыстные намерения при усыновлении им воспитанника еще в 1910 г. послужили причиной временного лишения душевого надела⁴⁹.

Архивный материал освещает еще один случай, когда семейные отношения, осложненные военными событиями, влекли нарушения земельного

⁴⁴ Наряд Земельной Управы № 5. Л. 237.

⁴⁵ Наряд Земельной Управы № 14. Л. 67–68.

⁴⁶ Наряд Земельной Управы № 27. Л. 8–12.

⁴⁷ Там же. № 12. Л. 95.

⁴⁸ Наряд Земельной Управы № 14. Л. 87–88.

⁴⁹ Крестьян. Землевладение. Вып. 11. С. 38–41.

строю. В Кибяк-Козинской волости Лаишевского уезда в татарской деревне Починок Уют у вдовы убитого на войне крестьянина ее деверь захватил обрабатываемый ею надел в 1,5 души (несколько более 2 десятин). Волостной Комитет решил землю у захватчика отобрать и нарушенное пользование землей восстановить⁵⁰. Документы не вскрывают основных причин захвата, но все же этот случай чрезвычайно характерный: он рисует бытовые отношения в деревне, порожденные войной или малоземельем и отразившиеся на аграрно-семейных взаимоотношениях.

Таким образом, в случаях индивидуальных захватов наделной земли мы видим, что на первом плане в качестве захватчиков фигурируют представители зажиточного и кулацкого элемента деревни. Это как нельзя лучше обрисовывается из той мотивировки и поводов, которые сопровождают захват наделно-общинной земли: многонадельность и малосемейность, желание ликвидировать некоторые «мертвые» душевые наделы, а вместе с этим наделы уже давно отсутствующих (преимущественно мобилизованных в армию), наделы малолетних при отсутствии рабочих рук в хозяйстве и даже взрослых (преимущественно из семей, призванных на войну). Значительно реже до октябрьского переворота выступает бедняк, но эти случаи потрясающи по своей материально-психологической мотивировке.

Как общее явление – стремление водворить всюду трудовое землепользование выдвигает практическую задачу ликвидации испольщины. Это проявляется именно в индивидуальных столкновениях.

Наконец, аграрно-семейный быт в связи с революционным движением приходит в сильное колебание. Выделы из семьи, разделы семей, корректирование наделов на усыновленных, ликвидация нарушений семейно-аграрного строя, внесенных павшим режимом, выдел вдов из семьи убитых на войне мужей и захваты их наделов, – все это дает довольно яркое представление о том, что и в этой области революционный подъем внес свое влияние и подготавливал почву для дальнейшего углубления этого процесса и создания новых, выдвинутых эпохой революции, аграрно-семейных отношений в деревне.

Ликвидация арендных отношений на наделных землях.

В большинстве случаев крайняя необеспеченность заставляла крестьян общинников сдавать свой надел в аренду; и в аренду не зажиточным и богатым крестьянам, а однообщественникам среднего или даже ниже среднего состояния, которые, обладая сравнительно с сдающим в аренду крестьянином либо большим количеством рабочих рук, либо лишней лошадью, обрабатывали арендованный кусок земли своим личным трудом. Подобные явления можно бы назвать голодной арендой, которые были чрезвычайно распространены в нашем крае.

Революция выдвинула идеи черного передела и трудового землепользования, а вместе с этим и надежду у крестьян поднять захудавшее хозяйство.

⁵⁰ Наряд Земельной Управы № 5. Л. 364.

При этих обстоятельствах голодный арендатор желает закрепить за собой тот участок земли, который снял в аренду и обрабатывал личным трудом, а сдавший в аренду под влиянием тех же веяний стремится возвратить сданную в аренду землю и своей личной работой на ней сохранить за собой право пользования ею. Для сельских и волостных властей создавались довольно затруднительные положения, из которых можно было выйти или нарушив справедливые требования одной из сторон, или отмахнувшись от решения дела по существу и ограничившись формальным решением его.

В упоминавшейся нами деревне Толбаевой мы констатируем случай захвата 2 десятин надельной земли, отданной в аренду отцом захватчика. Захватчик, имея семью в 5 человек, вел свое личное хозяйство на 2-х же десятинах суглинистой с камнем земли. Возврат сданной в аренду земли имел для него большое значение, но Волостной Земельный Комитет стал на защиту арендатора, обрабатывавшего землю личным трудом. Разбор этого дела происходил во время сенокоса, в конце июня или в начале июля 1917 года.

Сильно распространены случаи расторжения арендных договоров в Лаишевском уез., в Шумбутской волости. Крестьяне общественники, сдавшие землю в аренду на срок от 5 до 12 лет, в начале июля 1917 г. стали явочным порядком расторгать договора, объявляя арендаторам свое решение обрабатывать и засеивать землю своим трудом, изредка лишь грозя попыткой завладеть урожаем хлебов и сена. Никаких указаний на низкую арендную плату в документах не встречается, фигурирует единственное желание самостоятельно заняться земледелием. Такого рода мотивировку представляли 45 домохозяев из 4 деревень. Количество земли, сдаваемой ими в аренду чрезвычайно мало: в большинстве случаев по несколько сажень (от 1-й до 15-ти), а в 4-х случаях – по 1–2 души (до 5 дес.); следовательно, сдавалась земля от нужды, от малого надела⁵¹. Но и снималась в аренду земля не для спекуляции, а для пополнения тощего бюджета: только в двух случаях наблюдается в одних руках 2–3 десятины арендованной земли и в одном – 3-х душевой надел (но 6 дес.); каждый из прочих 5-ти арендаторов имел лишь по несколько сажень. Так что в этом случае мы наблюдаем типичные формы продовольственной аренды.

Арендаторы, за исключением одного случая, происходят тоже из самых малоземельных обществ дд. Околодок-Янасал, Иваново и Торхановка; в последней душевой надел достигал лишь 1,1 дес.⁵² Когда вопрос о расторжении договоров предстал на разрешение Волостного Земельного Комитета, последний решил оставить в силе арендные договора или же помирить спорщиков, что и удалось ему в двух из семи случаев, Никакой остроты в разрешении этих вопросов не было, все разрешалось спокойно; дело даже не выходи-

⁵¹ Действительно, лишь д. Челныбаш имела в 1906 еще году 3,8 дес. на мужскую душу, деревни же Мордовы Челны и Околодок Янасал тогда же имели по 2,2 дес., а дер. Иванова – 2,5 дес. при господствующем суглинке (Крестьян. Землевлад. Вып. 2. С. 81–89).

⁵² Крестьян. Землевлад. Вып. 2. С. 73.

ло за пределы обычных частных отношений исключительно личного свойства и лишь в одном случае, в дер. Иваново, сельское общество хотело было пустить в общий передел 5 дес., сдававшихся в аренду⁵³. Этот тип аренды надельных земель и арендных отношений, по-видимому, сильно распространен и нам еще придется с ним встретиться⁵⁴.

Дважды аналогичные случаи имеют место в дер. Кутлы-Букашевы Челны той же волости и уезда в августе и ноябре месяцах с той лишь разницей, что отбиралась луговая земля, находящаяся до этого времени в аренде у крестьян другого уезда, именно – Чистопольского⁵⁵.

На этих же основаниях происходит расторжение арендных договоров в Петриковской вол. Краснококш. уезда в дд. Красная Поляна и Николаевская в конце июня и начале июля месяца. В обоих случаях сдавались в аренду полдусевые наделы (1,3–2 дес.). Дело закончилось мировой сделкой⁵⁶.

То же явление наблюдается в д. Петяковой Краснококшайского уезда в конце июня месяца 1917 г.⁵⁷ и в деревне Чирш-Тойзи Чебоксарского уезда в начале августа. Необходимо отметить, что в последнем случае земля находилась в аренде 17 лет⁵⁸. Эти тяжбы кончались в пользу крестьян сдавших в аренду свои наделы.

В Ядринском уезде в дер. Стрелецкая Слобода Балдаевской волости мы имеем в июне месяце, ко времени сбора сена, два случая расторжения арендного договора на надельные луговые угодья; волостной комитет защищает интересы сдающих в аренду, но не арендаторов. Несколько позднее, в начале июля месяца, в с. Никольском Хочашевской вол. произошел такой же случай, но уже с пашней, причем крестьянин, сдавший в аренду 400 кв. саж., снял урожай своего арендатора⁵⁹. Такие же явления наблюдаются в Шуматовской вол., но здесь Земельный Комитет склонил ждать решений Учредительного Собрания⁶⁰.

С противоположным результатом закончились такие же тяжбы в Воскресенской вол. Чебоксарского уезда в дер. Вторая Чурашева и в Алым-Касинской вол. того же уезда в дер. Тене Касы, где снимали в аренду до 2,25 душ крестьяне д. Ольдеева-Изеева и Альем-Касы: решили ждать Учредительного Собрания. Как реагировали на это крестьяне, сдававшие в аренду

⁵³ Однако и в этом случае, за недостатком сведений, мы не решаемся высказать хотя бы догадку о спекулятивных кулаческих тенденциях крестьянина, сдававшего землю.

⁵⁴ Наряд Земельной Управы № 5. Л. 214, 216–217, 219–221, 251.

⁵⁵ Там же. Л. 253 и 418.

⁵⁶ Наряд Земельн. Управы № 10. Л. 18, 106, 118.

⁵⁷ Там же. № 10. Л. 130.

⁵⁸ Там же. № 12. Л. 95.

⁵⁹ Наряд Земельной Управы № 14. Л. 16, 18, 80.

⁶⁰ Там же. № 14. Л. 35–36, 144.

свою землю, неизвестно⁶¹. С тем же результатом закончились подобные тяжбы в половине августа в Никольской волости Чебоксарского уезда в дер. Тансариной и М.-Бишевой; здесь чашка весов в пользу арендаторов склонилась вследствие того, что они сами работали на земле, а сдавшие в аренду крестьяне самовольно нарушили подписанный ими же арендный договор⁶².

Некоторую разновидность представляют собой следующие случаи ликвидации арендных отношений. В Чебоксарском уезде у крестьянина деревни Чирш-Касов был один душевой надел в дер. Сют-Касы Воскресенской волости, который находился в пользовании другого крестьянина, по-видимому, на арендных началах. В 1917 году арендатор отказался возвратить участок; этот самовольный захват был санкционирован и волостным комитетом, который убедил обеспеченного наделом в другой деревне крестьянина отказаться от этого надела и пойти на мировую⁶³.

Факты расторжения арендного договора с захватом урожая хлеба арендатора имели место в татарских деревнях Большие Елги и Малый Ошняк Масловской вол. Лаишевского уезда в августе месяце; в аренду сдавалось всего 12 сажень (!!). Причины захвата в документах не указаны, но можно предполагать, что и тут руководила нужда и желание путем личной и самостоятельной обработки удержать за собой земельные наделы⁶⁴.

Принцип трудового землепользования, так ярко выступавший основной причиной ликвидации арендных отношений во всех уголках нашего края, как это видно из приведенных примеров, проводился и в тех случаях по отношению к арендаторам наделной земли, когда эти арендаторы не могли самостоятельно обработать и засеять ее. Так в дер. Мамли Козаковы Челны Лаишевского уезда, Шумбутской волости у крестьянки Арентовой взято 4 десятины земли (из них 3 арендованной) вследствие того, что она вовремя не обработала эту землю, имея еще один душевой надел в 2 десятины. Земля была передана в общую разверстку сельскому комитету⁶⁵. Вполне возможно, что опоздание в обработке вышло вследствие отлучки на войну рабочих рук этой семьи, что, по-видимому, не было учтено волостным земельным комитетом, или последний не хотел этого учесть. Жалоба Арентовой на постановление волостного комитета в уездный земельный комитет несколько не изменила позиции первого, хотя из Лаишева и пришло предложение о пересмотре постановления.

Все приведенные примеры показывают как сильно были распространены, и в течение всего 1917 года, тенденции к уничтожению арендных отношений, хотя бы они вызывались и тяжелой нуждой, большой несостоятельностью как крестьян, сдающих наделы в аренду, так и самих арендаторов. Для деревенских органов власти создавались чрезвычайно тяжелые положения,

⁶¹ Там же. № 12. Л. 106, 107, 123.

⁶² Наряд Земельной Управы № 12. Л. 114, 116, 129.

⁶³ Наряд Земельн. Управы № 12. Л. 94–95.

⁶⁴ Там же. № 5. Л. 269. Пункт 8; Л. 270. Пункт 10.

⁶⁵ Там же. № 5. Л. 249 и 250.

но все же можно утверждать, что в большинстве случаев столкновения на почве ликвидации арендных отношений разрешались или мировой сделкой или примирением потерпевшей стороны с постановлением сельского или волостного комитета; редко на подобные решения могли оказать влияние высшие инстанции; да и интерес и внимание к подобного рода фактам проявлялись ими не особенно большой. Очень редко мы констатируем случаи, сопровождавшиеся острыми столкновениями между спорящими за клочок земли крестьянами; мы могли привести лишь один-два факта, сопровождавшиеся захватом не только арендованной земли, но и продуктов производства. Так разрешались создававшиеся на почве арендных отношений конфликты между крестьянами-общинниками, когда обе стороны, находясь в одинаково бедственном положении, по принципу трудового землепользования искали выхода из создавшегося аграрного тупика.

Совершенно противоположные приемы ликвидации арендных отношений наблюдаем мы при экономическом неравенстве тяжущихся сторон.

Крестьянин Долганов в дер. Кочакове Чебоксарской волости и уезда имел 25 паев сенных покосов, с которых собрал до 400 пудов сена наемным трудом. В результате, тот, кто косил, и увез к себе сено, не дав возможности распорядиться им арендатору. Последний предлагал как бы за работу пудов 80, но крестьяне не согласились. Однако, Волостной Комитет, базируясь на чисто формальных соображениях, решил дело в пользу арендатора⁶⁶. Последствия этой тяжбы в документах не освещены, но едва ли можно сомневаться, что постановление Волостного Комитета не имело силы, т.к. взять обратно захваченное сено было значительно труднее, чем самые луга, если бы такие были взяты крестьянами-работниками. Приведенный случай рисует арендатора как мироеда, деревенского эксплуататора, в силу чего деревня сводит уже с ним счеты, хотя и пассивно, своим молчанием санкционируя захват его сена своими однодеревенцами. Но этот случай далеко не одинок.

Покровское, Дигитлинское, Буинское и Никольское общества Омарской волости Мамадышского уезда пытаются восстановить свое право на аренду Мурзинских лугов при впадении в Каму реки Шешмы, отошедшее за последние годы к «разным кулакам», поднявшим арендные цены очень высоко, что сделало луга недоступными для крестьян указанных обществ. На этот раз все инстанции поддерживают ходатайство Омарского земельного комитета, поддержавшего иск 4-х обществ. Правда, вместе с этими лугами Никольское общество просило луга и земли помещика Лихачева, но это послужило лишь к тому, что Никольское общество было признано уездным земельным комитетом не нуждающимся в лугах, что дало основание отклонить просьбу⁶⁷. Без аренды

⁶⁶ Наряд Земельной Управы. № 12. Л. 126.

⁶⁷ Тогда как при наличии самой плохой почвы (песок и глина; надел душевой в этих деревнях колебался от 3,7 до 5 десятин, в селе Никольском он не достигал и 1 десятины (0,7) на муж. душу (Крест. Земл. Вып. 8. С. 46–49). Это мы сообщаем для полноты картины.

Мурзинских лугов все означенные общества были крайне бедны сеном, которого хватало лишь на 4 месяца в году⁶⁸. Это движение 4 деревень против кулацкой аренды чрезвычайно характерно для конца сентября и начала октября месяцев и в таком уезде, как Мамадышский. В начале октября мы уже можем констатировать выступление против кулака-арендатора вполне успешным.

Аналогичный этому случай произошел в селе Русские Саралы Лаишевского уезда, где сельское общество расторгло арендный договор с крестьянином деревни Тенеевой Ефремовым, арендовавшим 18 дес. земли.

И волостной и уездный земельные комитеты стали на сторону арендатора и предписали возвратить Ефремову землю, но документы не говорят, чем дело кончилось⁶⁹. Нам же важно подметить как факт расхождения в стремлениях села и волости, так и факт борьбы сельского общества с более или менее крупными арендаторами.

Здесь мы имеем тип кулака-арендатора, который, арендуя сравнительно большие участки, отдавал их снова в аренду, но уже мелкими полосками, или, что, скорее всего, эксплуатировал землю наемным трудом, а продукты производства либо сбывал на дальние рынки, если не в казну, либо у себя же в деревне, выждав повышения цен на хлеб и срока «заблаговременного» и кабального найма рабочей силы на предстоящий сезон.

Но были столкновения и иного рода, в которых кулацкий элемент деревни проявлял свою низменную и эгоистическую натуру, не гнушавшуюся ни одним случаем, способствовавшим хоть на грош поживиться при благоприятных обстоятельствах.

Борьба с кулаческими инстинктами мелких хозяйчиков-арендаторов проявилась довольно рельефно в дер. Ташкирмень Сараловской волости Лаишевского уезда. По всей вероятности, еще в июне месяце во время покосов лугов, арендованных у казны еще в 1914 году, произошло три случая присвоения чужой доли арендованных лугов. Краснов и Кожевников арендовали совместно по равной доле 5,5 дес., Ирошамова с Кузнецовым – 4,5 дес., Богатова и Кузьмин – 5,5 дес.

Кожевников, Кузнецов и Кузьмин, пользуясь тем, что арендные договора были написаны на их имя и побуждаемые высокой ценой на сено, лишили своих товарищей по аренде причитающегося им урожая сена. Потерпевшие внесли жалобы в Волостной Земельный Комитет. В этих жалобах высказывается сильное негодование по адресу захватчиков, воспользовавшихся свободой лишь для того, чтобы удовлетворить свои эгоистические инстинкты, не гнушась самыми низкими, с точки зрения справедливости, средствами.

Рассказав поступок Кожевникова, Краснов квалифицирует его бесстыдным самозахватом и продолжает: «Ведь новое правительство стремится к миру между крестьянами, дает распоряжения к пресечению разного рода самозахватов, а если мы, земельный комитет, и ваш земельный комитет допустит

⁶⁸ Наряд Каз. Земельн. Управы № 6. Л. 100–102, 104.

⁶⁹ Наряд Земельной Управы № 5. Л. 314 и 360.

такого рода самозахваты – то что получится? А получается то, что было во все время при старом, ненавистном режиме: один кулак царствовал, жил, а ты, бедный крестьянин, гнил, не знал к кому обращаться, и бедный возвращался в свою хату и горько, горько рыдал; обратился бы к небесам, то – слишком далеко, небо не принимает участия в таких делах, тут должен совершиться «человецы правосуд», должна действовать совесть, (она) занимает трибуну на суде, а неправда – да пусть она сгинет». Волостной Комитет и другие высшие инстанции восстановили в правах всех потерпевших⁷⁰.

Борьба с кулацкой арендой усиливается, главным образом, после октябрьского переворота, когда произошло в деревне свержение кулацкого элемента в волостных и сельских комитетах и радикальное углубление революционного процесса на почве ожесточенной классово-борьбы. Материалы довольно отчетливо отмечают это нарастание, а в связи с этим центр тяжести в области ликвидации арендных отношений переносится именно на случаи, прежде всего кулацкой аренды, которая, являясь экономическим и классовым бичом деревни, вызывает и более острые столкновения, чем это мы видим при разрешении конфликтов, возникавших на почве голодной аренды.

Переделы надельно-общинной земли.

Нам остается осветить еще один вопрос, чрезвычайно волновавший деревню с первого же месяца после свержения самодержавия и до самого октябрьского переворота. Это – вопрос о переделах надельно-общинной земли. Если путь от февраля к октябрю ознаменовался в деревне не только захватами казенных, удельных и частновладельческих земельных угодий и средств производства, не исключая сплошь и рядом и продуктов сельскохозяйственного производства, но и крупными событиями внутри каждого сельского общества и между сельскими обществами на почве аграрно-хозяйственных отношений, что мы рассмотрели выше, то надо признать что вопроса об общих и частных переделах надельно-общинной земли деревня не могла избежать при той экономической и классово-дифференциации, какую мы наблюдаем в нашем крае в 1917 году. Вопрос о переделах земли самой жизнью выдвигался с особенной настойчивостью в местах жительства нерусского крестьянства, где мало было помещичьих земель, где мало было казенных и удельных пахотных угодий, где деревня должна была изыскивать возможности увеличения земельного надела скорее всего за счет своих же собственных ресурсов, которыми она обладала и распоряжалась.

Но в этих местах, как и всюду в Казанском крае, в разрешении деревней вопроса о переделах земли главное значение имеет именно классовая группировка крестьянства; в переделах выразилась полностью точка зрения на земельный вопрос и кулацкого элемента в деревне, и бедняцкого и крестьянина-середняка.

⁷⁰ Наряд Земельной Управы № 5. Л. 288–294, 296–297.

Обратимся к фактическим данным и их анализу. Несмотря на общие постановления и губернских и уездных выборных властей, несмотря на принципиальное согласие с постановлениями о запрещении переделов общественных полей, сельские общества поступали по своему побуждению, определившемуся на сходе. Так в Мамадышском уезде в Петропавловской волости в дер. Верхний Ошлан крестьяне переделали паровое поле по наличным душам. Некоторые лица, лишившиеся скудных душевых полос, выражали свое недовольство перед волостным комитетом, указывая на незаконность и несправедливость такого действия. Волость не утвердила постановлений о переделе, мотивируя так: «Передел земли впредь до Учредительного Собрания допустим быть ни в коем случае не может, тем паче, что большая часть населения находится в войсках». Это основная мотивировка. Но сельское общество осталось глухо к этому постановлению, состоявшемуся 2 июля, так что волостному земельному комитету пришлось повторить его снова 24 июля и добавить, чтобы отнятые у крестьян по последнему переделу и уже обработанные душевые наделы, были им возвращены при условии возмещения расходов по обработке земли⁷¹. Такова обыкновенная история, рисуемая документами. Справки же о надельности заставляют присматриваться к вопросу внимательнее. Надел на мужскую душу в этой деревне достигал лишь 2,1 дес. при самом плохом суглинке с примесью мелкого камня⁷². Вполне возможно, что часть крестьян, может быть и большая, стремилась обеспечить себе больший сравнительно надел, пользуясь именно отсутствием многих односельчан из деревни и пребыванием их на войне. Конечно, не исключена возможность и стремлений деревенских кулаков сыграть на народном бедствии в свою пользу и захватить в свои руки побольше земли, но не нужно игнорировать и случая отчаянной попытки к увеличению душевых наделов, особенно, если было много «мертвых» душ, и горячих, но измученных нищетою надела, голов. Именно этот мотив мы склонны видеть в основе передела надельно-общинной земли в деревне Верхний Ошлан.

К случаям такого же рода можно отнести передел в д. Савинове Чистопольского уезда, Ст.-Максимовской вол., где образовались опять-таки две группы, пришедшие предварительно к «взаимному соглашению», что и отмечает волостной комиссар 26 июля 1917 г. В деревнях Фомкино, Ерыкла и Ст.-Максимкино ограничились одними разговорами и от передела воздержались, т.к. занялись помещичьей землей; комиссар отмечает беспокойное состояние волости и наличие «аграрных брожений»⁷³.

Но вот два случая передела земли в Спасском уезде в дер. Средняя Биктемирова Нижне-Алькеевской волости и в д. Старые Нахраты Базарно-Матаковской волости. Во-первых, необходимо отметить, что в обеих деревнях преобладает лучший супесчаный чернозем с урожайностью в среднем до 60

⁷¹ Наряд Губ. Земельн. Управы № 6. Л. 152 и 154.

⁷² Крестьян. Землевлад. Вып. 8. С. 50–53.

⁷³ Дело Казан. Совета Крестьянских Депутатов № 18 (арх.). Л. 104.

пудов с десятины; во-вторых, надел в первой деревне достигает свыше 4 дес. на мужскую душу, а во второй – около 3 десятин. Крестьяне – бывшее государственные; и там и тут еще в 1906 году были товарищеские хозяйства, а впоследствии выросли и хуторские. Одним словом, деревни – благополучнее других в земельном отношении⁷⁴. Картину обычных переделов рисуют в своем прошении от 9 июня два раненых солдата и 16 солдаток из дер. Ст. Нахраты; еще в царское время переделы происходили незаконно и несправедливо, заявляют они, т.к. это дело «коштаны взяли в свои руки», приговор составлялся и подписывался «теми людьми, кого и вовсе нет, а земский начальник на голоса не поверял»; так и теперь, в 1917 году, эти же самые «коштаны» задумали делить землю, когда людей «взяли множество на войну, а солдатки с ними ничего не поделают». Кроме того, делили землю по приговору 1912 года, исключив из состава населения того времени умерших, хотя бы и на войне, но не включив прибылое за 5 последних лет население. Солдатки соглашались на исключение умерших, но с условием включить родившихся за 5 лет; однако этого принято не было. В результате – под угрозой «и кольев и дубинок» заставили бедняков замолчать и произвели передел. Картина нарисована вопиющая. Но «когатанам» именно такой передел был и выгоден и обеспечен, т.к. они заблаговременно заняли выборные должности и представляли собою начальство, не потерявшее от войны и нажившееся от революции.

Можно было бы считать сильно преувеличенной эту оценку действий «коштанов», если бы она была одинока. Но и солдат Филатов из дер. Биктемировой говорит почти о том же. Наделили тех людей, которые 15 лет дома не жили; которые давно уже отсутствуют, у которых даже домов нет, да и кого наделили, половина из тех уже успели продать свою землю. Солдатские же семьи оказались обделенными. Несмотря на всю эту аргументацию, переделы остались, однако, в силе, но влияние этих «переделов» оказалось чрезвычайно мощным, увеличивая число недовольных не только сельскими властями, но и центральными⁷⁵.

⁷⁴ Крестьян. Землевлад. Вып. 5. С. 2–5, 38–41.

⁷⁵ Наряд Земельн. Управы № 81. Л. 40–41, 89–91.

Приводим чрезвычайно интересное «прошение» Губернскому Комиссару гражд. Т.Е. Филатова.

Я нижеподписавшийся крестьянин Казанской губер. Спасского уезда, Нижне-Алькеевской волости деревни Среднего Бектемерова, Терентий Егоров Филатов Господин Комиссар, заявляю Вам в том: – у нас общество желает землю разделить по новым душам, но я прошу Вас сделать распоряжение подождать делить землю до нашего приходу, потому что я на военной службе и брат мой тоже на военной службе, следовательно дома у нас одни женщины, дома находится мать 70-летняя, потом жены, а у которых мужчины дома, что хотят то и делают. Не только у нас в дому женщины, даже во многих домах одни женщины; изо многих домов сейчас на службе: какой может быть правильный раздел. По-прежнему у нас было 12¹/₂ десятин на 3 души, у нас у двоих братьев, которые тоже на военной службе. Под еровое они разделили, оставили только 1¹/₂ десятины, под пар 1³/₄ десятины. Следовательно у нас

Земельные переделы прежде всего опротестовываются солдатами или солдатками и беднейшей частью деревни. А аграрная политика Временного Правительства могла лишь подтолкнуть и разложение армии и обострение классовых отношений в деревне среди крестьянства. Приведен еще аналогичный случай.

В начале июля месяца солдат Гизетуллин, солдатские жены и матери, всего 26 человек деревни Утни Ново-Кишитской волости Казанского уезда, жаловались в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов на неправильно произведенный передел, именно: «уменьшили души, отобрали удобренную землю и дали самые маломерные полосы и недоброкачественные, так что пахать невозможно, ибо есть некоторые никогда не паханные, вследствие чего пашня невозможна и стоит не пахана». Приговор, по мнению потерпевших, – подложный, т.к. многие вписаны заочно. Но ввиду того, что с формальной стороны все обстояло благополучно, Губернский Земельный Комитет оставил жалобу без последствий⁷⁶.

Из Б. Атинской волости Казанского уезда мобилизованные общественники, лишь только прослышав о предстоящем переделе, заявляют свой протест, боясь остаться без земли⁷⁷. И из этих фактов мы приходим к таким наблюдениям: 1) переделами больше недовольных среди солдат и их семей; 2) переделы форсируются, главным образом, у бывших государственных крестьян и чаще всего в татарских деревнях Казанского уезда; 3) побудительным мотивом служит опять-таки тенденции чисто кулаческого происхождения, на что могла повлиять ликвидация хуторского и отрубного хозяйства.

Особенно сильно переделы земли развивались в Цивильском уезде. Большая волна переделов может быть отнесена на июнь месяц, когда началась обработка парового клина под озимь. К концу лета переделы продолжались, но уже не в такой степени, и носили спорадический характер. Докумен-

останется $4\frac{3}{4}$ десятины; всего у нас семейства 8 человек: и лес тоже разделили по новым душам, мы тоже несогласны были делить. Сейчас они под еровое разделили: наделили тех людей, которые 15 лет дома не жили, даже у некоторых совсем нету домов, что же они получили землю и продали; вот имена этих людей: Федор Аркатьев, Павел Федоров, Иван Захаров, Василий Листоферов, даже многих, которых наделили по новым душам: больше на половину распродали. Прошу Вас обратить внимание на мою просьбу и сделать распоряжение, мать моя просила уездного Комиссара, он ее просьбу не обратил внимание и никакое распоряжение не сделал.

Не только у нас землю отняли, даже у многих, у которых нету дома мужиков, следовательно у тех отняли, которые защищают родину и томятся в окопах: если наши жены пойдут на сходку или матери, на них не обращают внимания. Вы знаете, нам нельзя бросить своей обязанности – несем военную службу. Се покорнейше прошу Вас, сделайте распоряжение, не оставьте мою просьбу без внимания. В чем и подписуюсь. Солдат 686 пешей Казанской дружины, 1-й роты; 3 взвода. Терентий Егоров Филатов. (Дело № 31. Л. 42 и 43).

⁷⁶ Наряд Земельной Управы № 26. Л. 195–197.

⁷⁷ Там же. № 3.

тально мы можем установить переделы в следующих селениях уезда: с. Гришине, дер. Хозесанова, д. Старая Бахтиарова в Старо-Тябердинской волости; в дд. Бол. и Малых Бикшах, Контор-Касы Сиделевской волости; в с. Шоркисры Яниково-Шоркисринской волости; в дер. Айбечь Хормалинской вол.; в дер. Мусирьме Старо-Арабосинской вол.; наконец, в дер. Ивановой и Латышовке Архангельско-Янтиковской вол.⁷⁸ Во всяком случае дело не ограничилось 12 селениями; частичные и общие переделы происходили повсеместно. Наблюдаются они, главным образом, среди бывших государственных крестьян, лишь с. Гришино – бывшее помещичье. Это явление – не случайное: большей частью в районе расселения государственных не встречалось помещичьих земель, пахотных земель было мало и у казны, приходилось поневоле на первое время ограничиваться своими надельными землями.

Все отмеченные здесь переделы были опротестованы не только единичными заявлениями, но и коллективными; последняя форма протеста даже преобладает. 15 сентября солдаты с. Шоркисры в числе 11 домохозяек подают жалобу и заявляют: «Мужья наши находятся на военной службе и без их присутствия мы будем обиженными: нам дадут плохую землю и, имея маленьких детей, мы не можем присутствовать при этом разделе⁷⁹. Крестьянин Кузнецов из с. Латышовки еще 4 июня писал, что 5 человек «поднимают в деревне большие беспорядки», производя давление на 130 домохозяев в пользу немедленного передела земли; чтобы предупредить передел, Кузнецов просит Губернского Комиссара прислать на его имя «смирительное письмо»⁸⁰. По-видимому, была опасность, что большинство, вопреки собственным интересам, принуждено будет пойти за незначительным меньшинством. В селе Гришине 30% домохозяев были против передела земли. В результате передела пострадали интересы солдаток прежде всего. Одна из них, Лукоянова, просит аннулировать передел и прислать охрану «для ограждения от беспорядков и скандалов» во время посева озимых⁸¹.

33 домохозяина Мусирминского сельского общества просят принять меры к недопущению передела земли по наличным душам, чего настойчиво требуют 6 человек во главе с сельским комиссаром, которым от передела будет выгода; однако солдатские семьи в особенности могут лишь пострадать, т.к. надел уменьшится и с 1728 кв. сажен дойдет до 960 кв. сажен. В виду этого в деревне «происходили и происходят в настоящее время сильные волнения». В жалобе приводится и мотивировка для производства раздела: – «Должны ли мы подчиняться бумажному распоряжению Временного Правительства или воле народа?»⁸² В бумаге от 10 ноября 11 домохозяев дер. Сред-

⁷⁸ Дело Губерн. Совета Крестьян. Депутатов № 19 (арх.). Л. 29; Наряды Земельной Управы № 11. Л. 11–12, 83–84, 106, 139; № 34. Л. 1, 40, 51–54.

⁷⁹ Наряд Земельной Управы № 11. Л. 83.

⁸⁰ Наряд Земельной Управы № 34. Л. 1.

⁸¹ Там же. № 34. Л. 40.

⁸² Там же. № 34. Л. 51–54.

ний Кибечь Шибылгинской вол. пишут чрезвычайно выразительно: «в нашей деревне есть люди, которые хотят разделить землю по новым душам до Учредительного Собрания самовольно как буржуазные. Г. Земельный Комитет, просим Вас разрешение для успокоения народа; у нас есть солдатики и не согласятся разделить землю потому, что у них мужья находятся в действующей армии, а те, которые буржуазные люди, которые никогда на службе не были и не защищали родину, а они какое-то нашли самовольное право»⁸³.

Из всего вышеизложенного следует, что в большинстве случаев подавляющее большинство крестьян соглашалось ждать передела земли до конца войны, но преимущественно наиболее обеспеченные, зажиточные и сильные своим авторитетом крестьяне, конечно, лишь на основе экономического превосходства, стремились использовать момент в своих корыстных целях на переделах земли, не гнушаясь усматривать «голос народа» и его волю в заявлениях 5–6 человек из всего общества.

Политическое значение осуществившихся переделов и даже одних разговоров о переделах – огромно. Голос солдаток доносился до окопов с самого начала революции, неумение же Временного Правительства предупредить переделы ускорило распад армии.

Считаем необходимым отметить, что архивные материалы не дают сведений об общих переделах надельно-общинной земли в Чебоксарском уезде. Из этого однако нельзя выводить заключения, что они не занимали крестьянских обществ и не возбуждались. По всей вероятности, в большинстве случаев, старались дело свести к распределению выморочных душевых наделов. Такого рода дел много было в Алым-Касинской, Помарской, Никольской и Воскресенской волостях⁸⁴.

Что же касается общих переделов, то глухое указание на них делает отношение Губернской Земельной Управы в Помарскую волость, где дается указание «решать эти вопросы в отрицательном смысле, и не настаивая однако на безусловном выполнении решения»⁸⁵. Это добавление, взятое нами из отпуска от 25 июля за № 374, чрезвычайно характерно и важно. Но чем оно вызвано, какие события ему предшествовали, – все это может быть выяснено из дальнейших архивных разысканий. Ясно одно, что уже в июле месяце в деревне власть авторитета не имела, больше прислушивались к Совету Крестьянских Депутатов, особенно к его майским постановлениям.

В результате рассмотрения вопроса о переделах надельно-общинной земли мы приходим к такого рода обобщениям.

Вскоре после свержения самодержавия, считаясь с полным игнорированием земельного вопроса и необходимостью его разрешения со стороны временного правительства, деревня сама приступила к разрешению его, помимо правительственных органов власти силою авторитета сельского или волостного схода.

⁸³ Наряд Земельной Управы № 34. Л. 143.

⁸⁴ Там же. № 12. Л. 77–81, 105, 108, 138–139 и др.

⁸⁵ Там же. № 12. Л. 77–81, 105, 108, 138–139 и др.

Вопрос о пределах земли возник в деревне также очень рано, и если по-рицалось и не встречало сочувствия предложение о полном переделе, то в большей степени практиковался частичный передел.

Наиболее частым и господствующим явлением передел земель наблюдался среди крестьян бывших государственных, поселения которых расположены далеко от помещичьих усадеб, а казенные и удельные лесные массивы оставались пока в сфере влияния, хотя и сильно слабеющего, лесной правительственной администрации.

Отсутствие частновладельческих земель в районе расселения бывших государственных крестьян, обуславливает и то положение, что эти переделы земель больше всего и коснулись, главным образом, трех национальностей – русских, татар и чуваш; у марийцев вопрос о пределах земли мог не стоять так остро ввиду того, что земледелие у них является больше подсобным занятием, чем разные промыслы и торговля, особенно с точки зрения экономической, чисто бюджетной.

Вопрос о пределах земли и возбуждался и получал реальное осуществление, главным образом, под давлением кулачского элемента каждого села и деревни, который, предвидя из всего хода событий в деревне торжество надельно-общинного землепользования, старался воспользоваться отсутствием многих работников деревни в своих корыстных целях, пренебрегая интересами не только семей, рабочая сила которых была взята на военную службу, но и подавляющего большинства сельского населения, прибегая даже к насилию над волей этого большинства и обману. Документы указывают, что переделы происходили а) по подложным приговорам, в) «по старому режиму», с) по старым душам без прибавки новых, д) часто наделялись фиктивные души, но обделялись солдаты и их семьи. Это – общая картина переделов.

Но были случаи, представляющие собой редкое исключение, когда передел совершался под гнетом нужды, экономической несостоятельности, в результате отчаянной нищеты и безвыходности положения.

Наконец, переделы земель, рано возникшие в деревне как проект, быстро получали осуществление, темп производства переделов достигает своего высшего напряжения летом 1917 года, к осени начинает ослабевать, вследствие перемены классового состава низших земельных и административных органов в деревне, когда в комитеты безопасности, земельный и продовольственный, стали проникать в большинстве крестьяне-середняки, а к зиме, т.е. с конца октября до декабря 1917 г., переделы земель совсем замирают в связи с окончанием полевых работ, углублением аграрного движения и полной сменой сельских властей после октябрьского переворота, когда на первое место стали деревенская беднота, фронтовик и крестьянин-середняк.

Насколько глубоко проникла в деревню классовая борьба, выразившаяся в крестьянских движениях на почве надельно-общинного землевладения и землепользования, мы видим не только из того фактического материала, который нами добыт из архивов и уже освещен.

Если мы бросим взгляд на общий характер крестьянских движений в нашем крае в 1905–1906 годах, то нам станет очевидной та мощь и глубина движения, которая проявилась в 1917 г.

Во первых, крестьянские движения в 1905–1906 г. проходили большими, но непродолжительными волнами, и, что самое важное, подчас без всякой связи с городским революционным движением.

Во вторых, крестьянские движения направились почти исключительно против помещичьего и крупного землевладения, коснувшись мелких крестьян-собственников там, где помещичье землевладение мало распространено. Сильнее крестьянство заявляло свои претензии казенному ведомству, особенно относительно леса, чем к мелкому землевладельцу или арендатору помещичьей земли из крестьян. Крестьянство по отношению к последним дальше просьб, мирских приговоров и частичных потрав и порубок не пошло. Во всех действиях даже против земских начальников, чувствовалась неуверенность, а с нею и отсутствие организованности.

Если же мы посмотрим на внутриобщинные взаимоотношения, то здесь увидим еще меньше революционной активности. Главными вопросами, частью осуществлявшимися в революционные годы, были 1) отказы от платежа налогов и всевозможных сборов и от выполнения повинностей, особенно воинской, 2) перевыборы сельских и волостных старшин и писарей, 3) раздел, а большей частью и просто увоз хлеба из общественных магазинов; 4) местами имел место раздел общественного леса. Весьма крупные разговоры велись относительно отобрания земли у кулаков и раздела ее между членами сельского общества, о необходимости требования семенной ссуды у правительства, если вблизи не было имения, откуда можно было бы взять семена; заявляли принципиальное нежелание остаться при прежних наделах, отрицая в то же время покупку земель и разделы общинных земель; выносили приговора о присоединении к Всероссийскому Крестьянскому Союзу и косо смотрели на сельские общества, арендовавшие раньше или некогда обрабатываемую помещичью землю. В этом заключаются главные мотивы внутриобщинных крестьянских взаимоотношений и редко последние выходили за грань обсуждения и разговоров. Всякий приговор, каждое выступление любого крестьянина рассматривалось начальством как политическое преступление и немедленно каралось, прежде всего, арестом и административной высылкой. Это, конечно, могло только обессилить революционное движение. Такие явления мы наблюдали в Цивильском, Чистопольском, Чебоксарском, Козьмодемьянском, Тетюшском и Казанском уездах и по преимуществу в 1906 году⁸⁶.

Но в крестьянских движениях 1905–1906 годов, если и не было достигнуто чего-либо существенного, то все же обнаружилось многое, что надо бы учесть в будущем а именно: свержение самодержавия, помещиков и буржуазии, захват власти в собственные руки, тесный боевой союз с революцион-

⁸⁶ Канцелярия Каз. Губернатора. 1905 г. Д. № 60; Каз. Губ. Жандарм. Упр., 1906 г. Д. № 31. Т. 2 и Д. № 19.

ным пролетариатом, а потом уже дальнейшее углубление социальной борьбы и строительство трудового государства. Это было намечено 1905 годом и полностью осуществлено в 1917.

Крестьянские движения 1917 года в России, развернувшиеся на почве наделнообщинного землевладения, еще не освещены в изданных материалах; это лишает нас возможности определить место казанских движений, их значительность и важность в целом ряде других областей и губерний. Ни Н.Н. Фирсов, ни С.Дубровский в своих трудах их не касаются. Провинциальные издания материалов по этому вопросу чрезвычайно скудны, если не сказать больше. Однако материалы, опубликованные М.Мартыновым,⁸⁷ дают некоторую возможность указать на некоторые параллели.

Всего лучше в этих материалах освещен взгляд на *свое* право, *свою* инициативу в разрешении земельных вопросов деревни. Херсонский представитель Министерства земледелия А.В. Гранов 21 августа 1917 г. констатирует «глухое недовольство крестьян»: «Здесь все явственнее сквозили ноты вроде таких, что «надоело нам ждать», «в Питере разговорами занимаются, а нам пахать надо»..., «надо самим о себе позаботиться» и т.д.

Несколько дальше он еще ярче вскрывает общую причину «самочинных» действий крестьянства: «Престиж и авторитет государственной власти теперь сдвинулся с того кульминационного пункта, на котором он был непосредственно после ликвидации событий 3–4–5 июня и образования коалиционного министерства последнего состава».

В этом заявлении можно согласиться только с тем, что авторитет власти упал; это бесспорно. Но что он упал только после образования коалиционного министерства и ликвидации большевистского выступления – это едва ли так; дату падения авторитета надо отодвинуть значительно выше – к началу мая месяца, когда вполне отчетливо выявилась позиция правительства в земельном вопросе и когда руководство в последнем взял на себя съезд Крестьянских Депутатов. В начале своего доклада А.В. Гранов как будто и сам указывает на это, констатируя и вполне понятное стремление местных людей создать там, где нет общего государственного закона и где его отсутствие болезненно ощущается, какие-то свои собственные нормы, так или иначе регулирующие запутанные и сложные отношения⁸⁸. Это положение подтверждается и нашими материалами.

Та же инициатива мест проявляется в Минской, Рязанской; Виленской и Тамбовской губерниях⁸⁹.

Переделы общинной земли, имевшие столь глубокий политический и социальный характер, имели место в Рязанской губернии, в Раненбургском уезде. Уездный комиссар Сухарев 28 июля сообщал, что «неоднократные по-

⁸⁷ Аграрное движение в 1917 по документам Главного Земельного Комитета // Красный Архив. Т. 14. 1926. С. 182–226.

⁸⁸ Красный Архив. Т. 14. С. 221–223.

⁸⁹ Красный Архив. Т. 14. С. 195, 201, 224.

пытки передела общинной, отрубной, купчей земли и земель четвертного права немедленно ликвидировались»⁹⁰. В Буинском уезде Симбирской губернии крестьяне деревни Кошки-Куликеево 14 июня 1917 года решили сделать передел всех земель в деревне⁹¹.

В Раненбургском уезде Рязанск. губ. отмечаются и случаи ликвидации арендных отношений; «В Дубовской, Ломовской и Ст.-Кленской волостях было по 2:3 случая, когда крестьяне увозили копна с тех пашен, которые сданы были ими в аренду в предшествующие годы»⁹². В этих случаях, если судить по аналогии с нашим материалом, проявляется борьба с кулацкой арендой и стремление сохранить за собой сданную в аренду землю⁹³.

В Кирсановском уезде Тамбовской губернии отмечается постановление уездного земельного комитета о передаче крестьянам всей земли, посеянной испольно. Землевладелец Дашкевич 12 июня указывает, что это постановление бьет не только тех помещиков, которые, не имея своего инвентаря и денег, сдают всю землю испольно, но и крестьянок-солдаток и многоземельных крестьян, которые тоже практиковали испольщину. Однако, он в скобках должен был заметить, что «*по своеобразной логике* (курсив наш – Е. Ч.) такая передача земли применялась лишь во владельческих имениях»⁹⁴. Это примечание указывает, что крестьянство в процессе классовых взаимоотношений выработало определенную тактику и каждый случай разрешало согласно его сущности, экономической и классовой. Примеры этого и довольно разнообразные мы

⁹⁰ Там же. С. 191. Мишев П., автор заметки «К истории землепользования у зрян», не отмечает попыток передела земли в 1917 г., относя их на 1918 год и на время после Октябрьской Революции (Комм. му. № 2(12). 1925. С. 22).

⁹¹ Архив Симбирской Губ. Земельн. Управы. 1917 г. Д. № 1964.

В Ардатовском уезде Симбирской губ., как выяснилось из «докладов с мест» в Губ. Земельной Управе от 6 августа 1917 г., «население настойчиво требует передела». Вполне возможно, что передел общинных земель лишь требовался, но другие земли – купчие, отрубные, укрепленные, служебные наделы лесной стражи, а тем более помещичьи – переделались иногда по душам, иногда по дворам (напр. в Буинском уезде). Однако и тут замечается непрочность нового распределения земель. «Организация на местах ранее была слепа. Кто стоял за передел, тот был мил. Благодаря этой слепоте, распределение помещичьей земли имело то отрицательное последствие, что земли достались более имущим, имеющим лошадей, а не бедноте. Неимущие обмануты, ибо они не могут сами обработать землю и берут ее опять те же кулаки, которые по-прежнему остаются в выигрыше» (Архив Симбирской Губ. Земельной Управы. 1917 г. Д. № 1888. Л. 10).

⁹² Красный Архив. Т. 14. С. 191.

⁹³ Такое же явление, но по отношению к крестьянам-собственникам, наблюдается в Буинском уезде Симбирской губ. в дер. Ниж. Тимерчеевой, где крестьяне отобрали 26 дес. земли (Архив Симбир. Губ. Земельн. Управы. 1917 г. Д. № 1979). Такой же случай имел место в д. Ильмовый Куст того же уезда, но в этом случае земля сдавалась в аренду вследствие недостатка рабочих рук в результате мобилизации на военную службу (Там же. Д. № 1961).

⁹⁴ Красный Архив. Т. 14. С. 194.

приводим и по нашему краю. Приведенный пример борьбу с польщиной общинной земли не отвергает, как факт, он лишь указывает, что были какие-то особые приемы для этого; мы их знаем из наших материалов. Итак, борьба с польщиной общинной земли не одинока в нашем крае; она встречается и в других местах⁹⁵.

Мощь крестьянского движения увеличивалась в 1917 году по мере того, как скоро слово претворялось в дело. Быстро созданные революционные аппараты содействовали выполнению вековых надежд и желаний крестьянской трудовой массы.

Крестьянские массы, имея за собой громадную политическую победу, одержанную фронтом и революционным пролетариатом – свержение самодержавия и правительственного аппарата царской эпохи, по мере своего поступательного развития выдвинули лозунги и социальной борьбы, и быстро, дружным напором и с редким единством стали осуществлять их. Снеся старые формы социально-экономического и политического устройства в деревне, крестьянство выдвинуло и то новое и долгожданное, что легло в основу общественно-политической организации трудового крестьянства. Одновременно с этим, заканчивая борьбу с своими вековыми врагами – помещиком, купцом и чиновником, крестьянство быстро развернуло фронт, пользуясь тем же оружием, но с иными тактическими приемами, и против своих маленьких врагов – против мелкого крестьянина-собственника, кулака-арендатора и торгаша-миroeда⁹⁶. В деревне не осталось ни одной группы, которая не была бы вовлечена в эту борьбу. Из борьбы, которая продолжалась еще долго и после 1917 года, трудовая масса крестьянства вышла полным победителем и создала в процессе борьбы Республику Труда, вписав в ее конституцию свой вековой лозунг «земля и власть трудовому народу». Внутриобщинные крестьянские взаимоотношения и борьба в 1917 г. послужили залогом тому, что социальная победа в деревне была прочно закреплена за трудовым крестьянством и определила всю его дальнейшую программу политических и социальных требований в борьбе за господство трудящихся.

Те же внутриобщинные крестьянские движения показали, что тенденция трудового крестьянства в вопросе перераспределения всех земель сводилась не только к тому, чтобы земля попала в руки только хозяев, обеспеченных в достаточной степени скотом и орудиями производства, но и к тому, чтобы

⁹⁵ Крестьянских движений в России на почве внутриобщинных отношении с марта месяца до второй половины августа официальные данные отмечают лишь 13 случаев из общего количества 2367 случаев. Вышеизложенный материал только по Казанскому краю опровергает эти данные. Архивные разыскания по другим областям, будем надеяться, подкрепят наши соображения, выявив и проанализировав подобные явления (Владимирова В. Революция 1917 г. Т. 4. С. 339–340).

⁹⁶ Главный Земельный Комитет на основании докладов с мест уже в июле месяце отмечает «стремление крестьян к социализации земли» (Владимирова В. Революция 1917 г. Т. 3. С. 131).

можно было предоставить ее и деревенской бедноте, сельскому наемному рабочему. Особенно ярко это подтверждается фактами ликвидации арендных отношений и наделением земель сельскохозяйственного пролетариата. События в деревне 1917 г., начиная уже с мая месяца, имели в себе зародыш для развития борьбы не только против землевладельца, но и против деревенского капитализма. И если 1917 год дал победу над первым, то 1918 г. обеспечил победу над вторым⁹⁷.

Крестьянские движения, выросшие на почве внутриобщинных аграрных отношений, их характер и динамика красноречивее всего определяют идеологию трудового крестьянства, его программу и тактику в социальной борьбе. Вот почему мы считаем необходимым возможно подробнее выяснить эти движения и изучить их.

**Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году.
(Очерк третий по архивным материалам). Часть 3⁹⁸**

Доклад, читанный в общем собрании Общества Археологии,
истории и этнографии 6 ноября 1927 года

*Опубликовано в издании «Известия Общества археологии,
истории и этнографии»
(Казань, 1928. Т. 34. Вып. 1/2. С. 4–98)*

Я убежден, что почтенные консерваторы, насаждавшие в России капитализм, будут в один прекрасный день страшно изумлены неожиданными последствиями их собственных дел.

Ф.Энгельс.

Литература и источники. Весенний период движения. Захваты и борьба с помещиками летом 1917 г. Классовые взаимоотношения крестьян на почве борьбы с помещичьим землевладением. Национальный момент и территория распространения крестьянского движения. Мероприятия правительства и общественных организаций по отношению к крестьянам и их классовым группировкам. Крестьянская война осенью. Выводы.

I.

Настоящий очерк посвящен крестьянскому движению в Казанском крае, выросшему на почве взаимоотношении крестьянского и помещичьего земле-

⁹⁷ Отсюда вполне понятна речь Ленина на Всероссийском Съезде Крестьянских Депутатов по аграрному вопросу 22 мая 1917 г., где он проявил глубокое понимание происходящих в деревне событий, односторонне освещавшихся печатью других направлений (Ленин В.И. Собрание сочинений. Т. 14. Ч. 1).

⁹⁸ Первый очерк напечатан в «Вестнике Научного Общества Татароведения» № 4–5, 1926 г. Второй очерк сдан туда же для напечатания в № 9 за 1928 г.

владения. Помещичье землевладение, разумеется, как крупное, так и мелкое, лишь дворянское и купеческое. Все виды личного землевладения мы не имели возможности представить в одном очерке за недостатком места и вследствие обилия архивного материала, имеющего крупный научный интерес и требующего обработки и публикации. Мы вполне уверены, что читатель не посетует на нас за большое количество цитат из архивных материалов, так как при изучении исторических событий, отстоящих от нас всего лишь на одно десятилетие, документация по праву занимает первое место.

Крестьянская революция 1917 г. еще не изучена во всех деталях, как это следовало бы ожидать, следя за литературой по истории рабочего движения в том же 1917 году. Не говоря о литературе по аграрному движению 1917 года, которая вышла в том же 1917-ом и в следующем 1918 году, как имеющей исключительно политический интерес для своего времени, что лишало авторов возможности спокойного научного анализа событий, мы должны обратиться непосредственно к 1921 году, когда вышла из печати статья А.Хрящевой «Крестьянство в войне и революции: стат.-экон. очерк» (М., 1921), где впервые выясняются на основании статистических данных экономические причины аграрного движения 1917 года. В 1922 году появилась статья проф. Н.Н. Фирсова «Крестьянская революция 1917 г. (до октября) и Временное правительство»⁹⁹, написанная на основании уже архивных материалов и рисующая развитие аграрной борьбы при Времен. Правительстве, которое за время своего пребывания от уговоров перешло к угрозам и противодействию аграрной революции при посредстве военных отрядов и карательных экспедиций. В своем исследовании проф. Н.Н. Фирсов затронул и казанский архивный материал, особенно по вопросу взаимоотношений Врем. Правительства и Казанского Совета Крестьянских Депутатов, тем самым положив начало изучению и средне-волжского аграрного движения.

Значение аграрной революции чрезвычайно велико, по заключению проф. Н.Н. Фирсова, и для успеха Октябрьской революции. Последняя, «окончательно передавшая землю крестьянству, оперлась на происходившую уже крестьянскую аграрную революцию, начатую крестьянством самостоятельно сначала под руководством своих людей и учреждений (волостных комитетов) и лишь спустя некоторое время, так сказать, санкционированную партийной идеологией, нашедшей свое место на «крестьянских съездах и Советах Крестьянских Депутатов». Начавшись раньше октябрьского переворота, после него, при рабоче-крестьянской власти, крестьянская революция закончилась, и на дело пролетарской партии «выпало лишь последнее руководство по организации перехода земли крестьянам, по окончательному утверждению ее за ними». Вместе с тем, для коммунистической партии и беднейшего крестьянства «это признание и организация крестьянской революции, разумеется, было лишь первым шагом к предстоящему еще в будущем истинно-коммунистическому строительству в деревне». Самое обра-

⁹⁹ Пути Революции. Историч. журнал Татбюро Истпарта. № 1. 1922. С. 51–84.

зование Советской Республики было «ответом на революционное требование всего трудового народа, и в этом требовании 100-миллионное крестьянство выступило первым активным революционером»¹⁰⁰.

Аграрной революции 1917 г. уделено достаточное внимание С.М. Дубровским в его книге «Очерки русской революции». Кратко осветив причины и ход движения, автор переходит к характеристике крестьянского движения в целом, вскрывая предварительно классовый состав крестьянства и соответствующие классовым группам стремления. Причину революции он видит «в противоречиях капиталистического развития в стране полунатурального хозяйства с удивительно долго сохранившимися остатками крепостничества». Из трех классовых группировок крестьянства, сельская буржуазия выступала против помещика вследствие того, что «высокие цены на землю, обременительные налоги и вся полукрепостническая политика тормозили развитие этой части крестьянства; последняя выступила в борьбу с помещиками «за прибавочную стоимость». Бедное и среднее крестьянство выступало против экспроприаторов, а экстенсивное хозяйство и недостаток земли придавали этой борьбе характер завоевания земли прежде всего вследствие предвоенного подъема сельского хозяйства и обострения классовых противоречий во время войны. Одновременно с борьбой за землю шла борьба за волю. Но «это был не политический, а чисто экономический лозунг», содержанием которого было освобождение «от всех государственных тягл, и в первую голову податей и налогов и всяких сборов, которыми нещадно экспроприировалось слабое крестьянство», а вместе с тем и «воля от того полицейского режима, который являлся аппаратом экономической кабалы крестьянства за помещиками». Большинство крестьян «солидарно выступило на борьбу с помещичьим землевладением, но чаяния, которые были связаны с этой борьбой у разных слоев крестьянства, были далеко не одинаковы». Богачи ожидали освобождения от земельных платежей и налогов, чтобы «развернуть в желаемых размерах свое хозяйство». Середняки «жаждали прирезки земель и угодий, получения помещичьего инвентаря, освобождения от податей, налогов и обременительных плат за землю». Бедняки «ожидали всех благ, получения земли и инвентаря», чтобы обеспечить самостоятельное существование «мелкого хозяйства». Физическая форма этой борьбы – захват помещичьих земель, лугов, порубка лесов, потравы и, наконец, погромы. Идеальная форма – отмена частной собственности на землю и уравнительное распределение последней, т.е. социализация земли. Но требование отмены частной собственности и социализация «были лишь выражением воли разоряемого мелкого собственника получить богатство более крупного». В отмене собственности на землю выразилась борьба с «остатками крепостничества», но не с капитализмом; отмена частной собственности «была расчисткой нуги для капиталистического фермерского хозяйства». В социализации же не было «ничего социалистического, наоборот, поскольку она сопровождалась уравнительной дележкой,

¹⁰⁰ Фирсов Н.Н. Цит. соч. С. 83.

она была антисоциалистична». Ничего социалистического не было и в запрещении наемного труда, это – лишь показатель слабости хозяйства с наемным трудом. «Под социалистическими лозунгами проводилось буржуазное содержание» – таково заключение С.М. Дубровского о характере крестьянского движения в 1917 году. Вынести деревню на путь социалистического строительства могла лишь национализация земли, которая только и может сделать землю действительно свободной для хозяина-производителя. Но это могли обеспечить лишь последующие годы, так как в городе победила истинно-социалистическая революция и разрешилась установлением диктатуры пролетариата, в противном случае, при буржуазной власти в городе, в деревне одержала бы победу сельская буржуазия. Так что 1917 год в деревне ознаменован буржуазно-капиталистической революцией, а в городе – социалистической с диктатурой пролетариата. И только в последующие годы развивается в деревне борьба с сельской буржуазией за национализацию земли¹⁰¹.

Наконец, Я.А. Яковлев в предисловии к книге «Крестьянское движение в 1917 году» из серии «1917 год в документах и материалах» под ред. М.Н. Покровского и Я.А. Яковлева (М., 1928) на основании архивных материалов Главного Управления Милиции и его же статистических сводок определяет три крупных периода движения: 1) март – май, 2) июнь – август, 3) сентябрь – октябрь, отмечая «своеобразную легальность» второго периода и стихийность движения первого и последнего периодов, доверие крестьян к эсерам и Временному Правительству в первые два периода движения и крепкую связь с рабочим классом в третий период. Я.А. Яковлев подчеркивает, что крестьянское движение, в последний период поднявшись на степень восстания, «не стало движением политическим», направленным против правительства. «Оно осталось движением, ограниченным задачей уничтожения ближайшего к селу помещичьего гнезда», тем самым не достигая «организованного революционного движения» и не преодолевая свойственного крестьянскому движению характера «стихийного бунта». Поэтому оно не могло уничтожить враждебной крестьянству государственной власти, поддерживавшей помещика», если бы это движение не было возглавлено рабочим классом города. «Вот почему судьба аграрной революции решилась, в конечном счете, не в десятках тысяч деревень, а в сотнях городов». Крестьянская революция победила как буржуазная революция лишь в силу того, что в последний период она «сопутствовала» и была «подсобным» движением к пролетарской революции. Но и рабочий класс возглавил буржуазную крестьянскую революцию, чтобы совершить социалистическую в городе, чего можно было достичь «только опираясь на крестьянское восстание»¹⁰².

Переходя к характеристике движения в отдельных областях России, Я.А. Яковлев утверждает, что «основным плацдармом крестьянской войны яв-

¹⁰¹ Дубровский С.М. Очерки... Вып. 1. М., 1922. С. 175–191.

¹⁰² Крестьянское движение в 1917 г. Предисловие. С. III и XII.

ляются Центрально-Земледельческий и Средне-Волжский районы» на которые падает «почти половина» всех случаев движения (48,7%). В этих районах помещичье землевладение «на старой полуфеодальной основе» проявляет себя совершенно отжившим свой век. Не менее бурно проходило движение в Украине и Белоруссии, где сильнее давал себя чувствовать капиталистический прогресс, но развившийся на базе широкого использования «огромного количества остатков крепостнических отношений». Здесь было меньше разгромов, но больше захватов и «с гораздо меньшей быстротой и энергией». В Центрально-Промышленном и Приозерном районах слабее развивающаяся, чей в остальных, крестьянская борьба за землю «принимала характер не только аграрной революции, но и прямой политической борьбы». В районах более поздней колонизации, без крупного помещичьего землевладения (Нижняя Волга, Кавказ, Дон, Сибирь), «несмотря» на наличие в этих районах очень мощного кулацкого слоя, аграрное движение «отличалось крайней неустойчивостью» и отсутствие сочетания рабочей революции с крестьянским восстанием объясняет те трудности, которые встретила рабочая революция в этих районах¹⁰³.

Последние месяцы подарили чрезвычайно ценное издание по истории крестьянских движений в 1917 году – «Аграрная революция», т. II, изд. Комм. Акад. Первая книга из четырех предполагаемых составляет крупнейшую величину во всей научной литературе по интересующему нас вопросу. Здесь состав сборника чрезвычайно ценный. Здесь мы встречаем статьи уже знакомых нам авторов С.М. Дубровского и Я.А. Яковлева: первый из них представлен здесь статьей «Временное Правительство и крестьянство», прекрасно дополняющая сказанное им в «Очерках»; Я.А. Яковлев вторично напечатал свое «введение» к «Крестьянскому движению в 1917 году» под заглавием «Крестьянская война в 1917 году». Но центром тяжести всего сборника являются статьи П.И. Лященко «Экономические предпосылки 1917 г.» и А.В. Шестакова «Крестьянские организации в 1917 г.». Статья И.Верменичева «Крестьянское движение между Февральской и Октябрьской революциями» детализирует материал, изученный и проанализированный Яковлевым, а М.Кубанин дает статью «Первый передел земли в 1918 году», хронологически пока выходящую за рамки нашего внимания. Сборник представляет собою прекрасный образец того, как надо изучать и ставить изучение крестьянского движения в марксистском освещении. Главным образом, этой стороной книга и ценна. Что же касается полноты изложения, насыщенности фактическим материалом, то, использовав все возможности, авторы статей выдвинули целый ряд вопросов, подлежащих изучению только после архивных «открытий» в провинции, т.к. столичный материал по признанию самих авторов далеко недостаточен. Так что читатель найдет здесь прекрасные очерки российского масштаба и ни одного областного, а тем более краевого. Возможно ожидать это в последующих томах, хотя план издания в этой книге и не объявлен.

¹⁰³ Там же. С. XIII-XVI.

Этим ограничивается пока научная литература по крестьянскому движению в России. Что касается отдельных областей, то таковая совершенно отсутствует, за исключением Самарской губернии, движение в которой описано П.Климушкиным в статье «История аграрного движения в Самарской губ»¹⁰⁴.

Опубликование архивных материалов имеет еще более короткую историю, чем научная литература по истории крестьянского движения 1917 года. Если не считать опубликованных автором настоящего очерка весьма незначительных по количеству материалов в «Вестнике Научного Общества Татароведения» о погромах помещичьих имений в октябре и ноябре месяце 1917 г. в Казанской губернии¹⁰⁵, то нам придется указать прежде всего на опубликованные М.Мартыновым в «Красном Архиве»¹⁰⁶ материалы Главного Земельного Комитета. Каждая губерния и область, в лице интересующихся грандиозной борьбой 1917 г. и изучающих ее, вправе ждать от архива Главного Земельного Комитета чрезвычайно много данных, но, к глубокому сожалению, предисловие М.Мартынова разочаровывает в этом. Его слова: «среди небольшой группы материалов Г.З.К., сохранившихся в архиве б. Мин. Земледелия, особенного внимания заслуживают документы и картограммы по аграрному движению 1917 года» как будто утверждают печальную истину, что в Центрахиве находятся лишь жалкие остатки этого богатейшего архивного фонда. Напечатанные им документы заимствованы лишь из двух дел (№ 25 и 40). Если, действительно, от этого архива сохранилось только 2 папки бумаг, и нет надежды пополнения его в будущем из неразобранных фондов, то тем более ценными являются документы, увидевшие свет. Но и они, при всей их научной ценности, все же довольно случайны и разрозненны. Это большей частью правительственные донесения с мест из уездов и губерний, анкета рязанского землевладельца и заявление помещика. Материалы относятся ко времени с мая по август включительно; за сентябрь нет ни одного документа, а за октябрь только один. Но приходится довольствоваться хотя бы и тем, что есть, и эти 40 страниц материалов все же сослужат большую службу науке.

По Казанской губернии здесь приводится лишь три документа: записка управляющего Чистопольским отделением Гос. Банка от 2 июля и две телеграммы Губернского Комиссара от 31 июля и 8 августа. Только и всего.

Значительно богаче содержанием и указанное выше издание «Крестьянское движение в 1917 году» из серии «1917 год в документах и материалах». Документы взяты из архива Главного управления по делам милиции, V и VI отдела. Они представляют собою сведения, составленные на основании сообщений губернских и уездных комиссаров, помещиков и их управляющих, частных лиц и проч., а равно и статистические сводки этих сведений, произведенные в самом Управлении Милиции. При всей их «телеграфической»

¹⁰⁴ Революция в Самарской губернии в 1917 и 1918 гг. Т. 1.

¹⁰⁵ Вестник. № 1–2. 1925. С. 41–54.

¹⁰⁶ Красный Архив. Т. 14. 1926; Аграрное движение в 1917 году по документам Главного Земельного Комитета. С. 182–226.

сжатости и конспективности, несмотря на то, что они являются источником далеко не из первых рук, о чем говорится в предисловии «от составителей»¹⁰⁷, эти материалы имеют большую научную ценность. «Они являются, – говорят составители сборника, – в настоящее время единственным сводным материалом», основанным на ежедневной записи главнейших сообщений, получаемых в центре «со всей России». «При всей своей неполноте и некоторой неточности эти «сведения» дают не только возможность изучать общий характер крестьянского движения, но и интенсивность его по отдельным районам, основные формы и направление движения в этих районах, политический сдвиг крестьянства после июля, когда крестьяне «переходят к массовым, стихийным повсеместным захватам, разгромам – к подготовке Октября в деревне». Последняя дата сведений – 25 октября.

Что касается сведений по Казанской губернии, таковые имеются, начиная с апреля по октябрь включительно, а статистические с апреля по сентябрь месяц. Для настоящего времени данные этого сборника представляют самый богатый материал по истории движения в крае, т.к. сама Казань ничего более значительного до сих пор не опубликовала. Статистические таблицы отмечают большое количество «правонарушений»¹⁰⁸, но, как увидим ниже, это далеко не все. Особенно ценны эти материалы для первого периода движения в апреле и в мае месяце, который очень бледно представлен в местных архивных материалах.

Время	Апрель		Май		Июнь		Июль		Август		Сентябрь		Всего		
	О.	Н.	О.	Н.	О.	Н.	О.	Н.	О.	Н.	О.	Н.	О.	Н.	Вместе
Захват имений	–	2	–	4	9	4	8	14	9	12	4	8	30	44	74
Захват инвент.	–	1	–	2	5	2	4	7	4	–	–	3	13	15	28
Воспрешение рубки и вывоза леса	–	1	–	3	–	–	2	1	–	–	–	–	2	5	7
Снятие рабочих и военнопленных	–	1	2	4	2	1	1	3	–	–	–	2	5	11	16
Самовольные действия	–	3	–	8	1	1	4	11	8	11	1	5	14	39	53
Захват леса	–	–	–	1	3	4	3	2	2	1	–	3	8	11	19
Захват лугов	–	–	–	–	1	3	1	9	3	6	–	1	5	19	24

¹⁰⁷ Крестьянское движение в 1917 г. С. XVII–XXVII.

¹⁰⁸ Нижеследующая таблица составлена на основании статистических «ведомостей» рассматриваемого «Сборника» и показывает численность и характер земельных «правонарушений», как организованных, так и неорганизованных, т.е. совершенных крестьянами при участии комитетов или стихийно.

Захват урожая	–	–	–	–	–	–	–	2	–	6	–	–	–	8	8
Принудительная аренда	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	1	–	4	–	4
Всего	–	8	2	22	21	15	26	49	26	36	6	22	81	152	233
Итог организ. и неорганиз.	8		24		36		75		62		28		233		

Однако при всей своей высокой значительности для научного изучения крестьянских движений, эти материалы могут быть достаточны только в том случае, когда движение изучается или на пространстве всей России или какой-либо большой области. Для изучения движения в одном крае или губернии они недостаточны, т.к. дают не полные, отрывочные и слишком сжатые сведения. Для нас этот материал был подсобным; он является дополнением, и особенно ценным для первого периода движения (до учреждения Земельных Комитетов), к богатейшему архивному материалу, имеющемуся в Центральном архиве Татарской Республики. К обозрению его мы и перейдем.

Архив Казанской Губ. Земельной Управы за 1917 год сохранился в количестве около 40 дел и нарядов. Здесь много копий бумаг, разосланных в свое время Управой по разным местным и центральным учреждениям: здесь же имеются и подлинники, присланные в Управу уездными и волостными учреждениями, а также губернскими и частными лицами. Рядом с заявлением помещика о бесчинствах, разорении, самовольном захвате и проч. помещены материалы из волостей, служащие или ответом по этому заявлению, или целым расследованием дела или протокольной записью Волостного Земельного Комитета. Наибольшее значение нами отводилось именно протоколам, по количеству преобладающим над всем остальным материалом. Протоколы волостных и уездных Комитетов, протоколы губернской Управы, описи имений, составленные волостными Комитетами, доклады с мест, заслушанные на сессиях Управы (губернской и уездных), – все это в совокупности составляет такой огромный материал, что заявления и жалобы отдельных лиц, которые можно считать сотнями, тонут в этих тысячах листов различных протоколов, официальных бумаг и докладных записок. Для настоящего очерка использованы 36 папок этого архива¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Ниже приводим список дел за 1917 год, положенных в основу нашего исследования:

1. Наряд описей имений (№ 87).
2. О земельной реформе (№ 41).
3. К сведению и руководству (№ 38).
4. Сообщения об определении арендной платы за землю (№ 45).
5. О совместной деятельности Земельной Управы с прочими организациями (№ 23).
6. Об образовании и открытии Губ. Земельного Комитета (№ 2).
7. Циркуляры и разъяснения центрального ведомства о порядке действий местных земельных комитетов (№ 1).

Архив Казанского Совета Крестьянских Депутатов¹¹⁰ далеко не так богат, как Земельной Управы. Из него нам удалось использовать лишь 4 папки, состоящие из бумаг 1) по разрешению дел, касающихся помещиков и описи имущества их (№ 2), 2) Земельной Комиссии при Совете (№ 3), 3) Наказы, постановления и протоколы Волостных Комитетов (№ 18) и 4) протоколов Исполнительного Комитета Совета Крестьянских Депутатов (№ 19). Как материал дополнительный к предыдущему, из него особенно выделяются крестьянские наказы и бумаги земельной Комиссии, заключающие много сведений по аграрному движению начального периода. Хотя этот материал попал случайно, но в общем некоторую цельность он представляет.

II.

Аграрное движение против помещичьего землевладения началось в апреле месяце, т.е. после первого этапа политической борьбы в деревне, выразившейся в установлении революционных учреждений и смещении представителей царского аппарата в деревне. Полиция, становые и урядники в редких случаях оказывали сопротивление и подчинялись всем требованиям крестьянства, движимые лишь чувством физического самосохранения. Когда же были избраны Волостные Комитеты Общественной Безопасности и введена милиция, комитеты взяли на себя все функции управления в деревне, а крестьянство со своей стороны ставило комитетам вопросы чрезвычайной сложности для разрешения или санкции, разрешенного уже самими крестьянами. Но и комитеты, по примеру городов, должны были декларировать основные положения, на базе которых в дальнейшем строилось управление деревни и

8. Наряд журналам Земельного Комитета и его исполнительных органов (№ 16).

9. Наряд Циркулярам Губ. Земельного Комитета (№ 20).

10. Наряд журналам Губ. Земельной Управы (№ 17).

11. Собрание копий журнальных постановлений Губ. Земельного Комитета и лесного отдела при нем (фонд председателя Губ. Зем. Управы. № 1).

12. С бумагами по постановлениям уездных и волостных Земельных Комитетов, признаваемым явно незаконными (№ 22).

13–23. Наряды бумаг об открытии и деятельности уездного и волостных Земельных Комитетов в Свияжском уезде (№ 7), в Мамадышском (№ 6), в Козьмодемьянском (№ 4), в Казанском (№ 3), в Тетюшском (№ 9), в Краснококшайском (№ 10), в Цивильском (№ 11), в Чебоксарском (№ 12), в Чистопольском (№ 13), в Ядринском (№ 14) и в Лаишевском уезде (№ 5).

25–35. О самовольном захвате земельных угодий в Чебоксарском уезде (№ 35), в Чистопольском (№ 36), в Ядринском (№ 37), в Казанском (№ 26), в Лаишевском (№ 28), в Козьмодемьянском (№ 27), в Мамадышском (№ 29), в Свияжском (№ 30), в Спасском (№ 31), в Тетюшском (№ 32), в Краснококшайском (№ 33) и в Цивильском уезде (№ 34).

36. Погромы частновладельческих имений в Казанской губ. (арх. № 33) В тексте ссылки на материал этого архива даются в сокращенном виде (Г.З.У. Д. № ...).

¹¹⁰ В тексте сокращено «Сов. Кр Деп.».

волости. Как пример такой декларации, приведем постановление Шеморбашского Вол. Комитета Обществ. Безопасности Мамадышского уезда от 14 апреля 1917 г., чрезвычайно ярко иллюстрирующее политическое настроение деревни.

«Апреля 14 дня с. г. выборными от граждан – крестьян Шеморбашской вол. Мамадышского у. избран Волостной Комитет Обществен. Безопасности, главной задачей которого является укрепление нового политического строя, защитить его от нападений сторонников старого режима. В круг ведения Комитета в пределах волости входит административно-контрольная власть. Как орган административный, Комитет стоит на страже порядка и безопасности, исполняя все обязанности сельской милиции; как орган контрольный, Комитет контролирует все деяния Волостного Правления, дабы работа правления соответствовала духу времени, духу обновленной страны. Комитет будет решать все те вопросы, которые будут постепенно вытекать из требований новой жизни. Ввиду чрезвычайного положения страны вновь образовавшийся Комитет Обществ. Безопасности обращается ко всем Комитетам с призывом к дружной и совместной работе на благо освобожденной от рабства самодержавия родины, дабы, объединившись, укрепить завоеванную свободу». Этим заканчивается общая часть постановления, признающая крах самодержавия и принимающая новый революционно политический правопорядок; если, однако, постановление не решилось признать республику, то в дальнейшем оно определенно высказалось о земле, о суде и о войне.

«По земельному вопросу Комитет высказался, что момент земельного вопроса действительно назрел и что трудовому народу настало время заявить во всеуслышание о своих нуждах и желаниях, и чтобы земли, как то: казенные, удельные, монастырские, кабинетские, церковные, частновладельческие и городские должны отойти в общее народное пользование бесплатно, причем до Учредительного Собрания Волостной Комитет распоряжается всеми землями для пользы государства, засекает, разбирает споры по земельному вопросу между крестьянами волости. Окончательное же решение земельного вопроса предоставляется Учредительному Собранию». Последняя фраза ничто иное, как казенная формулировка, ни к чему не обязывавшая Комитет, что он и показал в дальнейшем тексте своего постановления:

«Для проведения в жизнь сего постановления, Комитет с согласия лесничего Албаевского лесничества без торгов по казенной оценке разрешил Шеморбашскому сельскому обществу засеять казенную оброчную статью около 100 десятин под яровой посев, что Шеморбашским сельским Комитетом сделано. С этой же целью Шеморбашский сельский Комитет с согласия причта села обществом засеял принадлежащую причту землю». Отсюда мы видим, что Комитет утвердил совершенный уже захват казенной и церковной земли, хотя бы и с согласия прежних распорядителей. Гибкая формулировка «под яровой посев» или «на посев 17 года» не меняет сути дела. Новое тут лишь то, что захват земель стал организованным, т.е. утвержденным новым органом револю-

ционной деревни – Комитетом Общественной Безопасности. Далее постановление касается вопроса о суде.

«Комитетом [избраны] два члена-представителя в волостной суд с правом решающего голоса. Причем сделан запрос Уездному Съезду о том, что в состав разбирательства волостного суда входят все дела¹¹¹, как гражданские так и уголовные, которые были подсудны по старому режиму или остается только в некоторых ограничениях, т. к. телефонограмма Уездного Съезда была такова, что суд остается на прежних основаниях. Общее собрание по поводу оставления волостного суда на прежних основаниях, по обмену мнений пришло к пожеланию, чтобы Волостной Суд в самом непродолжительном времени должен быть преобразован на новых началах, ибо старому, отжившему суду нет доверия, т.к. он был суд богачей». И тут мы видим желание возможно скорее ликвидировать «суд богачей» и заменить его другим, «на новых началах», только и мог сказать Комитет, определяя характер «другого» суда.

Вопросу о войне уделено мало внимания. Комитет «высказывается за то чтобы мир был заключен возможно скорее, но не роняя достоинства России¹¹²». И все. Однако, и здесь не видно официального для того времени лозунга «война до полной победы». Деревня осталась верна своим взглядам скорее покончить войну, так сильно подорвавшую ее рабочую силу; даже «достоинство России» звучит несколько фальшиво рядом с требованием заключить мир «возможно скорее».

В некоторых частях и выражениях этого постановления хотя и чувствуется влияние диктующего эсера, но настолько слабое, что мы можем назвать эту декларацию подлинной деревенской середняцкой массы и наиболее выпуклым ее вопросом – земельный вопрос.

Нет ничего удивительного, что апрель поставил на первый план вопрос аграрной борьбы, т.к. во время полного хода полевых работ надо было выяснить отношение к частному землевладению, равно как и к казенному. Революционная власть из центра приглашала лишь к спокойствию и земельный вопрос совершенно не ставала в поле своего внимания. Деревня же, видя это и имея опыт 1905–1906 года, сама принялась за его разрешение, тем более, что кругом, в Центральной России, Приуралье, в Среднем и Нижнем Поволжье земельный вопрос деревней разрешался чрезвычайно бурно, начиная с увоза семян, взятия инвентаря, кончая погромами имений и убийством помещиков, как то было на ст. Инза Симбирской губернии. В начале апреля аграрное движение захватывает и Казанский край.

Аграрное движение в Казанском крае началось в уездах наибольшего распространения помещичьего землевладения. Самые ранние известия идут из Спасского и Тетюшского уездов.

«В имении Молоствовых и Булыгиной при с. Трех Озерах Спасского уезда, местными крестьянами 9–10 сего апреля отобрана под угрозой насилий

¹¹¹ В подлиннике «права».

¹¹² Сов. Крест. Деп. Д. № 18. Л. 19.

вся земля яровых полей предстоящего посева под видом аренды, но, однако, без назначения цены и срока уплаты¹¹³; запрещена продажа скота, инвентаря и леса, устраняются служащие и рабочие экономии»¹¹⁴. В этом известии уже чувствуется вся глубина аграрного движения: захват яровой пашни (она прежде всего оказалась нужна в связи с ходом полевых работ), тенденция овладеть всем имением и самостоятельно его эксплуатировать, хотя и без гарантии сохранения цельности хозяйства. В дополнение к этому из заявления от 12 апреля мы получаем сведения, что «крестьяне Спасского уезда решили снимать служащих в экономиях, угрожают погромами». Это уже характеризует состояние движения во всем Спасском уезде и тенденцию к ликвидации помещичьего хозяйства.

Та же картина наблюдается в Тетюшском уезде. Телеграмма от 11 апреля гласит о волнениях крестьян, говоря, что «положение весьма тревожное, угрожает разгром усадеб, население волнуется»¹¹⁵.

Сильно разрастается движение и в Лаишевском уезде. В первой половине апреля управляющего имением купца П.В. Щетинкина, запрашивали из Волостного комитета имеет ли в виду он засеять свой яровой клин, на что был получен ответ, что он «не отказывается» от засева. Взятые в кавычки говорит с одной стороны о некоторой робости помещичьего управляющего и сознания его, что он уже не хозяин земли, с другой стороны оно иллюстрирует заботу Комитета Общ. Безопасности о засевах всех земель и право распоряжения даже землей помещика¹¹⁶.

В Казыльской волости того же уезда Комитет 10 апреля аннулировал арендный договор на землю в 40 дес. хозяйственной меры и 42 дес. казенных, принадлежавшую помещику В.П. Малову в с. Атрячь. Арендаторы-испольщичики оказали непослушание; тогда повторным постановлением от 14 апреля снова было запрещено им производить посев, а самому помещику Малову предложено было «сдать 606 пудов семенного овса»¹¹⁷. В той же волости у помещиков Ляпахиных взято 108 дес. ярового поля и 200 парового, т.к. земля сдавалась в аренду и часть яровой осталась незасеянной; арендаторов с поля прогнали¹¹⁸.

¹¹³ По другим сведениям, Комитет Общественной Безопасности передал землю по требованию крестьян, «пришедших гурьбами», за определенную плату по 15 руб. с десятины (земля Молостовых и Кукуранова); плохо обработанная земля Асеева взята была по 10 руб. с десятины (Вестник Научн. Об-ва Татароведения. № 4. С. 58. Отдельн. оттиск моей статьи «Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году» С. 9).

¹¹⁴ Крестьян. движение в 1917 году. С. 19.

¹¹⁵ Там же. С. 19.

¹¹⁶ Г.З.У. Д. № 28. Л. 46.

¹¹⁷ Там же. Л. 51 и 52.

¹¹⁸ Там же. Л. 60.

Есть сведения и из других мест Лаишевского уезда. Так, собственник имения в Рыбной слободе князь Багратион сообщает, что «крестьяне производят самоуправства, грозят насилиями». Но значительно сильнее аграрное движение развернулось в 20-х числах апреля и в начале мая месяца. Губернский Комиссар 23 апреля уже телеграфировал в Петроград следующее:

«Наиболее заметные волнения и брожения среди крестьян наблюдались в Лаишевском, Спасском и Свияжском уездах, были случаи самовольных записок с захватом запасов семян и разгромов имений... Причинами этих явлений выступают острое малоземелье, возбуждение населения ложными слухами и отсутствие на местах сознательного элемента. В настоящее время волнения ликвидируются, производится расследование, приняты меры к ограждению интересов землевладельцев»¹¹⁹. О ликвидации волнений только и можно было сказать так, как выразился комиссар, но результаты этой ликвидации были совершенно противоположны ожиданиям: в конце апреля жена К.В. Молостова вынуждена была населением бежать из имения», у Трубникова в с. Буракове Спасского же уезда «местными крестьянами производятся самоуправства»; в Спасском имении Бадамшиных Челнинские татары «отнимают землю, устраниают рабочих, угрожают насилием»¹²⁰. Наконец, группа крупных и мелких землевладельцев Казанской губ. послала Молостова передать Временному Правительству, что «исполнять какие-либо работы в хозяйствах нет возможности, т.к. крестьяне сводят рабочих, отбирают семена, во многих местах уносят все имущество из усадеб, угрожая владельцам смертью и насилием, не позволяют рубить дрова, заготовленные увозят, распоряжения правительства в деревнях неизвестны, но зато листки большевиков очень распространены; суда нет; все делают, что хотят; благоразумная часть терроризована: волнения растут с каждым днем; комиссары не оказывают никакого содействия»¹²¹.

Еще ярче отражается аграрное движение этого времени в официальной бумаге от 18 мая 1917 г.; эта бумага прямо говорит, что «возникшие 22 апреля аграрные волнения в губернии продолжаются», принимая характер «перераспределения земельных ценностей». И снова ссылки на Спасский, Лаишевский и Чистопольский уезды. «С намерением захвата земли и скота» в имении Бутлерова сняты рабочие, как и у Молостовых. «В имении Дубровского отбираются яровые поля, производится потрава озимых, рубка сада». Это – в Спасском уезде. То же и в Лаишевском: в имении Нератовой разогнали служащих, в имении Степанова захвачена часть земли и запрещено производить посев, от Лихачева потребовали удаления управляющего имением и лесничего, в имении княж. Грузинской «недоразумения на почве малоземелья». В Емельяновке у помещика Дунаева разбит винный погреб; для успокоения послана «воинская команда и член исполнительного комитета». В Чистополь-

¹¹⁹ Крестьянское движение в 1917 г. С. 19.

¹²⁰ Там же. С. 20.

¹²¹ Там же. С. 19–20.

ском уезде – «самовольная запашка и засев» в имении Горталовых. Кое-где помещики передают земли по установленной цене, есть даже случаи добровольных соглашений, которые, к слову сказать, впоследствии не признавались самими помещиками. Во всех уездах «запрещена» хозяевам рубка леса. Тот же характер носит движение в Цивильском, Свияжском и Чебоксарском уездах. Так, в Свияжском уезде у Обуховой «самовольно захвачена» мельница комитетом села Ивановского, как гласит заявление от 8 мая¹²². Так подготовлялось событиями знаменательное решение 13 мая земельного вопроса на Губернском съезде Крестьянских Депутатов.

Съезд Крестьянских Депутатов в мае месяце был одной из солиднейших организаций края, имевших крупное влияние на ход аграрной борьбы. Он был подготовлен массовой агитацией в селах и деревнях: в каждой волости и уездном городе прошли предварительные конференции, на которых обсуждался земельный вопрос и политический момент, на которых избирались делегаты на губернский съезд. Помимо партии эсеров, быстро принявших за руководство аграрным движением, очень сильное влияние надо отвести и деятельности большевиков, особенно в апреле месяце и особенно с выходом в свет Большевицкой газеты «Рабочий», в первом номере которой от 31 марта в статье «Наша программа» был уже брошен лозунг «конфискации помещичьих уделных, кабинетских и монастырских земель». 6 апреля уполномоченный ЦК РСДРП на общем собрании членов казанской организации указывал, что «партия, в противовес всем остальным, считает необходимым приступить к решению земельного вопроса, не откладывая его до Учредит. Собрания. Конфискация земель должна быть произведена немедленно выборными на основе всеобщего и т.д. избирательного права местными органами. Вопрос об установлении того или иного характера землепользования должно решать Учредит. Собрание». В этом же собрании А.Комлев говорил «Так или иначе, а оттягивать решение этого вопроса нельзя. Надо вырвать из под ног помещиков оплот старого режима, почву, надо обсеменить поля; надо предупредить анархию в деревне! Шкура со старого матерого медведя должна быть содрана немедленно, а окончательный дележ ее пусть производит Учредительное Собрание»¹²³. Это говорилось тогда, когда в деревне еще не развернулась аграрная борьба, когда там происходило лишь образование и организация новой власти. От 13 апреля № 5 газеты «Рабочий» весь посвящен земельному же вопросу с лозунгом «Земля – народу». О прочих организациях, которые в своей деятельности касались вопросов аграрной борьбы, мы в настоящем очерке говорить не будем, имея в виду осветить «крестьянский вопрос» в особом очерке, тем более, что в данном случае нам хотелось лишь подчеркнуть единственно правильный взгляд большевиков на земельный вопрос и поразительно совпадающий с сокровенными вожделениями крестьянства, которые выразились в пер-

¹²² Крестьянское движение в 1917 г. С. 52.

¹²³ Дневник Казанской организации РСДРП (б), сост. Лидиным (Пути Революции. № 1. С. 145–149).

вые недели аграрного движения. В начале мая месяца это еще сильнее подтвердилось и крестьянскими наказами, присланными на крестьянский съезд. К сожалению, очень мало сохранилось этих наказов, они имеются по одному от крестьян Краснококшайского, Чебоксарского, Тетюшского и Чистопольского уездов, редко по два. Некоторые из них составлены по типу наказа эсеров, но есть составленные и без трафарета. Таков нижеприводимый нами «наказ по уполномочию сельского схода членов сельского комитета с. Антоновки Тетюшского уезда нашему делегату в Крестьянский Губ. Союз И.А. Козлову». Здесь мы увидим бесхитростное изображение крестьянских нужд, удовлетворить которые должно правительство демократической Республики.

«С радостью сейчас и с надеждой на будущее мы встретили свободу русского народа и, вполне доверяясь Временному Правительству, посылая своего делегата в Крестьянский Губ. Союз, не лишним считали бы, чтобы делегат И.А. Козлов внес в собрание на рассмотрение наши вековые нужды, от которых наши отцы и деды не могли освободиться.

«Кормилица земли, изрытая оврагами и промоинами, исковерканная отрубными участками и в самом ограниченном количестве, далеко не представляет единственного средства к существованию; затраченные семена и труд остаются неиспользованными. Между тем по соседству помещичьи земли, расположенные на равнинах и на новях, – урожайны. Отсутствие лугов, при невозможности заниматься земледелием, делают невозможным и ведение хозяйственного скотоводства, так что на каждые четыре двора приходится одна корова, не говоря уже о лошадях и о другом мелком скоте. Желательно было бы, чтобы при распределении луговой площади поиметь в виду удельные луга и песчаный остров, находящийся против Антоновки.

«Имеющийся по соседству на противоположном берегу р. Волги казенный лес всегда являлся и является раздором между богатыми и бедными, происходят какие-то темные сделки, от которых богатые богатеют, а бедные беднеют. Вот, напр., случай: 6 марта с.г. в Лаишевском лесничестве делянка, оцененная в 170 руб. с торгов пошла за 700 рублей? При подобных порядках купить лес для домашнего обихода не представляется возможным, отчего все наши помещения пришли в ветхость. И решили просить делегата сейчас же возбудить ходатайство о разрешении обществ; разделить принадлежащий ему лес, состоящий в Сараловской волости Лаишевского лесничества.

«Местные горы, в которых нами вырабатывается алебастр и бут, каждый год, за отсутствием технических приспособлений, дают убитых и увечных, лишенных опоры, нищенствующих: и таких у нас много. Никаких гарантий, пенсии или страховой премии нет и вообще царствует произвол со всеми его последствиями. Вообще кругом нужда и нужда. Старый строй пал, и с ним да падет бесправие и нужда! К ним нет возврата. Да здравствует Демократическая Республика! 1917 г., мая 9 дня. Председатель Ермаков»¹²⁴.

¹²⁴ Сов. Крест. Деп. Д. № 18. Л. 13.

Этот наказ отражает прежде всего стремление покончить навсегда счеты с частным землевладением и в особенности с помещичьим и отрубным. Этот же наказ предопределяет необходимость передачи казенных лугов и лесов в распоряжение местных органов крестьянской власти. Наконец, наказ выражал нужды промыслового крестьянства (по добыче бута и алебастра), решительно выдвигает необходимость проведения страховых мероприятий, особенно на случаи увечья на тяжелой работе, и усовершенствования технического оборудования предприятий для избежания несчастных случаев при работе. Можно себе представить, какое богатство содержания дали бы все тогда составленные наказаы, но и приведенный нами вполне отражает идеологию аграрного движения и его цели, а также и полную солидарность с программой большевиков, наиболее основательно построенную на базе настоящих стремлений бедняцкого и среднего крестьянства, основного производственного элемента деревни.

Депутат Моркинской волости Краснококшайского уезда И.Н. Коведяев в своем докладе на заседании крестьянской секции Сов. Сол. Раб. и Крест. Деп. 10 мая тоже требовал «использовать на предстоящий пар помещичьи земли»; если помещики не пойдут на соглашение, «то ихние земли реквизируют временно», во избежание недосева. Но так как в Моркинской волости земледелие не является вполне обеспечивающий крестьянский бюджет, население занято лесными промыслами, вследствие этого делегат настаивает «дать крестьянам-смолокурам смоляной и дровяной материал по дешевому тарифу, а всему населению – лес на нужды хозяйства тоже по дешевому тарифу». Кроме того он требовал права на бесплатную охоту в лесах и рыбную ловлю и разрешения «использовать все казенные и помещичьи луга на нужды крестьян»¹²⁵.

Мы не будем излагать всего хода прений по крестьянскому и аграрному вопросу во время съезда депутатов, оставляя это до следующего очерка, но одну выдержку из протокола приведем для характеристики того политического тона, который на съезде был преобладающим. Она иллюстрирует взгляд председателя Совета Крестьянских Депутатов эсера А.Л. Колегаева. Он говорил:

«Тов. Поплавский указал, что несправедливо отнять у помещиков недавно купленную ими землю. Какая же несправедливость в том, если будет отнято у всех тех то, что не заработано?.. Будет введено уравнильное землепользование. Необходимо организовать комитеты центральные и областные. Теперь же вводится создание земельного фонда. Отдать землю трудовому народу значит не отдавать землю буржуазным кругам; в руках же государства земли не должно быть»¹²⁶. Отсюда мы видим общую эсеровскую платформу с социализацией земли и уравнильным землепользованием, что

¹²⁵ Протоколы заседаний крестьянской секции Сов. Солд. Раб. и Крест. Депутатов Казанской губ. С. 5–7.

¹²⁶ Там же. С. 20.

С.М. Дубровский¹²⁷ квалифицирует как мелкобуржуазную платформу без тени проникновения социалистическим мировоззрением.

13 мая закончились прения по пункту 5-му «Наказа» депутатам Всероссийского съезда Крестьянских Депутатов, что принял такую формулировку:

1. Впредь до решения земельного вопроса Учред. Собранием в интересах успеха Революции и для обозначения страны продовольствием, после того, как будут организованы волостные и сельские комитеты, Съезд Крестьянских Депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга помещичьи, казенные, удельные, монастырские, церковные, кабинетские, городские передать в распоряжение Волостных Комитетов.

2. Все угодья и леса отдаются под контроль Губ. Совета Раб. Сол. и Крест. Депутатов. Земли, скупленные у отрубников в одни руки частными владельцами, считаются помещичьими.

3. Весь инвентарь, весь скот и хозяйство помещиков должны быть по описи переданы в распоряжение Волостных Комитетов.

4. Губернский Съезд Крест. Депутатов для всех земель, отошедших в распоряжение Волостных Комитетов, устанавливает отдать их всем желающим издольно, или устанавливает стоимость обработки их и уборки, по которой Вол. Комитеты должны обработать и убрать. Все же зерно и сено должно быть передано в распоряжение Государства.

5. В исключительных случаях малоземелья, волостные комитеты должны заботиться о предоставлении продовольствия малоземельным»¹²⁸.

Это решение имело громадное значение для развития и углубления аграрного движения в крае. Оно послужило могучим основанием для крестьянства придать вполне легальный характер его движению и борьбе за землю. Пункт 5-й «Наказа» для деревни приобрел силу желанного закона о земле; закона, изданного хотя и не Временным Правительством, которое было занято разработкой инструкции волостным земельным комитетам, назначение которых с точки зрения правительства состояло в регулировании земельных отношений и в стремлении удержать крестьян от разгрома частновладельческих хозяйств. Решение Крестьянского Съезда спутало все карты представителям правительства в деревне и прямо поставило предрежащих власть во враждебное отношение к крестьянам. Получив в руки формулировку Съезда по земельному вопросу, крестьянство даже не стало дожидаться открытия деятельности земельных комитетов, а воспользовалось для реализации постановления Съезда уже готовыми Комитетами Общественной Безопасности, под руководством которых и закипело с новой силой движение против частной собственности.

До получения же этого решения аграрное движение шло пока еще своей дорогой до конца мая. Многие сельские общества продолжали выносить приговора с требованием передать им пашню или луга, как это было в с. Сюкеево 15 мая, когда общество заявило требование на луга В.Г. Молостова, поме-

¹²⁷ Дубровский С.М. Очерки... Вып. 1. М., 1922. С. 190.

¹²⁸ Протоколы. С. 31–32.

щика дер. Долгой Поляны¹²⁹, но многие от постановлений перешли и к захватам. Так, князь Оболенский, помещик Чистопольского уезда, пишет в жалобе от 30 мая, что крестьяне Егоркинской волости отобрали его луга и пасут на них свой скот, разделили паровую землю, назначают сами цену на лес, снимают с работ военнопленных и реквизируют рогатый скот. 24 мая официальное сообщение гласит: «Аграрное движение по губернии продолжается», отбирают землю у хуторян и отрубников, скот пасется в лесах, «устанавливается мнение, что лес и земля общие», происходит пограбление лугов, снятие служащих и рабочих в имениях. Член Госуд. Думы И. Батанов жалуется, что крестьяне сел Клетней и Борисоглебского Казанского уезда препятствуют заготовке дров, обращался даже за нарядом милиции, но получил отказ от уездного комиссара, по словам которого «посылать милицию нет смысла, т.к. ее никто не послушает»¹³⁰. В Лаишевском уезде в Анатышской волости 21 мая сняты с работ 10 нижних чинов 94 полка у помещика Симбирова, взято под пар 100 дес. земли из 220 десятин парового клина. У помещицы Наумовой в с. Шумкове того же уезда, взяты луга, пашня и мельница. У шумковского же помещика Вавилова отобрали луга и земля, которыми владелец и сам не пользовался и не сдавал в аренду¹³¹. В Лаишевском же уезде, но в Пановской волости, крестьяне дер. В. Метесков требуют в своем прошении от 27 мая землю помещиков Наурского, Кислицына и Евсеева, ранее находившуюся в их даче, но отторгнутую, что создало для крестьян бедственное положение. В Казанском уезде крестьяне дер. Кайсар, имеющие надел в 20 саж. требуют возврата им земли помещика Озерова, который еще при наделении в 1862 году «отобрал у них самую плодородную»; заявление их датировано 28 мая. В виду крайнего малоземелья (надел на душу в трех полях $1\frac{1}{8}$ дес.). 30 мая крестьяне д. Богдановки Мамадышского уезда Абдинской волости постановили использовать 560 дес. земли у помещицы Лашинской¹³². В конце же мая месяца произведен захват земли в количестве 35 дес. у помещицы В.М. Сельской крестьянами д. Некрасовой Бетьковской волости Лаишевского уезда¹³³.

Все эти факты освещают аграрное движение в крае, развернувшееся еще в апреле месяце. Здесь и ходатайства о земле, и требования, и постановления сходов, здесь имеются и захваты лугов, пашни, леса и т.д. Мотивировка движения, всюду, где встречается, сводится к малоземелью, к реставрации крестьянского клина крепостной эпохи, к ликвидации помещичьего насилия, когда бы оно совершено не было, и, наконец, причиной захвата является желание использовать землю, заброшенную помещиком. Но вот дошло до деревни решение Крестьянского Съезда и мы видим новый поток захватов, уже легальных. По всем данным можно предполагать, что местный Совет Крестьян-

¹²⁹ Г.З.У. Д. № 41. Л. 31.

¹³⁰ Крестьянское движение в 1917 г. С. 53.

¹³¹ Сов. Крест. Депут. Д. № 18. Л. 34–38.

¹³² Г.З.У. Д. № 41. Л. 15, 18 и 22.

¹³³ Г.З.У. Д. № 28. Л. 89.

ских Депутатов не распространял своего решения земельного вопроса до конца Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов, который в основном утвердил то же самое 25 мая. Лишь 6 июня была отправлена телеграмма в центр с сообщением, что Исполкомом Крестьянского Совета «по всей губернии рассылаются циркуляры соответствующего [решению] характера; крестьяне проводят эти постановления в жизнь, что вызывает полное расстройство сельскохозяйственной жизни»¹³⁴. Обращаясь к отдельным местностям края, мы видим следующую картину движения.

29–30 мая в Спасске совещание делегатов от волостей под руководством большевика Г.Гордеева решило «присоединиться к постановлению Губ. Съезда Крестьянских Депутатов о немедленной конфискации земли и «произвести у помещиков реквизицию сельскохозяйственных машин». Официальное сообщение говорит еще больше: это совещание решило немедленно отобрать у крупных собственников землю, леса, луга, машины и кузницы, установило твердые пониженные цены на хлеб, настаивало на реквизиции семян, овса и скота. Так информировало центр губернское начальство. А одновременно с этим председатель Спасского совета 5 июня телеграфировал: «согласно решения Губ. Крест. Съезда и Спасского Уезд. Продов. Комитета, крестьяне стали отбирать и делить помещичью землю, рубить лес, отбирать весь инвентарь, лошадей, рогатый скот и снимать рабочих». Сами землевладельцы, донося 9 июня в центр об этих событиях, заключают безнадежной фразой: «в уезде полная анархия». Что касается отдельных имений, можно судить о событиях в них из телеграмм К.Молодцова от 3 и 5 июня. «Беспорядки достигли величайших размеров, лес рубят сколько кому угодно, на службу никому поступить не разрешают, грозят отнять пленных, безнаказанно отбирают рабочих лошадей, грабят оранжереи и чинят другие безобразия».

Чистопольской Съезд Крестьянских Депутатов, присоединившись к резолюции по аграрному вопросу, принятой Всероссийским Съездом Крест. Депут. обращается телеграммой к правительству от 4 июня дать немедленное распоряжение «о передаче всех пахотных земель помещичьих и др. в полное распоряжение волостных продовольственных и земельных комитетов», а Егоркинский волостной комитет в это же время «самовольно удаляет управляющего имением кн. Оболенского», как об этом сообщает последний в телеграмме от 8 июня.

В Лаишевском уезде не менее сильное движение, тем более, что «в некоторых местах наблюдается большевистская агитация, ведущаяся лицами, приехавшими из Кронштадта. Арестованы врач Алексеев и монахиня Тамара за возражения против бесчинств»¹³⁵. Это сообщалось 5 июня. А 8-го у помещика В.П. Малова в с. Атрячь взято 15 десятин луговой земли. В это же время у арендаторов земли помещиков Стрелковых в дер. Ташкирмень взято 45 дес. пашни. Несколько позже у помещика А.А. Мельникова в дер. В. Серда

¹³⁴ Крестьянское движение в 1917 г. С. 19.

¹³⁵ Крестьянское движение в 1917 г. С. 98–99; Пути Революции. № 1. С. 158.

Казыльской волости отобрано незаезженной земли 31 дес. и закреплено за его арендаторами из малоземельных крестьян 24 десятины, как гласит заявление владельца от 15 июня¹³⁶.

В Цивильском уезде сельское общество дер. Шибылги решило взять землю помещика Арцыбашева в количестве 137 десятин, которая находилась в пользовании М.Васильева из дер. В. Девлизеревой и К.Андреева из дер. Борзой Косы; раньше эта земля была в Шибылгинской даче, но «каким-то образом была распоряжением монархического строя передана помещикам». Приговор сельского схода от 9 июня стремится восстановить «нарушенное владение»¹³⁷.

Порубки леса и хищение дров отмечаются в начале июня в уездах Свияжском, Цивильском и Чебоксарском. Аграрные беспорядки распространились на имение Догеля, Обуховой, Горемыкиных, Куприановой и др.¹³⁸ Каймарский Вол. Комитет Общ. Безопасности Казанского уезда 4 июня постановил решение Крестьянского Съезда от 13 мая «принять к немедленному исполнению». Существующие волостные и сельские комитеты признаны «вполне соответствующими» этому назначению, т.к. «переизбрание таковых (что постановление 13 мая считало необходимым) является очень затруднительным и протяжным. Для приема от частновладельцев земли и инвентаря назначить комиссию»¹³⁹. Эта комиссия могла начать работу, если не в тот же, то на другой день. И эта комиссия действовала, по-видимому, весь июнь месяц. По крайней мере, 27 июня Каймарский Вол. Комитет Общественной Безопасности, а не земельный, по инициативе сельского комитета постановлял «признать все луга имений при с. Каймарах братьев Оконишниковых и А.Х.А.Апанаева перешедшими в распоряжение Вол. Комитета»¹⁴⁰. Луга в количестве 127 дес. были переданы для сенокоса крестьянам с. Каймар и Надеждинского выселка с платой 370 руб. (в том числе за луга Апанаевых 270 руб.).

Более пространные сведения о распределении захваченных земель Комитетами Общественной Безопасности дают некоторые протоколы их. Из последних особенный интерес представляет протокол Зюзинского Комитета Лаишевского уезда.

2 июня Зюзинский Волостной Комитет Общественной Безопасности распределил всю помещичью землю, находящуюся в волости, «среди нуждающегося населения». Нижеприводимая таблица дает полное представление о том, чья земля и какому сельскому обществу была определена.

По данным протокола, на основании которого составлена приведенная таблица¹⁴¹, все 1692,25 десятины представляли собой пар, т.е. лишь третью

¹³⁶ Г.З.У. Д. № 28. Л. 52 и 13; д. № 41. Л. 26.

¹³⁷ Г.З.У. Д. № 41. Л. 1.

¹³⁸ Крестьянское движение в 1917 г. С. 18.

¹³⁹ Г.З.У. Д. № 22. Л. 55.

¹⁴⁰ Г.З.У. Д. № 26. Л. 90.

¹⁴¹ Г.З.У. Д. № 5. Л. 331.

	Д. Авдеева	Д. Александровка	Д. Брекова	Д. Б. Салтан	с. В. Девлизери	Д. Губайдуллина	Д. Екатеринановка	с. Корноухово	Д. Михайловка	Д. Наумовка	Д. Новоселка	Д. Нов. Ирга	Д. Ср. Девлизери	Д. 1-я Хвостова	Д. 2-я Хвостова	Д. Шенева-Тулш	Д. Шен. -Черемышева	Всего
1. Макашина	5	-	-	-	-	-	-	127	-	20	65	-	-	-	-	13	11,75	241,5
2. Михайлова	9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9
3. Симбирна	-	29	-	60	20,5	-	-	-	-	-	-	-	-	14,5	-	123	-	247
4. Колодкина	-	-	16	25	-	10,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	53,25	104,75
5. Микулина	-	-	-	82	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8	-	-	-	90
6. Жадовского	-	-	-	105	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	105
7. Донаурова	-	-	-	45	-	-	-	-	25	-	-	-	-	-	-	-	-	70
8. Аюпова	-	-	-	-	26,75	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	26,75
9. Бабина	-	-	-	-	-	28,5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	28,5
10. Кожевникова	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	70	-	-	126	-	200
11. Демерга	-	-	-	-	-	-	112	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	112
12. Темникова	-	-	-	-	-	-	62	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	62
13. Есипова	-	-	-	-	-	-	-	-	-	45	-	-	-	-	-	-	-	45
14. Ларионова	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2	-	-	-	-	-	-	4
15. Чумакова	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	72,5	-	-	-	-	-	72,5
16. Порк	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	16,25	-	-	-	-	-	16,25
17. Кондратьева	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	20	-	-	-	-	-	20
18. Б. Манасина	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	52,5	11,25	-	-	63,75
19. М. Манасина	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	28,75	-	-	-	28,75
20. Монастырск.	-	-	-	67	-	-	-	-	-	-	-	33,25	-	-	-	-	-	100,25
21. Церковная	30	-	-	-	7,75	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7,25	45
Всего	44	29	16	384	55	39	178	127	25	67	67	142	70	75	40	262	72,25	1692,25

часть всего помещичьего хозяйства. В этом же заседании поднимался вопрос о распределении скота, но не получил разрешения только потому, что не было под руками никаких сведений; пришлось отложить до следующего заседания. Но и то, что имеется в протоколе много говорит за то, что Комитеты Общественной Безопасности, как Зюзинский, ставили аграрный вопрос более решительно и до конца его разрешали; этого нельзя не подчеркнуть, так как начинавшие открываться и формироваться в волостях в июне месяце Земельные Комитеты должны были, по директиве правительства, не только отказаться от аграрной политики Комитетов Общественной Безопасности, но даже подавить ее и восстановить помещиков в их полных правах частных собственников на землю.

А Зюзинский Комитет Общ. Безопасности своим постановлением 2 июня распределил землю так, что от больших хозяйств не осталось и помину. Лишь небольшие участки земель достались одному какому-либо сельскому обществу, а как чуть побольше, так делится между двумя, тремя, а земля помещиков Симбирина и Макашина разделена по пяти и шести обществам. Наибольшее количество земли получили общества, имеющие от 1,8 до 2,2 дес. на душу м.п.¹⁴² Это далеко не удовлетворило спроса, т.к. общества с меньшим наделом (от 0,5 до 1 дес.) получили очень мало и почти ничего, по видимому, вследствие удаленности помещичьих земель. Даже 4 сентября Мамадышский Уездный Земельный Комитет единодушно подчеркивал, что «предотвратить захваты земель и урегулировать отношение сторон не представлялось возможности» ввиду того, что «самоуправство учинено со стороны обществ в большинстве случаев до образования Волостных Земельных комитетов согласно постановления Солдатских, Крестьянских и Рабочих Депутатов от 13 мая»; инструкция земельным Комитетам «запоздала и была прислана после совершившихся захватов земли, в первых числах августа»¹⁴³.

Это заявление дает понять, что в Мамадышском уезде аграрное движение с мая по август происходило вне всякого влияния губернских правительственных органов. Подчеркивая огромное значение для деревни постановления Крестьянских Депутатов 13 мая, Мамадышский Комитет совершенно правильно отмечает, что правительственные органы должны были лишь констатировать факты земельных захватов, не имели никаких оснований и средств для предотвращения этих захватов, получивших название «самовольных» уже в июле и августе месяце.

А вот образчик деятельности Продовольственного Комитета в Богородской волости Чистопольского уезда.

6 июня Богородский волостной Продовольственный Комитет обсуждал вопрос «об удовлетворении земель арендатора Стахеева при с. Поповке». Дело касалось паровой земли в количестве 662 десятин. Комитет и предложил арендатору из этого количества лишь то, что полагается ему по трудовой

¹⁴² По данным 1906 г. «Крестьянское Землевладение» Каз. губ. Вып. 2. С. 36–41.

¹⁴³ Г.З.У. Д. № 6. Л. 40.

норме. В основе этого предложения, как указывает протокол заседания, было «постановление Чистопольского Уездного Комитета [Общественной Безопасности] от 5–10 мая и телеграмма Исполнительного [Комитета] Совета [Раб. Солд. и Крест. Деп.] от 4 июня». Арендатор от предложения отказался, и земля была распределена «пропорционально сделанным заявлениям нуждающимся селениям»; Ачинское общество получило 60 дес., Беляхчинское – 58 дес., Полянское – 294 дес. и Поповское – 250 дес. Арендные суммы по 7 р. 60 к. за десятину общества обязаны были внести к 1-му сентября.

В этом же заседании была составлена Комиссия из членов Совета Раб. Солд. и Крест. Депутатов в составе И.Е. Чинакова, А.И. Бычкова и С.А. Николаева, которой поручено было произвести отвод земель и «опись всего сельского инвентаря, скота и прочего имущества во всех частновладельческих экономиях волости»¹⁴⁴.

В отличие от большинства других местностей, в Богородской вол. до образования земельного комитета взял на себя инициативу в ходе аграрной борьбы Продовольственный Комитет и, решая частные вопросы, он рано приступил к планомерной работе по описи имений. Требуется особо быть подчеркнутым и состав комиссии из представителей Совета Раб. Солд. и Крестьянских Депутатов.

Подытоживая размах аграрного движения в крае за первую половину июня месяца, официальная телеграмма от 15 июня гласит: «Аграрное движение проявляется с особенной силой в Спасском и Лаишевском уездах, слабее в Чистопольском, Казанском и др. Причиной является состоявшееся 13 мая постановление крестьянских депутатов о немедленной передаче земли крестьянам и комитетам». Еще отчетливее характер аграрной борьбы изобразил на сутки раньше председатель Совета казанского союза сельских хозяев Мельников: «Положение в губернии обостряется, т.к. постановление общего Совета Крест. Деп. от 13 мая об отобрании земель, инвентаря, скота от владельцев и снятия рабочих проводится в жизнь. Местные административные власти не в силах удержать волостные организации от незаконных действий»¹⁴⁵.

На основании изложенного мы можем выдвинуть следующие положения относительно первого этапа аграрного движения в крае.

1. После политического переворота крестьянство выдвинуло на решение большой для губернии аграрный вопрос и, не видя никаких мероприятий со стороны центрального правительства, стремившегося укрепить лишь позиции революционно-буржуазного либерализма, пользуясь новым политическим аппаратом в деревне, самостоятельно начало решать земельный вопрос, опираясь на революционно-демократические организации, как Советы и партийные комитеты эсеров и большевиков.

2. Формы аграрного движения первого периода, вначале выразившиеся в постановлениях сельских и волостных сходов, выносивших сначала петиции

¹⁴⁴ Г.З.У. Д. № 36. Л. 92.

¹⁴⁵ Крестьянское движение в 1917 г. С. 99.

о дополнительном наделении земель, а потом перешедшие в открытый поход против помещика, заменились впоследствии решениями Комитетов Общественной Безопасности взять у помещика землю, инвентарь, семена, скот и проч., если помещик не соглашался передать все это комитету сам. Очень быстро выявилась тенденция крестьянства ликвидировать крупное помещичье хозяйство, в связи с чем мы видим снятие рабочих и служащих, распределение скота и инвентаря. Эксцессы, выразившиеся в изгнании помещиков из имений, в разгроме парков, оранжерей и усадеб имели случайный характер и в систему не превратились.

3. Захваты земель и ликвидация помещичьего хозяйства объяснялись острым малоземельем, отсутствием тех или иных угодий, незасевом полей, стремлением ликвидировать кулацкую аренду помещичьих земель, уничтожить нетрудовое землепользование и восстановить нарушенные самодержавием и помещичьим классом интересы и попранные права крестьян на землю.

4 Динамика аграрного движения в первый период была вполне достаточна, чтобы не только нарушить нормальный ход помещичьего хозяйства, но и доказать начало конца его, что аграрии и правительство расценивали как анархию и разгром. В территориальном же отношении движение с наибольшей силой выразилось в уездах наибольшего распространения помещичьего землевладения и крестьянского малоземелья; но вместе с сильнейшими движениями в Спасском, Чистопольском, Лаишевском и Казанском уездах, движение распространилось и на другие: Свияжский, Чебоксарский, Мамадышский, Тетюшский, Краснококшайский и Цивильский уезды; Ядринский и Козьмодемьянский пока еще спокойны по отношению к помещикам, т.к. они представляют здесь совершенно незначительную силу и являются исключением. Участие различных национальных групп крестьянского населения в борьбе с помещичьим землевладением в этот период лишь намечается, являясь довольно слабо выраженным.

5. На основании наблюдений над изложенным фактическим материалом можно отметить три этапа аграрного движения в первый период. Начальный этап – до 22 апреля, когда движение имеет еще местный характер; с 22 апреля до конца мая месяца движение носит уже массовый характер и захватывает всю губернию, исключая 2 указанных уезда: импульсируется аграрное движение, как и в первый этап, сельскими и волостными сходами и Комитетами Обществ. Безопасности. Наконец, в первую половину июня движение еще сильнее разрастается под влиянием постановлений по аграрному вопросу Губернского и Всероссийского Съездов Крест. Депутатов. В лице Советов Депутатов деревня увидела вторую власть в государстве и пошла за ней в решении земельного вопроса, не решаясь пока окончательно порвать с Временным Правительством. Вместе с тем необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что объектом борьбы в помещичьем хозяйстве для крестьянства является то, что всего скорее соответствует ходу и порядку хозяйственных работ; так, прежде всего наблюдается захват яровой пашни, семян, скота, потом луговой и паровой зем-

ли. Это проявляется довольно сильно, с официальной стороны затушевывая конечную цель движения, а на самом деле еще более подчеркивая, что к концу хозяйственного года от помещичьего хозяйства не останется ничего.

6. Каков же наблюдался в этот период созидательный процесс? Прежде всего необходимо указать, что крестьяне стремились предоставить помещичью землю наиболее нуждающимся в ней малоземельным общественникам села или волости. В этом проявляется тенденция к уравнительному землепользованию. Мы не имеем данных говорить о трудовой норме, но продовольственная норма выдвигалась даже по отношению к помещикам, если от них отчуждалась вся принадлежавшая им земля. Следовательно, создание мелкого крестьянского хозяйства на месте крупного помещичьего как будто не требует особых доказательств. Мы не имеем достаточных материалов для этого периода, чтобы судить о том, как крестьянство относилось к кулацкому и зажиточному крестьянскому же хозяйству, но, имея в виду, что в Комитетах Обществ. Безопасности, которые стояли во главе движения, были и представители кулачества, мы можем заключить, что эти представители деревни, не рассчитывая на многие приобретения, участием в Комитетах стремились сохранить свои хозяйства, не претендуя на их рост за счет помещичьих земель, чтобы потом гарантировать себе первое место на сел.-хоз. рынке. Приведенный факт из практики распределения земли в Мамадышском уезде подтверждает эту точку зрения. Кроме того, крестьянство стремилось с получением земли занять в сельском хозяйстве свои свободные рабочие силы, чем и объясняется массовое снятие с работ рабочих в экономиях. А остатки своих сил, они, конечно, имелись в виду и после полного перераспределения земли, крестьянство имело намерение направить в промысла, судя по характеру производительных сил края, но в промысла обеспеченные всеми необходимыми техническими приспособлениями, в чем крестьянство рассчитывало на широкую помощь государства, которое только и могло гарантировать, напр., страхование на случай увечья.

7. Но все вышесказанное характеризует лишь тип единичного хозяйства. Общая же экономическая и политическая линия выразилась, если можно так выразиться, в обуженном обобществлении земли. Это даже не социализация, а скорее муниципализация. Волость, захватив помещичью землю, находящуюся в ее границах, стремится закрепить ее именно за этой волостью, а сельское общество, в свою очередь, зубами держит землю или старается удержать ее за собой. Это было особенно выгодно сельской буржуазии, и, прикрываясь стремлением передать землю малоземельным в наибольшем количестве, эта буржуазия временами вела за собой бедное и среднее крестьянство. Однако, развернувшаяся классовая борьба с сельской буржуазией уже во второй период сделала общим течением другое явление, хотя местами это уже и проявлялось. В этом пункте крестьянство оставалось далеко позади тех намерений, которыми была проникнута аграрная программа большевиков и которые сводились к национализации земли. Если в формах движения и в средствах его у

крестьян с большевиками была полная солидарность, то в конечных целях наблюдалась еще большая разница.

III.

Движение, принявшее столь глубокий характер и широкое распространение, мало надежд внушало правительству на то, чтобы оно не пошло еще дальше. Постоянный поток все возрастающих в количестве жалоб помещиков на незаконные действия Комитетов безопасности и сельских обществ указывал на то, что деревенские власти плохо внимают наставлениям губернских и центральных властей и действует больше под давлением местных обстоятельств. И если еще можно было рассчитывать какими либо средствами спасти status quo в деревне, так только ценою ликвидации аграрных функций, действующих в деревне органов, и передачи их другим учреждениям, вновь организованным и с новым, более или менее надежным персональным составом. Временное Правительство, учреждая Земельные Комитеты, и возлагало на них надежду «урегулировать», т.е. по возможности приглушить аграрное движение. На июнь месяц падает организационная работа, начиная с Казани, кончая волостью. В разное время и, можно сказать, не торопясь, но возникают эти Земельные Комитеты в течение июня и июля месяцев и в составе лиц, наиболее верных интересам правительства. Свои действия они открывают плановой работой – взятием на учет и описью помещичьих имений. Лишь между прочим и местами эту работу вели и комитеты Общественной Безопасности, а Земельные должны были учет и опись выдвинуть на первое место. Вот почему 20 или 21 июня совещание волостных комиссаров и секретарей вол. комитетов, созванное Губернским Комиссаром, вынесло постановление «о немедленном образовании вол. земельных комитетов, в ведение коих переходит хозяйственное использование земель волости»¹⁴⁶.

В дальнейшем изложении мы рассмотрим эпоху наиболее мощного и широко развернувшегося аграрного движения под руководством заканчивающих свою деятельность в области земельных вопросов Комитетов общественной безопасности и развертывающих таковую Земельных комитетов. Конечно, ни приглушить, ни тем более приостановить движение эти вновь созданные Комитеты не могли, да и не пытались; они очень быстро перешли за рамки предписанного им и не только потому, что были вынуждены на это стихийным крестьянским движением, как разъяснял, напр., С.Л. Маслов¹⁴⁷, а, главным образом, вследствие того, что в Земельных Комитетах довольно быстро блюстители правительственной политики должны были покинуть эти Комитеты и уступить свое место в политическом отношении несколько иному составу повернушему на практику комитетов общественной безопасности. Этим и можно только определить тот размах «организованного» движения, который определился в июне, июле и августе месяце.

¹⁴⁶ Крестьянское движение в 1917 г. С. 100.

¹⁴⁷ Аграрная Революция. Т. 2. С. 156.

Изложение этого периода мы начнем с анализа классовой сущности движения по большому материалу, который дают архивы Губ. Земельной Управы и Совета Крестьян. Депутатов для отдельных фактов движения, как-то: захваты лугов, пашни, леса, различных угодий и целых имений, а затем дадим характеристику движения en masse и возможные выводы из этого обзора. На июнь и июль месяц падает большое количество захватов и разделов лугов Земельными комитетами. Вот два случая из нескольких по Лайшевскому уезду с богатейшими лугами.

Согласно протоколам Алексеевского Волостного Земельного Комитета от 4 и 13 июня луга помещиков Алексеевской волости Лайшевского уезда распределены были следующим образом:

	Наименование общества	Луга помещ. В.П.Логутова дес. саж.		Луга М.И.Антоновой дес. саж.		Луга Толстых Мило-славских дес. саж		Луга Д.П.Арцыбашева дес. саж.		Луга А.П.Чегодаева дес. саж.		Луга В.В.Обухова	
1	Остолоповское	259	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2	Сакайское	773	-	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Владельну	20	-	60	-	43	1300	10	-	25	-	-	-
4	Алексеевское	-	-	645	-	4	-	-	-	-	-	-	-
5	Федоровское	-	-	162	2796	17	-	-	-	-	-	-	-
6	Березовское	-	-	4	2200	11	-	-	-	-	-	-	-
7	Ср. Тиганское	-	-	4	1140	-	-	-	-	-	-	-	-
8	Николаевское	-	-	16	1633	-	-	-	-	-	-	-	-
9	Слоб. Баран	-	-	9	1984	-	-	-	-	-	-	-	-
10	Масловское	-	-	127	1672	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Кукморское	-	-	21	390	-	-	-	-	-	-	-	-
12	Ошняковское Ромод вол.	-	-	4	115	-	-	-	-	-	-	-	-
13	Лягушинское	-	-	3	400	-	-	-	-	-	-	-	-
14	Сабакаевское	-	-	165	-	119	-	-	-	-	-	-	-
15	Мурзинское	-	-	-	-	538	-	-	-	-	-	-	-
16	М. Курналинское	-	-	-	-	349	-	-	-	-	-	-	-
17	Бурцевское	-	-	-	-	89	-	-	-	-	-	-	-

18	Затеевское	–	–	–	–	54	1200	–	–	–	–	–	–
19	Городковское	–	–	–	–	20	–	75	–	16	–	–	–
20	Бутлеровское 1-е	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	117	1200
21	Тигановское	–	–	–	–	4	–	–	–	–	–	–	–
22	Новоспасское	–	–	–	–	10	–	–	–	–	–	–	–
23	Бутлеровское 2-е	–	–	–	–	–	–	–	–	30	–	–	–
24	Разным лицам	–	–	–	–	32	–	–	–	–	–	–	–
	Всего	1052	–	1228	1730 ¹⁴⁸	1292	100 ¹⁴⁹	85	–	71 ¹⁵⁰	–	117	1200

Урахчинский Вол. Земельный Комитет 30 июля распределил помещичьи, монастырские и церковные луга между сельскими обществами и отдельными гражданами. Протокол заседания, подчеркнув, что право на получение имеют лишь нуждающиеся, указывает, что дележ между крестьянами должен производиться «по равным частям и по числу скота». Рекомендовалось при дележе «выбрать из среды своей старшего для порядка и делить в присутствии владельцев или их доверенных лиц». Какое значение имело присутствие владельцев, сказать трудно; можно лишь предполагать, что они приглашались для информации о лицах имеющих косить их луга, вероятно, безо всякой мысли о том, чтобы дать помещикам знать с кого в будущем взыскивать за сено; иначе о владельцах мы не имели бы упоминания в протоколе. Распределены луга следующим образом.

- 1) 95 дес. Кукеевскому обществу из лугов Гукашевой.
- 2) 110 дес. Горталовскому обществу из лугов Горталовых.
- 3) 35,25 дес. Клянчевскому обществу из лугов Лихачевых¹⁵¹.
- 4) 17,5 дес. Безводниковскому обществу из лугов Каменевых и Пальцинских (2,5 дес.) (в 11 местах).
- 5) 132 дес. Гремячкинскому обществу из лугов Поповских и монастырских.
- 6) 31 дес. Бол. Кульгинскому обществу из лугов Грузинского.

¹⁴⁸ В протоколе указано 1792 дес. 6902 кв. с. в разных местах.

¹⁴⁹ Всего за Антоновской показано 1237 дес. Постановлением от 1 июня был аннулирован арендный договор М.И. Антоновской с Торговым Домом Демидова и Ларичева на эти луга, «как совершенный в дни начавшейся революции» (Г.З.У. Д. № 28. Л. 4).

¹⁵⁰ За Чегодаевым числилось 85 десятин.

¹⁵¹ В трех местах: «становое поле» – 22 дес. «Клейменов» – 5,25 дес. и «проездная» – 8 дес.

- 7) 48 дес. Мал. Кульгинскому обществу из лугов Пальциной.
- 8) 139 дес. Починскому обществу из лугов Лихачевых.
- 9) 54 дес. Тархановскому обществу из лугов Лихачевых.
- 10) 149 дес. 1-му Урахчинскому обществу из лугов Горталовых и Лихачевых (79 дес.).
- 11) 35 дес. 2-му Урахчинскому обществу из лугов Каменевых.
- 12) 22,5 дес. 3-му Урахчинскому обществу из лугов К.Павлова (5 д.), Чугунова (8 д.), Танеева (8 д.) и Пальцинской.
- 13) 15 дес. 4-му Урахчинскому обществу из лугов Максимова.
- 14) 37 дес. 5 и 9 му Урахчинскому обществу из лугов Каменевых.
- 15) 13,5 дес. 6-му Урахчинскому обществу из лугов Чиркова Царькова и Кунгурова.
- 16) 5 дес. 8-му Урахчинскому обществу из лугов Каменевых и Пальцинской.
- 17) 36,5 дес. Рус.-Кляичеевскому обществу Шумбутской вол. из лугов Лихачева.
- 18) 38 дес. гражданам Цивильского уезда, проживающем в селе Урахче.
- 19) 23 дес. роздано 8 лицам разных деревень (псаломщику, бывшим владельцам (Чирковым, Чугунову и др).

Всего распределено 1036,25 десятин¹⁵². Большая часть из них перешла обществам бывших помещичьих крестьян, которые имели очень низкие земельные наделы сравнительно с обществами крестьян быв. государственных. Оставление незначительного количества лугов мелким собственникам можно объяснить их хозяйственной потребностью в сене для прокорма скота.

Но все эти решения, уже проведенные в жизнь, приходилось впоследствии отстаивать перед высшими органами и защищать. Для примера приведем интересную переписку Ильинского Вол. Ком. Обществ. Безопасности о лугах помещиков Юнусова, Бобянской и Филюшина.

18 и 21 июня в Ильинской вол. Казанского уезда произведено распределение частновладельческих лугов между отдельными обществами волости, что возбудило, конечно, многочисленные жалобы на Комитет в Земельную Управу. Последняя не прочь была поправить дела помещиков и арендаторов и послала в Комитет соответственную «директиву», на которую пришел из волости очень интересный ответ. В бумаге от 4 августа указывалось, что луга возвращать владельцам нечего, т.к. их никто у помещиков не отнимал: скосили лишь траву; а сено возвращать нельзя, т.к. не только ничего не попадет помещикам, но ни пуда не достанешь и для армии, т.к. крестьяне его уведут по дворам. Так же поступили с лугами арендаторов, чтобы покончить с кулацкой спекуляцией и лугами и сеном. Все эти действия вызваны были в июне месяце опасениями стихийных захватов, и если пострадали при этом интересы десятка лиц, то выиграла и деревня и государство, т.к. спокойное

¹⁵² Г.З.У. Д. № 5. Л. 151–152.

отношение к лугам было обеспечено. Для помещиков же имеется пока один выход: подождать решения Учредит. Собрания; подействовать же на них в этом отношении – прекрасная задача для Земельной Управы. Что же касается в частности лугов помещика Юнусова и его арендатора И.Дмитриева, снимавшего 66 дес., в отношении их Комитет не имеет в виду менять своих решений, как и в отношении всех остальных землевладельцев¹⁵³.

Помещица Бобьянская, имевшая в Ильинской вол. Каз. уезда, луга, с которых собиралось 2400 пудов сена, поступила несколько иначе, чем Юнусов. Она стала вести дело о возврате лугов и сена через присяжного поверенного Толстова, и последний уже описал все самоуправство и захват ильинских

¹⁵³ Г.З.У. Д. № 3. Л. 51 и 52. Бумагу Комитета от 4-VIII приводим целиком. «С возвращением переписки исполком сообщает, что луга Юнусова, распределенные комитетом согласно постановления волостного схода 18 июня между крестьянами волости, ныне все уже выкошены. Нужды армии в сене вол. сходом предусмотрены и население готово дать армии сколько возможно. Поэтому, хотя сено уже скошено, причем 95-й полк до сих пор о существующем с Юнусовым договоре ничего не заявлял, на нужды скота 95-го полка сено в любое время может быть взято в требуемом полком количестве; оно, количество это, по мнению Комитета, должно быть зачтено в счет того сена, которое должно будет поставить волость для нужд армии. Что же касается арендатора И.Дмитриева, заарендовавшего 66 дес., то целью всего распределения лугов в волости были именно устранение арендаторов, спекулировавших с лугами, а к таковым, несомненно, относится и Дмитриев, ибо для собственного хозяйства ему не могло понадобиться такое большое количество лугов, как 66 дес. Все луга, сданные в аренду крестьянам на срок сего года, согласно постановления волостного схода, обложены сбором на нужды государства. Деньги эти хранятся пока в комитете до передачи их в Гос. Казначейство. Не имея права отменить или нарушать волю граждан волости, исполком просит Губ. Земельную Управу принять единственный выход из данного вопроса об уплате владельцам и арендаторам за луга, а именно: предложить им подождать Учредительного Собрания и в зависимости от его решения поступить с полученными от крестьян Ильинской волости Испол. Комитетом деньгами за луга. Если бы Губ. Земельная Управа нашла возможным с этим согласиться, то это сразу исчерпало бы вопрос и упростило бы дальнейшее разрешение подобных же вопросов, ибо не только луга Юнусова, но и все остальные луга волости распределены вол. сходом 21 июня и уже выкошены. Целью распределения всех лугов волости на справедливых началах было также избежать начавшихся было в июне недоразумения по этому вопросу, могших повлечь или к неорганизованному захвату или к столкновениям. Ясно обозначившееся стремления к захватам было введено в спокойное русло. Распределение прошло спокойно, организовано и Комитет в этом смысле считает свою цель достигнутой.

Обратное восстановление владельцев в правах свело бы на нет всю работу Комитета и вызвало бы паническую возку сена с лугов, что не даст возможности реквизировать сено для нужд армии. Пожертвовавши же интересами десятка владельцев, Вол. Ком. достиг цели, предупредивши нежелательные явления. Сходом 21 июня распределен лишь укос 1917 года, но ни в коем случае не земля, так что владельцы и сейчас считаются хозяевами земли, впредь до Учредительного Собрания. Председ. Вол. Ком. Общ. безоп. М.Анисимов, Секретарь К.Шнуровский.

крестьян в своем заявлении в Губ. Земельную Управу. Для этого, как и у Юнусова, был чрезвычайно удобный момент: Управа задалась целью восстановить в нравах помещиков в деревне. Это было в августе месяце. Конечно, заявления и жалобы потекли как из рога изобилия. Ильинский Комитет, конечно, должен был отписываться. И в бумаге от 18 августа он указывал, что никакого «самоуправства» допущено не было: «все луга волости были распределены по количеству скота на основании постановления волостного схода от 18 июня. Луга Бобянской были распределены между гражданами дер. Отымбал – 3500 пуд., дер. Качейкино – 3000 пуд., с. Осиново – 9000 пудов, и дер. Бизюргуб – 9000 пудов.

Распределение лугов было произведено вполне организованно, без всяких эксцессов, и одной из целей распределения было именно избежание готовившихся эксцессов»¹⁵⁴. Претензии арендаторов об удовлетворении интересов, о которых пишет Толстой, тоже, по мнению комитета, не стоят большого внимания, т.к. срок их аренды окончился в 1916 г., тем более, что арендовали они луга с тем, чтоб передавать их мелкими участками. Луга переданы крестьянам в аренду же, деньги уже собраны и имеют быть внесены согласно указания Губ. Земельной Управы. Заслуживает внимания резолюция на этом отношении: «Сообщить Бобянскому копии извещения Ильинского Вол. Комитета по уведомлению, что деньги будут выданы Толстому после Учред. Собрания». Едва ли только это уведомление поступило.

Жалоба С.Филюшина, направленная в Губ. Земельную Управу через Союз Сельских Хозяев, получила уже 3 октября столь же решительный отпор от Ильинского Земельного Комитета, как заявления Юнусова и Бобянской. Отметим особенно интересную последнюю часть этой отписки.

«Землю у Филюшина никто не отнимал, распределен лишь укос сена 1917 года, причем Филюшин, свою долю сена получил. Ввиду всего этого Волостной Комитет считает жалобу Филюшина поступком недобросовестным, особенно, если принять во внимание явно и сознательно преувеличенный размер якобы причиненных ему, нажившему спекуляцией с мануфактурой десятки тысяч убытков; тогда как спрошенный о том, сколько он накопил, Филюшин определял укос десятины в 100–150 пудов, в жалобе своей он ставит 250 пудов»¹⁵⁵.

Ильинский Комитет, наиболее выгодно отличавшийся прямолинейной и строго выдержанной тактикой против помещиков и кулаков за интересы бедного и среднего крестьянства, не оставляет ни одного случая для вскрытия и мелкой и крупной лжи, которой богаты были жалобы и заявления помещиков – цвета культурной части нации бывшей Российской Империи.

Отпор, получаемый и помещиками и высшими правительственными учреждениями, иногда совершенно лишал возможности восстановить поправные «священные» права на земельную собственность, и жалобы помещиков остава-

¹⁵⁴ Г.З.У. Д. № 26. Л. 43–44.

¹⁵⁵ Г.З.У. Д. № 26. Л. 68.

лись без всяких последствий. В этом отношении показательны факты, имевшие место в Спасском уезде, где недостаток лугов у крестьян был очень сильным.

Так, во время покоса лугов вначале июня в имении Л.В. Молостова в Спасском уезде Щербетской вол. произошел конфликт с крестьянами сел Бугровки и Никольского, которые «заявили о своем непременном желании снять эти луга в аренду, не оставив владельцу ничего в личное пользование экономии». Управляющий имением обратился в Уездный Земельный Комитет за содействием покосу лугов для экономии, но вследствие того, что Комитет никак не отзывался, управляющий решил обратиться к инспектору сельского хозяйства Казанской губернии за воздействием через Управу на Спасский Земельный Комитет. Указав, что в экономии находится «163 головы заводских лошадей, 60 голов рабочих лошадей, 20 голов заводских отъемышей, 53 головы рогатого скота и 300 баранов», управляющий в бумаге от 22 июня просил инспектора не задержать исполнения, т.к. «если дело затянется дальше, то сенокос совпадет с уборкой ржи»¹⁵⁶. Но все старания управляющего были тщетны. Инспектор передал бумагу в Губ. Земельную Управу, и тем дело кончилось, молчал и Уездный Земельный Комитет, отдав вопрос на волю Волостного.

Вот другой случай, имевший место уже в ином имении Молостовых, но в Спасском же уезде.

В Трехозерской волости Молостовым принадлежал т.н. «Кабаний Остров» – луговые угодья в 620 с лишним десятин. 30 июня Спасский Уездный Земельный Комитет получил и рассматривал приговора трех сельских обществ с. Трех озер и договора о порядке использования лугов.

«Принимая во внимание, что землевладельцы Молостовы сами не полагают рабочей силой и не имеют возможности снять траву, что имевшийся скот распродан, что и конный завод Молостова в ближайшем будущем предназначается к переводу в другую местность», постановили – сдать в аренду на один укос по цене земельного комитета 1-му обществу с. Трех Озер 216 дес. на 140 домохозяев, 2-му Обществу – 292,5 дес. на 189 домохозяев и 3-му обществу 113 десятин на 75 домохозяев¹⁵⁷.

В постановлении Богородского Комитета Чистопольского уезда наблюдаем более спокойные взаимоотношения с помещиками, 29 июня, подтвер-

¹⁵⁶ Г.З.У. Д. № 31. Л. 5.

¹⁵⁷ Г.З.У. Д. № 31. Л. 110. А в с. Полянках крестьяне не согласились даже предоставить часть помещичьих лугов для прокормления племенного скота. Вообще по краю Волостные Земельные Комитеты стремились к охране племенных рассадников, ранее находившихся в руках помещиков или государственных учреждений. Но иногда это стремление встречало сопротивление по вполне объективным обстоятельствам. Трехозерский Вол. Земельный Комитет поручил сельскому обществу д. Полянок Государственные конюшни, от которых общество д. Полянки отказалось «потому что население страдает без земли и без лугов, не хватает на круглый год хлеба и сена для своего личного скота». 30 августа единогласно постановили: «выключить из наших пределов коннозаводство» (Г.З.У. Д. № 31. Л. 58).

жая решение продовольственного Комитета от 6 июня, Земельный Комитет постановил: «луга экономии Стахеева при с. Поповке в количестве 776 дес. (казен.) разделить согласно постановления Чистопольского уездного Комитета от 19 июня, следующим образом: на долю владельца экономии оставить 175 дес. из остальных же на долю Богородского общества – 50 дес., Поповского – 250 дес., Николаевского – 40 дес., 1-го Кушниковского – 38 дес., 3-го Кушниковского – 9 дес. и Полянского общества Старо-Шишминской волости – 194 дес.»¹⁵⁸. Новое учреждение с новым составом и с новыми задачами, как видим, действует несколько мягче по отношению к землевладельцу.

Конечно, эта деликатность несколько не помешала, когда пришло время управляющему именем Е.М. Захарову подать жалобу, в которой он указывал на «захватнические цели Комитета» и просил распоряжений о возврате земли Стахееву. Комитету 30 октября пришлось доказывать, что никакого «захвата» не было, все было произведено на законных основаниях с арендной платой. Законченная передача земли «безземельным и малоземельным гражданам» и эксплуатация ее продиктовала Комитету выразить решительный отказ в реставрации прав Стахеева¹⁵⁹.

Более решительные действия Волостных земельных Комитетов и с большей последовательностью смыслу майских постановлений Сов. Крест. Депутатов наблюдаются в уездах Краснококшайском, Чебоксарском и Ядринском. Обратимся к материалам.

29 июня 1917 г. состоялось постановление Петриковского Вол. Земельного Комитета Краснококш. у. о реквизиции сенокосных угодий у частновладельцев с. Ернура Яранского уезда гр. Фурзиковых. Яранский уездный Комиссар Чемоданов запротестовал и бумагой от 12 июля просил Краснококшайский Уездный Комитет приостановить исполнение постановления Волостного Комитета, считал его «незаконным вторжением в область гражданских правовых отношений и присвоением Комитетом прав законодателя». Такое вмешательство Комиссара Яранского у. было, видимо, с удовольствием поддержано Краснококшайским Уездным Земельным Комитетом, в результате чего последовало соответствующее распоряжение в Петриковскую волость. Земельный Комитет последней, однако, не счел возможным подчиниться и отправил бумагу в Казанский Губ. Совет Крестьянских Депутатов в июле же месяце как бы к сведению, но в то же время требовавшую со стороны Совета выступления против Комиссара с целью или смещения его или обуздания его деятельности.

«Вмешательство Комиссара, по мнению Комитета, есть угнетение и стеснение самодеятельности Комитета и запугивание мерами старого режима, что и видно из отношения г. Комиссара: 1) нежелание считаться как с земельным Комитетом, так и с постановлением Врем. Правительства об учреждении Земельных Комитетов, где ясно говорится, что постановления Вол. Комитетов могут быть обжалованы в административном порядке в Губ. Зе-

¹⁵⁸ Г.З.У. Д. № 36. Л. 94 и 92.

¹⁵⁹ Там же. Л. 123.

мельный Комитет (разд. X.), но г. Комиссар прибегает к давлению старого режима запугиванием; 2) реквизиция лугов, принадлежащих владельцам Фурзиковым, произведена с соблюдением и согласно постановления общего собрания Совета Крест. Депутатов Казанской губ. от 13 мая 1917 г. и пункта 2-го постановления по аграрному вопросу Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов от 25 мая¹⁶⁰ 1917 г.; ввиду чего Земельный Комитет свои действия считает правильными»¹⁶¹.

Здесь возможно констатировать не только единоборство крестьянской власти на местах с представителями правительства, но и противопоставление правительственным органам власти Совета Крестьянских Депутатов.

Но наиболее характерно постановление о распределении лугов Богородского Вол. Земельного Комитета.

В Богородской волости Чебоксарского уезда распределение помещичьих лугов, принадлежащих Леонтьеву, Забродину, Жомини и их арендаторам происходило 1–3 июля на исполных началах. Протокол заседания Волостного Комитета объясняет это тем, что «оказалось много лиц из семей призванных на военную службу, которые, вследствие глубокой старости и за неимением в своей семье работников для сенокосной работы или при малых детях, – не могут взять на себя эту работу, а скот имеют». Нижеприводимая таблица, составленная на основании протокола¹⁶², дает полное представление о распределении лугов в волости.

№	Кому отдано в аренду	по заявлению от	Чьи луга и какие угодья
1	Обществу д. Нижн. Анчикова в числе 57 домохозяев	27-V и 13-VI	Луга бар. Жомини
2	Кр-ну д. Н. Анчикова И.А. Макарову	–	1,5 дес. из лугов Жомини, им лично расчищенных на «Ст.-Волжке»
3	Дер. Ниж. Кургана 20-ти домохозяевам	–	По одной десятина из лугов помещика Леонтьева
4	Дер. Уразметево сельскому обществу	–	Из лугов Жомини
5	с. Байгулова Никольской волости	–	Из лугов Жомини «Амачкино»
6	Кр-ну с. Байгулова Д.Савельеву (б. арендатору)	–	Из лугов Жомини «Чашоба Козлова»
7	Кр-ну д. Верх. Байгулова Н.Степанову (б. арендатору)	–	Из лугов Жомини «Чашоба Ив. Васильева»
8	д. Чешлама сел. обществу	5-V	Из лугов Жомини «Олма-луй» быв. в аренде С.Тимофеева и Д.Савельева

¹⁶⁰ В оригинале ошибочно написано «марта».

¹⁶¹ Г.З.У. Д. № 10. Л. 61.

¹⁶² Г.З.У. Д. № 12. Л. 72–73.

9	Кр-ну д. Ст.-Янзытова С.Васильеву.	–	Из лугов Жомини «Тонина Чищоба» (Ранее арендованный им)
10	Обществу д. Калугиной	14-VI	«Ново-Деревенская межа»
11	46 домохозяевам дер. Верх. Анчикова	24-V	«Между Щучьим и Круглым озером» Жомини
12	Дер. Козловки и 20 дворам Беловолжского общества	25-VI	«Бездна», «Мещанская», «Верхняя и Нижняя», «Грязная» Жомини
13	д. Решетниковой 45 дворам	25-VI	«Мурниха» Жомини
14	Кр-ну К.Чернову из дер. Ниж. Анчикова	–	Из лугов Жомини (им лично расчищенных)
15	с. Аттиково сельскому обществу	24-V и 11-VI	«Пастбище скота» Жомини
16	д. Байметевой 10 домохозяевам	–	«Старушечий Дол» Жомини
17	д. Байметевой 21 домохозяевам	–	«За щучьим озером» Жомини
18	д. Байметевой 19 домохозяевам	–	«Медвежиха» Жомини
19	Дер. Байметевой С. Мирнову с товарищами-арендаторами	–	«Комаровская Чищоба» Жомини
20	С. Тоганашева обществу	–	Луга Забродиных при д. Козловке

Обращались с просьбой о предоставлении лугов из некоторых сел Свижского уезда, но им было отказано, т.к. ощущался большой недостаток для крестьян своей и соседних волостей Чебоксарского уезда. Крестьяне с. Карцовки, имевшие 324 дес. лугов, получили отказ, т.к. Комитет не мог удовлетворить всех, совершенно не имевших покосов.

Луга помещика Кожевникова, сданные им в аренду, перешли в пользование чуваш д. Бол. Карачур (Чебоксарской вол. и уезда) еще 18 июня с арендной платой по 1 рублю с косы¹⁶³.

Безболезненно и с выгодой для массы среднего крестьянства проходила ликвидация арендных договоров на эксплуатацию помещичьих сенокосов между помещиками и кулаками. Но были случаи и иного рода, когда, за неимением в своей волости частновладельческих лугов, приходилось сельским обществам в силу необходимости арендовать луга у помещиков других губерний. Такой случай наблюдается в Хочашевской волости Ядринского уезда. 5 июля Хочашевский вол. Земельный Комитет в журнале своего заседания повествует нам, что из-за малоземелья крестьянам с. Хочашева приходилось арендовать луга Симбирских и Нижегородских помещиков по р. Суре.

¹⁶³ Г.З.У. Д. № 12. Л. 14.

Крестьяне этих губерний, ближе Хочашевских живущие к лугам, взяли их на себя, тем самым оставив хочашевцев без корма для скота¹⁶⁴.

Раздумывая над вопросом, как и где добыть фураж для скотины, крестьяне вспомнили даже предание о Хочашевской даче в Курмышском уезде, которой когда-то владели их предки и которая была у помещика С.С. Андреевского¹⁶⁵, но пришли к заключению, что единственным выходом пока является представление ходатайства перед Ядринской Земельной Управой об удовлетворении потребности населения в лугах или из имения Андреевского, или из казенных и удельных дач Симбирской губернии хотя бы при предстоящей земельной реформе, если нельзя этого сделать раньше. Материалы не освещают последствий этого дела.

IV.

В этот же период происходят захваты лугов и пашни одновременно. Преобладающее количество рассмотренных нами случаев падает на июнь и июль месяцы и распространяется на большее число уездов, захватывая Мамадышский, Цивильский, Тетюшский и Свияжский. Из громадного собрания архивных материалов мы приводим только такие факты, которые вскрывают ту или иную особенность движения. Вот пример захвата лугов и пашни в Цивильском уезде.

У помещика Герасимова в д. Зеленовке Макеевской вол. Цивильского уезда было 268 дес. лугов, которые он сдавал в аренду крестьянам дер. Н. Аба-Касы Тойсинской волости Ядринского уезда. 7 июня цивильские крестьяне

¹⁶⁴ «По собранным сведениям и документальным данным установлено что кр-не Хочашевской волости, получившие надельную землю в 1867 г. в крайне ограниченном количестве, в настоящее время испытывают острую нужду в земле, т.к. по последнему переделу земли, произведенному в 1907–1909 гг., приходится на одну мужского пола душу менее 1,5 десятины пахотной земли, при трехпольной системе обработки около 1100 кв. с. в поле, а луговой земли около 500 кв. с. так же на одну душу, но крайне плохого качества, так что домохозяин накашивает ежегодно в среднем не более 12 пудов сена с души. Вследствие недостатка луговой земли большая часть населения волости до настоящего 1917 года арендовала луга у разных землевладельцев, гл. обр., в Нижегородской губ. близ с. Семьян по р. Суре и в Курмышском уезде, но в текущем году к пользованию арендованными лугами в указанных выше местностях граждане Хочашевской вол. не были допущены и арендованные их луга самовольно захвачены крестьянами тех селений, которые расположены вблизи означенных лугов, вследствие чего население волости в настоящем году осталось без корма для скота» (Г.З.У. Д. № 14).

¹⁶⁵ «По преданиям известно, что во владении крестьян села Хочашева была предоставлена в надел земля, состоящая из пахотных, лесных и сенокосных угодий, находящихся в Курмышском уезде, в даче под названием «Хочашевская» в местности Бокшандин, но землей этой по какому-то случаю граждане означенных селений не могли владеть и не пользовались, а состояла таковая до сего 1917 года во владении дворянина С.С. Андреевского» (Г.З.У. Д. № 14).

дер. Климовой Хормалинской волости луга эти выкосили и сено увезли. Пока этот инцидент разрешался в различных инстанциях, пришло время обработки паровой земли, но желающих не было: климовским крестьянам она была, видимо, не нужна, а другие и не пытались, зная судьбу сенных покосов. Сам помещик считал свои права на землю утерянными и хлопотал о восстановлении их, опираясь, главным образом на то, что пар имеет остаться незасеянным. Председатель Губернской Земельной Управы рекомендует Ядринской Зем. Управе «войти в сношение с уездным комиссаром о посылке солдат для восстановления прав арендаторов и привлечения виновных к судебной ответственности»¹⁶⁶. Ядринская Управа однако не желает впутываться в это безнадежное дело и 17 июля отвечает отказом, мотивируя его тем, что земля, из-за которой идет спор, находится на территории Цивильского уезда. Но и Губ. Земельная Управа, получив этот ответ, не обратилась прямо к цивильскому комиссару или в цивильскую Зем. Управу, а послала бумагу с той же просьбой к губернскому комиссару. Может быть это было вернее, но почему во второй половине июля, а не в первой? Скорее же это ничто иное, как отписка, иллюстрирующая безнадежность и неуверенность в своих предприятиях.

Та же картина в деревнях Чебоксарского уезда. 18 июня Чебоксарский Уездный Земельный Комитет рассматривал пять прошений от 91 хозяина деревень Идельмеси (Покровской вол.), Атиков (Богородской вол.), Байгуловой, села Байгулова (Никольской вол.) и заявление крестьян дер. Решетниковой Богородской волости, о предоставлении им права покоса лугов, «арендованных у землевладельца Жомини» близ дер. Козловки, по определению протокола заседания. Вместе с тем в этом заседании рассматривались два заявления управляющего имением В.Н. Смирнова «с ходатайством о разрешении ему произвести покос лугов, принадлежащих экономии Жомини, приблизительно до 590 возов для поддержания хозяйства экономии и о разрешении ему вспахать под паровое поле из общей площади (в 100 десятин) 20 десятин».

Из этих заявлений мы видим, что управляющий помещика Жомини уже потерял возможность распоряжения землей и просит у Комитета 590 возов сена и 20 дес. парового поля. Следовательно, еще раньше июня месяца крестьянские власти указанных волостей взяли на себя заботу о распределении земель Жомини как тех, которые находились в непосредственной обработке помещика, так и тех, которые были сданы в аренду. Большинство арендных договоров было нарушено, иначе арендаторам не было бы смысла ходатайствовать перед Уездным Комитетом о предоставлении им в аренду тех земель, которые у них уже были в аренде. Тем более такое заключение вполне вероятно, что Комитет постановил: «Поручить Богородскому Волостному Исполнительному Комитету расследовать подробным образом сколько у Жомини парового поля и лугов, кому все это сдано, сдают ли арендаторы другим лицам и сколько сдают земли, сколько земли и лугов у просителей и

¹⁶⁶ Г.З.У. Д. № 37. Л. 7–13.

прежних арендаторов»¹⁶⁷. В заявлениях фигурируют лишь «прежние арендаторы», а при обсуждении были, видимо, и новые «просители», которые, можно сказать определенно, уже и получили в революционном порядке все земли Жомини, включая и сданные землевладельцем в аренду. Захват лугов и парового поля в половине июня месяца – уже совершившийся факт, пока еще не закрепленный постановлением волостных органов, но говорящий вполне убедительно о ликвидации крупного помещичьего хозяйства и кулацкой или товарной аренды помещичьих земель.

Правда, не всюду так решительно проводилась экспроприация земель. Были случаи и иного рода и в том же Чебоксарском уезде; об этом говорит следующий эпизод.

Арендаторы луговой земли помещика д. Обиковой Чебоксарской волости Вотчал гр. Е.Иванов, В.Кондратьев и др. (по-видимому, из крестьян) указывали Чебоксарскому Земельному Комитету, что «крестьяне соседних селений намерены от них отобрать [луга] и разделить между собою». 18 июня Комитет вынес такое постановление: «обследовать вопрос, сколько на всем пространстве лугов Вотчал получается сена на одну косу каждого арендатора и пригласить к этому Вотчал и арендаторов для указания лугов. Явку Вотчал признать необязательной. Потребовать сведения, нет ли у арендаторов еще лугов и сколько лугов своих наделных и у новых просителей. Кроме того, вне очереди о пахотной земле того же Вотчал постановлено: предоставить Вол. Земельному Комитету собрание сведений и ответить о том, кто сколько арендует у Вотчал пашни, сколько имеют своей земли новые просители»¹⁶⁸. Этот полный текст постановления Комитета раскрывает нам форму эксплуатации помещиком своей земли: мы видим что и луга и пашня сдавались в аренду, если не целиком, то частью. Арендаторы, как можно усмотреть из текста, возбуждали против себя недовольство крестьян и последние у них отнимали землю; так что аренду вполне определенно можно считать отнюдь не продовольственной, а товарной и кулацкой. Уездный Земельный Комитет, имея это в виду, своим решением оттягивает переход земли Вотчал крестьянам, требуя различных сведений через волость и тем самым пытаясь протянуть дело до Учредительного Собрания. Вполне очевидна покровительственная политика к помещику и его арендаторам-кулакам, но можно сомневаться, чтобы крестьяне успокоились на этом решении Комитета.

Но в большинстве случаев Земельные Комитеты должны были приступить к планомерному распределению помещичьих лугов и пашни крестьянским обществам. В качестве примера приведем таблицу распределения земли в Посадской волости Чебоксарского уезда, составленную на основании протокола Земельного Комитета от 27 июня¹⁶⁹.

¹⁶⁷ Г.З.У. Д. № 12. Л. 12.

¹⁶⁸ Г.З.У. Д. № 12. Л. 11.

¹⁶⁹ Г.З.У. Д. № 12. Л. 34–35.

Владение помещика	Местоположение	Характер угодий	Колич. в десят.	Кому определено
1. Эннатского	с. Кушниково	пашня (пар)	20 дес.	с. Кушникова ¹⁷⁰
—	Левая сторона р. Волги	луга	—	д. М.Собачкина
—	на р. М.Кокшаге «Скопинский остров»	луга	—	д. Б.Собачкина ¹⁷¹
—	на острове р. Волги против д. Ураковки	луга	—	д. Уракова
2. Добронравовой	—	пашня	15 дес.	д. Уракова
3. Бандина	—	—	—	д. Демешкина и М.Собачкина
4. Соловьевой	—	—	—	д. Водолеева и Пущина
5. Зарубина	—	пашня	74 дес.	д. Нерядова, Шигаева М., М.Собачкина, Тинсарина, М.Яндугановское, Арзаматово
6. Титова	—	пашня	12 дес.	д. Нерядово
7. Соколова	за р. Волгою	луга	17 дес.	д. Нерядово
8. Тарасова	—	луга	35 дес.	д. Кокшамар

Особого внимания заслуживают события в с. Косякове той же волости Свяжского уезда в конце июня и начале июля месяца, где произошел захват всего имения и развернулись внутрикрестьянские классовые взаимоотношения, между кулацкой и бедняцкой его группами с непосредственным участием большевиков на стороне последней.

Как и всюду, с образованием Комитета Общественной Безопасности в Косяковской волости, имение помещика Филлипсона было взято на учет. Этот учет был далеко не фиктивный и для помещика очень чувствительный. Так,

¹⁷⁰ При этом добавлено: «преимущество должно быть на стороне малоземельных и безземельных граждан, о чем сообщить Кушниковскому Сельскому Комитету на обязанность которого возлагается распределить землю уравнильно среди гражданского населения». Вместе с этим за Кушниковским обществом закрепляется луговая земля, арендованная у граждан дер. Новинской (Г.З.У. Д. № 12. Л. 34).

¹⁷¹ Как и в нижеследующих двух случаях отвода нескольким деревням, в этом земля распределяется между обществами в равных частях с указанием для всех без исключения обществ предоставления земли в первую очередь безземельным и малоземельным крестьянам.

напр., когда он задумал вырубить 1,5 десятины дровяного леса из собственной дачи при селе Косякове, Комитет 20 июня вынес постановление – не разрешать порубку¹⁷². Это, хотя и возбудило протест Губерн. Земельной Управы от 18 июля, но безрезультатно, т.к. после получения постановлений Свияжской Уездной Земельной Управы от 18 и 19 июня, что в Волостном Комитете уже было рассмотрено 25 июня. Комитет чувствовал себя полным хозяином имения и вынес постановление 1) оставить помещику одну корову, 2) рабочих лошадей отобрать и предоставить безлошадным солдаткам во временное пользование, 3) луга сдавать за деньги, а не издельно. Но провести целиком это постановление в жизнь не удалось, т.к. обострились на этой почве крестьянские взаимоотношения. Последние, видимо, были натянуты вследствие того, что не осуществлено полное размежевание функций с Земельным Комитетом: это выяснилось в особенности после 25 июня, когда в комитете Общественной Безопасности был отставлен от должности председателя М.П. Пименов, как имевший «свой купленный участок земли», а на его место выдвинут Низамутдин Шафигуллин. Такой смены в это время не было в Земельном Комитете и тем естественнее обострение отношений кулацкой и зажиточной части населения к бедняцкой и середняцкой. Антагонизм между классовыми группировками крестьян в Косяковской вол. к 8-му июля достиг своего апогея и отразился в заявлении от военных делегатов Ковалевского и Шатского в Совет Раб. Солд. и Крест. Депутатов. Торопливо и незатейливо, но в сильных и сочных выражениях они описывают происходившее.

«Заявляю, в Косяковской волости крестьяне разбились на 2 части и вот враждуют между собой». Село Бежбатман и дер. Киреево, руководимые депутатом от Сов. Крестьянских Депутатов Николаем Гордеевым, «вооружились против 18 деревень». Гордеев и его «слепые и жалкие крестьяне совершенно забылись: они сами по себе начинают самоуправничать, буйствовать и производить всевозможные насилия, как, напр., отбирать землю, луга, не дают жать рожь, сено косить и т.п.». И эти «жалкие и слепые предатели гонят всех крестьян других сел и деревень с полей и лугов». Выезжает крестьянин в поле, а они его «изобьют и прогонят, а в дальнейшем грозят убийством». Пробовали делегаты разговаривать «с этой бандой», как они называют крестьян указанных двух деревень, но неудачно, «не удалось крестьян необузданных успокоить» Учредительным собранием, «больше стали кричать «теперь воля, свобода!» На Ковалевского кричали, даже избить и арестовать собирались, говоря «ты тоже буржуй, подкупленный». Делегаты, потерпев неудачу в переговорах, решили обратиться в Свияжск за содействием; оттуда явились председатели Продовольственного и Земельного Комитетов и команда солдат в 25 чел. с прапорщиком Рыбаковым. «Ну и что же?» – ставят недоуменный вопрос делегаты и отвечают тут же: «Бунтари остались при своем. Значит, они теперь думают, что они делают верно и правильно. И их не уняли, а дали им больше повода к разным самоуправствам и насилиям». А

¹⁷² Г.З.У. Д. № 22. Л. 112–113.

потерпевшие в свою очередь заявляли: «Если вы не уймете эту темную силу, то мы будем писать телеграммы на фронт в окопы сыновьям, братьям, мужьям и т.д. чтобы они ехали сюда защищать жалкое десятины от насильников».

Конечно, если многое можно считать преувеличенным, то во всяком случае самый факт борьбы двух лагерей остается во всей своей непосредственности. И что интересно, 9 июля состоялось заседание Вол. Земельного Комитета, на котором был избран совершенно новый состав и вынесено постановление в духе такового же Комитета Обществ. Безопасности от 25 июня: произвести опись у помещика Филипсона (вторую уже), «тотчас же раздать рабочих лошадей» беднейшим солдаткам, время поденной работы считать с 5 часов утра до 7 час. вечера с обеденным перерывом на 2 часа: на этом же заседании избрана и примирительная камера¹⁷³. Для июля месяца эти события, протекавшие под руководством представителей большевиков, чрезвычайно знаменательны.

Рядом с событиями такого калибра, многие жалобы помещиков оставались даже без рассмотрения. Так, у помещика М.Г. Уразгильдеева захватили крестьяне д. Нов. Ромашкиной Каргалинской вол. Чистопольского уезда паровое поле в 86 дес. оставив хозяину лишь 7,5 дес. а в Лаишевском уезде взято было у него же довольно значительное количество лугов крестьянами Шумбутской вол. дер. Тябердиных Челнов. Волостные Комитеты в обоих случаях не приняли во внимание интересы помещика, имевшего 30 голов крупного скота и 19 человек семьи, т.к. он часть, может быть и большую, сдавал в аренду, а самим же арендованные луга так даже целиком сдавал в аренду по частям. В правительственных учреждениях на его жалобы никто не обращал никакого внимания и последнее свое обращение он направляет в Союз Сельских Хозяев, откуда его прошение переходит в Губернскую земельную Управу, но и там не вызывает большого внимания, несмотря на то, что Уразгильдеев не только говорит о своих интересах, но и крестьянских, перечисляя все неприятности и даже разорение некоторых их хозяйств¹⁷⁴.

¹⁷³ Сов. Крест. Депут. Д. № 19. Л. 31–34 и Г.З.У. Д. № 22. Л. 19.

¹⁷⁴ Г.З.У. Д. № 30. Л. 75. Для примера помещаем целиком его «прошение».

«В принадлежащем мне и находящемся при дер. Новой Ромашкиной Каргалинской волости Чистопольского уезда имени крестьяне названной деревни захватили мое паровое поле, вспахав его в количестве 85 дес. и оставив мне только 7,5 дес. казенной меры. Между тем у меня имеется до 15 голов коров, 15 голов лошадей и 19 человек семьи. Как можно вести и удерживать хозяйство на 7 десятинах? Ни Каргалинский волостной, ни Чистопольский уездный комитеты, несмотря на мои неоднократные просьбы, не оказывают мне содействия к отобранию захваченного поля, хотя бы даже половины, ибо весной я добровольно сдал им в яровом поле за половинную цену 20 дес., т.к. более этого количества они запахать не в силах. Между тем, вспахав 80 дес., они не имеют даже семян, чтобы засеять все количество, и таким образом земля окажется незасеянной ни мною, ни захватившими, что, конечно, при теперешнем положении вещей не безразлично и для государства, да и для меня, т.к. этими действиями захватившие причиняют мне убыток не менее 2400 руб. если положить

Мелкопоместный, но татарин и не дворянин, не мог снискать к себе внимания даже у новой буржуазной власти, а крестьянские интересы и совсем не занимали революционные правительственные учреждения.

Нижеприводимый случай захвата земель в Тетюшском уезде иллюстрирует с очевидностью ликвидацию земельных порядков феодального типа, установившихся более сотни лет назад в крепостную эпоху, когда захват земель у крепостных крестьян и даже государственных не считался каким-либо правонарушением.

13 июля было решено сельскими приговорами села Пролей Каши, Богдашкина и д. Поповы «передать в распоряжение Вол. Земельного Комитета захваченные пахотные земли у землевладельцев Бурундуковской волости Буинского у. Симбирской губ. при с. Жукове Н.Н. Серебрякова. П.С. Лапаева и К.Е. Санина, луговые угодья, купленные при содействии Крестьянского Поземельного Банка Кошкинским обществом Бурундуковской вол. и Удельно-Нечасовским земельным товариществом Колунецкой вол. Тетюшского уезда»¹⁷⁵. Захват, совершенный из-за малоземелья пролей-кашинских крестьян еще до учреждения Земельных Комитетов, скорее всего в апреле месяце с открытием полевых работ, положил конец существованию узкой ленты земель Буинского уезда, пролежавшей по территории Тетюшского уезда. С открытием Земельных Комитетов надо было легализовать этот захват, и 18 июля Пролей Кашинский Вол. Зем. Комитет не только сам утверждает его, но и оправдывает как малоземельем, так и исторической справкой о том, что

за землю арендную плату, не говоря уж о том убытке, который я получу от незасева. Должен сказать, «что захватившие – не бывшие крепостные или государственные крестьяне, а владельцы, имеющие собственную крепостную землю.

«Кроме того, у крестьян дер. Тябердиных Челнов Шумбутской вол. Лаишевского уезда в 1911 году мною были арендованы луга, которые я сдавал крестьянам гор. Чистополя и села Чистопольских Выселок, ибо у последних луговой земли нет. Сам я для себя сена и не косил. Нынче Тябердинские крестьяне не хотели препятствовать косьбе лугов чистопольским крестьянам, а Шумбутский Вол. Комитет решил чистопольским крестьянам косьбу запретить и отдать луга крестьянам других деревень; тогда тябердинские крестьяне заявили, что они берут косить луга сами, и теперь уже чистопольским крестьянам в косьбе отказывают. Мне приходится возратить крестьянам деньги, около 1650 руб. Но не говоря о моем убытке я должен сказать, что отказ чистопольским крестьянам в лугах повлечет за собой разорение последних, т.к. им придется распродавать скотину и нарушить благосостояние своих маленьких крестьянских хозяйств. Луга эти чистопольские крестьяне косят уже более 40 лет. Поэтому прошу Губ. Земельный Комитет оказать воздействие на Чистопольский уездный, Каргалинский и Шумбутский Волостные Комитеты об удовлетворении моих законных требований и о прекращении вышеупомянутых незаконных захватов. В Шумбутский волостной Комитет прошу сделать распоряжение по телеграфу, т.к. некоторые крестьяне начали косить луга. Деньги на телеграфный расход, сколько потребуется, представлю. Прошу также охранить мои луга от пастьбы крестьянами скота до и после жнитва».

¹⁷⁵ Г.З.У. Д. № 9. Л. 13.

до 1813 г. вся захваченная земля принадлежала тем деревням, которые лишь 104 года спустя смогли возвратить ее от захватчика же нач. XIX столетия, неизвестного помещика, от которого потом перешла к помещику Еремееву. Кроме того крестьяне находят, что нынешние помещики «особенной нужды в этой земле не ощущают», хотя и отказались передать ее добровольно. Земельный Комитет, утвердив захват, решил его закрепить посильнее, и чтобы не было аннулировано постановление, послал его на утверждение в Совет Крест. Депутатов. Исполнительный Комитет последнего утвердил постановление и направил его в Губ. Земельную Управу, которой ничего иного не оставалось, как принять в сведению.

Все вышеприведенные примеры подчеркивают общую линию Земельных Комитетов в духе практики комитетов Общ. Безопасности. Но местами во второй половине июля месяца оставались в Земельных Комитетах лица, явно буржуазного лагеря, проводившие политику правительства, а в личном творчестве проявлявшие узкий взгляд «муниципализации» земли. События в татарский деревне М.-Кирмени Мамадышского уезда служат тому неоспоримым доказательством.

Мало-Кирменское сельское общество уже 25 мая составило приговор с ходатайством перед уездным мамадышским комиссаром «о дополнительном наделении общества пахотными, луговыми и земельными угодьями из земель, принадлежащих землевладельцам Алкиным, Куянову, Белову, Музлову, С.Шакирову и мурзам дер. Старого Завода». Только 13 июня комиссар передал это ходатайство в волостной земельный комитет, где оно пролежало еще целый месяц и только 10 июля было рассмотрено. Причина такой длительной задержки в волости из постановления не выясняется, но можно определенно допустить, что сельское общество реализовало свое ходатайство, не дожидаясь решения, вполне самостоятельно. Волостной Комитет согласился и удовлетворил ходатайство сельского схода, причем указал, что норма прирезки земли не должна превышать норму землепользования, которую имеет установить Учредительное Собрание. Это по существу ничего не говорящее добавление дополнено еще другим, но более определенным, о том, что помещичьи земли, «как примыкающие к угодьям волости и входящие в район здешней волости, ни под каким видом не должны быть делимы между другими волостями»¹⁷⁶. Ориентировка Волостного Комитета на Учред. Собрание позволяет решить, что состав Комитета не особенно сочувствовал захватам, но был не чужд проявить свою мелко-буржуазную натуру в стремлении воспользоваться землей, если уж она у помещика отнята, исключительно в интересах своей деревни и самое большее – в пределах волости. Личный состав комитета старался удружить и помещику, в особенности когда, напр., Алкин сам передал в Комитет землю, от которой отказались его арендаторы. Комитет назначил арендную плату в 7 рублей с десятины с обязательством внести ее ни в Комитет, ни в Казначейство, а помещику Алкину. Но чтобы хоть отчасти проявить себя преданными интересам

¹⁷⁶ Г.З.У. Д. № 6. Л. 149.

малоземельного крестьянства, они добавляют в своем постановлении: «При этом предупредить имеемых быть арендаторов, что оную землю они должны обрабатывать в свою пользу, но ни под каким предлогом не передавать оной самовольно в аренду другим лицам»; рекомендуя взять землю Алкинскому обществу, Комитет второй раз подчеркивает, что если оно от аренды откажется, то «подыскать нуждающихся в земле лиц в других селениях волости, но ни в коем случае не допускать к аренде оной лиц, происходящих из других волостей и ведущих там хозяйство»¹⁷⁷.

V.

Теперь остановимся на захватах одной пахотной земли, имевших место в тех же уездах и в тот же период.

Вот случай, близкий к предыдущему, когда Волостной Земельный Комитет, решая положительно вопрос о взаимоотношениях между крестьянами и помещиками, останавливался на мелко-буржуазной политике в области крестьянских взаимоотношений, т.е., покончив дело с крупным классовым врагом – с помещиком, он склонялся до интересов мелкобуржуазной и даже кулацко-ростовщической части деревни. Кабык-Куперский Вол. Комитет Мамадышского уезда, разрывая договор между крестьянином д. Нагашевой и помещицей Воробьевой на аренду 224 дес. земли по 5 руб. 63 коп. за десятину, постановил сбавить арендную цену до 3 рублей с десятины и впредь взносы направлять через Комитет в Казначейство, но оставил арендатором того же крестьянина Клушина несмотря на то, что последний, как это значит и в протоколе, «сдавал за арендную сумму для пользования нуждающимся гражданам дер. Нагашевой»¹⁷⁸. Конечно, впоследствии это не осталось нерушимым, но в данный момент, нельзя не отметить, что деревня не имела еще возможности воздействовать со всей решительностью на состав Волостного Комитета и направить его деятельность в интересах бедняцкого и среднего крестьянства.

Если в этом случае Комитет выступал против помещика, сдававшего землю в аренду, то следующий пример определяет отношение к помещику, пользовавшемуся наемным трудом и ведшему хозяйство самостоятельно.

Имение Карима Сытдыкова, расположенное в Старо-Челнинской волости Чистопольского у., заключало в себе 126 дес. 29 саж. в трех полях. Вол. Земельный Комитет еще 13 июня решил оставить помещику на семью и скот 20 дес. паровой земли, а остальную распределить по безземельным и мало-земельным крестьянам. Сытдыков в июне даже и сам дал согласие на передачу земли крестьянам на один посев в аренду за 5 рублей десятину. Но потом в своих обращениях и жалобах по начальству стал домогаться возвращения 22 дес. земли в свое распоряжение, указывая, что землю будет обрабатывать сам. Крестьяне резонно отвечали, что возвратить распределенную между крестьянами землю невозможно, так как эта прибавка (пока временная) земли «едва

¹⁷⁷ Г.З.У. Д. № 6. Л. 147–149.

¹⁷⁸ Г.З.У. Д. № 6. Л. 174.

удовлетворяет всех нуждающихся», а малоземелье с недородом и грядущим голодом и сильно тревожат население;» к тому же Сытдыков не сам обрабатывает и то, что ему оставлено, а «наемным трудом». Так что домогательства помещика не имеют под собой никаких реальных оснований и только раздражают местное население. Эта отповедь послана Комитетом 26 августа в Губ. Земельную Управу¹⁷⁹.

Но более напряженные отношения крестьян и помещиков были в других местах Чистопольского уезда. Это очевидно на основании нижеследующих данных.

20 июня Губернский Комиссар получил телеграмму за подписью Урусова из Министерства внутренних Дел такого содержания: «[По] сообщению земледельца Чистопольского уезда Новосильцева, [в] имении его Аксубаевской вол. крестьяне отобрали паровое и озимое поле, производят потравы, препятствуют продаже Продовольственной Управе хлеба на корню. Прошу принять меры [к] прекращению самоуправства [и] охране интересов Новосильцева»¹⁸⁰. Эта телеграмма много надежд подала Чистопольским помещикам, хотя они сидели и в Чистополе. 21 июня ими была послана губернскому же комиссару телефонограмма, в которой она писала: «Мы, нижеподписавшиеся землевладельцы ходатайствуем защитить наши имения от насильственных захватов волостными и сельскими комитетами. Просили назначить произвести следствие, обращались [к] Чистопольскому уездному Комиссару, который не оказывает содействия». Следуют подписи помещиков В.А. Логутова, Е. Логутова, Шашина, Забражицкой, Нахтигаль, Аблесимова (управляющий имения Нововосильцева), Горталова, П. Рожнова, Булыгиных, Е. Ильинского, Мясникова, Уразгильдеева и З.И. Розентретер¹⁸¹.

В имениях Чистопольского уезда, судя по этому коллективному ходатайству, события развернулись таким образом, что взятие на учет имений, произведенное Волостными Земельными Комитетами, распределение лугов и паровой пашни между крестьянскими обществами произвело на помещиков ошеломляющее впечатление, а запрещение крестьян продать Управе хлеб на корню прямо указывало на дальнейшее «распределение» и урожая. Рисовалась совершенно отчетливая картина ближайшего будущего: полная ликвидация

¹⁷⁹ Г.З.У. Д. № 36. Л. 69–70. Заканчивается бумага так: «частновладельцы по личному признанию, под страхом революционной грозы в июне с. г. добровольно отказали часть своих земель Комитету, теперь же попятным движением думают вернуться назад. Земельный Комитет и Управа разъяряли им всю опасность такого шага, ибо население пока еще терпеливо ждет Учред. Собрания и пока еще Комитет служит населению авторитетом. Но частновладельцы своими докучными жалобами, бесплодными застрашиваниями вооруженной силой раздражают здешнее миролюбивое в общем настроение, подготавливая почву для возможного аграрного движения и беспорядков».

¹⁸⁰ Г.З.У. Д. № 36. Л. 1.

¹⁸¹ Г.З.У. Д. № 36. Л. 5.

помещичьего хозяйства в уезде. Власти решили помочь потерпевшим и послали запросы в волости, прилагая имеющиеся материалы. Но время шло; миновал уже июль месяц, наступил август, в особенности характерный помощью со стороны Управы помещикам и соответствующими этому событиями в деревне. Последствия расследования «самоуправства» крестьян нам известны не по всем именам, а только по некоторым. Так А.В. Аблесимов писал 17 августа в Губ. Земельную Управу: «Мною было подано в Губернск. Земельную Управу заявление о разных самочинных захватах владельческой земли и имущества у моего доверителя мужиками дер. Ст. Рус. Киремети. Заявление это каким-то образом попало в Аксубаевскую Продовольственную Управу. 13 августа, будучи избит мужиками названной деревни до потери сознания, должен был согласиться на их требование, что они никаких захватов не делали и написать на упомянутом выше заявлении под их диктовку под угрозой смерти»¹⁸². Просит считать его подпись недействительной. На основании этого, а также и других данных, мы можем полагать, что крестьянство даже в лице таких своих учреждений, как волостной продов. комитет, выступило на защиту своих позиций и с большей решительностью расправлялось с помещиками.

То же самое наблюдаем мы и в имении Рожнова, расположенном в том же Чистопольском уезде: 13 июня в Старо-Челнинском Вол. Земельном Комитете произошло распределение «отчужденной» земли помещика Рожнова в количестве 109 дес. 15 саж. «Постановлено наделять сначала безземельных крестьян, а потом малоземельных, тех, у которых душевой надел не более 20 сажень, а семейство от 6 человек и более»¹⁸³. Соответственно этим признакам дер. Бурметево получила 60 дес., д. Курманаева – 40 дес. и д. Горская на Бурсе – 9 десятин 15 саж.¹⁸⁴

Очень интересный и сильный факт констатирует отношения Абдинского Земельного Комитета Мамадыш. уезда от 29 июня в Совет Раб. Крест. и Солдатских Депутатов. 26 июня Абдинский Комитет приступил к распределению помещичьей земли, лежащей под паром, руководствуясь постановлением Казанского и Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов от 13 и 25 мая. В Абдинской волости имели земли 15 помещиков; они 26 июня не протестовали на заседании Земельного Комитета против распределения их земель по различным обществам. Но лишь крестьяне вспарили землю, стал заметен совершеннейший переворот в отношениях помещиков. В бумаге Комитета читаем:

«Помещики в это время [26 июня] ни один ничего не писал, а как только граждане вспарили землю, тотчас же начали поступать прошения за прошениями от всех помещиков якобы о захвате. В настоящее время всех членов Земельного Комитета привлекают к уголовной ответственности. Судебный следователь 2 уч. Мамадышского уезда (будучи сам помещик) запросил для следствия Земельный Комитет имена и фамилии [членов Комитета] для при-

¹⁸² Г.З.У. Д. № 36. Л. 50.

¹⁸³ Г.З.У. Д. № 36. Л. 26.

¹⁸⁴ Ей же было предоставлено еще 8 дес. из земли Сытдыкова.

ложения к дознаниям через начальника милиции 2 уч. Мамад. уезда Н.П. Маразина. Начальник милиции Маразин, согласно своих отношений от 29 июня за № 708, 795 и 820 тотчас же сделал запрос представить ему постановление за подписью и имена и фамилии членов Земельного Комитета. Покорнейше Абдинский Земельный Комитет просит Организации Совета Сол., Крест. и Раб. Депутатов для сего дела по получении одного выслать в Комитет своих делегатов, просили бы на этих днях, и оправдать нас перед этим судом»¹⁸⁵.

Из бумаги с очевидностью следует, что все подготовлено было заранее: и раздел помещичьих земель между обществами и привлечение к судебной ответственности членов земельного Комитета. Распределение земель в Комитете прошли без возражений со стороны помещиков, т.к. оно было уже фактически реализовано, иначе вспышка не окончилась бы к 29 июня; Земельный Комитет должен был лишь юридически, формально закрепить землю помещиков за обществами. А с другой стороны помещики тоже составили план действий против Комитета, привлекая на свою сторону судебные власти и милицию, которые должны были восстановить погрязшие права помещиков хотя бы и по погрязшим революцией законам Российской Империи, т.к. соответствующих законов Временное Правительство не обнародовало. По документам нельзя установить, состоялся этот процесс или нет, но и самое начинание для нас говорит о том, что помещики на местах старались использовать все возможные меры к тому, чтобы защищать свое положение, тем самым начиная эпоху правительственного давления на крестьянскую земельную политику, выросшую впоследствии в систему карательных экспедиций.

Очень мягкая политика Комитета рисуется в Казанском уезде.

В конце июня или начале июля месяца крестьяне распахали паровую землю помещика Ишмуратова, расположенную в Кармышской вол. Казанского уезда. Владелец пожаловался в Казань и Губ. Земельная Управа 18 июля предписала «прийти к положительному соглашению с землевладельцем Ишмуратовым». Волостной Комитет 23 июля уже отвечал в Управу:

«Ишмуратов сдать землю в аренду не согласился, а всю землю оставляет за собой. За распашку земли, произведенную крестьянами, согласился уплатить по 5 руб. за десятину, каковая плата совершенно не достаточна». Комитет просит Управу предложить Ишмуратову уплатить по 10 или 12 руб. за десятину, в противном случае волостному Комитету «угрожает большая опасность», так как, действуя «по указаниям Губ. Крестьянского Совета и Уездной Земельной Управы, оказался в заблуждении и ввел в неисчислимые убытки действительно бедных крестьян».

Но, не дожидаясь содействия Управы, Комитет еще раз пригласил помещика для разговоров 1 августа и, вследствие его неявки, постановил признать, что «Ишмуратов дело мирным путем покончить не желает», а землю, распаханную в количестве 38 десятин крестьянами, засеять и уплатить Иш-

¹⁸⁵ Г.З.У. Д. № 6. Л. 45 и 46.

муратову по 7 руб. за десятину, тем более, что 40 десятин паровой земли осталось еще в пользовании помещика¹⁸⁶.

Надо признать, что Комитет действовал чрезвычайно слабо, уговаривая, уступая, не смея лишить его арендных сумм, оставляя ему много земли, что резко отличает его от других комитетов, не столь проникнутых тенденциями и угодить крестьянам и не обидеть помещиков.

«Соглашательская» политика Земельных Комитетов наблюдается в июле месяце и в Тетюшском уезде; действия, например, Колунецкого Комитета никак не вяжутся с положением дел в помещичьих имениях, если мы не примем во внимание, что состав Комитета в это время хватался за всякие средства чтобы сохранить «добрососедские отношения с помещиком, выявляя тем самым мелкобуржуазную классовую физиономию, которая не смущала представителей Комитета жертвовать интересами среднего, а в особенности безземельного крестьянства.

Паровая земля в количестве 152 дес. в имении Сверчкова в Тетюшском уезде Колунецким Вол. Земельным Комитетом захвачена была на основании того, что помещик не обработал ее и тем нанес ущерб государству. На основании акта осмотра от 21 июля «землю решили передать в распоряжение Вол. Земельного Комитета ввиду нерадивой обработки»¹⁸⁷. 68 дес. было представлено в аренду Федоровскому обществу и 80 дес. – Колунецкому. Если нерадивость администрации имения или самого помещика можно было использовать для захвата земли, то странно бы было, если бы Комитет не сделал этого. У Сверчкова, однако, осталось еще по 160 десятин ярового и озимого поля и заготовлено было сено для 44 лошадей, 30 коров, 40 овец и 4 свиней. Сверх этого из паровой земли у него осталась 21 десятина.

В других местах, где довольно долго руководили Комитетами подобные представители крестьянства, наблюдались и «самоуправные» действия крестьян по отношению к помещичьей земле, ее владельцам и арендаторам. Так было в Свияжском уезде.

М.И. и М.Ф. Мамонтовы имели 53 десятины пахотной земли в Свияжском уезде: в селе Ст. Кирмели Косяковской вол. 21 десятина и в дер. Утяшки Азелевской вол. 32 десятины. 31 июля в прошении в Губ. Земельную Управу

¹⁸⁶ Г.З.У. Д. № 26. Л. 78, 81, 82.

¹⁸⁷ «Земля вспахана один раз и неудовлетворительно, большая часть оставлена челизнами, т.е. не пропахана и до сего времени не взборонована, а в прошлые годы к этому времени вспашка заканчивалась второй раз. Кроме того, навоз, который был навозен в поле в большие кучи для удобрения земли, остался не развезенным, а также и во всех сараях, в которые загонялся скот, навоз тоже остался не вывезенным: в общей сложности около 6000 возов остался неиспользованным для удобрения означенной земли. Кроме того, площадь земли в разных местах около 6 дес., которая находится под навозом и старой соломой и которая раньше находилась под гумном, которое в настоящее время не нужно, т.к. молотья производится в поле, земля осталась не вспаханной» (Г.З.У. Д. № 9. Л. 46–50).

владелицы пишут, что бугаевские «татары из Азелеевской волости самоуправно отбирают 7 десятин и даже вспарили пар», захват земли будет для них полным разорением. Их прошение пошло на расследование в волость, и 10 августа Азелеевской вол. Земельный Комитет ответил, что земля Мамонтовых вся не запахана до сих пор, исключая той, которую взяли бугаевские татары (5,5 дес.). Этот ответ оправдывает действия Волостного Комитета, осуждая тактику Управы и частновладельцев, и дополняет, что Мамонтовых имеется ввиду даже оштрафовать за незасев полей, им предоставленных¹⁸⁸. Остальная же земля находилась в арендном пользовании, почему о ней и нет никаких сведений.

Другие Мамонтовы: Петр, Семен и Илья, были тоже мелкопоместными владельцами, сдававшими землю в исполную аренду, но при обсуждении заявления их арендаторов от 30 августа о замене исполной аренды денежной в Азелеевском Вол. Комитете, землевладельцы заявили, что часть земли они обработали уже сами (пар) и засеяли его, оставляют себе паровой клин и луга, что вместе составит 23 десятины (из них 10 дес. лугов), а остальные 25 дес. отдают в аренду за 10 руб. с паровой и за 7 руб. 60 коп. с яровой десятины. Это и утвердил Комитет 30 августа, не нарушив прав мелких землевладельцев¹⁸⁹.

Этим же, по-видимому, поясняются и стихийные захваты земель и имений, сопровождавшиеся даже сожжением помещичьей усадьбы, как случилось в Цивильском уезде в первой половине июля месяца.

В заседании Цивильской Земельной Управы от 20 июля представитель Ст.-Арабосинского Вол. Земельного Комитета доложил, что «в Батеевском обществе есть помещичья земля, которую общинники решили сами обработать несмотря на то, что Волостной Комитет разъяснил, что до Учредительного собрания захватов делать нельзя». Эта протокольная, коротенькая запись не могла бы приоткрыть классовых противоречий в деревне, если бы мы не имели аналогичный, но более подробно выясняющий соотношение сторон в общей массе крестьянства, который мы изложили выше. Та же картина и в Кошелеевской волости: «представитель Кошелеевского Комитета Немов заявил, что у них были захваты помещичьих земель; с помещиками были эксцессы, напр., в д. Крестниковой сожжена барская усадьба»¹⁹⁰.

Но совсем иная тактика наблюдается, правда, несколько позже, в начале августа, в богатом частновладельческими землями Лаишевском уезде.

8 августа Ключищинский Вол. Земельный Комитет обсуждал вопрос «о возвращении паровой земли в распоряжение землевладельцев Бобровникова, Авксентьева и Шишова». Земля эта перешла в ведение Вол. Комитета по постановлению от 12 июня, когда она лежала еще необработанной. Затруднительно предполагать, чтобы правительство согласилось передать ее тогда в

¹⁸⁸ Г.З.У. Д. № 30. Л. 126 и 128.

¹⁸⁹ Там же. Л. 142.

¹⁹⁰ Г.З.У. Д. № 14. Л. 61.

Комитет только для обработки ко времени посева: скорее правительство задалось целью передачей земель в Комитеты приостановить начавшийся разгром помещичьих имений и черный передел.

Но к августу картина изменилась, так что, видимо, под защитой диктатуры, возглавляемой Керенским, правительство решило испытать крестьянское «подданство» предписанием возврата паровых земель помещикам. В августе они то и были нужны для озимого посева. Но чтобы не слишком противоречить себе, в циркуляре паровая земля квалифицировалась как самовольно захваченная. Что же ответило крестьянство?

«При обсуждении Комитет имеет в виду, что земля у помещиков не захвачена самочинно, а взята для хозяйственного использования, чтобы облегчить крестьянскую нужду, до Учредительного Собрания, и земля взята не самовольно, а через Земельный Комитет, организованно и справедливо. Постановлено: постановление от 12 июня с/г. оставить в силе и землю обратно не возвращать, чтобы не вызвать анархии и убийства. Кроме того, помещики имеют мельницы, от которых получают большой доход и вполне могут быть обеспечены»¹⁹¹. Крестьяне заявили этим постановлением, что они готовы жизнью защищать взятые у помещиков и уже обработанные земли. Дело оставалось за правительством, и оно не замедлило вооруженной рукой водворять «нарушенный порядок». Сначала единичные выступления офицеров, затем сборы хлеба, фуража и скота «на нужды армии», а потом и карательные отряды стали посещать деревню. В августе и сентябре взаимоотношения крестьян и помещиков стали чрезвычайно обостряться.

Овладев лугами и паровой землей, крестьяне не всегда по обоюдному согласию устанавливали пользование помещичьими землями. Трения наблюдались между различными обществами одной и той же волости, а не только между соседними деревнями различных волостей. Правда, дальше разговоров и трений дело не шло, столкновений не наблюдалось, по крайней мере летом: но, несомненно, что создавшееся недовольство на почве эксплуатации помещичьей земли, когда одна деревня пользовалась большими выгодами сравнительно с другой, а представлялось возможным, особенно с точки зрения обездоленного общества, уравновесить эти выгоды от эксплуатации, вызывало впоследствии целый ряд условий, содействовавших развитию погромного движения.

Вследствие этого представляется чрезвычайно интересным проследить накопление этих условий и проанализировать их в процессе их созидания. Материалом для этого служит один из случаев спора за помещичью землю в Спасском уезде, в Трехозерской волости, имевший место в начале июля месяца 1917 года.

На собрании Арчиловского сельского Земельного Комитета 9 июля выяснилось, что д. 1-я Арчиловка находится в очень стесненном положении между селами Трех Озер, Полянкой и Балымер, в распоряжении которых находились все помещичьи земли, а к Арчиловке – ничего. Овладев лесами и

¹⁹¹ Г.З.У. Д. № 5. Л. 456.

землями помещика Баратаева, крестьяне сдавали в аренду лес, заводы, сады и мельницы купцам, а не архилловцам. Мало того, последних не допускают в лес набрать сухих дров, тогда как сами навозили полные дворы. Арчилловцы уже до июля месяца обращались в Продовольственный Комитет за помощью, но это обращение не имело никаких результатов. Им совершенно ясно было, что справедливость нарушается оттого, что господами положения стали балымерские или трехозерские крестьяне, а не государство, которое может эту справедливость реализовать. «И если, говорят архилловцы в своем обращении в Совет Сол. Раб. и Крест. Депутатов, – «не будет обращено на это внимание, то приведет крестьянство к разрухе и столкновениям».

В настоящее время «по поводу этого на волостных сходах и собраниях только один шум и споры, кто больше завладел помещичьими засевами, (а кто меньше); берут, кто половину в свою пользу, кто три части, из них – две в Комитет, а кто, как трехозерские крестьяне, в Комитет только 10 пудов с десятины (дают), остальное себе, и все считают себя вправе, чего не могло бы и быть; нужно все делать по одному закону, установленному Временным Правительством. А то, на самом деле, одни будут счастливы, а другие – ни причем, даже самые бедняки и солдатские семейства».

Нельзя отрицать в этих заявлениях некоторой доли истины, как о необходимости огосударствления земли, законодательного регулирования земельных отношений в деревне, об опасениях относительно возможного обострения в будущем взаимоотношений между различными обществами на почве эксплуатации взятых у помещика богатств. Но, с другой стороны, наблюдаются совершенно иные мысли у «счастливых», по выражению архилловцев. Балымерские или Трехозерские крестьяне, удержав в своих руках луга, пашню или различные помещичьи угодья в первое время, считали их уже «своими» и начинали распоряжаться ими как своей общественной собственностью, забывая о том, что государственная земля распределяется несколько иначе, чем это наблюдалось в их собственной практике. Но надо быть совершенно уверенным в том, что и «счастливые» были убеждены в том, что луга, земли и угодья помещиков стали уже государственными, поскольку они перешли в распоряжение от частного владельца к сельскому или волостному обществу в лице его Комитетов. В их сознании переход земли к государству выражал ничто иное, как прекращение личной (частной) земельной собственности. А если сельский или волостной Комитет проявлял суверенные права над землей, это признавалось законным правом для «счастливых» и беззаконием для «несчастливых». На основании этого довольно ясно проявляется мелкобуржуазная идеология крестьянства и с этим мы должны считаться, когда говорим о тенденциях крестьян к огосударствлению земли. Социалистического содержания в этом определении нет, а приписывать его, значит – не понимать крестьянство.

Следовательно, обездоленные общества старались из анализа современных им взаимоотношений вывести целый ряд необходимых и срочных мероприятий. Но и это не все. Для оправдания необходимости и срочности они делали намек

и на то, что лишь временно находятся в состоянии покоя, пока только заявляют о несправедливости, ожидая, что правительственные и общественные учреждения сами позаботятся об удалении несправедливости, жертвой которой они являются. Если же этого не произойдет, то, уверенные в справедливости своих надежд на справедливое распределение завоеванных революцией материальных благ, они сами приложат руки для достижения этого, т.к. имеют такие же «шансы» на владения князя Баратаева, как и балымерцы. Действительно, доказывая «шансы», архиловцы вспоминают всю историю землевладения в своей местности, свою связь с землей Баратаева, хотя бы в далеком прошлом, и право на наделение ею теперь¹⁹².

В конце своего заявления в Совет Раб., Солд. и Крест. Депутатов они просят принять это во внимание, т.к. если они не получат часть помещичьей земли то им придется выселяться.

Совет Депутатов запросил у волости подробные сведения, которые пришли к нему лишь в конце августа. Трехозерский Волостной Комитет дал такую справку: «Все владения князя Баратаева приобретены покупкой купцом Кузьмичевым, в пользовании которого ныне и находятся, пахотная же земля, которое 1-е Арчиловское общество пользовалось до выхода из крепостной зависимости, ныне приобретена покупкой при содействии Крест. Позем. Банка крестьянами»¹⁹³.

Таким образом, подтвердилось почти все. Из Совета бумага была отправлена в Губ. Земельную Управу. Чем разрешился этот конфликт между сельскими обществами, по архивным материалам неизвестно; наиболее правдоподобное предположение говорит за то, что до передела 1918 года земля оставалась у «захватчиков».

Но в практике Земельных Комитетов был еще один способ захвата земли – путем снятия урожая. Мы приведем пока один случай такового, имевший

¹⁹² Первая Арчиловка существует более 200 лет: возникла раньше д. Полянки и 2-й Арчиловой, «только был один лес, как передавали нам деды и прадеды». Генеральный план и удостоверение от «тутышной палаты» вполне подтверждают их стародавнее право на сенные покосы и лес, всего на 574 дес. «И нас же не допускают крестьяне дер. Балымер и дер. 2-ой Арчиловки! По этому-то нам жалко и обидно». При крепостном праве владели этой землей, а теперь нет! Кроме того, у них есть право еще на 487 дес. пашни, только документы не сохранились от отцов и дедов, т.к. князь Баратаев отнял эти «крепости» силой, «когда была власть дворян». Многие сильно пострадали в то время, когда скрывали от помещика этот документ. Арчиловка была на оброке при крепостном праве и владела «землей, лесом и лугами». Имя переходило из рук одного помещика к другому, а угодыя были у крестьян. В 1862 г. их деревню купили Лихачевы и отмежевались от Баратаева, но потеряли часть своих земель, около 230 десятин, о которых они хлопотали в 1902 году, но безуспешно. Зато получили межевой план 1794 года, где было указано их расселение по земле Баратаева, которой они теперь лишились из-за продажи деревни Лихачевым (Г.З.У. Д. № 31. Л. 63–64).

¹⁹³ Г.З.У. Д. № 31. Л. 64.

место в Чистопольском уезде в имениях Сазоновой и Челнокова. Пахотная земля помещицы Сазоновой была с 1913 года в бесплатном пользовании крестьян с. Елаур Старо-Максимкинской вол. Чистопольского уезда, «из расчистки», т.е. за расчистку леса или кустарника под пашню. Крестьяне должны были пользоваться 4 года, но т.к. в 1916 г. это пользование не осуществилось по настоянию экономии, то крестьяне в 1917 г. и решили свое взять; 13 августа состоялось постановление Земельного Комитета о снятии урожая в пользу крестьян с. Елаур и д. Селенгуши, несмотря на то, что крестьяне в 1916 же году подписали условие об искомом пользовании, которое в начале лета 1917 года Сазоновой было уничтожено.

Что же касается земли помещика Челнокова, то она была тоже в издольном пользовании крестьян д. Куклинки за четверть урожая по договору дореволюционных лет. Понятно, что Земельный Комитет должен был утвердить претензии крестьян на урожай. Но Челноков пришел в необыкновенную ярость, т.к. желал получить не четверть, а половину урожая. Таковы были поводы и причины событий в волости. К этому нужно еще прибавить общий напор помещиков на учреждения Временного правительства по вопросу о возвращении земель, с различного рода жалобами и скороспелыми решениями уездных и губернской Земельных Управ о «самочинных захватах».

Как и все прочие, Сазонова и Челноков подали жалобы: пришло на утверждение в уездную управу и постановление Волостного Земельного Комитета от 13 августа.

25 августа Чистопольская Уездная Земельная Управа послала в Ст.-Максимкинскую волость сообщение об отмене постановления Волостного Комитета и предложение отдать помещикам урожай 1917 г., снятый крестьянами с их земель. В конце августа и начале сентября состав довольно сильно изменился сравнительно с июньским и более решительно выступал на защиту своих постановлений, если считал себя «демократической» организацией, а не только правительственной канцелярией. Ст.-Максимкинский Комитет, как таковой, послал решительную отповедь на постановление уездной Управы не только в Чистополь, но и в Казань, в Губ. Земельную Управу. Эта бумага от 9 сентября так четко вскрывает классовый антагонизм и политическое настроение деревни, что пройти мимо нее совершенно невозможно.

«Уездная Земельная Управа приходит в ужас от постановлений Ст.-Максимкинского Вол. Земельного Комитета, которые преследуют пользу овец¹⁹⁴, и то в слабой степени, лишь одну справедливость. [Волостной же Комитет] в свою очередь приходит в ужас от того ужаса, который обуял Уездн. Земельную Управу от жалости к Сазоновой и Челнокову. Ужас же и трагизм настоящего состояния нами переживается, но он не дает нам права из трусости к их [помещиков] неслыханной разнузданности, потакать явному грабежу; напротив, заставляют наперечь все силы и на деле показать населе-

¹⁹⁴ Т.е. крестьян в отношении помещиков – волков.

нию, что демократические организации и теперь среди бурь не теряют присутствия духа и держат направление твердо».

Резкость выражений, осуждение классовой линии Управы, подчеркивание контрреволюционной деятельности помещиков и классовой тактики последних – ясные признаки сильно проявляемого в деревне классового антагонизма. Все это сказано по поводам, данным помещицей Сазоновой. Далее бумага переходит к характеристике своих действий по отношению к помещику Челнокову.

«Кроме захвата урожая у Сазоновой Уездная Земельная Управа приписывает Вол. Земельному Комитету захват урожая у Челнокова. Не имея никаких данных об отдаче Челноковым земли гражданам д. Куклинки исполу – пополам и зная то, что конфликт между гражданами и Челноковым разгорается и грозит вылиться в стихийный захват. Земельным Комитетом¹⁹⁵ были приняты все меры, чтобы привести стороны к соглашению. Челноков первоначально пошел на уступки и выразил их в журнале заявлений от 12 августа, но, приглашенный на собрание 13 августа, не явился. Граждане же заявили, что он ни на что не соглашается, делегатов их не принимает, топает ногами и матерски ругается. Волостной Комитет и вынес постановление, за отсутствием данных [об] исполности, положить четвертую часть урожая Челнокову, как арендную плату, что на деньги составит около 30 рублей».

И снова подчеркивается антагонизм между крестьянами и помещиком; крестьяне готовы были на «стихийный захват, а помещик ругался, не принимал депутатий и отказывался от своих слов. Но это еще не все. Еще интереснее заключительная часть бумаги от Волостного Комитета, к которой мы и обратимся.

«Старо-Максимкинский вол. земельный комитет уверен, что Губернская Земельная Управа, отменив постановление уездной Управы, утвердит постановление волости от 13 августа. Отмену постановления от 13 августа Волостной Комитет признает ошибкой, потому что Уездная земельная Управа не имела правильного представления линии нашего поведения, руководствуясь там лишь материалом Сазоновых и К^о, которым демократический строй связывает руки, направленные для грабежа».

«Чистопольская уездная земельная Управа, по-видимому, имела в виду, что здесь нельзя служить богу и мамоне, что здесь, на месте, нужны не только письменные посулы в будущем, а немедленное претворение их в жизнь с соблюдением справедливости. Это, и только это, т.е. справедливость, исходящую от закона совести, имеет в виду Старо-Максимкинский вол. земельный комитет, когда делает свои постановления или распоряжения. Там уездная земельная Управа слышит телефонограммы недовольных единиц разжиревших, здесь мы слышим сотни голосов, требующих справедливости не по телефону, а прямо нам в уши, мы видим их измученные лица, на которых ярко написана обида и неудовлетворенность, и ощущаем беспокойство, когда

¹⁹⁵ В оригинале ошибочно написано «Управы».

обвиняют демократию в бездействии. Из лагеря же тех, кои подают телефонограммы и ездят лично в города, мы слышим грубое, злобно-радостное: «Корнилов на Петроград, против временного Правительства». Нам здесь тоже до боли жутко становится, когда уездная земельная Управа решается отменить постановление волостного Комитета, ясно показывая свои симпатии помещикам и прочим в ущерб справедливости. Вот такие-то действия высшей инстанции, когда они входят в сознание массы, порождают недоумения и растерянность.

«Нет, товарищи из уездной земельной Управы, именующие себя социалистами-революционерами, не можно делать так, чтобы были «сыты волки и целы овцы», как выразились некоторые из вас!... за председателя Горшков, за секретаря Аксенов»¹⁹⁶.

Кажется, что нет нужды в особом комментарии к этому тексту этого исторического памятника. В официальной бумаге фигурируют уже «волки и овцы», жуть от симпатий земельной Управы к помещикам и прямой политический укор социалистам-революционерам; беспокойство деревни, которое указывается в бумаге, если и вызывает растерянность, то не среди крестьянства в его массе, а скорее среди деятелей волостных Комитетов, которые не в одинаковой степени были проникнуты решимостью одним ударом покончить с пережитками феодального режима.

VI.

Остановимся вкратце на случаях захвата и порубки лесов и различных угодий (садов, мельниц и проч.). Не столь богатые по количеству, эти факты, а в особенности некоторые из них, заслуживают большого внимания, т.к. вскрывают те стороны классовых взаимоотношений, которые знать имеет большое значение для понимания общественных взаимоотношений и нарастания классовой борьбы в деревне между главнейшими классовыми группировками. В особенности характерен и богат сведениями длительный эпизод с порубкой более сотни делянок леса, принадлежащего чистопольскому крупному помещику князю Оболенскому.

11 июня Егоркинский волостной Комитет, именуемый в оригинале Съездом Крестьянских Депутатов, под председательством Ананьева, единогласно постановил: «оставшейся от надобностей экономии лес, в числе 132 делянок, распределить населению волости для топлива. Ввиду крайне высоких цен, предложенных владельцем экономии, постановили деньги за лес вносить в волостной Комитет со скидкой 50%. Деньги волостной Комитет должен вложить в уездное Казначейство или Сберегательную кассу до разрешения вопроса. Плату за лес произвести: 25% при начале рубки леса, а остальные – при получении провозного билета на вывозку леса. В случае недостачи леса – нарезать из делянок наряда 1917 г.»¹⁹⁷.

¹⁹⁶ Г.З.У. Д. № 36. Л. 131–133.

¹⁹⁷ Г.З.У. Д. № 36. Л. 42.

Далее идет перечень сельских обществ и количество делянок, отведенных каждому из них.

Ерянкино – 5 делянок
Караульная Гора – 10 –"–
М. Камышла – 3 –"–
Ср. Камышла – 5 –"–
Салдакаева – 3 –"–
Тюрнясево – 11 –"–
Вишневая Поляна – 10 –"–
Чувашская Меньча – 5 –"–
Бол. Аксумла – 10 –"–
Якушкина – 15 –"–
Абрыскино – 15 –"–
Кривое Озеро – 15 –"–
Степное Озеро – 30 –"–

Кроме того, постановлено: «в виду крайней нужды населения волости в обуви», произвести рубку лык по 100 шт. на каждый дом по 1 рублю за сотню. Селениям, имеющим свой лес, рубка лык не разрешалась. Лиц, имеющих рубить лыки для продажи, решено штрафовать на 25 рублей. Для наблюдения за рубкой лык на 15–17 июня постановили командировать членов Комитета Матвеева и Сальцина и одного милиционера.

Крестьяне немедленно приступили к работе, т.к. разрешение Лесохранительного Комитета было выдано давно на рубку 172 делянок, о чем крестьяне прекрасно знали. «Заработал» и управляющий имением Неунылов. Он во все инстанции разослал бумаги, в которых изобразил самовольную порубку леса и крупные беспорядки в волости. Все учреждения пришли на помощь Оболенскому: телефонограммой были затребованы объяснения уездным Комиссаром, которому 29 июня и послан был ответ от волостного Комитета. Последний указывал, что «никакой самовольной порубки леса и беспорядков в волости не было», а продолжали рубить то, что начал сам помещик.

«Ввиду вырубки годного леса на распилку теса самой экономией в делянках остался только исключительно дровяной лес. Вол. Комитет вынужден был приступить к организованной рубке дров, дабы предупредить самовольную рубку леса отдельными лицами». Видя, что рубит лес сам помещик, что соседние помещики, волею или неволею, удовлетворяли крестьян лесом вовремя, а экономия Оболенского совершенно не хотела считаться с нуждой крестьян, последние были весьма недалеко от беспорядков. Мероприятия Комитета сделали свое дело и население успокоилось. Управляющий Неунылов пытался оттянуть рубку леса, но эта попытка была Комитетом устранена, т.к. она имела в виду оставить крестьян без дров, т.к. приближался сенокос и

жнитво. Это тоже грозило беспорядками, но настойчивостью Комитета было устранено. А на рубку лык дал согласие и помощник управляющего именем.

Такого рода объяснение было дано уездному комиссару. Но все это касалось существа запроса. Комитет, исполнив это, решил присоединить сюда кое-что и от себя. И это «кое-что» чрезвычайно для нас существенное.

«Как видно из телефонограммы, сущность ее есть чистейшая провокация управляющего Неунылова, ввиду чего Комитет просит виновных привлечь к ответственности. Кроме того, управляющий Неунылов и кассир Александров, как коренные приверженцы старого режима, все время стараются какими бы то ни было путями внести в население волости смуту и раздор, а потому, как очень вредные элементы, должны быть удалены из волости, о чем Комитет просит уездного Комиссара ходатайствовать»¹⁹⁸. Из всего изложенного довольно определенно обозначается крупное недовольство крестьян не только помещиками, но и их администрацией, которая принимала все меры к тому, чтобы обострить отношения с крестьянами возможно сильнее, а пользуясь беспорядками, при посредстве вооруженной силы, которая стянется в деревню на время беспорядков, укрепить свое сильно пошатнувшееся положение. Крестьянам же такие выступления, как Неунылова, открывали глаза все больше на никчемность всяческих переговоров с помещиками и необходимость уничтожить их до конца вместе с их приспешниками. Заключительные фразы ответа комиссару ничто иное, как первая ласточка, свидетельствующая в июне месяце если не приближение весны, то возможность полного разгрома помещичьих гнезд и изгнания их владельцев со всею прислугою.

Но не слишком-ли много сказано на основании пасквиля управляющего и ответа на него Комитета? Ведь тут нет еще характеристики отношения к самому помещику, ротмистру конной гвардии князю С.А. Оболенскому. Если Комитет не говорил о нем 29 июня, то довольно подробно высказался через месяц, 28 июля, по поводу его личного «прошения», адресованного товарищу министра земледелия. Видимо, на основании сведений своего управляющего, присланных в г. Лугу, откуда послано было прошение, Оболенский писал, что в его имении крестьяне 1) снимают рабочих и военнопленных, удаляют служащих, сами снимают урожай, «щичность этого грабежа даже не прикрывают никакими постановлениями и лозунгами»; 2) рубят лес и лыки, «уничтожая громадные запасы молодняка»; 3) снизили цену хлеба при поставках на армию – «платить владельцам более 50 десятин только $\frac{1}{3}$ твердой цены», 4) «сейчас же Вол. Комитет делает определенные шаги, чтобы взять все имение в свое полное распоряжение. Уже намечает кандидатов на разные должности. Прибавив к этому изложенное в первом моем прошении о разделе всей паровой земли, о назначении $\frac{1}{4}$ платы за аренду земли и $\frac{1}{12}$ за луга, о полном уничтожении всех покосов, о реквизиции полностью всего рабочего, рогатого скота и пр. еще добавлю, что все это хищничество не пошло в пользу и грозит серьезный недород и голод. Забранную землю еле обработали,

¹⁹⁸ Г.З.У. Д. № 36. Л. 43.

фураж уничтожили»¹⁹⁹. Так писал помещик Оболенский в двух своих «прошениях» товарищу министра.

Если бы в наших руках не было опровержений, можно было бы на основании помещичьих описаний заявить, что аграрная революция достигла высшей степени размаха в борьбе с помещиками. Но рядом с этим живописным документом дворянской лжи пришит к делу не менее живописный ответ на эту ложь.

Ответ был написан в августе месяце и отослан в Чистопольскую Уездную земельную Управу; гласил он следующее.

«Землевладелец Оболенский своими прошениями министрам старается обвинить революционные организации волости в незаконных действиях по отношению его имени.

«Пункт 1. Рабочих в экономии не снимали, а были сняты военнопленные 2 месяца тому назад по постановлению уездного Комитета в количестве 10 человек, которые и распределены по волости. Пленные сняты по той причине, что в экономии Оболенского была произведена реквизиция скота на нужды армии; пленных, согласно нормы, оказался излишек, и волостным Комитетом еще до организации земельного Комитета было постановлено лишних пленных снять. Ни один из служащих до настоящего времени из экономии не удален; уборка ржаного хлеба производилась средствами экономии под присмотром особого доверенного лица, поставленного волостным [общест. безопасности] и земельным комитетами для предосторожности, ввиду упорно носившихся слухов о порче урожая со стороны контрреволюционных помещиков. Молотьба ржаного хлеба производится также средствами экономии и под присмотром того же доверенного от Комитетов и протекает вполне правильно и нормально.

«Пункт 2. Лес вырублен согласно нормы, установленной лесохозяйственным Комитетом и по постановлению волостного комитета, о чем известно уездному комиссару.

«Организованная выборка лык за плату, по мнению земельного Комитета, предохранила только от хищнического истребления большого количества молодняка, удовлетворив острую нужду в лыках населения волости, тем самым предохранив лесное хозяйство от дальнейшего истребления.

«Пункт 3. Платить третью часть твердой цены владельцам хлеба волостной Комитет никогда не постановлял, такого рода обвинение революционных организаций со стороны князя является плодом фантазии сиятельного мозга.

«Пункт 4. Никаких определенных шагов к захвату имени Земельный Комитет не предпринимает, зная декларации Временного Правительства и министров Внутренних и Продовольственных дел. Раздел паровой и луговой земли произошел согласно нормы, установленной уездным Комитетом, точно также и плата за землю и луга. Что касается плохой обработки полей и уничтожения фуража – также является вымыслом землевладельца и горьким сожалением о

¹⁹⁹ Г.З.У. Д. № 36. Л. 48.

днях минувших и невозвратных. Если же постановления уездного и волостного Комитетов о земле, лугах и лесе считать незаконными, то значит не признавать революционных организаций, а с ними и самой революции. Председатель Якимов. Член С.Гильмутдинов»²⁰⁰.

Короче говоря, словами ответа волостного Комитета по этому же поводу к уездному Комиссару, «все это – только провокация со стороны экономии, дабы внести смуту в народе и дать почву анархии»²⁰¹. В имении все шло довольно спокойно, но опять-таки есть полное основание подчеркнуть, что создаваемые владельцем и его прикащиками отношения с крестьянами и Комитетом много говорили за то, что объективные и многочисленные условия к разгрому имении создавались довольно рано и по инициативе самих землевладельцев.

Действиями волостного Комитета иногда приостанавливалось хищническое истребление леса его владельцами.

29 августа Кошачковский вол. земельный Комитет рассматривал вопрос о незаконной порубке леса помещицей Л.П. Якоби в своей лесной даче. «Землевладелица Л.П. Якобий, несмотря на неоднократные заявления Комитета, как словесные так и официальные, беспощадно продает лес и тем лицам, которые не имеют крайней нужды в этом». Так решительно и сурово записано потому, что Казанский Лесохранительный Комитет только 24 августа разрешил на 1917 год единовременную вырубку лишь $\frac{1}{2}$ десятины. «Но, несмотря на это, [помещицей] продано Кошачковскому сельскому обществу единовременно на выруб на площади в 1 десятину за 200 рублей: кроме того, производятся отдельные вырубki не по площади, а по всему лесу: продажей уже уничтожено до 2000 корней наилучшего леса (дубья, липы и пр.)». Такое хищническое истребление и продажа леса дали мысль Комитету довести об этом до сведения уездного земельного Комитета и вынести постановление о привлечении помещицы «за хищническую порубку к законной ответственности»²⁰². Конечно, в этом случае не столь большое значение имело стремление наказать помещицу, как устранить ее от распоряжения лесом и передать последний в руки волостного земельного Комитета. Во всяком случае, это имело решающее значение во всех действиях Комитета и крестьян против помещицы.

Приведем пример ликвидации старинных полукрепостнических отношений, тяжелым гнетом лежавших на крестьянских хозяйствах и обществах нашего края.

Моркинский вол. земельный Комитет Краснококшайского у. 10 сентября разбирает заявление помещицы Казем-Бек о том, что крестьяне с. Петровского производят порубку леса, ей принадлежащего, и доклад командированных членов Комитета на место происшествий. На заседании было доложено, что крестьяне пользуются лишь частью валежного леса для отопления, порубка

²⁰⁰ Г.З.У. Д. № 36. Л. 86.

²⁰¹ Г.З.У. Д. № 36. Л. 41. Бумага от 28 июля за № 1614.

²⁰² Г.З.У. Д. № 17. Л. 213.

же и продажа леса производится самой помещицей. По сведениям делегатов, крестьяне поступают со своей точки зрения совершенно правильно:

«Общество крестьян с. Петровского в свое время не получило устройства земельного быта, но, как видим из уставной грамоты²⁰³, имеет право на наделение землей из этого имения до 400 десятин, каковое обстоятельство в 1911 году было подтверждено министерством и предложено Казан. губерн. Присутствию приступить к составлению выкупного акта, но по разным бюрократическим закорючкам осуществлено не было: на основании вышеизложенных данных Петровское общество считает себя совладельцем указанного имения и, пользуясь частью сенокоса, выгоном и валежем, осуществляет лишь свое право». Перед таким фактом изжития «бюрократических закорючек», задерживавших крестьянские угодья в руках помещиков в течение почти 60 лет, волостной Комитет даже остановился и передал вопрос на разрешение Уездной Земельной Управы, этим самым подчеркивая свою солидарность с крестьянством, но и не желая превышать свои полномочия разрешением этого вопроса.

Захваты такого рода угодий, как фруктовые сады и мельницы до июля месяца встречались довольно редко. Во всей массе архивного материала встретились лишь одна июньская жалоба помещицы В. Викторовой на крестьян с. Кнутихи Чебоксарского уезда и волости, что они «намереваются поделить между собой» находящийся в ее пользовании сад. Это намерение, очевидно, исходило от самих крестьян, так как состав волостного комитета не решился санкционировать этого намерения, особенно после получения циркулярной бумаги из Чебоксар о том, что сад должен остаться у помещицы до Учредит. Собрании. 24 июня инцидент был ликвидирован в пользу помещицы. В той же волости в июле месяце Кошкинский сельский комитет заявлял свои претензии на пользование двумя мельницами в деревне Б. Карачуры, принадлежащими помещику Кожевникову, которые последний сдавал в аренду в течение целого ряда лет²⁰⁴. Архивные материалы молчат о реализации этих претензий, по видимому, осуществить их тоже не удалось, но имеющиеся сведения вскрывают основную причину захватнических стремлений крестьян – аренду, и аренду кулацкого или ростовщического типа, так как эти угодья попадали если и крестьянам, то относившимся к группе деревенских кулаков-мироедов.

Более решительные действия наблюдаются в июле месяце в Посадско-Сотниковской волости Чебоксарского уезда.

3 июля решена была участь плодового сада в имении Добронравовой, в д. Ураковке. Волостной Комитет постановил: «Ураковский плодовый сад сдать в арендное содержание на 1917 год гражданам дер. Ураковой С.Ф. Ковалеву и А.П. Павлову, предложившим наивысшую цену 160 руб., причем они обязаны выдать Добронравовой 5 пудов яблок, которые она имеет получить в Мариинском Посаде. Кроме сего охрана сада лежит на обязанности Ковалева и Павлова, причем отдельной платы со стороны комитета за окарауливание сада не по-

²⁰³ 1862 года.

²⁰⁴ Г.З.У. Д. № 7. Л. 228–229.

лагается; охрана остального имущества Добронравовой возлагается тоже на Ковалева и Павлова безвозмездно; опись имущества Ковалев и Павлов должны получить от сельского комиссара. Луга, находящиеся в саду, отдаются исполненным порядком ураковским гражданам, одна половина остается в пользовании граждан д. Ураковой, а остальная половина отдается под надзор Ковалева и Павлова, а корм этот идет для пропитания лошади и шести голов рогатого скота. В задаток за сад получено 20 рублей, а остальные 140 руб. – при начале съема яблок. Со стороны Вол. Комитета не встречается препятствия, если гражд. Добронравова поставит в имении и своих караульщиков»²⁰⁵.

Распределив пашню Добронравовой и садовые луга между безземельными и малоземельными крестьянами в конце июня месяца, как видим, в начале июля взят был и сад, но попал он далеко не тем, к кому пошла земля. На торгах взяли перевес наиболее состоятельные мужички, на которых была возложена и ответственность за целостность имущества помещицы. Волостной Комитет сумел в это время удовлетворить и зажиточные слои деревни, хотя и не обеспечил их неприкосновенность в будущем.

Эта неустойчивость проявилась в той же Посадско-Сотниковской волости в конце июля месяца. У нас нет сведений о гражданах дер. Ураковки, но есть о других. 23 июля волостной Комитет заносит в свой протокол: «До сведения волостного Комитета дошло, что граждане деревень Нерядовой, Демешкиной, Водолеевой, Пущиной чинят самосуд в экономиях над арендаторами плодовых садов, ломают изгороди, расхищают плоды и т.п. Находя такой порядок в будущем не желательным, волостной Комитет для предупреждения «самочинных действий» вменил сельским Комиссарам в обязанность сообщать о лицах, «кои будут производить подобные безобразия»²⁰⁶». Чрезвычайно осторожная формулировка постановления в его распорядительной части выдает и Комитет и арендаторов с головой. Покончив первый напор на помещиков, деревня в июле же месяца выступает и против арендаторов садов, видимо, далеко не представлявших собой среднюю массу крестьянства, а наиболее зажиточную и даже кулацкую его часть. Комитет же, не выявляя не только симпатий, но и равнодушия к движению против арендаторов, хотя и стремится поставить себя на внеклассовую позицию, но неудачно. Постановление вполне отчетливо указывает на сочувствие Комитета именно тем, против кого выступила деревня.

По данным Главного Управления Милиции за июнь, июль и август в Казанском крае показано 66 захватов имений. А архив Земельной Управы не дает почти ни одного случая их. Получается крупное противоречие в тех и других источниках и возникает вопрос: что нужно разуметь под захватом имения, читая материалы, опубликованные в книге «Крестьянское движение в 1917 году»? Когда читаешь такие сообщения, которые говорят, что «имение Обуховой самовольно захвачено местным волостным комитетом», то это еще не захват полностью всего имения, так как спустя некоторое время приходило другое сооб-

²⁰⁵ Г.З.У. Д. № 9. Л. 38.

²⁰⁶ Г.З.У. Д. № 9. Л. 9.

щение о захвате Комитетом мельницы у той же Обуховой. Довольно определенно такое сообщение: «имение, принадлежащее Геркен, по сообщению управляющего, захвачено волостным комитетом»²⁰⁷. Но в том то и беда, что таких сообщений по нашим подсчетам за июнь и август имеется всего четыре (!), а Управление Милиции в своих статистических сводках указывает их за тот же период 43. В чем же дело? С одной стороны, в формальном подходе счетчиков Управления Милиции; раз упоминается в сообщении захват имения, то он и шел в счет без всякой проверки сведений, которые были зачастую совершенно неправильными, особенно если они исходили от самих помещиков и их управляющих. С другой стороны, к захвату имения причислялся и частичный захват такового, как это видно из примера с имением Обуховой. Наконец к захвату же имения относилось и то, что квалифицируется на официальном языке «взятием на учет». Последнее и давало действительно крупную численность «захватов». Описи имений представлены в значительном количестве и в материалах губернской земельной Управы: эти описи, а местами происходившее вслед за ними удаление помещичьей администрации, и знаменовали собою захват имения в глазах помещика и его служащих. Но те же описи убеждают нас, что учет, произведенный летом земельными Комитетами, далеко не равновелик захвату имения в руки комитетов.

	Имение С.А. Оболенского с. Тюряево Чистопольского уезда		Имение А.Г. Макарова д. Аверьянова Чистопольского уезда		Имение Е.М. Колсановой с. Лаптевка Тетюшского уезда		Имение Теренина с. Яшевка Тетюшского уезда	
	Было	Осталось	Было	Осталось	Было	Осталось	Было	Осталось
Пашни дес.	2886 ₇	2005	240 ₁₇₇₀	195 ₁₇₁₇	680	200	1459	1034
Неудобной.	253 ₈₃	–	41 ₁₁₁₇	42 ₁₁₁₇	–	–	31	–
Луговой	978 ₂₁	857	29 ₂₄₀₀	7	85	83	40	–
Леса	4851	4851	30	30	220	220	564	–
Усадьбы	69 ₁₉	69 ₇₉	5	5	15	15	20	–
Лошадей голов	124	–	65	23	55	45	71	67
Коров	119	–	98	15	70	11	123	21
Свиней	93	–	24	20	–	2	–	–
Овец	–	–	–	–	60	30	36	36
Инвентаря на сумму (в руб.)	20070	–	2040	–	–	–	–	–

²⁰⁷ Крестьянское движение в 1917 году. С. 157, 159, 160.

Описи имений Оболенского, Макарова, Молоствовых, Колсановой, Фигнер, Головни, Теренина, Плотникова и др., из которых мы приводим в таблице цифровые данные по четырем имениям, показывают состояние имения до революции и в момент описи и лишь в некоторых из них встречаются такие пометки, как в описи имения Теренина: «5 голов крупного рогатого скота и 59 лошадей можно раздать». Количественные изменения падают на пашню, луга и крупный скот, но нельзя убыль относить исключительно к захвату. Скот распродавался помещиками под всяким благовидным предлогом, а земля частью была в аренде от помещика, как это видно из описи хозяйства Теренина (в аренде находилось 425 дес.). Плотникова, Молоствовых и друг.²⁰⁸, а частью была захвачена крестьянами еще ранней весной. Подобные описи имений и взятие последних на учет земельными Комитетами в летние месяцы произведены были в сотнях имений; помещичье хозяйство после этого оставалось иногда даже у самого помещика, так что на захват в этом нет ничего похожего; комитеты лишь взяли на себя контроль, который осуществлялся к тому же очень слабо. Не игнорируя редкие случаи захвата имений мы должны констатировать, что самой распространенной и «организованной» формой вмешательства в «священные» права землевладельцев по отношению к имению в целом его виде было взятие на учет.

VII.

Отдельные случаи из истории крестьянского движения, рассмотренные нами, представляют благодарный материал для анализа классовых взаимоотношений в деревне, причин и поводов движения крестьян против помещиков, освещают прекрасно тактику и революционную сущность различных групп, учреждений и организаций. Но по ним трудно судить об общем размахе движения и невозможно создать представления об общей силе и динамике его. Чтобы достичь этого, надо обратиться к обобщающим материалам – к докладам с мест и к официальным обзорам. Для рассматриваемого периода мы имеем таковые. 28 июня официальная телеграмма дает картину движения в уездах крупного распространения помещичьего землевладения. «В Спасском уезде аграрное движение продолжается. Съезд делегатов селений и волостей постановил поддерживать всеми силами крестьянский совет. Плата за арендуемые у помещиков земли устанавливается волостными комитетами, уборка хлеба поручается им же. В целом ряде имений происходят аграрные беспорядки, были случаи поджогов некоторых усадеб. Большинство волостных комитетов препятствуют рубке леса. В Тетюшском уезде в целом ряде селений происходят захваты помещичьих лугов, леса и инвентаря. Касаясь уездов Чистопольского, Казанского и Мамадышского телеграмма констатирует захват пастбищ, инвентаря, земельных угодий и мельниц в различных имениях²⁰⁹.

²⁰⁸ Г.З.У. Д. № 87. Л. 1–70.

²⁰⁹ Крестьянское движение в 1917 г. С. 100–101.

Весьма мрачную картину рисует в своей записке управляющий чисто-польским отделением Гос. Банка А.Савичев от 2 июля: «Гибельные последствия от попустительства власти здесь уже налицо. Вся земля, луга и леса от собственников перешли в ведение крестьян», племенной скот разобран, «частью зарезан на мясо на месте, а частью продан и уведен», конские заводы уничтожены, «рысистых и скаковых лошадей стали закладывать в расхищенные плуги, бороны, сеялки, жатки, которые за неимением опытных людей, почти все уже приведены ими в негодность». Сады подверглись «дикому истреблению», леса «беспощадно рубили на дрова и на свои прихотливые надобности». Мебель вывозить не разрешали, служащих выдворяли со словами «довольно вам нашим трудом жить и нашу кровь пить, пора и наша настала». Лозунг агитаторов «земли должна быть вашей, не теряйте времени, берите ее и не ждите Учредительного Собрания» сменился другим – за повышение хлебных цен²¹⁰.

Губернский комиссар 9 июля телеграфировал в центр: «В различных уездах происходят захваты крестьянами земель и обнаруживается стремление собирать урожай в свою пользу. Особенно в этом отношении наблюдается больше незакономерности в Спасском уезде». Его же телеграмма от 19 июля, касаясь многочисленных событий в 9 уездах, отмечает сильное противодействие крестьян осуществлению хлебной монополии, особенно в Казанском, Ядринском, Мамадышском и Лаишевском уездах и указывает, что Кузнечихинский вол. комитет, в Спасском уезде, «предъявил землевладельцам требование о выдаче разным лицам хлеба, с указанием, что деньги по таксе будут удержаны при раздаче казенного пособия». Телеграмма Мельникова, председателя союза сельских хозяев, от 20 июля констатирует, что «свияжский уездный земельный Комитет, игнорируя циркуляры министров Церетелли и Пешехонова, своей властью разрешает аграрный вопрос в уезде, деля все земли и объявив леса собственностью уезда»²¹¹.

Несомненно, во всех этих сообщениях есть доля более или менее крупного преувеличения, несоответствующего действительности обобщения единичных событий, и по не большой части суждения о целом. Так что необходимо эти сведения проверить. Для этого нам служат доклады с мест на сессии Губернской Земельной Управы 22 и 23 июля. Представители с мест если и имели в виду до некоторой степени преуменьшить значение событий в деревне, то во всякой случае не настолько, чтобы исказить их, т.к. таковые деяния, прежде всего, отразились бы на них самих, как выразителях и правительственных намерений и отчасти крестьянских интересов. Их доклады значительно спокойнее, чем вышеуказанные сообщения. В Казанском уезде, по докладу Строганова, «помещики уклоняются от описи имений (Емельянов, Ишмуратов и др.); во владении помещиков оставляется столько земельных угодий, сколько может быть обработано силами данной экономии, остальная

²¹⁰ Красный Архив. Т. 14. С. 204–205.

²¹¹ Крестьянское движение в 1917 г. С. 158–160.

берется на комитет; рубка леса разрешалась семьям призванных; арендная плата по договорам до 1 марта идет помещикам». Волков из Лаишева сообщает, что «помещичьи земли почти все запаханы крестьянами»; начало этому положили еще комитеты общественной безопасности. «Помещики оставляли себе по 5 дес., а иногда по 20 и 40. Волостные комитеты, боясь, что помещики не засеют ввиду дороговизны рабочих рук, решили не давать помещикам большого количества десятин земли. Яровые поля засеяны, пар запахан. Земля дается безземельным и малоземельным. Лес назначен к рубке только из делянок 1917 г.; не препятствуют и вывозу дров, если таковыми сами обеспечены». Помещичьи земли отобраны в ведение комитетов и распределены между нуждающимися крестьянами в Мамадышском²¹² и Свияжском уездах. В последнем установлена была для помещиков норма в 25 дес. пашни; отобраны леса и скот; арендная плата установлена не свыше 8 рублей. Племенной скот переводился в экономии Гагарина, Паулуччи и Обухова. «Недоразумения с помещиками мирно улаживаются». Крестьянами вырубается только дровяной лес, а помещики хищнически вырубает свои леса». Имение Ухтомского взяли на комитет, т.к. князь из деревни уехал совсем; взято имение и у Сушко, т.к. она запродавала свое имение 7 раз, последний раз – Международному Банку. То же докладывает представитель Краснококшайского уезда: земли переходят комитетам, трудовая норма установлена в 24 десятины. Луга сдаются по 3 рубля за десятину.

Значительно слабее шла работа в Тетюшском уезде. В распоряжение комитетов земли даже не поступали. «Возникающие споры разрешаются земельными комитетами с предварительным вызовом спорящих сторон; в большинстве случаев приходят к обоюдному соглашению, а при неудаче земельные комитеты оставляют землю прежним землевладельцам и арендаторам». Та же картина и в Ядринском уезде – поразительное сходство. Так же как и в предыдущем, комитеты земли не брали на учет за отсутствием инструкции; «действовали осторожно». Хотя помещичьи земли у кулаков в аренде, но споров было мало: урожай убрали частью исполу, а частью арендаторами.

Даже Спасский представитель Дорофеев сказал очень мало, указав, что все благополучно в уезде, земли все засеяны и уборка происходит под руководством комитета. Конечно, состояние крестьянского движения в Спасской уезде резко отличается от Краснококшайского и Ядринского уездов, об этом говорит каждое слово Дорофеева, но твердость курса, принятая и органами и крестьянством, была вполне обеспечена предшествующим ходом событий,

²¹² Объясняя причину роста «незаконных» действий Абдинского Вол. Земельного Комитета Мамадышского уезда, начальник милиции 2 участка Маразин заявил, что «вершителями дел недавно (т.е. в начале июля месяца) стали комиссар Давыдов и секретарь Бусырев (большевики)». Если это сведение о партийной принадлежности главных лиц комитета соответствует действительности, то мы должны считать, что директивы партии большевиков и ее работники уже с июля начали занимать довольно видное место (Г.З.У. Д. № 22. Л. 186).

почему и поражает на первый взгляд спокойствие, лаконизм и твердость Дорофеева. Совсем по-другому спокоен Емельянов из Козьмодемьянского уезда, который указал, что с помещиками живут мирно, помещики и сами обрабатывают землю и сдают ее в аренду. Здесь больше аналогии с Краснококшайским и Ядринским уездами. В Чебоксарском уезде тоже не отмечалось больших столкновений, хотя земли и перешли в ведение комитетов. Цивильский представитель совсем ничего не сказал²¹³. Но этот лаконизм и даже полное молчание отнюдь не обозначали того, что в этих уездах ничего и не происходило. Если не признавалось нужным распространяться на заседании губернской управы, то говорили о крестьянском движении в уездном комитете или подавались специальные записки о нем. Для Чебоксарского уезда мы имеем протокол от 1-го августа, следовательно, лишь неделю спустя после сессии губернской управы, а для характеристики аграрного движения в Цивильском уезде у нас есть записка председателя уездной земельной управы, адресованная уездному комиссару 5-го августа. Вот эти два документа и укажут нам, о чем молчали представители этих уездов в Казани.

1 августа на общем собрании членов Чебоксарского Уездного Земельного Комитета, из докладов представителей волостей выяснилась следующая картина аграрного движения по Чебоксарскому уезду.

По Чебоксарской волости отмечается прием в распоряжение волостного земельного Комитета земли помещиков Кожевникова и Вотчал и распределение ее в аренду между малоземельными гражданами с обязательством уплаты аренды. Но кроме того в журнале запротоколировано такое сообщение: «В имении Кожевникова есть 2 мельницы, которые владельцем сданы в аренду до 1918 г.; в настоящее время арендаторы, ввиду близкого окончания арендного срока, мельницы эти приводят в расстройство, растрачивая и расхищая необходимые при мельнице принадлежности. Кошкинский сельский комитет намерен взять эти мельницы в свое владение, почему и по просьбе последнего Хабаров выезжал на место и произвел опись всему имуществу и инвентарю при мельнице: при каждой мельнице есть по $\frac{1}{2}$ дес. земли, которая также в запустении»²¹⁴. Эта деталь чрезвычайно характерна для определения отношения в мелкобуржуазной психологии арендаторов, которые расхищали находящееся последнее время в их руках, но ни в каком случае не могущее остаться на новый срок имущество, которым они временно пользовались и эксплуатировали.

В Богородской волости земли помещиков Жомини и Забродина распределены так же, как и в Чебоксарской, часть лугов и земли оставлена и для экономии, за исключением Забродинской, т.к. там «луга были скошены другими и Забродиным предъявлена претензия... Земледельческие орудия и инвентарь в экономиях находятся в целости».

²¹³ Г.З.У. Д. № 16. Л. 24–29.

²¹⁴ Г.З.У. Д. № 9. Л. 50.

В Алым Касинской вол. «перешли в распоряжение Вол. Земельного Комитета и скошены исполным порядком малоземельными гражданами» луга помещика Павловского.

Председатель Посадско-Сотниковского Вол. Земельного Комитета В.А. Князев доложил, что вся помещичья земля распределена еще 27 июня. Для всех экономий оставлена часть лугов, пашни и урожая; инвентарь весь в экономиях. Взятые под охрану комитета и сады в экономиях Зарубина и Добронравовой, которые сданы в аренду. Но при распределении земли не обошлось без инцидента.

«По распределению на долю граждан Нерядовского общества было передано пахотной земли землевладельца Зарубина 33 десятины на озимовой посев 1918 года, но нерядовцы, не довольствуясь этим, самовольно захватили часть земли, отведенной другим обществам, запаханной последними под пар». Председатель Волостного Комитета обращался к собранию с просьбой о помощи «к недопущению нерядовских граждан к самовольному захвату земли, отведенной другим обществам, т.к. принятые со стороны Волостного Земельного Комитета меры на нерядовцев не подействовали»²¹⁵. В Помьяльской, Никольской, Помарской и Воскресенской волостях помещичьих земель, по данным председателей Волостных Комитетов, не было; некоторые общества могли получить помещичьи земли из других волостей, если это было удобно²¹⁶.

В бумаге председателя Цивильской Управы мы не встречаем такого спокойного изложения довольно значительных событий в уезде; там, наоборот, отлилась вся горечь печальной действительности и признание своего классового бессилия «без лести преданных друзей» Временного Правительства из буржуазного лагеря.

Председатель Цивильской Уездной Земельной Управы 5 августа, подводя после объезда итоги аграрному движению в уезде в бумаге к уездному комиссару, делает такое заключение: «Я вынес из этой поездки глубокое убеждение, что центральная власть запоздала с указаниями и постановлениями по земельному вопросу, а уездная не позаботилась своевременно принять предохранительные меры. Если бы в конце июня и начале июля уездной Управой были приняты более решительные меры, чем предписания Волостным Комитетам о восстановлении владельцев в правах, то значительная часть захватов была бы если не вполне ликвидирована, то приведена к мирным соглашениям.

«Волостные земельные Комитеты до конца июля не имели почти никаких руководящих данных и поэтому не чувствовали твердой почвы под своими постановлениями и разъяснениями. Такая беспомощность и неприспособленность комитетов ясно почувствовалась населением и их авторитет был несколько поколеблен тем обстоятельством, что Комитеты, ничего не имея в руках, почти голословно опровергали постановление от 13 мая²¹⁷, разошед-

²¹⁵ Г.З.У. Д. № 9. Л. 51.

²¹⁶ Г.З.У. Д. № 9. Л. 52.

²¹⁷ Совета Крестьянских Депутатов Казанской губернии.

шееся по уезду в виде печатных экземпляров и дававшее крестьянам точку опоры.

«По счастью, захваты достигли крупных размеров лишь в волостях Коселевской и Ст.-Тябердинской, но там создалось такое положение, что если твердо провести в жизнь восстановление владельцев в правах, то могут вспыхнуть крупные беспорядки, могущие привести к крайне нежелательным результатам²¹⁸.

Итак, со слов самого председателя Уездной Земельной Управы, мы можем вполне категорически утверждать, что политическая роль земельных учреждений годилась к восстановлению помещичьего господства в деревне: но эта роль определялась не законами и инструкциями, которые отсутствовали, когда их нужно было, и явились, когда не могли иметь никакого значения среди крестьянства, но прежде всего буржуазным личным составом земельных органов в первый период их деятельности и политической физиономией Временного Правительства. Июльские события совершенно определенно толкнули правительство Керенского в лагерь буржуазии и, изменив делу революции, оно давало распоряжения по аграрному делу о восстановлении помещиков в правах земельных собственников и их господства в деревне. Но было уже поздно. Деревня к августу месяцу совершенно разошлась с правительством и законом признала постановления Съезда Крестьянских Депутатов. Представители правительства, увидя это при личном объезде, били отбой уже сами, боясь вызвать «крупные беспорядки» и стремясь к обеспечению собственной безопасности путем ловкого лавирования среди богатого рифами революционного моря.

Обзоры крестьянского движения за август месяц значительно бледнее, чем рассмотренные нами за июль. Материалы Главного Управления Милиции от 8 и 12 августа только и отмечают: «аграрное движение продолжается во всех уездах», выражаясь не только в захватах земельных угодий, лугов и урожая, но даже лошадей, мельниц, садов и имущества. Большие препятствия встречает реализация хлебной монополии, особенно в Казанском, Мамадышском, Ядринском и Козьмодемьянском уездах²¹⁹. Эти обобщения мы читаем в телеграммах губернского комиссара. 23 и 24 августа на сессии Губернской Земельной Управы поделились сведениями о крестьянском движении и представители мест. На этот раз они были еще более скупы на слова, чем в июле месяце, давали заявки малосущественные или касающиеся отдельных случаев широкого движения. Но есть и весьма ценные сообщения: в Казанском уезде усилились лесные порубки: в некоторых местах привлекались к суду президиумы земельных Комитетов (Ильинская волость) и революционной деятельности их мешало участие милиции. В Козьмодемьянском уезде, наоборот, комитеты встречали противодействие не со стороны правительства или милиции, а со стороны крестьян; докладчик указывает, что в двух волостях деятельности комитетов мешают сельские сходы, а в трех волостях зе-

²¹⁸ Г.З.У. Д. № 11. Л. 79.

²¹⁹ Крестьянское движение в 1917 г. С. 220–221.

мельных комитетов совсем нет. Лаишевский Комитет завален жалобами помещиков на крестьян после произведенной выдачи дровяного и строевого леса частью из помещичьих, частью из казенных лесов. В Свияжском, как и в Казанском уезде, есть случаи привлечения к суду членов земельных комитетов. Уездный Комитет только 15 августа постановил дать дров населению под влиянием участвовавших случаев самовольных порубок, что наблюдалось вместе с погромами имений и захватами земель и инвентаря еще до учреждения земельных комитетов. Несколько раньше это было сделано в Чебоксарском уезде. Чистопольский представитель коротко выразился: «урожай помещиков захвачен крестьянами; помещики жалуются»²²⁰. Августовское движение, не меньшее по территории и в количественном отношении (уменьшение представители власти несомненно отметили бы в своих представлениях), пошло однако значительно глубже в смысле развития и обострения классовых противоречий, что выразилось в выступлениях крестьян против органов власти (земельных комитетов и милиции) и против хлебной монополии.

Чтобы покончить с обзором движения за рассмотренный период, приведем составленные нами статистические данные, составленные на основании всего комплекса имевшими в нашем распоряжении материалов.

Вполне точные указания на место, время и характер движения взяты прежде всего из опубликованных материалов в «Крестьянском движении в 1917 году» и в «Красном Архиве», которые значительно дополнены из архивных источников, главным образом Губ. Земельной Управы.

	Спасский	Свияжский	Чистопольский	Лаишевский	Мамадышский	Казанский	Тетюшский	Цивильский	Краснококшайский	Чебоксарский	Всего
Захват и разгром имений	4	–	–	1	1	–	1	–	–	–	7
Частичн. захват имений	11	3	1	9	2	–	2	–	2	–	30
Захват лугов и пашни	14	42	26	98	39	23	16	10	12	31	311
Захват инвент. и скота	13	8	2	5	–	3	–	–	–	–	31
Захват леса и лесных материалов	4	10	8	9	–	3	1	1	1	1	38

²²⁰ Г.З.У. Д. № 16. Л. 46–49.

Захват под- собн. предп.	5	11	1	4	1	–	2	–	–	5	29
Взятие имений на учет	–	18	19	3	1	2	7	–	–	–	50
Захват урожая семян, фуража и хлеба	5	2	6	8	1	–	1	2	1	–	26
Террор	8	4	3	8	1	–	–	1	–	–	25
Ликвидация аренды	2	3	4	10	1	7	1	4	2	–	34
Снятие служ. и раб.	7	3	1	6	1	–	–	–	–	–	18
Всего	73	104	71	161	48	38	31	18	18	37	599
Апрель	10	–	1	6	–	–	1	–	–	–	18
Май	3	9	5	17	8	4	4	3	1	1	55
Июнь	15	36	24	62	21	8	11	5	12	23	210
Июль	19	32	16	47	14	20	6	8	4	11	177
Август	26	27	25	29	5	6	9	2	1	2	132

Сверх того итога, который указав в таблице, нам известно еще 5 случаев «беспорядков» у помещиков Гагарина, Догель, Киприановой, Лебедева и Зубова²²¹; не введены они в общую таблицу ввиду того, что не имеют в источниках точной локализации. Так что за первые пять месяцев движения мы можем количественный итог всех форм движений признать за 604. Обращая внимание на вышеприведенные данные центральной статистики, где за тот же период указывается 205 случаев, мы считаем своей обязанностью подчеркнуть, что увеличением этой суммы почти в три раза мы всецело обязаны тем архивным материалам, которые нам удалось изучить. Кроме того 205 случаев центрального подсчета относятся ко всем видам крестьянского движения, а наш итог в 604 случая – только итог движений против помещичьего землевладения и хозяйства.

Всего сильнее движение проявляется в июне, июле и августе, развиваясь очень сильно до июня и давая некоторое снижение в июле и августе. Самым распространенным видом движения надо признать захват лугов и пашни, имевшим свыше 50% общей суммы движений. Второе место занимает взятие имения на учет, а третье – захват леса, дров и лесных материалов. Самое меньшее количество показаний дает снятие служащих, рабочих и военнопленных; но это не значит, что их было только 18, так как эти факты имели место при частичном и полном захвате имений. Это же нужно отнести и к данным о захвате хлеба, семян и подсобных предприятий (садов, мельниц, заводов, рыбных ловель и пр.). Приведенная таблица показывает, что особенно сильное

²²¹ Первое имение расположено в Свяжском уезде, второе и третье – в Лаишевском, четвертое – в Мамадышском и последнее – в Козьмодемьянском.

движение развилось в уездах наибольшего развития помещичьего хозяйства и по преимуществу среднего и малого размера. На первом месте стоит уезд Лаишевский, затем – Свияжский, Спасский и Чистопольский. Средней силы движение наблюдается в уездах Мамадышском, Казанском, Чебоксарском и Тетюшском, и слабое – в Цивильском и Краснококшайском уездах. В уездах Козьмодемьянском и Ядринском оно не имеет места, за исключением одного случая, так как в них не было помещичьих хозяйств. Исключительно из-за экономии места мы не даем таблиц, показывающих фирмы движения в уездах по месяцам, так как сильных отклонений от губернских показателей не так много. Наконец, необходимо указать, что выводя количественный итог, мы вовсе не настаиваем на нем, так как материалы уездных и волостных архивов могут дать так же много нового, как архив губернского учреждения дал много нового в сравнении с материалом центральных учреждений.

VIII.

В этот же период от июня по август 1917 г. довольно определенно выжились взгляды и тактика в аграрном вопросе, как со стороны правительственных учреждений, так и общественных. Аграрную политику учреждений Временного Правительства мы подчеркивали при анализе различных распоряжений и действий, которые вызывались отдельными случаями крестьянской борьбы за землю; меньше мы говорили о Совете Крестьянских Депутатов. А ведь всем известно, что за этот период многое в их деятельности изменилось. Крестьянское движение, мы видели, не только не уменьшилось, но значительно возросло и углубилось. Цели правительства, тем не менее, остались те же самые, которые выдвинул князь Львов, а средства были далеко недостаточны. Земельные органы с усилием держались своих позиций, в деревнях уже обнаруживались и прорывы «фронта». Выявить определенное место их в аграрной революции в общей форме крайне необходимо. Совет Крестьянских Депутатов, в мае стоявший на левом фланге, летом проявил себя не целиком уже на стороне революционного крестьянства, а частью склонялся к политике Временного Правительства, тем самым идя прямо на разрыв с крестьянством. Достаточно веским доказательством служит резолюция Ядринского Совета от 13 июня и доклад Губернскому Совету депутата Павлова от 4 июля 1917 г.

Уже к половине июня уездные Советы Крестьянских Депутатов были сведены почти с революционной позиции. Резолюция Ядринского Совета Крестьянских Депутатов, вынесенная 13 июня 1917 г. гласит: 1) все земли обращаются в общенародное достояние без выкупа; 2) произвести социализацию земли, т.е. все земли передать в заведывание центральных и местных органов самоуправления, «созданных на демократических началах», объявить уравнильно-трудовое землепользование, земельный налог обращать на местные нужды, недра оставить в распоряжении центральных органов государства, ввести широкую организацию кредита и агрономическую помощь

«для развития трудового хозяйства на кооперативных началах» и т.п. Кажется, что дальше идти некуда: прочно стоит на революционном посту, если бы не третий пункт этой же резолюции.

«Все перечисленные вопросы подлежат разрешению в Учредительном Собрании. Можно только принимать меры а) к прекращению сделок на землю, б) к сохранению земельных и лесных богатств от расхищения кем бы то ни было без особых надобностей, и в) к засеву пустующих земель Волостными Комитетами»²²². Так вот к чему свелась практическая программа действий Совета! Списали с «Инструкции Волостным Комитетам» и подписались в сдаче революционных позиций на аграрном фронте.

4 июля депутат Губернского Совета Крестьянских Депутатов Н.Павлов докладывает Исполнительному Комитету:

«Товарищи! Безотрадные вести приходят к нам с мест: 1) благодаря недостатку рабочих рук слишком медленно идет косьба и уборка трав, плюс к этому на высоких местах поспела рожь, которая начнет осыпаться; 2) военнопленные разбегаются, или же требуют чрезмерную плату при готовом столе; 3) солдатские «дружины по уборке полей», по присылке их на места, в большинстве случаев разошлись по своим хозяйствам; 4) факты своеволия, как в Чебоксарах (Грасис) и избивание депутатов в Мамадышском уезде, не могут быть терпимы. На местах все недостатки истолковываются отсутствием порядка и власти. Темными силами, как язва, начинает распространяться недоверие к революционной власти. Сознательная и благоразумная часть населения не находит опоры для борьбы с надвигающейся анархией. До сих пор молчавшие враги свободы начинают показывать свою подлую работу. Товарищи! Призываю для спасения завоеваний Революции под знаменем «Земля и Воля» еще крепче сплотиться с демократическими организациями»²²³. Депутата из стана правых эсеров ничто так не беспокоит за революцию, как всякое, хотя бы и слабое проявление революционного духа (сел.-хоз. забастовки, стачки, разброд армии), а в особенности темные силы под знаменами большевиков. Это уже – полнейшее ренегатство. И если Совет Крестьянских Депутатов продолжал занимать более авторитетное положение в губернии и кое-где на местах в глазах крестьян вплоть до Октябрьской революции, то этим он обязан исключительно тому, что в ближайшие месяцы руководящая роль перешла от эсеров и меньшевиков к большевикам и левым эсерам.

Что касается правительственных земельных органов и их тактики в рассматриваемый период, то достаточно познакомиться с одной лишь бумагой, чтобы определить место в «революционной» борьбе для этого славного учреждения, которое, надо сказать, признавалось центральной властью более либеральным учреждением, чем это следовало по ее мнению.

²²² Совет Крест. Депут. № 18. Л. 57.

²²³ Совет Крест. Депут. № 18. Л. 142.

Только уже в момент сильнейшего обострения классовой борьбы, в октябре месяце, Губернская Земельная Управа приоткрывает свое забрало, скрывавшее ее политическую физиономию в период деятельности с июня месяца по сентябрь. Земельная Управа 7 октября оправдывалась перед Главным Земельным Комитетом в превышении своей власти, выразившемся в «Инструкции Волостным Земельным Комитетам», утвержденной 23 августа. Центр осуждал эту инструкцию за то, что ею предоставляется слишком много власти местам в распоряжении помещичьими и казенными землями. Казанская Земельная Управа, не отрицая принципиальных отступлений от директив центра, старалась лишь обосновать необходимость предоставления местам этой власти. Тут-то вот и открывается вероломная тактика и политическая игра с крестьянством. Дооктябрьская позиция Управы для определения политического тона ее требовала кропотливого анализа каждого ответа на то или иное явление аграрной борьбы, отразившееся в делах Управы. А 7 октября последняя сама про себя рассказала, что собой она представляет.

«Дав власть, чтобы сохранить много еще не захваченных имений от дальнейших захватов, сберечь леса, вернуть разграбленный скот назад владельцам, сохранить отруба и хутора», тем самым Управа завоевала себе крупное доверие у Волостных Комитетов, в деревне вообще. В течение бурных событий аграрной борьбы Управа «звала к разсудку и говорила в отношении каждого отдельного случая, как лучше поступить, чтобы не нарушать по возможности завоеваний культуры и агрономии и сохранять интересы частных лиц». А дальше еще откровеннее. «Чтобы избежать хищнического истребления лесов, частных и казенных, темной и часто неразумной массой крестьянства, она [Управа в лице волостных Комитетов] как бы взяла леса в свое ведение и как бы взяла на себя власть распоряжаться лесами, давая те или иные распоряжения в частных лесах производить вырубку²²⁴, запрещать их²²⁵, удовлетворять топливом население и т.д., как бы не считаясь с тем, есть частная собственность или нет. И это было необходимо сделать, — нужно только понять психологию крестьян и их коренное недоверие к землевладельцам, чтобы сказать, что путь соглашения, указываемый инструкцией, показал бы крестьянству, что Губ. Зем. Управа скрытно, но все таки держит руку помещиков, и тогда, весьма вероятно, пошло бы все прахом»²²⁶.

Так что «инструкция» вполне определенно знаменовала разрыв с частной собственностью на землю, но только перед крестьянами, а помещики и правительство должны иметь в виду, что это делается только условно, «как бы», но не на самом деле. Дальнейший комментарий совершенно не нужен. Обман, политический обман, на который пошла Управа, скреплен подписями возглавлявших Губ. Земельную Управу. Но Управа обманывала не только крестьянство, но и... правительство. «Крестьянин теперь сознает, — подводя

²²⁴ По-видимому, только помещикам.

²²⁵ Прежде всего, крестьянам.

²²⁶ Г.З.У. Д. № 23. Л. 74–76.

итог своей «высокополезной деятельности, заключает бумага» – что в будущем должно быть устроено по иным законам и ждет терпеливо». Если верно об «иных законах», то заявка о терпеливом ожидании этих законов была тоже обманом, раскрывшимся через три-четыре недели, когда начались повсеместные погромы помещичьих имений.

Если такова была тактика главного земельного учреждения в губернии, то еще больше можно бы сказать про такие, как Продовольственная Управа, которая еще смелее проводила в жизнь директивы Врем. Правительства о спасении помещичьего добра и хозяйства от «малосознательных» крестьянских выступлений. Не входя в подробности, мы приведем один пример того, как действовали сотрудники этого учреждения в деревнях.

Насколько осмелели и распоясались защитники помещичьих латифундий в деревне в копне июля или в начале августа, видно из переписки относительно делегата Губ. Продовольственной Управы, «работавшего» в Чирповской вол. Лаишевского уезда. Указывая на несогласованную с директивами Земельной Управы деятельность С.Ф. Полякова, делегата в имениях П.В. Щетинкина и С.Ф. Моисеева. Волостной Комитет добавляет: «В населении происходит тревожное волнение», когда оно слышит заверения, и довольно грозные со стороны Полякова, что «все будет по-старому», что «крестьяне не должны сеять и пахать землю помещика, назначенную им Комитетом», что скошенное крестьянами сено «он отберет в пользу помещика», и даже угрозы, что по крестьянам «походит плетка». 10 августа Губ. Земельная Управа просит Губ. Продовол. Управу специальной бумагой снять Полякова из имений, так как «он возбуждает население, вызывая телеграммой к Губернскому Комиссару войска по самому ничтожному поводу, легко улаженному делегатом Земельной Управы без всяких команд»²²⁷. Как видим, запротестовала даже Губернская Земельная Управа! Это чрезвычайно многозначительно.

На основании изложенного можно себе представить, как вели себя сами помещики и их управляющие. В тех случаях, когда помещик под тем или иным видом не мог использовать захваченное крестьянами свое добро, он не гнушался его даже уничтожить, чтоб не досталось никому.

В моменты такого бессилия, а их становилось все больше в больше, помещики или их управляющие прибегали к самым затейливым экспериментам. Приведем хотя бы один из них, имевший место в Державинской волости Лаишевского уезда. На основании расследования Г.Архипова о нескошенных лугах в имении Забродина близ с. Сокуры, волостной Земельный Комитет 9 августа сообщает в Лаишев: «Площадь под лугами осталась не скошенной приблизительно в 50 дес. и стоптана своим экономическим скотом, а другая часть, до 50 дес., скошена и увезена травой татарами дер. Кирбей Астраханской волости, коих на местах ловили крестьяне с. Сокуров и доставляли управляющему, где виновные заявляли, что подобное расхищение им лично и словесно разрешал сам управляющий с целью, чтобы не дать таковых лугов крестьянам с. Соку-

²²⁷ Г.З.У. Д. № 23. Л. 32 и 33.

ров. В данном случае является злостный ущерб Временному Правительству, о чем и считает долгом донести Лаишевской Зем. Управе и присовокупляет, что крестьяне с. Сокуров, видя явное расхищение лугов, немедленно общественным комитетом постановили взять и выкосить до 50 дес., которые уже выкосили и поставили стога сена, но опасаются того, чтобы управляющий не сжег таковые»²²⁸.

Но под влиянием событий некоторые учреждения должны были принять такой образ действий, который не особенно точно соответствовал не только директивам центрального, но и губернского правительства. Так Свяжская Земельная Управа в заседании 18 и 19 июня, приняв во внимание, что во многих волостях некоторые общества «самовольно захватили всю барскую землю, не считаясь с земельной нуждой соседних деревень, а равно сделали целый ряд несправедливостей в отношении таких же нуждающихся тружеников, как они сами» возлагает на только что организованные волостные земельные комитеты, более правильное распределение частновладельческих земель и более правильную обработку полей и лугов». В целях исправления «несправедливостей», Управа предлагала подвергнуть новому распределению только не запаханые земли, запаханный пар и луга оставить у захватчиков, «дабы не вызвать столкновений между крестьянами». Правда в этом случае цель оставалась совершенно не достигнутой, но только одна; что же касается другой – предупреждение столкновений в будущем, то она частично удавалась хотя бы ценой нарушения правительственных директив. Управа заявила: «весь племенной скот частных владельцев, не раздавая крестьянам, сохранить в уезде». Для этого со всех имений он должен сосредоточиться в трех пунктах – на фермах Паулуччи, Обухова и Гагариной. Рабочий же скот «может быть распределен» между крестьянами во временное пользование за плату. Продукция молочных ферм должна поступать на удовлетворение «общезездных культурных нужд». Постановление определяет оставлять помещику не более 3 коров, но это количество волостями снижено до единицы. Весь лес объявлен «собственностью Свяжского уезда и должен находиться» под охраной органов местного самоуправления». Луга, арендованные деревнями, постановлено оставить в их руках, а остальные передать в Продовольственную Управу с правом сдачи их в издольную аренду²²⁹.

В этом постановлении мы видим вполне определенное отступление перед действительностью, но оно было сделано для того, чтобы завоевать у крестьян хотя бы небольшой авторитет для Земельной Управы. Правда, губернские власти на это постановление смотрели довольно косо, но волостные комитеты, внося некоторые поправки, приняли его к исполнению. За такие деяния подобные комитеты, особенно волостные, в лице своего председателя и секретаря, в августе уже отдавались под суд.

²²⁸ Г.З.У. Д. № 28.

²²⁹ Г.З.У. Д. № 22. Л. 242–244.

Такого же рода нажим на уездные земельные Управы в июле месяце производится и в других уездах. Волости Цивильского уезда прямо высказываются против земельных комитетов с теми функциями, которые им приписывалось правительством. Сам Кошелеевский вол. земельный комитет 16 июля описывает начало своих действий в свою уездную инстанцию таким образом.

«Весной текущего года, благодаря тому, что население волости не было осведомлено о постановлениях Временного Правительства по земельному вопросу и благодаря агитации безответственных лиц, приехавших как из городов, так и с фронта, в Кошелеевской волости были совершены самовольные захваты и переделы земли: у помещиков, отрубников, хуторян и т.д. земли отобраны и разделены по своей волости захватным путем, о чем говорит масса жалоб и просьб по земельному делу, поступающих в волостной комитет, который организовался только 24 июня, т.е. когда уже вся земля у всех была отобрана. Комитет приступил к работе на основании постановлений Временного Правительства, но его постановления не исполнялись; население волости на действия комитета и его разъяснения по земельному вопросу постановлений Временного Правительства стало смотреть, как на начало контрреволюции, на приход старого режима, почему комитету с самого же начала пришлось отказаться от разборов спорных дел о захвате земли и назначить собрание уполномоченных всей волости для выяснения постановлений Временного Правительства о земле, для выборов членов в земельный комитет, т.к. комитет, избранный 24 июня слагал с себя обязанности ввиду невозможности работать при создавшихся условиях. Собрание уполномоченных, назначенное на 9 июля, не состоялось; второе (16 июля), выслушав все имеющиеся у комитета постановления Временного Правительства о земле и найдя, что невозможно проводить в жизнь эти постановления в настоящее время, постановило просить уездный Комитет ходатайствовать перед Временным Правительством, чтобы земля осталась до Учредительного Собрания в том виде, в каком она находится сейчас».

Конечно, это «ходатайство» не является старинным актом «верноподданства»; этим крестьянство мало и отличалось; скорее надо видеть в этом постановлении ультимативное требование и заявление, весьма откровенное, о неподчинении распоряжениям правительства. Волостной Комитет к этому призывает, даже и уездный, заявляя в конце своего представления: «Если же уездный Комитет постановит взыскивать убытки за землю в пользу собственников, помещиков и т.д. и отдать захваченную землю прежним владельцам в пользование до Учредительного Собрания, то в волости будет резня, т.е. полнейшая анархия»²³⁰. Если этот документ ничего не говорит о том, что кулацкая часть деревни занимала довольно влиятельное положение в революционных учреждениях волости, а скорее подтверждает это ссылкой на прочность произведенных весной захватов и переделов земли, то этот же документ очень ярко подчеркивает единый фронт всего крестьянства против

²³⁰ Г.З.У. Д. № 8. Л. 51.

помещиков и помещичьего землевладения, а через них и против Временного Правительства, поскольку оно выступало за помещиков²³¹.

К августу месяцу далеко еще не закончилась борьба с помещичьим землевладением и с помещичьей эксплуатацией. Были местечки, куда еще не добралась революционная волна и не смыла вековой источник крестьянского бесправия и зависимости. М.Пьянов, депутат Крестьянского Совета, представитель Никифоровской волости, побывав в первых числах августа в с. Никифорове, описал чрезвычайно ярко, хоть и не особенно грамотно, но с искренним сочувствием своим односельчанам, положение дел в имении наследников Фигнер.

«И чего в эти дни мне пришлось слышать в нашей местности – своим ушам не верится, как поступает родня знаменитой Фигнер. Ныне заведует управлением Стахович, урожденная Фигнер, и как управительница имения защищает и интересы всех наследников и позволяет эксплуатировать в нынешнее время крестьян, которые, по недостатку своему, не имея своих семян, обратились с просьбой, чтобы она, Стахович, продала им на семена ржи. И что вы думаете? Получили не семян, а работу, за свои деньги и для ее выгоды; намолотить ей ржи бесплатно, и за это (за рожь) заплатить больше 2-х рублей за пуд. Вот чего придумали! Почитайте товарищи читатели! Сколько семян можно намолотить при умолоте 5 пудов со 100 снопов? Один мужчина цепом, не знаю, может ли обмолотить 2 сотни и обмолотить с них на одну десятину семян? Получится плата уже не стоимости по твердой цене 2 р. 35 коп. пуд, а получится рожь за 2 р. 75 коп., но не считая еще, что семейство молотит в 3–4 человека. Посчитай поденную плату мужчин 4 руб., женщин – 3 руб., считать хотя в 3 человека, получится не такая уж стоимость ржи (2 р. 75 к.), а около 5 р. пуд, да еще намолоченный излишек остается в пользу экономии бесплатно. Очень умная и тонкая выдумка, как русская пословица «волки сыты и овцы целы».

Если даже считать числа преувеличенными, хотя к этому очень мало оснований, и то покажется, что эта картина взята не в августе 1917 года, а 1892 или 1878 году. Но и это еще не все. Приводится другой, не менее интересный факт о паровой мельнице.

«Вот у них (помещиков) стоит паровушка, не мелет: вся в исправности, а не работает. Нужда (в мельнице) крайняя для населения. Решили бить челом, чтобы пустить в ход мельницу (которая не может молотить без нефти), и получают такой ответ, что не хотят работать для нужды жителей и не поедут за нефтью до тех пор, когда найдут это нужным. Потом жители стали настаивать

²³¹ «Умалаял достоинство и компетенцию» уездных и губернских инстанций и «вносил смуту и раздор в умы малосознательной крестьянской массы» и Старо-Максимкинский вол. земельный комитет, а Богородский и Толкишевский комитеты «игнорируют и не исполняют» постановлений высших органов Чистопольского уезда (Г.З.У. Д. № 13 (к). Л. 151 и 152).

вать, чтобы они послали за нефтью. И что получали в ответ они от управляющего? Что у них нет на телегах колес!»²³².

Такого рода факты служат прекрасным доказательством того, что аграрное движение не могло ограничиться лишь «учетом» помещичьих гнезд. Эти факты объясняют и причины совершенного уничтожения помещичьих хозяйств.

Сводя все изложенное к определенным положениям, мы должны заметить следующее:

1. Летние месяцы дают необычайный размах и глубину движению крестьянства против землевладельцев. Погромы экономии становятся более редким явлением, чем ранней весной, но сильно вырастает количество частичных, захватов имений (земли, скота, инвентаря, хлеба и семян). Другие формы захватов, хотя и приобрели «организованный» характер, но более чувствительно потрясли помещичье хозяйство, не заявляя тенденции его ликвидации, но в то же время постепенно лишая помещиков возможности распоряжения в имении и по частям эксплуатируя его в собственных интересах. Постепенный захват инвентаря, скота, семян, урожая, «излишков» земли и т.д. вел к конечной ликвидации помещичьего хозяйства, равно как взятие на учет, установление местами трудовой нормы и террор, хотя это имело и слабое распространение.

2. Учреждая земельные комитеты, Временное Правительство возлагало на них работу в конечном счете по ликвидации крестьянского движения, а когда обнаружилось, что деревня по этой дороге не пошла, взяло курс на спасение погибающих, скупая хлеб и скот для государства и армии, предписывая комитетам возвращать помещикам имущество, подсобные предприятия, а в конце концов урожай и землю; уже в июле все эти мероприятия дали совершенно противоположный ожидаемому результат, и правительство в августе, испробовав местами в июле, пускает в деревню карательные отряды, иногда под видом продовольственных, пользуясь поддержкой суда и милиции, выступавших против крестьян и личного состава земельных комитетов.

3. Сами помещики, терроризованные весенним движением, до некоторой степени оправились к началу лета, но все же должны были оказывать лишь пассивное сопротивление деятельности земельных комитетов в деревнях, т.к. в них они не встречали никакого заступничества против стихийных движений крестьян и организованных захватов комитетов Общественной Безопасности. А начатая деятельность земельных комитетов по учету имений квалифицировалась помещиками как захват всего имения, как потеря «священных» прав собственности. В июне месяце помещики уклонялись от этой опасности и возможными мерами препятствовали ей. Но так как контроль комитетов был весьма слаб, а губернские учреждения Временного Правительства, да некоторые и уездные старались выручить помещика из беды и от разорения, к тому же можно было использовать и политический момент, давший воз-

²³² Сов. Крест. Деп. Д. № 18. Л. 138–139.

возможность временного усиления позиции летом 1917 г. для всей контрреволюционной буржуазии, – помещики перешли от лжи и провокации в своих жалобах на крестьян, от халатного отношения и вредительства в экономиях, поступавших в распоряжение земельных комитетов, к прямому расхищению хлеба, скота, подсобных предприятий, к порубке лесов, даже издевательствам и воздействию на крестьян вооруженными отрядами, судом и милицией.

4. Вполне понятно отношение крестьян и волостных комитетов к такого рода выступлениям помещиков и правительства. Если в начальный период деятельности земельных комитетов мы можем наблюдать некоторые признаки соглашений с помещиками и довольно спокойное отношение к пребыванию помещиков в своем имении, а по отношению к Временному Правительству – его поддержку, то к концу изученного периода мы видим по отношению к помещику и его служащим более нетерпимое отношение, включительно до изгнания помещика из имения и разгрома усадьбы, а по отношению к уездным и губернским властям, не говоря уже о центральных, – полной разрыв и нежелание подчиняться, особенно в вопросах хлебной монополии и реставрации помещичьего режима. В своей борьбе с правительством волостные земельные комитеты опираются на поддержку Совета Крестьянских Депутатов и каждый раз вносят туда протесты на распоряжения правительства и просят защиты перед судом или властью вообще. В попытке правительства деятельностью комитетов воздействовать на прекращение крестьянских движений совершенно не имела положительного результата, т.к. комитеты, боясь разрыва с крестьянством, должны были быстро воспринять тактику комитетов общественной безопасности, а в некоторых случаях идти и значительно дальше ее, т.к. крестьянство, по преимуществу среднее и бедняцкое, в случае сопротивления комитетов, действовало помимо них против помещиков и против них, если они проявляли себя к помещикам более лояльно, чем это диктовалось обостренной классовой борьбой с крупным землевладением.

5. Летом чрезвычайно сильно обострились взаимоотношения и между классовыми группировками крестьянства. Это с особенной силой выразилось в деятельности тех же волостных комитетов, особенно, в вопросах распределения помещичьей пашни, лугов и скота. Хотя почти в каждом протоколе мы читаем, что земля передается безземельным и малоземельным крестьянам, однако тут же вставлялась иногда зловещая добавочка «соответственно количеству скота», «соответственно рабочей силе», луга распределялись «на косу», сады и мельницы шли с торгов, как и помещичий скот и т.д. Кулацкая аренда помещичьих земель прекращалась, но кулак от этого почти ничего не терял, т.к. встречаются прямые указания, что земля беднякам не попала. Мы приводим много примеров покровительственного отношения комитетов к арендаторам богачам и прямые столкновения бедняков с кулаками, как это имело место в Косяковской волости Свияжского уезда. Если в установлении арендных цен на землю комитеты стояли на страже интересов бедного и среднего крестьянства, то этим самым они действовали и в своих интересах,

т.к. арендные суммы вносились в депозит комитета. Но еще ярче буржуазная политика комитетов проявлялась в деревенской муниципализации земель, многочисленные примеры которой мы видели, напр., в Мамадышском и Спасском уездах. Но август месяц характеризуется переломом в отношении к кулачеству бедняцкой и середняцкой массы, что выражалось в игнорировании комитетов, в стихийных выступлениях крестьян, в политике завоевания комитетов путем переизбрания его состава, или в открытой борьбе с ними, что мы наблюдали в Свияжском уезде.

6. Все чаще и чаще в течение лета 1917 г. встречаются нам в документах жалобы на противоправительственную агитацию большевиков в деревне, встречавшую живой отклик, конечно, не в земельных или продовольственных комитетах, а в самой гуще бедного и среднего крестьянства и на волостных сходах. Жалобы на агитаторов-большевиков, солдат-большевиков и вообще на «темные» силы встречаются не только в бумагах помещиков, но самих земельных комитетов и даже делегатов Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов, борющихся за «землю и волю» и за список № 11 в Учредительное собрание. Но большевики делали свое дело: они организуют бедноту против кулаков в Свияжском уезде, они руководят борьбой против помещиков в Спасском уезде, они вскрывают буржуазную и контрреволюционную деятельность Врем. Правительства и они первые поднимают рабочий вопрос в деревне, проводя постановление о рабочем дне в Свияжском уезде и т.д.

7. Что касается участия татарского крестьянства в борьбе с крупным землевладением, мы наблюдаем его в летнее время более развитым и столь же упорным, даже с большей тенденцией к совершенной ликвидации крупного землевладения. Но мелкобуржуазная политика татарских земельных комитетов как будто меньше встречала сопротивления в массах, чем это наблюдается в русских волостях, хотя окончательно отвергнуть или утвердить это положение можно лишь после дальнейших архивных разысканий.

IX.

Однако, несмотря на сильное обострение классовых интересов в деревне, в сентябре отмечается заметное снижение крестьянского движения. Это снижение наметилось уже в августе месяце, особенно по сравнению с июньской волной, но в сентябре по сравнению с летом становится настолько тихо, что в некоторых уездах успокоились даже правительственные земельные органы. Так, Чистопольский Земельный Комитет 12 сентября, на основании докладов с мест, приходит к такому выводу: «настроение деревни бодрое и уверенность в удержании и укреплении всех завоеваний революции полная». Что это значит? Конечно, не то, что помещики отказались от своих имений и оставили их добровольно. Далее в протоколе читаем:

«Деревня более сознательно относится к текущему моменту и переживаемым событиям, прислушивается к голосу Земельных Комитетов, как волостных, так и высших земельных инстанций: видя полезную и плодотвор-

ную деятельность комитетов, смотрит на них не только как на посредников в деле улаживания недоразумений и конфликтов, но и как на авторитетный и руководящий разум... Самочинные земельные захваты, как проявления стихийной силы, более или менее успешно предупреждаются и ликвидируются комитетами. К сожалению... не всегда плодотворно идет борьба с самовольными порубками, но в общем из докладов с мест выяснилась картина, которая дает основание с надеждой и уверенностью смотреть на будущее»²³³.

Так вот в чем дело! Деревня подчинялась Комитетам, которые успешно боролись с самочинными захватами. Конечно, успех борьбы приятно констатировать. Но что это за успех? Чем он обеспечен был на самом деле? На это мы имеем ответ из докладов же с мест, но не в Чистополе, а в Казани 24 сентября на сессии Губ. Земельной Управы. Представитель Чистопольского уезда указывал, что дрова населению были выданы поневоле: «время не терпит, почему отпуск дров из частновладельческих лесов пришлось провести на местах». Также пришлось удовлетворить и строевым лесом: «В уезде были большие пожары, много погорельцев; просили у земледельцев леса по 30 пеньков, но последние не отпускают; крестьяне заявляют, что если им не отпустят по 60 пеньков на избу, они возьмут сами»²³⁴. Кроме того, в донесении губернского комиссара от 17 сентября мы получаем указание, что для прекращения беспорядков, происходящих в губернии на почве отсутствия продовольствия и проведения хлебной монополии, «во все уезды командированы воинские части, всего в количестве 2775 человек»²³⁵. Большею частью эти отряды разбегались или переходили на сторону крестьян, но были и настоящие сражения, как в Сорминской волости Ядринского уезда. Эти отряды, несомненно, «воздействие» оказывали и на крестьян, чтоб они почтительнее относились к авторитетным земельным органам. Наконец, должно было отвлечь внимание крестьян от помещиков и новое начинание Врем. Правительства в области управления – введение волостного земства²³⁶. Тот же представитель Чистопольского уезда 24 сентября говорил: «с введением волостных земств, последние, не считаясь с существующими вол. земельными комитетами, заменяют их собою, выбирают новых людей, нередко не подходящих, напр., в Ст.-Абдях избраны членами прежние урядники и т.д.; особых эксцессов пока еще нет, и земельные комитеты стараются завязать тесную связь с волостными земствами, но положение

²³³ Г.З.У. Д. № 13. Л. 149.

²³⁴ Г.З.У. Д. № 16. Л. 70.

²³⁵ Крестьянское движение в 1917 г. С. 278.

²³⁶ Даже 2 декабря доживавшая свои последние дни Губ. Земельная Управа дала такую директиву в Ст.-Мокшинскую волость Чистопольского уезда: «с открытием действий вол. земских управ все функции волостных земельных комитетов переходят в ведение земств, а вместе с тем и распоряжение частновладельческими имениями, взятыми в ведение вол. земельными комитетами, должно перейти в земство, которому и представляется право распоряжаться по своему усмотрению указанными имениями» (Г.З.У. Д. № 13. Л. 215).

это непрочно». Если волостные земства только еще организовались, то продовольственные комитеты «работали» уже давно. Про них чистопольский представитель говорил, что они «вносят разруху в дело земельного устройства: есть много эксцессов; по их распоряжению Бужинская экономия продает скот и проч. обращено внимание на то, чтобы скот продавался нуждающемуся населению»²³⁷. Значит он продавался не нуждающемуся, а может быть и не крестьянам, и без согласования с земельными комитетами. Вот какими мерами создавался авторитет земельным комитетам.

Но с другой стороны, Земельные Комитеты, окруженные букетом ярких контрреволюционных учреждений, в глазах крестьян могли занимать выдающееся место, особенно после переизбрания персонального состава и введения в них представителей наиболее левых политических взглядов, среди которых было не мало последователей большевистских идей. В Спасском уезде многих работников Земельных Комитетов считали за большевиков, особенно представители продовольственных органов в деревне, когда им приходилось констатировать распределение свыше 15000 дес. одних помещичьих лугов между крестьянами почти сотни деревень. Так что в сентябре было много комитетов, которые игнорировали высшие инстанции, и последние для них не имели никакого авторитета, например, Трехозерский вол. Земельный Комитет, который объявил свою республику и не слушает Уездного Комитета, как выразился спасский представитель на сессии 24 сентября²³⁸.

Одним словом, в действительности деятельность Земельных Комитетов сводилась или к подчинению требованиям крестьян, что было постоянным явлением в деревне, или к подчинению правительству под давлением вооруженных отрядов, что было явлением временным и преходящим. Под влиянием крестьянской массы Ивановский волостной земельный Комитет в Свияжском уезде 8-го сентября вынес такое решение на полном съезде представителей селений волости, к каковому Комитет обратился за моральной поддержкой:

«Настаивать на то, чтобы решения как Всероссийского Крестьянского Съезда, постановленное 25 мая, а равно Всеросс. Съезда Раб. и Солд. Депутатов о земле во всем их объеме и без изменения должны быть приняты и выработаны Вр. Правительством законодательным порядком.

«Требовать от Вр. Правительства немедленного рассмотрения и проведения в жизнь вновь выработанного земельного закона т. Чернова на основании постановлений, значащихся в пункте 1-м и настаиваем, чтобы новый закон о земле был принят Вр. Правительством и тогда только крестьянское сердце получит исполнение давно жданного этого закона и скажет, что трудовой голос крестьянства наконец-то стал слышен, и тогда спокойно пахарь примется за крестьянский труд со всеми напряжениями на пользу государства. Пора бы услышать голос труженика-пахаря!

²³⁷ Г.З.У. Д. № 16. Л. 72.

²³⁸ Там же. Л. 74–75.

«Мы всецело присоединяемся к Совету Крестьянских Депутатов и отстаиваем землю и волю. Земля и воля трудовому народу! Да здравствует демократическая Республика с одной палатой! Долой Корниловцев!»²³⁹

В этой резолюции мы видим политический отклик крестьян на текущие события всероссийского масштаба, в котором мы наблюдаем полнейшее отмежевание от контрреволюционных выступлений Корнилова и К^о, но и неустойчивое отношение к Временному Правительству, которому если и может быть поддержка, то только против корниловщины. Во всех других крестьяне или протестуют, или критикуют, или настойчиво требуют совсем не того, что давало правительство; а в конце концов прямо заявляют, что они больше на стороне Совета Крест. Деп., чем на стороне правительства. Если даже и можно усмотреть в некоторых выражениях эсеровскую фразеологию, то в общеполитическом тоне документ идет значительно левее эсеров.

Приведенный документ интересен еще и тем, что из него мы видим, как начало говорить крестьянство в своих резолюциях. Усилилась требовательность и настойчивость крестьян относительно издания закона о земле в духе майских решений Советов депутатов или принятия проекта закона, выработанного в министерство Чернова, но так и оставшегося проектом при Временном Правительстве. То политическое настроение крестьянства, которое отразилось в этом постановлении, можно считать типичным для всего края и в отношении помещичьего землевладения, но отнюдь не в отношении всех классовых группировок крестьянства, из которых кулацкий элемент принимает только то, что говорит за тенденцию к ликвидации помещичьего хозяйства, но не гегемонии в деревне крестьянской буржуазии.

С этим политическим настроением деревни хорошо были знакомы сидящие в своих имениях помещики. Если они в одиночку и не вступали с крестьянами в борьбу за свои интересы, то, пользуясь каждым удобным случаем поддержки со стороны начальников карательных отрядов и военной силы вообще, пытались кое-что урвать в свою пользу из своих экономий, попавших под контроль волостных земельных организаций. В качестве иллюстрации к этому приведем одно сообщение из Лаишевского уезда.

Ключищинский вол. Земский Комитет 13 сентября отправил в Казанский Совет Сол. Раб. и Крест. Депутатов отношение, в котором описан весьма интересный факт.

²³⁹ Мы привели только то, что затрагивает вопрос о земле. Но в этом постановлении волостной съезд «настаивает и требует» скорейшего созыва Учред. Собрания, «настаивает и требует» демократической Республики с одной палатой, «протестует против введения смертной казни, т. к. она позорит революцию», паек семьям солдат «должен» остаться тот же самый или увеличиться, но никак не уменьшиться; «следовало бы лучше давно Вр. Прав. прекратить выдачу содержания бывшим земским начальникам, т. к. нам хорошо известно, что институт их давно уже смыт. Это то вот было бы справедливее, чем отнимать у того бедняка, который работает и проливает кровь на пользу родины, а дармоедов кормят на печке» (Г.З.У. Д. № 7. Л. 207).

«Волостная Управа просит Совет Депутатов оказать помощь об удалении из имения Авксентьева, офицера Военного Училища шт.-кап. Павлова, который приехал и отбирает сено для училища от крестьян, и если он приведет это в исполнение, то крестьяне останутся без корма для скота. Делает это он по просьбе Авксентьева. Крестьяне очень возмущены поведением Павлова, и в случае, если будет поступать нахально, то произойдут беспорядки. Кроме этого хочет вывезти хлеб из имения Авксентьева тоже для училища, но не считается с тем, что хлеб нужен для армии и для беженцев и беднейшего населения в пределах своей волости. Если они хлеб возьмут, то беженцы должны умереть с голоду, т.к. у крестьян излишнего хлеба нет. Покорнейшая просьба распорядиться поскорее, т.к. Павлов грозился, что он вызовет команду юнкеров и отберет вооруженной силой, тогда произойдут убийства. Крестьяне не отдадут последний корм буржуазной партии, которые вызывают контрреволюцию, а именно Павлов и Авксентьев»²⁴⁰.

Эта бумага иллюстрирует готовность помещиков при благоприятных обстоятельствах поставить крестьян на свое место, как это было до революции. Припугнув карательным отрядом, офицер Павлов не только содействует помещику Авксентьеву продать свой хлеб в казну, и тем самым компенсировать ему убытки, нанесенные аграрным движением, но пытается взять хлеб у крестьян. Конечно, последнее служит, может быть, ничем иным, как прекрасным средством отвлечь внимание крестьян от помещичьего добра, но и удовлетворить просьбы Авксентьева купить хлеб и сено в казну есть ничто иное, как скрытая под прекрасными фразами жертвы на оборону страны защита помещичьих интересов. Для Авксентьева хороши все средства, чтобы сохранить свои «животы», как обозначают древнерусские грамоты имущество и товар; особенно это характерно для сентября месяца, когда уже обнаружился полный провал всех «благих» и законных начинаний правительства в деле ограждения помещиков от крестьянской революционной силы и ее разрушительного напора на помещиков.

Однако уже и крестьянство хорошо разбирается в действиях и в смысле действий помещиков. Классовое и революционно-политическое самосознание членов Ключищинского Комитета, далеко не единичное в сентябрьской деревне, совершенно определенно формулирует позицию крестьянства против лагеря помещичьей контрреволюции, позицию, с которой крестьянство не сочтет, если даже окажутся на лицо попытка свести его силой с этих позиций. Но сентябрьский Совет Сол. Раб. и Кр. Деп. в его целом не понял положения дел, бумагу направил в Губ. Земельную Управу и тем исчерпал все свое «содействие». Зато подобные просьбы служили незыблемым фундаментом для успеха Октябрьской революции и в городе и в деревне.

Но в этом случае Комитет лишь охранял то, что находилось уже в его ведении. Это вполне понятно. Однако события этим далеко не ограничивались, как не ограничивались они и вынесением одних резолюций. Наоборот,

²⁴⁰ Г.З.У. Д. № 2. Л. 326 и 327.

если Комитет опаздывал своей распорядительностью, то сами крестьяне вступались и брали еще не взятое, нисколько не смущаясь тем, что их деянию будет дано наименование «стихийного» или «самочинного» захвата. Если с меньшей силой размаха, то с большей настойчивостью, с более глубоким классовым самосознанием и с большей решительностью добывали они своего классового врага путем захватов земли, имущества и различных угодий помещичьих имений. Очень характерный случай имел место в Никольском имении Л.В. Молостова в Спасском уезде.

Если Никольской экономии удалось засеять в августе паровую землю под озимь, в чем можно сильно сомневаться, то попытка озябить яровой клин будущего года встретила со стороны крестьян с. Никольского решительный отпор, несмотря на то, что Щербетский Вол. Земельный Комитет и оставил экономии для этой цели 35 десятин. Крестьяне по своему распорядились помещичьими огородами и сняли сами в них капусту; заготовку дров на зиму тоже приостановили; одним словом, в сентябре месяце крестьяне хорошо понимали, что правительство принимает все меры к сохранению помещичьих хозяйств отнюдь не в пользу крестьян, а в пользу тех же самых владельцев, и действовали уже более решительно по отношению к экономиям. Управляющие жаловались по начальству, последнее рассылало грозные приказания Вол. Земельным Комитетам, а крестьяне делали свое дело. И Щербетский Комитет получил бумагу от Губ. Земел. Управы, датированную 8-м октября²⁴¹, где предписывается Комитету «заставить крестьян с. Никольского не препятствовать ведению хозяйства в экономии и не вмешиваться во внутренние распорядки хозяйства», обеспечить скот кормом: если сено все разобрано крестьянами, то – «отобрать и вернуть экономии на прокормление скота»: запретить крестьянам препятствовать заготовке дров «из собственного экономического леса» и налагать свою руку «на капусту и кирпич в экономии». Почему же? Управа отвечает: «Капусту крестьяне не сеяли, кирпича сами не заготавливали, а потому владелец имеет полное право привлечь виновных к судебной ответственности и взыскать с виновных все понесенные им от того убытки». Управа предлагает обратить самое строгое внимание и принять меры к прекращению «беспорядков в экономии Молостова». «Если Комитет не примет, заключает бумага, – никаких мер к тому, чтобы крестьяне с. Никольского прекратили свои бесчинства, то как Земельный Комитет, так и общество с. Никольского будут немедленно отданы под суд»²⁴². Сердитая бумага подтвердила и убедила в стараниях Управы для помещиков и, конечно, никого не только не испугала, но заставила действовать еще решительнее в принятом направлении.

Чрезвычайно сложный узел арендных отношений крестьян и купцов нашел себе разрешение в постановлении волостного Земельного Комитета в Мамадышском уезде.

²⁴¹ Г.З.У. Д. № 22. Л. 76 и 77.

²⁴² Г.З.У. Д. № 22. Л. 76 и 77.

12 октября Красногорский волостной Земельный Комитет рассматривал заявление гр. д. Мамыловки Мамад. у. о сдаче в их пользование вод, принадлежащих гражданам с. Красной Горки, гор. Мамадыша, Каменного, Беляева и Максимова Починков, которые в свою очередь отдавали их в эксплуатацию купцам Кляшеву и Купцову. Крестьяне д. Мамыловки решили прекратить господство купцов на рыбных промыслах и для достижения этой цели ничего иного не нашли, как взять угодья в свою эксплуатацию, не взирая на то, что они тем самым нарушали интересы не только купцов, но и крестьян с. Красной Горки и поименованных починков. Чтобы понять причины таких действий маниловских крестьян, необходимо иметь в виду ту мотивировку, которой они оправдывали свое заявление.

Граждане обществ с. Красной Горки, г. Мамадыша и Починков рыболовством не занимаются сами, а отдают в арендное пользование или крупным рыболовам, как например, состоятельным рыболовам Кляшевым и Купцову, или же эти воды сдают караульщикам лугов своих и лесов в счет содержания за караул, которые в свою очередь продают эти воды тоже крупным рыболовам, тем же Купцову и Кляшеву. Последние же, приобрет эти воды, всецело властвуют ими, не впуская в пай положительно никого, рыболовство же производят наемным путем и исполно, как, например, рыболовство купца Купцова при его крупной торговле и содержании нескольких мельниц составляет некоторую промышленность и своего рода спекуляцию. Гражданам, рядом живущим с означенными водами и не имеющим промысла никакого, кроме рыболовства приходится батрачить на тех купцов Купцова и Кляшевых, если они мамыловцев наймут, или же в другом случае смотреть издали, как батрачат-рыбачат другие лица на купца Купцова в Кляшевых²⁴³.

Мы привели полностью эту интересную мотивировку своих требований, чрезвычайно ярко подчеркивающую классовую сущность установившихся производственных отношений батраков и купцов и посредников между ними. Не требующая никаких разъяснений эта мотивировка одновременно выражает и настойчивое требование крестьян-рыболовов прекратить это сложное батрачество на купцов и отдать угодья в распоряжение самих рыболовов. Однако, Волостной Комитет постановил отобрать у купцов воды «в распоряжение Во-

²⁴³ Г.З.У. Д. № 3. Л. 266–268. Ликвидирует кулацкую аренду и Кабык-Куперской вол. земельный комитет. 25 октября решено взять на учет мельницу помещика Кроль, которую последний сдавал в аренду Корсакову и которая не работала третий год, была сильно запущена, даже сгнила, а пруд занесло илом. Несмотря на предстоявшие трудности, Комитет решил ее восстановить. В этом же заседании у того же Корсакова решено было взять 60 дес. пашни и 69 дес. лугов, которые он снимал в аренду у Кроль и от себя сдавал исполно по частям, и распределить «нуждающимся» крестьянам дер. Каб.-Купра. А узнав, что арендатор Корсаков не выплатил заработную плату лесному сторожу, Комитет наложил арест на его деньги в Продовольственном Комитете, которые Корсаков должен был получить за сданный хлеб. Арест сумм должен был продолжаться до «разрешения в суде претензий» лесного сторожа (Г.З.У. Д. № 609. Л. 174–176).

лостн. Земельного Комитета и на арендных началах отдать в распоряжение Мамыловского Сельского Земельного Комитета с тем, чтоб к пользованию этими водами Комитет допускал всех желающих граждан, и не только д. Мамыловки, но всей Красногорской волости. Таким образом, интересы красногорских рыбаков не пострадали не только от эксплуататорских тенденций купцов, но и от appetитов некоторых членов Мамыловского общества, стремившихся перетянуть ловли в свои руки, минуя сельский Земельный Комитет.

Много забот в октябре для земельных комитетов доставляло вредительство помещиков в своих экономиях и хищническая продажа имущества экономии. В то же время не предупрежденные Комитетами подобные факты сильно волновали крестьян и возбуждали их на агрессивные выступления против помещиков Старо-Мокшинский вол. Земельный Комитет 31 октября посылает даже телефонограмму в Губ. Земельн. Управу, которая гласит: «Вопреки запрещения, помещики продают инвентарь. Особенно Колчурин агитирует за неплатеж аренды [в] депозит, дразнит население бесплатным отпуском гнилой соломы, аппетиты разрастаются. Опасаемся за общее спокойствие». Принимая во внимание весьма тревожное настроение в уездах, адресат посылает в тот же день такой ответ волостному комитету: «Действуйте настойчиво. Ни в коем случае не разрешайте продавать инвентарь без согласия волземкома. [В] крайнем случае удалите приказчика, не подчиняющегося распоряжениям Вол. Зем. Комитета и поставьте другого. Председатель Штруцер»²⁴⁴.

Земельные комитеты в сентябре и октябре месяце охотно исполняли эту директиву, часто даже предупреждая ее; подсчет имеющихся данных показывает, что повторная опись имения взятие его вновь на учет, сопровождавшееся частичной сменой административно-хозяйственного персонала экономии, в эти два месяца снизились значительно меньше, чем другие формы движения.

Чтобы понять, почему это было именно так, нам надлежит познакомиться с постановлением представителей от сельских обществ Ташевской волости Свияжского уезда от 29 октября, в котором дана чрезвычайно подробная мотивировка подобных действий. Представители сельских обществ собраны для того, чтобы волостные учреждения в своих дальнейших действиях в отношении помещичьего хозяйства во всех необходимых случаях могли опереться на директиву столь авторитетного крестьянского собрания. В эпоху открытого покровительства власти помещикам и действия карательных отрядов в интересах того же помещика²⁴⁵, а также в целях предупреждения погромных выступ-

²⁴⁴ Г.З.У. Д. № 13. Л. 189, 190.

²⁴⁵ Несмотря на большую численность карательных отрядов, они, однако не справлялись с «работой», и вынуждены были, не окончив «дела» в одном месте браться в другое. Так, напр., в Козьмодемьянском уезде в середине октября действовал карательный отряд прапорщика А.Ляпидовского. О нем находим краткое сообщение в бумаге Козьмодемьянской Уездной Земельной Управы в губернскую от 18 октября, где говорится, что «приведение в исполнение постановления Уездн. Земельного Комитета от 8 июля по вопросу о захваченном сене с лугов Маслова острова помешали

лений крестьян против помещиков и их хозяйств, такой путь и впоследствии дал благоприятные результаты и был весьма целесообразным в октябре месяце. Но обратимся к постановлению.

«В пределах здешней волости находится имение землевладелицы маркизы Е.М. Паулуччи, каковое до сего времени состоит под управлением доверенного ее Н.Ф. Медведева. Управление Медведева этим имением – достоянием народа далеко не соответствует интересам последнего, т.к. всеми доходными статьями, как от земледелия, так равно и от лесного, молочного хозяйства, кирпичного завода, мельниц, каменоломен, пристаней и т.п. Медведев пользуется без всякого учета, а следовательно доходность поступает не в народную пользу, а в пользу той же землевладелицы.

«По обсуждении этого, в целях сохранения доходности имения в интересах трудового народа и гарантий от посягательств на эти доходы со стороны владелицы, мы пришли к тому заключению, что имение Паулуччи под эксплуатацией ее доверенного Медведева находиться долее не может, а подлежит в полном его составе передаче в ведение местных органов самоуправления, дабы с чистой совестью встретить наших сыновей и братьев, сражающихся на театре военных действий, защищая ту же самую народную собственность, которая у нас, к сожалению и стыду, находится еще в цепких лапах помещицы, достаточно уже пополнившей свои финансовые ресурсы на счет крови и пота трудового народа. Довольно.

«Исполняя волю, выраженную в особых приговорах пославшего нас народа, а равно и личный свой долг пред защитниками нашей дорогой родины и в силу защиты интересов трудового народа, постановили: принадлежащее Е.М. Паулуччи имение в полном его составе со всем живым и мертвым инвентарем и хлебом теперь же, впредь до разрешения аграрного вопроса в Учред. Собрании, передать в распоряжение местных волостных Продовольственного и Земельного Комитетов при совместной работе с волостным земством. При этом поручаем Прод. Управе немедленно же приступить к подробной описи всего имущества, хлеба, живого и мертвого инвентаря в имении Паулуччи и принять таковое в свое распоряжение. Состав служащих конторы и рабочих оставить по усмотрению Управы, а излишек военнопленных с учета снять и немедленно же препроводить в распоряжение воинского начальника.

«В интересах сохранения экономии и остатка хлеба в имении, в виду продовольственного кризиса, немедленно же приступить к ликвидации излишка мясного склада, свиней и птиц. Сохранить рабочую силу лошадей в том размере, каковой потребуется для обработки хозяйственным способом

волнения в Акрамовской волости, куда и должен был направиться Ляпидовский». Как дело о захваченном сене с лугов Маслова острова должно было разрешиться действием отряда, так и волнения должен был усмирить этот же отряд. В деревне происходила уже война с крестьянством; однако, последнему она не столько приносила вреда сколько пользы и решимости в борьбе с своим классовым врагом (Г.З.У. Д. № 7. Л. 34).

земли, оставшейся после сдачи таковой населению на правах аренды, и молочный скот, как племенной рассадник для развития скотоводства в волости, а Земельной Управе поручить самое строгое наблюдение за лесным хозяйством в имении, правильной сдачей в аренду земли населению и получение арендных денег.

«Предложить доверенному Медведеву снять с себя обязанности службы в имении Паулуччи, сдать Вол. Прод. Управе все имущество, инвентарь живой и мертвый, все письменные договора, обязательства и др. бумаги, а равно доверенность, выданную ему на управление этим имением и сделать публикацию о считании таковой недействительной. Председатель Сидоров»²⁴⁶. (Следует 89 подписей).

На другой день волостная Земельная Управа, развивая это постановление, намечает уже конкретный план действий в экономии Паулуччи и осуществляет их полностью²⁴⁷.

Этот факт чрезвычайно широко организованных действий, конечно, далеко не одинок в нашем крае, но приходится отметить, что такие громоздкие собрания имели место лишь в особенных случаях, когда экономия была чрезвычайно большой и богатой, а владения Паулуччи простирались на несколько десятков верст по правому берегу Волги, и имели много заводов и различных питомников.

Таков же образ действий сопровождал и захват имения Гагариной в с. Теньках того же Свияжского уезда, как можно судить из телеграммы управляющего имением Треймана еще от 21 сентября: «крестьяне совместно с Теньковским волостным и Свияжским земельными комитетами изгоняют служащих, конфискуют бумаги, книги, дела конторы, удерживают отправку ржи для армии, продают продукты и уничтожают лес, причем член свияжской продовольственной управы Вакурнин телеграфно потребовал сдать имение комитету. Владелице грозит полное разорение»²⁴⁸. А 13 октября Министерство внутренних дел получило от председателя Казанского союза сельских хозяев даже такую телеграмму: «Почти во всех уездах губернии происходит массовое расхищение частновладельческих лесов, лесного материала, насильственная распродажа живого и мертвого инвентаря, увоз хлеба, сена кормов и удаление администрации. В таком положении находятся экономик Родионова и Демидова в Спасском уезде; Лебедева, Мельникова и Степанова – в Лаишевском уезде. Сверчкова – в Тетюшском и много других»²⁴⁹. Просмотрев несколько тысяч листов архивного материала, мы не имеем возможности согласиться с этой информацией, т.к. никакого «массового расхищения» этих имений в архивных документах не отразилось, но если в порядке исполнения постановлений комитетов оно не имело место, то в

²⁴⁶ Г.З.У. Д. № 7. Л. 488.

²⁴⁷ Там же. Л. 486 и 487.

²⁴⁸ Крестьянское движение в 1917 г. С. 279.

²⁴⁹ Там же. С. 333.

виде «расхищения» могло рисоваться только самому же пострадавшему Мельникову.

Но из всего изложенного, вовсе не следует, что в сентябре и октябре разгром имений и террор совершенно не имели места. В начале сентября было захвачено крестьянами «все имущество» помещицы Сушко в Свияжском уезде, даже то, которое Сушко успела продать, может быть и фиктивно, швейцарской гражданке Симон, проживавшей в том же имении. В Лаишевском уезде «была самочинно арестована» княгиня Грузинская, что, конечно, сопровождалось и захватом усадьбы и имущества помещицы; об этом говорит телеграфное донесение губернского комиссара от 1 октября. В сентябре же «крестьяне громили имение купцов Щетинкиных» около с. Державина в Казанском уезде²⁵⁰. Наконец, 21 октября произошел погром усадьбы Макашина в Спасском уезде. Об этом погроме мы имеем более подробные сведения, чем о других.

А.Макашин, помещик дер. Пановки, в мае месяце проявил себя добрым гением: «по просьбе местного (Пичкаского) волостного Комитета для нужд волости продал на сруб 13 десятин леса по цене, которую должен был установить казенный лесничий». Но Волостной Комитет, заручившись согласием помещика, оценил лес самостоятельно в 50 рублей десятину без приглашения лесничего и даже «вынудил на это согласие управляющего». Описывать дальнейшие события предоставим А.Макашину.

«Эти 13 десятин в июне были вырублены и лес вывезен. После окончания полевых работ началась самовольная беспощадная рубка леса всеми окрестными крестьянами, и после всего этого, когда крестьяне наготовили и вывезли массу лесного материала, три соседние селения: Березовая Грива, Базяково и Пановка, как сообщает мне прикащик, получили разрешение от Губ. Земел. Комитета готовить для себя в моем лесу 535 кубов дров». С лесом управились и перешли на все остальное, видимо, без промедления.

Давно уже местные и соседние крестьяне чинят всякого рода беспорядки, – писал Макашин в союз сельских хозяев 23 октября – и расхищают мое имущество: беспощадно рубят лес, разбирают и развозят по частям, не жалея, постройки, ломая двери, полы, крыши; грабят даже из запертых помещений всякого рода вещи: конную сбрую, кадки, котлы, столярные инструменты и т.п. Благодаря тому, что я не нахожу никакой защиты у местных властей, все эти беспорядки разразились 21 октября погромом усадьбы в «Верхнем Хуторе». Прикащик прислал телеграмму «Березовские крестьяне громят «Верхний хутор»²⁵¹.

Конечно. Союз Сельских Хозяев внял мольбам незаслуженно пострадавшего своего члена и счел себя исполнившим его просьбу, отослав заявление Макашина в Губернскую Земельную Управу. А последняя ничего иного не могла предпринять, как, пришить его к делу, т.к. на подобные заявления реагировать более решительно Управа была совершенно бессильна.

²⁵⁰ Крестьянское движение в 1917 г. С. 277–278.

²⁵¹ Г.З.У. Д. № 22. Л. 81.

Чтобы открыть причину не только ноябрьских погромов, но сентябрьских и октябрьских, вместе с могучими организованными действиями крестьян против помещичьих имений, мы должны обратить серьезное внимание на продовольственные вопросы в деревне и на связанные с ними крестьянские движения. Частично мы указывали на них и выше, но сентябрь и октябрь представляют собой такое время, когда они доминировали над всеми остальными формами движения. Сводки правительственных агентов губернии за сентябрь и октябрь прямо переполнены сообщениями о продовольственных затруднениях и о волнениях крестьян на этой почве. «С закрытием навигации» население ждет голода. «В уездах, на почве отсутствия продовольствия происходят беспорядки». Резкое противодействие проведению хлебной монополии наблюдается всюду; доходит до убийства комиссаров и разгромов продовольственных органов в деревнях, не говоря уже о насильственном закрытии многих из них. Власти признаются в своем бессилии; не оказывают существенного влияния и военные отряды. 1 октября губернский комиссар телеграфировал в столицу, что «губерния накануне голода». Та же картина и в октябре: разгром продовольственных управ и комитетов, протесты против твердых цен и хлебной монополии. «И Козьмодемьянском уезде демонстративно запрещается вывоз хлеба для армии. Был случай насилия толпы над управляющим имением». Наблюдались даже поджоги хлеба. Довольно часто громило хлебные магазины и развозили зерно²⁵². Несмотря на многозначительность этих событий в этих официальных донесениях мы не видим указаний на причины продовольственного кризиса кроме самых обычных, а главное – на причины разгромов продовольственных учреждений и насилий над помещиками и их управляющими. Эта завеса была приоткрыта на 2-м съезде крестьянских депутатов, который происходил 10–14 сентября.

Представитель Мамадышского уезда указал, что Букмышская волость «под влиянием кулацкой агитации от хлебной монополии отказалась». В Лаишевском уезде «в некоторых волостях недород, а у помещиков хлеб не реквизирован, а также и скот, будто он весь племенной... Скот у крестьян и племенной реквизирован, у помещиков же нет». Спасский Крестьянский съезд, открывшийся 24 сентября, приветствуя хлебную монополию, указывает на необходимость снабжения деревни фабрикатами по твердым ценам и немедленного удаления, ввиду непригодности, всех делегатов от Сов. Сол. Раб. и Крест. Деп. и всех воинских команд, которые вносят «только озлобление среди крестьян» и затрудняют проведение хлебной монополии. На 2-м же Губ. Крестьянском съезде представитель Лаишевского уезда подчеркнул еще одну сторону взаимоотношений с помещиками: «Помещики при помощи делегатов с вооруженной командой отбирают обратно у крестьян обработанную землю», ссылаясь для доказательства на имение Щетинкина в с. Смолдеярове²⁵³. Выше мы приводили примеры этого для других мест и из других источников.

²⁵² Крестьянское движение в 1917 г. С. 278–279, 332–333.

²⁵³ Казанский Октябрь. Хроника революции 1917 г. К[азань], 1926. С. 174, 186.

Решительные мероприятия волостных организаций, включая до съездов крестьянских депутатов, «объявить всю землю народным достоянием, наряду с землей конфисковать имения: весь инвентарь, живой и мертвый, передавать для распределения по отдельным лицам в вол. земельные комитеты, передать имения под контроль земельных Комитетов, как это наблюдалось в Чирповской вол. Лаишевского уезда еще 3 октября, вызывали со стороны центрального правительства такие распоряжения, как нижеследующее: «Продолжающийся непрерывно рост анархии, угрожающий внутреннему положению страны, и необходимость решительной, быстрой борьбы со всякого рода выступлениями, нарушающими общественную безопасность, вынуждают прибегать к содействию воинской силы для подавления беспорядков. Сообщая об этом, министерство считает необходимым указать, что для локализации и подавления беспорядков необходимо действовать твердо и решительно, без малейших промедлений и послаблений». Так распорядился министр внутренних дел по адресу Казанского губернского и военного комиссаров 21 октября²⁵⁴. Яркая выраженная контрреволюционная деятельность правительства нашла себе резкий отзвук не только в октябре месяце, когда дело доходило до погромов имений, террора по отношению к крупным землевладельцам, разгрому и игнорированию правительственных учреждений, но еще в сентябре месяце на 2-м крестьянском съезде, на котором 10 сентября по докладу Коллегаева вынесена была резолюция, смысл которой заключался в следующем: 1) ввиду революционного банкротства Временного Правительства и ярко выраженной его буржуазно-помещичьей политики, съезд требовал избрания нового состава его исключительно из представителей «трудовой демократии», которое в своей деятельности, прежде всего немедленно передало бы всю землю и инвентарь, не дожидаясь Учредительного Собрания, в пользование крестьянства через земельные комитеты, отменило бы смертную казнь, установило бы рабочий контроль на фабриках и заводах, прекратило бы преследование левых социалистов и работников земельных комитетов и т.д.²⁵⁵

Несомненно, что эта резолюция в деревне нашла себе полное сочувствие. Крестьянство в сентябре, как и в мае, отстаивая свои позиции против напора помещиков и правительства, с большой надеждой смотрело на Совет Крестьянских Депутатов, работавший в это время уже совместно с Советом Раб. и Сол. Депутатов и составлявший с ним одно целое, и в критических случаях, особенно при арестах представителей земельных комитетов, всегда обращалось за помощью именно к нему, видя в нем самую мощную организацию революционных сил, особенно с усилившимся в это время притоком в его состав левых соц.-революционеров и большевиков. Учет сил уже в сентябре был произведен и по губернии снова поднялась пока еще не богатая количественно, но могучая в качественном отношении, крестьянская волна гнева против защищаемых правительством помещиков.

²⁵⁴ Казанский Октябрь. С. 193, 208.

²⁵⁵ Казанский Октябрь. С. 172.

Наиболее острые формы эта борьба принимала как вследствие контрреволюционной деятельности помещиков и правительства, так и кулацкой части крестьянства, которая, как о том говорилось еще на 2-м крестьянском съезде, в борьбе за собственное и доминирующее положение на хлебном рынке, где в это время царил ажиотаж и спекуляция, с особенной силой выступила и против хлебной монополии вообще и против помещиков, наживавшихся от этой монополии при особенном содействии правительства в частности. Эта особенность крестьянского движения в сентябре и октябре месяцах имела громадную, но еще скрытую, потенциальную энергию, сдерживаемую политикой Сов. Раб. Сол. и Крест. Депутатов, которая заключалась именно в содействии хлебной монополии. Но когда загревели пушки Октября и закончили победным гулом над Временным Правительством в столице и в провинциальных городах, для деревни, именно кулацкой ее части в первую очередь это послужило сигналом реквизировать указанную потенциальную энергию прежде всего против помещичьего хозяйства в надежде на обогащение в самый горячий момент организации управления Россией от имени Советов Раб. Солд. и Крестьян. Депутатов. Октябрьская революция послужила искрой или поводом стихийного крестьянско-кулацкого погромного движения в деревне, которое не имело бы столь широкого распространения, если бы Земельная Управа после ареста Временного Правительства не помешала бы на местах проведению в жизнь декрета о земле, принятого II Всероссийским съездом Советов вместе с «наказом» и резолюцией о погромном движении в ночь на 27 октября 1917 г.²⁵⁶

Прежде чем входить в детальную характеристику ноябрьского крестьянского движения, мы находим необходимым предложить вниманию читателей снова статистический материал (см. таблицу ниже – *Ред.*), чтобы иметь пред-

²⁵⁶ Губернский Земельный Комитет получил 8 ноября телеграмму от председателя Главного Земельного Комитета, датированную еще 28 октября, которая уже 10 ноября была разослана по всем уездам губернии. Содержание ее следующее:

«Советом Главного Земельного Комитета принят нижеследующий текст обращения: От Главного Земельного Комитета за подписью Вл. Ульянова-Ленина, именующего себя председателем Совета Народных Комиссаров, опубликован документ, который он называет декретом о земле: Главный Земельный Комитет объявляет, что декрет, изданный за месяц до Учредит. Собрания (является) незаконным и недействительным. Он может лишь усилить беспорядки и самочинные захваты и привести к совершенной невозможности правильного разрешения земельного вопроса на тех твердых началах, какие будут установлены полновластным распорядителем земли русской – Учредительным Собранием. Поэтому Главный Земельный Комитет предлагает всем земельным комитетам и призывает всех граждан не исполнять и не допускать исполнения этого декрета. Пусть население в спокойной уверенности ожидает того близкого часа, когда земельный вопрос будет разрешен и земля передана трудовому народу велением Учредит. Собрания, а земельные комитеты пусть продолжают возложенное на них великое дело подготовки земельной реформы». Прошу немедленно телеграфировать в уезды. Председатель Постников. № 24006 (Г.З.У. Д. № 1. Л. 99–102).

ставление как о формах движения, так и о распределении его по месяцам за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь.

	Спасский	Свияжский	Чистопольский	Лаишевский	Мамадышский	Казанский	Тетюшский	Цивильский	Краснококшайский	Козьмодемьянский	Чебоксарский	Всего
Захват и погромы имений	7	2	42	29	8	21	4	1	–	–	–	114
Частичный захват имений	5	2	1	3	–	2	2	–	1	–	1	17
Захват лугов и пашни	1	6	8	–	1	2	1	1	–	–	–	20
Захват инвент. и скота	1	6	6	4	1	–	1	–	–	–	–	19
Захват леса и матер.	1	29	16	4	3	4	1	–	1	1	–	60
Захват подсобн. предп.	–	5	–	–	3	2	2	–	1	–	–	13
Взятие на учет и под контроль	7	2	24	2	1	5	6	1	–	1	3	52
Захват семян, урожая, хлеба	–	1	2	1	–	–	–	–	–	–	2	6
Террористическ. выст.	–	8	2	4	1	2	–	–	–	–	–	17
Ликвидация аренды	–	6	1	–	2	–	–	–	–	–	–	9
Снятие служащ. и рабочих	–	2	1	–	1	–	–	–	–	–	–	4
Всего	22	69	103	47	21	38	17	3	3	2	6	331
Сентябрь	5	33	25	1	–	2	1	–	1	–	–	68
Октябрь	7	23	15	7	9	5	1	1	–	–	2	70
Ноябрь	10	9	55	37	11	27	12	–	2	2	–	165
Декабрь	–	4	8	2	1	4	3	2	–	–	4	28

Общий темп движения, как видим, значительно понизился. Один ноябрь дал более полторы сотни случаев, сентябрь и октябрь немногим превысили майское движение. Данные за декабрь мы не считаем достаточно верными, т.к. материал довольно случайный; связь с местами нарушилась и сообщения в архиве весьма малочисленны. Можно считать верным лишь сильное снижение движений, но абсолютный показатель будет изменен при дальнейших архивных разысканиях.

По губернии наибольшее число случаев падает на разгром и захват имений, на порубки леса и захват лесных материалов, на учет имений и взятие их под контроль. Все это вместе с частичным захватом имений составляло за

четыре последних месяца 243 случая из 331. Если летнее движение сосредоточивалось по преимуществу на земельных захватах, то осенью центр тяжести надо отнести на захват целых имений. Из уездов особенно сильно выдвигаются Чистопольский, Свяжский и Лаишевский, где имели место почти $\frac{2}{3}$ всего числа движений; слабее выступали Казанский, Спасский и Мамадышский уезды и совсем слабое движение было в остальных уездах губернии. Кроме того, в Свяжском уезде наиболее мощно движения развернулись в сентябре, в октябре было меньше, а в ноябре совсем мало, тогда как в мелкопоместном Лаишевском уезде незначительное в сентябре и октябре крестьянское движение сильно развернулось в ноябре: та же картина и в Казанском уезде. В Чистопольском же октябрь прошел спокойнее сентября, но ноябрь, не только дал превышения над сентябрем, но развернул движение, нанесшее гораздо больший урон помещичьему хозяйству сильными разгромами. Эти замечания, построенные всецело на основе цифрового материала, могут быть значительно развиты и пояснены многочисленными протокольными записями, донесениями и записками, в особенности относительно ноябрьского движения. К ним мы и обратимся.

На заседании Губернского Земельного Комитета 8–10 декабря представитель Тетюшского уезда дал такие сведения:

«В уезде погромы начались с 1 ноября. Первыми разгромлены имения Теренина и Соловьева; владельцы, видимо услышав о предстоящем переходе имений в ведение Земельных Комитетов, не дожидаясь Учредительного Собрания, успели до погрома часть скота увести и распродать частным лицам. Затем погромы перешли на другие имения Плотникова, Молостова, Ашмарина и др.; все они описаны и взяты в распоряжение вол. земельных комитетов. Скот из имений роздан бедным по описи. Племенной скот разобран населением под расписки с обязательством его не продавать и не передавать. В экономии Сверчкова владелец часть орудий и скота перевез в Тетюши, но вол. комитет постановил сел. хозяйственные орудия возвратить в экономию. Остались не разгромлены имения Молостова и Колсанова, т.к. крестьян удалось уговорить. Порубка лесов беспощадна, особенно в Клянчинской вол.; рубят казенные леса и много помещичьих, т.к. отпуск леса был несвоевременный и не в полной норме. Землю под яровое волостные комитеты распределяют в аренду»²⁵⁷. Особенно выпукло подчеркивается хищничество помещиков и волокита не без политического смысла чиновников лесного ведомства, с большой готовностью оказывавших поддержку помещикам, но не крестьянам. Чрезвычайно деятельное участие в судьбе помещичьих гнезд проявляли земельные комитеты, бравшие имения под контроль и тем самым содействовавшие их хотя бы частичной сохранности, как, напр., имение Сверчкова; оно хотя и пострадало от разгрома, но не настолько, чтобы потерять всякий признак хозяйственной единицы.

²⁵⁷ Г.З.У. Д. № 16 и 99.

В Спасском уезде события протекали более бурно. Сплошь и рядом там не действовали никакие уговоры, кто бы этим не занимался. Бывший там с 1 по 15 ноября П.Н. Запольский, делегат-эmissар исполкома Сов. Солд. и Раб. Депутатов, сообщал в Продовольственную Комиссию Военного Отдела Исполкома следующее: «Погромная волна по Спасскому уезду начинает все шире и шире разливаться: уничтожаются рассадники коневодства, племенного скотоводства и птицеводства, сады, питомники, оранжереи и т.п., даже сжигаются помещичьи дома и начался дележ хлеба.

«При дележе экономии, а также живого и мертвого инвентаря, почти не принимается в расчет равномерное удовлетворение интересов неимущих, богат и здесь старается забрать что получше и ценнее. Одним словом, царит полнейший произвол. Дело доходит даже до того, что, например, в экономии Апанаева отпускные солдаты (они и есть главные виновники происходящего) распродала 40 пудов овса, вывезенного из экономии, а деньги пропили. И им порядочный человек в деревне не говорил ни слова. Деревня, конечно, совершенно бессильна что-либо предпринять против подобных бесчинств кучки организовавшихся главарей. К тому же вернувшиеся с каторги и из тюрем уголовные преступники положительно терроризируют местное население. Сейчас деревня в руках темных личностей; на местах полное безвластие и бездеятельность судебного аппарата. Одним словом, положение в высшей степени плачевное».

«К сожалению, еще некоторые члены уездного и волостных земельных комитетов совершенно не соответствуют своему назначению и даже в некоторых местах сами являлись зачинщиками погромов. Что же касается общественных и демократических организаций и меня, то мы не могли, конечно, равнодушно смотреть на эту печальную картину и позволять гибнуть народному богатству на своих глазах».

Этим заканчивается общая часть докладной записки Запольского. Последний определенно устанавливает, что погромное движение в ноябре проходило под руководством кулацкой части деревни и представителей кулачества, еще удержавшихся в составе некоторых земельных комитетов. Эти зачинщики и «руководители» мобилизовали преступный, деклассированный элемент деревенского населения и с его помощью захватывали себе наиболее ценные вещи, предоставляя своей боевой «дружине» или выпивку или небольшую долю экспроприированного. Относительно солдат-отпускников мы будем говорить ниже. Дальнейшее содержание записки заключается в освещении аграрного движения в отдельных деревнях.

«До сведения уездного продовольственного комитета дошло, что граждане сел Бездны, Тат. Тюгульбаевы, Кошек, Катюшиной и Кузнечихи приступили к разделу экономии, живого и мертвого инвентаря и хлеба». Запольский побывал в этих деревнях с поручением предотвратить разгром экономии Родионова. И что же?

«Жители, вначале сознавая, что все это перешло уже во владение народа и может быть разделено законным путем и только по возвращении солдат с фронта, решили было сохранить в целости, но погромная волна их захлестнула, и бороться с ней у местного населения не хватило гражданского мужества. 6 ноября граждане на сельском сходе вынесли постановление о разборе экономических лошадей, коров, птиц и о разделе хлеба.

После захвата хлеба и скота решили, видимо, «распределить» и все остальное: однако, 8 ноября Запольскому удалось повлиять на сход с. Бездны и настоять на том, чтобы имение было сдано под контроль земельному комитету Гусихинской вол. 10 ноября комиссия в составе председателя и члена волостного земельного комитета, сельского комиссара и понятых приступила к описи, в результате чего некоторые «старинные серебряные и золотые вещи» были поделены между членами комиссии, а за счет содержимого винного погребка экономии члены «на радостях и погуляли», за что на сельском сходе подверглись избиению и, видимо, весьма серьезному, т.к. Запольский счел необходимым добавить, что после самосуда «остались все живы». После этого разгрому подверглось все имение²⁵⁸. 11 ноября у помещика Апанаева был разобран скот и инвентарь крестьянами дер. Тат. Тюгульбаевы. В дер. Катюшине сходом 20 октября решено было «хранить экономию Кольбицких», но через 2 недели вынесли новое постановление «разделить живой и мертвый инвентарь и хлеб». Запольский уговорил свезти хлеб в количестве 2000 пуд., на ссыпной пункт. А 15 ноября в с. Кошках не только свезли 200 пудов хлеба на ссыпной пункт, но виновники погрома экономии Апанаева собрали весь мертвый инвентарь в один амбар, после чего он был оценен и сдан под охрану «до возвращения защитников с фронта»²⁵⁹. 11 ноября вместе с имением Родионова, подверглось разгрому и имение Молоствовова.

Из записки Запольского о событиях в разных селениях мы получаем достаточные данные для того, чтобы подчеркнуть стихийность погромного движения, когда малейшая тактическая оплошность должностных лиц или незначительный посторонний случай решали судьбу экономии. Во время погромов значительно больший авторитет имел сельский сход, чем земельные комитеты: последние не держали в своих руках инициативу, а скорее следовала постановлениям сельских сходов или регулировали исполнение их, особенно при распределении хлеба, скота и инвентаря. Конечно, это можно принять лишь для самого опасного времени, но когда погромы не угрожали, комитеты прочнее стояли на страже защиты экономии от разрушения. Нельзя приписать решающей роли в погромном движении и сельским сходам, иначе Запольский не стал бы пользоваться каждым случаем, чтобы агитировать перед сходом о необходимости сохранить экономию; мало того, сходы всегда

²⁵⁸ Это подтвердил в декабре и представитель Спасского уезда на заседании Губ. Земельного Комитета: «Комитетом принимались меры... но сохранить оказалось невозможным» (Г.З. У. Д. № 16. Л. 98).

²⁵⁹ Г.З.У. Д. № 38.

шли по правильному пути, когда решали переброску хлеба на ссыпной пункт, а не по дворам, и когда постановляли охранять экономии. В записке Запольского чувствуется укоризна по отношению к сельским сходам, когда он указывает, что имение вопреки постановлению все-таки разгромлено, «не хватило гражданского мужества». Но это весьма неубедительно. Если сход находил, что лучше раздать населению скот, инвентарь и хлеб, и осуществлял это через земельные комитеты, то это далеко еще не разгром, а разгром обычно следовал за этим актом и начинался по ночам по инициативе кулаков, особенно, если они не имели данных получить желаемое через комитеты.

Казанский уездный земельный комитет в своем заседании 4 и 5 декабря выяснил, что из 76 имений, находившихся в уезде подверглось разгрому 21; остальные были в полной сохранности. По волостям погромы определились таким образом: в Арской – 6, в Собакинской и Каймарской – по 4, в Мульминской – 3, в Столбищенской – 2, в Алатской и Кулаевской – по 1-му²⁶⁰.

Представитель Казанского уезда в губ. земельном комитете 9 декабря дал нижеследующую картину ноябрьского движения: «С 2-го ноября, когда в уезде хлынула волна солдат, начались погромы. По мере передвижения солдат, первые погромы имений начались в Мульминской волости у землевладелец Леонтьева, и Арской – у Новицкого, в Каймарской и т.д. Погрому подвергалось все движимое имущество, а местами – даже постройки. Более спокойным оказалось население Кулаевской, Кармышской и частью Чепчуговской волостей, где имения остались в целости, но за спокойствие их в настоящее время ручаться нельзя. Команды солдат, при содействии которых предполагается увезти в город хлеб из экономии, нервируют населению. В общем, положение в уезде тревожное, но не так опасно. Все имения в настоящее время переходят в распоряжение вол. земельных комитетов по описи. Расхищение лесов идет ужасное: крестьяне идут за лесом без надобности, защиты нет никакой. Уездный земельный комитет пришел к заключению ввести конную стражу, но не такую, какая существует в настоящее время, которая торгует лесом (в Алатской волости); не забывают старого и лесничие (Арский лесничий требует с населения в виде налога по 25 пудов хлеба за отпуск леса)»²⁶¹. Снова указание на солдат, как на зачинщиков погромов, но едва ли это убедительно, т.к. в других волостях и, надо сказать, в большинстве их погромов не наблюдалось, хотя солдаты там, конечно, были.

Ближайшую причину погромов и тревожного настроения в уезде докладчик сам же видит в продовольственных военных отрядах, а указывая на хищение леса, он же говорит, что хищники и те, кому лес и не нужен; но причину и лесных порубок вскрывает он в спекуляции лесом лесной стражи и в вымогательстве лесничих, которые совсем иначе относились к помещичьей вырубке лесов десятками делянок. Так что погромы шли не от солдат, а от продовольственных военных отрядов, от спекуляции и вымогательства чиновников и лесной стражи и от кулачества. Кроме того, наблюдались случаи чистойшей

²⁶⁰ Г.З.У. Д. № 3. Л. 162.

²⁶¹ Г.З.У. Д. № 16. Л. 94.

провокации среди самих помещиков, когда они стремились на ушедшем из их рук имуществе столкнуть крестьян двух сел, не останавливаясь даже перед подкупом несознательного или кулацкого элемента. Такой случай имел место в Кулаевской волости Казанского уезда, когда из-за помещичьего имущества произошло столкновение сел Пестрецы и Кулаева, результатом чего были массовые избиения и поджоги крестьянских жилищ. Такого рода тактику избрал помещик Молотков, когда Кулаевское общество решило разделить его инвентарь бедным крестьянам²⁶². Что же происходит дальше? Это нам поясняет протокол Казанского уездного земельного комитета от 4 декабря.

В ноябре же месяце имения перешли от помещиков под контроль вол. земельных комитетов: произведена была новая опись всем имениям и поставлены были управляющие от комитетов. В тех случаях, когда имение оказывалось на замке, волостные комитеты снимали эти замки, производили опись и назначали управляющих; так было, напр., в имении Тюфилина в Ковалинской волости. Новый порядок не установился еще в имении Депрейс в Собакинской волости и в имении Бекренева Кармышской волости, т.к. заведывание имениями помещики сами продолжали; уездный земельный комитет по этому поводу постановил: предложил помещикам сдать имения Вол. Зем. Комитетам по описи, самим же выехать из имения. Комитету предложено немедленно поставить управляющих имениями²⁶³.

На этом же заседании было принято решение о норме выдачи имущества и скота помещику при выселении его из имения и при приеме поместья в ведение Волостного Земельного Комитета.

«Если помещик имеет в Казани, или где-либо в другом городе собственный дом или квартиру, то ничего из движимого имущества, находящегося в имении, не выдавать, кроме одежды и белья: если же помещик ничего в городе не имеет, то выдать необходимую мебель, как-то: стол, 6 стульев, 2 кресла, по одной кровати на каждого члена семьи помещика и всю одежду и белье. Если помещик имеет в городе лошадь и корову, то из имения не выдавать; если же он в городе не имеет, то выдать 1 корову и 1 лошадь. Все разделы, расчеты и вычеты производить с общего согласия Вол. Зем. Комитета и близлежащих селений, выбранного управляющего имением и члена Управы, если таковой присутствует, при чем им предоставляется право увеличить или уменьшить вышеуказанную выдачу помещику из имущества с общего их согласия»²⁶⁴.

В этом постановлении слышится уже совершенно новый тон в обращении с помещиком, уверенный и более решительный. Этот же текст является началом новой эры законодательства в области регулирования отношений крестьян и помещиков. Причина этого явления заключается в том, что в ноябре месяце произведены были повсеместные пере выборы земельных комитетов после совершившегося октябрьского переворота. Новый состав их много включал

²⁶² Вестник Научного Общ. Татароведения. 1925. № 1–2. С. 44–45, 50–51.

²⁶³ Г.З.У. Д. № 3. Л. 152.

²⁶⁴ Г.З.У. Д. № 3. Л. 153.

большевиков и левых эсеров, которые и дали новый оттенок, направление и темп деятельности земельных комитетов.

Были единичные случаи и немедленного использования помещичьих усадеб под учреждения. Так в селе Никольском Кукморской вол. Казанск. у. сельский сход 10 ноября постановил перевести Волостной Продовольственный Комитет в усадьбу помещика Гернет; в усадьбе было 2 дома со службами, сад при них и ни души жителей. Сами то помещики наезжали только летом, так что в жилье у них нужды нет; это еще более убеждает туда перенести учреждения, т.к. и управа и почта помещаются в «гражданских домах, которые недостаточно удобны для них»²⁶⁵. Может быть, желание освободить «гражданские» дома от постоя учреждений и преобладало в решении вопроса, но это нисколько не мешает нам утверждать, что у крестьян была полная уверенность в целесообразности немедленного использования помещичьих усадеб в общественных или государственных интересах.

Значительно шире развернулись события в Лаишевском уезде. Уже 10 ноября из Лаишева сообщалось в Казанский Губ. Земельный Комитет о 26 погромах имений, происшедших в 10 волостях уезда: в Черемышевской – 2, в Аркатовской – 7, в Пановской – 2, в Ключищинской – 3, в Бетьковской – 1, в Масловской – 1, в Анатышской – 1, в Державинской – 7 и в Астраханской – 1²⁶⁶. Погромы начались с 1 ноября в Ключищинской и Аркатовской волостях и с имения председателя Казанского союза сельских хозяев Мельникова.

Представитель от уезда 9 декабря в свой доклад записал такую картину движения: «Развозился скот, движимое имущество и были местами поджоги имений, которое совершалось по подстрекательству темных личностей, предлагавших жечь вороньи гнезда, чтобы более они не заселялись. Одно имение, видимо, сожжено владельцем, т.к. при возникновении пожара было обнаружено, что все из имения было вывезено и выведено: а другие имения сжигались населением, чтобы скрыть следы расхищения. Имений разгромлено много, а в Ключищинской волости с убийством. В Аркатовской волости по уговору делегатов разгромленное имущество свезено обратно, лошади же проданы населению по цене от 200 до 600 руб. В Астраханской волости немного попало в руки богачей. К р. Каме имений разгромлено меньше, т.к. туда посылались для уговоров делегаты. Леса вырубаются беспощадно; семьи с двумя работницами нарубили по 80 деревьев. На объявления не обращают внимания»²⁶⁷.

Может быть помимо своего желания, докладчик вскрывает настоящих деятелей поджогов и погромов имений. С одной стороны, это те, кому надо было скрыть количество похищенного. Кому же это? Едва ли крестьянину бедняку или середняку, который мог получить часть помещичьего добра через земельный комитет; определенно, что большей частью тому, кто не мог ожидать «законной» доли от комитета, – деревенскому кулаку. Бдительность

²⁶⁵ Г.З.У. Д. № 17. Л. 247.

²⁶⁶ Вестник Научного Общ. Татароведения. 1925. № 1–2. С. 46–47.

²⁶⁷ Г.З.У. Д. № 16. Л. 95.

хотя была и достаточно велика у сходов и комитетов, но в Астраханской волости в «руки богачей» немного все же попало. С другой стороны, сами помещики, замечая следы хищничества своего, в состоянии полнейшего бессилия что-либо предпринять для своего благополучия, решались на наивысшее вредительство по отношению к государственному достоянию. Другие помещики придерживались иной тактики.

Помещик А.В. Симбирин прожил довольно благополучно в своем имении в Анатышской волости Лайшевского уезда до 3 ноября. Паровая пашня и луга переданы в Волостной Земельный Комитет в свое время; 28 июня все имущество было переписано и сдано Симбирину Комитетом под охрану и в пользование. 29 августа оно все было цело, но уже стало находиться под ответственностью не Симбирина, а Земельного Комитета. Хотя бы и с грехом пополам, но собрав урожай в свои амбары, Симбирин сидел довольно спокойно до погромов, которые начались 3 ноября. Поведение помещика А.В. Симбирина во время погрома прекрасно описано в протоколе Анатышского Вол. Земельного Комитета от 9 декабря: его мы и приводим:

«Чтобы имущество его [Симбирина] не подвергнулось разгрому и разрушению, просил [он] соседних крестьян здешней волости вывезти хлеб (рожь) и угнать скот, что именно и было сделано селением Шумково, куда вывезено было 1300 пудов ржи, за которую он, Симбирин, с населения получил деньги по 1 р. 35 коп за пуд: с его согласия скот, лошади и коровы, также были угнаны туда же и проданы им в с. Шумково с торгов 4 ноября и лично получены деньги, овцы также были проданы в дер. Ошняк, куда также с его согласия было вывезено 200 пудов ржи и племенной бык: за все это Симбириним получены с населения дер. Ошняк-Качкалак деньги: также прислал нарочно в Волостной Продовольственный Комитет, чтобы были высланы за рожью крестьяне с. Анатыш и других селений волости, что комитетом было сделано и вывезено в с. Анатыш 1170 пудов ржи, за которые А.В. Симбирин получил деньги по 2 руб. 35 коп. за пуд с его личного согласия с населением. Далее, согласно постановления Вол. Прод. Комитета от 12 ноября, вывезено населением дер. Читы 1024 пуда и дер. Шиланки – 140 пудов; последним предложено деньги за хлеб внести в Вол. Прод. Комитет. Затем, по постановлению Вол. Прод. Комитета от 1 декабря были назначены на 3 декабря торги на продажу скота, лошадей, деревянных построек, земледельческих орудий и пр. Появившееся на торги население этого не допустило и все это распределило через особую из среды себя избранную комиссию по обществам, развезло по себе и распределило, а часть распродало с аукциона. В настоящее время, как известно на месте, в имении А.В. Симбирина находится лишь дом и некоторые прилегающие к нему постройки и часть каменных строений»²⁶⁸.

Итак, больше 3500 пудов ржи Симбирин продал и получил за них деньги, продал и часть скота. Остальное было разобрано крестьянами после неудавшихся торгов: самая же усадьба пострадала от погрома, довольно

²⁶⁸ Г.З.У. Д. № 5. Л. 467.

сильно, т.к. упоминается только часть не только деревянных, но и каменных строений, которые, как и лес помещика, после погрома охранялись от расхищения нанятыми Комитетом караульщиками. Сам же Симбирин, убежав в Казань, стал жаловаться на свое разорение от крестьян и требовал с крестьян денежной компенсации, вследствие чего комитет, протестуя против компенсации, и описал так подробно все действия его во время погрома²⁶⁹.

Имена Догель, Манасеина и Макашина пострадали очень сильно, поскольку можно судить по жалобам самих помещиков и их доверенных. Помещика из имений были изгнаны, а крестьяне припугнули убийством всех тех, кто хотел бы предоставить временное убежище им в своих домах²⁷⁰. Отметим лишь разгром имения Лабзина татарам села Лебедина Спасского уезда, которые разгромили хутор близ с. Мурзихи. Увезен был весь хлеб, инвентарь, скот и имущество, постройки разломаны, семья помещика принуждена была бежать, «грозили изрубить в куски, если не уйдем»²⁷¹. На этом покончим обзор ноябрьских событий в Лаишевском уезде и перейдем к Свияжскому.

Здесь погромное движение не имело того распространения, как в других уездах и коснулось оно по преимуществу мелких и средних по размеру экономий. Выше мы указывали на тактику крестьянства по отношению к крупным имениям Паулуччи и Гагариной; отчасти тоже, но с некоторым запозданием, продельвается и в других волостях. Например, Ульяновский вол. земельный комитет совместно с волостным земством вынес 12 ноября такое постановление:

«Правление должно быть республиканским. Все земли должны перейти трудовому народу сейчас же и без выкупа. Частновладельческие земли отчуждаются в полном их количестве, недра остаются в ведении государства. Имения с высокой сельскохозяйственной культурой должны быть сохранены и переданы земству. Заводы и мельницы сельскохозяйственного значения передаются в руки продовольственных комитетов и земств сейчас же и без оплаты за них денежных сумм. Сады и огороды промышленного характера отчуждаются от частного владения в целом виде, без оплаты, и используются местными земельными комитетами путем сдачи их в долгосрочную аренду. Частновладельческие усадьбы, если могут служить культурным начинаниям, передаются в ведение земств. Скот и инвентарь при отсутствии частновладельческих земель приобретает местным земством без оплаты денежных сумм и передаются за плату местному трудовому населению; деньги поступают в земство. Леса по-

²⁶⁹ В другом его имении в Зюзинской волости Лаишевского уезда в с. Верх. Девлезерях разгром имений произошел из-за того, что крестьяне опасались, что все имущество попадет крестьянам другой волости, которые уже явились на 50 подводах, но были обращены в бегство. Попытка вол. земской управы отобрать и перераспределить на более справедливых началах не увенчалась успехом (Вестник Науч. Общ. Татароведения. 1925. № 1–2. С. 48–48).

²⁷⁰ Вестник Науч. Общ. Татароведения. 1925. № 1–2. С. 44–46 и 52.

²⁷¹ Там же. С. 50.

ступают государству с обязательством выделить леса местного значения»²⁷². В этом же заседании был избран и новый председатель. Такого рода постановления вносили много организующего элемента, но за редким исключением, они выносились уже в разгар погромного движения. Представитель Свияжского уезда в губ. земельном комитете 9 декабря сообщал:

«До переворота все было спокойно; экономии находились в распоряжении вол. земельных комитетов, но затем, вслед за событиями в Казани, начались погромы имений. Скот перерезан, лошади разобраны населением по дешевой цене. В Кушманской волости искалечена владелица имения Сушкова. Леса вырубаются без надобности, некоторые вчистую, напр., в экономии Филипсона порядочный черный лес вырублен весь. В общем по уезду вырублено до половины всего количества частновладельческих лесов»²⁷³.

Эта протокольная запись не вскрывает нам ни причин движения, ни главных участников его. Ссылка на события в Казани может быть принята нами, как и выше было сказано, как один из мотивов и поводов к погромам. Но деревенские события, если похожи были на крестьянскую войну, то мало имели революционного характера чем особенно отличались октябрьские события в Казани и во всей городской России. 22 ноября в журнал Свияжского земельного комитета занесено следующее сообщение: «крестьяне бывшие владельческие, захватывая земли и имущества бывших своих помещиков, заявляют, что все, чем владел помещик, принадлежит им, и другим селениям они ничего не дадут»²⁷⁴. Знакомо такое заявление и по материалам весеннего и летнего движения; оно исходило от буржуазного, более зажиточного, даже кулацкого слоя деревни, своего рода «кулацкое обобществление» земли и имущества помещиков. Рядом с заявлением источников, что лес рубится без надобности, приведенное заявление крестьян вскрывает нам довольно определенно первых лиц среди погромщиков. Но причины погромов и беспощадных лесных порубков лежали не только в деревне или в Казанских событиях, они заключались и в правительственной политике, особенно в лесном ведомстве.

Свияжская земельная управа, со слов чиновников лесного ведомства, «не отрицая нужды просителей в лесе на надворные постройки, находит отпуск леса из дачи Бочкова и др. невозможным, т.к. строевого леса в дачах мало и дачи вообще невелики, а у всего окрестного населения таких нужд найдется много. Раз признать отпуск леса просителям возможным, то не будет основания отказывать и другим, и тогда от леса останется одно воспоминание. Кроме того, в настоящее тревожное время отпуск леса из бывших частновладельческих дач вообще недопустим, т.к. охраны нет никакой, и стоит только допустить заготовить одного, как явятся заготавливать сто и пойдет самовольная порубка. Просители прожили без конюшен много лет, проживут и настоящую зиму. Когда установится твердая власть, тогда и можно

²⁷² Г.З.У. Д. № 7. Л. 493.

²⁷³ Г.З.У. Д. № 16. Л. 97.

²⁷⁴ Г.З.У. Д. № 7. Л. 181.

будет удовлетворить необходимую нужду населения»²⁷⁵. Комитет с Управой согласился и отпуск леса запретил. Подобное отношение к нужде крестьян, отразившееся в протоколе комитета от 22 ноября, и старания этих же учреждений на курьерских доставить разрешение лесохранительного комитета на порубку лесов помещикам, о чем мы сообщали выше, составляют вполне достаточный материал, чтобы судить о причинах порубок и погромов. Но опять-таки надо подчеркнуть, что Свяжский уезд был одним из спокойных в ноябре месяце благодаря энергичным мерам, принятым волостными органами.

Чистопольский уезд в сентябре и октябре считался краем довольно спокойным и уравновешенным, по выражению Чистопольской Управы. Но спокойствие было перед грозной бурей. 10 ноября в Казань летело сообщение такого содержания: «В уезде широкой волной разливается анархия, вследствие агитации темных безответственных лиц. Анархия проявляется в целом ряде грабежей, погромов и поджогов экономий с полным уничтожением и расхищением всего живого и мертвого инвентаря и проч. имущества.

«Бороться с этим движением имеющимися в распоряжении земельных комитетов средствами не представляется никакой возможности, т.к. движение уже приняло стихийный характер»²⁷⁶. Единственной рациональной мерой к сохранению экономии признавалась передача их в заведывание земельных комитетов и земств; к этому приглашались все помещики: многие из них согласились на эту меру, но было уже поздно. Там, где эта передача состоялась раньше, до начала погромов (в Свяжском уезде и в Аксубаевской волости Чистопольского у.), экономии так и остались целы, а где эта передача комитетам производилась во время погромов, она не достигала цели. Это иллюстрировал многими примерами Чистопольский представитель в губ. земельном Комитете 9 декабря. В своем докладе он дал полную картину погромного движения в ноябре месяце, перечислив 36 случаев погрома и лишь 3 случая передачи экономии в комитеты²⁷⁷.

²⁷⁵ Г.З.У. Д. № 7. Л. 187.

²⁷⁶ Вестник Науч. Общ. Татароведения. 1925. № 1–2. С. 47.

²⁷⁷ В Богородской вол. после погрома в имениях Стахеева из экономии с. Шереметево вывезено на сыпной пункт 30000 пуд. хлеба, а из экономии с. Никифорова – 15000 пудов. В Б.-Толкишевской вол. в экономии княгини Ливен разобрано крестьянами 109 лошадей, 40 голов рогатого скота, 29 свиней, 420 черкасских овец и мелкий инвентарь. Попытка взять имение на комитет не удалась: пришлось ограничиться только двумя хуторами. В Ерыклинской вол. у бр. Красновых отобрали мельницу, инвентарь и хлеб проданы с торгов, деньги поделили обществом между собой. В с. Утяшкине захватили мельницу, имущество поделили. В имении Кацари (с. Шегурчи) и Маланьичева расхищен скот и хлеб. У Кузнецова сожжен пиловочный материал на Тетвельском заводе. У лесопромышленника Титова сожгли конюшню и погребницу, имущество поделили. У Набокова сожжена лесопилка. У Петрова, лесопромышленника, разобрали ободья и имущество.

В Изгарской вол. сильно пострадали имения Гартмана, двоих Логутовых, Сафонова, Розентретер, Сафина, Небельсон, Сайфуллиных, Тарасова (последние три со-

В двух местах мы имеем случаи столкновений крестьян одного села с другим на почве дележа захваченного в помещичьих имениях. Первое столкновение имело место в Богородской волости в с. Шереметева за имение Стахеева: «темные личности призывали к грабежу села Шереметево; когда татары наплыли, жители с. Шереметева ударили в набат, собрались и расправились с татарами, двоих убили в селе, одного на огороде и 12 в полях. После побоища трупы татар сложили в их телеги, настегав лошадей, отправили без проводников к деревням убитых». Здесь имеет значение, конечно, не самый факт печального побоища, но то обстоятельство, что татары, как и в других уездах, принимали деятельное участие в ноябрьских событиях, надеясь получить из помещичьих гнезд если и не землю, в которой они весьма нуждались, как самые малоземельные, но которую крепко держало в своих руках близживущее к имению население, в большей своей части русское, но хотя бы часть инвентаря, хлеба и скота. Другой факт имел место в Кутушской волости, где «граждане с. Никольского разгромили хутор Ерепкина, был убитый, за что собрание волости составило команду из крестьян в 500 чел., которые и разгромили село Никольское»²⁷⁸. Это ничто иное как самосуд, к которому нашла необходимым прибегнуть волость, чтоб так или иначе положить предел стихийному движению, повлекшему за собою человеческие жертвы.

В вышеизложенные данные о погромном движении в Чистопольском уезде можно внести один корректив. Имение Оболенского хотя и отмечалось, как избежавшее погрома, но на самом деле оно его не избежало. Выше мы указывали, что взаимоотношения крестьян с помещиком были таковы, что погром не только не предупреждался, но подготавливался всей тактикой землевладельца. А

жжены), Лукашевича; имущество, инвентарь, скот и хлеб расхищены; комитету «удалось спасти» 12000 пудов хлеба из имений Логутовых, 3000 пудов хлеба и 4000 пуд. семян из имения Розентретер; имение Сафонова взято на учет и назначен управляющий от земства. В Каргалинской вол. у Уразгильдеева похищено все имущество, скот и инвентарь. В Муслюмкинской вол. имения Толстого и Ильинского разгромлены и сожжены: у Сафина разобрано 500 голов скота и 14000 пуд. хлеба: на ссыпной пункт удалось свезти лишь 1090 пудов.

В Красноярской вол. «разгромлены дотла имения Булыгиных и Чихметьева. У Горталова взято имущество и хлеб, разобраны даже полы в двух имениях. Экономия Пахотнова расхищена и частью сожжена, у Круковского имение разрушено до основания, увезено 200 пудов хлеба: распродан с торгов скот из имений Бутлеровой и Бредихиной.

В Кутушской вол. разбит хутор Ерепкина. В Ивановской вол. у Шашиной «расхищен скот, инвентарь, хлеб и часть построек»: уцелевшее взято на комитет. Имение Микулиной – Буккал «разграблено все до основания», взято 2000 пудов хлеба. В имении Зубржицкой «оставлены только голые стены и часть испорченного инвентаря». В Ст.-Альметьевской вол. взяты на учет имения Колчурина и Островского. То же в имении Новосильцева в Аксубаевской и Оболенского – в Егоркинской волостях (Г.З.У. Д. № 16. Л. 100–103).

²⁷⁸ Г.З.У. Д. № 16. Л. 100, 102.

20 ноября доверенный княгини Оболенской сообщил в союз сельских хозяев, что крестьяне сел Марасы, Ерыклы и Гоголихи «растасшили» весь скот, инвентарь и все имущество включительно до мебели; «погром продолжался с 10 час. вечера 13 ноября по 16 ноября включительно». Крестьяне были вооружены «топорами, вилами и ломами» 16-го утром «восстановилось затишье в голых, разграбленных до основания усадьбах княгини Оболенской»²⁷⁹.

И разгром имений Булыгина произошел, как указано в протоколе губ. земельного комитета от 9 декабря, вследствие того, что брат Булыгиной «угнал из имения овец и лошадей»²⁸⁰. Так что, видимо, в большинстве случаев причиной погромов в Чистопольском уезде явилась тактика помещиков и политика Врем. Правительства, содействовавшая реставрации их значения в деревне в течение августа, сентября и октября месяцев. Иных указаний мы не встречали в обстоятельных протоколах Земельного Комитета.

По Мамадышскому уезду мы не имели сводки ноябрьских движений, но познакомимся с историей имения Зайцева, которая отчасти определит характер событий не только в ноябре, но и в декабре 1917 г.

Кашкарское имение Зайцева, расположенное в Асан-Илгинской волости Мамадышского уезда, было взято на учет Земельным Комитетом 9 июля 1917 г., с составлением подробной описи имения и с оставлением его в заведывании помещика. Ноябрьский разгром имений, охвативший весь Казанский край, внес изменения и в судьбу имения Зайцева. Уже 10 ноября Губ. Земельная Управа распорядилась взять его в распоряжение волостного Земельного Комитета и потребовала выяснить, какое количество скота можно оставить в имении, какую площадь имения можно оставить для хозяйства и возможно ли охранять эту часть скота от дальнейшего расхищения со стороны населения; вместе с тем Управа требовала принять все меры «к сохранению необходимой части имущества и земли для ведения хозяйства в неприкосновенном виде»²⁸¹. Конечно, такие требования внушали Комитету вполне определенные опасения, что Управа стремится сохранить имения только для помещиков и для этой цели привлекает Комитеты, как правительственные органы деревни. Что же делает Комитет? Он посылает своих представителей в имение «для выяснения имеющегося инвентаря» и к Зайцеву «для переговоров с ним и определения личных желаний Зайцева по поводу дел повсеместного разграбления имений населением» и «предложить Зайцеву, ввиду весьма сгущенных враждебных мнений среди населения по отношению к имению помещиков, раздать скот и сел.-хозяйственное имущество среди нуждающегося населения под расписку последнего на арендном пользовании, при уплате ежегодно $\frac{1}{12}$ стоимости взятого им имущества в Казначейство через Волостной Земельный Комитет без процентов, в депозит Уездной Земельной Управы»²⁸².

²⁷⁹ С. 50.

²⁸⁰ Вестник Науч. Общ. Татароведения. С. 49–50.

²⁸¹ Г.З.У. Д. № 16. Л. 101–102.

²⁸² Г.З.У. Д. № 3. Л. 262.

Как видно из самого текста постановления, комитет, опираясь на предписание Управы, направляет дело вовсе не в интересах Зайцева и Управы, а для своих деревенских, крестьянских. Но вдруг помещик не согласится «спешно передать требуемое в аренду, что, конечно, равносильно реквизиции, в пользу государства, т.к. аренда будет поступать не помещику, а в Казначейство? Этот случай постановлением предусмотрен: «при отказе же Зайцева – раздать в арендное пользование имущество нуждающемуся населению и, на основании статьи 22-й инструкции Вол. Земельн. Комитетам, излишний скот против желания Зайцева раздать населению, только нуждающемуся». Неизвестно, велись переговоры с Зайцевым или нет, но не только скот и инвентарь, но имущество, хлеб, лес, различные запасы – все находящееся в имении было расквартировано довольно быстро по деревням; принимали участие в этом деле и крестьяне соседней Петропавловской волости, близости от которой находилось имение Зайцева. Земельный Комитет не только руководил распределением имущества Зайцева, но он и оправдал все действия крестьян против помещиков вообще, организованные и неорганизованные; ввиду особой важности этой мотивировки приведем ее целиком.

«Охранять имущество Зайцева и вообще какого бы то ни было помещика в данный момент совершенно не представляется возможным, а требовать вооруженную силу для усмирения населения не целесообразно, т.к. мнение, что состояние, которое находится у них в данный момент, нажито помещиками трудами нанятых крестьян и рабочих, которые получали далеко не соответствующую плату за свой труд, а меньше, ввиду прежних безработиц по нужде своей, хотя свободные по наружности, но рабы по несчастью своей нужды, нанимались за ту плату, которую не желали получить рабочие, а желали уплатить хозяева, – вот это-то мнение глубоко и укоренилось в уме каждого крестьянина, который испытал при работе в прежнее дореволюционное время у хозяина, а кто же из крестьян не испытал, когда поголовно ходят все на заработки из-за своего малоземелья?

Ввиду этих убеждений крестьяне и считают нажитое имение помещика своим, а давать за их восстание вооруженную силу, да еще стрелять по восставшим будет лежать на совести того, кто это приказал делать. Ввиду чего Земельный Волостной Комитет, сам состоя из крестьян, не может требовать, вооруженную силу, и постановил имение Зайцева переписать, но отказаться охранять за невозможностью исполнить охрану и вооруженную силу не требовать на восставших, а прибегать к средствам уговора и разъяснения населению, успокоению путем уговора на сходах лиц, рвущихся к разграблению имущества помещиков»²⁸³.

Эта чрезвычайно яркая мотивировка, проникнутая классовым самосознанием, является весьма типичной для деревни в ноябре месяце 1917 г.; одновременно с этим, подобное оправдание крестьянской тактики в борьбе с помещиками очень многое напоминает из статей большевистских газет того

²⁸³ Г.З.У. Д. № 3. Л. 264.

времени и из речей пропагандистов-агитаторов и вождей революции из партии большевиков.

Таким образом, ставка Губернской Земельной Управы на крестьянскую защиту и крестьянскую инициативу к защите вооруженной силой помещичьих гнезд против напора крестьянства к разрушению их была бита. События не внушали никакой надежды. Тогда представители буржуазного Временного Правительства, еще не успевшие ликвидировать свои учреждения, но оставшиеся только с некоторыми признаками власти, сторонясь сами от непосредственного участия в борьбе, стремились стороной повлиять на ее ход таким образом, чтобы столкнуть крестьян лбами при дележе имущества помещиков. Но и это не получило широкого распространения, а где было, не дошло до желаемой степени напряжения. Доказательством этому служит дальнейшая судьба имения того же Зайцева в конце ноября и в декабре месяце 1917 года.

30 ноября помещик М.А. Зайцев из Малмыжа, куда он бежал во время разгрома своего имения, находящегося в Петропавловской волости, прислал в Асан-Илгинский Земельный Комитет срочную телеграмму с просьбой принять имение Кашкара в свое заведывание, прекратить самовольные порубки леса и возратить расхищенное крестьянами имущество, инвентарь, хлеб, лес и проч.²⁸⁴ С Петропавловским Земельным Комитетом бесполезно было разговаривать, а Асан-Ильгинский претендовал на Зайцевский лес, расположенный в Асан-Илгинской волости, но охраняемый петропавловскими крестьянами из д. Уркушево и Верхне-Арбашево от посягательства асан-илгинцев. Но и тут ничего не вышло. Асан-Илгинский Комитет отвечал, что возратить развезенное по домам имущество можно только «при помощи вооруженной силы; но на эту меру пойти нельзя, т.к. этот прием «приведет к драке, даже убийству и еще пуще к затаенной злобе со стороны крестьян на будущее время». Тем не менее, Комитет примет все меры, «по усмотрению восставших», к возвращению от похитителей помещичьего добра и «к правильному распределению на законном основании имущества среди беднейших». Зайцева успокоили, что его имущество не пропадет и послужит еще беднейшему крестьянству, но надо было договориться еще с Петропавловским Комитетом. Попытка проверить петропавловскую охрану леса и описать имение Зайцева со стороны Асан-Илгинского Комитета потерпела полную неудачу: командированные Комитетом лица были избиты и обращены в бегство. Это событие далеко не вносит успокоения в Илгинском Комитете, но, не имея возможности сделать что-либо более решительное, Комитет выносит постановление поставить в лес свою охрану в тот момент, «когда будут крестьяне сознавать, что имущество Зайцева, а также и лес, не может быть собственным их достоянием только потому, что они живут около имения М.А. Зайцева, и что имущество все должно правильно распределиться через Волостные Земельные Комитеты, а не самовольными соображениями крестьян отдельных об-

²⁸⁴ Г.З.У. Д. № 3. Л. 218.

ществ»²⁸⁵. Такое постановление было вынесено 27 декабря 1917 года. Вполне возможно, что Асан-Илгинский Комитет не скоро дождался такой сознательности крестьян Петропавловской волости, но сам то, надо определенно сказать, не добился ничего существенного, временно отступив перед крестьянской несознательностью, хотя помещику Зайцеву доставила бы большое моральное наслаждение и удовлетворение кровавая распря между крестьянами из-за его собственности, которую он так искусно подготовлял и не подготовил. Кроме того, на фоне враждебных отношений крестьян к помещику определенно в этих документах отражается и крупное участие в погроме имения и особенно в захвате имущества деревенских кулаков.

На основании докладов с мест журнал заседания Губ. Земельного Комитета 9 декабря дает такую оценку создавшегося положения: «После создавшегося в октябре 1917 г. переворота, начиная с 1 ноября, в уездах произошли погромы частновладельческих имений. Разгромлено много имений, находящихся в пользовании помещиков: в некоторых из них все до основания развезено соседними крестьянами, преимущественно зажиточными, скот, инвентарь и хлеб тоже разобраны. На почве дележа расхищенного были столкновения между населением. Происходят массовые хищнические порубки частновладельческих и частью казенных лесов, где выдано нуждающемуся населению мало дров на топливо. Главная причина погромов нахождение имений в руках помещиков»²⁸⁶. В порядке прений Юрьичев указал, «что погромы произошли не по вине солдат, возвратившихся на родину, а волостного земства, придерживавшегося распоряжений быв. Временного Правительства и помещиков, имевших возможность продавать бесконтрольно имущество». Как видим, здесь выдвигается уже иная точка зрения на основную причину погромов. Наконец, чрезвычайно интересно резюме председателя Губ. Земельного Комитета И.И. Штуцера.

«Почти все имущество разгромленных экономий перешло в руки кулаков, а не нуждающихся крестьян и солдатских семей. Создалась задача для земельных комитетов распределить инвентарь и скот в надлежащие руки. Обвинение во всем создавшемся крестьян и Совета Крестьянских Депутатов несправедливо. Виновно в этом Врем. Правительство, которое не провело своевременно в жизнь пожелания губернских земельных комитетов о передаче всех частновладельческих имений в распоряжение земельных комитетов и всеми мерами, как-то: задержкою комитетам ассигновок, запугиванием их судом по жалобам землевладельцев, старалось сохранить пользование имениями в руках помещиков. Крестьянство, видя такие действия правительства, само решило уничтожить помещичьи гнезда, чтобы не было о них воспоминаний, и начались погромы имений.

«Если бы провести пожелания земельных комитетов своевременно в жизнь, не было бы погромов; в Свяжском уезде, напр., два крупных имения,

²⁸⁵ Г.З.У. Д. № 3. Л. 220.

²⁸⁶ Г.З.У. Д. № 16. Л. 73–82.

Гагариной и Паулуччи, по настоянию крестьян, взяты были в распоряжение волостных земельных комитетов и они остались сохранными среди пожаров. Земельным комитетам не нужно было бы бояться судов, идти напролом в своих пожеланиях, действовать решительно по намеченному пути, и тогда по крайней мере 80% разгромленных имений остались бы целыми»²⁸⁷. Следовательно, основной причиной движения Штуцер выдвигал помещичью политику Временного Правительства. Но сам же он за две недели до этого, 25 ноября, сообщал в Главный Земельный Комитет в бумаге за № 4224:

«Немедленно после событий 25–26 октября, происходящих в Казани, начался одновременно с разездом солдат по деревням, стихийный погром и поджоги имений; уничтожался инвентарь, скот расхищался, конские заводы распределялись по отдельным рукам, библиотеки и имущество растаскивалось, усадьбы сжигались или развозились по бревну. В большинстве Казанского, Лаишевского, Спасского уездов почти все экономии сравнены с землей и расхищены. К сожалению, улаживание земельных недоразумений и проведение мер аграрного характера осложняется тем обстоятельством, что на местах власть от вол. земельных комитетов перешла к сельским комитетам, и теперь почти никто не слушает вол. земельные комитеты»²⁸⁸. Тот же самый Штуцер приписывает инициативу в погромном движении солдатам и событиям 25–26 октября; почтенный председатель знал до тонкости когда, с кем и как нужно объясняться. У председателя губернского земельного Комитета и Управы не хватило мужества и прямолинейности сказать одно и то же в двух местах; даже больше: искренний сторонник передачи имений от помещиков земельным комитетам, он не набрался упорства и храбрости одержать телеграмму Постникова о непризнании декрета о земле 26 октября, а получив ее почтой 8-го, 10-го ноября разослал ее по всем уездам. А ведь 2-й пункт этого декрета формулирован таким образом:

«Помещичьи имения, равно как и все земли, удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов, впредь до Учредительного Собрания»²⁸⁹. Можно было не принять перехода в руки Сов. Крестьянских Депутатов, но и в этом случае едва ли мог это допустить Штуцер, т.к. он признавал за этим Советом определенную заслугу по предупреждению погромов, когда в результате возвания Совета о недопущении погромов, по его же словам, было спасено несколько имений. И сожаление о том, что волостные Комитеты не имели мужества и упорства, звучит чрезвычайно фальшиво, фальшив и причинный анализ погромного движения.

Из всего обзора ноябрьского движения с очевидностью следует, что погромное движение во второй половине ноября, не прекратившись совсем, дало

²⁸⁷ Г.З.У. Д. № 16. Л. 82–83.

²⁸⁸ Вестник Науч. Общ. Татароведения. С. 51.

²⁸⁹ Второй Всерос. Съезд Советов. Г.И.З. 1928. С. 98.

большое снижение. Этому способствовала кампания за прекращения погромов Совета Крестьянских Депутатов, бросившего почти весь состав в деревню после Октябрьского переворота в Казани. Еще в первой половине ноября проведено было по волостям несколько крестьянских съездов, которые осудили погромное движение по примеру Всероссийского съезда Советов. Председатель Губ. Земельной Управы в телеграмме от 13 ноября на имя народного комиссара земледелия Колегаева сообщал: «Погромное движение затихло. Крестьянские съезды вынесли постановления, осуждающие погромы и поджоги. Имена взяты в распоряжение вол. земельных комитетов»²⁹⁰. Нельзя согласиться с тем, что погромы закончились; они лишь обнаружили некоторую склонность к перенесению центра нападения с усадьбы на леса. В декабре месяце происходивший в Казани III Губернский Съезд Крестьянских Депутатов постановил: «приступить к ликвидации частновладельческих экономий, кроме подлежащих сохранению, как племенных рассадников, и немедленно передать все леса, как казенные, так и частные, в распоряжение Губ. Земельного Комитета»²⁹¹. Кроме того, последний уже в половине декабря дожидался распоряжения Комиссариата Земледелия о ликвидации Управления Земледелия и Гос. Имуществ и Управления удельными именными «в целях планомерной деятельности и справедливого удовлетворения нужд и требований населения». В большинстве же случаев земельные комитеты, став на позицию декрета о земле 26 октября, смогли ввести аграрное движение снова в известной степени в организованное русло. В этом отношении прекрасным примером может служить деятельность Богородского вол. земельного Комитета Чебоксарского уезда, судя по протоколу от 4 декабря, который освещает положение в ноябре месяце и дает образец своей декабрьской политики. В виду сильного распространения лесных порубок. Комитет постановляет:

«Поручить сельским комиссарам, чтобы они имели наблюдение, дабы граждане вверенных им обществ отнюдь не производили самовольных порубок лесов, разъяснив им на сельских сходах, что они самовольной порубкой лесов себе же приносят вред и в конце концов должны сами же будут остаться без леса; в настоящее же время граждане волости по отношению топлива должны быть довольны, т.к. установленная для топлива норма дров выдана». На порубщиков предписывается составлять протоколы для предания суду. Невыполнение комиссарами этого постановления повлечет за собой предание их самих суду за бездеятельность. В случае же общего неповиновения Земельный Комитет «вынужден будет вызывать вооруженные команды за счет истребителей лесов».

Движение не ограничивалось лесными порубками, а распространялось и на самые экономии и выражалось в распределении имущества помещичьей усадьбы. Комитет, учитывая это обстоятельство, выносит постановление:

²⁹⁰ Г.З.У. Д. № 23. Д. 112.

²⁹¹ Там же. Л. 93.

«Просить всех сельских комиссаров войти на сельских сходках с воззванием к населению о поддержании друг друга и недопущении разграбления имуществ, т.к. это ведет население только к враждебному отношению между собой». Если разграбление произойдет в имении помещика, то этим население само себе принесет убыток, т.к. дома помещиков, по отходе их трудовому народу, необходимы под училища, сельскохозяйственные школы, устройства курсов и т.д., так что населению уже не придется заботиться о постройке новых училищ и тратить на это средства».

Едва ли хорошо действовали подобные уговоры, если крестьяне обращали внимание на существенную оговорку – «по отходе их трудовому народу». Последний поэтому и грабил помещичьи усадьбы, что был не уверен еще, что имения ему и отошли, и делал как раз то, что скорее всего содействовало этому переходу. Оговорка не только не внушала уверенности, а уничтожала ее, если она и была; а уничтожая, она побуждала крестьян к большим репрессиям.

Но тащили не только помещичье. Тот же протокол говорит о хищении 5 стогов сена 3 и 4 декабря крестьянами у крестьян же, взявших в аренду помещичьи луга.

«Просить Помарскую Вол. Земскую Управу объявить населению волости, чтобы последнее не производило хищения сена на лугах баронессы Жомини, т.к. замечено, что гражд. дер. Польки производят хищение вышеозначенного сена». Кроме того сделано обращение открыть фамилии похитителей и сообщено об этом хищении органам милиции.

Эти события идут в одной цепи с общегубернскими по разгрому помещичьих имений, прокатившимися с особенной силой в ноябре месяце 1917 г. Волостной Комитет, озабоченный охраной экономий, должен был принимать энергичные меры по заведыванию имениями, чтобы всем и каждому ясно было сейчас и тут же, что имения перешли в руки крестьян в лице их деревенских органов, прежде всего – земельного комитета. Что же делает Богородский Комитет с этой целью? Он берет вновь на учет все имения, но на новых началах сравнительно с учетом летним. Познакомимся с постановлениями.

«Немедленно приступить к описи имущества и скота имений А.Ф. и К.Ф. Забродиных и умершего Лавровского, и принять таковой на учет Волостным Земельным Комитетом, опись имущества произвести в присутствии трех членов Волостного Земельного Комитета, двоих понятых и при владельцах имений».

«Приступить в самом непродолжительном времени к описи имущества баронессы Жомини и принять таковое на учет; опись имущества произвести в присутствии 3-х членов Вол. Зем. Комитета при 2-х понятых и 2-х управляющих имением, Смирнове и Юхине.

«Имеющийся в имении баронессы Жомини племенной скот принять под контроль Вол. Зем. Комитета и принять самые строгие меры к сохранению его».

«Управляющего имением Смирнова, по неблагонадежности, удалить по принятии Вол. Зем. Комитетом имущества на учет, назначив заведующим имением помощника его Т.А. Юхина и помощником к нему гражд. дер. Козловки Б.С. Жигарева»²⁹².

Опись, учет и контроль, назначение новых управляющих, местами с принудительным выселением помещиков из их имений – вот те меры, которые были в распоряжении Волостных Комитетов, чтобы ввести стихийное, истребительное движение в некоторое спокойствие. Предписание Губ. Совета Крестьянских Депутатов от 14 ноября о продаже рабочего скота из имений был комитетом отклонено «до решения вопроса Учред. Собранием и возвращения с фронта солдат» так как боялись, что и это вызовет среди крестьян только смуту.

Несколько иную тактику земельных комитетов вызывали события декабря месяца в Тетюшском уезде. Не имея никакой возможности сохранить живой и мертвый инвентарь экономий, Тетюшский уездный Земельный Комитет, видимо в целях сохранения рабочего и племенного скота, постановил раздать его населению. В телефонограмме от 21 декабря в Губерн. Управу добавлено: «не было возможности этого отклонить». Конечно, отклонить была не в силах и Губернская Управа и она распорядилась только «взять подписки от получивших скот в его сохранности и установить оценку скота»²⁹³.

В тех же случаях, когда не было доверия со стороны крестьян земельным комитетам или земским управам, сельские общества организовали особые комитеты, вроде районных, которые и действовали самостоятельно «в течение октября, ноября и в декабре месяце. Такой «районный комитет» в декабре функционировал в Красноярской волости Чистопольского уезда. 28 декабря уездная земельная управа просила губернскую: «разъяснить районному комитету всю незаконность его действий и указать на весь вред от подобного «двоевластия». Все свои постановления комитет, не ожидая утверждения, уже проводит в жизнь, чем нарушает планомерность и единство действий земельного комитета и в сильнейшей степени подрывает доверие и авторитет земельных учреждений в глазах местного населения. Районный Комитет не желателен хотя бы и потому еще, что последний избрал местом своей деятельности такую волость – Красноярскую, где земельный комитет наиболее удачно сформирован и выделяется своей плодотворной работой»²⁹⁴. Хотя в этой бумаге и не приводится конкретных фактов из практики комитетов, но уже тот факт, что замиравшее учреждение Временного Правительства – Земельная Управа – восхваляла Красноярский Земельный Комитет и порицала деятельность районного, может нам говорить за то, что тактика земельного комитета больше соответствовала видам того класса, политику которого проводило Врем. Правительство.

²⁹² Г.З.У. Д. № 9. Л. 188–190.

²⁹³ Г.З.У. Д. № 6. Л. 202.

²⁹⁴ Г.З.У. Д. № 13. Л. 271.

Следовательно, погромное движение, очень характерное для ноября месяца, в декабре сменяется переходом имений в распоряжение волостных властей, которые, препятствуя стихийному движению крестьянства, распределяют среди крестьян помещичий инвентарь, скот и лес и делают попытки перераспределения всего захваченного кулачеством помещичьего добра во время ноябрьских погромов. Вместе с тем, общая политика волостных комитетов в декабре месяце целиком базируется на основе декрета о земле Всероссийского Съезда Советов и аналогичных ему постановлений Губернского и Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов.

Все изложенное сводится к следующим положениям, характеризующим крестьянское движение за сентябрь-декабрь 1917 г.

1. Основной причиной движения остается контрреволюционная политика Временного Правительства с особым упорством защищавшая помещиков посредством военных отрядов, скупки хлеба, скота и леса для нужд «государственных» учреждений, втихомолку допуская продажу земель даже иностранцам и давая распоряжения своим учреждениям не только содействовать помещикам в получении арендной платы, но и восстановить их полностью в правах земельного владения.

2. Под влиянием контрреволюционных движений общероссийского масштаба, как Корниловское, так и вследствие правительственной политики, сильно обострились взаимоотношения крестьян и помещиков, доходя до террористических выступлений как с той, так и с другой стороны. Этот антагонизм усиливался или хищнической, или вредительской тактикой помещиков по отношению к имению, перешедшему на учет земельных комитетов.

3. К причинам обостренной классово-борьбы с помещиками надо отнести и более агрессивные взаимоотношения бедного и среднего крестьянства с зажиточным и кулацким элементом деревни; последний, начиная терять господствующее положение в волостных земельных органах, вызывая протест бедного и среднего крестьянства на получение им доли помещичьей земли, угодий, хлеба, инвентаря и имущества, вместе с тем теряя свою личную земельную собственность (купчую и хуторскую), стремился захватить большую долю помещичьего добра, и если не достигал этого легальным путем, то прибегал к террору и погромам, ведя за собой деклассированный элемент и вовлекая бедное и среднее крестьянство, особенно в случаях захвата экономии крестьянами разных деревень, а иногда и разных волостей.

4. Обострение продовольственного кризиса и падение Временного Правительства послужили поводом для развития ноябрьского погромного движения, но никак не причиной, т.к. вследствие изложенного разгром экономий и террор по отношению к помещикам имел место не только в октябре, но и в сентябре месяце.

5. Слабое развитие погромного движения в сентябре и октябре может быть объяснено тем, что в деревне находились многочисленные военные отряды, которые заняты были столько же и реквизицией хлеба у крестьян,

скольким подавлением крестьянского движения и защитой помещиков; после переворота в Казани командный состав должен был сложить оружие, т.к. солдаты перешли на сторону крестьян, что замечалось и раньше, но не имело массового характера

6. Ноябрьское погромное движение, знаменовавшее кульминационный пункт кулацкого движения, имело решающее значение в борьбе и против помещичьего хозяйства вообще, т.к. помещики уже ничего не могли противопоставить напору крестьян и должны были признать свое решительное поражение, в некоторых случаях не имея возможности спасти не только свое имущество, но и жизнь. Крестьянская война в ноябре уничтожила крупное хозяйство в деревне нашего края.

7. Ноябрьские погромы, уничтожившие вековую гегемонию помещиков в деревне, хотя и импульсировались до некоторой степени кулацким элементом деревни, но не дали победы кулакам, т.к. с завоеванием власти большевиками и при наличии в деревне антагонизма бедного и среднего крестьянства против кулачества, что проявлялось в столь же мощном движении против мелких крестьянских собственников на землю, хуторян, отрубников и арендаторов помещичьей земли, крестьянское движение второй половины ноября, декабря и последующих месяцев направилось именно против кулачества с целью перераспределения захваченного имущества из помещичьих имений в пользу бедного и среднего крестьянства.

8. Если ход аграрной борьбы иллюстрирует полнейшее уничтожение помещичьей собственности, то было бы заблуждением заключить, что крестьяне боролись против собственности на землю вообще. Стремление крестьян воспользоваться землей помещика, который когда-то был «барином» или который имел земли в границах известной волости или села; столкновения, создавшиеся на этой почве между селами, иногда с различным национальным составом, подсказывают определенную тенденцию облечь в тогу земельного собственника не каждого крестьянина в отдельности, а сельское общество, конечно, не без санкции государственной власти, в руках которой должны остаться лишь недра земли и леса государственного значения. И лишь дальнейший этап классовой борьбы в деревне в 1918 г. положил начало национализации земли. Следовательно, изученный материал полностью подкрепляет заключение С.М. Дубровского о том, что социализация земли выдвигалась как средство для развития фермерского хозяйства (в случае победы буржуазии) и ничего социалистического в себе не имела. Но его вывод, что 1917 год в деревне ознаменован буржуазно-капиталистической революцией, может быть принят лишь с дополнением, что подобная революция имела все признаки переходной ступени к ее углублению через национализацию земли, т.к. классовая борьба в деревне, торжествуя полную победу над помещиками в октябре и ноябре месяце, все силы среднего и бедного крестьянства направила против сельской буржуазии и кулачества, усилив тот фронт борьбы, который летом и осенью обнаружился вполне отчетливо и который послужил исходной базой для более решительно-

го наступления против сельской буржуазии под руководством победившей в октябре пролетарской партии большевиков. 1917 год подготовил ту социальную базу, которая явилась гарантией осуществления в жизни деревни большевистского лозунга о национализации земли.

9. Если еще летом 1917 г. волостные земельные комитеты обнаруживали политическую двойственность, то в последние 4 месяца 1917 г. наблюдается или резко выраженная правительственная политика, что определялось или правительственным террором в сентябре и октябре или личным составом комитетов, ориентирующимся на правых эсеров и на их правительство, или на буржуазный элемент деревни. Такие комитеты со стороны бедных и средних слоев крестьянства встречали крупное сопротивление своим мероприятиям, доходившее до разгромов комитетов и переизбрания их состава или до полного игнорирования их распоряжений и противопоставления им решений сельских сходов, особенно в ноябре месяце, а в декабре даже возникали параллельные земельным комитеты, типа красноярского районного комитета. Однако, в большинстве случаев земельные комитеты, переизбранные в осенние месяцы, не подчинялись распоряжениям Врем. Правительства и игнорировали таковые, руководясь решениями волостных и сельских сходов с одной стороны, и губернского крестьянского съезда и совета и Всероссийского съезда советов – с другой. Но на время самых ожесточенных погромов имений в ноябре и эти комитеты приоритет и инициативу уступали сходам.

10. Сложность аграрной борьбы, выросшей в ноябре до крестьянской войны против крупной и мелкой единоличной собственности, не характеризует еще наступление политической революции в деревне, а остается в рамках сильнейшего социального движения, но одновременное выступление рабочего класса на захват политической власти в стране придает крестьянскому движению характер той базы, на которой прочно укреплена была политическая победа рабочего класса и которая создавала неоспоримый перевес революционным силам рабочего класса в борьбе не только против крупной буржуазии, но и мелкой. Вместе с тем, в общей цепи классовой борьбы и всероссийской революции 1917 г. крестьянская борьба с помещичьим хозяйством и помещичьим политическим влиянием в деревне составляла чрезвычайно крупное звено, представляя самостоятельный и чрезвычайно ответственный участок революционного фронта за власть пролетариата и трудового крестьянства. Крестьянское движение в Казанском крае вполне подтверждает положение, выдвинутое Н.Н. Фирсовым и Я.А. Яковлевым, что рабочий класс пришел к власти, «на плечах крестьянского восстания»²⁹⁵.

11. В борьбе с помещичьим и купеческим землевладением наряду с русскими крестьянами решительно выступали татары, мари и чуваша, причем татары проявили себя сторонниками полного уничтожения крупного хозяйства более резко, чем другие национальности. Совершенное уничтожение крупного хозяйства мотивировалось состоянием технических средств сель-

²⁹⁵ Второй Всеросс. Съезд Советов. 1928. Предисловие. С. XIX.

скохозяйственного производства и культурной отсталостью производительного слоя крестьянства, которое в зависимости и от системы землепользования, могло ориентироваться только на мелкое хозяйство, вследствие чего мы наблюдаем, что наиболее совершенные орудия сельскохозяйственной техники после захвата их у помещиков оставались не только не использованными, но подвергались и порче.

12. Что касается руководства крестьянским движением со стороны партии эсеров, оно сильно пошло на убыль в сентябре и октябре месяце, а в ноябре крестьяне совершенно уже не считались с ним, ориентируясь больше на левых эсеров и большевиков, которые после переворота возглавили все главные крестьянские учреждения и организации.

Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX века

*Опубликовано в издании «Известия Общества археологии,
истории и этнографии»
(Казань, 1927. Т. 33. Вып. 4. С. 75–79)*

Публикуемые ниже материалы касаются, главным образом, 1) событий в с. Бездне, Казанской губернии, 2) казанской панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам и 3) А.П. Щапова, общественного деятеля и преподавателя русской истории в Казанском Университете. Силен в них и местный колорит; тем не менее это не лишает их значения общего, т.к. своим содержанием они обнимают явления всероссийского масштаба. Научная литература давно уже оценила события в с. Бездне как одно из самых ярких проявлений крестьянской борьбы в России в 60-х годах прошлого столетия; равным образом и личность А.П. Щапова, особенно в наше время, ставится на ряду с выдающимися деятелями России той эпохи. Это и дает нам полное основание объединить результаты наших архивных разысканий летом 1926 года под вышеуказанным заглавием.

Богатое собрание исторических источников – *архив III отделения канцелярии его величества* включает в себе и *дело бакалавра казанской духовной Академии А.П. Щапова*²⁹⁶. Это «дело» состоит из собственноручных бумаг Щапова и подлинных материалов тех учреждений и лиц, которые были творцами этого дела. Материал рисует нам 1) ту социально-политическую обстановку, в которой находился Щапов в Казани, и ту классовую борьбу, в которой были слишком на виду «возмутительные» действия преподавателя казанского университета; 2) эти же материалы рисуют нам вполне отчетливо и взгляды Щапова на злободневные вопросы социально-политической действительности.

²⁹⁶ Архив III отделения. I экспедиция. 1861 г. Д. № 116 на 301 месте.

Материалы первой группы чрезвычайно удачно дополняют «*Воспоминания*» мирового посредника *Крылова*²⁹⁷, которые положены в основу освещения событий в с. Бездне в исследовании *Игнатович*²⁹⁸, и архивные материалы Государственного Совета, изученные Попельницким²⁹⁹.

Деятельность казанского губернского комитета об улучшении быта крестьян известна уже из «заключения» губернатора Козлянинова³⁰⁰ на проект, в котором устанавливается, что крестьяне попадут в условия «стеснительнее прежнего», которые могут только «расстроить, а не улучшить их быт», что крестьянин будет работать на помещика «более прежнего».

Тот же Козлянинов в приводимом нами письме дает прекрасное обоснование этих тенденций дворянства: «совершенное отсутствие сочувствия к освобождению крестьян, т.к. большинство дворян, устроившее службой свое состояние», – «самые вредные и упорные поборники старины, упрочившей их состояние». Дворянство было «в неприязненном положении к ученому сословию, чиновничьему и купеческому», а вместе с тем и к крестьянству. Собещанский, чиновник особых поручений Мин. Внутр. Дел, дает аналогичную оценку положения: крестьянская свобода в проекте дворян была «пустым звуком», а самый проект был значительно консервативнее «Положения о крестьянах».

Между тем ожидания крестьянства простирались на помещичьи земли и леса, господские выпуски и выгоны и даже на хлеб в господских амбарах³⁰¹. Столкновение казалось неизбежным. И оно началось прежде всего расправами, экзекуциями и ссылками крестьян, о чем красноречиво повествует приводимое нами «донесение полковника Ларионова».

Интересные для историка детали в освещении безднинского расстрела и казанской панихиды вносят бумаги Козлянинова и Собещанского, противопоставляя и подчеркивая взглядам дворянства взгляды общества и крестьянства, даже с некоторой долей предпочтения последним перед первыми в целях охранения государственного правопорядка и общественного спокойствия. Эти же материалы служат средством для анализа позиции Щапова и правдивости его показаний.

Более богата содержанием вторая группа материалов – о А.П. Щапове. Как историк и общественной деятель А.П. Щапов приобрел общероссийское значение несмотря на то, что его взгляды и деятельность были в противоречии с господствующими направлениями как в либеральных, так и в некото-

²⁹⁷ Крылов. Воспоминания // Русский Архив. 1892.

²⁹⁸ Игнатович [И.И.] Волнения помещичьих крестьян [от 1854–1863 гг. // Минувшие годы. 1908. № 11].

²⁹⁹ Попельницкий [А.З.] Панихида по убитым крестьянам [в с. Бездне, Казанской губ., Спасск. уезда, в апреле 1861 г.] // Голос Минувшего. 1917. № 9–10.

³⁰⁰ Там же. С. 93. Прим. 2.

³⁰¹ Игнатович [И.И.] Волнения [помещичьих крестьян от 1854–1863 гг.] // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 190.

рых революционных кругах³⁰². С 1917 года интерес к А.П. Щапову пробуждается особенно сильно. Доступность архивных материалов особенно импульсировала разыскания новых источников о нем для освещения его научной и революционной деятельности³⁰³. Публикуемые ниже материалы не заканчивают этих разысканий, но ярче освещают нам личность Щапова, его общественно-политические взгляды и его место в революционной обстановке 60-х годов XIX века.

Еще в Казани Щапов вошел в подпольную революционную деятельность, о чем ясно свидетельствует его старинный друг и знакомый в женевском журнале за 1876 год «*Вестник Правды*»: узнав про Бездну, Щапов говорил студентам: «Ну вот вам и деятельность! Вы только собираетесь заводить по деревням своих агентов, закупаете шрифты и достаете литографские станки, а жизнь-то бьет своим обычным ключом». «Большее участие принимал он в организации воскресных школ, которые подчас представляли собой очаги для политической и революционной пропаганды и подготовки, как об этом свидетельствуют письма Муравского и «процесс воскресников»³⁰⁴». К рево-

³⁰² Н.В. Шелгунов в своих «Воспоминаниях» называет Щапова «выдающимся» деятелем, «крупной силой» своего времени. Плеханов, анализируя общественную позицию А.П. Щапова, указывает, что, как Чернышевский был проникнут идеологией социал-демократа, исходя из интересов рабочего класса, так Щапов является просто демократом, исходя из интересов крестьянства. Это противопоставление Щапова Чернышевскому указывает на выдающееся значение Щапова в истории общественной и революционной мысли. М.Н. Покровский считает Щапова крупнейшим идеологом крестьянства и крупнейшим историком своего времени (см.: Шелгунов Н.В. Воспоминания. М., 1923. С. 144–145; Плеханов [Г.В.] Собрание сочинений. М., 1923. Т. 2. С. 19; Покровский [М.Н.] А.П. Щапов // Историк-марксист. № 3. С. 13).

³⁰³ [Г.А.] Лучинский в III томе «Сочинений Щапова» (1908 г.) дал лучшую по полноте до настоящего времени биографию Щапова, дополнив ее материалами делопроизводства Синода. В журнале «Голос Минувшего» 1917 года № 9–10 А. Попельницкий в статье «Панихида по убитым крестьянам в с. Бездне» выяснил роль Щапова в ней по материалам Главного Комитета по устройству сельского состояния, хранящимся в Архиве Государственного Совета. «Красный Архив» в IV томе (1923 г.) опубликовал речь Щапова на панихиде. М.Н. Покровский в своих трудах «Классовая борьба» и «А.П. Щапов» указывает место Щапова в русской историографии. Д. Чудинов в 5-й книге журн. «Сибирские Огни» за 1924 г. поместил статью «Забывтый предтеча», где характеризует Щапова как историка-материалиста и областника. В том же журнале за 1926 год № 1–2 напечатана биография Щапова, составленная Д. Чудиновым, и «Эпизод из жизни Щапова» В. Вегмана: последнее на основании сибирских архивных материалов по делу 1865 г. о «Сибирских сепаратистах». В 1926-м же году Е. Чернышев опубликовал лекции Щапова «Общий взгляд на историю великорусского народа» и «О конституции» в «Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казан. Унив.» (Т. 33. Вып. 2–3), наконец, «Северная Азия» (кв. 1. 1926 г. М.) дает информацию о проведении в СССР 50-летней годовщины смерти Щапова.

³⁰⁴ Лемке [М.К.] Очерки освободительного движения [«шестидесятых годов»]: по неизд. документам. СПб., 1908]. С. 293, 408, 413 и др.

люционной работе не остался он безучастным и в Петербурге; несмотря на свое поднадзорное положение и длительную болезнь, он принимает участие в составлении прокламации «к раскольникам», чтобы пополнить ею серию прокламаций, составленных Шелгуновым, Чернышевским и Михайловым³⁰⁵. Влияния Щапова из Казани распространились на Вятку, Пермь, Нижний, Сибирь и др. города. Сенатор Жданов, найдя в 1863 г. у арестованных в Вятке студентов «в высшей степени возмутительную» лекцию Щапова об общине, воскликнул: «Боже мой! сколько погибло молодежи от неумения останавливать ее и не преследовать таких людей, как Щапов»³⁰⁶. Между тем культурное и революционное молодое поколение, старалось отдать должное Щапову в их политическом воспитании и революционной его деятельности как агитатора-пропагандиста, ставило его в один ряд с героями 14 декабря 1825 г.

Бумаги, принадлежащие перу Щапова и находящиеся в его «деле» в архиве III отделения, могут быть разделены на две категории: а) записки его лекций, научные заметки и выписки из источников, и б) бумаги общественного и революционного значения. К первой категории относятся отрывки лекций о придворном быте во второй половине XVIII ст., об административном управлении в XVIII в., о декабристах, выписки из бумаг Г. Державина, А. Радищева и др. Все это было изъято из большого тюка с его рукописями, доставленными в III отделение вместе со Щаповым из Казани. Рукописи были сильно перепутаны при обыске и в таком виде доставлены были в Петербург; большую часть из них Щапов получил обратно, а указанные нами были приложены к делу, как вещественное доказательство. Из них мы помещаем заметки о народных движениях и декабристах, как наиболее цельные по смыслу отрывки.

Вторая категория его собственноручных бумаг включает в себе «показание» Щапова о казанских событиях, письмо Александру II о реформе государственного строя и отрывки лекции «О конституции»³⁰⁷. Последняя опубликована нами в 1926 г. целиком, письмо Александру II печатается впервые и лишь из показания Щапова нам был известен один отрывок в статье Попельницкого, который приводит его из рапорта Собещанского. Но этот отрывок далеко не самая существенная часть показаний Щапова³⁰⁸.

Из бумаг, не принадлежащих перу Щапова, но касающихся его обращают на себя внимание указанные выше письмо Козлянинова и выписка из донесения

³⁰⁵ Лемке [М.К.] Политические процессы [в России 18]60-х гг. [(по архивным документам) М.-Пг.,] 1923. С. 318.

³⁰⁶ Архив III отделения. I экспедиция. 1863 г. Д. № 97. Ч. 45. Л. 53.

³⁰⁷ Архив III отделения. Д. № 116 (1861 г.) Л. 100–172 и 182–193 (см.: Известия Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Каз. Унив. Т. 33. Вып. 2–3. С. 42–50 и 53–58.)

³⁰⁸ Попельницкий [А.З.] Панихида по убитым крестьянам [в с. Бездне, Казанской губ., Спасск. уезда, в апреле 1861 г.] // Голос Минувшего. 1917. № 9–10. С. 102–103.

Собещанского³⁰⁹. Интересно и мнение воинствующего реакционера митрополита Филарета о письме Щапова Александру II, в котором мы видим попытку вскрыть вредное для правительства направление взглядов Щапова. Играя словами, не входя в существо мысли Щапова, митрополит, в тон резолюции Александра II, порицает Щапова, видя в нем врага господствующего государственного и социального строя³¹⁰. Отметим и интересные материалы, доставленные в III отделение жандармским полковником из Перми в начале 1862 г.: стихотворение «А.П. Щапову» и копия речи на панихиде; копию речи в печати не воспроизводим, т.к. она отличается от опубликованной в «*Красном Архиве*» лишь стилистически, но, не сомневаясь, можно утверждать, что эта копия писалась со второго подлинника, о котором читаем в «показании» Щапова³¹¹. Среди прочих документов этого дела отметим переписку о Щапове с III отделением министра внутренних дел Валуева, министра просвещения Головнина и госпитального начальства, которая вскрывает мелкие, но существенные детали о времени пребывания Щапова в столице и о высылке его в Сибирь³¹².

Эти материалы вполне позволяют нам выяснить политические взгляды одного из пионеров социалистического направления в начале 60-х годов XIX в. Его глубокие исторические познания прошлого России и в особенности крестьянства, живое участие в общественной жизни и критическое отношение к различным направлениям общественной мысли при его живой, восприимчивой и деятельной натуре, создало в Щапове не только знатока истории народа, но и борца за его лучшее будущее.

Провозгласив на панихиде демократическую конституцию как идеал в социально-политической борьбе ближайшего будущего, он проявил себя сторонником демократического государственного устройства, как мог его пред-

³⁰⁹ Сам рапорт представлен в кратком изложении в статье Попельницкого (Там же. С. 101–102) Приводимая нами «выписка из рапорта» может заменить последний, т.к. эта выписка излагает факты большей частью выражениями самого Собещанского.

³¹⁰ Биограф [А.П.] Щапова [Г.А.] Лучинский, видевший эту записку в архиве Синода, приводит лишь ее конспект и несколько подлинных фраз. Возможно, что цензура помешала воспроизвести ее, если не полностью, то хотя бы в наиболее существенных и характерных отрывках (см.: Щапов [А.П.] Сочинения. Т. 3. С. XLVII–XLVIII).

³¹¹ Имеются в этом деле копии решений по делу об участниках панихиды Главного Комитета об устройстве сельского состояния от 30 октября и Синода. Тут же и подлинник письма А.Н. Муравьева шефу жандармов кн. Долгорукову от 1 декабря 1862 г. Но все эти материалы уже опубликованы; первые два Знаменским, Лучинским и Попельницким, а последнее напечатано еще в 1892 г. в № 6 «Русского Архива» (см.: Знаменский П. История Казанской Духовной Академии. К[азань], 1891. Вып. 1. С. 208–209; [Попельницкий А.З.] Панихида по убитым крестьянам... // Гол[ос] Мин[увшего]. 1917. № 9–10. С. 104–106.

³¹² Щапов А.П. Исторические условия интеллектуального развития в России // Сочинения. Т. 2. С. 619–620.

ставить себе деятель, всецело проникнутый интересами трудовых классов населения России, и в особенности крестьянства. Его политический демократизм проявился очень сильно в письме к царю, где он, не касаясь функций самодержавной власти, дает вполне ясное понятие о царе царствующем, но не управляющем, если не сказать еще больше. Эта мысль и дала повод митрополиту Филарету в страхе воскликнуть, что при осуществлении проекта Щапова монарху нечего будет делать.

Бросаются в глаза чрезвычайно оригинальные мысли Щапова о народном просвещении. Идеи всеобщего обучения, профессионального образования, и особенно с сельскохозяйственным уклоном, идеи всесловности, приоритета общественной инициативы, пропаганды и введения специальных налогов на нужды просвещения, наконец, идея политического значения просвещения – все эти принципы Щапова в вопросе о просвещении нашли себе чрезвычайно полное выражение в письме к Александру II. Однако эти взгляды нельзя назвать окончательными, т.к. позже Щапов еще более их углубил, выдвигая на первый план в преподавании опыт и рисуя прообраз школы фабрично-заводского ученичества нашего времени³¹³.

Изложенные в письме мысли Щапова об областности и федерации, о народосоветии и самоуправлении, о выборности администрации и ответственности ее, о военном и сословном строе, о гласности и других гражданских свободах не являются новыми, за исключением проекта реформы цензуры. Все это было не один раз высказано, как в исторических работах, так и публицистических³¹⁴, но в вопросе о цензуре Щапов идет значительно дальше своих современников, выдвигая ответственность только автора и лишь перед выборным судом.

Но более серьезного внимания заслуживают мысли Щапова по экономической политике. Под влиянием отраженной в русской журналистике европейской экономической мысли преимущественно консервативного направления, Щапов на первый план ставит необходимость экономического развития провинции. Для этого необходимы всесловные земские банки и кредитные компании, для этого нужно устранить вред экономической централизации, которая не дает возможности развития в должной степени провинциальной торговле, сельскому хозяйству, ремеслу и промышленности. Со всей «крестьянской» концепцией Щапова, развитой в вопросах социальных и политических, его экономические взгляды чрезвычайно гармонируют, но находятся в большом противоречии с господствующими течениями экономической мысли как представителей промышленного капитала, так и представителей пролетарского социализма. Крестьянский социализм звал Щапова больше к Сисмонди, чем к Сен-Симону и Фурье. Программа Щапова по экономической политике, данная в письме к Александру II, дает возможность говорить об экономических взглядах Щапова в 1861 г. уже с большей определенностью.

³¹³ Архив III отделения. Д. 110. Л. 130.

³¹⁴ Известия Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. Унив. Т. 33. Вып. 2–3. С. 57.

Печатаемые ниже записки Щапова о характере народных движений, которые он именуется «инстинктивно-революционными» и «буйно-энергичскими», в которых отсутствует в полной мере «разумно-сознательное начало», уточняют еще более взгляд Щапова на значение их в борьбе с существующим строем, а вместе с тем косвенно намечают и роль революционной интеллигенции в этих движениях, задача которой сводится к борьбе с анархичностью народных движений за это «разумно-сознательное начало, но не только предварительно, а и в процессе развития этого движения». Но рядом с этим «показание» Щапова о панихиде по своему тону и смыслу противоречит только что сказанному, что надо объяснить исключительно тактикой подслушанного на допросе³¹⁵.

Публикуемый материал вносит поправки в некоторые доводы *Лучинского*, например, о времени представления письма и показания о панихиде, что им неправильно отнесено к июлю месяцу 1861 г., о взятии Щапова на поруки Валуевым, чего вовсе не было. Служба Щапова в министерстве внутренних дел была больше в интересах надзора за ним, что и указывается в одной из справок III отделения в ноябре-декабре 1861 г.: «Щапов, состоя ныне в ведении министерства, не на службе, но так сказать под надзором, занимается работами по раскольничьим делам»³¹⁶. Донос А.Н. Муравьева на Щапова по поводу его книги «Земство и раскол», направленный Долгорукову в начале декабря 1862 г. не имел никакого значения на дальнейшее пребывание Щапова в столице, т.к. высылка его была решена уже в июле месяце 1862 г.³¹⁷ Что может

³¹⁵ Из текста «показания» читатель видит, что Щапов сглаживает острые углы, передает речь в более пространных и более спокойных в политическом смысле выражениях. «Общинно-демократическая свобода» и «народосоветие» даруются самим царем. В действительности этого тона не было и не могло быть (срав. Речь Щапова в «Красн. Архиве» Т. 4).

То же надо заметить о боязни народного восстания, о задачах интеллигенции и отрицании успеха народной революции; показание об этом Щапова противоречит смыслу лекции «о конституции» по этим же вопросам и «заметкам» о народных движениях (Сравн. Изв. Об. А. И. Э. Т. 33. В[ып]. 2–3. С. 57). Чтобы показать, насколько осторожно нужно относиться к показаниям Щапова, мы приведем явно противоречивые тексту лекции «о конституции» объяснения Щапова при обыске из официальной справки: одна лекция его, читанная им не в университете, а в одной частной беседе студентам начинается: «Когда-то я вам сказал: чье сердце не бьется от одного магического слова – «конституция». Спрошенный об этом выражении, Щапов отозвался, что в конце этого рассуждения он доказывал студентам неосновательность мнения о возможности конституции в настоящее время. При этом он выразил желание отыскать всю эту лекцию в своих бумагах и готов даже представить ее в свое оправдание» (Архив III отделения. I эксп. Д. 16, 1861 г. Л. 44–45. Сравн. «Изв. Общ. А. И. Э. Т. 33. В[ып]. 2–3. С. 38–41, 57–58).

³¹⁶ Архив III отделения. Д. 116. Л. 127.

³¹⁷ Валуев 31/VII–1862 г. сообщал в III отделение: «Признавая ныне неудобным оставить далее Щапова на попечении министерства и поручать какие-либо занятия по оному, я входил со всеподданнейшим докладом об отдалении его от министерства

навести на изыскания, это – записка Валуева в III-е отделение от 1 марта 1863 г., в которой он настойчиво требует высылки Щапова из столицы, «для предупреждения могущих быть вредных последствий от связи его (Щапова) с неблагонадежными людьми»³¹⁸. Тут уже, видимо, явилось, иное подозрение, чем-то, по которому он привлечен был к допросу в «процессе 32-х» по оговору Ничипоренко³¹⁹.

О перемене с Анги на Иркутск Щапову из Сибири хлопотать не надо было, т.к. вследствие письма Щапова к Головнину и кн. А.А. Суворову, петербургскому генерал-губернатору, еще в 1863 г., Суворов вместе с министром просвещения Головниным добились у Долгорукова смягчения наказания Щапову, что следует из писем Головнина от 5/VII и 15/VIII–1863 г.³²⁰

с учреждением за ним строгого полицейского надзора, на что 28 сего июля последовало высочайшее соизволение»: причина этому – «неблагонадежный образ мыслей Щапова и продолжающиеся сношения его с лицами неблагонадежными» (Архив III отделения. Д. № 116. Л. 231).

Главное же сделала комиссия для разбирательства о лицах неблагонадежного поведения под председательством Голицына, которая, «принимая во внимание, что бакалавр Щапов своими действиями заявил себя перед правительством как человек неблагонамеренный и замечен полицией в буйстве, постановлением от 30 минувшего ноября (1862 г.) заключила: выслать Щапова из Петербурга с учреждением за ним в месте нового жительства секретного надзора и с воспрещением въезда в столицы». Высылка в с. Ангу и на этот раз не состоялась за болезнью Щапова и лечением его в госпитале с 19/II–1863 г. до 4/III–1864 г. (Архив III отделения. Д. 116. Л. 244–245).

³¹⁸ Архив III отделения. Д. 116. Л. 258.

³¹⁹ Лемке [М.К.] Очерки освободительного движения... С. 156.

³²⁰ В письме Головнина от 5 июля 1863 г. князю Долгорукову читаем: «М. Г. князь Василий Андреевич! Известный вашему сиятельству Щапов обратился ко мне с просьбой об исходатайствовании смягчения предстоящей ему участи – ссылки на место родины в залесную тайгу, где недавно умер его отец, а родственники пашут землю. Я знаю Щапова только по весьма замечательной книге о расколе, которая еще едва ли не лучшее у нас сочинение по этому предмету, и по нескольким статьям о народном мирозерцании, обличающим большую ученость и напечатанным в Жур. Мин. Нар. Просвещения. К сожалению, люди с такими специальными познаниями, ученостью и литературным талантом у нас весьма редки, и потому я считаю себя обязанным, как министр народного просвещения, убедительнейше просить Вас о дозволении Щапову или остаться в Петербурге, или жить в Иркутске, где он мог бы заниматься при Отделе Географического Общества».

15 августа 1863 г. он снова обращается к Долгорукову с таким письмом: «Ваше сиятельство в разговоре со мной о бывшем бакалавре Казанской Духовной Академии Щапове – изволили между прочим передать мне, что он будет выслан отсюда не далее Иркутска. Узнав ныне из письма ко мне кн. А.А. Суворова, принимающего также участие в Щапове, о предстоящей высылке его отсюда после болезни на родину – я позволю возобновить в памяти Вашей разговор наш о Щапове и передать при этом на Ваше благосклонное внимание как мое, так и кн. Александра Аркадьевича (Суворова) участие к положению г. Щапова» (Архив III отделения. I экспед. 1861 г. Д. 116.

Материалы печатаются по новой орфографии с изменением местами пунктуации и заменой прописных букв малыми³²¹.

Волнение казанских татар в 1878 г. (Очерк по архивным материалам)

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1927. № 7. С. 173–202)*

1. Литература и источники вопроса. 2. Волнения в Спасском, Чистопольском и Казанском уездах. 3. Поводы и причины волнений. 4. Расправа губернатора; следствие, суд и приговор. 5. Итоги и последствия.

I.

Изучение этого волнения надо отнести к последним двум годам. Впервые на него обращено внимание опубликованием копии «*прошения*» казанских татар³²², поданного в Министерство Внутренних дел; копия эта извлечена Г.С. Губайдуллинным из бумаг Г.Казакова, а последний изъясил ее из архива Юнусовых. Оставаясь незаверенной копией, без подписей и без всякого указания на автора, эта копия могла приобрести значение достоверного исторического источника через подтверждение фактов, сообщаемых в прошении, другими источниками. Ждать этого пришлось недолго.

Проф. Н.Н. Фирсов в кратком научно-популярном историческом очерке «*Прошлое Татарии*» (1926 г.) дает характеристику этого движения на основании «приложений к журналам Комитета Министров», хранящихся в Ленинграде в архиве Государственного Совета, и «всеподданнейшего годового отчета» казанского губернатора, где, по-видимому, довольно подробно описывается это движение. Проф. Н.Н. Фирсов касается причин этого движения, развития и подавления его. Пантюркизм татарской буржуазии в связи с турецкой войной, негодование татар из-за религиозных опасений, ненависть к административному и кулацкому гнету – вот основные причины. «Многовековое гонение на религию, в связи со всякими вымогательствами и насилиями, сделало свое дело. Оно сделало булгаро-татар бывшего Казанского ханства, о былой самостоятельности коего они помнили, подозрительными и недоверчивыми к русской власти, к распоряжениям царского правительства. На

Л. 270 и 271. Сравн. Лучинский [Г.А.] А.П. Щапов // Щапов [А.П.] Сочинения. Т. 3. С. LXXXV).

³²¹ Далее следуют 8 документов из архивных дел. См.: Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX века // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1927. Т. 33. Вып. 4. С. 79–98 (Ред.).

³²² Документ о движении среди татарских крестьян в 1878 г. // Вестник Научного Общества Татароведения. № 1–2. 1925. С. 38–40.

этой почве и произошло рассказанное возмущение»³²³. Поводом восстания были «бестактные действия» казанского губернатора. Формы движения – смещение должностных лиц в селах и волостях и замена их вновь избранными, слушание и избиеание представителей администрации. Движение происходило в трех деревнях Спасского и в трех волостях Казанского уезда. Меры подавления этого волнения описаны на основании «прошения» татар и циркулирующих до сего времени воспоминаний, изложенных автором «Прошлое Татарии».

Для второй половины XIX века это движение среди татарских масс является самым выдающимся и чрезвычайно характерным для эпохи. Все это сильно побуждало к разысканию материалов, способных осветить волнение более подробно, чем это мы находим в «Прошлом Татарии». В настоящей статье мы решаемся поделиться некоторыми архивными «находками» и изложить татарское движение 1878 г. возможно подробнее, насколько допускают это вновь найденные материалы.

В архиве канцелярии Казанского губернатора в «Собрании бумаг с объяснениями бывшего губернатора Скарятина» за 1879 г. (№ 69, стол правителя канцелярии) находится «рапорт» Скарятина в Прав. Сенат, в котором он рассказывает довольно подробно о волнениях татар в Казанском, Спасском и Чистопольском уездах быв. Казанской губ. В этом рапорте, может быть, с большими подробностями, чем в «годовом отчете», губернатор повествует о событиях и их значении, весьма облагораживая свою роль в подавлении волнений и местами сгущая краски татарской «виновности» и «ослушания». Но в общем этот материал того же самого происхождения, что и бывший в руках проф. *Н.Н. Фирсова*, только лишь направленный в другой адрес.

Но наиболее важен материал из *архива Казанской Судебной Палаты* – следственное и судебное «дело по обвинению крестьян Мамсинской волости в восстании против властей». Несмотря на то, что объектом судебного разбирательства было установление виновности крестьян в избииении волостного писаря, оно дает много характеристик отдельных деталей всего движения. Особенную ценность представляют предварительное следствие, показания обвиняемых и свидетелей, обвинительный акт и приговор суда.

Для характеристики отношения административных сфер к татарскому населению, помимо общеизвестных, мы присоединяем материалы *архива III отделения канцелярии его величества* о казанском купце Ш.Сагадееве, правда, относящиеся уже к 1880 году, но говорящие ясно и определенно, что события 1878 г. не произвели на представителей местной власти должного впечатления, тогда как центральная власть в отдельных случаях проявляла себя довольно объективно, хотя эта объективность вполне объясняется тем, что «деятельность» губернатора Скарятина вызвала сенатскую ревизию, которая

³²³ Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии. [Казань: Академ. центр Татнаркомпроса, 1926]. С. 42.

и проявляла примитивную объективность к татарскому населению в лице его купечества.

Этим исчерпываются все материалы, положенные нами в основу исследования татарского движения в 1878 году.

II.

Рапорт Казанского губернатора Скарятина, адресованный в Сенат, довольно подробно повествует о волнениях татар. Прежде всего движение началось в Спасском уезде, охватив две волости: Марасинскую и Полянскую. В первой волнение отмечается в деревнях: Старой и Новой Алпаровой, в Старых и Новых Ургагарах, Старой и Новой Камкиной, в Изамбаевой Кармале и Татарской Муллиной; в Полянской же волости рапорт отмечает только три селения: Большие, Нижние и Средние Тиганы³²⁴.

Началось с того, что крестьяне отказались дать приговоры о составленных волостными правлениями страховых ведомостях. Сельское начальство стало *требовать* составления приговоров, но – безрезультатно. С той же целью явилось после этого волостное начальство и ушло ни с чем. Вслед за ним явилась полиция, и чем настойчивее она «требовала» и «убеждала», тем сильнее было сопротивление татар. Поведение татар расценивалось как непослушание и сопротивление требованиям сельского начальства и правительства. В тех случаях, когда поведение сельских старост внушало населению подозрение в правительственной ориентации их, у старост отбирались крестьянами должностные печати и «запрещено было принимать какие бы то ни было бумаги от начальства как волостного, так и полицейского». Старосты, нарушившие это запрещение, подвергались в некоторых деревнях избиению, принуждались возвращать принятые от полиции или волостного начальства бумаги. Но репрессии сельского общества к сельским старостам и этим не ограничивались: «некоторые сельские старосты, – читаем в рапорте губернатора, – совершенно были отставлены обществами от должностей и на их место произвольно были поставлены лица, угодные обществам, которым переданы знаки и печати старост»³²⁵.

Сменив выборные власти, сельские общества стали отменять все стеснявшие их существующие порядки.

«Вскоре к этому первоначальному обстоятельству, выставленному татарами, как поводу их неповиновения властям, присоединились отказ их не только от дачи каких бы то ни было приговоров, но и совершенный отказ от страхования имуществ, от наряжаемых в деревнях караулов, от содержания пожарных сараев, лошадей и караулов при них, от выбора пожарных старост, полицейских десятников, от отвода квартир полицейским урядникам и стражникам и т.п. При этом они фальшиво перетолковывали некоторые параграфы инструкции, выданной Губернским по Крестьянским Делах Присут-

³²⁴ Архив Канцелярии губернатора. 1879 г. Д. № 69. Л. 11.

³²⁵ Там же. Л. 12.

ствием волостным правлениям, или только прикрывались будто бы непониманием этих параграфов. Затем, татары не только не допускали в свои деревни волостное начальство, но даже в случае прибытия лиц сего последнего по делам службы, препятствуя исполнению таковых, с угрозами выпроваживали их вон из деревень. Убеждения местных становых и исправника не производили никакого влияния: татары при въезде полицейских чиновников в их деревни запирались в мечети, высылая на сходы только молодых, которые на обращаемые к ним убеждения ничего не слушали, пахали палками и кричали «аллах акъер», что значит «боже, помилуй»³²⁶. Эти события имели место в октябре месяце 1878 года.

Возбужденное состояние татарского населения Марасинской и Полянской волости перешло, как видим, за рамки глухого недовольства и выразилось: а) в полном игнорировании волостных и полицейских властей и неподчинении их распоряжениям, б) в смене, а местами, даже избиении сельских властей, и в) в отказе от исполнения возложенных правительством повинностей.

К ликвидации беспорядков было приступлено немедленно, но безуспешно, т.к. никаких убеждений начальства татары и слушать не хотели. Надежда на мулл тоже не оправдалась:

«Действовать через мулл не было возможности, т.к. татары запрещали им входить в сношения с властями и держали их при себе; вообще муллы недостаточно энергично оказывали содействие к разъяснению своим прихожанам ложности и неосновательности всех распускаемых между ними слухов».

Тогда решено было арестовать зачинщиков. Но и тут правительству пришлось испытать неудачу.

«Арест зачинщиков-руководителей сходов был невозможен потому, что общества весьма сильно охраняли их и не выдавали. Хотя и составлялись акты и передавались судебным следователям, но как не было возможности разыскать подстрекателей и как общества каждой ослушающейся деревни действовали сообща, целым сходом, то от актов этих нельзя было ожидать результатов»³²⁷.

Посылка местного исправника была тоже безрезультатна, т.к. он, несмотря на неоднократные поездки по деревням, «не мог успешно повлиять» на татар; та же неудача постигла лаишевского исправника Назонова, несмотря на то, что он был, по отзыву губернатора, «опытный полицейский чиновник и ловкий в обращении с крестьянами». Успокоения не было среди татарских крестьян, хотя им и указывалось на «строжайшую ответственность» за их деяния.

«Назонов объехал их несколько раз, равно как и чиновники особых поручений, но все осталось безуспешно», заключает в своем рапорте Скарятин. Даже больше: «Не только вышепоказанные общества, но *другие*, близ лежащие волости *Спасского уезда* начали волноваться (курсив наш – Е. Ч.) и не-

³²⁶ Там же. Л. 13.

³²⁷ Там же. Л. 14.

повиноваться властям»³²⁸. В таком положении дело оставалось в течение октября, ноября и в декабре 1878 г. Губернатор находил, что ему необходимо ехать самому и не одному.

Но далеко неспокойно было и в других уездах. Тот же рапорт Скарятина повествует о событиях в Чистопольском уезде в волостях с татарским населением:

«В ноябре месяце 1878 г. началась усиленная подача самого неосновательного содержания просьб как ко мне, к Оренбургскому муфтию и в Губ. Земскую Управу, так и к г-ну министру Внутренних Дел». Каково содержание этих просьб, Скарятин не указывает, но эти просьбы были непрерывны. Составлялись эти просьбы в Чистополе крестьянином Любимцевым при участии нотариуса Кабитовича, польского мещанина Азаматова, мещанина Мясникова и запасного Мельникова.

«В квартире Азаматова составлялись приговоры, к которым заранее были приложены печати сельских старост, так что при обыске у него найдены были бланки с такими печатями»³²⁹.

Если в Чистопольском уезде не было такого рода эксцессов, как в Спасском уезде, с избиением и заменой старой администрации, то указание губернатора на содействие, а может быть и руководство со стороны этой группы «составителей разных просьб и жалоб», как называет их Скарятин, было весьма важно, особенно со стороны польского мещанина Азаматова. Обращаем внимание еще и на то, что в этой группе «составителей», а мы их назовем организаторами, кроме Азаматова были все русские, разделявшие с татарами их участь и сочувствовавшие их начинаниям. Возможно, что через эту группу, в частности через Азаматова, шла связь с революционными организациями западной России, особенно с польскими, которые давно выжидали массовых движений на востоке³³⁰. Арест группы закончил ее деятельность, дознание произведенное после обыска, было передано судебному следователю. Каковы были последствия, нам неизвестно, и Скарятин ничего об этом в рапорте не прибавляет.

Глухое негодование татарских масс Чистопольского уезда не перешло в открытое восстание, однако очень сильно повлияло на политическое настроение татар во всей губернии. Скарятин констатировал сильное возбуждение татар «по всем уездам губернии», не доходящее, правда, до размеров, имевших место в Спасском уезде, но вызвавшее сильный поток делегаций от сельских обществ к губернатору за разъяснениями и заверениями: «Со второй половины ноября, — пишет губернатор в Сенат, — до конца декабря 1878 г. у меня перебивалась масса

³²⁸ Там же. Л. 14.

³²⁹ Рапорт губернатора. Л. 14–15.

³³⁰ Еще в 1863 году административно-высланные с родины поляки принимали участие в организации военного заговора против властей Казани, который возник в военной и студенческой среде (см.: Ершов А. Казанский заговор 1863 г. // Голос Минувшего. 1913. № 6–7).

народа..., в некоторые дни приходило ко мне до 200 человек; я лично по несколько часов сряду разъяснял им всю неосновательность тревоживших их слухов, убеждал не верить им и сохранить полное повиновение полицейским и волостным властям и выдавал им о том же письменные разъяснения. Как эти словесные мои разъяснения, так и письменные, действовали на татар, по-видимому, успокоительно. Не являлись за разъяснениями только из Спасского уезда, исключая нескольких отдельных личностей; из них некоторые оказались участниками в неповиновении и, являясь ко мне как будто за разъяснениями, держали себя крайне дерзко»³³¹.

Таким образом, сам Скарятин счел необходимым «по несколько часов сряду» убеждать татар оставаться спокойными, давал всевозможные, и письменные и устные гарантии, что власть не замышляет ничего вредного для татар; не обошлось, как видно, и без инцидентов, крайне неприятных для высшего представителя власти в губернии, но на все это пришлось пойти, т.к. положение было крайне угрожающее. А насколько успокоительно действовали на татар убеждения губернатора, видно из последующих событий.

В конце ноября месяца 1878 г. уже в Казанском уезде начались довольно сильные волнения. Последние охватили три волости: Больше-Менгерскую, Больше-Атнинскую и Мамсинскую, с преобладающим составом татарского населения.

«26 ноября, – пишет губернатор в Сенат, – в Б.-Менгерской волости с населением около 4000 душ муж. пола, вокруг волостного правления собралась огромная масса народа, чрезвычайно рассвирепевшего, которой сменен волостной старшина и вместо него избран самовольно другой; также сменены сельские старосты с избранием новых. На все разъяснения и увещания явившегося в волостное правление исправника Казанского уезда шумевшая толпа ничего не хотела слушать, и когда местный приходский мулла начал помогать исправнику уговаривать народ, то он был жестоко избит. Защищавший его полицейский стражник подвергся такой же участи. Буйствующая толпа кидалась на исправника, угрожая ему так, что он, видя свое бессилие, должен был уехать. Волостной писарь, потерявшись совершенно, уехал еще раньше»³³².

Из этого сообщения вполне определенно явствует, что в Б.-Менгерской волости имело место *поголовное* восстание татарского населения *против установленных правительством представителей власти*. Тактика восставшего населения нисколько не отличалась от таковой в Спасском уезде.

«Одновременно в соседственной Б.-Атнинской волости, – читаем дальше повествование Скарятина, – заключающей в себе 13 обществ с населением около 3500 душ муж. пола, татары, собравшись большими толпами к Волостному Правлению, побив волостного старшину и писаря, ворвались в Волостное Правление, требуя помянутые выше приговоры о пособии на продовольствие и обсеменение полей по случаю неурожая 1877 г. Неистовствующая

³³¹ Рапорт губернатора. Л. 15.

³³² Рапорт губернатора. Л. 17.

толпа, ища эти приговоры, перервала все дела и бумаги Волостного Правления, сменив волостного старшину. Снятый с него знак и отнятая печать положены были в сундук, который был запечатан впредь до прибытия нового, тут же избранного народом татарина, не находившегося, однако, на сходе и живущего в другой деревне. Так же были избиты, смены и заменены другими сельские старосты».

И тут главным действующим лицом является татарская «толпа», чинившая «неистовства», но вместе с этим установившая собственную власть и собственных начальников, избранных по своему, а не правительственному усмотрению. Что же происходило в Мамсинской волости?

«Последовательно и в то же время произошло волнение и *еще более серьезные* (курсив наш – Е. Ч.) беспорядки в Мамсинской волости, состоящей из 20 сельских обществ с 4000 душ муж. пола. Толпа, избив волостного старшину и сельских старост, сменила их и заменила новыми: затем татары не только избili волостного писаря Завалишина, служившего в этой волости 11 лет, но подвергли его всевозможным истязаниям и увечьям с переломом ключицы и проломом в двух местах головы. Он был бит до полного бессознательного состояния, и татары несколько дней не позволяли послать ни за священником, ни за врачом, а на все мольбы жены и семейства писаря отвечали одними угрозами, что всех их перережут. Кроме писаря подвергнуты жестоким побоям 3 полицейских стражника, из коих один, избитый до потери сознания, брошен был под мост, ибо татары, бившие его, сочли уже мертвым. Проживающие в этой волости 12 русских промышленников, как-то: кузнецы, лабазники и т.п., были изгнаны из деревни с угрозою, что если они возвратятся, то будут убиты. На всех перекрестках, мостах, даже за несколько верст от селений татары выставили караул, затрудняя проезд»³³³.

Из этого описания мы видим, что более сильный характер движения в Мамсинской волости выразился лишь в том, что избивание татарами писаря и отчасти полицейского сопровождалось тяжелыми увечьями, и в том, что татары далеко от селений выдвигали свои караулы. Для губернатора это имело существенное значение, а для нас эти события чрезвычайно незаметно видоизменяют тактику повстанцев как в Спасском уезде, так и в вышеуказанных волостях Казанского уезда. Но влияние, произведенное событиями в Мамсинской волости на окрестные волости и уезды, было действительно, весьма внушительным.

«Подобные беспорядки и изуверство татар навели панику на окружающие волости и деревни с русским населением, татарам же придали дерзкую самоуверенность и надежду на безнаказанность их ослушания и буйства. Собравшиеся в эти три волости татары из пограничных уездов, даже из Вятской губернии, ожидали результата и окончания этого дела, намереваясь произвести то же у себя; готовилось поголовное избивание волостных и сельских начальников и полнейшее самоуправство и анархия»³³⁴.

³³³ Рапорт губернатора. Л. 18.

³³⁴ Там же. Л. 19.

III.

Какие же поводы и причины вызвали столь сильное движение татарских крестьян в Казанской губернии?

Губернатор Скарятин писал о волнении в Спасском уезде, что оно возникло на почве слухов, распространившихся среди татарского населения в связи с представлением начальству страховых ведомостей, приговоры по которым и отказались дать крестьяне. Почему же?

«Поводом к такому послушанию был ложный, неизвестно кем распространенный между татарами слух, который они приняли за достоверный, о том, что будто бы помянутыми приговорами их обманывают, что они отбираются не для проверки страховых ведомостей, а с целью обращения татар магометан в христианскую веру, что в каждом из подобных приговоров заключается обязательство дающих его перейти к известному сроку из магометанства в православие, и что как скоро сельское общество подпишет приговор или сельский староста приложит к нему свою печать, так уже на всех членах общества лежит обязанность переменить веру.

«Независимо (от) сего стали распространяться слухи, что в татарских деревнях будут строить каланчи, вешать колокола и у этих каланчей будут крестить татар, что 6-ти летнего возраста детей будут отбирать от родителей в русские училища и там их крестить, что в последнюю русско-турецкую войну «крест поборо луну и гос. император, недовольный султаном, повелел крестить всех магометан в России». Кроме того, крестьяне православного вероисповедания, русские и солдаты, возвращавшиеся с войны, смеялись над татарами, говоря: «побив турку, будем крестить теперь всех магометан», и в насмешку называли татар «новокрещенными»³³⁵.

Эти же слухи распространились и по Чистопольскому уезду, из которого в изобилии отправлялись повсюду «самого неосновательного содержания просьбы», как выражался в рапорте губернатор. О причинах быстрого восприятия и распространения этих слухов в Чистопольском уезде красноречиво указывает корреспонденция В.А. Михайлова, отставного сотника Уральского казачьего войска, проживавшего в Чистополе и занимавшегося там адвокатством, в петербургской газете «Русская Правда» от 1 января 1879 г., где он выступает с опровержением, может быть, им же описанных в этой газете слухов:

«Мне передавали, что здешний исправник никогда и не думал делать распоряжения о постройке в селениях пожарных каланчей и об украшении их набатными колоколами. Слух об этом пущен будто бы между татарами неблагонамеренными лицами, а основанием ему послужила разосланная по волостным правлениям книжка о сельских пожарах»³³⁶.

Происшедшие в октябре месяце волнения в Спасском и Чистопольском уездах уже убедили губернатора в необходимости «убедить» и «вразумить»

³³⁵ Рапорт губернатора. Л. 11–12.

³³⁶ Архив канцелярии губернатора, стол правителя канцелярии за 1878 год. № 45 «Собрание секретных бумаг по разным предметам». Л. 86.

неповинующихся татарских крестьян, но в ноябре ему пришлось принимать различные делегации от крестьян. Как будто бы уговоры и заверения действовали успокоительно, как писал в рапорте Скарятин, но мы знаем уже из его же сообщений о распространившихся в последних числах ноября в Казанском уезде волнениях, гораздо более опасных, чем в других местах. Что же тут послужило поводом и причиной?

«Поводом к таковым беспорядкам и слушанию повели все те же ложные слухи о мнимом крещении татар с прибавлением того, что будто бы «султан, предоставив гос. императору в распоряжение всех христиан, потребовал, чтобы магометан, живущих в России, передали под его власть, но что гос. император, не желая передавать магометан с землей, на которой они живут, повелел крестить всех магометан России в православие».

«Затем, между татарами начала распространяться молва, что будто бы из Ташкента, Оренбурга и Уральска получены письма, извещающие о непрерывном крещении татар Казанской губернии с нового года».

«Кроме того, в Казанском уезде пронесся между татарами слух, что в тех приговорах, которые сельские общества составляли в 1877 и 1878 году, ходатайствуя перед Земской Управой о выдаче пособий и ссуд на продовольствие и обсеменение полей по случаю неурожая хлебов в 1877 году, и которые, по составлении их, в то же время представлялись волостными правлениями в уездные Земские Управы, заключалось будто бы обязательство и согласие крестьян из татар, получивших ссуду или пособие, перейти из магометанской в православную веру с нового 1879 года, что будто бы волостные старшины и писаря обманули татар, прочитав на сходах только первую часть приговоров, в которой говорилось о пособии и ссуде, не прочли второй части приговоров, в которой было помещено обязательство за получение пособия перейти из магометанства в христианство. Слух этот сильно разжег религиозный фанатизм татар»³³⁷.

Судебное делопроизводство, в частности обвинительный акт об избиинии писаря Завалишина, дает очень подробную причинную аргументацию событий, происходивших в конце ноября 1878 года в Мамсинской волости Казанского уезда. Подкупаемые «солидной» обстоятельностью, несмотря на некоторую пространность, мы считаем нужным привести эту часть обвинительного акта, которая лишний раз показывает, насколько близко соприкасались мнения «независимого» от воздействия администрации суда со взглядами на причины волнений главных представителей царской администрации в губернии.

Как будто с неподкупной объективностью и довольно издалека начинает развивать товарищ прокурора Карнович свою мысль о виновности подсудимых:

«В январе месяце 1878 года Казанским Губернским по крестьянским делам Присутствием издана «Инструкция сельским обществам по исполнению возложенных на них законом обязанностей». В отделе 8-м этой инструкции,

³³⁷ Рапорт губернатора. Л. 16–17.

содержащем в себе правила относительно устройства и содержания начальных народных училищ, между прочим есть указание на то, что «закон божий может быть преподаваем в училищах или приходским священником или особым законоучителем с утверждения епархиального начальства по представлению инспектора народных училищ» (§ 43).

Затем в § 47 инструкции, находящемся в отделе «о назначении сборов на мирские расходы», говорится: «мирскими повинностями называются те повинности, которые отправляются каждым обществом для удовлетворения его потребностей, как-то: на устройство и поддержание церквей, заведение сельских училищ, содержание учителей и на удовлетворение других общественных и хозяйственных потребностей крестьян».

Означенная инструкция разослана была во все волостные правления для передачи сельским обществам. В Мамсинском волостном правлении она получена была в конце июня или начале июля месяца и тогда же роздана сельским старостам всех деревень этой волости в количестве двух печатных экземпляров на каждое общество. Спустя после этого около 4-х месяцев, именно в ноябре месяце, в среде крестьянского населения Мамсинской волости, состоящего исключительно из татар, начала распространяться молва, что татар будут крестить, что во всех татарских деревнях повесят колокола, и что обо всем этом пишется в «Инструкции», выданной волостным правлением сельским обществам.

Так как означенная молва имела очевидную связь с изложенными выше параграфами инструкции, то губернское по крестьянским делам присутствие, с целью рассеять возбужденное в среде татар неправильным толкованием этих параграфов недоразумение, в том же ноябре месяце издало дополнение к инструкции, в котором разъяснялось, что § 40, 41, 42, 43 и 44, содержащие в себе правила об устройстве и содержании начальных народных училищ, «относятся лишь до крестьян православного вероисповедания», и что равным образом, «упоминаемые в § 47 мирские повинности, собираемые на устройство и поддержание церквей, также относятся лишь до крестьян православного вероисповедания; для крестьян же магометанского вероисповедания эти сборы производятся на устройство и содержание мечетей». В Мамсинской волости «дополнение к инструкции» роздано было сельским старостам 23-го ноября, причем последним разъяснено было содержание и значение этого дополнения.

Несмотря однако на это, слухи о том, что татар будут крестить, не только не прекратились, но, увеличиваясь с каждым днем, вскоре охватили все крестьянское население волости. Крестьяне высказывали неудовольствие на сельских старост за то, что они приняли инструкцию, и говорили, что «старосты сделали это с той целью, чтоб получить себе награды». Более же всего крестьяне были недовольны волостным старшиною Галеевым и волостным писарем Завалишиным за то, что они роздали инструкцию старостам, не про-

читав ее и не сказав, что в ней заключаются правила, «вредные для магометанской веры»³³⁸.

Выше приведенные цитаты из источников дают возможность определить, что поводом к волнениям татарских крестьян послужили, действительно самые разнообразные слухи о насильственном крещении татар, распространившиеся среди населения. Это – основной мотив. Достаточно было правительству затребовать приговоры сельских обществ о страховых ведомостях, или разослать книжки о сельских пожарах и противопожарных мероприятиях, или инструкцию о выполнении мирских обязанностей, как сейчас же создавалась версия о крещении магометан в православие, об отобрании татарских детей в русские школы и проч. Даже обращение в земство за продовольственной и семенной ссудой рассматривалось как подразумевающееся согласие на крещение в православие. Это же крещение татар являлось следствием поражения Турции, что подогревалось и шутками русских солдат, вернувшихся с театра военных действий на родину, и слухами, шедшими из сравнительно далеких окраин, как Ташкент и Уральск. Но слухи, захватившие татарские массы и двинувшие их к волнениям и открытым выступлениям против власти, должны тоже иметь свои причины. И это для нас значительно существеннее самих слухов. Причины слухов выявляются довольно определенно.

Татарское население в целом, во всем его классовом многообразии, определенно не доверяло русской власти и даже в действиях правительства, не имевших никаких данных к подозрению, видело скрытую цель подорвать существующее положение татарского населения. Инструкция об исполнении мирских обязанностей, страховые ведомости и книжки о сельских пожарах в себе ничего опасного для татар не содержали. Можно еще указать на «инструкцию», что в ней совершенно бестактно составители умолчали о татарском населении и о тех изменениях, какие должны бы быть внесены и, действительно, потом и были внесены, принимая во внимание условия татарской действительности; что же касается ведомостей и литературы, в них и это усмотреть невозможно. Но таков уже был взгляд на русскую власть, что она может все использовать во зло татарам. А самое большое зло заключается в насильственном крещении татар в православие. Этот взгляд был твердо обоснован на основании данных русской политики к татарам в течение целого ряда веков и полным игнорированием их национальных интересов после 60-х годов XIX века, т.к. «эпоха реформ» татарам ничего существенного не дала, да и после нее положение менялось только в худшую сторону. В этом заключается одна из основных причин и слухов и движений татарских крестьян.

Для возбуждения противоправительственных народных движений был использован и недород 1877 и 1878 годов. Неурожай хлебов в эти годы вызвал голод. А от голода сильнее страдают в нашем крае именно татары ввиду того, что у них и земли меньше и постановка хозяйства слабая. Борьба за дешевые рабочие руки побуждала имущую часть татарского крестьянства и та-

³³⁸ Дело судебной палаты за 1879 г. Л. 2–3.

тарскую буржуазию подорвать и без того не особенно сильное доверие и надежду на помощь земства. Отсюда и пошли слухи, что мирские приговоры с ходатайствами о семенной и продовольственной ссуде перед земством заключают в себе и обязательство обращения в православие. Татарское духовенство, если не содействовало распространению этих слухов, что мы документально утверждать не можем, то в лучшем случае и не опровергало их, так как возбуждение религиозного чувства среди татарских масс служило для них самих лучшим удовлетворением и освобождало духовенство от всяких нареканий со стороны кулацкого крестьянства, а также мелкой и крупной буржуазии, чьи интересы были ближе духовенству, чем интересы широких, но голодающих крестьянских масс.

Вполне допустимо, что нужда в дешевых рабочих руках побуждала и окраинную магометанскую буржуазию поддерживать и даже усиливать эти слухи чтобы вызвать более сильный поток татарского населения в Туркестан и на Урал в отхожие промыслы и на дешевые заработки.

Использование буржуазией в своих интересах последствий голода в Казанском крае и возбуждение крестьян в связи с голодом является второй основной причиной движения татарского крестьянства вообще, бедняцкого и середняцкого его слоя, наиболее пострадавшего от голода, в частности.

Серьезного внимания заслуживает сообщение губернатора о пантюристских идеях, распространенных в татарских широких кругах населения. В народной психологии эти идеи значительно упрощены, сведены опять-таки к возможности обращения татар в православие под влиянием неудач Турции во время войны 1877 и 1878 годов. Религиозное единство Турции и мусульманской России временами проявлялось в течение ряда веков и в политике, когда магометанский мир находился под короной Российской, и от панисламизма не далеко было до идей и пантюризма. Мы не имеем достаточное количество данных для доказательства, что идеи пантюризма выросли в широких массах вполне самостоятельно, скорее они культивировались как татарской буржуазией и магометанским духовенством, так и подавляющей национальное самосознание политикой царской России второй половины XIX века. Поэтому-то массы так просто и представляли себе эти идеи, поэтому в их мирозерцании они и преломлялись в формах слишком элементарных. Действительно, если считать верной передачу губернатора, татары говорили о несогласии царя обменять у султана магометан на православных и стремление царя крестить магометан в православие, т.к. он победил султана, который уже не в силах защитить российское магометанство.

Но для магометанской буржуазии, особенно торговой ее части, имеющей, в противовес татарскому крестьянству, а в особенности земледельцам татарам, весьма крупные торговые связи с Турцией, Персией, Туркестаном и всей Средней Азией, идеи пантюризма были весьма свойственны; они именно буржуазным обществом поддерживались и служили одним из стиму-

лов для объединения в борьбе с определенной выше царской политикой в России.

Отсюда нам вполне понятным становится появление слухов из Уральска, Оренбурга и Ташкента о крещении татар, помимо вышеизложенного нами. А «спутник» татарской буржуазии – татарское духовенство не только проникнуто было этой буржуазной идеологией, но и стремилось привить ее крестьянским массам, скрывая ее классовый характер и выдвигая чисто религиозный, и с большей силой тогда, когда слишком сильно давала себя чувствовать «культурная» миссионерская деятельность Казанской Духовной Академии или возбужденное состояние крестьян, вследствие каких-либо стихийных бедствий, как голод или эпидемии.

Во время войны с Турцией татары не раз проявляли свои симпатии к Турции, хотя внешне и официально они и скрывали их. Для этого были свои объективные причины. Во время и после Севастопольской или Крымской войны татарское население Крыма и Кавказа массами переселялось в Турцию, не находя, правда, там «обетованной земли»; переселения эти были вынужденными и не для всех, конечно, безотрадными. Многие татары из Предкавказья в особенности, а отчасти и из Крыма, попадали в Среднее Поволжье и знакомили здесь своих единоплеменников с тамошним тяжелым их бытом, подпавшим сильному давлению русской землевладельческой буржуазии в эпоху развития торгового земледелия на юге России. Эти исторические факты были на памяти у здешних татар и, конечно, могли только содействовать углублению и проявлению идей пантюркизма в связи с результатами войны 1877 и 1878 годов. Но среди широких крестьянских масс пантюркизм, как явление наносное, не выявлялся полностью, преломлялся даже не в панисламизм, а просто в религиозный вопрос. Вот почему мы и видим основной лейтмотив движения татар в Казанском крае в 1878 г. выраженным в вопросе о крещении татар.

IV.

Мы познакомились с событиями и причинами их. Движение внушало властям сильные опасения. Губернатор долго собирался ехать в уезды и, наконец, собрался. Сборы были долгие и основательные. Но предоставим сначала самому губернатору рассказать о своем победном шествии по восставшим селам и деревням Казанского уезда в Атинской и Мамсинской волости, где движение приняло наиболее сильный характер, по заключению Скарятина.

«Зная по характеру татар, что если на них не подействовать сразу крутыми и резкими мерами, то буйству и ослушанию трудно будет положить предел, и потребуются гораздо более серьезные меры на усмирение и водворение спокойствия, тем более что в этой местности сплошное татарское население в несколько десятков тысяч, – я безотлагательно отнесся к г. командующему войсками Казанского Военного Округа с просьбой дать мне военную команду, и, получив в мое распоряжение батальон в 500 человек, взяв с собою двух ис-

правников соседственных уездов и состоящего при мне переводчика татарского языка, не теряя времени, отправился в помянутые волости.

Не прибегая к действию военной силы, которая производила только нравственное влияние, я, все таки, видя заносчивость татар и готовность их к насилиям³³⁹, вынужден был прибегнуть к употреблению розог, в особенности в Мамсинской волости; все прежнее волостное сельское начальство в трех волостях восстановлено мною в свои должности, порядок и спокойствие водворены совершенно. Истязавшие волостного писаря Завалишина 8 человек были разысканы, а потому, пока еще производилось дознание, я вызвал судебного следователя, который при мне и начал следствие по этому делу, заключив означенных 8 человек в тюремный замок...

Обстоятельства полнейшего неповиновения и буйства татар вынудили меня», – заканчивает губернатор, – «привести в исполнение меры, указанные в ст. 542 ч. 1 т. II Общ. Губ. Учр., изд. 1876 г., по которой губернатор в подобных случаях силой и строгостью полагает конец неустройству»³⁴⁰.

Как видно из текста, войска не принимали участия в подавлении, дело ограничилось розгами; в этом проявилась «сила и строгость» губернатора. Сам же он «упрекал», «разъяснял», «убеждал» и только.

«Я находился около толпы, не имея ничего в руках, и упрекал лишь татар, что они, несмотря на мои разъяснения, поверили ложным слухам, произвели буйство против полицейских властей, волостных и сельских начальств с нанесением побой сим последним и с ужаснейшим истязанием волостного писаря, разъяснял им всю неосновательность распространенных толков и убеждал их быть спокойными насчет их веры, не верить всем слухам, распускаемым, вероятно, злонамеренными людьми, чтобы смутить их, заверяя, что никто никогда и не думал насильно приводить татар в православие»³⁴¹.

Поведение губернатора, как будто, выше всякой критики. И это – в самых опасных очагах татарского восстания! Действия губернатора в деревнях ничем не отличались от действий его в Казани в течение ноября и декабря месяца, когда он принимал бесчисленные делегации от населения; дополнением лишь служили розги. И эта мера представлена губернатором как более гуманная, т.к. он мог избрать и расстрел крестьян.

Однако губернатору пришлось все это доказывать Сенату. Дело в том, что Сенат стал получать жалобы от населения на действия губернатора, где описано было, что губернатор только в с. Менгеры подверг наказанию розгами до 800 человек, предварительно вызвав всех жителей от 11 до 80 лет, и «окружив их войсками, приказал стать на колени и разъяренный стал проха-

³³⁹ Н.Н. Фирсов приводит воспоминания современников волнений о том, что татары вышли против команды «с кольями, вилами, косами», решившись на «вооруженное» восстание, но, услышав музыку, вооружение свое побросали в снег (см.: [Фирсов Н.Н.] Прошлое Татарии. С. 41).

³⁴⁰ Рапорт губернатора. Л. 19, 20 и 21.

³⁴¹ Там же. Л. 20.

живаться между ними; кого рвал за бороду, кому наносил удары ногою и палкою, и в грудь и в лицо, не позволяя произнести слова»³⁴². В жалобе указывается, что губернатор бил, да приговаривал: «Вот вам Мухамед, вот вам коран, вот вам за непринятие шести параграфов данной вам инструкции»³⁴³. Но мало того, что бил розгами и ногой и палкой, но и жаловаться не велел, грозил расстрелять.

Для довольствия войск везде отбирались коровы, что служило поводом к разорению многих жителей, т.к. прокормить 50 человек стоило больших расходов; ведь вся команда содержалась и довольствовалась на счет обывателей крестьян возмущившихся волостей³⁴⁴.

Такого содержания жалобы поступили в Сенат от крестьян Казанского уезда Мухамедзяна Муханова, Шарафутдина Насырова, Насрутдина Замалетдинова, Насыбуллы Вахитова, Мухамет-Галей Шибаева и Фахрутдина Сайфуллина³⁴⁵. Копия с нее была направлена министру внутренних дел с просьбой назначить особую комиссию для расследования действий губернатора³⁴⁶.

Но не успел еще губернатор послать свои объяснения Сенату на указ от 2 марта 1879 г. по жалобе татар Казанского уезда, как 23 марта последовал второй указ, дать объяснения на четыре жалобы крестьян Спасского уезда Серазетдина Ахметова и Казанского же уезда дер. Пшенгер от Адыгая Ахметова, Сейфульгабита Халитова и Низамутдина Зейнун Габдинова³⁴⁷. Становится вполне ясным, что всюду, где проходил губернатор, везде чинил наказание розгами, наносил оскорбления, издевался над населением и разорял его принудительным довольствием своей воинской команды.

Вполне возможно, что в жалобах крестьян можно усматривать некоторое преувеличение, но в объяснениях губернатора мы прямо усматриваем ложь, желание не опровергнуть, а отмахнуться от обвинений, возводимых на него крестьянами. Но в общем весьма близкое к истине, изображение «действ» губернатора в жалобах крестьян, исходивших из разных мест губернии, впоследствии приобрело еще более яркие краски в воспоминаниях старожилов-современников событий и в преданиях, особенно об избиинии Скарятиным на смерть двухтысячной татарской депутации, что уже нам кажется довольно далеким от действительности.

Способность губернатора на самоличную расправу с крестьянами вполне подтверждается фактами его обращения не только с крестьянами, но с

³⁴² Вестник Научного Общества Татароведения. № 1–2. 1925. С. 39.

³⁴³ Там же. С. 39.

³⁴⁴ Рапорт губернатора. Л. 21.

³⁴⁵ Дело канцелярии губернатора 1879 г. № 69. Л. 9: Указ из Сената Казанскому губернатору. Жалобы поданы крестьянами деревень Б.-Менгеры, Атни, починка Байчурина, Паш-Кичуй и деревни по речке Мамсе.

³⁴⁶ Список с копии и опубликован в «Вестнике Науч. Общества Татароведения» в № 1–2 за 1925 г.

³⁴⁷ Дело канц. губернатора № 69. Л. 27 и 30.

своими подчиненными и даже... с дамами. В военном госпитале губернатор однажды бросил в лицо сестре милосердия Савельевой мокрый мешок, вырвав его из рук последней и, браня ее на ходу и вслух площадными выражениями, грозил отправить в полицию и высечь³⁴⁸.

Но нам уже из рапорта губернатора известно, что экзекуцией дело не кончилось. В с. Мамсе были разысканы 8 человек, принимавших главное участие в избиении волостного писаря Завалишина, и заключены в тюремный замок. Судебный следователь Никольский начал предварительное следствие еще в бытность губернатора на месте волнений. Допросы велись 4 и 5 декабря 1878 г. В деле предварительного следствия указано 19 человек обвиняемых, из них находились под стражею 12 человек и 7 – на поручительстве³⁴⁹. Неизвестно кому принадлежит инициатива, но предварительное следствие направило свое внимание на факт избиения волостного писаря, а не на разыскание зачинщиков народных волнений. Это как будто бы облегчало в будущем судьбу подсудимых, уже раз наказанных за свои деяния розгами.

В числе 19 человек обвиняемых находились крестьяне из 9-ти деревень: починок Байчуринский (Мамся тоже), Сосмак-Пшенгер, Ясашная Сердобряжка (Сюрда тоже), починок Бигашевский (Сюрда тож), Кудайгулова (Ташкич тож), Ишнарар, Ашитбаш (Сенные покосы тож), Березник (Ксна тож) и деревня на Окше. В числе 19 обвиняемых находились крестьяне из татар: 1. Мухамед Рахим Ибрагимов, 2. Иксан Исмагилов, 3. Шигабутдин Гимадутдинов, 4. Хусаин Шагиахметов, 5. Абдулла Фаткуллин, 6. Муртаза Батыршин, 7. Хамидулла Габидуллин, 8: Насыбулла Хамитов, 9. Мухамедзян Валишин, 10. Бикчантай Валитов, 11. Фаткулла Нигаметуллин, 12. Тазетдин Шамсутдинов, 13. Ахмет Салихов, 14. Гайнулла Губайдуллин, 15. Бадрутдин Насыров, 16. Садык Гадьльшин, 17. Япар Баязитов, 18. Мухамед Шагей Хамитов, 19. Шарып Фаизов.

В составленном Никольским дознании после предварительного следствия мы не находим совершенно никаких показаний последних десяти человек, за исключением Тазетдина Шамсутдинова, которые, видимо, вместе с последним, были освобождены до суда, так как в обвинительном акте, составленном к 24-му февраля 1879 г. товарищем прокурора Казанской судебной палаты Л.Карновичем, фигурируют только первые 9 человек.

Кроме указанных 9 человек обвиняемых судебный следователь Никольский в бытность свою на месте происшествия допросил еще 21 лицо, из которых подавляющее большинство занимало служебное положение. Действительно, оказались допрошенными: 1. Гизетулла Галеев, свергнутый народом Мамсинский волостной старшина, 2. Гизетулла Латыфов, его помощник, 3. Добромыслов, помощник Мамсинского волостного управления, 5. Садык Салихов, полицейский стражник, 6. Никанор Касаткин, тоже, 7. А.А. Завалишина, жена

³⁴⁸ Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии. С. 42.

³⁴⁹ Сообщение губернатора в сенат о 8-ми арестованных не соответствует действительности для того момента, который он описывал.

пострадавшего волостного писаря, 8. Богородицкий, священник с. Хотни, 9. Гольцев, фельдшер Хотнинской больницы, 10. Муз. Рахматуллин, сотский дер. Ташкичь, 11. Галиакбер Габидуллин, сельский староста д. Ашитбаш, 12. Спиридон Павлов, арский ямщик, 13. Мендыбай Мусин, сельский староста дер. Байчуриной, 14. Медведев, пострадавший полицейский стражник, 15. Салик Салихов, отец полицейского стражника. Прочие 6 человек – рядовые жители окрестных деревень, бывшие на месте событий. Конечно, такой подход к делу был далеко не в пользу обвиняемых. Когда последним стал известен список свидетелей на суде, а указанные лица там и фигурировали, то подсудимые представили ходатайство в судебную палату о вызове свидетелей с их стороны, в числе 41 человека, но, конечно, получили отказ.

Чтобы отчетливее создать картину судебного процесса, нам пора уже детальнее ознакомиться с событиями, происходившими в с. Мамсе и сопровождавшими избиение волостного писаря Завалишина. Мы уже ознакомились из обвинительного акта с причинной мотивировкой преступления, из него же мы возьмем и описание событий.

«27 ноября волостной писарь Завалишин возвращался из г. Казани в дер. Мамсю и проездом остановился в дер. Варангуш-Яваш; здесь к нему явился крестьянин Ахмет Валитов и сообщил, что в Мамсе в волостном правлении, собираются татары и ожидают приезда его, Завалишина, с тем чтоб побить его за «выдачу книг, противных их религии». Ввиду такого сообщения, опасаясь ехать далее, Завалишин в тот же день послал из д. Яваш становому приставу 1-го стана Казанского уезда Шонгутскому два письма, в которых, указывая на происходящие в среде татар волнения, а также на грозящую ему, Завалишину, опасность подвергнуться насилиям, просил пристава ехать в д. Мамсю вместе с ним, Завалишиным, и успокоить взволнованное татарское население.

По получении этих писем пристав Шонгутский тотчас же послал предписание Мамсинскому волостному правлению о том, чтобы на следующей день, 28 ноября, к 3-м часам пополудни были собраны в волостное правление из всех деревень волости муллы, сельские старосты, сотские, десятские, и кроме того из каждой деревни по 5 наиболее благонадежных домохозяев с целью разъяснения им «инструкции». Затем утром 28 ноября пристав Шонгутский отправился и сам в д. Яваш, где ожидал его Завалишин, а отсюда вместе с последним – в Мамсинское волостное правление, куда они и прибыли около 3 часов пополудни. Но в волостном правлении пристав оставался недолго и вскоре должен был уехать в соседнюю Менгерскую волость, куда его требовал исправник.

Между тем Волостным Правлением уже разосланы были приказы о явке в Волостное Правление означенных в предписании пристава людей. Вследствие сего становой пристав, уезжая из д. Мамси, распорядился, чтобы крестьян, которые придут из ближайших деревень, распустить по домам, обязав их явиться в Волостное Правление на другой день рано утром; крестьян же из отдаленных

деревень задержать в д. Мамсе до следующего дня, т.к. пристав предполагал на следующий же день возвратиться в д. Мамсю вместе с исправником. Пристав приглашал ехать с собой и Завалишина, но последний, опасаясь, чтобы дорогой не напали на него татары, от этого предложения отказался и остался в Волостном Правлении.

Вслед за отъездом станового пристава в д. Мамсю начали собираться крестьяне, причем оказалось, что вместо требовавшихся предписанием пристава пяти домохозяев из каждой деревни, собиралось почти все мужское татарское население волости. Часов в шесть вечера, находившийся в Волостном Правлении полицейский стражник Никанор Касаткин объявил собравшимся около мирской караулки крестьянам означенное выше распоряжение станового, пристава, но они начали шуметь и кричать, что собрались «не для того, чтобы назад ехать, а чтобы дело делать», и затем вся толпа крестьян двинулась к Волостному Правлению. Сторож Правления, крестьянин Гизетулла Бибишин³⁵⁰, хотел было затворить ворота, ведущие во двор Волостного Правления, но на него бросилось несколько человек и начали его бить и топтать ногами. После этого вся толпа вошла во двор и стала требовать волостного писаря Завалишина. Находившиеся в Волостном Правлении полицейские стражники Садык Салихов и означенный выше Касаткин, став в дверях сеней Волостного Правления, уговаривали народ не производить беспорядков, но увещания их не подействовали, и вскоре вся толпа ворвалась в самое Вол. Правление, продолжая требовать Завалишина и ругая при этом его и вол. старшину Галеева за то, что «они роздали старостам книги (инструкции), в которых требуется, чтобы татары строили православные церкви».

В Вол. Правлении в это время, кроме вол. старшины Галеева, писаря Завалишина, их помощников, двух стражников и караульщиков при денежном сундуке, находились еще крестьяне Юсуп Биккенин и Садык Менняфов. Последние двое с своей стороны пытались уговорить народ не делать буйства, но их тотчас же избили и вытолкали на двор. Затем несколько человек из толпы бросились на Завалишина, говоря, что его «бить нужно». Старшина и стражники стали впереди Завалишина с тем, чтоб его защищать, но толпа растолкала их³⁵¹ и затем несколько человек схватили Завалишина и, нанося ему побои, потащили его сначала во двор Вол. Правления, а потом в караулку. Это было часов в 7 вечера. «Спустя некоторое время Завалишин в сопровождении толпы народа вошел в Правление и в изнеможении опустился на сундук. Он ничего не говорил и находился как бы в бессознательном состоя-

³⁵⁰ В оригинале «Бибисанов».

³⁵¹ Вол. старшина Галеев в своем показании указал, что писаря схватили «крестьяне д. Ясашной Сердобряшки Хусаин Исмагилов [вернее: Шагиахметов – Е. Ч.], д. Байчуриной Хамидулла Габидуллин, Мухамед Рахим Ибрагимов, Иксан Исмагилов, поч. Наокши Насыбулла Хамитов»; угрожали избить и его, старшину, нападая со словами: «а, русским хочешь делать, нашу веру продал, 60 руб. за это получил» (Предварительное следствие. Л. 8).

нии. Все платье на нем было изорвано, а на губах видна была кровь. Волостной старшина Галеев и стражники Касаткин и Салихов положили его на пол и укрыли шубою. После этого большая часть народа разошлась из Вол. Правления по деревне, человек же 50 остались и ночевали в самом Правлении³⁵².

На другой день утром на дворе Вол. Правления в среде вновь собравшейся, толпы народа начался шум и послышался крик сельского старосты дер. Сосмак-Пшенгер Шигабутдина Гимадутдинова, которого, как оказалось, били крестьяне; а затем Гимадутдинов вбежал в Вол. Правление и со словами «Где Илья Сергеевич?»³⁵³ схватил лежавшего на полу Завалишина за волосы и с помощью других крестьян вытащил на двор.

Здесь Завалишину опять нанесены были толпою народа побои, от которых он впал в совершенно бесчувственное состояние и в таком положении был брошен там же, на дворе, около поленницы дров. Уже некоторое время спустя, жена Завалишина, ничего до тех пор не знавшая о происшедшем с ее мужем³⁵⁴, заметив его лежащим на дворе, с помощью кухарки внесла его в свою квартиру, находящуюся на одном дворе с Вол. Правлением»³⁵⁵.

Покончив с писарем, крестьяне потребовали сдачи старшинского знака, печати и ключей от денежного сундука от волостного старшины Галеева вновь избранному старшине крестьянину дер. Файзуллиной Сулейману Габитову; Галеев должен был исполнить требование, но ключи удержал у себя³⁵⁶. В дальнейшем оставалось охранять вновь введенный порядок. Как мы уже знаем, всюду расставлены были караулы, по всем мостам и дорогам. Полицейский стражник Медведев, направляясь из дер. Мамси в с. Менгеры, в тот же день 29 ноября был за околице «остановлен рассвирепевшею толпою народа и сильно избит, а затем брошен под мост». Оказалось, что Медведев был послан в д. Мамсю узнать, «в чем заключается беспорядок». Уже выполнив поручение, он возвращался обратно, но до места назначения не доехал³⁵⁷.

30 ноября из с. Хотни ехали священник и фельдшер к писарю. Им пришлось тоже встретиться на заставах с крестьянскими караулами. Сумели до-

³⁵² По показаниям вол. старшины Галеева, избитому Завалишину татары не разрешали дать воды или чаю, приговаривая: «пусть издохнет», а соболезующих предупреждая, что кто подаст воды, тот будет убит. То же самое подтвердил полиц. стражник Садык Салихов (Дознание. Л. 10).

³⁵³ Гимадутдинов вбежал в контору со словами: «А, Илья Сергеевич, меня за тебя били» (Предварительное следствие; дознание. Л. 9).

³⁵⁴ Неведение жены Завалишина противоречит ее собственному показанию, она знала об избении мужа, но сидела взаперти, боясь показаться во дворе; Крестьяне, узнав, что писарь лежит уже в своей квартире (после 2-х часов пополудни 29 ноября), несколько раз пытались ворваться в квартиру и грозили убить не только писаря, но и все его семейство. Ямщикам запретили увезти его в г. Арск и пытались помешать фельдшеру увидеть Завалишина (Дознание. Л. 16–17, 24).

³⁵⁵ Обвинительный акт. Л. 4–6.

³⁵⁶ Дознание. Л. 10. Показание Галеева.

³⁵⁷ Там же. Л. 25. Показание Медведева.

браться к цели только обманом и то ненадолго, так как крестьяне, проведая истинное назначение этих путников, стали уже собираться толпою, чтобы оказать соответствующее воздействие³⁵⁸.

В Мамсинской волости крестьянская власть существовала с 28 ноября по 3 декабря включительно. 4 декабря явился губернатор с военной командой и судебный следователь. После массовой порки розгами и издевательств губернатора над населением, прежние порядки и должностные лица были быстро восстановлены. Сам губернатор определил часть главарей движения, его дело докончил судебный следователь. Показания потерпевших и лиц «благонамеренных» быстро определили главных виновников избиения Завалишина и других. На основании этих показаний подсудимых, потерпевших и свидетелей мы можем указать, что избиению подверглись следующие лица:

1. И.С. Завалишин, волостной писарь.
2. Мух. Сад. Менняфов, кр-н д. Файзуллиной.
3. Юсуп Биккенин, кр-н д. Шинерь-Кинерь.
4. Сал. Мух. Салихов, кр-н д. по р. Мамсе.
5. Мух. Гал. Ахметов, кр-н д. по р. Мамсе.
6. Садык Салихов, полиц. стражник.
7. Медведев, тоже.
8. Никан. Касаткин, тоже.
9. Бибишин, сторож Вол. Прав.
10. Шиг. Гимадудинов, Пшенгерский сельский староста.
11. Гал. Габидуллин, сельский староста.

Многие лица, особенно должностные, находились под большой угрозой быть избитыми, как вол. старшина Галеев, семья Завалишина, Добросмыслов, Шонгутский и др., сумевшие, однако, побоев избежать.

Между тем обвинительный акт как будто не усмотрел всех правонарушений. После освещения событий, в центре которых фигурирует избиение волостного писаря, и показаний очевидцев обвинительный акт делает заключение, что 9 подсудимых

³⁵⁸ Приводим показание свящ. Богородицкого, подтвержденное целиком фельдшером Гольцевым и приведенное в «дознании» Никольского:

«1 числа декабря он (Богородицкий) вместе с фельдшером своей больницы запискою был приглашен в Мамси к избитому писарю. Дорогою в дер. Шике они были остановлены караульщиками и представлены сходу кр-н, которые спросили их, кто они и куда едут, и, получив ответ, что едут на стекольный завод, были отпущены. В Мамсю приехали в 12 час. дня и здесь также были остановлены караульщиками, которым они также сказали, что едут в Казань, а сами, оставив лошадей в поле, зашли в квартиру писаря. По окончании обряда исповеди он было остался у писаря, но кто-то предупредил, что народ узнал о приезде их и стал собираться, так что, может быть, что они сделают опять бунт, почему они оба сейчас же уехали из деревни. Дорогою, где только проезжали татарскими деревнями, везде заставляли расставленный караул, а в русских селениях господствовал панический страх».

«Обвиняются в том, что из чувства мести к вол. писарю Мамсинской волости И.С. Завалишину за раздачу им сельским старостам присланной... инструкции, нанесли Завалишину, находившемуся в первый из означенных дней (т.е. 28 ноября) при исполнении служебных обязанностей, тяжкие, подвергающие жизнь его опасности, побои и истязания, сопровождавшиеся причинением ему тяжких ран на голове, переломом ключицы и повреждением головного мозга, т.е. в преступлениях, предусмотрительных 1489 и 1490 ст. Улож.»³⁵⁹.

Кроме этого, Шагиахметов обвинялся в том, что толкнул в грудь старшину Галеева при исполнении служебных обязанностей, что предусмотрено 288 ст. Улож., и Валишин – в том, что нанес побои сельскому старосте Габидуллину, что предусмотрено 31 ст. Устава о наказ., налагаемых мировым судьей. И только.

Из изложенного ясно, что прокуратура не указывала целиком всего состава преступления. Во-первых, совершенно обойден вопрос политический, о самом восстании крестьян против власти, ничего не говорится о главарях всего движения; во-вторых, весь процесс представлен как чисто уголовное преступление против представителей власти, и то не всех, не говоря уже обо всех пострадавших от избиений. Может быть, это судопроизводство служит доказательством либерализма личного состава Судебной Палаты? Отнюдь нет. По нашему мнению, Палата не могла рассматривать этот процесс как политический уже вследствие того, что губернатор Скарятин позволил себе слишком много «строгости» при подавлении восстания, чем очень сильно превысил свои полномочия. Да и действия «властей на местах» приходилось оберегать от официального и объективного освещения на суде, т.к. это создало бы новый и более громкий процесс, в котором на скамье подсудимых оказались бы представители власти, начиная с волостного писаря, кончая самим грозным губернатором Скарятиним.

Такого оборота дел в Судебной Палате не ожидали и сами подсудимые, что они и выразили в «прошении» от 10 марта 1879 г. о вызове 41 свидетеля с их стороны, не привлеченных к показаниям в предварительном следствии, но способных засвидетельствовать истинную их виновность в происшедших событиях.

«Из обвинительных актов усматривается, что ответственность по возведенному об нас делу падает на одних только нас как в открытых беспорядках в Мамсинской волости, так и в причинении тяжелых побой с увечьем вол. писарю Завалишину; тогда как общий ропот на писаря Завалишина и вол. старшину Галеева разродился во всем татарском населении Мамсинской волости в том, что *нами дознано от писаря Завалишина*, что будто бы все татарское население, согласно инструкции Губернского по крест. делам Присутствия, должно принять православную веру и никак не далее, как через две недели; вот эти-то возбудительные *слова писаря Завалишина и заставили*

³⁵⁹ Обвинительный акт. Л. 11–12.

взволноваться всему населению волости, а не одних только нас, 9 человек» (курсив наш – Е. Ч.)³⁶⁰.

Таким образом, это заявление сразу раскрывает нам, что причина ненависти татар к писарю Завалишину заключалась, прежде всего, в нем самом. Достоверность этого указания вполне очевидна, так как вполне подтверждается «дознанием» и свидетельскими показаниями, которые утверждают, что почти во всех деревнях волости расправиться с начальством решено было целым сходом. В дер. по речке Мамсе Салик Мухамед Салихов на сходе «слышал уговор всех крестьян избить писаря и станового»³⁶¹; Мух. Рах. Ибрагимов, из дер. Байчуриной, на предварительном следствии утверждал, что все его однодеревенцы явились в волость *по уговору* чтобы потребовать вредную книгу и «перебить писаря и членов»³⁶²; крестьянин дер. Ясашной Сердобряжки Хусаин Шагеев говорил на следствии, что «все крестьяне его деревни решили идти» в Волостное Правление потребовать вредную книгу и «избить писаря» за то, что он скрывал эту книгу³⁶³. То же самое происходило в деревне Сосмак-Пшенгер, починке Наокши и др.³⁶⁴ Так что прокуратуре все это было достаточно известно, но тем не менее в центре судебного разбирательства так и был оставлен вопрос об установлении виновности в избиении писаря. Уже на вторичное прошение подсудимых о вызове новых свидетелей Судебная Палата сооблаговолит мотивировать свой категорический отказ:

«Несомненно, что показание этих свидетелей имело бы значение для дела, если бы суду Палаты предстояло разрешать вопрос о виновности в восстании против властей, но Палате предстоит рассмотреть только вопрос, виновны ли или нет преданные суду лица в нанесении побоев сельскому писарю»³⁶⁵.

Отсюда ясно, что Палата *не хотела* искать и наказывать виновных *в восстании против властей*. Это было отвергнуто даже после протеста общему мнению со стороны председателя департамента Судебной Палаты Н.А. Ридмана и согласного с ним Э.Ф. Нагуллы, и даже без мотивировки, в одном из распорядительных заседаний Палаты по этому делу³⁶⁶. Вполне очевидно, что Палата принуждена была судить за нанесение побоев, а не за восстание.

Дополнить остается немного. Судебное разбирательство произошло 22, 23 и 24 марта 1879 г. с участием сословных представителей в составе губернского предводителя дворянства А.Г. Осокина, лаишевского уездного предводителя дворянства П.П. Толстого, казанского городского головы Э.П. Янишевского и волостного старшины И.Г. Кутарева под председательством

³⁶⁰ Дело Судебной Палаты. Л. 68.

³⁶¹ Дознание. Л. 19.

³⁶² Там же. Л. 20.

³⁶³ Там же. Л. 21.

³⁶⁴ Показания Шиг. Гимадутдинова, Нас. Хамитова, Менд. Мусина (Дознание. Л. 20, 22, 23).

³⁶⁵ Дело Судебной Палаты. Л. 93.

³⁶⁶ Там же. Л. 16–18.

Н.М. Окулова. Защищали татар присяжные поверенные Ю.М. Смелъницкий и Н.В. Рейнгардт.

Утвердительные ответы присяжных на пункты, предложенные судом, дали последнему возможность карать как за избивание писаря, так и за восстание против власти. Приговор был весьма суров. Так Мухамед Рахим Ибрагимов, 38-ми лет, Хамидула Габидуллин³⁶⁷, 53-х лет, и Саин Шагиахметов, 28 лет, лишены всех прав состояния и сосланы в каторжные работы на заводах на 4 года 1 мес. каждый, с последствиями по 25 ст. Уложения, т.е. с поселением в Сибири навсегда.

Иксан Исмагилов, 26 лет, Абдул Фаткулин, 42-х лет, и Шигабутдин Гимадуддинов, 32 лет, присуждены к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Томскую губернию, а Насыбулла Хамитов, 55 лет – в Иркутскую губернию, с последствиями по 26 ст. Ул.

Муртаза Батыршин, 26 лет, и Мухаметзян Валишин, 37 лет присуждены были к заключению в исправительное арестантское отделение гражданского ведомства, первый – на 3 года 6 месяцев, а второй – на 1,5 года, с последствиями по 48-й ст. Улож., т.е. после тюрьмы под надзор общества без права жить в столицах и губернских городах³⁶⁸.

Приговоренные использовали право кассации в Сенат, но без всякого результата. Сенат кассацию оставил без последствий и лишь дело одного Валишина передано было на новое решение в Саратовскую Судебную Палату. И вот тут мы видим доказательство того, что Казанская Судебная Палата покарала подсудимых за все преступления по совокупности, хотя обвиняла только в одном. Саратовская Судебная Палата нашла нарушенной ту же 31 статью, что и Казанская, но присудила Валишина вместо 1,5 лет тюрьмы и 4-летнего надзора лишь к «аресту при полиции на 3 месяца». Судебное заседание в Саратове происходило 1 сентября 1879 г., так что Валишин провел в предварительном заключении 9 месяцев. Приговор Саратов. Суд. Пал. был приведен в исполнение, но документы молчат, с зачетом предварительного заключения, или сверх оно.

Так было подавлено татарское восстание 1878 г. и свершился суд над некоторыми его участниками.

V.

Из всего вышеизложенного мы можем усмотреть, что волнение татар в Казанском крае 1878 г. явилось выражением негодования главным образом татарского крестьянства по адресу представителей царской администрации в крае, позволявшей себе крупные и постоянные бестактности по отношению к татарам, начиная с волостного писаря и до самого губернатора, совершенно не желавшими считаться с национальными особенностями населения в своей административной работе.

³⁶⁷ В подлиннике «Хабидуллин».

³⁶⁸ Дело Судебной Палаты. Л. 107 и 108.

Между тем военная обстановка и осложнившийся ее неурожай 1877 г. привели татарское крестьянство, особенно в его середняцкой и бедняцкой части, в весьма возбужденное в социально-политическом отношении состояние, так как наряду с упадком хозяйственных благ слишком остро чувствовался административный гнет. Все вместе заставляло крестьянство искать какого-нибудь выхода из тяжелого положения, не разбирая средств.

А усилившаяся классовая дифференциация татарского населения, рост татарских буржуазных слоев в особенности, и экономическое расслоение крестьянства, из которого одна его часть примыкала к кулацкой и буржуазной группе, а другая или нищала или пролетаризировалась, вызывала особые, иногда даже исключаящие друг друга, течения в области социальных, политических и даже религиозных идей, что дополняло и обостряло общее политическое состояние населения края, и без того чрезвычайно напряженное. Конкретно, особенно после турецкой войны чисто буржуазное течение пантюркизм стал культивироваться и среди татарского крестьянства, но, не найдя там хорошо подготовленной почвы, выразился лишь в том, что крестьяне, вследствие поражения Турции, ожидали ухудшения условий своей жизни.

Столь же буржуазный панисламизм, но более древний, опять-таки был по существу чужд трудовому крестьянству, но через татарскую буржуазию и духовенство прививаемый ему, особенно в противовес миссионерской деятельности православного духовенства на средства российского правительства и по его иногда заданию проявлялся в массовой психологии в религиозном фанатизме, при помощи которого всякий факт мог быть истолкован в любом смысле и легко мог возбудить население к самым неожиданным выступлениям. Ввиду этого всякий нелепый слух, порожденный к тому же представителем власти среди сплошного неграмотного населения, очень быстро распространялся, т.к. находил благоприятную почву, как то было в Казанском крае при хозяйственном упадке и административном нажиме, находил сейчас же своих эксплуататоров из кулаков или буржуазии, не стеснявшихся ничем для своего успеха, как это выразилось в подрыве возможности получения семенной и продовольственной ссуды от земства, или в подрыве целесообразности государственного страхования и противопожарных мероприятий, для небогатого крестьянского хозяйства. Таковы причины движения.

Волнение охватило татарское население, преимущественно середняцкое и бедное крестьянство трех уездов; но татарское население и прочих уездов было неспокойно; со дня на день можно было ожидать вспышки восстания. Волнение выразилось в избиении и смене сельских старост и волостного начальства, недопущении вмешательства полиции и избиении стражников, в избрании на те же должности представителей своих сельских обществ, в установлении караулов по дорогам, в игнорировании и неисполнении распоряжений уездного и губернского начальства. Революционная интеллигенция прошла мимо этого движения; можно указать лишь на одинокое выступление

поляка Азаматова в Чистополе, но оно не имело никакой связи с революционными организациями России.

Жестокая расправа с восставшими крестьянами казанского губернатора и весьма пристрастное решение Казанской Судебной Палаты несколько не содействовали успокоению татарского населения; эти репрессии до поры до времени придавили, приглушили горечь обиды, нанесенной национальному сознанию татар. Губернские власти даже не пытались подумать о том, чтобы использовать татарское движение в целях сокращения административного разгула; наоборот: губернатору это придало еще больше энергии, чтоб показать, что такое «царская власть на местах».

Основным средством борьбы с татарами у Скарятина явилась теперь административная высылка из пределов губернии, которую он применял к «вредному» татарскому элементу всех классов и общественного положения. В 1879 году были высланы татары Чебоксарского уезда из деревень Янгильдиной и Альменевой Файзулла Гисметуллин, Гафар Абдреев и отставной рядовой Юсуп Якупов. В 1880 г. Судебная Палата разбирала дело о татарском неповиновении властям в Спасском уезде. В том же 1880 году губернатор получил уже разрешение выслать казанского купца Шамсутдина Сагадеева³⁶⁹.

Может быть это и не все, что успел сделать губернатор, но важно то, что он своими злоупотреблениями властью по отношению к населению, несмотря на все свои связи в Петербурге с сенаторами и придворными особами, прикрывавшими его «деяния», вызвал сенатскую ревизию. Как ни снисходительно относилась центральная власть к властному самодурству губернатора, но беспокойство населения, постоянные жалобы на Скарятина внушили эту необходимость. Скарятин действовал уже во вред государственным интересам, почему и решено было его «деятельность» обревизовать.

Насколько далеко Скарятин зашел в издевательствах над татарами, показывает со всей очевидностью дело о высылке купца Сагадеева, о чем мы имеем возможность узнать благодаря вмешательству в него сенатора Ковалевского.

16 июля 1880 г. Скарятин делает представление министру Внутренних Дел о высылке из пределов губернии казанского 2 гильдии купца Шамсутдина Сагадеева, который «давно уже замечался в нравственно-дурном направлении». Сагадеев вел агитацию среди татар в конце осени 1878 г. «по поводу будто бы крещения татар в православие»; он составлял и возбуждал ходатайства в высшие инстанции по кляузным татарским делам, чему способствовало то обстоятельство, что Сагадеев имел постоянный двор и большое знакомство с деревенскими татарами. Во время волнений татар в 1878 г. Сагадеев «был одним из руководителей», дискредитировал представителей местной власти в глазах татар, составлял ходатайства в Петербург и ездил их защищать там на средства, собранные татарами Казанского, Спасского и Че-

³⁶⁹ Архив III отделения е. в. канцелярии. I экспед. Дело № 4. Часть 59 за 1880 г. Л. 4–5.

боксарского уездов; в результате такой поездки он стал распространять среди татар, что центральная власть обещает сделать все «по их желаниям», что «административное начальство губернии будет сменено и назначится генерал-губернаторство». В 1880 г. в марте месяце уговаривал татар, вызванных в качестве свидетелей в Судебную Палату по делу спасских крестьян, обвиняемых в неповиновении властям, «чтоб они не показывали против привлеченных к ответственности», т.к. подсудимые «страдают за веру». «Вообще, – заключает губернатор, – Сагадеев один из агитаторов между татарами, человек пронырливый, ловкий на распускание всевозможных ложных слухов и крайне вредный». Его необходимо и можно только выслать, т.к. отдавать под суд его невозможно. «Произвести же следствие и предать его суду нет возможности, ибо те данные, которые требуются для следствия и суда, не будут достаточно обставлены для благоприятного исхода»³⁷⁰.

В конце августа из Министерства пришло разрешение выслать Сагадеева, но исполнение его задержалось до ноября месяца за отлучкой Сагадеева из Казани. А в ноябре началась уже ревизия и Ковалевский задержал приведение в исполнение решения.

На основании ознакомления с делом производством канцелярия губернатора и вторичного конфиденциального расследования о Сагадееве, сенатор делает представление министру же Внутренних Дел от 5 ноября 1880 г. Оно то и вскрывает нам истинную картину всего предприятия Скарятина по отношению к Сагадееву.

Основанием для решения губернатора о высылке Сагадеева послужил рапорт исполняющего должность казанского полицеймейстера от 14 июля 1880 г. с результатами негласного дознания о Сагадееве, произведенного по распоряжению Скарятина. Но отличительная особенность этого рапорта та, что в нем не приводится «ни одного фактического доказательства в подтверждение справедливости доставленных полицией сведений о деятельности и нравственных качествах Сагадеева». Утверждая, что Сагадеев составлял «всевозможные прошения» в разное присутственные места, рапорт не указывает, кому именно писались эти прошения и было ли в них что-нибудь противозаконное.

Распространение Сагадеевым ложных слухов «также не подкреплено никакими фактами». Указывая на слухи, идущие от Сагадеева, о предстоящих переменах в составе местной администрации и о том, что царю неизвестно стремление правительства обращать магометан в православие, Ковалевский пишет: «Оставляя в стороне полнейшую голословность этих сведений в рапорте и. д. полицеймейстера, нет никаких указаний на то, что поездка Сагадеева в Петербург и привезенные оттуда известия произвели сколько-нибудь неблагоприятное влияние на отношение татар к местным властям».

Личное ознакомление с делом производством о волнениях татар в 1878 г. нисколько не подтвердило указаний губернатора об агитационной деятельно-

³⁷⁰ Там же. Л. 2–7.

сти Сагадеева против правительства; мало того, в нем нет никаких указаний на какое-либо участие Сагадеева в этих волнениях.

Наконец, казанский полицеймейстер Мосолов дал такую характеристику Сагадеева, что нет никаких опасений за оставление Сагадеева в Казани, хотя последний, действительно, и пользуется влиянием между деревенскими татарами и, занимаясь адвокатурой, часто ходатайствует по их делам. К этому надо прибавить, что Сагадеев «состоит гласным Казанской Городской Думы, что он имеет в г. Казани собственный дом, содержит постоянный двор и ведет торговлю в Казани и на Нижегородской ярмарке».

Все изложенное дало основание Ковалевскому закончить свое представление так:

«Принимая во внимание, что все обвинения, взведенные на Сагадеева не подтверждаются никакими фактическими данными, что если даже и признать эти обвинения доказанными, то из них нельзя вывести определенного заключения о степени неблагонадежности Сагадеева, что более года уже, как татарское население Казанской губернии совершенно успокоилось, вследствие чего не представляется более оснований возобновлять применение каких-либо чрезвычайных мер, я считаю своим долгом довести обо всем этом до сведения вашего сиятельства на тот предмет, не признаете ли возможным сделать зависящее распоряжение об оставлении Сагадеева в г. Казани»³⁷¹.

14 ноября 1880 г. губернатор получил из Министерства Вн. Дел телеграмму: «Прошу сделать распоряжение об оставлении в Казани назначенного к высылке в Вологодскую губернию казанского купца Шамсутдина Сагадеева»³⁷². Совершенно излишне прибавлять что-либо к характеристике, данной Ковалевским о деятельности губернатора Скарятина по отношению к татарам, кроме разве того, что после ревизии Скарятин был уволен.

Из истории рабочего движения в России в XVIII в. Борьба казанских суконщиков (очерк по архивным материалам). Казань, 1930. 57 с.

I. Литература вопроса и источники. Жалоба рабочих на фабриканта 1737 года. Двухнедельная забастовка 1737 года. Контакт с московскими суконщиками. Разбор дела в Казани. Наказание и ссылка рабочих.

II. Побег рабочих. Процесс суконщиков в Коммерц-Коллегии. Четырехмесячная забастовка рабочих 1741 г. Уличная демонстрация против губернской администрации. Решение Коммерц-Коллегии.

III. Жалоба суконщиков в Кабинет е. в. и разбирательство в Сенате. Репрессии к рабочим на фабрике. Решение Сената 1742 г. в пользу рабочих.

³⁷¹ Там же. Л. 13–16.

³⁷² Там же. Л. 19.

IV. Апелляция фабриканта: Насилия администрации. Ссылка 51 рабочего. Требования рабочих. Правительственная экспертиза суконного производства. Судебная волокита. Суконщики в Пугачевщину. Аннулирование Сената в 1775 г. своего решения 1742 г. Заключение.

Рабочее движение ведет свою историю с XVIII века. Условия крепостного труда, положение рабочих, приписанных к фабрикам и заводам, было весьма тяжелым. Продолжительность рабочего дня, достигавшая 15–18 часов, низкая, совершенно ничтожная заработная плата, издевательства фабричной администрации и прочие виды кабалы, совершенно бесправное положение двинули рабочих на борьбу с фабрикантами и администрацией, им покровительствовавшей, с тех пор, как стали появляться эти предприятия. Еще до революции В.И. Семевский и М.Туган-Барановский, а после Октября К.Пажитнов, М.Балабанов и А.Ельницкий вскрыли основные причины рабочего движения в XVIII в. Особенно «бунташными» были рабочие Олонецких заводов, еще в первых годах XVIII в. начавшие волноваться из-за того, что им приходилось за 600 верст являться на работу. Но в особенности волнения развернулись с 30-х годов XVIII в., вследствие обострившихся отношений между рабочими и предпринимателями на почве усиления крепостного режима и эксплуатации. В 1737 году начались волнения на Московской суконной фабрике Болотина, продолжавшиеся и в 40-х годах. В 1741 г. стали давать себя знать рабочие уральских заводов Демидова, что продолжалось в течение нескольких лет. В 50-х годах известны мощные движения на Выровском заводе того же Демидова (1752 г.) и на его же Авзяно-Петровском заводе (1754 г.). Сильные волнения разыгрались в 60-х годах, а 70-е дали на заводах Пугачевщину.

На Волге промышленность была очень слаба, и здесь до Пугачевщины историки рабочего движения констатировали лишь недовольство среди рабочих, которые иногда подавали жалобы и челобитные местным властям, за это получали от них жестокое возмездие плетьюми, батогами и ссылкой на каторгу, и этим дело ограничивалось. Крестьянские движения и национальные волнения занимали в Волжско-Камском крае первое место, они подверглись и тщательному изучению, а рабочее движение до сих пор не нашло еще своего исследователя.

Но, может быть, здесь кроме рабочей «пугачевщины» и исследовать нечего? Все литературные данные по истории рабочего движения в России в XVIII в. как будто вполне единодушны в том, что Поволжье, как фабричный округ, имело весьма скромное экономическое значение, здесь не было особенного скопления крупных фабрик и заводов, а поэтому вполне естественно, что оно стояло в стороне от борьбы рабочего класса того времени. Даже такой центр, как г. Казань, где было несколько фабрик и заводов, в течение всего XVIII в. и даже в Пугачевщину не вышел из пределов легальной борьбы путем жалоб и холопских челобитий перед монархами. В особенности на этом настаивал В.И. Семевский, а по его дорожке пошли и последующие историки рабочего движения. В своей работе «Крестьяне в царствование имп.

Екатерины II» он со слов Я.Посадского³⁷³ и некоторых архивных материалов указывает, что суконщики казанской фабрики Дряблова жаловались на фабриканта за убавку заработной платы и за большие штрафы. Дело дошло до Сената, который, конечно, защитил рабочих и даже предписал Дряблову уплатить рабочим свыше 10000 руб., но для него так и осталось неизвестным, чем кончилось это дело, длившееся более 30 лет в различных столичных учреждениях³⁷⁴. Защитником рабочих Сенат проявил себя в 1742 г. Затем в 1796 г. казанские суконщики снова подавали жалобу сенатору Маврину, а в 1798 г. самому Павлу I в бытность его в Казани, и снова эти просьбы суконщиков окончились успешно; даже губернатор хлопотал за рабочих и, по Семевскому, без всяких «возмутительных» поводов со стороны мастеровых. Такая идиллия продолжалась и в XIX в., когда суконщики получили звание городских обывателей и вышли из-под опеки предпринимателя (1849 г.). А в Пугачевщину, по мнению Посадского и Семевского, рабочие стойко защищали город от полчищ Пугачева. И надо заметить, что такое мнение держится до сих пор. Не хватило данных и Н.Н. Фирсову опровергнуть эту версию для эпохи Пугачевщины.

Пажитнов совсем не касается этого вопроса и лишь у Балабанова, а за ним и у Ельницкого находим указание, что жители Суконной слободы встретили Пугачева с почетом³⁷⁵; основанием для этого утверждения была напечатанная еще в 1870 г. статья Н.Середы, мимо которой прошли и Посадский, и Семевский, и друг.

Эта «идиллия» наводила на мысль снова приняться за разыскание архивного материала для научного освещения действительных фактов истории рабочего класса в Казани. Попытка быстро увенчалась успехом. Материалы старого сенатского архива раскрывают нам совершенно неизвестные до сих пор факты и события, имевшие место на суконной фабрике А.Дряблова еще в первой половине 18 века. Рабочими велись бесконечные судебные процессы, что было сопряжено с огромными трудностями, материальными лишениями и с невыносимым издевательством дворянской администрации, которая применяла все меры воздействия, чтобы прекратить поток жалоб со стороны рабочих во всевозможные учреждения судебно-административного аппарата Российской империи. Купцы и их верные слуги не жалели плетей и розог, которые привозились целыми возами на фабричный двор, чтобы при содействии военной стражи полосовать спины зачинщиков бунтарей и ненавистников дворянско-купеческого режима. Но дело плетями не ограничивалось; рабочие, перенося сотни ударов, все же не подчинялись администрации заво-

³⁷³ Посадский Я. Как добились [себе] воли казанские суконщики [(из рассказов стариков)] // Первый шаг. [Провинциальный литературный сборник]. Казань, 1876.

³⁷⁴ Семевский В.И. Крестьяне... Т. 1. С. 464–468.

³⁷⁵ Балабанов [М.С.] Очерки по истории рабочего класса [в России]. Ч. 1. [М.: «Экономическая жизнь», 1925]. С. 132; Ельницкий А.[Е.] Рабочее движение в России. [Харьков: Пролетарий], 1925. С. 47.

да, скрывались, убегали в столицы и подавали жалобы, претерпевали каторжные работы и ссылки с наказанием, но все же стояли дружно за свои интересы, а в особенно острые моменты борьбы не останавливались даже перед забастовками, из которых одна продолжалась две недели, а другая – более трех месяцев, а во время забастовок «ссылались», т.е. входили в переговоры с рабочими других фабрик, главным образом, центрального района, чтобы выступать и более солидарно, и с более общими требованиями.

«Дело Дряблова с суконщиками», находящееся среди дел Юстиции и Вотчинной Коллегии Сената за 1779 г.³⁷⁶, представляет собою громадный материал судебного процесса, длившегося более 40 лет и повествующего о колоссальной борьбе рабочих с фабрикантом. Как мог этот материал остаться до сих пор неизвестным нашим историкам рабочего движения? По нашему мнению, единственно только потому, что «Дело Дряблова» попало в дела вотчинной коллегии и переплетено среди целого ряда земельных процессов. Но так или иначе, все же мы можем, хотя бы с некоторым запозданием, осветить в печати все наиболее важные стадии этой продолжительной борьбы.

I.

Забастовка суконщиков 1737 г.

В июне месяце 1737 г. ткачи казанской суконной фабрики Дряблова: Елисей Петров, Яков Андреев, Гаврила Васильев, Филипп Ежов, Федор Васильев, Федор Степанов, Андрей Федоров, Иван Ярцов, Иван Третьяков, Михаил Андреев «с товарищи» подали челобитную в Государственную Коммерц-Коллегию. В этой челобитной они указывали, что «при содержателе Иване Микляеве», умершем в 1737 г. и владевшем фабрикой с 1727 г., «производилось заработных денег от тканья сукон с каждого аршина по 6 копеек с половиной», а после смерти Микляева и его жены фабрика перешла наследнику Афанасию Дряблову. Этот же хозяин «дает нам заработных денег не против того, как прежде нам определено давать, но токмо по 5 коп. с аршина»; убавивши в копейках, фабрикант, однако, прибавил «против прежнего» 50 ниток в ширину, так что снижение заработка стало более, чем на одну копейку с аршина. Кроме того увеличил и вычеты из заработной платы «за инструменты, за челноки и спары по 70 к.»; если не хватит фунта нити, вычиталось по 9 копеек. Прядильщики получали по 3 коп. с пятины, а стали получать по 2 коп., «да у них же вычитается за инструмент – за прядильные колеса – по 29 коп.» У скребальщиков «за скребла вычитается по 40 коп., у картельщиков за карт по 30 коп.». Но самый отяготительный штраф взимается с рабочих за шерсть «также у оногo компанейщика Дряблова имеется для делания сукон в покупке вешняя и поярочная шерсть, которая покупается по 1 руб. 20 коп. пуд, а со всякими расходы становится по 1 р. 50 к., и она в де-

³⁷⁶ Архив Правит. Сената. 2 департ. «Дело Дряблова с суконщиками». 1775 г. Л. 1–427. № 5136 (частный № 233).

ло отдается грязная и репьяста по 500 пудов, на которой угорает по 5 и по 10 пуд., и за оную у нас вычитает не против покупки, как прежде, по 2 руб. за пуд, но токмо ныне вычитает по 3 рубли от каждого пуда»³⁷⁷.

Чтобы усилить справедливость своих требований, рабочие указывали в своей челобитной: «Московская суконная фабрика отдана в содержание компанейщику Вол. Щеголину с товарищи и при оной фабрике и поныне производится ткачам за работу от каждого аршина по 7 коп., а прядильщикам с фунта по 3 коп., а у станов инструменты имеются казенные только челноки и нитки и мелкий инструмент, прядильные колеса имеются компанейщиковы, и за оной инструмент вычету никогда не имело и ныне нет». Откуда эта осведомленность о положении рабочих на московской фабрике? Несмотря на-то, что Елисей Петров переведен был на казанскую фабрику с 1713 года, и именно с московской фабрики, где он и проработал почти 10 лет, с 1704 г., он все же не разрушил связей с московскими мастерами и был в курсе дела всей фабричной жизни центра и экономического положения московских рабочих.

Челобитная заканчивается просьбой, чтоб челобитчикам «быть при оной суконной фабрике (Дряблова) по-прежнему ткачами и определить бы нам, вышеименованным, заработных денег против того, как и на московской суконной фабрике служители получают без вычету за инструменты и прочее, отчего пришли мы, вышеименованные, во всеконечное разорение и убожество». Челобитную подали они в Коммерц-Коллегию потому, что Казанская Губернская Канцелярия, куда они подавали жалобу на Дряблова, не только «и по ныне решения никакого не учинила», но предоставила возможность фабриканту от работы всех челобитчиков «якобы за некоторые продерзости отрешить и... отдать в солдаты»³⁷⁸. Челобитчикам из г. Казани пришлось бежать и от фабриканта, и от администрации; т.к. они были уверены в правоте

³⁷⁷ К.Маркс, анализируя аналогичные этому классовые взаимоотношения на Западе, дает им такое определение и причинное обоснование: «Поштучная плата понижается в том самом отношении, в каком возрастает число штук товара, произведенного в течение, данного времени и, следовательно, в том самом отношении, в каком уменьшается рабочее время, затрачиваемое на ту же самую штуку. Хотя в этих рамках изменение поштучной платы является чисто номинальным, тем не менее, оно служит постоянным источником борьбы между капиталистом и рабочим: или потому, что капиталист пользуется номинальным понижением поштучной платы как предлогом для действительного понижения цены труда, или потому, что повышение производительной силы труда сопровождается повышением его интенсивности, или же потому, что рабочий всерьез принимает внешнюю форму поштучной платы, воображая, что при этом оплачивается продукт его труда, а не его рабочая сила, и не видя этого противится всякому понижению заработной платы, раз оно не сопровождается соответственным понижением продажной цены товара» (Маркс [К.], Энгельс [Ф.] Собр. соч. Т. 4; Капитал. Т. 1. [М.]: Гиз., 1920. С. 563).

Снижение платы суконщикам и причины столкновения их с фабрикантом социологически вполне определяются данной характеристикой К.Маркса.

³⁷⁸ Дело. Л. 22–23.

своего дела и рассчитывали найти, как квалифицированные мастера со стажем в 20 с лишним лет³⁷⁹, или управу на Дряблова, или работу на фабриках центрального района.

Однако разбор дела суконщиков в Казанской Губернской Канцелярии требует особого внимания не только для того, чтобы узнать о мотивах для ссылки мастеров в солдаты, но и для того, чтобы ознакомиться и с новыми фактами, предшествовавшими этому приговору. Суконщики подали в Губернскую Канцелярию жалобу 23 марта 1737 года за подписью тех же Е.Петрова, Я.Андреева, Г.Васильева, Ф.Ежова, Ив. Ярцова, А.Федорова «с товарищи, всего ста сорока человек». Уже это одно свидетельствует о массовом вовлечении рабочих фабрики на выступление против фабриканта. Это именно обстоятельство и открыло глаза администрации фабрики и губернии на все социально-политическое значение этого процесса. Рабочие выступили против работодателя; немногочисленные представители нарождающегося пролетариата выступили массой перед правительственным органом на защиту своих экономических интересов против представителя господствующего класса того времени – капиталиста-фабриканта. Одним словом, мы имеем в этом процессе случай выступления рабочих чисто классового порядка. Рабочие писали в своем доношении в Канцелярию: «В прошлом 734 г. присланы они из Москвы в Казань для исправления в Казанской фабрике сукон в ткачи в бытность командира Грузинцева... и за работу денежного жалования производилось им по 3 рубля с каждой половинки, а с аршина по 6 коп.». Но когда фабрика перешла к А.Дряблову, последний «прибавил к берду и нитям счету 150 ниток и за оную прибавку берда и нитям прибавил им по указу или собою по 25 коп. за каждую половинку, итого давано им оным Дрябловым с прежними с каждой половинки по 3 руб. 25 коп., а с аршина по 6¹/₂ коп. «Но эта плата продолжалась недолго и была снижена до 5 коп. с аршина в 1736 г., когда уменьшена была ширина сукна на 100 нитей и осталось добавочных к прежним размерам лишь 50 нитей³⁸⁰. В общей сложности, при увеличенной на 50 нитей ширине, заработная плата снизилась на 1¹/₂ коп. с аршина. Кроме того, в этой же челобитной рабочие указывали на Дряблова» что он «принял в тое фабрику собою Ив. Горбуна, в которого сыскался помещик Ростовского

³⁷⁹ Е.Петров имел стаж в 33 года; Ф.Ежов и Ф.Васильев в работе были с 1714 г., Я.Андреев – с 1715 г., Г.Васильев, Ф.Степанов и М.Андреев работали с 1716 г.; А.Федоров и Ив. Ярцов на фабрике с 1719 г. и Ив. Третьяков – с 1722 г. Большая часть их по происхождению – солдатские дети, кроме Я. и М.Андреевых, которые показаны «плотничьими детьми ведомства Адмиралтейского» (Л. 40).

³⁸⁰ На суде в Губ. Канцелярии суконщики показали: «основа де у него, Дряблова, весом 35 фунтов, утку по 47 и по 48 гнезд, а счетом петинки по 6 молотков, в молотку по 44 нитки, весом гнездо по «А фунта и против де Микляева прибавил по 10 гнезд и 2 молотка». Эти данные прибавку к Микляевским образцам сукна устанавливают уже не на 50, а почти на 100 нитей. Более точно определить прибавку трудно, вследствие разногласия сведений (Дело. Л. 52–57).

полку майор Чернов» Дряблов заплатил Чернову за Горбуна 100 рублей, но эти деньги «собрал с них, с каждого человека по 10 коп.». И многие другие «обида от него, «Дряблова», показывали рабочие и «требовали» решения учинить. Начальство выслушало и объяснения Дряблова, по всем пунктам с ними согласилось и, согласно 5 пункта указа 27 мая 1736 г., признало рабочих «невоздержными» и никакому «учению» неприлежными людьми, которых следует «по довольном домашнем наказании» сослать в дальние города или на Камчатку в работу. В соответствии с этим Губернская Канцелярия в апреле месяце 1737 г. и «требовала указу», что дальше делать «с непотребными рабочими»³⁸¹.

Из июньского «доношения» в Коммерц-Коллегию приказчика фабрики Г.Бронникова мы узнаем, что Дряблов 22 марта 1737 г. отослал 10 человек ткачей из солдатских детей³⁸² «за непотребные их при той фабрике поступки и за огурство и за мотовство», как «неугодных при той фабрике» в Казанскую Губ. Канцелярию для суда и наказания. Перед отправкой «многие из них были уже и наказаны», видимо, по-домашнему. Однако Губернской Канцелярией «ничего им не учинено». Последняя еще не успела ничего разобрать, а ткачи сами подали жалобу на Дряблова.

Но начавшееся разбирательство конфликта и жалобы суконщиков были приняты рабочими с большим воодушевлением, как первый шаг в успешной борьбе с фабрикантом: если над десятком рабочих «ничего не учинено» в первое время отсылки их в Канцелярию, то можно было считать, что дело примет вид судебного разбирательства. А раз так, то фабричные рабочие решили подкрепить жалобу ткачей своими действиями против фабриканта. По сообщению Г.Бронникова, «на то де смотря, из оставшихся при той фабрике многие мастеровые люди не токма приставленным над ними мастерам и прикащикам, но и ему, Дряблову, чинят многие противности и упрямство и поносят и бранят непотребными словами и угроживают побоями и больше двух недель на фабрике не работали, отчего не малая опасность, дабы по обязательству в военной коллегии в шестилетний срок в поставке мундирных сукон 300000 аршин не учинилось остановки»³⁸³.

Эти сведения дают совершенно иное освещение всем событиям на фабрике Дряблова. Суконщики начали свои выступления не под влиянием аффекта от какой-либо «обида» фабриканта, а в такой момент, когда фабрика стала на путь особенно интенсивной работы. Дряблов только что получил заказ на 300000 аршин сукна, которые он должен был поставить в военное ведомство в течение 5-ти лет. Рабочими он должен бы дорожить, особенно мастеровыми и тем более первоклассными, с громадным стажем работы. Но фабрикант нисколько не думал об улучшении материального положения ра-

³⁸¹ Дело. Л. 20 и 21.

³⁸² Ф.Ежова, И.Ярцова, Я.Харю, А.Чернова, И.Сову, Е.Петрова, Ф.Камерера, Н.Щетчика, Ф.Степанова и Г.Васильева.

³⁸³ Дело. Л. 24.

бочих своей фабрики, желая на низкой заработной плате, на штрафах и вымогательствах нажить большую прибыль. Тогда рабочие сами заговорили. Они не только учли благоприятные местные условия для выступления против капиталиста-вымогателя, но и обстановку момента общероссийского характера: на московских фабриках и на уральских заводах было не совсем благополучно, как мы видели выше, а кроме того, наибольшее внимание центрального правительства, а отчасти и местной администрации уделялось башкирскому восстанию, которое длилось с 1736 г. и не показывало признаков своего окончания. «Непотребные поступки», «огурство» и «мотовство», по терминологии приказчика Г.Бронникова, начались со стороны наиболее нужных производству мастеров. Каковы были эти события, для нас остается это не совсем понятно и определено, но мы можем предполагать, что мастера подготовили почву в это время для дальнейших выступлений рабочих за улучшение своего экономического положения и предъявили ряд своих требований администрации фабрики. Последняя, схватив инициаторов в числе 10 ткачей, «по довольном наказании» их на фабричном дворе, отправила их в распоряжение Губернской Канцелярии, т.е. выдала властям для ссылки в «дальние работы» или в солдаты. Но т.к. эти мастера были вольными, а не крепостными, и т.к. они подали челобитную на Дряблова в Губ. Канцелярию, последняя и занялась расследованием дела и разбирательством его. Немедленно привести в исполнение требования фабриканта без расследования и санкции центральных органов Губ. Канцелярия не могла, поэтому ткачам ничего и не учинила». А рабочие фабрики, по всей вероятности, по инициативе ткача Елисея Петрова, т.к. он не попал еще в число 10-ти отосланных в Канцелярию, раздраженные наказанием и высылкой 10-ти мастеров, объявили забастовку, чиня «противности и упрямство», браня и понося Дряблова «непотребными словами» и угрожая даже «побоями». События развернулись очень быстро и заставили администрацию фабрики и губернии сначала ликвидировать забастовку, а потом уже все-таки заняться жалобой суконщиков. Свыше двух недель пришлось ждать конца забастовки. И, конечно, не жалоба ткачей на Дряблова, а забастовка суконщиков и их действия составляли главное содержание всех фабричных «происшествий» в марте и в начале апреля 1737 г. Это нужно принять во внимание особенно вследствие того, что В.И. Семеновский делает центром внимания челобитную, совершенно не упоминая забастовку и сводя все к легализованной борьбе рабочих. Г.Бронников в своем доношении не выдумал забастовку, а оперся на нее, как на главнейший факт, подкрепляющий его просьбу как можно строже отнестись к рабочим и их челобитной, чтобы впредь «не повадно им было» бастовать по целым неделям и срывать выполнение срочных казенных заказов.

Вскоре по ликвидации забастовки в апреле 1737 г. назначено было судебное разбирательство жалобы ткачей от имени 140 суконщиков, которое мы изложили выше и которое было подано 23 марта. На суд был вызван и поверенный А.Дряблова. Но после забастовки судить ткачей, подписавших жалобу, и

рабочих, согласных с нею, было легко. Об этом свидетельствует «доношение» Губ. Канцелярии в Коммерц-Коллегию от 29 января 1738 г. В нем приводятся «пункты» жалобы и ответы на них поверенного А.Дряблова, с которым согласился и суд. Оказалось, что убавка задельной платы ткачам до 5 коп. с аршина произошла потому, что «велено ему (Дряблову) сукна ткать по новым образцам, толще, и шерсть против прежнего исходит более, а наперед де ткали по 6 и по 8 арш. в сутки и в деле споряе, да у него же (Дряблова) велено вычесть пошлин с аршина по 4 коп., к тому же де и фабрика отдана в собственное его содержание... И тако по сложности цены, что ныне ткут по 6 и по 8 аршин, убавки не показалось, но еще против прежних дач в цене немалая прибавка, для того, что как давалось им при Кудрявцеве по 6 коп. за аршин, а ткали по 3 и 4 аршина, и тогда в сутки приходило по 18 и 24 коп., а ныне получают по 30 и по 40 коп., а посему видно, что то стала не убавка, но еще прибавка». Ткачи пытались было показать, что достигли дневного результата в 6 и 8 аршин в результате опыта и выучки, а не смены образцов сукна, это не было принято во внимание, т.к. с ткачей потребовали доказательства, а на суде представить его они не могли: «а чтоб то подлинно, о том нигде не явствует и по следствию не показалось и свидетельства никакого не объявили и посему винности оного Дряблова не показывается» – так запротоколировал суд.

О взыскании пожилых денег за принятого на фабрику помещичьего крестьянина поверенный Дряблова показал, что тот крестьянин-суконщик принят «по представлению их же, суконщиков»; Дряблов в свое время будто бы объявлял им, что примет его только в том случае, если он по происхождению не помещичий, а солдатский сын, «а буде помещичий, то кроме их пожилых денег платить не будет, на этом они и поруками обязывались». Нашелся и свидетель, подьячий Нестеров, который эти объяснения поверенного и подтвердил.

Суконщики жаловались на отяготительность посторонних работ на Дряблова. Тут же сам Дряблов показал, «что де домашних работ они на него не работали, а работали де у него мельнишные поделки... на мельницу возили хлеб на его, Дряблова, лошадях». И это подтвердил один из свидетелей со стороны Дряблова – подмастерье Н.Федоров. «Того ради... Дряблов явился прав, понеже общая ссылка сказала не против их, суконщиков, ссылки».

С рабочих производились вычеты за челноки. Какое же это противозаконие? Со слов поверенного суд заключает, что «ежели не вычитать, то б они, пьяные, небрежением всегда бы их ломали»; к тому же раз фабрика на полном содержании Дряблова, то последний, и по заключению суда, «волен... в вычете прибавлять и убавлять».

Фабриканту ставили в вину штраф за шерсть по двойной цене ее стоимости. Дряблов не отрицал, что с расходами шерсть стоит ему 1 руб. 50 коп., но доставка на место стоит 1 рубль с пуда; к тому же «в дело дается сухая, репей и шишку переменяют», но вычитает не по 3 руб., а по 2 руб. 50 коп. Но однажды был вычет и по 3 рубля, фабрикант этого не отрицал, когда угар шерсти превзошел все ожидания по своему количеству. В обычное время на

500 пудов шерсти угару бывает по 20, по 10 и 5 пудов, «а ныне де как стали делать сукна по новым образцам, то явилось угар 24 пуда 37 фунтов, более прежних переделов, и как по оной цене, по 3 рубля, вычел, то уже такого множественного числа угару после не бывало». Кроме того Дряблов сослался на подмастерье А.Яковлева, что «поймал» суконщика, у которого обнаружено было много затоптанной шерсти.

Наконец, на суде открылись «непотребства» 10 суконщиков, которые после «довольного наказания» «были отрешены от дела» и направлены в Губернскую Канцелярию. Они оказались «негодными», по свидетельству и подмастерья А.Яковлева, «за пьянство». В этом состояли все их «непотребности». А в дополнение всех этих показаний было опротестовано и само челобитье. Оно было подано от имени 140 человек, но суд считал его даже от имени всех рабочих на фабрике, от имени «676 человек». А т.к. следствие установило 10 человек «нечелобитчиков» (только!), за остальных подписались в челобитье только четверо, сославшись даже на 202 чел. малолетних, которым, конечно, и «верить не подлежит», то в результате челобитье было признано ложным.

По решению суда 4-х рукоприкладчиков наказали плетью, а другим велено быть «в поспешении» Дряблову³⁸⁴.

Все следствие и весь процесс свелись к тому, чтобы найти те или иные возражения на челобитье и опрокинуть последнее. Конечно, из общего числа квалифицированных в 676 чел.³⁸⁵, работавших на фабрике, нашелся десяток, который поддерживал на суде фабриканта Дряблова, но и этот десяток состоял больше из приказчиков, которые ничего общего с рабочими не имели. Строго разбираясь в судопроизводстве, мы должны определенно пригнать, что ни один из пунктов челобитной судом не был опротестован: ни понижения заработной платы «против указов» до 5 коп. с аршина, ни штрафов за шерсть и инструменты, ни уплаты денег рабочим за крепостного суд не отверг и не опроверг. Всем понятно, что доводы об увеличении дневного заработка с 24 коп. при Микляеве до 40 коп. при Дряблове вследствие увеличения количества выработки ткачей несколько не убедительны, т.к. плата с аршина все-таки осталась 5 коп. Что же касается самой челобитной, то суд, можно сказать, еще более усилил ее значение, приняв ее от имени всего рабочего коллектива, включая и малолетних; рабочие представители на суде, выступая от 140-а, не возражали ничего против этого, но попытка суда доказать ложность челобитной и свести ее к челобитной от четверых, подписавших ее, кажется весьма близорукой. Никто, конечно, и не думал, что подписана челобитная без санкции всех рабочих; санкцию подписавшие получили еще до забастовки, а последняя была ничем иным, как самым могучим подтверждением этой челобитной. Так именно и понимал суд, но не хотел сказать об этом и признать это, т.к. опасался вы-

³⁸⁴ Дело. Л. 52–57.

³⁸⁵ По переписи 1736 г. на фабрике числилось всего 982 чел. (Семевский В.И. Крестьяне... Т. 1. С. 473).

звать новую забастовку; ему выгоднее было свести ее к частной, а не коллективной, чтоб строгостью наказания убить инициативу зачинщиков и не допустить организованного выступления рабочих.

Но обмануть рабочих не удалось: жалобщики хотя и заявили желание, чтоб их отправили «в солдаты или в подушный оклад» вследствие того, что у них нет средств «хлопотать дальше», а «того суд только и ожидал», но все же в июне месяце они отправили ходоков, с челобитной на Дряблова в Коммерц-Коллегию³⁸⁶.

Мы уже знаем содержание их челобитной в Коммерц-Коллегию. Последняя запросила материалы по этому делу из г. Казани от Дряблова и от губернатора, которые поступили только в феврале следующего 1738 года в виде «доношения» от Губернской Канцелярии от 29 января. В конце марта Коммерц-Коллегия постановила «за непотребное житье» и «пьянство» «сослать в дальние города и на Камчатку» наиболее злостных зачинщиков беспорядков на фабрике. Так что Коммерц-Коллегия не только не ослабила приговора суда при Губернской Канцелярии, но изменила его в худшую сторону для рабочих. В результате этого 9 человек челобитчиков были, отправлены в каторжные работы, «а десятый, Ф.Ежов, остался в Шлютебурхе при канальной работе». Этим решением Коллегия стремилась напугать рабочих московских суконных фабрик, которые тоже поднялись на своих хозяев: 8 августа 1738 года Московская Коммерц-контора запрашивала Коллегию о решении по казанскому делу «понеже Московских суконных фабрик на содержателей от мастеровых людей в недаче им, мастеровым людям, дела и против прежних цен заработных денег; по протчем (фабрикам) в Коммерц-конторе происходят непрестанные жалобы и споры и по некоторым просьбам уже и следствием производится»³⁸⁷. Как можно понимать из текста этого запроса, в Москве в противовес этим требованиям и стачкам рабочих, фабриканты объявили локдаун и давали работу только по пониженным расценкам.

После продолжительной (с 22-го марта по 14 мая) забастовки в 1737 г. на фабрике Болотина, бывшей раньше у Щеголина, при котором на ней работал и казанский суконщик Елисей Петров, рабочие фабрики Болотина продолжали еще добиваться прежних повышенных расценок путем гражданских исков, и решение по казанскому делу необходимо было для Коммерц-конторы, как руководство в многочисленных аналогичных процессах того времени³⁸⁸.

Так завершился первый этап «дела суконщиков». Более, чем двухнедельная забастовка, вызванная материальными интересами рабочих и плетью фабриканта, и суд над рабочими в Губернской Канцелярии и Коммерц-Коллегии, прошедший исключительно в интересах купца-фабриканта и сохранения «тишины и спокойствия» в дворянско-купеческой России, – главные события, по-

³⁸⁶ Дело. Л. 73.

³⁸⁷ Дело. Л. 73.

³⁸⁸ Семевский В.И. Крест. при Екат. II. Т. 1. С. 557.

будившие рабочих суконной фабрики еще теснее сплотиться, чтобы «сыскать правду» на фабриканта. Но для этого нужен был подходящий момент, который долго ждать себя не заставил.

II.

Забастовка суконщиков 1741 г.

Казанская Губ. Канцелярия 10 октября 1740 г. «доношением» извещала Коммерц-Коллегию, что мастеровые фабрики Дряблова в количестве 14 человек³⁸⁹ 6 и 7-го октября, а один из них, Родион Иванов Бабеньшев, еще в августе месяце с фабрики сбежали и «где ныне обретаются – неизвестно». Сообщая об этом, Канцелярия просит санкции на увольнение их с фабрики. Не успела Коллегия рассмотреть это доношение, а, может быть, она и не имела в виду рассматривать его, по крайней мере, в скором времени, как эти беглые очутились в столице и в декабре месяце подали на Дряблова челобитную за подписью Родиона Иванова, «с товарищи». В ней они указывали на известное нам снижение заработной платы и на штрафы и вычеты за инструменты. Челобитчики упомянули, что их аналогичная просьба «1736 г.», на самом деле 1737 г., вызвала лишь ссылку на каторгу 10-ти человек и ничего иного; обращение с рабочими со стороны администрации фабрики несколько не улучшилось и даже стало еще более обостренным: когда «шихоболщик» А. Тимофеев просил увольнения с фабрики «за старостью», то его тоже сослали в каторжную работу. Но этот факт ничто по сравнению с другим: «содержатель Дряблов, бурмистр Воцощников и подмастерье Яковлев, зlobствуя... на мастеровых и рабочих людей, которые на оных... просили в показанных от них обидах, а именно Ив. Яковлева, Ив. Семенова, Максима Трофимова, Зиновья Скорнякова, по просьбе их через Казанскую Губ. Канцелярию сосланы в каторжную работу, а куды неизвестно, а пятой человек Иван Белянкин содержан был от той Канцелярии в тюрьме и с тем отдан в солдаты, в которой и донныне обретается лейб-гвардии Преображенского полку в Гренадерской роте в солдатах же».

Рабочие в челобитной указывали, что эксплуатация их на посторонних работах продолжается и всякое сопротивление вызывает жестокие репрессии со стороны администрации. Так, отказ от бесплатного караула амбаров фабрики, которые выполняли до этого 6 человек солдат, и от «многих» бесплатных домашних работ, которые отвлекают от работы на фабрике ежедневно 25–30 человек, повлек незаслуженные наказания: «бьют нас смертно троехвостными, ударов по 200 и больше,... и от тех их напрасных побой и налог многие с той суконной фабрики мастеровые люди разбежались и домов своих и от жен и от детей отстали». Когда же рабочие пришли жаловаться на Дряблова к губернатору, князю Гагарину, последний ответил только так:

³⁸⁹ А именно: Илья Однодерка, Степан Усков, Григ. Горчаков, Андрей Сорока, Андрей Каланин, Андрей Ципляха, Иван Мазрак, Вас. Леляка, Федор Степ. Корова, И.П. Шишкин, И.Н. Усков, П.Д. Рукавишников, З.Семенов и Род. Ив. Бабеньшев.

– «Разве и вас сослать на каторгу же..?»

В 1740 году рабочими поднят был вопрос и о заработной плате: «ткачи Филипп Киселев, Алексей Густокормов, Ив. Филиппов, Федор Фадеев, Даниил Бородавка» заявили о поднятии ее фабриканту, но Дряблов, «не учиня рассмотрения», при посредстве приказчика и бурмистра отдал указанных ткачей «под караул» в Губернскую Канцелярию, которые «в остроге и поныне содержатся безвинно» и которым угрожают тоже ссылкой «на каторгу вечно ж»³⁹⁰.

Эти данные свидетельствуют, что на фабрике в течение ближайшего трехлетия после «шумного» 1737 г. сослано на каторгу еще 11 человек, плети «троехвостные» полосовали спины рабочих за их отказы от исполнения посторонних работ, за их требования поднять «задельную» плату, снизить штрафы и налоги и предоставить им более сносное существование, хотя бы такое, как у московских фабричных людей. Как ответ на издевательство фабричной и губернской администрации, в течение этих трех лет были и побеги рабочих с фабрики, а в 1740 г. сбежало даже 14 мастеров. В этом году наблюдается новое обострение отношений между рабочими и фабрикантом, которое вызвано было и большим напором администрации фабрики, и лучшей организацией рабочего ядра, которое успело в течение двух-трех лет снова организовать уже из новых лиц и выступить на защиту интересов рабочих, опираясь на общую их солидарность.

Сверх всякого ожидания челобитная Родиона Иванова быстро подверглась предварительному рассмотрению, в результате которого из Коммерц-Коллегии в Губ. Канцелярию был послан указ от 20 декабря 1740 г., в котором читаем, чтоб Канцелярия произвела новое следствие по этой челобитной, «а к содержателю А.Дряблову послать указ, дабы он своей фабрики мастеровым людям, пока по тому челобитью рассмотрено будет, задельные деньги производил против прежних дач без всяких являемых налог и обид, чтоб та его фабрика работою умножилась. Ежели же, паче чаяния, она от каких непорядков или от малолюдства работных людей в какое повреждение придет, то все взыщется на нем с тяжким ответом»³⁹¹. Правда, это еще не все, чего домогались рабочие, наоборот, это почти ничего. Дряблову ничего не стоило принять этот указ только к сведению; центральное правительство было заинтересовано только в том, чтобы фабрикант выполнил вовремя казенный заказ на 300000 аршин сукна, и не стало бы доискиваться причин «налог и обид», которыми Дряблов грубо отягощал рабочих и доводил их до возмущения, если бы таковые удалось сдержать в течение ближайших лет. Рабочие были довольны и тем, что фабрикант получил некоторую острастку от правительства, но мы ошиблись бы, если б почли, что рабочие на этом успокоились и стали ждать окончания следствия. Родион Иванов «с товарищи», лишь только узнал об указе Коммерц-Коллегии, поспешил прибыть в Казань. А что после-

³⁹⁰ Дело. Л. 77–30.

³⁹¹ Дело. Л. 81.

довало за его приездом, мы узнаем из трех доношений Губернской Канцелярии в Коммерц-Коллегию.

«И по приезде оные суконщики, Родион Иванов, еще не дождав решения, самовольством своим и озорничеством пришед на оную фабрику в контору, многих фабричных людей возмутил к тому же плутовству, чтоб были обще с ними в согласии и по возмущению де их работные люди, большая часть, ныне в делании, по показанию определенного от него (Дряблова) подмастерья А. Яковлева, чинятся ослушны и в прядении шерсти прядильщики делают против прежнего, также скреболщики, картельщики данную им в дело шерсть огурством и озорничеством производят весьма плохо; сверх де того оные суконщики, Родион Иванов с товарищи, не удовольствуясь вышеписанным плутовством и самовольством» приказом своим, яко содержатели фабрики в той конторе, так и по светлицам дневальных, кои дневали поночно, сменили и впредь дневать не велели, от которого де их самовольства и озорничества, как он (Дряблов), так и определенные от него к присмотру, на фабрику ходить опасны, понеже оные суконщики, Род. Иванов с товарищи, и протчие, которые с ними соединились в согласие, грозят смертными побоями, да и не токмо, что при фабрике тако поступают, но и как де он, Дряблов, из Губернской Канцелярии шел, то многолюдным собранием бранили и поносили его всячески»³⁹². Так описывались события на фабрике 20 февраля 1741 г.

Через 2–3 дня, судя по «доношению от 24 февраля», события развернулись еще шире. В этот день Канцелярия писала в Коммерц-Коллегию, что к рабочим был специальный посол с объявлением указа из Губернской Канцелярии о послушании фабриканту: «И на то-де его объявление оные суконщики, собравшись многолюдством, объявили, что они показанного содержателя Дряблова и подчиненных его в делании сукон слушать не хотят, якобы-де по присланному е. и. в. из Коммерц-Коллегии на оного Дряблова указу к суду не допускают и потом-де, бранивши и поносивши всячески его; ежели б определенного от Казанской Гарнизонной Канцелярии урядника и солдат притом не было, то едва от многого собрания тех фабричных работников мог с той фабрики съехать, да не токмо оного Дряблова, но и объявленный им из Губернской Канцелярии указ, по которому ему велено от пьянства оных суконщиков унимать, сказали они: как указу, так и его не слушают, и по отъезде-де его с того суконного двора все суконщики возмущением своим до единого человека неведомо куда разбежались, и видно всех оных суконщиков при той фабрике явная в делании сукон будет остановка». 23 февраля сам Дряблов доносил в Канцелярию, что «суконщики в делании на показанной фабрике сукон его не слушают, а надлежит-де доставить на прошлый 740 г. по цветам сукон 52786 аршин 1¹/₂ вершка, да в нынешний 741 год объявил в отдачу он мундирных же сукон по цветам 60000 аршин, итого 112786 аршин 1¹/₂ верш.».

Но «те суконщики с фабрики его все разбежались и оставили-де на 80-ти станках основу, тако же и шерсть, которой-де от мышей учинится поврежде-

³⁹² Дело. Л. 156–157.

ние»³⁹³. Мало этого, по выражению губернаторского «доношения», 21 февраля «означенные суконщики, пришед пред Губернскую Канцелярию человек с тысячу и больше, правящему губернские дела г. полковнику Чемодурову кричали необычайно и невежливо, что «долго-ли де их дело волочить (будут)», и с тем шумом едва отошли»³⁹⁴.

Возмущение рабочих нарастало с поразительной силой по мере того, как местная администрация все больше и больше развертывала свою тактику жестокого подавления движения суконщиков. Из «доношения» Канцелярии от 5 марта 1741 г. мы узнаем, что 25 февраля «пример-майор Горин получил приказ собрать» всех мастеровых: людей «и объявить им указ Канцелярии, чтоб они как в прядении шерсти, так и в делании сукон работали со всякой прилежностью». 2 марта он сообщал о результатах своего визита. Как оказалось, суконщики «указов» из Губернской Канцелярии слушать не хотят», а ждут таких «из Государственной Коммерц-Коллегии», даже больше: они рекомендовали Горину совершенно не беспокоить свою персону экскурсиями на фабрику, т.к. работать они все равно не будут: «сколько-де на суконный двор ему не ездить, а работать-де они и заработных денег от фабриканта Дряблова против его дачи брать не будут.

Горин возвратился с фабрики ни с чем, уговорить рабочих не удалось. Тогда Губ. Канцелярия дает распоряжение Горину ехать еще раз, чтоб «суконщиков к деланию сукон принудить», добиться, чтоб подмастерья и старосты «были послушны», а которые из оных суконщиков пущие противники, тех бить батожем нещадно и для того ему, Горину, велено требовать солдат подлежащее число»³⁹⁵.

Второй раз майор Горин посетил фабрику числа 9 или 10-го марта. Доношение Губ. Канцелярии от 13 марта излагает содержание рапорта этого майора от 11 марта. Все пребывание его носило совершенно иной характер. Когда Дряблов «объявлял» указ Канцелярии, для его безопасности на фабричном дворе была небольшая воинская команда. Теперь дело обстояло совершенно иначе. Майор Горин, «взяв Казанского гарнизона поручика Ив. Суворова да прапорщика Сидора Кирилова, також унтер-офицеров и гренадер шездесят человек», объявил указ на фабрике, но «токмо оных суконщиков к тому объявлению собралось половинное число, а прочие суконщики к тому объявлению огурством своим на означенном суконном, дворе и не были». Но это было бы для майора не так печально, если б явившиеся прониклись готовностью к рабо-

³⁹³ Еще в предшествующее доношение попали сведения от Дряблова, что помимо окрашенных сукон и «к отдаче в полки готовых», в количестве 37000 аршин, у него имеется «не малое число» уже вытканых «топтаных и нетоптаных», которые остаются совершенно без присмотра и охраны, так что рабочие «потоптали» довольно сильно фабричную продукцию и отказались охранять ее в фабричных амбарах (Дело. Л. 157).

³⁹⁴ Дело. Л. 159–161.

³⁹⁵ Дело. Л. 87 и 88.

те на Дряблова; а на самом деле «оные суконщики ему сказали, что-де они присланных из Губернской Канцелярии е. и. в. указов слышали довольно, однако-де на помянутой суконной фабрике они, суконщики, в делании сукон и в прядении шерсти в работе быть не хотят, також-де и определенных от него, фабриканта Дряблова, подмастерья и старост слушать и задельных денег от него, Дряблова, брать не желают». Это не были выкрики: отдельных лиц, а негодующие и угрожающие возгласы целой группы отчаявшихся рабочих, с которой солидарны были все остальные собравшиеся: «и из означенных-де суконщиков Василий Козлов, Алексей Орлов с товарищи, 45 человек, явились пущие противники и возмутители всей той фабрики мастеровых людей, кричали необычно». Видя, что из агитации его ничего путного не выходит, майор Горин начал действовать насилем и батожем, – в результате этой длительной экзекуции собравшиеся рабочие согласились стать на работу на условиях Дряблова. Но т.к. это согласие было выбито от рабочих только батогами, то «для наилучшего в делании тех сукон и протчего над теми суконщиками смотра» на суконный двор определен был для постоянного пребывания урядник «с шестью человеками солдат»³⁹⁶. На основании этого мы могли бы предположить, что забастовочное движение на фабрике Дряблова в первых числах марта было раздавлено военной силой, но это далеко не так.

Из сообщения в Коммерц-Коллегию от Конторы Военной Коллегии от 14 апреля 1741 г. мы узнаем, что «понеже-де фабрики его (Дряблова) всех артелей работные, люди возмущением своим и самовольством с той фабрики сбежали..., ныне работы с генваря месяца не имеются», т.е. с того времени, когда, по словам поверенного Дряблова служителя Ускова, в конце декабря 1740 г. объявлена была производственная программа на 1741 г. в 112786 аршин сукна³⁹⁷.

Итак, забастовка началась в самом начале января месяца 1741 г., продолжалась февраль, март и имела место еще в первой половине апреля, иначе мы не встретили бы в апрельских документах указаний, что и «ныне» работа на фабрике не ведется. Следовательно, вторая экскурсия майора Горина во главе военного отряда в 60 человек имела лишь незначительный успех для фабриканта: после «нещадного наказания батожем» половина рабочих хотя и согласилась работать, но не стала; это был только маневр; впоследствии и они разбежались, иначе не встретилось бы указаний в апрельских документах, что разбежались «всех артелей работные люди». Начавшись с января 1741 г., забастовка продолжалась и весь апрель, захватив, таким образом, целую треть года. Заметно пошла она на убыль уже после получения из Коммерц-Коллегии «определения» от 24 апреля. Это определение было вынесено на основании доношений из Губ. Канцелярии, переписки с Военной Коллегией и неоднократных просьб фабриканта Дряблова о невзыскании с него вины за остановку фабрики и невыполнение заказа Военной Коллегии на постав-

³⁹⁶ Дело. Л. 187 и 188.

³⁹⁷ Дело. Л. 89.

ку сукна. И, конечно, не без вмешательства Военной Коммерц-Коллегии вынесла убийственное для рабочего движения определение. В нем мы читаем: «показано, что-де оные суконщики с фабрики разбежались и шатаются праздно, торгуют на рынке и нанимаются работать у ямщиков в ямы и во всякие домашние работы и тем пробавляются... приказали: суконщиков сыскать и к делу сукон принудить... а в Казани в пристойных местах публиковать вторично, чтоб оных суконщиков никто и ни в какие работы не принимал и не держал». Опубликованное раньше аналогичное приглашение к бойкоту суконщиков не имело никакого отзвука, ни в ком, кто пользовался трудом суконщиков, не вызывало никакого сочувствия. Но если нельзя ожидать сочувствия правительству и фабриканту, то нужно было заставить повинаться. Поэтому и определено: «а кто примет (суконщиков на работу)... быть штрафу за каждого человека 100 рублей... а беглецам, оным суконщикам, чинить наказание: бить плетью нещадно и по наказании отдавать ему, Дряблову, на фабрику в работу..., а если будут ослушны..., поступать с ними по силе 1736 г. января 7 дня указа непременно, не описываясь в Коммерц Коллегию»³⁹⁸. Губернское начальство приняло все меры к точному исполнению этого указа, даже далеко опередив его своими мерами, как увидим несколько после, и забастовка кончилась. Продолжать ее было опасно не только потому, что местным властям и фабриканту были даны большие права и судебные функции над забастовщиками включительно до ссылки рабочих в каторжные работы; но еще и вследствие того, что можно было сорвать следствие по челобитной рабочих фабрики 1740 г., которое и без того затормозилось, несмотря на массовую демонстрацию протеста со стороны рабочих против бюрократизма и волокиты, проявленной губернской администрацией.

Четырехмесячная забастовка суконщиков, хотя и не имела тех результатов для рабочих, на которые они рассчитывали, но все же показала силу и мощь рабочей массы, когда она хоть несколько организованно выступает на защиту своих интересов. 1740 год и предшествующие в производственном отношении были не особенно удачны, и к 1741 г. накопилась недовыработка в 50 с лишним тысяч аршин сукна, которую надо было пополнить в 1741 г. А при этом не только остановка предприятия, но и его обычный темп работы был далеко недостаточным для выполнения контракта с военным ведомством. «Это мастера отлично понимали и в 1740 году начали новый процесс против Дряблова, а стойкость последнего даже после декабрьского указа 740 г. из Коммерц-Коллегии, ознаменовавшего некоторый сдвиг в пользу суконщиков, – вынудила последних на организованное забастовочное движение, которое выразилось в весьма бурной форме (угрозы Дряблову, всеобщее буйство, снятие рабочих со станков, осуждение всякого вмешательства местных властей, подрыв авторитета последних, уличная демонстрация против волокиты, стойкость во время экзекуции Горина, всеобщая солидарность и пр.). Эта забастовка, проведенная не без руководства и, надо сказать, чрезвы-

³⁹⁸ Дело № 196, 197.

чайно тонкого и осторожного, со стороны Род. Иванова и его товарищей, составлявших главное ядро активных деятелей в борьбе с фабрикантом самое меньшее в 50 чел. представляет чрезвычайно выдающееся явление в истории рабочего класса первой половины XVIII столетия, имевшее всероссийское значение, поскольку оно проводилось в контакте с рабочими центральных суконных фабрик, и в особенности фабрики Болотина, бывш. Щеголина, которая в 1737 же году заявила себя забастовочным движением, длившемся несколько месяцев. Кроме того, Казанское предприятие далеко не местного, а российского значения, поскольку заказы выполнялись на военную Коллегию, привлекало очень много внимания центральных властей, т.к. столь сильное движение рабочих в Казани, в центре, связующем промышленный Урал с промышленной Московской областью, могло отразиться не только на выполнении производственного плана хотя бы одной Военной Коллегии, или перекинуться на горнозаводские предприятия Урала и там подорвать производство, но, что самое главное, обостряло и чувствительно усиливало классовую борьбу между рабочими, гражданские права которых были еще в далеком будущем, и предпринимателями, обладавшими и силой, и властью, и правами, обеспеченными законами дворянско-купеческой России того времени. А подобного обострения классовой борьбы дворяне и купцы стремились избежать, чтобы не терять своего богатства и господствующего положения в стране. Забастовочное движение казанских суконщиков 1741 г., да еще столь длительное и упорное, является главным содержанием всех казанских событий и одним из самых заметных, хотя и немногочисленных организованных выступлений рабочего класса первой половины XVIII в.

III.

Процесс суконщиков в Сенате в 1742 г.

Стойкость и организованность рабочих во время забастовки 1741 г. внушили и сознание придерживаться более твердой тактики в судебном процессе против Дряблова. Конечно, со стороны последнего было приложено много стараний, чтобы информировать правительство как можно подробнее о «злодействах» рабочих, чтобы так или иначе избыть ответственность за невыработку сукна. Но и рабочие, в лице своих руководителей и ходатаев по судебным делам, воспользовались прекрасно возобновлением работ на фабрике и подали новую челобитную на «фабриканта» в Кабинет ее величества, минуя все остальные инстанции. На этой челобитной нам и надо сейчас сосредоточить внимание, т.к. она дает не только новый материал, но в ней формулированы и новые требования рабочих, оформившиеся в результате забастовочного движения.

Челобитная подана была от имени Род. Иванова, Андр. Иванова сына Цыплекина и Григ. Горчакова не позднее как в первых числах мая месяца 1741 г., т.к. 12-го мая она была прислана в Кабинет «от е. и. высочества», а 22

числа была уже наложена резолюция. В первых строках указывается на невыполнение администрацией указа Коммерц-Коллегии от 20 декабря 1740 г.: «через происк и злобу содержателя А.Дряблова, изо взятков как Казанская Губ. Канцелярия, так и определенные адмиралтийские офицеры по отъезд наш из Казани, никакого следствопроизвождения и указаго по силе в. и. в. прав и указов решения не учинили, чего ради, по данному от них нам, нижайшим, заручному выбору, всенижайше и всепокорно просят... учинить в Кабинете в. и. в. всемилостивейшую резолюцию». Через военную коллегияю «по происку содержателя А.Дряблова» во все центральные органы пошли сведения, что рабочие «чинят противности и учинились указом ослушны» и в прядении шерсти стали делать хуже, а потом-де с той фабрики все разбежались, от чего в сукнах учинилась крайняя остановка». Вследствие этого, по сведениям из Казанской Губ. Канцелярии, будто бы Коммерц-Коллегия; распорядилась «более 1000 человек всех при собрании наказать плетьюми нещадно, а нас, нижайших просителей, наивящше наказать же, дабы-де впредь на него, Дряблова, просителей не было», а если будут жалобы и после, то и принимать их не велено. Всего этого Дряблов добился в Губ. Канцелярии и Коммерц-Коллегии через поверенного своего А.Ускова происком своим, «надеясь на свой происк и многое богатство», и этим происком: приводит рабочих «в крайнее разорение» так, как «в деле значит», не отдает заработанные деньги, с прошлого 736 г., которых наберется более 15000», всегда, приезжая на фабрику, «мучит кошками безвинно», по «ложному и умышленному представлению» Дряблова многие сосланы на каторжные работы, всего 21 человек, «дабы на него, Дряблова, просьбы никакой не происходило, да и другим бы впредь был страх»; все это делалось губернским начальством «через взятки и происк его, Дряблова». Что же касается обвинения рабочих, что они «своевольно от фабрики отлучились», челобитная называет это «злодейски умышленным» представлением Дряблова, желавшего разорить рабочих и с этой целью не остановившегося перед клеветой. На самом деле, как только пришел указ о следствии из Коммерц-Коллегии, Дряблов сам «остановил фабрику и делать не велел», чтобы рабочие «вовсе разорены были»; поэтому-де «видя себя пришедша в крайнее разорение, что с женами и детьми пропитаться чем не имеем, того ради не вытерпя горести своей, принуждены итти в работу и кормиться работой своею, а он, Дряблов, написал в этом своем представлении напрасно».

Мы ознакомились с фактами, вызвавшими новое челобитье рабочих. Они устанавливают непроходимую волокиту в правительственных учреждениях губернии, в которых Дряблов «взятками» купил всех чиновников, не исключая губернатора. Чем же иначе можно объяснить, что губернатор буква в букву переписывал дрябловские сообщения или сообщения, сфабрикованные другими чиновниками и офицерами со слов Дряблова и его «поверенных» и приказчиков, для Коммерц и Военной Коллегии. Чем же иначе можно объяснить готовность губернатора в апреле месяце «наказать плетьюми нещадно» более 1000

человек, когда об этом даже и распоряжения не было. В этом рабочие были совершенно правы, как и в том, что «напрасно», «по проискам» и «за взятки» сосланы были на каторгу 21 человек.

В острые моменты классовой борьбы предприниматель не разбирает средств этой борьбы и домогается своего всеми доступными для него способами. А взятки и происк среди них стоят прежде всего. Но в вопросе о длительном прекращении работ неправы были и челобитчики. Дряблов мог остановить фабрику на короткое время, это – вполне допустимо. Но и рабочие ведь объявили забастовку, и на работу их не могли загнать ни маленькие, ни большие военные отряды, которые не жалели плетей и высекли хоть не 1000 человек, а раз в 10, пожалуй, меньше, но все же работы до мая месяца могли только чуть возобновиться и то на короткое время при незначительном количестве рабочих и особенно мастеров. Вполне допустимо, что остановкой работ на время следствия Дряблов хотел припугнуть рабочих, но сильно проиграл на этом, вызвав четырехмесячную забастовку.

Чего же просили челобитчики в результате этой информации? Конечно, не только указа о возобновлении следствия. «Мастеровые люди всенижайше и. вел. слезно просят, дабы повелено было оную фабрику от него, Дряблова, отрешить, а поручить казанскому гостинной сотни купцу Борису Пушникову, который у себя капитал имеет не меньше его, Дряблова, и содержать может. К тому же, при оной фабрике он, Пушников, был и прежде в компании с купцом Ив. Микляевым; а ежели он, Дряблов, от той фабрики отрешен не будет, то наивящше по злобе и по происку его может воспоследовать, что мы, нижайшие, в конец разорены и многие в ссылки сосланы будут, ибо мы, нижайшие, как выше показано, ему, Дряблову, отданы в его руки и что хочет, то учинит». Кроме того просили они: 1) возвратить на работу сосланных в каторжные работы мастеров; 2) поручить следствие по их делу другому составу, а именно, советнику Адмиралтейской Коллегии А. Баранчеву и канцеляристу Вас. Высоцкому, т.к. «оной следствие учинит не изо взятков, но по силе в. и. в. указов»; 3) следственное дело на решение внести в Кабинет ее величества, чтобы Дряблову отрезан был путь к его «злокозненным проискам»; 4) взыскать с Дряблова заработные деньги с 1736 г.; 5) в отмену распоряжения Коммерц-Коллегии, по представлению Дряблова без указа в ссылки не ссылать, «понеже он, Дряблов, не проча тое фабрику, чтобы она была в добром и порядочном содержании, может многих представлять к ссылке в каторжную работу», и, наконец, 6) впредь платить ткачам по 6 коп. с аршина сукна и всем прочим – «как было при Микляеве и его жене».

Ясно, что целый ряд новых требований рабочих явился в результате описанной забастовки. Отвод Дряблова от фабрики и местных чиновников от следствия следует особенно подчеркнуть. Подобного рода «просьбы» посессионных рабочих были новостью для центрального правительства в это время, и казанские суконщики были первыми инициаторами. Позже, в конце 50-х и в 60-х годах такие явления наблюдались на заводах Репнина, Демидова и

Твердышева, но в начале 40-х годов ничего подобного не наблюдалось даже там, где волнения были более острые и более продолжительные.

22 мая 1741 г. на этом челобитьи была сделана такая резолюция: «велеть взять из Коммерц-Коллегии имеющееся о тех мастеровых людях дело и о всем против оного прошения рассмотреть, надлежащее решение учинить, как указы повелевают по сущей справедливости, безо всякой норовки и послабления в непродолжительном времени, дабы оные челобитчики, ежели подлинно так с ними означенный фабрикант Дряблов поступает, как они объявляют, не токмо от того были обронены и защищены и заработные деньги сполна им заплачены, и сосланные по нападкам его в ссылки освобождены, но и оному Дряблову то упущено не осталось, и какое об оном решение учинено будет, о том в Кабинет е. и. в. сообщить письменно»³⁹⁹. Эта резолюция, за подписью ген.-рекетм. кн. Ф.Щербатова, вместе с челобитной была направлена в Сенат. Сенат зашевелился, так как только через 1½ месяца он отправил запрос о деле в Коммерц-Коллегию. Через 10 дней, 7 июля 1741 г., «экстракт» из Коллегии был уже отправлен в Сенат. Этим, можно сказать, вся сенатская прыть и ограничилась, т.к. дело попало в «очередь» и рассмотрению подверглось через год слишком. Но челобитчики были довольны резолюцией, которая знаменовала, что и после забастовки «дело не пропало совсем и можно было ожидать и полного его завершения, т.к. следствие велено вести по последней челобитной. Ходоки приложили все усилия, чтобы оно не попало под сукно, и время от времени добавляли к нему новый «материал», который в изобилии доставлялся с места, из Казани, где Дряблов все еще свирепствовал, узнав, что главари снова «сбежали» в Петербург жаловаться на своего «фабриканта».

Так, в челобитной от 13 июля 1741 г. Родион Иванов пишет, что Дряблов, не удовлетворяясь прежними своими на нас разорениями и крайними обидами, по отъезде нашем из Казани... по злобе своей, взяв многое число гарнизонных солдат, тех мастеровых людей многих сек без всякого милосердия батожем, принуждая их подписаться, дабы оные мастеровые люди заработные деньги от него получали только по 5 коп. с аршина, а по 2 копейки с фунта, за которым его, Дряблова, мучением иные из тех мастеровых людей, не вытерпя несносных его побой, по той цене брать подписались, а которые не подписались, из оных иные, по представлению его, Дряблова, к ссылке на каторгу содержатся в казанской тюрьме». Лишний раз приходится подчеркнуть удивительную солидарность рабочих. Если им и пришлось прекратить забастовку, то не для того, чтобы подчиниться предпринимателю; только батогами он мог добиться подписки части рабочих получать по 5 коп. с аршина, а некоторых не сломили не только батоги, но и перспектива отправки в каторжные работы. Вполне возможно предполагать, что такая стойкость определялась хорошей информацией об успешном проведении в Петербурге последней челобитной.

³⁹⁹ Дело. Л. 4–8.

В заключение Иванов сообщил, что все представительство рабочих, явившееся в столицу в числе 13 человек⁴⁰⁰, из списков фабричных рабочих исключено. «Дряблов, уведав, что мы... от той фабрики на него просили, всего 13 человек, признав свою вину, не зная, чем убеждать, из именного тех мастеровых людей списку выключив, от фабрики отрешил, а мы в оправдание на то себе имеем точные от всех мастеровых людей подписки с таким показанием, что мы... к мастерству весьма достойны и многого мастерства произошли и обучили многих учеников, отчего-де та фабрика за отрешением нас в деле имеет быть в остановке»⁴⁰¹. Челобитная характеризует распоряжение Дряблова об отчислении от фабрики Иванова с товарищами как факт бессилия и, пожалуй, злобы фабриканта; нам представляется здесь некоторое сгущение красок с целью произвести большее впечатление. О бессилии или признании своей вины Дряблов еще не думал. Много у него было еще возможностей и средств борьбы с рабочими, и «отрешение» зачинщиков всевозможных беспорядков было лишь ближайшей и совершенно доступной мерой. Но, несомненно, с новой челобитной 1741 г. Дряблову выпало много хлопот и «разорения»; «фабрикант» беспокоился и за поставку сукна, и за процесс, и из-за рабочих, которых силой приходилось заставлять получать пятаки, и, конечно, не мог лишиться себя хоть некоторого удовольствия и удовлетворения, полученного от «отрешения» от фабрики зачинщиков всех «противностей». Эта челобитная заканчивается просьбой «определить им кормовые деньги» и «освободить» из тюрьмы мастеров, предназначенных в ссылку.

В августе не видно никакого движения в этом «деле», а в сентябре синодальный копиист уже начисто переписал новую челобитную уже в Сенат, в которой Родион Иванов указывает, что Дряблов терроризует работных людей на фабрике, распространяя и нелепые слухи: «изуграживает тем, что-де ваши просители, Род. Иванов с товарищи, сечены кнутом и, вырвав ноздри, посланы на каторгу, а потом, призвав всех мастеровых людей, взяв с собою конвой гарнизонных солдат с майором Гориним и поручиком Ив. Суворовым, принуждая подписаться, чтоб на него, Дряблова, в тех его обидах и разорениях не просить, и сек без всякого милосердия вторично за посланным к нему из Гос. Коммерц-Коллегии указом и по битью велел подымать за волосы, посматривал, что жив или нет, и потом наиболее велел бить до смерти, говоря, о том я-де в ответе, от которых его нестерпимых побой многое число разбежалось, из которых и сюда пришло три человека, о чем для действительного на него, Дряблова, доказательства повелено было битые места осмотреть и описать. Притом же известен имеющийся при той фабрике священник Антон Петров, который от таких его побой лежащих в болезни многих исповедовал и причащал, а в тех побоях и в подписке велел подписаться, что будто он, Дряблов, обид и налог не чинил и в каторгу напрасно не ссылал, а будто бы ссылал по важным делам». Эта челобитная с такими данными против Дряблова свидетельствует, что последний

⁴⁰⁰ В 1740 году их было 14 человек.

⁴⁰¹ Дело. Л. 198 и 199.

дал волю свою зверским инстинктам, чтобы как-нибудь сохранить свой авторитет и доказать свою мощь и безнаказанность. Но исполосованные плетью беглецы произвели и в столице соответствующее впечатление: освидетельствованные, они могли всего нагляднее доказать издевательство над рабочими предпринимателя, не говоря уже о том, что в запасе оставался еще один свидетель, напущенный изувеченных, конечно, в «царство небесное». Но подобное издевательство переходило в хроническое, если рабочий после избивания, излечившись, мог стать на работу. В той же челобитной читаем: «Злобствуя на то наше челобитье старших мастеров, которые с начала той фабрики были, из настоящих мест вывел и употребляет на детских работах, отчего пропитание иметь и быть им на тех работах никак невозможно»⁴⁰². Все это как нельзя лучше защищало позиции рабочих даже от нападков тех сенаторских зубров, которые в зарвавшемся купце узнавали самих себя. Но уже тот факт, что все это присоединилось к следственному делу, говорил за то, что Сенат, выполняя директиву Кабинета е. в., может быть, и не пройдет мимо этих вопиющих фактов издевательства и своеволия «фабриканта»-купца (а не дворянина). Эта надежда подкрепляла настойчивость ходоков-рабочих и помогала переносить всевозможные лишения.

А еще больше окрепла эта надежда, когда Сенат «снизошел» к положению беглого каторжника, суконного мастера Федора Степанова, который после 5-тилетнего пребывания на каторжных работах покинул их и явился в Сенат просить помилования. Это был один из десятка сосланных Дрябловым в 1737 г. Подал он челобитную в сентябре же месяце и не без активного содействия Родиона Иванова. До решения дела Ф.Степанов сидел «под караулом»; но через три месяца (по сенатскому «календарю» это, конечно, не так много) назначено было рассмотрение его дела и вынесено такое решение 23 декабря 1741 г. «Ту его вину, за что он послан был в ссылку и что с дороги из-за конвою бежал, отпустить и из-под караулу освободить и быть ему до решения с

⁴⁰² Дело. Л. 200–203. Кроме указанных дополнительных сведений в челобитной имеется подтверждение и старых положений; указав, что при Микляеве плата за работу была «широболщику» 50 коп. с пуда, «картельщику» – по 40 коп., прядильщику с фунта по 3 коп., ткачам по 6 коп. при ширине сукна 1700–1800 нитей, инструменты и «всякие к тому материалы были казенные, почему мастеровые люди тою платою были довольны, к тому же и к деланию сукон шерсть приготавлиема была добрая, без всякого примешания негодной шерсти». Челобитчики вновь подтверждают, что с 1736 г. Дряблов «за изветшалые инструменты выворачивает у широболной артели по 240 руб., с картельщиков по 180 руб., с прядильщиков по 200 руб. в год, а за «грязную и немытую шерсть за пуд 2 р. 50 коп., которых наберется по 400 руб. в год». Продолжал Дряблов посылать рабочих фабрик во всякие другие работы и, конечно, «без платежа денег», но с человеческими жертвами; «а во время работы при мушной его, Дряблова, мельнице до смерти убило мастерового человека А.Мочалина мельничным валом». Часто случалось, что «Дряблов держал на тех его прихотных работах в самые зимние морозы по неделе и больше».

помянутым содержателем Дрябловым дела на другой фабрике»⁴⁰³. В этом решении заключался такой прорыв фронта неприязни к рабочему классу в Сенате, который не прошел бесследно как среди рабочих, так и для самого Дряблова, заметившего в этом факте весьма неблагоприятный для себя симптом и решившего всеми силами приналечь на это «дело», чтоб его не проиграть окончательно. Надо сказать, что имела свое значение и смена правительственной политики. Дворцовый переворот 1741 г. ознаменован был смягчением участи пострадавших во времена «бироновщины», издан был манифест об амнистии, дворянство после переворота почувствовало крепкую почву под ногами и на первых порах непрочь было заняться «милостивыми» делами по отношению даже к угнетенным бионовским режимом «работным людям». Только этим и можно объяснить получение свободы Ф. Степановым и отсутствие преследований по отношению к другим рабочим, сбежавшим с каторжных работ и явившимся в Казань; таковыми были Григорий Авдеев и известный нам инициатор первой забастовки на фабрике Дряблова Петр Бабеньшев. Указанные обстоятельства и возвращение с каторги упомянутых лиц подняли дух у фабричных рабочих. В феврале 1742 г. Дряблов в своем челобитье в Сенат просит не верить показаниям Родиона Иванова и принять меры к прекращению связи его с рабочими фабрики, т.к. от этого фабричные плохо работают. Родион Иванов все время письмами агитирует, чтобы рабочие оказывали фабриканту «непослушание». Эта агитация не остается без ответа, особенно после возвращения с каторги Авдеева и Бабеньшева. «А прошлого генваря 17 дня из вышеписанных беглых суконщиков из Петербурга явился Григорий Авдеев, Петр Бабеньшев и паки, уже третично той моей фабрики работных людей возмутили и учинили неведомо для чего со всех суконщиков денежный сбор»⁴⁰⁴. Долго не знал Иванов об этой челобитной Дряблова; видимо, по ней производилось следствие, которое, однако, не дало никаких результатов. Фабрика все же функционировала без перерывов. Между тем через своего поверенного в Петербурге Дряблов мог знать и узнавал, что против него собирается громадный и неопровержимый материал. Чтобы так или иначе снизить его удельный вес, Дряблов обратился и к клевете, написав в своей челобитной о третьем возмущении рабочих. Но это не была уже забастовка, все «возмущение» выразилось не только в сборе денег для пропитания петербургской делегации, которая была к этому времени довольно многочисленной. И только в июне месяце 1742 г. Род. Иванов подал протест на февральскую челобитную Дряблова, опровергнув в нем указания Дряблова о каком-либо возмущении рабочих, а вместе с тем и о расширении суконного дела, чем надумал шегольнуть Дряблов; Р.Иванов особенно подчеркнул то, что Дряблов «привел фабрику в самую гибель и крайнее разорение»⁴⁰⁵. В действительности Дряблову не удалось ошельмовать перед Сенатом и Р.Иванова, т.к. последний как раз в феврале же месяце 1743 г. предста-

⁴⁰³ Дело. Л. 210.

⁴⁰⁴ Дело. Л. 213–214.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 223–225.

вил доверенность на ведение судебного дела против предпринимателя за руками 145 ткачей, 53 скребальщиков, 77 картельщиков и 114 прядильщиков, т.е. почти от 400 цеховых рабочих, составлявших главное рабочее ядро суконной фабрики»⁴⁰⁶.

Гораздо большее значение имела челобитная ткачей П.Иванова, Б.Дмитриева, И.Н. Ускова, А.Иванова, А.Федорова, В.С. Козлова, И.Прокофьева и Ф.Степанова, поданная ими в Сенат в апреле месяце 1742 г. «Прошедшего марта 12 дня 1742 г. чрез происк его Дряблова, Казанская Губернская Канцелярия прислала к нам на тою фабрику горнодеров 6 человек для взятъя мастеровых людей из-за работы в помянутую канцелярию». Взятыми оказались С.П. Усков, Я.Г. Осланчеев, П.В. Криворотов, И.П. Мазраков, Ф.Т. Бочкарев и Г.А. Горчаков: последний недавно лишь приехал из Петербурга за деньгами, собранными «на пропитание» делегации и на «прочие расходы». Повидимому! этот сбор денег и вызвал арест шести рабочих. Арестованных с завязанными назад руками отвели в Губернскую Канцелярию, откуда их, «заклепав в глухие кандалы и не исследовав об их достоинстве и воздержании сторонними и той фабрики людьми», положившись «на его ложное, Дряблова, представление, повезли в отдаленные города в каторжную работу, а куды неизвестно». Среди рабочих началась паника, в результате которой «с помянутой фабрики бежало человек 40 и больше». Однако арестом шести человек дело не ограничилось. Часа три спустя после ареста указанных лиц, шестеро «горнодеров» снова появились и вошли, по словам челобитчиков, «в дома наши и к прочим мастеровым людям для иску показанных собираемых помянутым Горчаковым на пропитание с нас денег»; «горнодеры по обыску в домах у чуланов и сундуков отбивали замки, отчего учинилась немалая нам Обида». Но и это еще не все. «Да оной же Дряблов, захватя на фабрику жен наших, содержит в больших чепях безвинно, в том числе иные имеются и чреватые, и морит их голодом»⁴⁰⁷. Эта челобитная свидетельствует, что фабрикант не на шутку рассердился на рабочих и не упустил лишнего случая, чтобы нанести еще чувствительный удар рабочим. Он не только подверг аресту несколько человек для ссылки на каторгу, в чем ему с усердием помогала и содействовала губернская администрация, но руками тех же «горнодеров» он раскрыл сундуки и чуланы с барахлом рабочих и даже запер на фабрике в качестве заложниц жен рабочих, заковав и их в цепи, как крупных преступников. Издевательства Дряблова над своими подчиненными достигли своего апогея и наибольшей виртуозности. Видимо, информация его поверенного из Петербурга не внушала никаких надежд на столь же успешное «решение» дела суконщиков, как оно им было «подготовлено» в Губернской Канцелярии и Коммерц-Коллегии в 1737 и 1738 годах. «Фабрикант» продолжал неистовствовать, а рабочие продолжали настоятельно просить Сенат отрешить Дряб-

⁴⁰⁶ Дело. Л. 226.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 221–222.

лова от фабрики и передать ее купцу Пушникову, освободить от каторжных работ и вернуть на фабрику как бывших в каторге, так и беглых.

Со времени этой челобитной прошло еще чуть не полгода, обе тяжущиеся стороны успели еще подать по одной челобитной, которые мы рассмотрели несколько выше, и лишь 17 августа 1742 г. Сенат закончил рассмотрение дела и вынес свое решение. Это решение почти всецело было в пользу рабочих. С ним нам и нужно ознакомиться. Первый пункт устанавливает размер заработной платы и вытекающие отсюда последствия: «заработные деньги впредь до указа давать против того, как она была в казенном содержании при вице-губернаторе Кудрявцеве и потом при содержателе Микляеве беспрерывно и бесспорно им производилась, а именно: ткачам по 6 коп. с аршина, прядильщикам по 3 коп. с фунта, ибо она дача им по силе присланного к нему из Берг-Коллегии указа, а не собою от него была определена». Итак, рабочие добились своего: заработная плата им была повышена. Это повышение распространялось на все цехи фабрики и, что особенно важно, как и требовали рабочие, с 1736 г. В указе Сената читаем: «И для того, сколько против вышеписанной прежней в казенном той фабрики содержании заплаче им, Дряблову, у них, мастеровых людей удержано, справясь и исчисля сколько надлежит, то число взыскать с него в пять лет, исчисля по пропорции, и отдавать тем мастеровым людям безволочитно, а той фабрики мастеровым людям и работным людям объявить указ с подпискою, с крепким подтверждением, дабы они на той фабрике в работе были безленостно». Этот пункт во второй его части предопределяет гражданский иск, во-первых, и во-вторых, как мастеровым и работным людям повелевается быть в работе «безленостно», так и фабриканту – выплатить всю разницу «безволочитно» равными частями в течение ближайших пяти лет. В глазах рабочих зарвавшийся в своеволии фабрикант поставлен на свое место. Это создавало удовлетворение для суконщиков и отчасти вознаграждало их за понесенные лишения.

Второй пункт касается 100 рублей, которые Дряблов вычел с рабочих для уплаты пожилых денег помещику за его крепостного Горбуна: Сенат решил возратить эти деньги тем, «у кого оный вычет учинен» «доправя» их на Дряблове. Большое значение имел третий пункт; он гласил: «обретающихся при той суконной фабрике всякого звания мастеровых людей ему, Дряблову, содержать порядочно и ни в какие его, Дряблова, в партикулярные работы и поделки ему, Дряблову, кроме суконного дела отнюдь не употреблять, ибо оные для фабричных, а не его партикулярных дел ему даны». Получил разрешение и вопрос о вычетах за инструменты: «за старые и которые инструменты вовремя употребления при работах испортятся, вычету не чинить... и которые мастера с пьянства или каким своим непорядочным небрежием из тех инструментов что изломают, за то... чинить жестокое наказание, бить батожем», но все же штрафу не подвергать. Конечно, это не то, чего добивались рабочие. Если состояние опьянения можно определить совершенно безошибочно, то «небрежение» могло быть понято различно и рабочими, и предпринимателем, что

предоставляло все-таки последнему полный произвол, в оценке причин поломки инструментов; хотя штраф сенатским решением и отменен, но это могло обойтись значительно дороже рабочим, особенно при таком «содержателе» фабрики, каковым был Дряблов. Насколько много удовлетворял рабочих пункт о «партикулярных работах», настолько мало был удовлетворителен для них пункт о штрафах за инструменты. Но зато можно было вернуться обратно всем сосланным в каторжные работы. Указ Сената об этом говорит так: «разосланных в ссылки с той фабрики из Казанской губ., как в прежних, так и в нынешнем доношении объявленных мастеровых людей, по силе указа прошлого 1741 г. декабря 15 дня, свобода, отпустить в Казань и велеть им быть при той фабрике, также буде которые из тех же мастеровых людей сосланы по Тайной Канцелярии, а оные по силе вышеписанного же декабря 15 дня указу подлежат к свободе, то и тех по тому ж отпустить». Что же касается подлежащих ссылке в каторгу в будущем, «о том впредь представлять и указу требовать от Мануфактур-Коллегий, а ныне от Коммерц-Коллегии»⁴⁰⁸.

Штраф за угар шерсти Сенат предписал определять Коммерц-Коллегии, в силу «необходимости» произвести экспертизу при участии специалистов. Принимая во внимание крупную сумму денег, которую насчитали рабочие, надо признать, что и тут они рисковали или совсем не получить, или получить значительно меньше, а к тому же и позже. Сенат утвердил только одну сумму в 10400 рублей заработной платы; все же остальные денежные требования рабочих должны были идти на розыск и следствие.

В общем же, решение Сената удовлетворило рабочих в требованиях повысить заработную плату, не употреблять рабочих в посторонних работах и без указания не ссылать на каторгу. Это было большое завоевание суконщиков. Указ должен был облегчить положение рабочих на фабрике, и рабочие не высказывали никакого недовольства указом. Но мы все же должны заметить, что Сенат в своем решении опирался лишь на челобитную 1737 года и совершенно обошел молчанием челобитную рабочих 1741 г. Как будто и не было разговора о требовании рабочих убрать Дряблова или произвести следствие при посредстве новых лиц, а не подкупленных Дрябловым чиновников Губернской Канцелярии. Весь процесс, длившийся более 5 лет, свелся к вопросу об улучшении материального и правового положения рабочих. Сенат напомнил Дряблову забытые им указы и совершенно затушевал социальную сторону процесса, его классовую сущность. Полное отсутствие даже упоминания о забастовках или мучениях, которым Дряблов подвергал рабочих, полное замалчивание продажности Губернской администрации, а вместе с тем и решительных требований рабочих «отрешить» Дряблова от фабрики указывают нам, что Сенат, как классовое учреждение дворянско-купеческой России, прикрыл собою все меры борьбы предпринимателя-фабриканта с крепостными фабричными рабочими. Может быть, Сенат в своем решении был бы еще более скуп, если бы можно было надеяться, что рабочие не бросят работу, хотя бы подчиняясь насилию,

⁴⁰⁸ Дело. Л. 229–232.

но этой надежды не было, а пример был налицо: рабочие московской суконной фабрики Болотина в апреле 1742 г. объявили забастовку и бросили работу, протестуя этим против бездействия властей, защищавших фабрикантов⁴⁰⁹. Их примеру могли последовать и казанские суконщики, и фабрика опять остановилась бы на продолжительное время. А этого допускать было нельзя. Поставка сукна в казну и без того срывалась, расширять производство при постоянных волнениях рабочих было нельзя, оставался единственный выход: хоть частично удовлетворить рабочих, что Сенат и сделал, вынеся рассмотренное нами определение. И что важно, 17 августа частично были удовлетворены казанские суконщики, а 29 сентября – московские, и тоже частично. Боясь слишком крупного нарушения государственных интересов в области суконной промышленности, Сенат пошел на уступки рабочему классу, занятому в этой промышленности. Но надо было это решение Сената реализовать. Тут-то вот мы и увидим, насколько реальна была эта уступка и к чему она свелась.

IV.

Репрессии к рабочим и ликвидация тяжбы.

После решения Сената по делу суконщиков фабрики Дряблова от 17 августа потребовалось довольно большое количество времени, чтобы закончить все необходимые формальности и возвратиться в Казань как Родиону Иванову, так и его товарищам, которых с ним было в столице 12 человек⁴¹⁰. По крайней мере, о каких-либо событиях на фабрике до ноября месяца документы совершенно умалчивают. А по «доношению» Казанской Губ. Канцелярии от 23 января 1743 г. в Сенат мы узнаем, что произошло на фабрике в ноябре-декабре и январе. В Губ. Канцелярию за это время поступило девять бумаг, содержание которых «доношение» хотя и бессистемно, но очень тщательно пересказывает⁴¹¹.

В доношении 14 ноября Дряблов жаловался на рабочих фабрики и обвинял их в «непослушании», «в пьянстве и противностях». Эти «пороки» выявились, вполне очевидно, в результате информации, сделанной Ивановым после возвращения из Петербурга. Р.Иванов на допросе в Канцелярии, куда он был немедленно вызван, отрицал все обвинения от начала до конца, подчеркивая, что «они противностей никаких не чинят; а завсегда его слушают». Конечно, Дряблов преувеличил «противности», а Иванов преувеличил «послушание» рабочих, т.к. последние не могли скрыть перед фабрикантом своего удовлетворения исходом процесса, в котором Дряблов рисовался им пока еще сильно посрамленным. В дальнейшем эта жалоба не имела никаких последствий, т.к.

⁴⁰⁹ Семевский В.И. Крест. в царств. Екатерины II. Т. 1. С. 557–558.

⁴¹⁰ Иван Усков, Андрей Калинин, Борис Сыромятников, Петр Бабенышев, Андрей Сорокин, Василий Никитин, Андрей Цыплевин, Иван Шишкин, Федор Степанов, Василий Козлов, Петр Ежов и Федор Старший (Дело. Л. 238).

⁴¹¹ Дело. Л. 248–252.

предстояло более серьезное «дело» – определить сумму гражданского иска рабочих к Дряблову.

1 декабря 1742 г. поступило сразу две бумаги, одна от Дряблова, в которой показано, «что у прядильщиков и ткачей удержано им, Дрябловым, с 736 г. декабря с 13 числа 742 г. мая по 12 число по переделом 6624 руб. 60 коп.», а другая «от работных людей» Михаила Масленникова «с товарищи 48 человек» на Родиона Иванова «во взятии у них насильством в ходатайство за делом подмоги по 30 коп. с человека». Совершенно неизвестно, почему Дряблов высчитал лишь по 12 мая всю недодачу в заработной плате; конечно, нельзя предполагать, что с 12 мая он стал выплачивать столько, сколько рабочие получали при Микляеве, т.к. к этому времени решения Сената еще не состоялось. Ясно, что он вывел сумму совершенно произвольно. Но зато из среды работных людей кое-как сколотил группу против Р.Иванова, уговорив ее подать заявление, следствием которого могло быть лишение свободы Р.Иванова и его товарищей за «насилиство» и вымогательство. Удалить их не только с фабрики, но и от всех работных людей было для Дряблова искренним желанием, т.к. по возвращении из Петербурга они пользовались громадным уважением рабочих и были во главе организации всех дальнейших выступлений против фабриканта. Но эта группа «дростейберов», как названы в «доношении» Масленников и его товарищи, не представляла собою единого целого; особенно это обнаружилось после подачи ими заявления на Иванова, когда они подверглись осуждению со стороны большинства рабочей массы: по крайней мере, уже 10 декабря Степан Пискунов «с товарищами 36 человек» в Губернскую Канцелярию «доношением же объявили, что они на показанного поверенного Родиона Иванова в челобитье с ним, Масленниковым, в согласии не были». Масленников, хотя и продолжал настаивать на своем, но уже безрезультатно, т.к. заявление 36-ти выбило почву из-под его ног. А вместе с тем и попытка Дряблова убрать с дороги Р.Иванова не только не удалась, но и выявила его личную причастность в этом предприятии. Причиной столь нетерпимого отношения Дряблова к Иванову было то, что последний 3 декабря подал от «мастеровых и работных людей» ведомость в Канцелярию, в которой сумма иска к Дряблову была показана в 15584 руб. Заявлением 36-ти Р.Иванов воспользовался и в отношениях с Губ. Канцелярией: 15 декабря он подал туда доношение, в котором требовал привлечения к ответственности Масленникова «за ложное его челобитье», допущения к работам на фабрике «гулящих мастеровых людей и чтоб им сукна ткать по фанакиревым образцам, о которых он, Дряблов, им по силе указу не объявляет, и о протчем требовал указу».

В ответ на все обращения, поступившие от рабочих и Дряблова, Губ. Канцелярия решила сама принять участие в фабричных делах, во-первых, производством розыска, о неповиновении рабочих, а во-вторых, составлением ведомости задолженности Дряблова. Исполнителем этого был назначен известный нам майор Горин, который и занялся этим делом в первой половине января 1743 г. О результатах работ этого «следователя» Губернская Канцелярия сообщала в Сенат так: «А посланный для следствия на ту фабри-

ку майор Горин ведомостью показал, что-де с записных Дряблова книг и с поданных А.Яковлева ведомостей прядильщикам и ткачам добавить надлежало 6614 руб. 71 коп.; а генваря 10 дня 743 г. Родион Иванов и Петр Бабенышев с товарищи при том следствии сказкою показали, что вышеписанная учиненная при следственных делах о удержанных Дрябловым у них, мастеровых и работных людей, заработных денег ведомость учинена во всякой верности и исправности и тою ведомость они, суконщики, Родион Иванов с товарищи, ничем не порочат, в чем под тою ведомостью и подписались». В ведомости, поданной Ивановым 3 декабря, «имеет быть излишество», т.к. в ней не вычтен угар и «обстоятельную им ведомость учинить было не из чего, понеже особливых у них записных книг не имеется». Кроме того, «оной майор Горин из следствия подал экстракт, в котором о противностях оных суконщиков значит именно, да притом же объявил беглого суконщика Ив. Шляпникова».

Следствие со всей очевидностью выявило, что фабрикант должен выплатить рабочим даже меньше, чем сосчитал сам Дряблов. Лучшего следователя Дряблов и ожидать не мог. Но главный эффект следствия заключался не в этом, а в том, что Род. Иванов опорочил ведомость на 15584 рубля и, что важно, вместе со своими товарищами расписался в этом. Иванов предал интересы рабочих; он отступил перед грозным следователем Горинным. И губернское начальство не без чувства самодовольства отрапортовало бы в Сенат об этом ренегатстве Р.Иванова, а потом, заковав в кандалы за прежние ложные показания, сослало бы еле живого после плетей в каторжные работы, если бы не случилось так, как сообщали бумаги от Дряблова и из гарнизонной канцелярии от 17 января. Последняя доношением извещала губернатора, что «Родион Иванов, Петр Бабенышев и Иван Шишкин генваря против 12 числа из Казани съехали».

Несколько подробнее описывал это Дряблов: «Суконщики Р.Иванов, П.Бабенышев, И.Шишкин, И.Никитин, Ф.Наумов, Б.Сыромятников, Ф.Козлов, А.Сорокин, А.Цыпляха, А.Калинников, Ф.Надежин, которых он (Дряблов) на фабрику его к делу принуждал, как прежде, так и ныне огурством своим не работают, шатаются праздно и пьянствуют, да наперед они работать не хотят; а ныне уведомился он (Дряблов), что Р.Иванов, взяв с собою из оных челобитчиков П.Бабенышева, И.Шишкина, и, не дождався по тому делу следствия, из Казани неведомо куды бежали». Дряблов просил, «чтоб поведено было об оном писать в Прав. Сенат, а означенных суконщиков, приехавших с ним обще из Москвы и шатающихся праздно, Ив. Никитина с товарищи, в Казанской Губ. Канцелярии сыскать и до указу, чтоб они из Казани такими же меры не сбежали, держать под караулом». Итак, фабрикант «принуждал» работать челобитчиков, а они «огурством своим» не слушались его. Конечно, это «понууждение» должным образом исполнялось тем же следователем Горинным, но все же цели не достигало.

Вполне понятно, что челобитчики сбежали не от позора за свое «предательство» интересов рабочих свирепому Горину. 23 марта 1743 года они подали в Сенат челобитную, в которой просили: 1) предписать Губернской Канце-

лярии взыскать с Дряблова без всякого промедления все 15584 рубля, 2) слить образцы сукон с продукцией фабрики, которая стала еще хуже вырабатывать сукна, 3) «отрешить» от фабрики и Дряблова, и ненавистного им А.Яковлева, 4) фабрику ведать в Адмиралтейской конторе и пр.⁴¹²

Но и Дряблов на этот раз не сидел сложа руки. Он прекрасно знал, куда и почему сбежали «челобитчики». Очень быстро вдогонку им отправил Дряблов своих поверенных, одного в Петербург, другого в Москву, для подачи челобитной. В апреле в Сенате была уже и его челобитная⁴¹³, которая вместе с челобитной Иванова скоро попала и к слушанию. Петербургский ходатай Дряблова А.Усков просил, «чтоб повелено было исследовать» всякие «непотребства и пьянство» тех рабочих, которые возвратились из ссылки, «и пока то следствие происходит будет, тех вычетных денег с хозяина его не взыскивать», а работников, из ссылки возвращенных, «на тое фабрику не определять, да и впредь кои хозяину его из находящихся ныне при фабрике для непотребств будут ненадобны, определять, куда в другие службы будут годны».

Сенат и на этот раз решил «о невзыскании с него, Дряблова, за вычетные без указа у мастеровых людей деньги отказать, а для удовлетворения обеих сторон по всем прочим в челобитных вопросам «для порядочного той его фабрики содержания рассмотрение и надлежащее определение учинить Мануфактур-Коллегии»⁴¹⁴. Таким образом, Дряблов не мог задерживать выплату денег рабочим, а Мануфактур-Коллегия должна была произвести следствие о фабричном производстве. Как будто, это определение опять-таки отчасти отвечало на челобитную рабочих, а не Дряблова. Последний как будто снова потерпел фиаско. Но дело обернулось совсем иначе.

Сенатский указ Мануфактур-Коллегии опять-таки очень быстро попал в Москву и, подкрепленный челобитьем поверенного Дряблова, скоро получил разрешение и частичное исполнение. В августовской челобитной 743 г. в Сенат Родион Иванов изображает это таким образом: «Оная Мануфактур-Коллегия... не учиня никакого надлежащего следствия и в небытность нашей стороны в Москве для ходатайства и обличения его, Дряблова, явной вины никого, приняла от другого его ж фабриката поверенного Васьки Чурашева ложную ж и ябедническую челобитную, что якобы за непослушанием, за пьянство и за протчими будто непотребствы при фабрике быть не надобны, скробольщиков 6, картельщиков 5, прядильщиков 20, ткачей 20, итого 51 человек», а вместо них на фабрику «повелено б де было набрать с вольными пашпортами толикое ж число других». После бегства из Казани Р.Иванова Дряблов решил окончательно разделаться с наиболее видными и неподатливыми рабочими. А.В. Чурашев, видимо, «удачно» действовал в Москве, только Мануфактур-Коллегия уже в апреле месяце вполне удовлетворила по челобитной Дряблова, не вызвав даже представителя другой стороны, что было обыкновенно в порядке вещей.

⁴¹² Дело. Л. 253–256.

⁴¹³ Дело. Л. 258–263.

⁴¹⁴ Там же. Л. 332–333.

Казанская Губ. Канцелярия получила указ: «годных (из 51 рабочего) определить в солдаты», остальных «в тамошние казенные службы, куда и каким кто будет способен» и «ссылочных на фабрику не определять». Но и это еще не все: по резолюции Мануфактур-Коллегий от 10 апреля 1743 г. «зелено московских суконных фабрик фабрикантов призвав, взять у них известие, что мы, мастеровые люди, на фабрики их ненадобны», и «оное тою Мануфактур-Коллегиею чинено по происку того Дряблова и поверенных от него»⁴¹⁵.

Если в Коллегии Дряблов прибегал к «проискам», связанным с подкупам коллегских чиновников, то в Казани Губернская Канцелярия и без этого готова была моментально выполнить указ Коллегии. Про действия Казанской администрации Р.Иванов пишет: «захватя тех имеющихся на фабрике мастеровых людей, которые в вышеписанном неправом прошении показаны, в тюрьме держит под жестоким арестом, угрожая мучительными побоями и разными ссылками». Все эти кары посыпались на суконщиков, как снег на голову, остановить их не было никакой физической возможности, т.к. они были чрезвычайно неожиданны. Этот выпад и «происк» Дряблова в коллегиях произвели гнетущее впечатление и отразились неблагоприятно на дальнейшем ходе дела суконщиков, поскольку оно должно было пройти новое расследование в Мануфактур-Коллегии, которая действовала так же, как в свое время Коммерц-Коллегия, если не хуже.

Р.Иванов узнал об этой проделке Дряблова и его поверенных довольно поздно, тогда, когда из Мануфактур-Коллегий указ дошел до Казани и когда там произведены были аресты суконщиков. Пытался он жаловаться на Коллегию в Кабинет, опираясь на Сенатский указ, но безуспешно; хотя Кабинет и запросил из Сената «экстракт»⁴¹⁶, но не дал ему надлежащего хода. Напрасно Иванов снова изложил в челобитной, адресованной на высочайшее имя, в августе 1743 г. все московские плутни поверенных Дряблова и жаловался на него за неплатеж 14305 руб., из которых рабочим не удалось получить ни одной копейки, Дряблов ограничился только первым взносом в 1375 руб.; напрасно он сообщал о бедственном положении вернувшихся из ссылки рабочих, т.к. их не

⁴¹⁵ Дело. Л. 334–335.

⁴¹⁶ 2 июня барон И.А. Черкасов получил от кн. Трубецкого такое письмо: «Государь мой Иван Антонович, присланным за рукою Вашею Государя моего в Прав. Сенат требованием объявлено, что е. и. в. указала из дела Казанской фабрики содержателя А.Дряблова с суконными мастерами и работниками той его фабрики экстракт, по которому то дело в Сенате решено для собственного е. и. в. рассмотрения взять в Кабинет, о чем и в высочайшее е. и. в. минувшего мая 21 числа присутствие е. и. в. всемилостивейше повелеть соизволила ж, и по тому е. и. в. высочайшему указу требуемой экстракт и с решительным по оному Прав. Сената резолюции копию при сем посылая с моим почтением остаюся Вашего превосходительства послушный слуга князь Трубецкой» (Дело. Л. 274).

берут на фабрику, руководствуясь указом Мануфактур-Коллегий⁴¹⁷ – ни в одной инстанции не было никакого движения делу. Но рабочий депутат неутомим. В декабре он снова подает челобитную в Кабинет, указывая в ней, что Сенат и Кабинет еще не успели взять к себе решение Мануфактур-Коллегий, а в Казани из 51 человека 13 отослано уже в солдаты «в дальние города», а прочих собираются отправить в каторжные работы. Из них-то именно 10 человек⁴¹⁸, «видя такие напрасные разорения и великий страх, к тому же и от домов своих отлучение, принуждены притить для прошения о том милостивого решения в Петербург, где и поныне обретаются без всякого пропитания и страждут между двор». Но и эта челобитная не возымела никакого действия; в бумагах нет никаких указаний и на судьбу убежавших из-под ареста суконщиков, ни Кабинет, ни Сенат и словом не обмолвились об этом «происшествии». Проходит еще девять месяцев, а делу все нет ходу. Между тем, Р.Иванов живет в столице и ждет. Чтобы совсем дело не затерялось из глаз чиновников, Иванов подает новую челобитную, хотя и со старыми просьбами. Он настаивает на выплате 14305 руб., на возвращении из солдатской службы и с каторги суконщиков и на определении их снова к работе; наконец, он просит послать на фабрику ревизию из офицеров, чтобы она определила качество сукна, поставляемого Дрябловым в казну, и изъять суконщиков из ведомства Губернской Канцелярии, отдав их «ведать судом и смотрением» Адмиралтейской Коллегии советнику Баранчеву. Но все эти пункты он обосновал уже, не злокозненным отношением Дряблова к суконщикам, а характеристикой злостной порчи сукна при самой выделке его, чем Дряблов, гоняясь за барышом, наносит громадный вред государству. Виновна в этом и Мануфактур-Коллегия, которая ничего не сделала для исполнения сенатской директивы. Ей было велено «исследовать и о сукнах, и о протчем его, Дряблова, о том ложном показании и представить со мнением Прав. Сенату»; однако «попоровкою», к нему, Дряблову, она никакого исполнения не учинила, да и о тех сукнах, которых наделано самых негодных и из худых шерстей и самым тонким, а не голландским утком, не против образцов, она ж коллегия и поныне не следует». А Дряблов этой «попоровкой» прекрасно пользуется: «таких негодных сукон у него, Дряблова, в наличестве и многое число, токмо оные всегда негодны и худы, а в шитье мундира и в носке бывают гнилые, которых с великой нуждою может год проносить. И тем оной Дряблов наносит немалой государственной убыток». Дряблов совсем уронил предприятие, а не только не привел его «в размножение», «с 1737 г. и по ныне опустошается и которые при оной фабрике были наизнатливых старинных мастеров, и те

⁴¹⁷ «Из возвратившихся [из ссылки] ныне тех мастеровых людей четыре человека и поныне живут праздны, и без фабричной работы находятся, и скитаются тамо, в Казани, меж двор без всякого пропитания» (Дело. Л. 335).

⁴¹⁸ Петр Иванов, Ив. Шишкин, Василий Козлов, Андрей Калинин, Иван Усков, Степан Пискун, Федор Наумов, Алексей Петров, Григорий Авдеев и Алексей Федоров (Дело. Л. 336–337).

все по его, Дряблова, злобе отрешены и раззорены»⁴¹⁹. Одним словом, Р.Иванов решился на все средства, чтобы только сдвинуть воз с места. В этой челобитной хотя и мало не отвечающего действительности, но много такого, что не может быть инкриминировано Дряблову при условии всяких «поноровок». Фабрика работала, сукна проходили через благоприятствующих Дряблову экспертов, прежде чем добраться до солдатских плеч, а что на фабрике были мастера хуже, об этом мало было заботы правительству. Но Иванов указанием на государственный убыток, видимо, все же пронял тугих на ухо бюрократов. На этот раз заговорил и сам Кабинет ее величества.

8 января 1745 г. Казанский губернатор получил указ «о учинении свидетельства с прошлого 724-го по 737 год, по сколько мастера и ученики сукна аршин в сутки вырабатывали, какой ширины и доброты и шерсть в пряденье как в которое время тонка и толста употреблялась». Указ предписывал исследовать и сукна, тканые по «фонъанкерovým» образцам с 1737 г., сколько их ткали в день и каковы они были по сравнению с прежними. Наконец, должно быть представлено и заключение о сукнах, поставляемых в настоящее время: «как те образцы оставлены, с того времени по ныне поскольку ж в сутки вырабатывают аршин и какой же ширины и добротой против которых образцов»⁴²⁰. Таким образом, при благоприятных обстоятельствах Р.Иванов мог бы добиться своего. Но в действительности эта экспертиза, порученная подполковнику Туркелю и проведенная при ближайшем участии Мануфактур-Коллегии, существенного ничего не дала. Произошла она в первой половине июня 1745 г. путем опроса суконщиков и испытательных работ на 17 станках. Результат в итоге получился таков: при Кудрявцеве в сутки ткали до 4 аршин в день, по «фонъанкерovým» образцам от 5 до 8 аршин, шерсти на них шло с излишеством и были эти сукна значительно толще, а по отставке этих образцов и ныне «лучшие мастера в сутки сукна выткать более 4 аршин не могут», шерсть на них употребляется «лучше бракованная и тонее», так что качество сукна тоже выше, сукна вышли «равны добротой опробованным в 1732 г.» Это заключение в весьма пространном изложении Казанской Губернской Канцелярии и было послано в Кабинет 18 июня 1745 г.⁴²¹

⁴¹⁹ «За потачкою Мануфактур-Коллегий нас, низайших, разоряет, что и дворы у оставших жен наших под неволею к продаже за самую малую цену себе принуждает и из дворов их наглостью своею вон выгнал и с малолетними детьми нашими, которые принуждены скитаться меж двор, и от фабричной работы безвинно отрешил, отчего пришло таскаться по миру; и которой имелся в тех наших дворах скарбишко, – весь распропал» (Дело. Л. 338–340).

⁴²⁰ Дело. Л. 344–534.

⁴²¹ «Там же. Л. 345–347. Для анализа этой экспертизы: приводим «реестр, по сколько мастера во время запечатанных станков через три дня порознь на всякий день сам друг выткали».

«5 июня. Ем. Григорьев 9 вершков, Мих. Сорокин 1 аршин 12 вершков, Ив. Костентинов 3 арш., Илья Прокофьев 2 а. 4 в., А.Матросов 1 а. 12 в., Сид. Григорьев 2 а.

В общем заключение экспертизы было благоприятным для Дряблова. Но это только в том случае, когда мы ограничимся единственно словесною частью «доношения» Канцелярии. Если же мы рассмотрим внимательнее данные реестра о дневной производительности рабочих на «запечатанных» станках во время экспертизы, то должны признать вполне справедливыми замечания Родиона Иванова о понижении квалификации мастеров-ткачей. Действительно, в первый день больше Михайлова никто не смог выработать, а он дал только 3 арш. 6 верш. Во второй день работа шла удачнее, чем в первый, но от 4 до 4¹/₄ дали только четверо мастеров, 6 человек наткали 3¹/₂–4 арш., а всех работало 16 человек. Третий день дал некоторое снижение по сравнению со вторым и преимущественно – с первым днем. Одним словом, качество рабочей силы стало ниже, ко власти на это не обратили внимания. Ни подполковник Туркель, ни Мануфактур-Коллегия не хотели производить и экспертизу, и анализ сукон по-настоящему, а в результате Дряблов продолжал свою прежнюю политику, а суконщики-челобитчики остались ни с чем. Процесс этой экспертизой был закончен, делопроизводство по нему отложили подале, а Р.Иванов все еще жил в Петербурге и только с В.Козловым и И.П. Шишкиным, а остальные 9 человек потерялись из виду. Попытка Иванова снова поднять это дело новой челобитной, поданной им в Кабинет в июне 1748 года» никакого успеха не имела; ее только приняли, а хода никакого не дали, хотя в ней Иванов просил содействия в получении с Дряблова тех денег, которые утвердил к уплате Сенат в 1742 г.⁴²²

Изложенное ясно указывает нам, что Дряблов победил своих рабочих. Которые были разосланы в ссылку и в солдаты, те так и продолжали пребывать там, исключая бежавших; на фабрику же прибывали новые кадры рабочих; никаких волнений источники уже не отмечают. Не вызвала волнений и полное закрепощение 72 рабочих, за которых Дряблов уплатил 1440 рублей в 1755 году и на которых получил владенную запись⁴²³. Посадский приводит предания по этому поводу такого содержания: «Старики наши в гробах перевернулись,

4 в., Евг. Васильев 2 а. 12 в., Ив. Алексеев 1а. 8 в., Ст. Михайлов 3 а. 6 в., Петр Родионов 3 а. 1 в., Дм. Булгаков 1 а. 12 в., Григ. Устинов 2 а. 4 в., Ем. Федоров 2 а. 4 в.

6 июня. Ем. Григорьев 3 а. 8 в., Мих. Сорокин 3 а. 6 в., Ив. Костянтинов 4 а. 2 в. Ф.Пирожников 2 а. 6 в., Илья Прокофьев 4 а. 4 в., Андрей Матросов 12 а. 12 в., Сид. Григорьев 3 а. 12 в.» Евг. Васильев 3 а. 15 в., Ив. Алексеев 3 а. 12 в., Ст. Тихонов 4 а. 4 в. П.Родионов 3 а. 8 в., Дм. Булгаков 3 а. 2 в., Ник. Ефимов 4 арш. Гр. Пирожников, 2 а. 8 в., Ив. Фомин 2 а. 6 в., Гр. Устинов 3 а. 10 в., Ем. Федоров 3 а. 12 в.

7 июня. Ем. Григорьев 3 а. 8 в., Мих. Сорокин 3 а. 2 в., Ив. Костянтинов 4 а. 4 в., Ф.Пирожников 3 а. 2 в., Илья Прокофьев 3 а. 2 в., Андрей Матросов 3 арш., Сид. Григорьев 3 а. 10 в., Е.Васильев 3 а. 10 в., Ив. Алексеев 4 арш., Степ. Тихонов 4 арш., Петр Родионов 3 а. 10 в., Дм. Булгаков 3 а. 6 в., Никита Ефимов 3 а. 10 в., Григ. Пирожников 3 а. 12 в., Ив. Фомин 3 а. 2 в., Г.Устинов 3 а. 6 в., Ем. Федоров 4 а. 2 в. (Дело. Л. 348–349).

⁴²² Дело. Л. 352

⁴²³ Семевский В.И. Крестьяне... Т. 1. С. 456.

земля была неточным: голосом, ночью колокол у Сошествия стонал». Далее автор от себя уже замечает: «скоро однако-ж столбняк прошел, суконщики пришли в себя... Временами возникали кровавые демонстрации, но не привели к добру: это были горячие вспышки небольшой горстки смельчаков, и правительству удавалось без лишнего труда усмирять их посредством кнута и палок⁴²⁴. Исторических документов, подтверждающих эти сведения, до сих пор еще не обнаружено.

В.И. Семевский писал, что когда дело суконщиков находилось в Кабинете, то «о нем совершенно забыли»⁴²⁵. Это неверно. Его не забыли, а решили забыть, т.к. в противном случае слишком был бы шокирован в глазах рабочих, отчасти и крепостных, «коммерции советник» и поставщик на казну фабрикант Дряблов, да вдобавок к этому еще и поплатился бы десятком тысяч рублей. Доказательством этому служит дальнейшая история «забытого» дела суконщиков.

А история эта получила свое продолжение по совершенно случайному поводу. В октябре месяце 1768 года ткач И.Г. Шишкин хлопотал об освобождении его от подушного налога по дер. Вараксиной, Царевококшайского округа, куда он был приписан во 2-ю и 3-ю ревизию. Между тем проживал он безвыездно в Петербурге в качестве ходатая «от казанской суконной слободы», т.к. с него взята была в свое время (в 1752 г.) подписка о невыезде Мануфактур-Коллегией до решения дела. В это время в столице он был единственным представителем рабочих: неизвестно, куда делся Р.Иванов, а В.Козлов в 1755 году в Петербурге же и скончался. Из челобитной с очевидностью явствует, что Шишкин продолжал получать от суконщиков средства на пропитание. Вместе с тем Шишкин просил, если нельзя будет освободить его от налога, отправить его в дер. Вараксину, чтобы он был в состоянии взяться там за работу. Челобитная была доложена Екатерине II, которая 7 августа 1769 г. определила: «отослать в Сенат с тем, чтобы дело по справедливости было рассмотрено». Смена лиц в Кабинете за истекшие 20 лет оказала влияние на новый пересмотр дела, т.к. главным виновником оказалась Мануфактур-Коллегия, может быть, совершенно случайно и по халатности только удержавшая Шишкина в столице. Но так или иначе, а с Шишкина с 14 октября 1769 г. снова была взята подписка о невыезде на этот раз уже Сенатом, т.к. все дело суконщиков с Дрябловым должно было пересматриваться⁴²⁶. К сожалению, нет никаких отзвуков об этом моменте от казанских суконщиков; по всей вероятности, эта вспышка не открыла в них никакой надежды на счастливый исход; лучшие времена в истории этого процесса и то оставили одну горечь разочарования. Так же вышло и на этот раз; Новое разбирательство снова затянулось, а начавшееся пугачев-

⁴²⁴ [Посадский Я. Как добились себе воли казанские суконщики (из рассказов стариков)] // Первый шаг. [Провинциальный литературный сборник. Казань, 1876]. С. 421.

⁴²⁵ Семевский В.И. Крестьяне... Т. 1. С. 465.

⁴²⁶ Дело. Л. 354–366.

ское движение выдвинуло и новые заботы для правительства. Дело суконщиков должно было подождать окончания Пугачевщины, а последняя суконщиков, наоборот, выдвинула заявить о себе погромче, чем это можно было в сенатских и кабинетских апартаментах.

Посадский, писавший о суконщиках по воспоминаниям старожилов, а за ним и Семевский категорически утверждают непричастность рабочих фабрики Дряблова к Пугачевскому движению на основании рассказа 90-летнего старика-суконщика, родившегося в 1776 году и слышавшего, может быть, от современников об этом. «Перед нашествием Пугачева на Казань обуянное страхом фабричное начальство, боясь мести и бунта своих мастеровых, задобривало их многими обещаниями, наградами и даже «волей», если они останутся спокойны и помогут спровадить из Казани вора Емельку. Были прекращены все работы на фабрике и производилась от владельца ее каждодневная даровая выдача вина и калачей как в самой фабрике, так и в Горлове кабаке. Суконщики поддались и остались спокойными»⁴²⁷. Конечно, всякое добросовестно записанное предание может служить основанием для известного утверждения, но только в том случае, когда оно подтверждается и историческими документами. Между тем этого не наблюдается. Известные источники не указывают на прямое участие суконщиков в Пугачевщине, но в то же время нет утверждений и об их верности правительству. Это – одно. Вторых, нельзя доверять полностью и этому рассказу, особенно относительно мотивировки выдачи вина и калачей. Если даже и выдавали вино и калачи, что тоже весьма сомнительно, то оправдывали это чем-нибудь другим. Что начальство боялось измены суконщиков, это вполне естественно, но что оно проявляло свою боязнь, задабривая вином и калачами, это едва ли так. Выдачи эти могли быть на работах по укреплении г. Казани, но таковые были не в таком масштабе, чтобы на них надо было собирать все трудоспособное население. Местами кое-что и было сделано, но самое уязвимое место – Суконная слобода – «было предоставлено собственному защищению», как выразился один из современников – Платон Любарский⁴²⁸. Агитация среди суконщиков велась, и весьма усиленная, но в такие формы она вылиться не могла. Из всего этого остается верным только одно: начальство боялось измены суконщиков. И действительно, отряды Пугачева в город попали прежде всего через Суконную слободу, которую суконщики в числе других войск защищали, как читаем у Пушкина, вооруженные рычагами, копьями и саблями. По свидетельству того же П. Любарского, в Суконной слободе Пугачев встретил лишь «некоторое» сопротивление, пока не разорвало пушку, а разорвало ее после первого выстрела. Конечно, и тут нет прямых указаний на измену суконщиков, хотя в сентенции и было на это указано, но нет прямых утверждений и о

⁴²⁷ [Посадский Я. Как добились себе воли казанские суконщики (из рассказов стариков)] // Первый шаг. Провинциальный [литературный] сборн[ик]. [Казань], 1876. С. 422. Прим.

⁴²⁸ Сочинения А.С. Пушкина. М.: Изд. Академии Наук, 1914. Т. 11. С. 456.

том, что суконщики оборонялись и дрались с войсками Пугачева. Но когда прорыв линии был сделан, то, конечно, суконщики первыми, хотя бы и не все, присоединились к пугачевцам. Следствие могло этого и не открыть, но факт подтверждается еще и тем, что из числа мастеровых и работных людей суконной фабрики убиты только 5 человек⁴²⁹, что при стойкости и верности суконщиков правительству было бы сильно увеличено. Несомненно, что была группа среди мастеров, которая шла против рабочей массы и была предана предпринимателю, которая агитировала за верность правительству, но она-то и поплатилась своими головами, когда Пугачев овладел посадом. Кроме того, Дубровин, изучавший Пугачевщину по следственному делу и другим источникам, определенно указывает, что «многие солдаты и жители перешли на сторону самозванца и вместе с пришедшей толпой предалась грабежу»⁴³⁰; несомненно, что этими жителями оказались суконщики. Наконец, мы имеем давно известное сообщение, которое гласит: «Сей генерал [П.И. Потемкин], собрав сколько тамо случилось войск, пошел злодею навстречу; но злодеи, видя свою в поле неудачу против верных е. и. в. войск, нашли способ сквозь линии суконщиков, изменою их, прорваться в предместье с Арского поля, и жительство зажечь»⁴³¹. Все эти, хотя и косвенные данные довольно определенно указывают, что суконщики присоединились к Пугачеву. Начальство не могло указать на измену суконщиков, т.к. оно раньше их попряталось в Кремль, а подсудимые очень тактично их не выдавали. Впоследствии же с тем большей строгостью работных людей не щадили при всяком удобном случае, чем больше они таили в себе злобу к фабриканту. И, конечно, не без связи с активным участием суконщиков на стороне Пугачева в 1775 году 25 июня состоялось решение Сената по иску суконщиков к Дряблову. Приводим его в наиболее существенной части.

«Сенат не может согласиться с сенатским определением, учиненным в 742 году июня 24 дня, чтоб тем мастеровым людям заработные деньги производились противу того, как из казны производились, а рассуждает, чтоб за все то время, в которое на оной фабрике сукна деланы по фонакерovým образцам, сколько оного по верному исчислению выйдет, довольствоваться им тою платою, которая от фабриканта Дряблова назначена была, для того наиболее, что они за тогдашние их труды по особливому подспорью в работе получали в день не с уменьшением, но с немалым превосходством противу первой из казны и от фабриканта Микляева выдачи. Поелику же Сенат ко отмене сенатского решения собою приступить не может, то и предаёт оное во всевысочайшее е. и. в. соизволение».

⁴²⁹ Из «описания происхождения дел и сокращения злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачева» (Пушкин А.С. Сочинения. Т. 11. С. 239).

⁴³⁰ Пушкин А.С. Сочинения. Т. 11. С. 172.

⁴³¹ Дубровин [Н.Ф.] Пугачев и его сообщники. [СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1884]. Т. 3. С. 89.

Приведенная первая часть указывает, что иск суконщиков к Дряблову Сенатом отвергнут совершенно, а т.к. это противоречило сенатскому же решению 1742 года, то в 1775 году, когда Пугачевщина была почти совсем раздавлена, особенно рабочая Пугачевщина, можно стало отменить и самое сенатское решение, лишь послав это на доклад императрице. Вот тот конец процесса, который для В.И. Семевского остался неизвестен. Иск суконщиков, который тянулся почти 40 лет, вызвавший и забастовки, и ссылки в каторгу, не говоря уже о телесных наказаниях и материальных лишениях, будучи удовлетворен принципиально, но «для пользы государства» был ликвидирован без всяких, последствий для рабочих, когда эта «польза государства» была обеспечена штыками и виселицами пугачевцев во всем Поволжье и Приуралье.

Но столь беззастенчивое решение дела суконщиков было прикрыто и благими пожеланиями, которые были выражены во второй части определения. «А как по делу видно, что фонакерovy образцы давно уже оставлены, то не угодно ли будет е. и. в. повелеть, чтоб Мануфактур-Коллегия, в ведомстве коей все такие фабрики состоят, применяясь состоянию и заведенным на прочих суконных фабриках учреждениям, рассмотрела и сходственное с изданными узаконениями положение учинила, во-первых о том, поскольку теперь на вышеобъявленной фабрике заработных денег производить должно; во-вторых, следует ли или нет у мастеровых людей вычитать за испорченные ими инструменты, и буде следует, то по скольку, в-третьих, подлинно-ли Дрябловым по показанию мастеровых негодная шерсть на фабрику покупана была и не чинено-ли с них за оную напрасного вычета, и ежели оной; был, тоб и в сем случае надлежащее поправление и удовольствие сделала; не меньше же того четвертое: наблюдала бы и пеклась о том, чтоб как мастеровые во всегдашнем послушании к работе находились, так и им ни от кого напрасного притеснения и излишних налогов чинено не было, и чтоб они, кроме настоящих работ, в другие содержателиевы партикулярные работы отнюдь не употреблялись, на что и просить е. и. в. указа»⁴³². Многие из этого давно уже предписывалось Мануфактур-Коллегии, но ею не исполнялось. Так и на этот раз вся эта программа служила лишь декорацией, за которой прятался акт аннулирования Сенатом сенатского же определения и указа по делу суконщиков. А что это действительно так – свидетельством служит то, что на доклад императрице это определение Сената попало лишь через полгода, в январе 1776 г., и с особым оттенением бунтарского поведения суконщиков за долгие годы их тяжбы⁴³³. Утверждение этого определения, конечно, не встретило никаких препятствий. В итоге и Сенат занял ту же позицию в тяжбе суконщиков с своим фабрикантом, на которой вынесено было решение и Губернской Канцелярией, и Коммерц-Коллегией.

Все изложенное вносит существенные дополнения в историю рабочего движения в России в XVIII веке. Две забастовки, имевшие место на Казанской

⁴³² Дело. Л. 420–421.

⁴³³ Там же. Л. 422–427.

суконной фабрике Дряблова и проведенные в полном контакте с суконщиками Московской Болотинской фабрики, выдвигают на видное место в истории рабочего движения и Казанское Поволжье. Организационная сторона в борьбе против фабриканта у посессионных рабочих достигает высокой степени совершенства для того времени. Благодаря крепкой спайке рабочих около инициативного ядра, все движение суконщиков вырастает из узких рамок экономической борьбы в социально-политическую. Рабочие не проявили знания и требования новых форм производственных организаций, но они смело выступили против своих классовых врагов – фабриканта Дряблова и дворянской бюрократии, требуя хотя бы самого малого, доступного их пониманию: удаления фабриканта и передачи их в отношении судебной подведомственности в Адмиралтейскую Контору. Начавшись в наиболее тяжелое для трудящихся время – в эпоху развернувшейся «бироновщины», движение казанских суконщиков в наиболее острые моменты было всецело связано и с переломным по отношению к купеческой буржуазии моментом, когда на борьбу с купеческим капиталом в области промышленности выступает дворянский капитал (40-е годы XVIII века), в течение ряда десятилетий овладевший многими купеческими предприятиями. Этим только и можно объяснить ту настойчивость понимавших суть этой борьбы казанских мастеров суконного дела, с которой они требовали «отрешить» Дряблова от фабрики, но передать ее другому купцу, а отнюдь не дворянину, который мог скорее добиться закрепощения всех рабочих, как Дряблов сделал это по отношению к части их.

Кроме того, изложенное дело суконщиков с непоколебимой очевидностью опровергает все основные положения В.И. Семевского о стремлении казанских рабочих лишь к легализованным формам борьбы. Мы видели, как далеко зашла борьба от этих форм. А ведь мнение Семевского господствует и в работах других авторов, самостоятельно не изучавших этот процесс. А так как борьба казанских суконщиков не закончилась и в Пугачевщину, а продолжалась и в 90-е годы XVIII столетия, как и в первую половину XIX-го, нашедшую даже большое отражение в общей литературе по истории рабочего движения⁴³⁴, то определяется настоятельная необходимость снова поднять те источники, которые побывали уже в руках «благомыслящих» историков буржуазных течений русской исторической мысли.

⁴³⁴ Семевский В.И. Крестьяне... Т. 1. С. 554–556; Туган-Барановский [М.И.] Русская фабрика [в прошлом и настоящем: Ист.-экон. исслед. СПб.], 1900. С. 148; Балабанов М.[С.] Очерки... Ч. 1. С. 90, 129–130 и Посадский [Я.] Как добились [себе] воли казанские суконщики... // Первый шаг. [Казань, 1876]. С. 42–438.

Первая революционная ситуация в Казанской губернии

*Опубликовано в сборнике «Вопросы истории Татарии»
(Казань, 1962. С. 160–187)*

В 1961 г. научная общественность страны отметила 100-летие первой революционной ситуации в России. В связи с этой датой назрела необходимость подвести некоторые итоги изучения проблемы, как в общероссийском масштабе, так и на местах. В.И. Ленин в работе «Крах II Интернационала» следующим образом определил признаки революционной ситуации: 1) невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, что создает «кризис верхов», кризис политики господствующего класса вследствие того, что очень сильно дает себя чувствовать недовольство и возмущение угнетенных классов; в результате этого «низы не хотят», а «верхи не могут» жить по-старому; 2) обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов и 3) значительное повышение активности масс. Но не всякая революционная ситуация завершается революцией; для революции необходимо еще одно условие: способность революционного класса на революционные массовые действия⁴³⁵.

В этой же работе В.И. Ленин первую революционную ситуацию в России датирует 1859–1861 гг. Вместе с тем в работе «Гонители земства и аннибалы либерализма» (1901 г.) В.И. Ленин, приведя конкретные исторические факты борьбы, хронологически выходит за рамки этих годов и дает картину общей революционной ситуации в России. Таким образом, если 1859–1861 гг. относятся к непосредственной революционной ситуации, то общая – обнимает более длительный период⁴³⁶. Это дает возможность раздвинуть рамки общей ситуации, определив ее 1856–1863 или даже 1856–1866 гг.

Первая революционная ситуация в России была вызвана силою экономического развития, революционной и национально-освободительной борьбой народов России. Падение крепостного права, оживление демократического движения, требования политических реформ, распространение «Колокола» и прокламаций, революционная деятельность А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского и их последователей, крестьянские волнения, студенческие движения, борьба поляков и финнов – все предвещало могучий революционный взрыв.

Вызревание предпосылок и элементов революционной ситуации и ее развитие в конце 50 – начале 60-х годов XIX в. были весьма сложным процессом, проходившим различно в отдельных губерниях России. Изучение

⁴³⁵ Ленин В.И. Соч. Т. 21. С. 189–190.

⁴³⁶ Ленин В.И. Соч. Т. 5. С. 26–27. См. также: Нечкина М.В. Революционная ситуация в России в исходе 1850-х – начале 1860-х годов // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960. С. 11.

этого процесса по губерниям важно и необходимо для всестороннего его исследования в масштабе всей страны.

Задача статьи – осветить революционную ситуацию конца 50-х – начала 60-х годов XIX века в Казанской губернии, выделив те вопросы проблемы, которые требуют дальнейшего научного исследования. Эта задача до сих пор в сущности не ставилась в качестве специальной исследовательской темы, хотя в целом ряде работ революционная ситуация в Казанской губернии и была предметом изучения советских историков⁴³⁷.

Прежде всего, следует остановиться на экономических предпосылках революционной ситуации⁴³⁸.

⁴³⁷ Безднинское восстание: сб. док. Казань, 1948; Вульфсон Г.Н. и Бушканец Е.Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859–1861 гг. Казань, 1955; Гайнуллин М. Каюм Насыров и просветительское движение среди татар. Казань, 1955; Горовой Ф.С. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х гг. XIX в. Пермь, 1952; Гутман Д.С. Студенческое движение в Казанском университете в период революционной ситуации 1859–1861 гг. Казань, 1955 (диссертация, рукопись); Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958; Ионова Г.И. Революционная агитация среди рабочих в начале 60-х годов // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960; Козьмин Б.П. Казанский заговор. М., 1929; Кабанов П. Общественно-политические и исторические взгляды А.П. Щапова. М., 1954; Речь Щапова // Красный архив. М., 1923. Т. 4 (35); Лейкина-Свирская В.Р. Казанский заговор 1863 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960; Линков Я.И. Идеиные и тактические разногласия в рядах революционной демократии в эпоху падения крепостного права // Вопросы истории. 1959. № 6; Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. (Статьи Е.И. Чернышева «Крестьянская реформа в Казанской губернии», и Е.И. Устюжанина «Крестьянское движение в Казанской губернии в период реформы 1861 г.»); Таубин Р.А. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860–1862 гг. // Вопросы истории. 1956. № 8; Таубин Р.А. Из истории пропаганды «Революционной партии» среди крестьян и солдат в годы революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960; Токарев С.В. О численности крестьянских выступлений в годы первой революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960; Устюжанин Е.И. Безднинское восстание 1861 г. // Ученые записки Казанского педагогического института. Казань, 1941. Вып. 4; Устюжанин Е.И. и Вульфсон Г.Н. Борьба помещичьих крестьян Казанской губернии в период революционной ситуации 1859–1861 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 1952. Т. 112. Кн. 5; Фасеев К.Ф. Из истории татарской передовой общественной мысли. Казань, 1955; Хомяков Я.И. Нелегальная работа библиотеки А.И. Иконникова (1859–1862 гг.) // Советская библиография: сб. ст. М., 1952. Вып. 2; Чернышев Е.И. Революционный демократ историк Щапов А.П. // Вопросы истории. 1951. № 8.

⁴³⁸ В целом эта тема еще ждет своего исследователя. Краткие указания на экономические предпосылки революционной ситуации в Казанской губернии имеются в указанных выше работах Г.Н. Вульфсона, Е.И. Устюжанина, Е.И. Чернышева. См. также: Фурер Л.Н. Волжское судоходство в 50–60-х годах XIX в.: автореф. дис. Казань, 1958; Софронов М.Г. Развитие капиталистических отношений среди государ-

Если первая четверть XIX в. характеризуется разложением крепостничества в России, то вторая – его кризисом. К этому времени капиталистический уклад настолько окреп в недрах феодального строя, что с конца 30-х годов мы можем констатировать начало промышленного переворота. Машинное производство с паровыми двигателями заменяет ручное (мануфактурное). На фабриках и заводах вместо крепостных стали работать вольнонаемные рабочие (особенно в легкой промышленности). Промышленный переворот охватил и транспорт: начали строить пароходы и железные дороги.

В области сельского хозяйства переворот проявлялся в более замедленных темпах, хотя и здесь на протяжении полувека можно отметить определенные сдвиги: заметно поднялась его товарная продукция, вывоз хлеба за границу увеличился в 3,5 раза. Многие помещики сделали попытку создать свой машинный парк, чтобы поднять производительность труда в земледелии, но длительное падение цен на хлеб, вызванное конъюнктурой европейского рынка, заставило их резко усилить эксплуатацию крепостных крестьян⁴³⁹.

Производя хлеб для рынка, помещики переходили тем самым на капиталистический путь развития. Но их стремление добиться хозяйственных успехов усилением феодально-крепостнической эксплуатации крестьян приводило к резким социально-экономическим противоречиям. Все это вызывало деградацию крестьянского хозяйства.

Крах царского самодержавия в Крымской войне 1854–1856 гг. поставил правительство перед необходимостью ликвидировать крепостничество и дать некоторый простор развитию капитализма в России. Вместе с тем, правительство стремилось сохранить за помещиками позицию господствующего класса в стране. Сами же крестьяне добивались полной воли и всей обрабатываемой ими земли, кому бы она раньше ни принадлежала.

В Казанской губернии в 1860 г. считалось более 1574 тыс. человек. Среди них – русских 338056 человек мужского пола, татар 211984, чуваш 165418, мари 43 396, мордвы 9054, удмуртов 3744. Дворянское сословие было представлено 5745 чел., духовенство – 14463, почетные граждане и купцы 5798, мещане и цеховые 55376, военное сословие включало 55897 человек. Крестьян государственных насчитывалось 1164887 чел., удельных – 36188 чел., помещичьих – 219807 чел. Всего в губернии крестьян и дворовых было 1434213 чел.⁴⁴⁰

В Казанской губернии было зарегистрировано 382 промышленных предприятия и 7358 человек рабочих. В отдельные годы их продукция оценивалась более чем в 4 млн. рублей. На первом месте стояла кожевенная промышленность: 101 завод давал продукции на 1085 тыс. рублей, а 38 заводов по обработке сала – на 918,2 тыс. рублей. Заметное место занимала химическая промышленность. Наемных рабочих в промышленности было 62%.

ственных крестьян Казанской губернии в 40–50-е годы XIX в. // Известия Казанского филиала АН СССР (Серия гуманитарных наук. Вып. 2).

⁴³⁹ Реуэль А.Л. Русская экономическая мысль. М., 1956. С. 3–7.

⁴⁴⁰ Лаптев М. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 274.

Сельское хозяйство давало озимого и ярового хлеба 11530636 четвертей, из которых товарного оставалось 17926752 пуда. Вместе с привозом зерна из других районов Казанская губерния отпускала 2,4 млн. четвертей или 19,2 млн. пудов хлеба⁴⁴¹.

Промышленный переворот захватил Казанскую губернию с конца 40-х годов XIX в. Толчком к этому следует считать появление на Волге и Каме речного пароходства. Оно открыло богатые перспективы для быстрой доставки на крупный рынок продукции сельского хозяйства и промышленности Поволжья и Урала.

В 40-х и 50-х годах в России организуются пароходные акционерные компании; в 1861 г. их насчитывалось до 78 с капиталом в 72 млн. руб. Из этого числа на волжское судоходство приходилось 7 пароходных обществ с капиталом в 13,9 млн. рублей. В 1851 году на Волге было уже 52 парохода в 5000 лошадиных сил. В 50-х годах пароходство настолько набирает мощности, что уже в первом пятилетии 60-х годов получает возможность заменить непаровые виды тяги (бурлаков и коноводные машины) и стать господствующим в камско-волжских перевозках⁴⁴².

Результатом промышленного переворота в России явились крупные предприятия в Казани. В 1855 году был выстроен мыловаренный и свечной завод братьев Крестовниковых. Он стоил 175 тыс. руб., имел паровой двигатель высокого давления, 11 прессов и др. машины. В 1857 году завод дал продукции на 370 тыс. руб. Постоянных рабочих было 200 человек и поденщиков до 100 и 200 человек⁴⁴³.

В 1859 г. возникло «Товарищество Казанского кожевенного завода» с капиталом в 600 тыс. руб., который быстро возрос до 1,1 млн. руб. путем выпуска акций. Этот капитал был вложен в предприятия братьев Алафузовых. В 1865 г. Алафузовы пустили производство льнопрядильно-ткацкой фабрики⁴⁴⁴.

На Осокинской суконной фабрике была установлена паровая машина, приводившая в движение станки. Вместо прежних посессионных рабочих (в 1848 г. их было свыше 1000 чел.) производственные операции на ней выполняли 438 вольнонаемных рабочих⁴⁴⁵.

В 1851 г. открылся механический завод Свешникова, на котором было более 100 постоянных вольнонаемных рабочих. Они производили чугунное и медное литье более чем на 100 тыс. рублей. Имелась и паровая установка⁴⁴⁶.

⁴⁴¹ Памятная книжка Казанской губернии на 1861–1862 годы. Казань, 1862. С. 41–47.

⁴⁴² Фурер Л.Н. Начало пароходства на Волге. Казань, 1957. С. 22–23; его же: Волжское судоходство в 50–60-х годах XIX в.: автореф. дис. Казань, 1958. С. 5, 10.

⁴⁴³ Ключевич А.С. История Казанского жирового комбината. Казань, 1950. С. 20.

⁴⁴⁴ Анисимов И.Г. Казанский льнокомбинат. Казань, 1960. С. 9–13.

⁴⁴⁵ История Татарской АССР. Казань, 1951. Т. 1. С. 305.

⁴⁴⁶ Лаптев М. Казанская губерния. СПб., 1861. С. 370.

В Спасском затоне обществом «Кавказ и Меркурий» были оборудованы в 1858 г. крупные механические мастерские для ремонта и постройки пароходов. На предприятии были установлены 3 паровые машины, 30 станков, 2 молота, паровая лесопилка и т.д. Рабочие были вольнонаемные: слесари, токари, столяры, плотники, кузнецы, котельщики, молотобойцы, клепальщики, кровельщики, конопатчики и проч. Всего до 1000 человек⁴⁴⁷.

Необходимо отметить стекольный завод Хохрякова в дер. Кужаре Царевококшайского уезда, где вольных рабочих было до 200 чел., Чистопольскую бумагопрядильную фабрику со 170 рабочими и паровой машиной в 30 сил, такую же – в селе Кулбаве.

В 1850 г. возник Кокшанский химический завод Ушкова с паровой машиной в 68 сил и несколькими сотнями рабочих. В 1842 году начала работу паровая чистопольская мельница на 24 постава. Изготовление сельскохозяйственных машин было налажено в механической мастерской Северо-Восточной учебной фермы. В Казанской губернии было много и татарских капиталистических предприятий, но подавляющее их большинство представляло собой мануфактуру (кожевенные, мыловаренные, хлопчатобумажные, красильные и др.). В годы промышленного переворота часть из них была переоборудована в фабричные предприятия.

Значительно выросло товарное обращение: в 1860 г. по Волге и Каме плавало 220 пароходов. Кроме того, было зарегистрировано 3752 транзитных судна и 653 плота. Казанские купцы вели обширные торговые операции на главных рынках России: в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Рыбинске, Вятке, Ирбите, Оренбурге, Саратове, Самаре, Астрахани, Ростове-на-Дону и др. В Казань и через нее из Вятского края шел лес и хлеб, из Сибири – пушнина, с Урала – металл, из казахских степей – скот, сало, шерсть, из Астрахани – фрукты, рыба и соль, из Москвы – продукция промышленности, из Ростова – вина и фрукты. Монополистом в торговле с Китаем вместо татар Китаевых стал купец Крупенников, который вывозил ежегодно до 300 тыс. козловых кож и привозил чаю на 2 миллиона рублей. Татары были крупными посредниками в торговле со Средней Азией. Значительно поднялся авторитет купечества. Так, жандармский полковник Поливанов писал в одном из донесений про чистопольских купцов: «Купечество есть главное и преобладающее сословие в Чистополе, а также и в уезде по его влиянию на дворян. Вообще в дворянах заметно большое подчинение этому сословию»⁴⁴⁸. Развитие капиталистических отношений оказывало влияние на соотношения различных сословий в среде господствующих классов. Удельный вес буржуазии заметно поднимался.

В стране появлялись новые виды промышленности и транспорта, создавались крупные акционерные компании, местные рынки, сохраняя свои особенности и специфику, сливались в могучий всероссийский рынок, вольнонаемный труд стал преобладающим в области обрабатывающей промышлен-

⁴⁴⁷ Там же. С. 373–374.

⁴⁴⁸ Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 294.

ности. Однако рынок труда был ограничен привилегиями дворянства, что особенно давало себя чувствовать в годы кризиса крепостного хозяйства. Для растущей промышленности нужны были свободные рабочие, а дворянство не хотело лишиться крепостного крестьянства.

Несмотря на то, что производительные силы заметно развивались, положение непосредственных производителей все ухудшалось. За первую половину XIX в. уменьшились земельные наделы крестьян вследствие роста населения и барской запашки. В начале XIX века средние наделы на ревизскую душу государственных крестьян были от 7,7 до 11,4 десятины, а в некоторых уездах и больше 12 десятин; в середине столетия земельные наделы снизились до 3,5–5,5 дес. Это не замедлило отразиться на состоянии скотоводства: безлошадность у татар достигла 14,2%, у русских крестьян – 9,7% и у других народностей – 5%.

Вместе с тем заметно увеличилась задолженность крестьян по государственным налогам: в 40-х годах XIX в. за крестьянами числилась недоимка в 825 тыс. руб. или 45% годового оклада⁴⁴⁹. Очень часто до нового урожая у крестьян даже не хватало «самого дурного хлеба», т.е. с примесью суррогатов. Исследователь местного края К.Фукс писал в частности: «Безлошадные татары вовсе не имеют домашнего хозяйства: они всю свою пахотную землю и луга отдают в наем, не держат у себя скота, даже ни одной овцы. В их домах живут только одни женщины и ребята, а мужчины все скитаются по разным работам»⁴⁵⁰. Это же положение отмечал и казанский губернатор в отчете за 1842 год: «В последнее четырехлетие многие из крестьян изнурены до того, что не имеют никакого хозяйства».

В это же время в губернии встречались крестьяне-богачи, которые эксплуатировали казенные мельницы и лесные делянки, нанимая бедняков из своей же деревни.

Крепостные крестьяне губернии находились в более худшем положении. Их наделы составляли 40% помещичьей земли и колебались от 2,2 до 3,75 дес. на ревизскую душу. На барщине находилось 86% всех помещичьих крестьян, а на оброке – лишь 14%. Помещикам (в Казанской губернии их было более 800) принадлежало 15,8% полезной площади. Некоторые из них владели десятками тысяч десятин; только у 353 помещиков числилось 876 тыс. десятин.

Барщина во многих имениях доходила до 4–5 дней в неделю, а в ряде латифундий даже до 6 дней в неделю. Так, помещик Филиппович гордился, что он довел свое хозяйство «до степени совершенства», получая с каждого крестьянского хозяйства по 150 рублей оброка в год, между тем как его крестьяне крайне бедствовали. Издевательства помещиков и их управляющих стали повседневным явлением и носили преступный характер.

⁴⁴⁹ История Татари в материалах и документах. Казань, 1937. Т. 1. С. 264.

⁴⁵⁰ Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844. С. 25–26.

В 1858 г. крестьянская недоимка в губернии достигла 44 р. 78 коп. на душу, что вынуждало многих крестьян собирать милостыню. Так было в дер. Нурме Лаишевского уезда у помещицы Николаи, в с. Ямбухтине Тетюшского уезда у помещицы Раевской⁴⁵¹.

Ряд казанских помещиков старался переселить крестьян в другое поместье, чтобы лишить их земли хотя бы частично. Помещик Филиппов в 1858 г. за послушание переселиться представил крестьян к ссылке на поселение в Сибирь. Юрткульские крестьяне помещика Бекетова, получив распоряжение переселиться в другое имение, не выполнили его, сколько их ни уговаривали. Крестьяне считали, что без земли не может быть освобождения от крепостного права.

Но некоторые помещики (Мошлатов, кн. Волховский, Каховский) отпустили крестьян без их согласия на волю совершенно без земли. Один дворянин добился того, что из 422 душ к 1861 году у него осталось только 32 души крепостных. Так помещики освобождали крестьян от земли.

В 50-х годах XIX в. ухудшилось социально-экономическое положение государственных крестьян: усиление налогового бремени делало и их недоимщиками казначейства, всевозможные сборы сильно подрывали их денежный бюджет, взяточничество чиновников изо дня в день подтачивало материальное благосостояние, а многочисленные повинности: дорожная, мостовая, рекрутская, ямская, лашманская и др. отнимали у крестьян время, необходимое для хозяйственной деятельности. В результате реформы Киселева прибавилась еще общественная запашка в каждом селении с целью создания резервного продовольственного фонда. Все это создавало недовольство существовавшими порядками, непримиримое к ним отношение.

В России того времени трудно найти более консервативное дворянство, чем казанское. По сравнению с ними даже губернатор Козлянинов выглядел либералом. Казанские дворяне, по преимуществу мелкопоместные, были ярыми крепостниками.

Вследствие громадных непроизводительных расходов на постоянные увеселения казанские помещики заложили 84% крепостных крестьян. В этом отношении губерния занимала первое место в России.

Даже после Крымской войны, когда 25 губерний России были объяты пламенем крестьянского движения, а крепостнические устои сотрясались, готовые рухнуть, – казанские дворяне надеялись только на войска, разосланные по всем «подозрительным» районам страны, чтобы помочь помещикам сохранить свое господство над крестьянами. После опубликования известных царских рескриптов 1857 года дворяне губернии зловеще молчали и не выражали никакой готовности «содействовать устройству быта поселян». Только после вторичного «внушения» министра внутренних дел Ланского они реши-

⁴⁵¹ Устюжанин Е.И. и Вульфсон Г.Н. Борьба помещичьих крестьян Казанской губернии в период революционной ситуации 1859–1861 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 112. Кн. 5. С. 81.

ли создать губернский комитет «по улучшению быта крестьян», который и был утвержден к 1 апреля 1858 г. Однако к работе он приступил только 1 ноября 1858 года.

Члены Казанского губернского комитета были сторонниками безземельного освобождения крестьян: 22 статья 1 главы разработанного ими «Положения» признавала участки помещичьих земель, находившиеся у крестьян, их строения и движимое имущество (одежда, посуда, сельскохозяйственные орудия, скот, семена и продовольствие) собственностью помещика⁴⁵². Таким образом, казанские дворяне готовы были отпустить крестьян на волю с пустыми руками. Срочнообязанный период казанские дворяне предполагали установить в 12 лет, но и после этого крестьяне могли переходить в другое сословие только с согласия помещика. Если даже крестьяне и получали землю от помещика, то все равно она оставалась помещичьей и могла находиться в руках крестьянина до тех пор, пока помещик ее не отнимет; даже выкуп земли должен был проходить только с согласия помещика. Казанские дворяне выступали сторонниками неотчуждаемости крестьянской земли и неприкосновенности вотчинной власти помещиков.

Десятина усадебной земли, подлежащая выкупу в течение 28 лет, была оценена помещиками в 800 рублей, что было совершенно не под силу крестьянам. Дворяне губернии домогались содрать наиболее высокую цену за выкуп личности крепостного под видом выкупа усадьбы. Отказ же крестьян от выкупа усадьбы сохранял наибольшую стоимость имения и вынуждал крестьян к переселению в город или в другую деревню.

По предположению казанских помещиков, крестьянам достаточно было выделить в пользование на ревизскую душу 1,5 дес. и лугов – 0,4 дес. Этот надел они считали вполне достаточным. На самом деле это был нищенский надел, который не мог обеспечить даже сносного существования.

С такого голодного надела помещики определили барщины почти 201 день. Оброк поднимался с 35 до 58 руб. в год. Дворовые оставались «в обязательной службе помещикам» на 14 лет и лишь после этого срока могли выкупиться за 120 или 200 рублей, смотря по квалификации. Молостбов – чиновник особых поручений при губернаторе – говорил: «Мы отказались только от права продажи и телесного наказания, но зато сохранили за собой право без суда и без очереди отдавать дворовых людей в солдаты»⁴⁵³. Личные права дворовых оказались ничтожными, а свобода труда и совсем не предусматривалась. В области сельского управления все было подчинено начальнику общества – помещику: влияние и власть его сохранялись в том же объеме, что и при крепостном праве.

Н.Г. Чернышевский, ознакомившись с результатами «деятельности» губернских комитетов, писал в 1859 году: «Что за мужик будет в Самарской, Симбирской, Казанской, Тамбовской губерниях с 1,5–2 десятинами на душу...

⁴⁵² Корсаков Д.А. Былое из казанской жизни. Казань, 1898. С. 9–10.

⁴⁵³ ЦГА ТАССР. Ф. 1, Оп. 2. Д. 1487. Л. 70–71.

Нет, уж лучше вовсе не давать ничего, ни земли полевой, ни усадеб, нежели давать землю, в таком урезанном, ни на что не годном количестве»⁴⁵⁴. Учитывая назревание революционной ситуации, царское правительство пошло, как известно, на выкуп земли, отмену вотчинной власти и значительное увеличение земельных наделов на душу. Временнообязанное состояние сохранялось лишь на 2 года. Однако «Положение» 1861 г. сохранило многое от крепостничества, т.к. было составлено дворянами-крепостниками. Подписанное царем «Положение о крестьянах» было результатом стремления правящих групп найти компромиссное решение крестьянского вопроса, на что еще в 1859 г. указывал К.Маркс: «Император, мечась между государственной необходимостью и практической целесообразностью, между страхом перед дворянством и страхом перед разъяренными крестьянами, наверно будет колебаться». Так же приходилось колебаться и казанским дворянам, принимая отверженное «Положение».

Однако отмена крепостного права объективно означала шаг вперед по пути создания буржуазной монархии в России. Одной из важнейших причин отмены крепостного права в России являлось широкое крестьянское движение, развернувшееся⁴⁵⁵ в те годы по всей стране. В.И. Ленин писал: «Крестьянские бунты, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать пока свергнут снизу»⁴⁵⁶.

Только за 3 года (1859–1861) в России произошло 1541 выступление крестьян и рабочих⁴⁵⁷.

Одним из важных районов активной классовой борьбы крестьянских масс являлась Казанская губерния. Необходимо отметить, что крестьянское движение, развернувшееся на территории губернии на протяжении 40–60-х годов XIX в., нашло широкое отражение в исторической литературе⁴⁵⁸. Это позволяет представить следующую картину крестьянских выступлений с 1840 по 1860 гг.:

1840–1844 гг. – 7

1845–1849 гг. – 5

1850–1854 гг. – 13

⁴⁵⁴ Чернышевский Н.Г. Сочинения. Т. 5. С. 495.

⁴⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 11. Ч. 1. С. 545.

⁴⁵⁶ Ленин В.И. Соч. Т. 17. С. 95.

⁴⁵⁷ Токарев С.В. О численности крестьянских выступлений в России в годы первой революционной ситуации в 1859–1861 гг. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960. С. 128–129.

⁴⁵⁸ См.: Устюжанин Е.И. Крестьянское движение в Казанской губернии в связи с реформой 1861 года: дис. Л., 1946; Чернышев Е.И. Социально-экономические очерки Казанской губернии XIX в. (дореформенный период): дис. М., 1954; Софронов М.Г. Государственные крестьяне Казанской губернии и реформа Киселева: дис. Казань, 1952; библиография Безднинского восстания дана в сборнике документов «Безднинское восстание 1861 года» (Казань, 1948).

1855–1859 гг. – 25

1860 год – 5

Уже в 40-х годах крестьяне отказывались повиноваться помещикам, поджигали их усадьбы. В русло крестьянского движения включались и государственные крестьяне, не желавшие обрабатывать общественные запашки.

1850-е годы принесли нарастание крестьянской борьбы. Наряду с неповиновением помещикам и государственным чиновникам, массовыми порубками помещичьих лесов, крестьяне убивали наиболее ненавистных им дворян. Таковы выступления крестьян губернии против помещиков Цветкова, Баюшева и Угличина.

Во время Крымской войны крестьянские выступления не прекратились, несмотря на введение военного положения. В Казанской губернии происходит «бунт» рекрутов в Мамадышском уезде, поджог помещичьей усадьбы в Лаишевском уезде, массовая порубка леса в Спасском уезде, поджог хлеба у помещика Горского и волнения государственных татар в дд. Наласы, Абзябары, Верези и Шеленгур в Казанском уезде.

Эта борьба продолжалась и в конце 1850-х годов. Крестьяне отказывались от помещичьих работ, переселения, агитировали против помещиков. Поиски и ожидания воли приняли всеобщий характер, как и готовность постоять за свою землю.

Когда же крестьяне узнали, что «Положение об освобождении крестьян», санкционированное царем, предусматривает «волю» от крепостной зависимости только через несколько лет, а «землю» лишь после ее выкупа через 49 лет, да и то в весьма недостаточном размере, они решили, что помещики «волю украли», и стали искать «настоящую волю».

В марте месяце 1881 года, вслед за объявлением манифеста и «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» крестьяне стали считать себя вольными и отказываться от выполнения барских работ. Так было в имениях помещиков Покровского и Тебеньковой в деревнях Кармачи и Карташихе. Крестьяне села Теньково и окружающих их 5 деревень имения кн. Гагарина «вышли из повиновения». В Свияжском же уезде крестьяне села Косякова помещика Левашова, дер. Албабе помещика Ермеева, села Панова помещика Леонтьева, дер. Киреевой помещика Юмашева, Введенской слободы и с. Бурнашева помещицы Бестужевой, в селе Каинках помещика Лаптева тоже отказались от господских работ и произвели массовую порубку леса в их владениях. Отказ от барщинных работ имел место в селе Полянки Спасского уезда у помещиков Лихачевых. В селе Мурасе Спасского уезда крестьяне помещицы Ермоловой настойчиво искали «чистую волю». Таким образом, уже в марте 1861 г. на борьбу поднялись крестьяне 17 селений губернии⁴⁵⁹.

⁴⁵⁹ Устюжанин Е.И. и Вульфсон Г.Н. Борьба помещичьих крестьян Казанской губернии в период революционной ситуации 1859–1861 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 112. Кн. 5. С. 106–107.

В апреле крестьянское движение проявилось в с. Юрткули Спасского уезда в имении помещика Сахарова. Крестьяне, совершив порубку леса, были близки к разгрому помещичьей усадьбы. Земский исправник приложил немало усилий, чтобы привести их в повиновение, но очень ненадолго, так как вскоре они снова восстали вместе с крестьянами с. Бездны.

Отказ от барщины и борьба крестьян «за полную волю» проходили и в дер. Чемодуровке помещика Кеплера, в дер. Княжая и в сельце Юнусове помещицы Львовой Лаишевского уезда, в дер. Дмитриевке помещицы Жуковой Чистопольского уезда и в ее же селе Изгарах Спасского уезда; в дер. Утяковой Свяжского уезда помещика Делярю; в дер. Верхняя Лаишевского уезда наследников Казембек. Неповиновение вотчинным властям проявили крестьяне дер. Служилой Шенталы Чистопольского уезда помещицы Балахонцевой и дер. Андреевки того же уезда помещика Савича. «Настоящую волю» искали крестьяне Лаишевского уезда: села Байтерякова, дер. Некрасовой, д. Пановой и сельца Екатериновки помещика Пацковского⁴⁶⁰.

Но особенно большой резонанс имело Безднинское восстание, в котором приняло активное участие более 12 тысяч крестьян из 75 селений. Крестьяне упорно стремились найти в «Положении» настоящую землю и волю. С этой целью они обращались ко всем грамотным людям: и к управляющему, и к попу, и к фельдшеру, и к конторщикам. Все было безрезультатно. Тогда Антон Петрович Сидоров, крепостной помещика Мусина-Пушкина, стал сам читать «Положение» и, найдя в образце уставной грамоты слово «воля», стал объяснять его как «настоящую волю». Он призывал не ходить на барщину, не платить оброков, не давать подвод и брать из барских амбаров хлеб, убеждая крестьян, что вся земля принадлежит им, а помещикам – «горы да овраги». Антон разослал по всем деревням агитаторов, чтобы собирать крестьян в с. Бездну слушать «настоящую волю». Этот призыв, как молния, облетел соседние уезды и перекинулся в Симбирскую и Самарскую губернии. Крестьяне деревень Кузнечихи, Екатериновки, Волостниковки, сел Кокрять, Никольского, Буракова и многих других горячо обсуждали на сходах «настоящую волю», игнорировали помещиков и местную власть, целиком присоединялись к безднинским и болховским крестьянам. Чиновники были бессильны, а дворяне переживали панику и ужас «времен Пугачева»⁴⁶¹.

9 апреля в Спасск приехал адъютант Александра II граф Апраксин. Он вызвал из Тетюш 2 роты солдат и на другой день выехал в с. Бездну. Явившись туда, он потребовал к себе уполномоченных от крестьян, но, когда ему было в этом отказано, уехал в с. Никольское, где начал готовиться к подавлению восстания. После импровизированного «военного совета» в с. Три Озера гр. Апраксин с 2 ротами отправился в с. Бездну. В рапорте Александру II он

⁴⁶⁰ Устюжанин Е.И. и Вульфсон Г.Н. Борьба помещичьих крестьян Казанской губернии в период революционной ситуации 1859–1861 гг. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 112. Кн. 5. С. 106–113.

⁴⁶¹ Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 414–419.

писал, что медлить было нельзя, т.к. «скопище людей в Бездне возрастало с невероятной быстротой». Когда гр. Апраксин потребовал выдать Антона, крестьяне отказались это сделать. Началась стрельба залпами. Крестьяне держались стойко, но когда был открыт беглый огонь они, потеряв несколько сот убитыми и ранеными, побежали. Антон отделился от крестьян, был схвачен и арестован.

Во время подавления безднинского восстания было убито и ранено не менее 350 человек. Следственная комиссия предала суду 36 крестьян, многие из них были высланы в Сибирь в административном порядке⁴⁶².

Расстрел крестьян в с. Бездне вызвал глубокое сочувствие демократической общественности всей России. Журнал «Современник», редактором которого был Н.Г. Чернышевский, напечатал статью И.А. Пиотровского, в которой была разоблачена правительственная ложь, что восстание произошло из-за невежества и безграмотности крестьян. Пиотровский подчеркнул, что крестьяне протестовали и «противодействовали неудовлетворительной, по их мнению, реформе», что крестьяне были сторонниками «чистой воли» и боролись за нее. Безднинское восстание объяснялось грабительским характером реформы.

Много внимания Безднинскому восстанию уделила и широко известная газета «Колокол»⁴⁶³. Автор прокламации «Молодая Россия» П.Г. Заичневский говорил крестьянам, что красное знамя, развевавшееся в с. Бездне, – это знамя начавшейся в России борьбы за социализм⁴⁶⁴.

Таким образом, крестьяне боролись за революционное разрешение аграрного вопроса, за полное освобождение от крепостничества. Объективно, это была борьба за торжество американского пути развития капитализма.

Однако Безднинское восстание, как и все предыдущие, было стихийным и локальным, оно не могло перерасти во всероссийскую революцию без рабочего класса, который только еще формировался.

Но в целом крестьянское движение этого периода было прогрессивным. Оно ускоряло полное уничтожение крепостного права и его пережитков.

В Безднинском восстании приняли активное участие и татарские крестьяне, которые тоже искали «чистую волю»⁴⁶⁵. Теперь уже пенсионер, колхозник Филипп Фролович Давыдов в своих воспоминаниях говорил: «А народу сколько тысяч тут было! И чувашаи, и татары, всякие народы были, всем земле надо. Я доподлинно знаю, вот из Чувашского Броду были, 70 верст отсюда, на р. Черемшан; из-за Волги были и из Чистопольского уезда» (запись В.Ф. Павловой).

⁴⁶² Безднинское восстание 1861 г.: сб. док. Казань, 1948.

⁴⁶³ Вульфсон Г.Н. и Бушканец Е.Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859–1861 гг. Казань, 1955. С. 85–87.

⁴⁶⁴ Революционная ситуация в России: сб. ст. М., 1960. С. 382.

⁴⁶⁵ Безднинское восстание 1861 г.: сб. док. Казань, 1948. С. 82–83.

М.Валиахметова из дер. Тюгульбаево Спасского уезда со слов своей матери сообщала: «Вся наша деревня, до одного человека, ходила прощаться с Антоном», т.к. татары считали его «народным заступником» (запись Х.Х. Гатиной).

Вафа Шагалеев, житель дер. Ст. Салманы, рассказывал со слов Хасана из дер. Тохталы, что татары деревень Тохтала, Тюгульбаево, Куюки, Измерь, Ямбухтино, Балыкуль и Салман, чередуясь, 7 дней охраняли Антона и не давали его арестовать (запись Х.Х. Гатиной)⁴⁶⁶.

Татарское и чувашское население в большей своей части солидаризировалось с русскими крестьянами в классовой борьбе против крепостного права. Дружба крестьян народов Поволжья крепла в классовой борьбе с помещиками и местной администрацией.

Крестьянские движения не прекратились и после расстрела безднинских крестьян. С осени 1861 г. началось оформление уставных грамот. Крестьяне ответили на это новым размахом классовой борьбы. В местной исторической литературе имеется подробное описание 29 крупных выступлений помещичьих и 8 волнений государственных и удельных крестьян в Спасском, Лаишевском, Чистопольском, Свяжском, Казанском и Тетюшском уездах⁴⁶⁷. По нашим подсчетам, только в 7 уездах помещичьи крестьяне не подписали 280 уставных грамот⁴⁶⁸.

Крестьяне требовали дарственных наделов как временной меры освобождения от помещичьей эксплуатации, пока появятся новые законы о предоставлении крестьянам всей помещичьей земли, отказывались от выполнения уставных грамот, прекращали платежи оброка, что вызвало длительные постой солдат. Некоторые крестьяне спешили выйти на выкуп, но затягивали с платежами и страдали от взносов недоимок, что сопровождалось продажей с молотка их имущества и скота.

Особенно сильные выступления крестьян имели место в Лаишевском уезде (в селах Юнусово, Байтеряково, Екатериновка, Утяково, Сокуры, Панова Гора, Арпаяс-Янасалы, Шумбут, Клянчеево, Стекольный завод, Тюлячи и др.), в Спасском уезде (в дд. Молоствовке, Бездне, Новоселье, Гусихе и др.), в Свяжском уезде (в с. Теньки, дд. Буртасы, Лобышки, Варварино, Новогеоргиевская, Албаба, Уланово и др.), в Тетюшском уезде (в дд. Васильевка, Любимовка и др.), в Казанском уезде (в дд. Кишметево, Урмат, Изановская и др.), в Мамадышском уезде (в д. Белый Ключ и др.), в Чистопольском уезде (в д. Ст. Киремети).

⁴⁶⁶ Материалы фольклорной экспедиции ИЯЛИ КФАН СССР, 1960 г. (рукопись). За предоставление этих материалов приношу благодарность В.Ф. Павловой, Х.Х. Гатиной и Х.Х. Ярмухаметову.

⁴⁶⁷ См.: Устюжанин Е.И. Крестьянское движение в Казанской губернии в период реформы 1861 г. // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 475.

⁴⁶⁸ См.: Чернышев Е.И. Крестьянская реформа в Казанской губернии // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 406.

В 1863 г. была, как известно, проведена «реформа» удельных, а в 1866 г. – государственных крестьян. Земельные наделы их пашен и лугов сократились⁴⁶⁹. В казну было отмежевано значительное количество лесов, которые раньше были в эксплуатации крестьян. Им оставили не более 23% самых худших лесных угодий. Чиновник Крогиус писал: «Я не ошибаюсь, утверждая, что не более как на 10% пространства, состоящего в действительности еще под лесной порослью, найдется лишь лес, годный на оглобли»⁴⁷⁰. Лес толще оглобли можно было получить лишь за особые деньги, да и то не всегда.

Государственные крестьяне не соглашались принимать владенные записи, как помещичьи крестьяне – уставные грамоты. Начались массовые порубки казенных лесов. Так, в Тетюшском уезде за два с половиной месяца 1869 г. было зарегистрировано 52 порубки леса.

Следовательно, удельные и государственные крестьяне, как и помещичьи, не принимали «реформу» и боролись против помещиков и чиновников министерства государственных имуществ и удельного округа. Крестьянские движения против реформы хронологически выходили за пределы «непосредственной» революционной ситуации.

Отличительная особенность первой революционной ситуации в Казанской губернии проявилась в развитии национально-освободительного движения нерусских народов Поволжья: татар, чуваш, мари и удмуртов. Среди них необходимо выделить татар, так как их борьба была наиболее разносторонней. Заметим, что эта тема еще ждет своего исследователя.

Массовые выступления нерусских крестьян носили классовый, противокрепостнический характер. Сельское население отказывалось платить государственные подати, запахивало чужие земли, рубило казенный и помещичьи леса, уклонялось от рекрутской повинности и т.д.

В 1855 г. была совершена массовая порубка леса татарами дер. Старо-Мрясовы Челны Спасского уезда; они срубили 1838 деревьев. Причем в этом деле приняли участие все 130 дворов деревни. В 1856 году аналогичное событие произошло в имении помещика Мусина-Пушкина, когда крестьяне татарской деревни Ямбухтино принялись рубить господский лес. В 1858 г. татары дер. Апастово Тетюшского уезда произвели порубку в казенном лесу «с общего согласия».

Следовательно, нерусские крестьяне совместно с русскими боролись против всяких проявлений феодально-крепостнического строя.

В эти же годы широкие размеры и острые формы приняло отпадение татар и мари от православия, что может быть квалифицировано как один из видов национально-освободительного движения, направленного на ликвидацию национального гнета самодержавия.

⁴⁶⁹ Государственные крестьяне татары в результате реформы потеряли из 8,5 дес. пашни и лугов 3,9 дес., у них осталось лишь 4,6 дес. на душу (см.: Материалы по истории Татарии. Т. 1. С. 411).

⁴⁷⁰ ЦГА ТАССР. Ф. 882. Д. 3. Л. 37.

Таковы основные формы национально-освободительной борьбы нерусского крестьянского населения в годы первой революционной ситуации в России.

Важным моментом развития революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х годов XIX в. в Казанской губернии явилось зарождение просветительского движения среди татар. В.И. Ленин дал четкое определение просветительства в работе «От какого наследства мы отказываемся»: 1) вражда к крепостному праву, 2) горячая защита просвещения, самоуправления, свободы и европеизации и 3) отстаивание интересов народных масс⁴⁷¹.

Среди деятелей татарского просветительского движения середины XIX в. отметим прежде всего Гали Махмудова, Салихджана Кукляшева, Мартемьяна Иванова, Вагапова, Хусаина Файезханова, Каюма Насырова. Это были сторонники светского образования татарского народа. Так, Х.Файезханов составил проект открытия татарской школы по типу гимназии, окончание которой давало бы возможность поступить в университет. Для этого в учебный план вводился русский язык. Рассчитывая на обучение народных масс, Кукляшев и Иванов в свою грамматику и хрестоматию по татарскому языку вводили народные пословицы, сказки, песни и загадки, а также переводы из русской художественной литературы и фольклора. Татарские просветители настойчиво добивались осуществления своего желания – видеть татарский народ вполне равноправным с русским. Каюм Насыров, десятки лет проработавший вместе с русскими педагогами, был убежденным сторонником русской культуры, сторонником ориентации татарского народа на Россию, а не на Турцию⁴⁷².

Таким образом, соотношение классовых сил в Казанской губернии в годы первой революционной ситуации в России представляет следующую картину. Дворянство как господствующий класс пользовалось полной поддержкой и защитой со стороны государства. Хотя оно и вынуждено было согласиться на «освобождение» крестьян от крепостного права, но их заветное желание состояло в том, чтобы отнять у крестьян землю, а их самих подчинить власти дворянина и эксплуатировать на помещичьей пашне. Понимая необходимость перевода своего хозяйства на буржуазные рельсы, дворяне хотели получить соответствующий капитал от государства как цену за освобождение личности крепостных крестьян. Все это было очень далеко от крестьянских надежд и ожиданий. Это до крайности обостряло классовые взаимоотношения и приводило крестьянские массы к революционной борьбе. Высшее чиновничество и духовенство, естественно, были сторонниками дворянства и разделяли его взгляды.

Либеральные дворяне были сторонниками «освобождения» крестьян с земель, но по голодной норме, чтобы впоследствии самим диктовать цены на наемных сельскохозяйственных рабочих. Таковы – Трубников, Мергасов,

⁴⁷¹ Ленин В.И. Соч. Т. 2. С. 472.

⁴⁷² Гайнуллин М. Каюм Насыров и просветительское движение среди татар. Казань, 1955. С. 28–37.

Перцов, один из Молоствовых. Но их было так мало, что они не имели никакого влияния в общем хоре реакционного дворянства. Дворяне-либералы пользовались некоторым сочувствием у незначительной же группы либеральных профессоров университета, видным представителем которых был Н.Н. Булич.

В.И. Ленин писал: «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок»⁴⁷³.

Купцы и промышленники были далеки от интересов как: крестьян, так и дворян, но революционная ситуация сильно укрепляла их позиции против дворянства и их привилегированного общественного положения. Она открывала перспективу создания свободы рабочих рук, а в результате этого возможность перехода помещичьих имений в руки капиталистов. В классовой борьбе крестьян с помещиками казанская буржуазия занимала нейтральную позицию, но идейно была настроена против реакционного дворянства, ожидая политического равноправия с ним в результате борьбы основных классовых сил.

Крайне левую позицию в борьбе с дворянством занимали, как видно из предыдущего изложения, прежде всего помещичьи крестьяне, затем государственные и удельные. Они совместно выступали против помещиков, а несколько позже – против казны и удела, как земельных собственников. Хотя восстания и движения крестьян были разрозненными, локальными и стихийными, они достигли такой степени классового накала, что повергли дворянство в панику: многие дворяне выехали из поместий со своими семьями в города, помещики и их управляющие потеряли власть над крестьянами, не могли сохранить своего авторитета и местные власти (исправники и становые). Только воинские части, расстреливая безоружных крестьян, применяя телесные наказания, разоряя хозяйства длительными постоями команд, добивались прекращения народных выступлений, но и то ненадолго.

Классовая борьба крестьянских масс породила мощное революционно-демократическое движение как в России в целом, так и в различных ее областях⁴⁷⁴.

⁴⁷³ Ленин В.И. Соч. Т. 17. С. 96.

⁴⁷⁴ В рамках Казанской губернии это движение нашло отражение во многих работах, из которых укажем наиболее значительные: Вульфсон Г.Н. Борьба вокруг реформы 1861 г. в Казанской губернии: дис. М., 1950; Гутман Д.С. Студенческое движение в Казанском университете в период революционной ситуации: дис. Казань, 1955; Вульфсон Г.Н. и Бушканец Е.Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859–1861 гг. Казань, 1955; Чернышов Е.И. Революционный демократ историк А.П. Шапов // Вопросы истории. 1951. № 7; Кабанов П. Общественно-политические и исторические взгляды А.П. Шапова. М., 1954; Козьмин Б.П. Казанский заговор. М., 1929; Лейкина-Свирская В.Р. Казанский заговор 1863 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960.

В Казани, как в университетском центре, это революционно-демократическое движение развивалось из общественно-политической борьбы студенческой молодежи.

Демократическая идеология студенчества университета воспитывалась на сочинениях В.Г. Белинского, А.И. Герцена и Н.П. Огарева, позднее – Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Если в 50-х годах XIX в. «студенческие истории» не выходили за пределы университета и были направлены против консервативных ученых, то в годы революционной ситуации эта борьба вышла из стен учебного заведения и слилась с общероссийским демократическим движением. Более того, демократическое движение не только овладело университетом и Казанью, оно передалось через студентов в другие губернии: Вятскую, Пермскую, Самарскую и др., так как Казанский университет был единственным научным центром для всей территории на восток от р. Волги и для Сибири.

Большое идеологическое воздействие на казанское демократическое студенчество имели «Колокол» и «Полярная звезда» А.И. Герцена, «Современник» Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, «Свисток» Н.А. Добролюбова и «Искра» Курочкина. Под их идеологическим воздействием студенты переходили к революционной работе. Они составляли прокламации, стихи и песни, в которых призывали к борьбе с самодержавием, отсталой профессурой и чиновничеством, критиковали действия либералов и соглашателей с дворянством. Студенты-демократы открывали «библиотеки», где обсуждали политическую литературу, слушали лекции «специального приготовления».

Большое внимание в деятельности демократического студенчества уделялось крестьянскому вопросу. Оно откликалось на все наиболее общеизвестные крестьянские выступления против помещиков. Ярким примером этому служат «Гнездо коробочек», «Песня няньки», «Бью челом народу православному», «Долго давили вас, братцы» и др. документы революционной деятельности казанских демократов. Они составляют золотой фонд местной нелегальной революционной мысли периода революционной ситуации.

Авторы книги «Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859–1861 гг.» утверждают, что казанское демократическое студенчество объединило свои многочисленные группировки в «Казанский кружок» в конце 1860 года⁴⁷⁵. Деятельность его продолжалась до 1862 г., когда он вошел в революционную организацию «Земля и воля». Нам представляется целесообразнее считать, что это объединение произошло в самом начале 1860/61 учебного года на платформе организации 8 воскресных школ, которые явились замечательной трибуной пропаганды революционных взглядов демократического студенчества⁴⁷⁶. Казанский кружок имел тесную связь с

⁴⁷⁵ См.: Вульфсон Г.Н. и Бушканец Е.Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859–1861 гг. Казань, 1955. С. 68.

⁴⁷⁶ Таубин Р.А. Революционная пропаганда в воскресных школах России в 1860–1862 гг. // Вопросы истории. 1956. № 8. С. 80.

демократами других городов: Перми, Вятки, Москвы, Петербурга, Саратова, Харькова и Бирска. Судя по воспоминаниям члена кружка Бирюкова, кружковцы горячо обсуждали доклады «Будет ли Россия фабрично-промышленным государством, как Англия», «Что ожидает впереди русскую крестьянскую общину», «Применимы ли на практике теории социализма и коммунизма» и др.

В 1860 году в Казанский революционный кружок вступил историк А.П. Щапов. Как ученый он выступил в университете против официальной историографии, выдвинув тезис, что предметом истории должна быть жизнь и борьба народа за свое лучшее будущее. А.П. Щапов прекрасно понимал, что потенциальная революционность крестьянства должна стремиться к объединению с целеустремленными действиями профессиональных революционеров и тем самым обеспечить победу революционного народа во всей России: крестьянские Пугачевы должны подать руку Пестелю и Рылееву для совместной борьбы с крепостническим самодержавием. Эти мысли А.П. Щапов высказывал в таких лекциях, как «Декабристы», «О Конституции», о народных движениях в России.

А.П. Щапов был весьма оригинальным и постоянно растущим мыслителем, но в общем его взгляды формировались под влиянием революционных демократов Герцена, Огарева, Белинского и Чернышевского. Конечно, нельзя говорить о полной идентичности с ними взглядов А.П. Щапова, но многое было от них. Большинство советских историков, изучавших общественно-политические взгляды А.П. Щапова, единодушно признают, что А.П. Щапов был близок к лагерю революционных демократов, и лишь некоторые из них считают его самого революционным демократом. Именно так оценивает его исследователь П.И. Кабанов в своей книге «Общественно-политические и исторические взгляды А.П. Щапова» (М., 1954). Историк В.Е. Иллерицкий писал, что Щапов был лишь «близок к лагерю революционной демократии»⁴⁷⁷. Н.П. Болтухин видит в Щапове демократа-просветителя, который в некоторых вопросах «шел за революционными демократами»⁴⁷⁸.

Известно, что А.П. Щапов не успел развернуть полностью свою революционно-демократическую деятельность. Он был арестован и находился под полицейским надзором до конца своей жизни. Но и в этих тяжелых условиях А.П. Щапов проявил себя как революционный демократ. Доказательством этому является его речь после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам, которую он закончил возгласом «Да здравствует демократическая конституция»⁴⁷⁹.

⁴⁷⁷ Вопросы истории. 1955. № 6. С. 146.

⁴⁷⁸ Болтухин Н.П. А.П. Щапов как историк Сибири: автореф. дис. Томск, 1958.

⁴⁷⁹ В книге Г.Н. Вульфсона и Е.Г. Бушканца указывается, что «некоторые историки ошибочно» полагают, что Щапов был «идейным руководителем революционно-демократического студенчества в Казани. Но он, бесспорно, оказал большое влияние на студенчество Казанского университета» (С. 68–69). Авторы книги считают, види-

Казанский кружок демократов, узнав о событиях в с. Бездне, послал туда студентов Клауса, Элпидина и Аристова, но двое из них были арестованы лишь только они появились в селе. Не зря граф Апраксин считал студентов замешанными в подстрекательстве крестьян.

После панихиды по убитым в с. Бездне из университета было исключено 9 студентов, а А.П. Щапов арестован и отправлен в Петербург.

Необходимо отметить теплое участие к А.П. Щапову революционных демократов столицы во главе с Н.Г. Чернышевским, которые публично выступили в его защиту, когда Синод и жандармы за речь на панихиде предложили заточить его в отдаленный монастырь. Это было еще в 1862 году. Под давлением революционно-демократической общественности эта ссылка была отменена. Таким образом, А.П. Щапов был не только близок к революционно-демократическому лагерю, он: был в нем и был нужен ему для подготовки революции в России. Живя в Петербурге под надзором жандармерии, А.П. Щапов продолжал общение с революционной демократией столицы и даже подозревался в сношениях с «лондонскими пропагандистами». Это обстоятельство решило его ссылку в Сибирь.

Не только общественная деятельность А.П. Щапова была революционно-демократического направления, но такими же были и его взгляды: «По своим общефилософским воззрениям и социологическим взглядам Щапов, несомненно, принадлежал к революционно-демократическому лагерю 60-х годов»⁴⁸⁰. Что касается крестьянской реформы, то «вместе со всем лагерем революционных демократов Щапов правильно оценивал ее грабительский характер, полностью был на стороне крестьян, стихийно боровшихся против «реформы»⁴⁸¹. А.П. Щапов, будучи сторонником такого государства, где власть принадлежала бы народу, выступал с горячей защитой равноправия всех национальностей в России и требовал одинаковых с русскими политических прав для всех народов России»⁴⁸².

мо, что студенты-демократы имели идейными руководителями Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова; А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Но ведь и А.П. Щапов питался из этих источников и их идеи были основой его руководства. А так как А.П. Щапов занимал в Казани выдающееся общественное положение как преподаватель университета, что ошибочно в том, если его считать для Казани одним из идейных руководителей? Тем более что авторы книги прекрасно доказывают фактами его большое влияние на демократическое студенчество. Приведем слова Красноперова, они пишут: «Передовые студенты признавали, что Щапов воспитал из них «истых демократов» (С. 77). Неужели и в этом случае можно говорить только о «влиянии», а не о руководстве? По нашему мнению, «влияние» почти ничем не отличается от «руководства», и «некоторые историки» не допустили никакой ошибки.

⁴⁸⁰ Кабанов П. Общественно-политические и исторические взгляды А.П. Щапова. М., 1954. С. 61; Вопросы истории. 1962. № 4. С. 88–89.

⁴⁸¹ Там же. С. 44.

⁴⁸² Там же. С. 54.

Безднинские события и панихида по убитым крестьянам были в апреле 1861 года, а в мае пришли новые университетские «правила», которыми в университетах вводился усиленный жандармский надзор и ликвидировались студенческие организации. В ответ на это студенты устроили несколько демонстраций. Университет был закрыт, в него введена рота солдат. Одновременно начались обыски и аресты, а в результате деятельности особой следственной комиссии из университета было исключено 46 студентов.

Занятия возобновились в конце ноября 1861 г. Невзирая на запрещение устраивать сходки, пользоваться студенческой библиотекой и читальным залом, студенты-демократы продолжали свою революционную деятельность. 24 декабря 1861 г. была готова прокламация, составленная братьями Пеньковскими и М.Элпидиным: «Бью челом народу православному». В ней разоблачался грабительский характер реформы, отмечалась разрозненность крестьянских выступлений, и содержался призыв к крестьянской революции и свержению самодержавия. В 1862 г. была издана прокламация Умнова «Долго давили вас, братцы».

Из воспоминаний А.А. Слепцова известно, что летом и осенью (1862 г.) он объехал Поволжье и организовал комитеты «Земли и воли» в Твери, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове и Астрахани. Костяком Казанского комитета «Земля и воля» был состав Казанского кружка, состоявшего главным образом из студентов Казанского университета. Всероссийское революционное тайное общество «Земля и воля», организованное в 1861 году Герценом, Огаревым, Чернышевским, братьями Серно-Соловьевичами, Слепцовым и другими, возникло после разгрома крестьянских восстаний в с. Бездне и Кандеевке на более широкой основе: это общество росло как «... организация революционеров и народа, а не только интеллигенции» для руководства предполагавшимся в 1863 г. «повсюдным» крестьянским восстанием, что придавало ему широкий демократический характер⁴⁸³.

Казанский комитет «Земли и воли» был очень сильно законспирирован, а сферой своего влияния имел не только Казанскую, но также Симбирскую и Самарскую губернии. А.И. Герцен считал Казанский комитет организацией Средне-Волжского округа, которая была «отлично устроена; это образец ума и логики»⁴⁸⁴. Историк Я.И. Линков писал в своей статье «Идейные и тактические разногласия в рядах революционной демократии»: «Казанская организация «Земли и воли» являлась одной из самых передовых среди провинциальных ее организаций. Основное ядро казанских землевольцев отличалось высоким для того времени уровнем революционной зрелости, глубоким пониманием тактической линии тайного общества и твердой к ней приверженностью»⁴⁸⁵.

⁴⁸³ Нечкина М.В. Возникновение первой «Земли и воли» // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960. С. 297.

⁴⁸⁴ Герцен А.И. Соч. Т. 16. С. 202.

⁴⁸⁵ Вопросы истории. 1959. № 6. С. 61.

Казанский комитет «Земли и воли» имел весьма значительное число членов, которые сосредоточивались в различных кружках. Только в одном кружке числилось в 1863 году 50 человек студентов. Общее количество членов Казанского комитета остается неизвестным, но и оно было весьма значительным, что подтверждается тем фактом, что комитет смог оказать бежавшему из московской тюрьмы И.И. Кельсиеву денежную помощь в сумме больше 100 рублей.

К осени 1863 г. Казанский комитет «Земли и воли» надеялся иметь в своем распоряжении 5 печатных и несколько литографских станков и выпускать кроме прокламаций еще ежемесячное издание»⁴⁸⁶.

Диапазон революционной работы Комитета значительно расширился и углубился: «Земля и воля» готовилась к всероссийской крестьянской революции и надеялась, что революционной волной повсеместного восстания самодержавие будет сметено.

В 1862 и 1863 годах Казанский комитет «Земли и воли» проявил себя в подготовке восстания крестьян Казанской губернии, которое должно было поддержать польское восстание 1863 года и в своем развитии быть сигналом для всероссийской крестьянской революции. Это начинание в исторической литературе носит название «Казанский заговор»⁴⁸⁷.

В 1863 г. тайное общество «Земля и воля» готовилось по всей России примкнуть к крестьянской революции. Эта подготовка выражалась в издании прокламаций, распространении их по деревням, в заготовке оружия, в пропаганде среди солдат и офицеров социалистических идей и т.п. В этом плане Казанский комитет «Земли и воли» и развернул свою деятельность. Казанский комитет держал постоянную связь с Петербургским Центральным Комитетом общества, с Московским, Нижегородским и Саратовским комитетами.

В 1862 году Казанский комитет начал переговоры с представителями Польского Жонда Народова И.Кеневичем, Черняком, Мрочекком и Иваницким, которые сообщили, что Центральный Комитет уже осведомлен об их планах, остается только договориться с Казанским комитетом о совместной пропаганде крестьянского восстания в губернии. Это восстание будет сигнала-

⁴⁸⁶ Лейкина-Свирская В.Р. Казанский заговор 1863 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960. С. 442.

⁴⁸⁷ Изучение этого события началось еще до революции 1917 года и не закончилось до настоящего времени. «Казанский заговор» изучался не только советскими, но и польскими историками: Ершов А. Казанский заговор // Голос минувшего. 1913. № 6; Линков Я.И. Идеиные и тактические разногласия в рядах революционной демократии // Вопросы истории. 1959. № 6; Нечкина М.В. Новые материалы о революционной ситуации // Литературное наследство. Т. 61; Беляевская И.М. А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение. М., 1954; Ковальский Ю. Российская революционная демократия. Варшава, 1955; его же: Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., 1953; Борковская Ф. и Язвинская Е. Казанский заговор 1863 г. Вроцлав, 1956; Витковский И. Восстание 1863 г. Минск, 1931; Безднинское восстание 1861 г.: сб. док. Казань, 1948.

лом для крестьянской революции во всей России. Вместе с тем оно поможет оттянуть царские войска от Польши и тем самым обеспечить успех польско-национально-освободительному движению.

Казанская губерния считалась польскими революционерами самым подходящим плацдармом для начала крестьянского восстания в России. Крестьяне Казанской губернии, начиная с осени 1861 года, не прекращали активную борьбу с помещиками и местной администрацией. Внимание польских революционеров особенно привлекали события в с. Бездне и соседних деревнях.

В 1863–1865 гг. крестьяне сс. Бездна, Болховка и Гусиха Спасского уезда, с. Тюлячей Лаишевского уезда и многих других отказывались работать на помещиков, не подчинялись местной администрации, настойчиво добиваясь своих прав⁴⁸⁸.

Вот почему и польские революционеры в России и Казанский комитет «Земли и воли» считали, что Казанская губерния в состоянии дать революционный взрыв, который может превратиться во всероссийскую крестьянскую революцию.

В марте 1853 г. один из инициаторов «Казанского заговора» Иваницкий сам побывал в селе Бездне и имел там беседу с крестьянами. Он призывал их вооружаться и начать восстание, когда получат сигнал. Об агитации Иваницкого сообщили в своих показаниях крестьяне Хорин, Соколов, Васильев и Дормидонтов⁴⁸⁹. По разработанному плану крестьянское восстание в Казанской губернии должно было быстро распространиться вдоль Камы и Волги, затем охватить Донскую область и Украину и слиться с польским восстанием. После чего революционные войска, формируемые в Польше и Украине, начнут поход на обе столицы с целью свержения самодержавия. Если этот поход будет успешным, начнет функционировать временное революционное правительство, которое созовет выборную народом Земскую думу или Государственный Совет и передаст все полномочия учредить республику, установить полную свободу и равноправие всех людей. Крестьяне получают безвозмездно нужное им количество земли за счет помещичьих и казенных земель, отменены будут налоги и повинности, упразднена армия и рекрутские наборы.

На первом этапе крестьянского восстания в Казанской губернии имелось в виду овладение Ижевским оружейным заводом и гор. Казанью со всеми его военными предприятиями и арсеналами.

Весь этот грандиозный план польские и русские революционеры согласовали с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. Но в Петербурге и Казани эта тактика вызвала возражения со стороны землевольцев.

Польская группа участников заговора основным документом в агитации за крестьянскую революцию имела подложный манифест, который предоставлял крестьянам землю и волю. Огарев оправдывал эту меру, поскольку она могла

⁴⁸⁸ Устюжанин Е.И. Крестьянские движения в Казанской губернии в период реформы 1861 г. // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Т. 1. С. 455–480.

⁴⁸⁹ Безднинское восстание: сб. док. Казань, 1948. С. 147.

ускорить крестьянскую революцию, но Герцен осуждал ее, так как, писал он, этот документ «поддерживает старую несчастную мысль, что царь хочет дать настоящую волю, только ему все кто-то мешает»⁴⁹⁰.

В разработке плана крестьянской революции ведущую роль выполняли офицеры (Черняк, Иваницкий, Мрочек и др.), по выражению Герцена, люди «благородные», согласившиеся на составление подложного манифеста с целью «поднять крестьян прямым авторитетом высшей власти». С ними согласился Московский комитет «Земли и воли». Против этого плана выступили Петербургский и Казанский комитеты, хотя они не только не препятствовали офицерской агитации, но вели свою линию подготовки крестьянской революции.

Вторым документом офицеров была прокламация «Временное народное правление», призывавшая открытым восстанием сбросить «гнетущее иго». Казанский комитет отказался распространять и то и другое.

Казанский комитет «Земли и воли» распространял прокламацию Умнова «Долго давили вас, братцы» в Спасском, Лаишевском и Чистопольском уездах. И. Орлов повез эту прокламацию в Вятку и имел в виду послать ее и в Пермь. Вместе с тем составлена была еще одна листовка «Братцы, царь дал вам волю», в которой говорилось о длительной подготовке к восстанию. Эта листовка, по мнению В.Р. Лейкиной-Свирской, составлена была в Казани уже после того, как провокатор Глассон сделал донос о заговоре⁴⁹¹. В апреле 1863 г. начались аресты.

Военный суд вынес приговор о расстреле Иваницкого, Мрочека, Станкевича, Кеневича и Черняка, а более 20 человек – землепользители Орлов, Полиновский, Сергеев, Красноперов, Лаврский и др. приговорены к ссылке в Сибирь на каторгу⁴⁹². Эти события затормозили революционную деятельность Казанской организации, но ненадолго: в 1866 г. выстрел Каракозова прогремел на всю Россию, но это было проявлением не той «Земли и воли», которая прекратила свое существование в 1864 году⁴⁹³.

Я.И. Линков признает, что «хотя «Казанский заговор» был задуман как удар по русскому царизму, он в конечном счете нанес серьезный ущерб русскому революционному движению», так как повлек многочисленные «провалы» и большие жертвы среди землепользителей. Это крайне ухудшило обстановку для революционной работы и в конечном счете вызвало распад всей организации⁴⁹⁴. К этому времени реакционная политика царизма развернулась по всему фронту: закрывались демократические органы печати, производились аресты, расстрелы и ссылки в каторжные работы.

⁴⁹⁰ Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960. С. 436.

⁴⁹¹ Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: [сб. ст.] М., 1960. С. 447–448.

⁴⁹² История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. 1. С. 300.

⁴⁹³ Вопросы истории. 1959. № 6. С. 63.

⁴⁹⁴ Там же.

Крестьянское движение местами продолжалось, но оно имело местный характер и проходило без участия революционно-демократической общенности. Репрессии, испытанные революционными демократами в связи с раскрытием «Казанского заговора» в 1863 году, и ликвидация тайного общества «Земля и воля» знаменовали собою начало затухания революционной ситуации и в Казанской губернии, и во всей России. Крестьянское движение продолжалось, но уже не с той силой, что было в годы непосредственной революционной ситуации.

Исходя из изложенных выше фактов, общую революционную ситуацию в Казанской губернии можно отнести к 1856–1866 годам. За пределами этого времени активизировалось движение только среди бывших государственных крестьян, да и то после некоторого затишья.

Почему первая революционная ситуация не привела к революции в России? В.И. Ленин указывал, что для успеха революции необходима способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»⁴⁹⁵.

Революционным классом того времени было крестьянство, выступавшее против феодально-крепостнического дворянства. Но его выступления не имели единого организационного центра, хотя «Земля и воля» и пыталась его создать. Крестьянство не представляло в системе общественного производства монолитного класса и под влиянием капиталистических отношений делилось на антагонистические социальные группы, подобно этому и землевольцы идейно не были едины, о чем свидетельствуют их разногласия. А это лишало революционный класс необходимой способности на массовые действия, чтобы сломить старое правительство. Землевольцы не могли побороть стихийность крестьянских выступлений и их местный характер, не в состоянии были преодолеть монархические иллюзии крестьян.

Деятельность революционных демократов была самоотверженной, от начала до конца преданной интересам угнетенного крестьянства. Землевольцы развивали свою революционную деятельность на основе крупных связей со всероссийскими революционными организациями, обществами и заграничными центрами революционной эмиграции, но они при всем своем желании не смогли овладеть крестьянским движением и довести его до степени всероссийского революционного восстания, направленного на свержение монархии. Рабочий же класс только еще формировался. Между тем самодержавие успело пустить в ход все средства для предупреждения и подавления назревающей революции: прежде чем разослать на места «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», в губернии были посланы войска для подавления возможных выступлений крестьян, местные власти соответствующим образом проинструктированы, печать сильно ограничена цензурой, жандармерия развернула тайный и явный надзор и наблюдение за деятельностью рево-

⁴⁹⁵ Ленин В.И. Соч. Т. 21. С. 189–190.

люционеро́в и тайных обществ, начались аресты, гражданские и военные суды, стали выноситься весьма жестокие приговоры о тюремном заключении, ссылке в каторжные работы с последующим поселением в Сибири и, наконец, о расстреле и повешении.

Вот почему первая революционная ситуация не могла вызвать революции и свержения самодержавия.

Тем не менее революционная ситуация привела к падению крепостного права. Крестьянские реформы 1861–1866 гг. со всеми их недостатками, со всеми пережитками крепостничества являются завоеванием революционной ситуации, результатом борьбы революционной демократии и революционного крестьянства. Одновременно с крестьянской реформой введено было земство, реформировано городское самоуправление, а спустя несколько лет осуществлены реформа суда и военная реформа. Революционная ситуация обеспечила развитие России по буржуазно-капиталистическому пути, хотя и с пережитками крепостничества. Свержение же самодержавия мог совершить лишь рабочий класс, который вырос и окреп в годы развития промышленного капитализма и империализма, создав революционный авангард – Коммунистическую партию. Под руководством Коммунистической партии рабочий класс в союзе с крестьянством свергнул самодержавие, а за ним и капиталистический строй, обеспечив торжество социализма в нашей стране.

Каковы, на наш взгляд, задачи дальнейшего изучения революционной ситуации в Казанской губернии?

Прежде всего, необходимо продолжать исследование не только непосредственной революционной ситуации 1859–1861 гг., но и общей, хронологические рамки которой охватывают по крайней мере целое десятилетие (1856–1866 гг.).

При изучении экономических предпосылок революционной ситуации важно сосредоточить внимание на кризисе старой формации и степени зрелости новой, а для этого особенно глубокого исследования требует проявление промышленного переворота в экономике Казанской губернии, развитие производительных сил во всех областях хозяйства, обострение нужды и бедствий угнетенных масс.

Особенностью революционной ситуации в Казанской губернии являлось сочетание классовой борьбы русских крестьян с национально-освободительным движением нерусских народов. Однако это движение недостаточно изучено.

В области революционно-демократического движения необходимо обратить внимание на изучение коллективной революционной работы: кружков, «библиотек», организаций и особенно казанского отделения «Земли и воли».

Наконец, требуют монографического изучения крестьянские реформы 1860-х годов, особенно среди государственных и удельных крестьян, как побочный продукт революционной ситуации конца 50-х – начала 60-х годов XIX века.

РАЗДЕЛ 3

История народов Среднего Поволжья в XVI–XVII вв.

Облик казанской жизни в XVI веке¹

Опубликовано в сборнике «Старая и Новая Казань: культурно-исторические экскурсии» под ред. проф. С.П. Сингалевича (Казань: Изд. Акад. Центра Татнаркомпроса, 1927. С. 39–60)

Казань в XVI веке была не только городом, т.е. укрепленным военным и торговым центром, но и столицей Казанского ханства. Жизнь города, как столицы государства значительно полнее и многограннее сравнительно с жизнью обыкновенного города. Чрезвычайно важна и эпоха XVI века для Казани, когда мы наблюдаем здесь проявление всего могущества Казанского ханства, его беспощадную борьбу за свою самостоятельность, его падение под ударами экономической политики Московского государства и медленное умирание татарского государства в течение всего XVI века с целым рядом вспышек, podobных агонии умерщвляемого организма.

Эта эпоха коренного политического переворота внесла чрезвычайно существенные видоизменения в жизнь города Казани. Завоевание последней совершенно изменило ее облик, переставив общественные группировки так, что татары из состояния господствующего населения превратились в покоренное и подчиненное во всех отношениях и московскому торговому капиталу и московскому служилому классу.

I

Социально-экономический строй Татарской Казани.

Действительно, каждому известно, что в эпоху самостоятельности Казанского ханства в городе Казани господствующее положение занимали придворные люди, помещики, мусульманское духовенство и отдельные представители

¹ Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923; Фирсов Н.А. Положение инородцев Сев. Вост. России в Московском государстве. Казань, 1866; Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1877; Заринский П. Очерки древней Казани. Казань, 1877; Фирсов Н.Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1921; Материалы по изучению Татарстана: сб. ст. Вып. 2. Казань: Изд. Казанского Бюро Краеведения, 1925; Фирсов Н.Н. Прошлое Татарии. Казань, 1926.

торгово-промышленного мира, или вернее – торгово-ремесленного, поскольку термин «ремесленный» более соответствует состоянию техники производства в первой половине XVI в. Во главе правительства стоял хан, в принципе неограниченный в своих правах и действиях; но этот принцип нарушался в XVI веке довольно часто в связи с усилением сословно-феодальной дифференциации и в зависимости от исхода борьбы партий, группировавшихся около ханского трона. Эпоха русского протектората (1487–1521 гг.) и национального возрождения (1521–1550 гг.) соответственно периодизации М.Г. Худякова особенно богата этой борьбой партий, из которых должны быть отмечены по различию их ориентации во внешней политике, – русская, ногайская, крымская и др. Участвовавшие в XVI веке политические перевороты в Казанском ханстве всего больше выражались в городе Казани и интересовали все господствующие слои ее населения. Служба при ханском дворе, привилегии и опалы, ссылки, казни, помилования и пожалования, – все это сменяется и объединяется в пользу одних за счет других представителей указанных партий. Интересы эмиров, князей и помещиков, военного сословия – огланов и казаков, а вместе с тем чиновников и духовенства, в течение всей первой половины XVI века сосредоточивались вокруг этой борьбы партий, вокруг интересов служебного и личного характера, тем самым заполняя основные моменты своей жизни в столице Казанского ханства. Слишком частые войны, характерные для военно-феодального государства, каковым было Казанское ханство, при осложнившейся политической ситуации в связи с агрессивной политикой Московского правительства, милитаризовали помещичий класс и задерживали культурное развитие города и населения.

Духовенство, не в пример прочим сословиям, поддерживало всегда политику сильнейшей партии и этим спасало свое выдающееся положение, особенно в г. Казани. Сеиды, шейхи, муллы, абазы, шейхзады и муллазады, составляя в совокупности мусульманское духовенство, пользовались большими духовными и материальными привилегиями. Владея огромными землями, распоряжаясь колоссальными богатствами, высшее духовенство в особенности, находилось, можно сказать, даже в лучшем положении, что в Московском государстве. И внешне это выражалось чрезвычайно ярко, по-восточному; хан, где-либо встретив сеида, должен был целовать его руку и тем самым оказать свое преклонение перед высшим духовным лицом. Все прочие целовали лишь край его одежды. Редко наблюдалось расхождение в политике сеида и хана; по крайней мере, известен лишь один случай, когда сеид был убит за то, что намеревался лишить жизни и не допустить до престола хана Сафа-Гирея.

Выразителем оживленности политических интересов в столице Казанского ханства было особое собрание законосовещательного, а иногда и законодательного характера под именем курултай. Но собиралось оно только в чрезвычайных случаях, было не постоянным институтом, но, по-видимому, весьма важным. Собирали его для санкционирования решений правительства, вернее

– проектов этих решений, относительно заключения мира, объявления войны, выборов хана и др. вопросов чрезвычайной государственной важности².

На курултай созывались обычно все полноправные граждане, «вся земля казанская» по выражению русских летописей, но подготавливались, обсуждались и решались вопросы исключительно представителями господствующих классов и большей частью представителями господствующей партии. К сожалению, татарские источники о курултае еще не открыты, вследствие чего и самое существование курултая является еще проблематичным, т.к. данные русских летописей категорически вопроса не разрешают.

Большая часть населения г. Казани состояла однако из податного сословия. Были здесь и землепашцы и ремесленники и торговцы, были ямщики и дворня. Но эти группы населения далеко не обладали теми правами, что было обычным явлением для описанных нами выше. Кроме торговцев и части ремесленников, все были подневольными, находились в чем-либо распоряжении, в личной и экономической зависимости какого-либо лица из привилегированных сословий. Обязанность податного сословия – платить налоги и исполнять повинности не только по отношению к государству, но и по отношению к хозяину-властелину. Ярлык хана Сахиб-Гирея упоминает 13 видов налогов и повинностей, но были и другие которые не вошли в содержание указанной тарханной грамоты. Были и совершенно бесправные рабы, упоминавшиеся в исторических памятниках наряду с живым и мертвым инвентарем их владельцев. Комплектовались они главным образом из пленников. А число их было довольно внушительно, т.к. войны велись почти постоянно с небольшими перерывами.

Весьма заметным общественным элементом в г. Казани были иностранцы. Торговые связи ханства с Московией, Персией, Хивой, Бухарой, Турцией, Сибирью, Кавказом и др. вызывали приток иностранцев в Казань, одних на постоянное, других на временное проживание. Известна, напр., Армянская слобода – место постоянного жительства армянских купцов и их челяди на месте Армянской улицы.

Вот в кратких чертах общественный облик г. Казани в первой половине XVI века и наиболее крупные объекты общественного внимания.

Далее нам необходимо осветить хозяйственный быт и его эволюцию.

Казань, как хозяйственный и экономический центр, выделялась в области торговли и мелкой промышленности, скорее – ремесла. В этом состояла и политическая и экономическая мощь города и его значение как центра Волжско-Камского края.

Речные пути и грунтовые дороги, соединявшие как в центре весьма удаленные области, оживляли и торговую и промышленную жизнь города в XVI веке; Великий Новгород и Псков, Московия, Крым, Кавказ, Малая и Средняя Азия, вся Сибирь и отчасти северный край ежегодно принимали участие в

² Постоянными распорядительными и законодательными органами в ханстве были хан и совет карачиев, возглавляемый ханом (см.: Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. С. 188–189).

весенней Казанской ярмарке, происходившей тогда после спада весенних вод на Гостином острове, против устья р. Казанки. Тут шла и оптовая торговля и розничная. Но и прочее время года торговля Казани была оживленной. Исторические памятники и записки современников указывают нам, что во все время года можно было наблюдать в Казани массу иностранных купцов, ведущих торговые дела через г. Казань. Лес, мех, мед проходили с севера, предметы культа, домашнего обихода и роскоши, лошади и мелкий скот шли с юга, пушной товар и продукты добывающей промышленности Сибири встречали предметы, главным образом, обрабатывающей промышленности с запада. Казань XVI в. очень сильна как транзитный пункт.

Традиция Болгарской эпохи торжествовала и в татарской Казани. Ясно, что и внутренний рынок, тяготевший к г. Казани, был довольно широк, чтобы из-за него, хотя бы отчасти, стало бороться такое сильное государство, как Москва.

Добывающая промышленность всего Казанского ханства проходила через казанский рынок; не обходила его и обрабатывающая, особенно продукты кожевенного производства.

В XVI в. Московское государство весьма раздвинулось на север и запад, включив в свой состав владения Великого Новгорода и Пскова, что с Тверским, Нижегородским и Рязанским краем, захваченными еще раньше, составило обширную территорию. Это государство уже имело торговые сношения с западом через Балтийское море. Но развивавшееся денежное хозяйство и торговый капитал стремился отвоевывать себе и восточные торговые пути. Торговая политика диктовала необходимость завоевания Волжско-Камского бассейна, т.к. непосредственная торговая связь с Персией, Турцией, Средней Азией и Сибирью не могла уже ограничиваться исключительно на договорных с Казанским ханством условиях, как это наблюдается в XV и в начале XVI века. Во второй четверти XVI века обнаружилось вполне ясно, что Московия заняла первое место на Казанском рынке, как в торговле непосредственно с Казанью, так и в торговле с Закавказьем, Персией, Туркестаном и восточными Ногаями. Это господствующее положение на Казанском рынке могло поколебаться в связи с усилением крымской партии в Казани. Ставленник Москвы Шейх-Али не мог спасти положения, несмотря на все усилия. Оставалось одно средство – война.

Завоевание Волжско-Камского торгового пути для Московского правительства стало необходимостью.

II

Борьба Московского государства за обладание Казанью.

Этим определяется основная причина войны с Казанским и Астраханским ханствами в XVI в. Но столь обнаженные утилитарные причины и цели всегда скрываются под другими лозунгами, более популярными и более при-

влекательными. Так было и в борьбе с Казанью. Возбуждался национальный антагонизм, религиозный фанатизм и нетерпимость; погромы торговых караванов, набеги за пленниками в пределы Московского государства, несмотря на то, что они были сплошь и рядом как бы ответным актом со стороны Казани, – все это давало правительству Московского царя огромные средства для враждебной агитации против Казани, а те выгоды, которые рисовались по завоевании ханства, для каждого сословия и класса дополняли картину национально-религиозного движения против «бусурманской» Казани; изнурительные и частые походы к ней стали носить название «крестовых походов» против иноверных.

Конечно, Казань прекрасно понимала политику Московского правительства и со своей стороны принимала всевозможные меры: связи с Турцией, с Крымом, с Ногаями, с Астраханью принимают самый оживленный характер. Создается план единого и сплошного фронта против Москвы, но в самый критический момент ногайцы становятся почти на нейтральную позицию, и это в тылу Казанского ханства и по нижнему течению Волги. Кроме этого все соседи Казани и южные мусульманские государства оказали лишь моральную поддержку, которая далеко не могла обеспечить победы казанскому оружию, кстати сказать, во многом уступавшему Московскому оружию с технической стороны. Завоевательные походы Москвы начались с 40-х годов и становились все более настойчивыми. Центром военных действий оказалась Казань. Падение Казани равносильно падению Казанского ханства при системе штурмов и осады, а не фронтовой войны. Вот почему осада и взятие Казани имело такое колоссальное общественно-политическое и экономическое значение. В особенности положение Казани стало угрожающим для татар после основания Свияжска, который стал одним из сильнейших аванпостов в борьбе Москвы с Казанью. После трех неудачных походов на Казань (в 1524, 1530 и 1550 годах) Московское правительство стало готовиться к последнему, тем более, что попытка присоединения Казанского ханства на уникальных началах потерпела неудачу в самый последний момент. Мы не будем излагать историю осады Казани, и весьма сильного напряжения в борьбе обеих стран, т.к. это уже общеизвестно, но коснуться следствий поражения ханского войска и сдачи Казани русскому оружию все же необходимо, т.к. этот период представляет целую эпоху в дальнейшей истории г. Казани.

Следствия завоевания вылились прежде всего в разгром г. Казани и его населения. Пожары и мародерство, охватившие Казань, произвели неизгладимое впечатление на жителей города, не говоря уже о том, что масса жителей была перебита во время и после сражения. Первые дни русского владычества в Казани со 2 октября 1552 г. представляли собой совершенно непредвиденное по своей жестокости явление. Это отмечается всеми дошедшими до нас источниками как татарского, так и русского происхождения, не исключая произведений песенного народного творчества. Это мародерство и совершенно ненужная жестокость, проявленная по отношению к татарам, послу-

жила основным сигналом для организации отпора. С небольшими промежутками во времени борьба за Казань между русскими и татарами продолжалась еще 6 лет; в эту борьбу на стороне татар втянулись уже и ногайцы и астраханцы и крымцы, и даже турки, посылая на помощь не только снаряжение и деньги, но войско. Русские войска с переменным успехом, но все же одержали верх. За эти годы постоянных сражений русское правительство соорудило каменную крепостную стену и выселило из посада все татарское население в местечко Кураишево, где положено начало современной Татарской слободы. Выселив татар из города, власть запретила даже появляться в нем без ведома ее на каждый случай. Деревянные дома перевозились в слободу, каменные оставались; дома, занятые или учреждениями или войсками оставались в распоряжении властей, и как на исключение можно указать на случай вознаграждения хозяев за недвижимую собственность, отнятую победителями. На месте пепелищ и разрушенных татарских зданий стали строить хоромы для бояр, воевод, служилых людей; рядом с полуразрушенными мечетями стали возводить храмы; вместо коренного татарского населения посад и крепость стала заселяться русскими служилыми людьми, их челядью и гостями, купцами и ремесленниками, вышедшими с Москвы, Пскова, Тулы и других московских городов и сел (подробности в статье Андреевского). Город Казань становится русским городом в полном смысле этого слова. Несмотря на то, что кругом около Казани поднимались восстания против московской власти, город жил жизнью как бы осажденного лагеря и настойчиво реконструировался, особенно после снятия блокады рек Волги, Камы и Вятки, после подавления движения, имевшего опорным пунктом город Чалым. В 60-х и 70-х годах и позже хотя и были восстания, но гром оружия уже не достигал Казани, замирая в селах и деревнях инородческих поселений чуваш, мордвы, марийцев и др. Вся казанская аристократия, исключая представителей так называемой русской или московской ориентации, была удалена из Казани, или сама удалилась, или погибла в неравных боях. Но оставшиеся либо поступили на ратную службу к новому правительству или, по принятии христианства, оставались здесь, сохранив за собой на время свои земельные владения. Нам нет возможности останавливаться на отзвуках завоевания Казанского ханства, которыми богата вся вторая половина XVI века, но нельзя не упомянуть о нашествии Девлет-Гирея весной 1572 года, когда крымский хан, мстя за взятие Казани и Астрахани, сжег всю Москву, разграбил ее, перебил и разорил массу населения (до 800 тыс. чел.) и 150 тыс. увел в плен. Можно сказать, удар был нанесен в 10-ти кратном размере.

Так он и заявил во время мирных переговоров: «жгу и пустошу Россию единственно за Казань и Астрахань». Тем не менее и Казань и Астрахань, а следовательно вся Волга, весь торговый путь в Персию остался в руках Московского правительства. Хотя и были сильны тенденции отложения от Москвы, однако и смутное время не могло организовать чего-либо среди татарского и инородческого населения. Если и были кое-какие начинания в этом направ-

лении, то они не увеличились даже маленьким и временным успехом, да и инициаторами организации самостоятельного, низового государства были не из среды побежденных. Причина кроется в том, что слишком был обескровлен татарский народ и слишком много он потерял в смысле общественно-политической и экономической организованности.

III

Жизненный облик Казани эпохи Московского порабощения.

Действительно, присмотримся ближе к общественной жизни Казани, как центра Волжско-Камского края, во 2-й половине XVI в. и мы увидим, что эта жизнь пошла совершенно по иному руслу. 50 лет Московского владычества в Казани сделали свое дело, создали совершенно иные и экономические и общественно-политические группы, привили совершенно иные интересы, злоба дня стала абсолютно противоположна прежнему времени, когда Казань была столицей Казанского ханства.

Экономическая жизнь г. Казани претерпела большие изменения особенно в функционировании внутреннего рынка и в отношении национального и персонального состава торгующих. Военные события и карательные экспедиции нарушили экономику деревни: она еще больше, чем раньше, замкнулась в форму натурального хозяйства с весьма слабыми признаками рыночного товарообмена. Татарские торговцы и промышленники были разорены вследствие оккупации области. Транзитная торговля военными событиями и переменой власти была тоже парализована. И можно думать, что это состояние экономической жизни долго не исправилось бы, если бы не были приняты весьма суровые меры московским правительством. Согласно указов последнего, в Казань были направлены московские, новгородские, псковские, костромские капиталисты, торговцы и ремесленники. Это спасло положение вещей и уже через 12–15 лет писец Кикин с товарищами, описывая в 1566 году рынок г. Казани, фиксирует около 400 лавок, 102 скамьи, 86 полок, 35 шалашей и т.д. Писцовая книга г. Казани отмечает уже и конский базар, что дает основание предполагать налаживающиеся торговые отношения с Ногайцами, главными поставщиками этого объекта рыночной торговли. К концу XVI века вполне была восстановлена транзитная торговля с соседними государствами; можно даже предполагать что внешняя торговля через г. Казань развилась значительно сильнее, чем в последние годы существования Казанского ханства, т.к. ни войны, ни блокады уже не нарушали общего хода торговых сношений. Если в прежнее время главным предметом торгового оборота была пушнина, то в настоящее – первое место заняла хлебная торговля. Об этом свидетельствует большое количество амбаров (по писцовой книге Кикина 82 амбара). Возможно, что хлеб не был предметом производства только Казанского края, а привозился с верховьев Волги и с Оки, но это не столь существенно, т.к. и доставка на рынок пушнины не ограничивалась террито-

рией Казанского ханства. Добывающая и обрабатывающая промышленность сосредоточилась тоже в руках русских предпринимателей, татары же допускались изредка; большинство их ушло в ремесло и мелкую розничную торговлю. В общих же чертах во всей области промышленность сохранила свой прежний характер и направление.

Но все же город Казань был прежде всего военно-административный центр на всем протяжении второй половины XVI-го и начала XVII века. Это вполне понятно из предыдущего изложения. В связи с этим и в общественных группировках первое место занимали представители служилых людей и администрации; бояре, воеводы, помещики и вотчинники. Их интересы сосредоточивались на получении хороших и населенных земель, на военных походах вглубь страны, на событиях города Казани, а ввиду опасного положения края – на предположениях, как избыть Казанского сиденья. Администрация все время была загружена организацией управления краем, сбором и выколачиванием податей и повинностей, сбором взяток в свой собственный карман и ориентировкой в новых обстоятельствах в беспокойной Казани. Нередко эта «неусыпная» работа правительства вызывала восстания инородцев, из которых особенной силой отличалось движение инородцев в 1582 году, когда, по словам летописца «поганые, как звери дикие, сопротивлялись рати московской, побивали московских людей то на станах, то на походах; бояре и воеводы не могли их усмирить». Этой непокорностью главным образом вызывалась необходимость постройки новых городов, как Лаишев, Тетюши, Чебоксары, Васильсурск, Козьмодемьянск и др. В области организации управления необходимо отметить, что всякая идея какой-либо автономии, даже в области суда, была признана ненужной и вредной. Край управлялся из Москвы приказом Казанского Дворца, а в самой Казани и на местах были лишь исполнительные органы, во главе которых стоял воевода с помощниками. Интересы туземного населения были подчинены интересам господствующего класса и ни о каких курултаях и советах не могло быть и речи. Фактически же все население было отдано в личное распоряжение воеводы, его помощников, дьяков и военного начальства.

Нам осталось осветить еще один вопрос общественной жизни Казани 2 половины XVI века – религиозный. Вместе с царем грозным пришло и православное духовенство. После разрушения мечетей в крепости и посаде и выселения большинства татар в слободу, стало развиваться церковное строительство. Вскоре после взятия Казани началась постройка Кафедрального собора (1552 г.), Спасского монастыря (1556 г.), Зилантовского (1559 г.) и женского монастыря (1579 г.), возникли многие приходские церкви и т.д. Позондировать почву относительно обращения в христианство татар и инородцев пошло духовенство по городам края, желая проникнуть и в деревни. В самом городе Казани начали «крепить» сначала только желающих, в особенности когда объявили новокрещенным преимущества и льготы. Это собственно и было единственным двигателем в деле обращения, да и то не особенно сильным и

долговечным. К концу XVI века стали обращать в христианство и с пристрастием, не гнушаясь никакими для этого средствами. Но и это плохо содействовало успеху. Народные предания в инородческой среде полны ужасов в изображении всевозможных мероприятий. В конце концов все это разрешилось полным дикого фанатизма указом «культурного» правительства Федора Ивановича в 1593 году: разметать все мечети в Казанской земле, а в городе Казани не допускать ни одного татарского жилья. Это распоряжение, конечно, произвело колоссальное и убийственное впечатление на весь неправославный мир, оно равносильно было вторичному падению Казанского ханства. Перед этим актом укрепившейся власти меркнут, пожалуй, все события второй половины XVI века, исключая 1552 г. Подобного выступления со стороны татар даже не мыслилось в период зависимости России от Золотой Орды. Духовенство, обеспеченное доходами и лучшими земельными угодьями, довершало то, чего не могла довершить власть. Если последняя убила физически Казанское ханство, духовенство нанесло чувствительный удар в моральном отношении.

Перед читателем прошел весьма сжатый очерк общественной жизни Казани в XVI веке.

Более подробное положение можно найти в вышеуказанной литературе.

Обзор материалов русско-ногайских отношений в XVI веке³

*Опубликовано в журнале «Вестник научного общества Татароведения»
(Казань, 1925. № 1–2. С. 16–22)*

Русской научной литературе в изучении русско-ногайских отношений не удалось до сих пор углубить вопроса до того предела, насколько позволяют это имеющиеся источники. Но надо заметить, что еще М.Щербатов и Карамзин выдвинули и поставили этот вопрос. Во второй половине XIX века, в связи с тенденциями научной и общественной мысли того времени, больше внимания уделять истории и жизни окраин России и отдельных национальных объединений, история ногайских татар и русско-ногайские отношения снова стали на очередь. Н.А. Фирсов, Перетяткович и С.М. Соловьев в своих работах отвели соответствующее место и ногайцам, поставив вопрос и шире и глубже, чем это мы можем видеть у Щербатова и Карамзина. Общий масштаб и план их работ, однако, не позволял этим историкам осветить эволюцию и социально-экономических и политических отношений в той мере, чтобы нам считать эти вопросы до конца изученными. Да и самое направление, самая философия того времени в области социологических построений может считаться устаревшей в наше время. Тем не менее, эта эпоха 60–80-х годов XIX

³ Настоящая статья – конспект 1-й главы моей работы «Русско-ногайские отношения в XVI веке» (Е. Ч.).

века заложила прочный фундамент в дело изучения истории ногайских татар, создала исходную базу, отправную точку для дальнейшей работы. Наконец, переживаемая нами эпоха послереволюционного строительства и материальных и культурных ценностей наряду с национальным возрождением, которое переживает страна в настоящее время, не могла не оказать своего влияния и на постановку научных проблем во всем их разнообразии. Господствующая философия материалистического понимания исторических событий, хозяйственно-краевые и национальные тенденции нашей современности выдвигают в науке не только новые, но и старые, нерешенные до сих пор вопросы. К числу таких вопросов относится и наш, о ногайских татарах. И в новейшей литературе по истории Поволжья мы можем наблюдать новую постановку его, но не разрешение. В работах Н.Н. Фирсова, Худякова, Гераклитова и Губайдуллина мы находим немало сведений, дополняющих и по-новому освещающих этот вопрос. Но в связи с тем обстоятельством, что вопросы края и отдельных национальных групп изучаются главным образом, на местах, без малейшей возможности воспользоваться теми источниками, которые хранятся в столичных архивах, исследователям только и удалось поставить вопрос в новой плоскости. Конечно, и это уже достижение, но такого свойства, которое заставляет изыскать меры и возможность для дальнейшей его разработки. В наше время вся сложность работы заключается в том, что в наших руках не имеется достаточного количества сырых архивных материалов; вследствие чего, любая попытка к заполнению этого пробела может быть чревата большими последствиями и должна поощряться всеми общественными и государственными организациями. К тому же, к собиранию исторического материала, толкает не только философия и методология науки, толкает и беспощадная к историческим документам действительность.

Источники русско-ногайских отношений начали издаваться более 130 лет тому назад. В VII–XI частях «Продолжения Древней Российской Вивлиофики», издававшегося в период 1791–1801 годов, напечатаны с большими купюрами материалы русско-ногайских отношений в эпоху Ивана Грозного (1534–1578 гг.). Это – основной сборник документов, в подлиннике хранящихся ныне в 1-м отделении Государственного Архива в Москве (бывш. Арх. Министерства Иностр. Дел). Ценность этого издания несколько не уменьшилась до настоящего времени. В нем собраны все грамоты, которыми обменивались московское и ногайское правительства; напечатаны некоторые донесения московских посланников и гонцов; отсутствуют лишь «памяти» или наказы послам, некоторые церемониальные описания и сношения с ногайскими послами во время их пребывания в Москве. Кроме того, в этом издании отсутствуют материалы, освещающие крайне важный момент русско-ногайских отношений в первые годы XVI века, когда ногаи переживали свою независимость и господство в степях южной и юго-восточной России. Из историков можно указать на Перетятковича и Соловьева, которые пользовались этими материалами эпохи Грозного, первый – по указанному нами изданию,

второй – по преимуществу в архиве. Русское Историческое Общество в 80-х годах стало издавать памятники дипломатических сношений с Турцией, Крымом и Ногайцами⁴. В результате мы имеем изданными важнейшие источники конца XV и начала XVI века. Издание это по выполнению стоит значительно выше, чем в «Продолжении Российской Вивлиофики», но все же есть небольшие купюры. Во всяком случае, это издание по научному значению и полноте выдвигается на первое же место. В памятниках дипломатических сношений в XVI веке с другими государствами, с Польшей, Англией, Швецией, Турцией, Крымом и др. имеется возможность дополнить еще более сношения с Ногайцами и выяснить их политическое и экономическое значение для Московского Государства. Этот материал в изобилии издан тем же Историческим Обществом⁵.

Как дополнительные данные по этому же вопросу, но уже в масштабе значительно меньшем, встречаются отдельные грамоты в 1-м томе «Собрания Государственных грамот и договоров» (1819 г.), в «Актах Исторических» и «Актах Археографической экспедиции» (1836 г.). Но в этих собраниях встречаются уже только отрывочные материалы, характеризующие тот или иной момент русско-ногайских отношений. Немаловажные сведения имеются о ногайских татарах в сказаниях о России иностранцев-путешественников и представителей европейских правительств в XVI и XVII веках. Этот материал уже общеизвестный и наиболее полно использованный наукой. Из них особенно важны записки Герберштейна, Флетчера, Олеария, Рейтенфельса и др. Возможно, что в связи с развитием краеведения и, в частности, собирания и изучения исторических материалов прошлого, объем научных источников сильно пополнится; об этом свидетельствуют данные новых открытий в области и материальной культуры Поволжья и рукописных памятников. Теперь же в нашем вопросе мы можем констатировать весьма солидное достижение, а именно: произведены списки с материалов ногайско-русских отношений за всю первую половину XVI в. из дел упомянутого нами архива. Получив этот материал в его целом, и присоединив к нему все изданное ранее, мы уже в состоянии дать полный очерк русско-ногайских отношений в XVI в.

Эти отношения, однако, требуют большого обоснования с точки зрения выявления хозяйственного быта ногайских татар в XVI в. и их торговых связей, как с Москвой, так и с другими государствами того времени. Тем более это важно, что существующая литература констатирует у ногайцев резко противоположные типы хозяйств, от кочевого в его первобытной стадии, до земледельческого. При данных современной науки об эволюции хозяйственных форм и при наличии всестороннего материала о ногайских татарах можно более точно и с большим весом дать характеристику хозяйственной жизни и быта ногайских татар в интересующую нас эпоху.

⁴ Сборник Рус[кого] Истор[ического] Общ[ества]. Т. 41 и 95.

⁵ Там же. Т. 29, 38, 95, 137 и др.

Материалы с большой очевидностью констатируют территорию кочевья, объекты торговли, на основании чего можно и создать вполне отчетливую картину хозяйственного быта и внести коррективы в научные выводы и построения не только старшего, но и последнего поколения исследователей.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы богаты сведениями о родовом и социальном строе ногайских татар, об их быте и нравах. Родовой строй считается уже установленным и общепризнанным в нашей научной литературе. Но этого еще мало для историка. Он изучает родовые объединения, родовые группы и их взаимоотношения, особенно если это касается государственных объединений, эквивалентных родовым союзам. Чем детальнее освещается этот вопрос, тем ярче обрисовываются и взаимоотношения, как социальные, так и политические. Научная литература, по примеру Перетятковича, устанавливает 3 главнейших родовых группы ногайских татар, из которых одна кочевала в районе северного Кавказа по р. Куме, другая – в районе Средней Азии и третья, главная группа, орда Шийдякова – в районе между Волгой и Уралом и отчасти в закаспийских степях. Эту же схему принимает и Гераклитов, изучавший вопрос в наше время. Но анализируя документы только из архива б. Мин. Иностран. Дел, мы можем установить и более мелкие государственные объединения внутри хотя бы орды Шийдяка, как он именуется в материалах. Что особенно интересно, в среде этих мелких объединений мы наблюдаем достаточно организации и силы, чтобы временами препятствовать выполнению планов Шийдяка, и не иных каких-либо, а чисто военного характера, Москва очень чутко прислушивалась к ногайцам именно потому, что можно было извлекать большие выгоды в результате столкновений одних объединений с другими. Вот в этом-то фактическом материале и заключаются те богатые данные, которые могут многое выяснить и в вопросе о территориальном влиянии ногайских татар и в вопросе об их родовых объединениях, что окажется чрезвычайно важным обстоятельством и для нашей основной темы о русско-ногайских отношениях в XVI в. Кроме того, в научной литературе чрезвычайно туманно и схематично освещается социальная структура. В этом вопросе исследователи приглашают большей частью к логическим умозаключениям по методу аналогии с более известными номадами или полуномадами, а иногда даже с Астраханским и Крымским ханствами. Конечно, некоторые черты сходства кое в чем имеются, но во всяком случае аналогий правильнее избегать особенно в тех случаях, когда можно воспользоваться документальными данными, хотя бы это потребовало большого труда. В указанных нами материалах, особенно в посольских «памятках», несколько месяцев тому назад выкопированных из архивных дел, а также и в русско-ногайских грамотах, напечатанных в упомянутых томах «Продолжения Российской Вивлиофики» эта сторона дела выясняется довольно отчетливо. Московское правительство весьма точно учитывало, какую «честь» можно оказать тому или иному мурзе или «сыну» ногайского хана Шийдяка, а также и другим ханам, предусматривая в первую очередь ту роль, какую играло лицо в политической жизни орды. Вот

эти-то указания и могут приподнять завесу над социальным строем ногайских татар: может быть, мы не сыщем в этих документах исчерпывающей терминологии, но социальное и политическое назначение различных группировок мы можем наметить вполне отчетливо. Наконец, скажем несколько слов относительно быта и нравов ногайских татар, проявившихся в процессе дипломатических и торговых сношений с Москвой. Как будто эта тема чрезвычайно далека от нашего объекта наблюдения и изучения, но, тем не менее, ее нельзя игнорировать, изучая эпоху XVI века в целом. Этикет приема послов, сопровождения их от одного пункта назначения к другому, обращение с ними и т.п., если хорошо изучены по отношению к Московскому Двору, то совершенно не анализированы по отношению к ногайцам. Всюду, где можно, исследователи отмечали случаи нападения и грабежа посольств с обеих сторон (Московской и Ногайской), которые происходили большей частью в результате нападения на посольство «лихих» людей, но в этих случаях необходимо учесть и такие, когда послам делали «лихо», грабеж и «посрамление» в ханской ставке. Взаимоотношения московского и ногайских правительств претерпели большие изменения в XVI веке, и те события, которые приходилось переживать послам, особенно московским, внушают большой интерес для характеристики самих взаимоотношений. Кроме того, поведение ногайских послов в Москве, даже в конце 40-х годов, например, когда был отправлен из Москвы в ногайскую орду пленник царевич Дербыш, составляет чрезвычайно яркую страницу в истории быта и нравов ногайцев. Весьма интересны те методы, которые применялись ногайскими послами для достижения своих целей. Одним словом, для характеристики родовых и социальных взаимоотношений ногайских татар, а также и их нравов в ту эпоху, мы обладаем довольно богатым материалом.

Что касается внутренней истории ногайских татар, и главным образом политической борьбы различных родовых союзов, а также внутри каждого союза, это в документах выявлено с большей последовательностью и точностью. О причинах этого мы указывали выше, следует только еще упомянуть о том, что внутренняя политическая борьба ногайцев нашла себе наиболее полное отражение в научной литературе; особенно много места уделяет этому Перетяткович в своем труде «Поволжье в XVI в.». Рознь и так называемые «междоусобия» внутри государственно-родового союза значительно сильнее выражены, чем в государстве феодальном. Но все же кроме причин, вытекающих из родовой структуры государственного объединения, борьбой внутри их руководят и иные причины, вытекающие из социально-экономических и политических взаимоотношений. Если это так, то мы можем констатировать, что на последние, как на причину борьбы, наша научная литература обращает внимание не вполне достаточное. Между тем, источники обильны и такого рода сведениями. Борьба ногайских татар за влияние тех или других родовых союзов на правом побережье р. Волги, борьба мурз Юсуфа с Измаилом за Урал и Прикаспийские степи едва ли может быть выяснена на почве лишь родового антагонизма. Между тем этот вопрос крайне важный в истории

ногайских татар в XVI в. и на нем должна остановиться современная наука, воспользовавшись уже и добытыми сведениями.

Только усвоив социально-экономические и политические взаимоотношения на протяжении трех четвертей XVI века, мы в состоянии будем дать и отчетливую картину и истории внешних сношений ногайских татар вообще и русско-ногайских сношений в частности. Источники дают возможность представить эволюцию политического господства и политического упадка ногайских татар в ряду всех окружавших ногайские кочевья государственных объединений. Сношения с Крымом, Астраханью, Бухарой, Персией, Казанью и Москвой с самого начала XVI века до 80-х годов в их различных видоизменениях и при резко противоположных сочетаниях государственно-политических группировок – все это отражается нашими источниками чрезвычайно ярко. Правда, научная литература очень много сделала ясным в этих внешних сношениях, особенно в трудах Перетятковича и Соловьева, но вследствие того, что они могут быть дополнены многими новыми фактами и к тому же в ином освещении, чем это мы видим в работах упомянутых ученых, в иной перспективе указанных нами взаимоотношений, работа над этими источниками является не только полезной, но и необходимой. Концепция, в которой уложены сведения о ногайских татарах у Перетятковича, завоевания и колонизации Среднего и Нижнего Поволжья, слишком узка, чтобы можно было уложить в нее те богатые сведения о ногайских татарах, которые находятся в источниках. То же самое можно сказать и про Соловьева, который приводил сведения о ногайцах лишь для понимания направления московской дипломатии в восточном вопросе и преимущественно в отношениях с Казанью, Астраханью и Крымом. Мы имеем в виду обратить внимание исследователей на вопрос в целом, т.е. на эволюцию взаимоотношений ногайских татар и Москвы, исходя от интересов не одного государственного объединения, а обоих; не только от политики одной Москвы, явившейся результатом определенных социально-экономических и политических взаимоотношений, но в равной мере и в той же ситуации и от ногайских татар. Такая постановка вопроса тем более своевременна и необходима, что в последнее время появляются научные исследования, на наш взгляд, не достаточно оценивающие роль и политическое влияние ногайских татар на политику не только Москвы и Казани, но Астрахани, Крыма, Бухары и даже Литвы в течение XVI века. Вот в общих чертах те мотивы, которые руководят нами поставить вопрос о русско-ногайских отношениях снова. Тем более это своевременно, что, благодаря заботам молодого ученого общества Татароведения, мы получили списки с документов совершенно не использованных нашей научной литературой и относящихся к первой половине XVI века (книги 1–3 из «Ногайских дел» 1-го отделения Государственного архива). Итак, взаимоотношения ногайских татар и Москвы мы можем, пользуясь этими документами, изучить и значительно глубже, вникая в эволюцию социально-экономических и политических взаимоотношений в среде ногайских татар, и значительно шире, вникая во внешние сношения ногайцев со всеми окружающими их государствами. Помимо всего

изложенного, эпоха XVI в. в истории не только ногайских, но астраханских и казанских татар чрезвычайно интересна и в том смысле, что она является временем упадка их могущества и политической самостоятельности, а также и эпохой высшего развития родовой и классово-политической борьбы, поскольку она мыслится для эпохи перехода к торжеству торгового капитала в тюркских государственных объединениях Среднего и Нижнего Поволжья.

К вопросу о связи Камско-Волжского края с российским рынком в XVII веке

*Опубликовано в сборнике «Известия Казанского филиала АН СССР»
(Казань, 1955. Вып. 1. С. 37–51)*

Камско-Волжский край в XVII веке представлял собою особую провинцию Русского государства, полным властелином земель которой считался московский государь, опиравшийся на служилый феодальный класс помещиков и торговцев. Все феодалы Камско-Волжского края нерусского происхождения, признавшие над собою власть Москвы, составляли особую группу служилых людей Московского государства, частично сохранивших за собою разные наименования и звания: князья и мурзы; служилые татары, мари и чуваша; тарханы и казаки. За представителями некоторой части бывшей знати сохранялись привилегии на землю и службу в войсках царя, а также на крепостных и холопов, которые обрабатывали их поместья и вотчины. Но подавляющее большинство трудового населения было зачислено в группу ясачных, т.е. данников, обязанных вносить ясак в пользу государевой казны. Ясаки были и пашенные, и пушные, а потом стали и денежные, смотря по роду хозяйственной деятельности ясачного населения.

Для Камско-Волжского края хлеб был самым главным видом поставки в ясак. Местами в счет ясака входила поставка рыбы, которой на «государев обиход» доставлялось на 100 тыс. р. в год. Ногайцы и башкиры поставляли от 30 до 50 тысяч голов лошадей, которые пополняли царскую конницу и артиллерию, а кроме того и помещичьи конюшни. С XVII века правительство принимает меры к разработке рудных богатств (медь и железо) на Урале, и в это же время идут поиски меди в Камско-Вятском районе («выше Мурзиной слободы»)⁶. Исторические акты XVII века констатируют приблизительное количество ясачных Казанского уезда в 15464 человека, которые должны были вносить деньгами 21523 руб., т.е. по 1,4 руб. с души⁷. Но ясачные выполняли и ряд натуральных повинностей: постройка укреплений, военная служба, дорожная и ямская повинности⁸.

⁶ Фирсов Н.А. Положение инородцев. К[азань], 1866. С. 81–86.

⁷ Там же. С. 161.

⁸ Там же. С. 167–171.

Эта феодальная основа экономики Камско-Волжского края в XVII веке обречена была на такие изменения, которые не могло предотвратить никакое правительство, так как оно должно было молчаливо отступить перед объективными законами экономического развития. Оброчная система в ее денежной форме не могла содействовать сохранению натуральной замкнутости, а развивающийся внутренний российский рынок через разделение труда вовлекал ясачных в мелкотоварное производство на рынок и втягивал торговый капитал в мелкую промышленность. Правительство хотя и оберегало ясачных от торговых людей, воевод и административных «кормленщиков», но это было скорее декларативно, чем на самом деле. Торговые люди могли вести торг с ясачными только после уплаты ясака, но этого почти никогда не было в действительности. Торговцам запрещалось ходить на промыслы одними указами, но разрешалось возить хлеб и сукна к ясачникам по другим указам. Правительство наказывало разного рода «насильников», но они никогда не исчезали и становились только более находчивы⁹.

Феодальная экономика России в XVII веке вступила в особый период так называемого первоначального накопления, который является почвой, где развивается корневая система, питающая развитие капиталистического способа производства, получившего свое начало во второй половине XVIII века. Именно в этих целях и интересно проследить, как разрушалось феодальное замкнутое хозяйство Камско-Волжского края, как этот край стал составной частью единого всероссийского внутреннего рынка, единого российского экономического организма. Благодаря появлению в настоящее время в печати фундаментального издания таможенных книг Московского государства XVII века лучше всего можно этот процесс проследить на операциях товарного обращения XVII века.

С.В. Бахрушин в статье «Предпосылки всероссийского рынка» указывал, что в России рост общественного разделения труда имел место уже в XVI веке. Это выразилось в росте городов и промыслов, в географическом разделении труда, так как наметились хлебные, льняные, пеньковые, огородные, овчарные и молочные районы; образовались центры металлургические, текстильные, кожевенные, пушные, солеваренные¹⁰. В условиях роста товарного обращения ремесло переходит в товарное производство. Денежные налоги, господство скупщика на рынке, укрепление мелкотоварного производства, товарно-денежное хозяйство – все это порождает товарно-денежные отношения, которые проявлялись эпизодически с XV столетия и даже раньше, но только с XVII века стали господствующим явлением в России.

Академик А.М. Панкратова в статье «О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму» делает заключение, что именно в XVII и первой половине XVIII века в условиях господства простого товар-

⁹ Фирсов Н.А. Указ. соч. С. 183–186.

¹⁰ Бахрушин С. Предпосылки всероссийского рынка // Ученые записки МГУ. Вып. 87. М., 1946.

ного производства уже зреют ростки будущего капиталистического способа производства¹¹.

Опубликование в печати таможенных книг Московского государства XVII века предоставляет богатую возможность подробно остановиться на важнейшем вопросе экономики XVII века – создании из местных рынков общероссийского внутреннего рынка и место в этом процессе Камско-Волжского края. Конкретный материал по товарному обращению дает возможность говорить и о мелкотоварном производстве.

Большой материал по товарному хозяйству в России и частично в Камско-Волжском крае раскрывают таможенные книги северного речного пути Московского государства XVII века, опубликованные Академией Наук СССР¹². В трех томах напечатаны книги Великого Устюга, Сольвычегодска, Тотьмы и других северных посадов. Эти книги отражают участие на указанных рынках казанских людей и каринских (вятских) и варзинских (елабужских) татар. Конечно, таможенные книги Москвы, Архангельска, Нижнего Новгорода и самой Казани дали бы более обильный материал для анализа и изучения торговых связей Камско-Волжского края с общероссийским рынком, но даже и эти материалы, которые относятся к северным и второстепенным торговым центрам, дают возможность убедительно говорить об этой связи. Опубликованные книги прекрасно иллюстрируют, чем торговали казанские люди, что они везли из своего края, что везли домой и в каких центрах России торговали. Мы можем пронаблюдать, кто и в какой степени был заинтересован товарами Камско-Волжского края и сбытом в этот край товаров общерусского и иностранного происхождения, в чьих руках была сосредоточена оптовая торговля и как она развивалась. Вместе с тем характеристика предметов обмена дает некоторое представление о состоянии мелкого товарного производства, особенно в разрезе его отраслей.

Из трех указанных северных торговых центров самым значительным был Устюг Великий, обороты которого в 3–4 раза превосходили обороты Сольвычегодска и в 6 раз – обороты Тотьмы¹³. Главный контингент торговцев в 1633–1634 годах в Устюге – устюжане (более 300), ветлужане (198), вологжане (169). Из других городов и местечек, которых указано более 100, торговцев было уже значительно меньше, но всего больше казанцев, которых указано более 60 чел., москвичей (39), ярославцев (27), вятчан (31) и иноземцев (41). В 1635 году городов и местечек, откуда были торговцы, указано более 150, но количество торговцев из одних меньше прошлогоднего, а из других больше, как например, вятчан, москвичей и ярославцев. Казанцев же зарегистрировано было значительно меньше – около 30.

¹¹ Вопросы истории. № 9. 1953. С. 76.

¹² Таможенные книги Московского государства XVII века / изд. под ред. А.И. Яковлева. Т. 1–3. М., 1950–1951.

¹³ Таможенные книги Московского государства XVII века / изд. под ред. А.И. Яковлева. Т. 1. М., 1950–1951. С. 5.

В Сольвычегодске в 1634 г. много было усольцев (376) и устюжан (203), меньше – вятчан (82), москвичей (75), вычегжан (57), важан (42), вологжан (40). Казанцев указано 20 чел., каринских татар 5 чел.

В Тотьме в 1634 году тотмян записано 440 человек, устюжан – 157, вологжан – 253, кокшарцев – 159, москвичей – 105, кологривцев – 50, иноземцев – более 50, нижегородцев – 9, казанцев – 7 и т.д.

В 70-х годах XVII века эти рынки еще более развились, особенно Великий Устюг, где устюжан было уже около 400, а ветлужан – более 600 человек.

Товары, которыми торговали казанцы в Великом Устюге, были разнообразны. О.Шавалдышев в 1633 году в Устюг приехал из Мангазеи и привез 11 сороков соболей, 2 сорока пупков собольих и 3 бобра.

Казанец В.Логинов приехал в Устюг из Архангельска на судне купца Алексея Усова и заявил о привозе 12 ансырей шелка, 103 киндяков, 20 бобров больших, 10 ярцов, 2 половинок английского сукна, 2 половинок лятчин, 2 мухояров, паникадила, 2 кип сукон, котлов – 5 вьюков, бочки белого железа, 4 бочек сельдей, 2 пудов изюма и бочки с мелким товаром. Ассортимент весьма разнообразный, но, как видно, по преимуществу иностранного происхождения. Через 5 дней к Василию Логинову пришел купленный раньше товар с Холмогор от П.Аврамова: три половинки английского сукна и 3 половинки лятчин. Кроме того, еще в предыдущем году он привез в Устюг 207 киндяков. 129 киндяков он выменял у С.Усова на 32 сорока 10 пупков соболя и еще у яренского купца купил 5 сороков 36 соболей за 200 руб., в счет которых дал 8 половинок лятчин, 10 киндяков и 2 пуда котлов, а часть деньгами. Он же, Логинов, купил 72 соболя и продал их костромитину Трифону, а от него получил 8 половинок лятчин, да полтора постова настрафилю. За 10 бобров и 11 ярцов выменял 3 половинки английского сукна. На 60 своих киндяков выменял сукна постав да 19 аршин. Продав шелку 12 ансырей и сделав общий оборот в Устюге на 530 рублей, В.Логинов на 5 подводах повез оставшийся товар в Казань¹⁴. Подобные обороты можно считать очень крупными.

Казанцы Прокопий Андреев и Андрей Антипин были более мелкими торговцами. В Устюг они приехали из Ярославля на 2 лошадях, но не торговали, а поехали дальше.

Иван Кирилов из Казани на двух лошадях привез 400 киндяков и 50 юфтей сафьянов. В Устюге у него было еще 50 юфтей сафьянов и 14 киндяков, которые он продал за 65 рублей. Из первой партии сафьян обменял на 3 половинки английского сукна, которые отослал в Казань, а с киндяками поехал на Вагу к ярмарке. В марте он еще приезжал в Устюг из Москвы¹⁵.

¹⁴ Таможенные книги... Т. 1. С. 21. Подобен ему Дм. Гребенкин, пославший из Казани «своего человека» П.Никифорова на 6 лошадях, который привез в Устюг на 420 руб. воску 30 пудов, меду 55 пудов, рыбу, икру, шелк, киндяки и проч. (Там же. С. 44–45).

¹⁵ Там же. Т. 1. С. 31 и 45.

Назар Леонтьев на двух лошадях из Казани привез 170 киндяков, сафьянов 30 юфтей, 34 ансыря шелку, 27 дорогов гиянских и променял их московскому гостю Кирилу Босому на 7 половинок сукон английских, 2 поставы сукон настрафилей и часть уплатил деньгами. Вся сделка на 370 рублей.

Свияженин К.Исаков, «человек Микифора Антипина», привез из Казани на 45 лошадях 900 кож яловичных соленых¹⁶. Казанец Федот Свешник приехал на 11 лошадях и привез окорока (2 воза), свежую рыбу (3 воза), 40 мехов, 8 пудов восковых свеч, 7 пудов воску, 10 пудов черной икры, 34 пуда с четвертью меда и 10 киндяков. Весь товар стоил несколько сот рублей¹⁷.

500 юфтей и 20000 белок привез «человек» казанца С.Кондратьева, который, возможно, был в компании с москвитиним гостиной сотни Оксентием Климшиным, так как платил только гостиный сбор¹⁸.

Заметным предметом торговли казанцев в Устюге Великим были лошади, которые продавались устюжанам преимущественно в количестве от одной до трех по цене от 3 до 9 рублей; в редком случае лошади куплены были иногородними: ярославцем и усольцем. Таможенная книга Великого Устюга за 1633–1634 год констатирует 26 казанских продавцов лошадей, из них один – козьмодемьянец.

Как видно из приведенных данных, мы говорили лишь о русском купечестве, которое, действительно, держало всю иногороднюю торговлю в своих руках. Из купечества других национальностей мы можем указать лишь каринских и варзинских татар, которые выступали на северных рынках с товарами, скупленными не только в вятских уездах, но и в уездах с нерусским населением Казанского края. Обороты татарских купцов не так велики, как русских, и не настолько разнообразны, но все же мы можем весьма определенно указать на полную самостоятельность и устойчивость их торговой деятельности.

Большие торговые операции в 30-х годах XVII века ведет хлыновский татарин Первой Кебешев. В феврале 1634 года на 3 лошадях он привез в Устюг 8 мер льняного и конопляного семени и 9 пудов воску, всего на 65 руб.¹⁹ Другой татарин Дмитрий Богданов приехал из Казани в Устюг и привел на продажу лошадь ценою в 5 руб.²⁰, без сомнения, помимо прочего товара и более ценного.

Очень заметны из каринских татар Борис и Дмитрий Араслановы, которые ведут торговое дело сообща. В 1635 г. Борис объявил на Устюге 5 половинок английского сукна и 3 половинки лятчин, а 20 января Дмитрий этот товар отправил с Устюга в Камско-Волжский край, видимо, через своего

¹⁶ Таможенные книги... Т. 1. С. 36. Несколько позже второй его «человек», М.Иванов, привез в Устюг на 28 лошадях сала говяжьего по бочке на лошади. Платил только гостиный сбор с лошадей и амбарные деньги (Там же. С. 48).

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 36.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 49.

¹⁹ Таможенные книги. Т. 1. С. 36.

²⁰ Там же. Т. 1. С. 48.

приказчика, т. к. через несколько дней он в Устюге же предъявил на продажу 11 пудов воску и 13 пудов меду, всего на 95 рублей²¹. Братья постоянно были погружены в торговые операции: 20 марта 1635 г. Борис привез в Устюг еще 30 пудов меду и 4 пуда воску на 84 рубля²². В феврале 1635 года татарин Федор Альшев привез воску 22 пуда и меду 6 пудов, всего на 140 рублей²³.

Таможенные книги отмечают и иногородних торговцев, связанных с Казанским рынком. Так, 1 октября 1634 года крестьянин Троицкого монастыря Данило Обросимов привез в Великий Устюг из Мангазеи соболей енисейской покупки почти 12 сороков, 18 сороков собольих пупков, 14 больших бобров, 40 собольих хвостов, 90 собольих выимков, 2 пупчатые пластины, соболью вешнюю пластину и проч. Со всем этим товаром он послал своего сына Василия в Казань на лошади²⁴.

В декабре того же года поехал в Казань с товаром из Устюга холмогорец Перфилий Аврамов. В марте он уже возвратился из Казани и через Устюг повез товар на 6 лошадях в Холмогоры²⁵.

В феврале того же года извозчики московского гостя Герасима Шерина привели в Устюг из Казани 94 воза с говяжьим салом; его же кожи, видимо, из Казани хранились «на гостине дворе в 3 анбарах уже 10 недель»²⁶. Кожи и сало были основным предметом вывоза из Казани и весьма многое говорили о развитии товарного кожевенного и салотопенного производства.

Московский гость Кирило Босой, имевший торговый оборот только в Устюге более чем на 2000 рублей в год, в марте 1634 года отпустил в Казань своего брата Стефана с его «человеком» с товаром сибирского привоза: 20 сороков соболей, 50 сороков пупков собольих, красной меди 50 пудов на 4 лошадях. Это говорит за то, что казанский рынок был далеко не малозначущим для таких «миллионщиков», как Кирило Босой²⁷.

Другой москвич гостиной сотни Яким Усов отпустил с Елисеем Тетеринным в Казань на 3 лошадях 20 половинок английского сукна, 10 поставов настрафилей, 2 яранги, меди в котлах 5 пудов и укладу 5 пудов²⁸. Через год Тетерин везет в Казань 15 сороков соболей, 3 половинки английского сукна, изюму 14 пудов и полбочки сельди, а обратно берет сафьян, киндяки, шелк, крашенину, обувь, кожу, меха, мед и воск на 4 лошадях²⁹.

²¹ Там же. Т. 1. С. 174.

²² Там же. Т. 1. С. 183–184. 22–23 марта он же продал двух лошадей за 10 рублей (Там же. С. 267–268).

²³ Там же. Т. 1. С. 176.

²⁴ Таможенные книги. Т. 1. С. 19. В марте сын вернулся из Казани опять в Устюг и привез с собой: «воску 15 пудов с четью, да сапогов 10 обувей больших, да малыя 5 обувей и меду пуд, всего на 105 рублей». (Там же. Т. 1. С. 48).

²⁵ Там же. Т. 1. С. 27–28 и 47.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 37.

²⁷ Там же. Т. 1. С. 55.

²⁸ Таможенные книги. Т. 1. С. 59.

²⁹ Там же. Т. 1. С. 281–283.

Тоже крупный торговец Василий Юрьев в декабре 1634 года поехал в Казань на 5 лошадях и повез 30 половинок английского сукна, 4 поштара настрафилей, 5 половинок кострышей, 4 половинки яренов, 2 стамеда, 25 стоп бумаги писчей, 20 пудов меди в котлах и тазах, бочку красного вина. В марте он из Казани возвратился в Устюг и привез оттуда 14 дорогих гиянских и тевризских, 11 киндяков арабских, три куска миткаля, 10 завесов, 2 кисеи, 4 ансыря шелку и 2 юфти сафьянов. Одновременно с этим прислали ему из Казани 13 пудов меду и кадку икры³⁰. Из этих операций видно, что шло на казанский рынок и что отправлялось оттуда: в Казань идет продукция промышленности, главным образом, шерстяной и металлообрабатывающей, а из Казани – продукция среднеазиатских стран и местной, как добывающей, так и обрабатывающей промышленности.

2 марта 1635 года Илья Михайлов, «человек» купца Василия Шерина, приехал из Казани на 86 лошадях с салом говяжьим. Это сало пошло из Устюга в Холмогоры³¹. Такой внушительный обоз был уже не первым.

10 сентября того же года 2 холмогорских купца повезли в Казань треску, винные ягоды и другой товар, а в феврале следующего года они уже были опять в Устюге с товаром из Казани на 5 лошадях³².

Если обратить внимание, куда казанские купцы устремлялись из Устюга Великого, то можно назвать такие пункты: Мангазея, Ярославль, Архангельск, Вологда, Холмогоры, Яренск, Сольвычегодск, Вага, Москва, Сибирь, Вычегда, Туглим, Вятский Волок и др. Рассматривая же – откуда попадали в Казань с Устюга иногородние купцы, можно отметить такие пункты: Вятка, Хлынов, Мангазея, Устюг, Холмогоры, Москва, Быкокуры, Ярославль и др. Такое наблюдение мы делаем только по данным двух устюжских книг 30-х годов XVII века. Особенно интересно отметить такие маршруты: Москва – Устюг – Казань и обратно (москвич); Вятский волок – Устюг – Холмогоры (казанец); Архангельск – Вологда – Устюг (казанец); Туглим – Устюг – Архангельск (казанец); Ярославль – Устюг – Вага (казанец); Казань – Устюг – Вага (казанец); Вологда – Устюг – Казань (казанец); Вычегда – Устюг (казанец); Мангазея – Устюг – Казань; Мангазея – Устюг – Ярославль; Холмогоры – Устюг – Казань (холмогорец); Яренск – Устюг – Казань; Сибирь – Устюг – Казань (москвич); Ярославль – Казань (ярославец); Сольвычегодск – Устюг – Казань (холмогорец) и Енисейск – Устюг – Казань (гляденовский крестьянин с Морозовицы Троице-Сергиева монастыря)³³. Эта сеть маршрутов следования товаров из Казани и в Казань, как центр Камско-Волжского края, свидетельствует как нельзя очевиднее об органическом вращении Камско-Волжского края в общехозяй-

³⁰ Там же. Т. 1. С. 61.

³¹ Там же. Т. 1. С. 170.

³² Там же. С. 194.

³³ Таможенные книги. Т. 1. С. 14, 19, 21, 25, 30, 31, 33–35, 36–37, 44–45, 47–49, 55, 58–59, 61, 132, 134, 158, 166, 168, 170, 173, 177, 184, 187, 194, 231, 233, 240, 246, 265, 272, 283.

ственные рыночные отношения Русского государства в первой половине XVII века. Нет сомнения, что торговые связи с Москвой были еще оживленнее: книги Великого Устюга свидетельствуют об этом. Из приведенного фактического материала видно, что оптовая торговля находилась в руках русских торговцев как местных, так и иногородних, особенно московских. Но тем не менее по устюжским таможенным книгам вполне определенно отмечаются оптовые торговцы из каринских татар Вятского края. Они вели торговые операции несравненно меньшего масштаба, чем русские, но все же не терялись и выделялись компактной группой, имеющей довольно обширную периферию торговых операций, выходящую за пределы своего края. Часть этих татар носила уже русские имена, ибо принятие православия давало больше возможностей для торговой деятельности, но некоторые из них оставались мусульманами; в этом случае им содействовало их прежнее положение служилых людей. Так называемые каринские татары, имевшие уже влияние на удмуртское и татарское население Камско-Вятского края, были тесно связаны с Казанью и Вяткой, а также с северными торговыми центрами. Из края они вывозили товар местного производства и привозили товар центральных областей и заграничный.

Таможенная книга Великого Устюга за 1635–1636 гг. зарегистрировала довольно значительное количество торговцев из крестьян Казанского края. Главным образом они продавали лошадей, стоимостью до 8 рублей. Крестьяне эти большею частью монастырские: двое из села Услонов, свияжского Троицкого монастыря, двое из села Мельничных Клыков, Спасского монастыря г. Казани, один из дер. Салмачи около села Вознесенского того же монастыря, двое из дер. Девликеевой, принадлежавшей митрополиту, один из митрополичьей же деревни Столбищи, двое из деревни Куюки Преображенского монастыря г. Казани³⁴. Монастырские крестьяне жили в монастырских вотчинах на оброке, а не на барщине; это обстоятельство и позволяло им более свободно отлучаться из своей деревни и наращивать свои обороты продажей скорее всего ими же выкормленных лошадей. В таможенной книге по Устюгу за 1633–1634 год среди продавцов лошадей, прибывших в Устюг из Казанского края, показаны только казанцы. Однако можно предположить, что часть их была тоже из крестьян, ибо в книге за 1635 год запись была более подробной, чем в книге за 1633 год, т.к. в книге за 1635 год все монастырские крестьяне названы и казанцами³⁵. Следовательно, хозяйство некоторых монастырских и казенных крестьян, состоящих на оброке, давало в первой половине XVII века товарную продукцию, находившую сбыт на отдаленных от Казани рынках.

Заканчивая характеристику роли Камско-Волжского края на рынке Великого Устюга в 30-х годах XVII века, перечислим, какие группы товаров шли через Устюг в Казанский край и что отправлялось из Казани в Устюг.

Прежде всего, обращают на себя внимание пушные и меховые товары, которые шли в Казань из северных лесов Европейской части России и из Си-

³⁴ Таможенные книги. Т. 1. С. 265–268.

³⁵ Там же. Т. 1. С. 134–137.

бири. Наибольший ассортимент из них составляют собольи меха: только из одного Устюга в Казань за 2 года было отправлено около 80 сороков соболей, более 100 сороков собольих пупков, 10 штук собольих пластин, 90 шт. собольих выимков, 80 шт. собольих хвостов. Редко, но попадали собольи шапки, шапочные «исподы пупчаты», соболий лоскут и хвостышки «недособолей». Красной лисы поступило 37 мехов, бобра – 63 шт., бобровых ярцов – 23 шт., кошлоков – 11 шт., бобровых черевесей (башмаки) – 16 пар, медведей черных – 5 шт., мешин – 40 шт. Этот перечень ассортимента собольих и других меховых товаров подсказывает мысль, что в эти товары вложено было немало самого разнообразного человеческого труда не только по добыче мехов, но по их обработке и изготовлению из них разных предметов: мешин, пластин, черевесей, шапок и проч. Хотя бы и при домашнем производстве, изготовление этих товаров требовало большего умения и разнообразной квалификации, причем эта квалификация определялась требованиями рынка, вернее *товарным* производством того времени.

Но и Казань была значительным торговым центром пушного товара. Так, в Устюг привезено было из Казани 20 тысяч белок, тогда как из Устюга белки было завезено лишь 170 штук. Конечно, скупщики такого количества пушнины обнимали значительную территорию Камско-Волжского края, но возможно ее поступление и из Сибири.

Шелковые изделия были тоже заметным привозным товаром с Северного Кавказа, из Средней Азии и Персии. Поступали они разными дорогами: или из Средней Азии сухопутьем, или из Астрахани в Казань. Последний путь – самый важный. Для шелка Казань была важным транзитным пунктом. Казанец Яков Минин в январе 1635 года привез из Казани в Устюг транспорт шелку и выменял его на «аглинское» сукно³⁶. Можно отметить еще казанцев: Дм. Гребенкина³⁷, Никиту Арапова,³⁸ Назара Леонтьева³⁹, Василия Юрьева⁴⁰ и др., которые доставляли в Устюг большие партии шелку и шелковых изделий. За два года, 1635 и 1636, из Казани доставлено в Устюг более 260 фунтов обыкновенного пряденого шелку, 34 фунта так называемого «фарабату»; кроме того, привезено много шелковых тканей – дороги гилянские, дороги тевризские и дороги кашанские – более 150 кусков; изредка привозили камку кизыльбашскую, очень часто и в большом количестве – шелковые халаты (киндяки), которых за 2 года в Устюг доставлено почти 1400 шт. Вполне возможно, что прямо в Москву шелку из Казани шло еще больше, чем в Устюг Великий.

Сукна шли в Казань с другой стороны: из Архангельска, Устюга и Москвы. За два года только из Устюга доставлено в Казань 117 половинок «аглинского сукна»; других сукон и шерстяных тканей поступило значитель-

³⁶ Таможенные книги. Т. 1. С. 35.

³⁷ Там же. С. 44–45.

³⁸ Там же. С. 48.

³⁹ Там же. С. 56.

⁴⁰ Там же. С. 61.

но меньше: лятчин завезено 18 половинок, настрафилей – 20 поставов, «ста-меда» – шерстяной косонитной ткани – 2 половинки, мухояра – 2, сукон – 2 кипы, ярengi (дерюги) – 6 половинок и сукна кострыша – один постав 5 половинок 19 аршин.

Хлопчатобумажные ткани и изделия частью привозились из Казани в Устюг, а частью из Устюга в Казань. Так, казанец Яков Минин везет в Устюг 5 фунтов бумаги хлопчатой⁴¹, Дм. Гребенкин посылает «выбойку» на 12 аршин, две «миткали», 5 кушаков «бумажных»⁴². Кроме того, идет «бумага шити», крашенина, бумажные полукушачья⁴³. В большинстве своем бумажные изделия были в Казани привозными из Средней Азии, а не своего производства.

Исключительно привозной в Казань была писчая бумага и галантерея, а частично и бакалея (орехи, изюм, сельди, винные ягоды, различные вина, черная икра, перец и проч.).

Из Казани в Устюг в большом количестве отправлялась свежая рыба, осетр, сало говяжье, мед, клей, а также воск, восковые свечи и клей (курлук); из щепных товаров – блюда и ставцы. За два года в Устюг доставлено 165 пудов воска и свеч, 205 пудов меда; очень часто поставщиками воска и меда были каринские татары.

Торговля говяжьим салом была тоже весьма значительна: три поставки составили 208 подвод; если считать на каждой по одной бочке, общий вес товара значительно превысит 2000 пудов. Говяжье сало надо считать одним из главнейших предметов вывоза из Камско-Волжского края.

Еще более значительным объектом товарного производства Казанского края были кожевенные товары. На Устюжский рынок только одних сафьянов было доставлено 294 юфти на сумму до 3000 рублей, яловичной соленой кожи – 900 штук, кожи красной – 550 юфтей, конских кож 42 юфти, сапогов – 78 «обувей», рукавиц верхних – 200 пар. Редко, но встречались козловые и бараньи красные кожи, ременные шлеи. Нет сомнения, что в Камско-Волжском крае кожевенное производство было очень развито и носило товарный характер. Мелкое местное производство разрасталось в связи с усилением спроса на всероссийском рынке и импульсировалось крупными скупщиками и оптовиками.

Что же касается товаров металлических, то Устюг давал Казани медь в котлах и тазах, которой за год привезено было более 100 пудов, и белое железо. Поток железных изделий, шедших через Казань с Урала в центр государства и на юг, естественно, устюжскими таможенными книгами не фиксировался.

Таможенные книги Великого Устюга за 50-е годы XVII века говорят вполне определенно о дальнейшем развитии товарно-денежных отношений и усилении торговых связей отдельных областей Русского государства.

⁴¹ Там же. С. 35.

⁴² Там же. С. 44–45.

⁴³ Там же. С. 188.

Прежде всего, это относится к расширению ассортимента предметов торговли Камско-Волжского края с Устюгом. Наряду с воском-медом и кожами теперь везут из Казани мелкое просо, орехи, пшено сорочинское⁴⁴. Мелкое просо – продукт сельскохозяйственного производства Казанского края, а сорочинское пшено – низовьев Волги.

Вместе с тем таможенные книги указывают на вовлечение в торговые операции купцов и крестьян и из других пунктов Камско-Волжского края. В 50-х годах в Устюге побывало 13 каринских татар и 37 русских. Кроме казанцев указываются из с. Кукарки 5 человек, из Козьмодемьянска – 5 чел. из Мамадыша – 1, из Елабуги – 6 человек, которых сопровождали другие 11 человек; упоминаются крестьяне Свияжского (4 чел.) и Спасского монастыря г. Казани (1 чел.). Если же указать всех приезжих в Устюг, то наберется всего 17 татар и 63 русских.

И русские и татарские торговцы ездят дальше, чем раньше. Они нередко едут из Архангельска и Сибири через Устюг или Сольвычегодск. Эти же таможенные книги указывают, что каринские татары едут в Устюг с товаром и из Казани, и из Уфы. Это говорит за то, что их торговые связи расширились, но казанских татар в Устюге не бывало. Казанские татары вели торговые операции в южном, юго-восточном и западном направлениях, а каринские достигали на юг лишь линии Казань – Уфа. Но в северных торговых центрах они преобладали по сравнению с казанскими татарами, однако, сильно уступали русским торговцам, особенно в объеме торговых операций и денежном их выражении. Сотнями рублей обладали и татары, но русские подчиняли их своими тысячами и крупным масштабом операций⁴⁵.

Двое казанцев: Василий Исаев и Леонтий Конищев вместе с епанчанином Парфеном Поликарповым и вятчанином Василием Юрьевым приехали в Устюг из Сибири на 4 лошадях с мягкой рухлядью. Только епанчанин Парфен продал торопчанину 12 сороков 19 соболей за 633 р. 13 алт. 2 деньги, а остальной товар повезли дальше «вверх», т.е. к Архангельску⁴⁶.

25 февраля 1650 г. каринские татары Данило Сабдеков и Исак Кузешов приехали с Вятки с медом (67 пудов) и воском (52 пуда), ценою за все 382 руб. В Устюге купили «на товарные деньги» 20 пудов укладу, 2 половинки английского сукна, половнику летчицы, 2 аршина камки и поехали к Лальскому городу на 4 лошадях⁴⁷.

Из Козьмодемьянска на 8 лошадях привезли воску 13 пудов 2 четверти и меду 148 пудов 3 четверти на 229 рублей торговцы Никифор Григорьев и Григорий Дементьев. В Устюге купили 20 выдр, 17 стоп бумаги писчей, 6 сороков пупков собольих и вернулись обратно⁴⁸.

⁴⁴ Таможенные книги. Т. 2. С. 352.

⁴⁵ Таможенные книги. Т. 2. С. 134.

⁴⁶ Там же. С. 182.

⁴⁷ Там же. Т. 2. С. 46.

⁴⁸ Там же. С. 34.

12 января 1652 года из Елабуги приехал в Устюг на 3 лошадях Ларион Федоров и привез с собою 32 пуда воска и 19 пудов 15 гривенок меда. Мед променял на 40 пудов ворвани, воск продал, заплатил пошлин с 211 рублей и с ворванью отправился 22 января в Казань⁴⁹.

Таковы размеры отдельных торговых операций в Устюге торговых людей Казанского края. На основании изложенного можно сказать, что дальнейшее развитие экономики края и его вращение в общую систему всероссийского внутреннего рынка за вторую четверть XVII века заметно усиливалось.

В третьем томе опубликованы таможенные книги по северным торговым центрам, в частности, по Устюгу Великому за 1676, 1679 и 1680 годы. Эти книги отразили на себе всю остроту классовых и политических осложнений в государстве, особенно крестьянскую войну под предводительством Степана Разина. Обороты северных городов с Камско-Волжским краем значительно сократились. Приезжих в Устюг из Москвы было лишь 3–8 человек, тогда как раньше их было до 100 человек. Казанцы, арзамасцы, костромичи, иноземцы, ярославцы, шуяне и другие насчитываются единицами – 2–3 человека.

На рынке Великого Устюга стало больше ветлужан, чем устюжан; первых указывается более 600, а вторых до 413; после них идут вологжане (от 54 до 61), по 2–3 десятка торговцев давали лаличи, ратмеровцы, Сольвычегодск, Сысолы, Яренск и каринские татары. Остальные, даже северные города, давали до 10–15 человек. Несомненно, что временное снижение оборотов в одних центрах усиливало обороты других, так как общие средние по всему российскому рынку не могли колебаться так сильно, как для отдельных торговых центров. Торговые операции Устюга хотя и сократились, но сохранили в общем тот же характер, что и в первые три четверти XVII века. Сравнительно значительными были обороты каринских татар. В книге 1676 г. их обозначено 22, за 1679 – 26, за 1680 – 17 человек.

Особенность торговых операций в эти годы заключалась в некотором уменьшении ассортимента и количества привозимых товаров. Если прежде шли крупные обозы и операции достигали 300–400 рублей, то в эти годы партии товаров стоимостью свыше 200 рублей были редким явлением. Но зато книги начинают указывать товарные выписки, составленные на новых местах приобретения товара: выписи мензелинские, варзинские, уфимские, хлыновские, слободские, пьяноборские, сарапульские, вятские и др. Эти выписи прекрасно показывают непрерывно растущую связь казанского рынка с северными городами при широком посредничестве каринских и варзинских татар.

Росла эта связь и иным путем. На Казанском рынке появились для закупок сами устюжане и вятичи. Устюжанин Иван Бетюков в 1676 году в Устюге продавал товар по казанской выписке: 30 пар сапогов сафьяновых и из телячьей кожи, 25 пар башмаков, 7 юфтей козлов красных и желтых, 7 пудов воска, 15 пудов меда, 100 пар рукавиц урезковых, 2 пуда пряников, 4 юфти опойков и 10 мер орехов. Да сверх выписи оказалось казанского товара: воску 1,5 пуда,

⁴⁹ Там же. Т. 2. С. 192.

пряников 2 пуда, кож красных 4 юфти, 2 пары сапогов сафьяновых, одни башмаки, семеро рукавиц урезковых, кожа козлиная крашенная, 3 пуда проса, 4 арш. выбойки, 6 аршин цветной китайки, 2 меры орехов, 2 пары телячьих сапог. В Устюге он продал товаров на сумму больше 50 рублей⁵⁰.

Полнее отражены торговые операции братьев Губиных. Из Устюга Василий Губин 5 декабря 1678 года повез в Казань: бочку масла деревянного, 2 пуда перца, 4 пуда олова блюдного, 1 пуд 30 фунтов ладана, 9 бочек ягод винных, 60 дюжин карт, бочку белого железа, 3 пуда сахара, 1 пуд с четвертью серы, 4 пуда олова пруткового, 12 пудов свинца, 40 стоп бумаги писчей, 2 пуда меди зеленой в котлах, 50 ножниц больших, 1,5 пуда меди красной в котлах, 10 литров мишуры красной и белой⁵¹. Весь товар был заграничный.

А в середине февраля 1679 года другой брат Михаил Губин в Устюге уже предъявил к продаже товар казанской покупки: 18 пудов икры черной, 25 пудов меда, 5 осетров и сверх выписи икры 3 пуда и меда 2 пуда. В июле месяце Василий Губин еще привез из Казани в Устюг: воска 25 пудов, 50 пар рукавиц, 3 кумача красных, 2 ансыря шелку, 10 фунтов меди зеленой, ветоши, 8 пудов пшеница сорочинского. В декабре того же года Василий снова поехал в Казань с медью⁵². Таким образом, торговые люди Губины систематически отправляли обозы и в Казань и из Казани.

Такие же операции вели с Казанью устюжане Иван Есиплев Большой, Никифор Кудрявцев и др.⁵³

В марте 1678 года в Устюге продавал товар казанской покупки вятчанин Филип Вершинин, который побывал уже в Лальском городке. После лальской продажи у него осталось 45 пудов икры, 12,5 пудов меда и 2 осетра, всего на 39 руб. 20 алт.⁵⁴

Вятчанин из города Хлынова Григорий Кокорин купил в Казани 72,5 пуда осетрины и 44,5 пуда меда. Продав часть товара в Устюге на 60 рубл., он купил 396 полиц железа цыренного и повез в Соликамск в феврале 1680 года⁵⁵.

Интересно отметить появление на казанском рынке для закупок москвитина Казенной слободы Филипа Стоянова, который в 1680 году в Устюге предъявил к продаже по казанской выписи через новгородца Никифора Волдаевского такой товар: 300 ансырей шелку «ряского», 50 юфтей цветных сафьянов, 50 киндяков вальковых, 6 концов выбойки, 2 занавеса, 5 топ фат полшелковых, 17 кумачей красных, 13 концов китаек, 4 юфти фат бумажных, 2 косяка пестряди⁵⁶.

⁵⁰ Таможенные книги. Т. 3. С. 117.

⁵¹ Там же. С. 182.

⁵² Там же. Т. 3. С. 183, 333.

⁵³ Там же. Т. 3. С. 208.

⁵⁴ Там же. Т. 3. С. 162.

⁵⁵ Таможенные книги. Т. 3. С. 291.

⁵⁶ Там же. С. 295.

В 1679 году отмечено появление среди торговых людей крепостных крестьян. Крепостной крестьянин Алатырского уезда Иван Савельев из вотчины дворцового боярина и оружейничего Богдана Хитрово продавал в Устюге по хлыновской выписи 30 пудов черной икры и 30 пудов меда. Если в Хлынове мед был местным продуктом, то икра, несомненно, была завезена из Казани или с Камы.

Кроме русских и татарских торговцев в книгах 70-х годов XVII века упоминаются в большем количестве, чем раньше, торговцы из удмуртов, частью принявших православие, частью ислам. «Вотьяк» Арской дороги деревни Тюкли Келдибай Келдииков приехал из Уфы в Устюг с товаром по варзинской выписи (воск и мед) на сумму почти 160 рублей. Это уже крупная сумма для того времени. Удмурт из дер. Мыни Арской дороги, продававший в Устюге мед и воск по варзинской и пьяноборской выписям, выручил за товар больше 198 рублей. Удмурт Андрей Акхубин торгует на 203 рубля⁵⁷.

Сольвычегодск, как торговый центр, лежал на пути из Устюга в Сибирь. Сольвычегодск был рынком значительно меньшего масштаба, чем Устюг Великий, а соответственно этому и ассортимент товаров был несколько беднее, но все основное было и здесь. В основном купцы проезжали Сольвычегодск, не торгуя в нем. Лишь некоторые реализовывали свои товары на деньги, чтобы запастись пушниной, или же производили прямой обмен.

Казанцев в Сольвычегодске было значительно меньше, чем в Устюге, как и каринских татар, но и те и другие здесь постоянно вели торговые операции. Так 29 сентября 1634 года казанец Иван Григорьев «явил на собольную покупку денег 460 рублей»⁵⁸. 19 января 1636 года другой казанец Иван Кирилов тоже для покупки соболей «явил 400 рублей денег»⁵⁹. Эти вклады оставались в таможенной избе до привоза подходящей партии товара. Казанец Исак Агапитов продал 8 сороков соболей, 2 хребта бурых лисиц и сотню белок, всего на 300 рублей. Казанец Герасим Гребенкин прислал со своим «человеком» на продажу половинку сукна английского и 10 дюжин карт⁶⁰, Ф.Данилов предъявил к продаже белого мыла на 18 руб. Казанец Осип Кирилов привез мыла и крашенин и всякого мелкого лавочного товара на 140 руб., казанец Прокопий Андреев продавал 180 крашенин, 20 киндяков, 20 кумачей и 8 выбоек⁶¹. Некоторые каринские татары сверх обычного своего ассортимента торгуют лошаадьми⁶².

В таможенных книгах 50-х годов XVII века по Сольвычегодску преобладают сведения о проезжающих казанцах, как и в книгах 70-х годов; но в последних в эти годы зарегистрированы по Сольвычегодску также казанские и уфимские татары⁶³, что опять-таки говорит о дальнейшем развитии торговых связей.

⁵⁷ Там же. Т. 3. С. 20, 34, 35, 295.

⁵⁸ Таможенные книги. Т. 1. С. 313.

⁵⁹ Там же. С. 319.

⁶⁰ Там же. С. 313, 314.

⁶¹ Там же. С. 313, 323, 324.

⁶² Там же. С. 327.

⁶³ Таможенные книги. Т. 3. С. 460, 525 и 533.

В таможенных книгах северных городов очень скупы сведения о хлебной торговле. В этом нет ничего удивительного, т.к. хлебная торговля была монополией царской казны. И. де-Родес в «Размышлениях о русской торговле» 1653 г. сообщает, что до 200 тысяч четвертей хлебных грузов отправлялось из казенных складов «со всех сторон в Вологду и дальше через Архангельск за границу». Родес же упоминает, что льняное семя скупается около Казани, Нижнего, Костромы и др. городов и свозится тоже в Архангельск.

Иностранец Кильбургер отмечает изготовление юфти в казанской, нижегородской и московской областях, но наибольшее число кож вырабатывалось в ярославской и костромской областях. Из Казани же поступали дубовые бревна в Астрахань на сваи. Бревна шли с Красной горы через откупщика Маманина и целовальников Пушниковых.

Дворянин Аристов имел подряд от казны на отправку 80 кадок извести в Астрахань, но это уже торговые операции феодального типа, т.к. все шло помимо рынка.

Некоторые подробности рыночных отношений дают таможенные книги Тобольска и Тары – сибирских торговых центров. Казанские татары в середине XVII века везут в Тобольск бухарский товар, калмыцкие меха и китайские ткани. Некоторые татары были служилые, а некоторые – посадские. В Таре одни казанские татары продавали меха и ремень, а другие – бухарский товар.

Много в Казани бывало иностранных торговцев, особенно из Средней Азии, Кавказа и Закавказья⁶⁴, которые следовали оттуда и в Пермь, и в Нижний, и в Москву.

Вообще говоря, рыночная торговля XVII века стала уже главным фактором товарного обращения в России, а это и ломало понемногу феодальный режим в экономике.

На основании изложенного мы можем установить такие положения.

Уже в 30-х годах XVII века определилась большая группа казанцев, состоящая преимущественно из русских торговых людей, державшая в своих руках оптовую торговлю с северными торговыми центрами страны. Таможенные книги говорят, что в товарном обращении Камско-Волжского края с северными торговыми центрами страны очень деятельное участие принимали каринские татары Вятского края. Во второй половине XVII века на рынках Устюга и Сольвычегодска появляются варзинские (елабужские), казанские и уфимские татары, что красноречиво говорит о развитии торговых связей с северными центрами государства. Уже в первой половине XVII века на северных рынках появляются торговые люди из русских крестьян, главным образом, из монастырских и чернососных, а со второй половины XVII века – из ясачных удмуртов и крепостных русских крестьян. В течение всего XVII века товарная продукция Камско-Волжского края привлекала большое количество иногородних торговых людей (Москва, Холмогоры, Устюг, Сольвычегодск, Вятка, Хлынов, Ярославль и Мангазей). Таможенные книги дают богатый материал для определения марш-

⁶⁴ История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 235–239.

рутов казанских и иногородних торговых людей. *Казанцы* везут товары по таким направлениям: Казань – Устюг – Вологда, Мангазея – Устюг – Казань, Казань – Устюг – Яренск, Вятский волок – Устюг – Холмогоры, Казань – Устюг – Вологда – Архангельск, Туглим – Устюг – Архангельск, Ярославль – Устюг – Вага, Казань – Устюг – Вага, Вычегда – Устюг. *Иногородние* купцы создают маршруты: Москва – Устюг – Казань и обратно (москвич), Холмогоры – Устюг – Казань (холмогорец), Ярославль – Устюг – Казань и обратно (ярославец), Сольвычегодск – Устюг – Казань (холмогорец), Сибирь – Устюг – Казань (москвич), Енисейск – Устюг – Казань (гляденовец-крестьянин).

С течением времени маршруты торговых людей Камско-Волжского края все больше удлиняются.

В течение XVII столетия развитие торговли порождает создание новых заготовительных и скупочных центров: кроме казанских, книги указывают чебоксарские, козьмодемьянские, мензелинские, варзинские, пьяноборские, сарапульские торговые выписи. А это именно и показывает рост торговых центров и товарных баз, откуда товары вывозились на крупные рынки страны. Торговцев-оптовиков дает уже не только Казань, но и другие пункты края, как Свияжск, Услоны, Чебоксары, Козьмодемьянск, Мамадыш, Куарка, Елабуга, Клыки, Куюки, Салмачи и др.

Среди товаров Камско-Волжского края, обращавшихся в оптовой торговле, видное место занимают пушнина, воск и восковые свечи, мед, различные кожи, особенно цветные сафьяны, кожаная обувь, рукавицы, говяжье сало, лошади и просо, а позже – бумажные ткани, орехи, шапки, деревянные изделия. Эти товары были продукцией местного производства. В Камско-Волжский край и Казань завозились: сибирская пушнина, особенно соболя, английские суконные и шерстяные ткани, шелк, хлопчатобумажные ткани и пряжа (из Средней Азии и Закавказья), изделия из цветного и черного металла, бакалея и гастрономия, писчая бумага и галантерея из-за границы и центра России. Это говорит, что Казань была не только потребляющим, но и крупным транзитным центром.

Для таких важнейших торговых центров России XVII века как Москва, Холмогоры, Вологда, Архангельск, Устюг, Мангазея, Тобольск, Астрахань и даже Новгород Великий, казанский рынок, как центр Камско-Волжского края, представлял собою важный торговый центр, снабжающий всероссийский рынок не только воском и медом, хлебом и скотом, но и продукцией мелкотоварного производства, как кожи, свечи, мыло, обувь, крашенина и проч. В то же время Камско-Волжский край являлся потребителем продукции мелкотоварного производства России, Западной Европы, Средней Азии, Персии и Китая.

Таким образом, все данные говорят о том, что в XVII веке Камско-Волжский край стал превращаться в органическую часть всероссийского внутреннего рынка, что объясняется развитием мелкотоварного производства как в России вообще, так и в Казанском крае в частности. Волжско-Камский край был не только поставщиком в казну хлеба, скота, денег и сырья, но и

областью товарного производства таких продуктов мелкой промышленности, как кожи и обувь, мыла и крашенины, восковых свечей, блюд и ставцев, а позже – кумача и выбойки. Товарное производство и обмен Камско-Волжского края со всей очевидностью свидетельствуют, что местные рынки сливаются в единый всероссийский внутренний рынок, который способствует развитию производительных сил края и поставляет на местные рынки товарную продукцию других областей.

Фактический материал, с которым мы познакомились, ярко подчеркивает географическое разделение труда в XVII веке, что лежит в основе всего товарного производства вообще, что импульсирует дальнейшее его развитие и развитие производительных сил края. Все вышеизложенное определяет специфику товарного хозяйства Волжско-Камского края и его место в системе всероссийского товарного хозяйства XVII века.

Материалы таможенных книг помогают подойти к частичному разрешению вопроса о генезисе капитализма в Камско-Волжском крае. Капитализм возникает из товарного хозяйства, но этот процесс очень длительный и сложный. Одним из первых признаков этого превращения является рост торгового обращения и экономическое расслоение крестьянства, что невозможно проследить, если не обратиться к таможенным книгам Московского государства, дающим богатый и колоритный фактический материал. Другие признаки превращения товарного хозяйства в капиталистическое, как появление разного рода откупщиков, поденщиков и наемных рабочих, а также превращение натуральной ренты в денежную, можно установить по другим материалам, что составляет задачу особой статьи.

В обстановке начавшегося процесса превращения товарного хозяйства в капиталистическое и у нерусских народов Волжско-Камского края наблюдается развитие производительных сил, рост товарного производства, рост товарного обращения и экономическое расслоение зависимого крестьянства, наконец, подрыв натурального феодального хозяйства и рост товарно-денежных отношений. Все это свидетельствует о прогрессивном хозяйственном развитии многонационального Камско-Волжского края, хотя и в условиях колониальной эксплуатации со стороны царизма, купцов и помещиков.

Татарская деревня второй половины XVI и XVII в.

*Опубликовано в сборнике «Ежегодник по аграрной истории
Восточной Европы»*

(Рига: Издательство АН Латвийской ССР, 1963. С. 174–183)

Задачей статьи является характеристика татарской деревни второй половины XVI и XVII в. с точки зрения ее экономики, расслоения крестьянства и степени внедрения товарного производства, которое в центральных частях

России было уже господствующим. Исследований по этому вопросу совсем не имеется⁶⁵, но есть очень ценные публикации источников⁶⁶.

Эти публикации документов, а также неопубликованные писцовые и переписные книги интересующего нас периода дают основание глубже изучить татарскую деревню. Для этой цели нами проанализированы данные писцовых, переписных и дозорных книг по Казанскому и Свияжскому уездам 1565–1567, 1602–1603, 1617–1619, 1646, 1685 и 1686 гг.⁶⁷

Еще до завоевания Казанского ханства русские помещики считали его территорию «подрайской землицей». Публицист XVI в. Иван Пересветов прямо высказывал стремления русских помещиков скорее овладеть этими богатыми угодьями. Хорошо известен отзыв казанского летописца о природных богатствах Казанского ханства⁶⁸. Другой знаток края и один из завоевателей Казани, князь Андрей Курбский, так описывает центральную часть Казанского ханства: «В земле той поля великие и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды; тако же и дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны и села часты; хлебов всяких такое множество, воистину вере ко исповеданию неподобно, аки бы на подобие множества звезд небесных; тако ж и скотов различных стад бесчисленные множества»⁶⁹.

⁶⁵ Г. Перетяткович в своих трудах уделял внимание колонизации и хозяйству русских помещиков; И. М. Покровский в работе «Казанский архиерейский дом» (Казань, 1906) интересовался монастырскими владениями; книга Н. А. Фирсова «Положение инородцев Северо-восточной России в Московском государстве» (Казань, 1866) написана на основе Полного собрания законов, без привлечения писцовых книг. В советские годы лишь Ш. Ф. Мухамедьяров изучал сельское хозяйство татар, но только в период Казанского ханства. Этому вопросу посвящены его диссертация «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства», его статьи «К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV и XVI веках» (Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 3. М., 1959), «Земельные правоотношения в Казанском ханстве» (Казань, 1958). В «Известиях Казанского филиала Академии наук СССР» (1957. № 2) опубликована статья Ш. Ф. Мухамедьярова «Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг.», но и она носит характер археографической заметки, имеющей целью подчеркнуть некоторые факты периода самостоятельности Казанского ханства.

⁶⁶ Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний. Казань, 1859; Мельников С. Список с писцовой книги по гор. Казани с уездом 1565–1567 гг. Казань, 1887; Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда. Казань, 1909; История Татарии в документах и материалах. М., 1937; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940–1952.

⁶⁷ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643, 848, 642, 153, 645, 6468 и 6447.

⁶⁸ «Место пренарочито и красно вельми и скоропажитно и пчелисто и всякими земными семяны родимо и овощами преизобильно, и зверисто и рыбно и всякого угодия много...» (Казанская история. М.-Л., 1954. С. 47).

⁶⁹ Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. Стб. 190–191.

В течение 5 лет со времени завоевания Казани царским войскам удалось, в результате многочисленных походов вглубь страны, закрепить господство русского правительства в Камско-Волжском крае. Началось освоение земель бывшего Казанского ханства; во вновь присоединенный к России край направились многие русские крестьяне и посадские, купцы, помещики и вотчинники. Это бурное вторжение русского помещичье-вотчинного землевладения не могло не вызвать сильных изменений в татарском землепользовании, которые граничили с сильнейшим экономическим кризисом татарского сельского хозяйства как результатом социально-экономического и политического переворота в Камско-Волжском крае.

Из писцовых книг Дм. Кикина 1565–1567 гг. по Казанскому и Свияжскому уездам видно, что во владение русских помещиков и вотчинников перешло более 206 сел и деревень и 60 пустошей, до 1552 г. обрабатывавшихся татарами. На помещичьих землях, не считая дворцовых и ясачных, в это время проживало несколько более 1600 душ крестьян. В 60-х годах помещики ощущали громадную нехватку рабочих рук, так как земледельцы хотя и прибывали, но на помещичьих землях селились в последнюю очередь. Большинство крестьянского населения устраивалось на государевых и дворцовых землях, а также в монастырских вотчинах, ибо тут они обладали большей хозяйственной свободой, чем на землях помещичьих. Населенность крестьянского двора была незначительной: в Казанском уезде у 196 помещиков было 878 крестьянских дворов, в которых жило 1063 души. Выходит, что на каждого помещика в среднем приходилось 4,5 двора, а во дворе не было в среднем и полутора душ крестьян. В дальнейшем, в связи с прибытием новых масс русских крестьян, населенность дворов увеличилась, и в 1646 г. в Свияжском уезде на крестьянский двор приходилось, уже в среднем почти 3,5 души, а на бобыльский – 2,64 души. Таким образом, мы могли констатировать весьма значительный рост населения. За первое столетие русского владения краем увеличилось и число помещиков; так, в Свияжском уезде в 1646 г. было 119 помещиков вместо 34 в 1565 г. Правда, на долю 64% всех помещиков приходилось 546 душ крестьян и 90 душ бобыльских, во всех их имениях был 171 двор крестьян и 37 дворов бобылей, т.е. на каждого помещика приходилось 2,72 двора, а на двор – немногим более 3 душ крестьян и бобылей. Это была самая малообеспеченная крестьянами группа помещиков. Если же взять другую группу помещиков, из которых каждый имел свыше 41 двора, то в эту группу попадает семь помещиков с 738 душами крестьян и бобылей (более 105 душ на каждого помещика).

Хозяйство помещиков все в большей степени становилось товарным. Если в XVI в. товарную продукцию давало луговоеводство и лесоводство, то в XVII в. товарными становятся и хлебопашество, и некоторые промышленные сельские производства, как поташное, кожевенное, винокуренное и ткацкое. Имея в своем распоряжении десятки тысяч пудов сена, помещики обращали его в товар, обладая значительной пашней и крепостными, помещики прода-

вали хлеб купцам-скупщикам, а монастырские власти обзаводились даже грузовыми судами и сбывали хлеб вниз по Волге. Зажиточная часть государственных, дворцовых и монастырских крестьян тоже была вовлечена в товарно-денежные отношения, хотя, конечно, и в весьма ограниченном размере по сравнению с помещиками. Обширный Казанский край в XVII в. был заметным производителем товарного хлеба и фуража, причем потребителями этих товаров были не только отдаленные области, но и местное бобьльское население в деревнях и посадское – в многочисленных городах. Казанский край представлял собой значительный местный рынок, органически вошедший в систему всероссийского рынка.

В городах Камско-Волжского края, и особенно в Казани, в XVII в. наблюдается заметное развитие мелкотоварного производства. Переписная книга по гор. Казани 1646 г. поименно указывает 299 наемных работников, тогда как крепостных указано лишь 158. Свободный труд в мелкотоварном производстве использовался почти в два раза больше крепостного⁷⁰. Рядом с мастерскими в XVII в. возникли и небольшие мануфактуры – кожевенные, кирпичные, медеплавильные, мельничные, питейные, «зелейные» и селитряные, хотя, правда, на некоторых из них, особенно военного характера, использовался крепостной труд.

Развитие производительных сил требовало свободы хозяйственной инициативы, ломки крепостнических порядков, политика же правительства была направлена на усиление и распространение крепостничества. Эти противоречия в экономике и политике приводили к усилению классовой борьбы в городе и деревне.

Прежде чем перейти к характеристике татарской деревни того времени, остановимся на одном существенном вопросе, который поставил Ш.Ф. Мухамедьяров в статье «Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг.» где он отметил, что в книге очень часто упоминаются чувашы. Статья отмечает 802 двора чувашей в 73 селениях Казанского уезда. В течение второй половины XVI и всего XVII в. в писцовых и переписных книгах рядом со служилыми татарами действительно упоминается «ясачная чуваша». Получается, что татары были только служилые, а чувашы – только ясачные. Хотя такое деление заведомо весьма сомнительно, но это мало смущало исследователей, причем один из них, П.В. Денисов, считает, что жившие в Казанском уезде чувашы в XVI и XVII вв. были ассимилированы татарами и омусульманились. В доказательство этого он ссылается на документ – грамоту 1612 г. на угодья в починке Трюк-Тямти по Зюрейской дороге. Эта грамота была дана на ясак «чувашину абызу Кучкею Мереткозину, а от него перешла к сыну его служилому татарину Досмаметку». Так примитивно П.В. Денисов объясняет отатаривание чувашей Казанского уезда⁷¹. Мы с такой постановкой

⁷⁰ Крепостной труд применялся в 11 мастерских, крепостной и наемный – в 22 мастерских и только наемный – в 71 мастерской.

⁷¹ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959. С. 83.

вопроса согласиться не можем – прежде всего потому, что в писцовых книгах XVI в. по левому берегу Волги по соседству с татарскими упоминаются марийские волости, а не чувашские; во-вторых, в начале XVII в. татары в Казанском уезде не могли быть в меньшинстве среди чувашского населения; в-третьих, некоторые места писцовой книги позволяют считать, что служилые татары называли чувашами ясачных татар. Так, в писцовой книге Свияжского уезда Д.Кикина 1565 г. говорится, что в дер. Большой Новой Хозяшеве «жили в войну казаки и чуваша казанские люди..., и те казаки – служилые и чуваша – ясачные люди»⁷². В писцовой книге Болтина 1602 г. по Казанскому уезду читаем: «В той же деревне (Большой Елге) служилой татарин чуваша Ия Микеев, оклад его 9 руб.». Эти записи вполне ясно показывают, что под «чувашами» имелись в виду ясачные татары, причем служилый татарин Ия Микеев был раньше ясачным, поэтому он и обозначался словом «чуваша». Даже в первой половине XVIII в. в документах встречается выражение «из чуваш новокрещен ясачный татарин». Словом «татарин» здесь обозначается национальность; этот татарин принял православие, а раньше, как ясачника, его именовали «чувашей». В дозорной книге № 153 указываются понятия «чуваша» дер. Нурмы и Кобек, но межа учинена «от татарского прясла дер. Кебеч на дуб». Следовательно, понятыми были ясачники из татарских деревень – не чуваша, а татары⁷³.

⁷² Но в книге Свияжского уезда упоминаются и чуваша по национальности – курмышские, чебоксарские и цивильские чуваша.

⁷³ Фирсов Н.А. Иностранцы... // Ученые записки Казанского ун-та. 1870. С. 342–343.

В документах XVII в., но только второй половины, прямо говорится, что в тех же селениях, где по книгам Д.Кикина или И.Болтина указаны чуваша, на самом деле жили ясачные татары. Так, в отводных книгах Ивана Елизарова 1674 г. указывается, что «ясачные татаровя» дер. Селик-Кабан («Столбица тож») писали в челобитной, что «преж до сего жили в той деревне деда и отцы их за казанскими митрополиты во крестьянах» (Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 2. Саранск, 1950. С. 137–139).

Во второй половине XVII в. «ясачная чуваша» заменяется более точным обозначением «ясачная татаровя». Так, в межевых книгах Гр. Соковнина 1674 г. говорится: «Били челом Арские дороги дер. Бурнаковы ясашные татаровя Ляйлячко Байчорин стоварищи на вотяков той же дороги дер. Тульи», хотя тут же употребляет и старое название: «а в распросе вотяк Ильбахтка Тавгилдин против челобитья ясашные чуваша дер. Бурнаковы». В ввозной грамоте 146 (1638) г. жители дер. Бурнаковой названы чувашами, которых надо считать татарами (Там же. С. 144–147). В дозорных и межевых книгах 1675 г. Ив. Протопопова по дер. Ачасыр и Ураспугиной Свияжского уезда читаем, что били челом «ясачные татаровя тех деревень, где они живут от Казанского взятя прадеды и деда и отцы их в ясаке». А между тем в писцовых книгах Ив. Франзбекова 1648 и 1649 гг. в дер. Ачасыр записаны ясачные татары, а в дер. Ураспугиной – «чувашские ясачники», причем несколько ниже отмечается, что покосами владели «истари ясачная татара дер. Ачасыр и Ураспугиной» (Там же. С. 155–157).

Все это приводит к заключению, что под словом «чуваша» надо понимать ясачных татар. Нет никакого сомнения, что ясачных татар называли «чувашами» служилые татары, со слов которых писцы и называли ясачных татар чувашами. Все это позволяет нам в дальнейшем изложении «чуваш» Казанского и Свияжского уездов считать ясачными татарами.

Татарская деревня второй половины XVI в. весьма слабо отражена в исторических источниках. Писцовые и межевые книги Борисова и Кикина по Казанскому и Свияжскому уездам перечисляют некоторые татарские деревни, которые граничили с землями русских помещиков, и это дает основание отметить, что служилые татары в Свияжском уезде в 1565–1568 гг. имели поместья лишь в 15 деревнях – Албабе, Товулине, Моллине и др. Ясачных татарских деревень в Свияжском уезде указано значительно больше (25 селений), но это только те, земли которых были смежны с землями русских помещиков, – Большое и Малое Итяково, Малое Хозяшево, Бузаева и др.

В Казанском уезде упоминается 13 селений со служилыми татарами и 28 селений с ясачными татарами, земельные угодья которых были смежными с землями русских помещиков. Из 13 селений со служилыми татарами в 8 селениях жили и ясачные. Много селений было пустых, а еще больше не попало в описи.

Национальное угнетение и классовые взаимоотношения, имевшие место в Камско-Волжском крае во второй половине XVI в., мало содействовали укреплению хозяйства татарского населения – этому мешала передача татарских земель русским помещикам и служилым татарам, число которых за вторую половину XVI в. сильно возросло. Укреплению татарского хозяйства не способствовала и система налогового обложения, а также слишком большой объем натуральных повинностей тяглого населения, увеличиваемый к тому же злоупотреблениями воевод, приказных и стряпчих, вымогавших «многие посулы», результатом чего были продолжительные волнения тяглого населения.

Самыми привилегированными из татарских помещиков были принявшие православие и состоявшие на военной или административной службе. В числе других таковыми были два брата Мансур и Иван Товарищевы. Их общее хо-

Ясачные татары дер. Ачей Зюрейской дороги схоронили в 1673 г. «мертвых чувашу 3 человек» и «учинили татарские мазары». Зачем же было устраивать татарские мазары, если чуваша не татары? Этот случай тоже доказывает, что «чуваша» не кто иные, как ясачные татары (Там же. С. 134–135).

В отводных книгах Василия Еремеева 1642–1643 г. поместная земля противопоставляется чувашской, т.е. ясачной, а через несколько строк указывается, что речь идет о земле поместной, а не ясачной: «А та земля исстари поместная, а не чувашская ..., те сенные покосы – гари поместные, а не ясачные» (Там же. С. 14–15). Следовательно, чувашская земля и есть ясачная, бывшая у ясачных татар. На с. 18 того же сборника документов дер. Ащерма называется татарской, а несколькими строками ниже говорится о «чуваше дер. Ащермы»; ясно, что в татарской деревне Ащерме жили ясачные татары.

зайство по размерам своим было больше среднего, но еще не крупное. Мансур имел оклад в 225 четей, а Иван – в 200 четей пашни⁷⁴.

В этом феодальном хозяйстве мы наблюдаем частично признаки товарного производства: об этом говорит не только денежный оброк, но и значительное луговое хозяйство, дававшее до 30 тыс. пудов сена, которое частью реализовалось на рынке. Вполне возможно, что вследствие недостатка крестьян и часть пашни сдавалась в аренду за денежный оброк или за часть урожая. Значительно меньше было хозяйство шести других служилых татар – Отая, Яныша, Ямая, Шарапа и Дружины детей Федора Нармацкого и Семена сына Дмитрия Нармацкого. В дер. Бурты и в пустоши Кармачи у них было 115 четей пашни, 120 – перелога, 30 десятин зарослей и дуба, 500 копен сена и 5 кв. верст леса. В их распоряжении было лишь 3 крестьянских двора, обслуживавших 6 помещичьих дворов. Земля же обрабатывалась скорее всего арендаторами или исполщиками, поскольку доходы от нее Нармацкие собирали⁷⁵. В дер. Кильдешевой, расположенной неподалеку от дер. Бурты, были помещные земли других Нармацких – Хотена и Мизина.

Некоторые служилые новокрещеные татары имели совсем незначительные поместья. Так, Улан Тимерев Износков в дер. Смолдеяровой на р. Чирпе имел всего 10 четей пашни в поле, 50 четей перелога, 400 копен отхожего сена на р. Каме и 2 кв. версты леса. Это был помещик, только что начавший свою хозяйственную деятельность, так как до половины оклада ему еще нужно было отвести 131 четь. Крестьян в распоряжении Улана не было совсем, и это побуждало его привлекать посторонних лиц за часть урожая или за денежный оброк⁷⁶.

Писцовая книга по Казанскому уезду Д.Кикина указывает, что земли служилых татар были в 12 деревнях – Ички-Казани, Молнине, Юскокче, Ма-

⁷⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 370–371, 374. В поместьях Товарищевых было 169 четей доброй пашни, 74 – перелога, 6 десятин зарослей, дубрав, 3240 копен сена, 30 десятин леса пашенного и 13,75 кв. версты непашенного. В распоряжении помещиков были оз. Шалбы, оз. Круглое, 3 глушицы на р. Каме и 2 мельницы (одна – на «большое колесо», а другая – «меленка-колотовка»). Некоторое время у них были еще 3 пустоши и дер. Кайбищева, но от этих земель они вскоре отказались, так как не хотели «стеречи Ногайскую и Крымскую сторону» на Анатышском перевозе. Земельные угодья братьев были расположены в 10 местах и обслуживались 32 душами крестьян, жившими в 29 дворах, из которых 2 двора были беспашенных крестьян и 7 дворов – полоняничных. Нет сомнения, что в хозяйстве чувствовался значительный недостаток крестьян, так как 32 душ, конечно, не хватало для того, чтобы обработать 169 четей в одном поле, скосить более 3000 копен сена и обслужить две мельницы, из которых одна была большая. Система эксплуатации хозяйства была преимущественно барщинной, а частично оброчной: в дер. Тура полоняники за обработку 41 чети в поле пашни и сена на 250 копен, за эксплуатацию «меленки-колотовки» и лесных угодий в 2 кв. версты платили оброчных 2 рубля с гривною, или по 10 алтын с человека.

⁷⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 177.

⁷⁶ Там же. Л. 179.

лой Тебек-Кози, Сенгиле, Бачаге, Енгильдеевской и др.; размеры этих владений не отмечены. К поместным отнесены земли 12 толмачей в дер. Сенклеря и 4 толмачей в дер. Мал. Бимери, расположенных вблизи р. Сулы. Ясачники-татары отмечены в 28 деревнях; они были объединены в сельские общины, возглавляемые старостами⁷⁷. Как известно, в распоряжение русских помещиков переходили не только запустевшие татарские деревни, но и деревни, населенные татарами. Так, Степ. Мих. Койсаров с детьми Иваном и Суслем, кроме дер. Сабуголь, где было 4 двора русских крестьян, имел еще дер. Ковали с 8 дворами татар, из них 5 дворов ясачных и 3 двора из служилых. Эти татары эксплуатировали 10 четей пашни в поле, 30 четей перелога в поле, 30 десятин зарослей в поле, 400 копен сена и 1,5 кв. версты леса. Их земля с угодьями отведена была С.Кайсарову, который договорился с татарами получать с них ежегодно 1,5 рубля без гривны. Татары крепостными не стали, но татарская земля стала помещицъей. Писцовая книга умалчивает, имела ли здесь место феодальная аренда или оброк, но это не было барщиной. Заметим еще, что дворы служилых татар ничем не отличались от ясачных, а в конце описания все дворы названы «чувашскими» (т.е. ясачными).

У помещика Б.И. Чепеслина в дер. Ксаире было 2 полоняника, видимо, из татар, так как они называются еще «новокрещенами». У помещиков Онучиных в с. Сокур-Кадыш жили крестьяне-новокрещенные – «чуваша» (т.е. татарские ясачники) и «русаки, которые родились в полону, 5 дворов». У них было 70 четей пашни, 146 – перелога, 15 десятин зарослей, 300 копен сена и 9 кв. верст леса и за р. Мешей 300 копен, но косил их сын боярский Дм. Малышев⁷⁸. В то же время 2 двора «новокрещенов» помещика Шубина в с. Елани запустели, так как татары не хотели считать себя крепостными. Та же картина имела место в с. Елани у помещиков Бобаниных: «В том же селе жили новокрещены Емельян Чемылов да Федор да два Ивана, и те новокрещены из того села порозошлись жити в новокрещенские села и деревни и по пустым местам самовольно», чтобы не стать крепостными⁷⁹. То же можно сказать и про «новокрещенов» помещиков Ивана Пояркова-Квашнина в дер. Новые Меньшие Естачи⁸⁰.

С появлением помещиков из русских служилых людей целые татарские деревни переселялись на другое место за пределами помещицъих земель. Так поступили татары-ясачники во главе со старостой Кучуком Атлеутовым в дер. Большой Темерлик, переселившись вниз по р. Каме в дер. Меньшой Темерлик. Нет сомнения, что переселение было вызвано боязнью закрепощения. Но большей частью татары, зная, что помещикам могут понадобиться их рабочие руки, уживались и рядом с ними, как это было в случае, когда в

⁷⁷ Там же. Л. 263, 291, 315, 374–375, 429, 451. Земельные угодья в писцовой книге не описаны.

⁷⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 358.

⁷⁹ Там же. Л. 298.

⁸⁰ Там же. Л. 359.

дер. Салман явились помещики Маматов и Якшин, а татары жили неподалеку в дер. Долгой.

Писцовая книга Казанского уезда отмечает, что некоторые помещики незаконно отмежевывали татарские земли. Писцовая книга Д.Кикина отмечает спорную землю в дер. Айше, захваченную помещиком у татар по ложному сообщению приказчика Аф. Глядкова. За счет тех же аишенских татар поживился помещик М.Т. Барсуков в дер. Чюразиной. Помещик Ф.В. Игумнищев завладел землей татарской деревни Малые Нурмы⁸¹. Спорная земля так и оставалась в руках помещиков.

Больше всего сведений о татарских крестьянах писцовая книга Д.Кикина по Казанскому уезду дает в той части, которая касается архиерейских и монастырских владений. Некоторые деревни и села была населены русскими крестьянами, другие – татарами (табл. 1).

В с. Караишево на один двор приходилось 2,6 чети пашни в одном поле. Если не считать перелога и зарослей, как доходных статей, то сена приходилось на один двор почти 58 копен; наличие мельницы приводило к экономии некоторых средств. Все же нельзя сказать, чтобы материально крестьяне были достаточно обеспечены.

Дер. Селик-Кабан имела 20 дворов, на каждый из них падало 5,5 чети пашни в одном поле, но сена на двор приходилось 32,5 копны. В селе Каракчей-Кабан на двор приходилось 5 четей в одном поле и по 75 копен сена, в сельце Куюк – 5,3 чети в одном поле, но сена только 13 копен.

Остальные селения как будто только что начали свою хозяйственную деятельность. Такое положение наблюдается в Смоиловом Займище и в починке Елшейкове. Тут не может быть даже сомнения в том, что угодий у них пока было недостаточно, чтобы обеспечить продовольственные нужды.

Татарские крестьяне в архиерейских деревнях, да и русские крестьяне тоже, обязаны были всякими повинностями; только в починке Елшейкове служилые татары в это время не пахали на архиерея, так как жили «на льготе». Зато бывшие служилые с 14 дворов платили ясак «в оброку место» по полуполтине со двора, всего 3,5 руб. Ясачные татары с 33 дворов давали ясак «в оброку место медом с четвертей по торговой цене»; всего за мед с них собиралось деньгами 8 руб. 50 алтын 2 деньги. А кабанские и караишевские ясачники совместно с тарлашевскими платили ясак медом – 27 батманов, или «40 пуд с полупудом». Таким образом, татары на монастырских землях были оброчниками и ясачниками, обрабатывали землю на себя и барщины не знали, а, следовательно, на них не отражался крепостнический гнет, который испытывали русские крестьяне-барщинники.

⁸¹ Там же. Л. 266, 292, 314–315.

Таблица 1.

Селение	Татары			Полоняники	Пашни, четей		Заросли и дубравы, дес.	Сена, копен	Лес пашенный, дес.	Лес, кв. верст	Примечание
	служилые	ясачные	новокрещенные		доброй	перелога					
Архиерейские											
Смоилево Займище	3	9	–	–	26	4	–	300	50		
Починок Елшейков	7	14	–	–	12	40	30	400	100		
Караише- во	10	3	–	–	33	75	20	750	40		Мельница
Каракей- Кабан	–	–	1	7	40	305	40	600	–		
Селик- Кабан	13	7	–	–	110	20	30	650	–	9	3 двора пустых
Владения Спасского монастыря											
Селцо Куюк	–	2	2	–	102	4	20	250		2	15 дворов русских
Самосы- рово	6	–	–	–	8	4	10	50	–	–	
Всего	39	35	3	7	331	452	150	3000	190	11	

Довольно значительные средства монастыри получали с рыбных ловель. Так, с Серного песку за лето поступало 30 руб., с «вешних оханов» – 22 руб., с частиков, с приволок, со связок, «с крыг и судов, с больших и малых, и с

разных ловель» поступало 24,5 руб. Правда, деньги за рыбные ловли шли не только с татар, но и с русских крестьян других деревень, которые арендовали архиерейские воды⁸².

Из этого краткого обзора видно, что служилые татары, которые были на военной или административной службе, обзаводились крупными поместьями, привлекали на свои земли русских крестьян и татар, стремились создать товарное хозяйство. Всего этого они добивались путем принятия христианства, хотя бы номинально. В то же время крестьяне-татары из бывших служилых становились ясачниками на помещичьих землях. Стремлению помещиков закрепить их они настойчиво сопротивлялись. Их материальное благосостояние в 60-х годах XVI в. было ниже среднего.

Что касается татарской деревни в начале XVII в., то на основании анализа писцовой книги И.Болтина 1602–1603 гг. по Казанскому уезду мы можем говорить о татарских помещиках и ясачниках. Среди служилых татар была незначительная по количеству прослойка вотчинников-крепостников, имевших значительные земельные площади с большим количеством различных угодий и незначительным числом крепостных и дворовых людей и бобылей, которые были не в состоянии освоить и обработать для помещика имеющиеся угодья, вследствие чего помещикам приходилось обращаться к татарам-ясачникам, обрабатывавшим вотчинные земли как арендаторы за оброк или часть урожая. Таковы служилые Багим Яушев, Ишей Сююндюков, Бокшанда Нурушев, Камай и Петр Смиленевы. Из них за Б.Яушевым и Б.Нурушевым числились значительные заслуги (по-видимому, их отцов и дедов) перед царским правительством, и благодаря этому им удалось сохранить за собой некоторые привилегии, уходявшие своими корнями во времена Казанского ханства: и тот и другой вотчинник собирал в свою пользу ясак с населения целой волости (первый – с волости Терся, второй – с марийской волости Нали Кукмор). Все эти помещики и вотчинники были крепостниками, причем их крепостные были плохо обеспечены земельными угодьями, чтобы большую часть своего времени они могли отдавать барщине и выполнению всяких «изделий» на помещика.

Но эти барщинные хозяйства служилых татар нельзя назвать натуральными и замкнутыми: они уже были втянуты в товарно-денежные отношения и в рыночные связи, – насколько это было возможно в то время. Писцовая книга доказывает это с полной очевидностью и убедительностью: феодальная аренда земель, откупная система, сдача в оброк различных угодий и предприятий – бортных ужожаев, бобровых гонов, перевозов, рыбных ловель, мельниц – непременно за деньги, производство товарного хлеба и фуража, не говоря уже о преобладании денежных налогов над натуральными сборами, – вот перечень тех признаков, которые очень характерны для товарного производства на рынках и которые прослеживаются в названных барщинных хозяйствах.

Вовлечению хозяйства служилых татар в общероссийское товарно-денежное производство и обращение косвенно содействовала и национальная поли-

⁸² ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 392–403.

тика царизма, выразившаяся в ликвидации традиций Казанского ханства, где ясачники находились в полном распоряжении феодалов: после присоединения ханства татары-ясачники вышли из подчинения татарским феодалам и были переведены в подчинение Русскому государству и государевой казне. Это мероприятие сильно подорвало хозяйство татарских служилых людей, а впоследствии заставило их позаботиться о заселении своих латифундий новым составом крестьян и бобылей на общем основании с русскими помещиками. А так как ясачные татары предпочитали оставаться «государевыми» и не стремились поступать к служилым, то последним пришлось искать пути к договорному соглашению с ясачниками, без применения внеэкономического принуждения.

В упомянутой выше группе крупных помещиков-татар Ст. Конокозин, имевший 102 чети пашни и 1400 копен сена, владел лишь одним крестьянским и одним людским двором. У кн. Тетингея Муралеева, имевшего 167 четей пашни и 1500 копен сена, был всего один дворовый человек. А 6 помещиков не имели ни дворовых, ни крепостных крестьян, между тем как угодий у них было довольно много. Всего писцовая книга отмечает 16 семей крупных помещиков-татар.

Средняя группа помещиков состояла из 35 семей. Оклады их редко превышали 8 руб. Если у них было мало пашни, то зато много было сена (500–700 копен и больше). Перелога и зарослей у этих помещиков числилось очень мало, а общее количество пашни доходило до 85 четей в поле. Крепостных крестьян у них почти не было, дворовых было 2 человека и 1 бобыль. Скорее всего, как у Кадыша Яушева, на их землях «пашут ясачные». Как у крупных, так и у средних помещиков в большом количестве имелись такие угодья и предприятия, как бортные и бобровые ужожаи, перевозки, перевесья и рыбные ловли, мельницы, кабаки.

Следующая группа помещиков состояла из 83 семей. У этих служилых татар и пашни было меньше, а лугов – почти вдвое меньше, чем у средних помещиков. Значительно меньше у этой группы было и таких угодий и предприятий, как бортные ужожаи, бобровые гоны и рыбные ловли, перевозки, кабаки и пр. Тем не менее, нельзя еще сказать, чтобы они были недостаточно обеспечены угодьями. Размер пашни у них составлял 5–8 десятин, у большинства – от 2 до 5 четей при небольшом количестве перелога и зарослей. Такой пашни обычно хватало лишь для обеспечения своих собственных нужд, товарную продукцию давало только сено (у некоторых было до 400 копен). И у этих помещиков господствовало трехполье. Большинство служилых этой группы – «приборные», их оклад редко превышал 3–6 руб. в год. Хотя жеребьи этой группы и не самые малые, но они не всегда обеспечивали «государеву службу». Из 83 семей только три имели 1–2 крепостных, у всех остальных не было ни дворовых, ни крестьян, но, как это было у вдовы Чуревой из дер. Чюваш, пахали ясачники «сверх своих жеребьев».

Наконец, в последней группе тоже было 83 помещика. У большинства из них пашни насчитывалось от 7 до 12 четей в поле, а сена – от 100 до 1500 копен.

Бывали случаи, когда служилые татары брали луга «из найму» у русских помещиков. В 122 (1614) г., например, Чембулат Емяшев «наймовал» луга на 200 копен на р. Нурме в дер. Кудашево Зюрейской дороги, у помещиков Гр. Дедюлина и Дм. Берсенева⁸³. Из 83 семей семь владели мельницами-мутовками, да и то «вопче» с ясачниками; только С.Арезепов имел 2 мельницы. Кабаков у всей группы было только 3, бортных ужожаев – всего один. В писцовой книге неоднократно имеются указания на то, что эти угодья недостаточны для служилых татар, вследствие чего они переселяются в другие деревни.

Так как подавляющее большинство служилых татар были «по прибору», т.е. из ясачников, то очень часто случалось, что у служилых оставался «ясачный жеребий», с которого только не взимался ясак, но этот жеребий уходил из ясачной общины и становился поместьем. Вследствие этого ясачники в случаях «прибора» части ясачников на государеву службу теряли довольно много своей общинной земли.

Таким образом, писцовая книга И.Болтина вскрывает хозяйственную мощь различных групп служилых татар, их социально-экономические взаимоотношения с ясачниками; книга содержит убедительный материал об антикрепостнических тенденциях среди татар и о степени товарности их хозяйств. Крепостническая прослойка у служилых татар количественно была совершенно незначительной⁸⁴.

Что касается татар-ясачников Казанского уезда, то, судя по писцовой книге И.Болтина 1602–1603 гг., основным их занятием было земледелие. Самым распространенным среди них был пашенный жеребий размером от 6 до 10 (24% ясачников) и от 10 до 15 четей (35,8%) в поле. Обеспечивающим существование жеребьем для того времени необходимо считать от 10 до 20 четей в поле. Таковым в Казанском уезде обладали 56% ясачников. «Голодный» жеребий (до 6 четей в поле) имели 13,6% ясачников, а вообще недостаточный – 38%. Имущая прослойка, имевшая от 20 до 30 четей в поле, была весьма немногочисленной (6%).

Луговые угодья, как и пашня, распределялись неравномерно. Самым распространенным был жеребий от 100 до 200 копен сена на один двор, такой же-

⁸³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153. Л. 155–162.

⁸⁴ Среди материалов, опубликованных в «Истории Татарии в документах и материалах», имеется завещание служилого татарина из с. Ишер от 1603 г. (С. 23), характеризующее одну сторону хозяйства, обычно скрытую в писцовых материалах. Иван Келибердеев завещал внуку дом и хозяйство, холопа Анцо и 5 руб. денег; другого холопа, Ертя, он отказал жене и дочери Ирине, а холопа Тербердея с женой и детьми отпустил на свободу. Другая дочь, Ульмеся, получила одного холопа, а сын Чашкулу – 2 руб. деньгами. Затем завещание перечисляет всех должников, с которых надо было собрать довольно крупную сумму в 27 руб. Долги должна была собрать жена и из них дать внуку Кузьме 10 руб., а остальные беречь для дочери Ирины. Всего помещик кредитовал 9 человек, но в завещании подчеркивал, чтобы кредитованных не кабалить, так как это было запрещено законом. Денежные отношения в документе подчеркнуты довольно ярко, но они не выходили за пределы феодального хозяйства.

ребий имели 47,3% ясачников; от 200; до 300 копен на 1 двор имели 22,6%, от 300 до 400 копен – 6,6%, а свыше 400 копен – 1,9% ясачников. Не обеспеченных сеном было 21,6% ясачников – они имели меньше 100 копен на 1 двор. Писцовая книга И.Болтина очень редко отмечает за ясачниками прочие угодья и предприятия (бортные, рыбные и др.). Таким образом, в начале XVII в. имущественная дифференциация ясачников-татар была выражена очень резко.

В писцовой книге И.Болтина лучше, чем в каком-либо другом документе этого времени, освещается положение татарских ясачников, но все же перечень ясачников нельзя считать полным, так как оброчные книги с луговых угодий упоминают свыше 30 ясачных деревень, в которых И.Болтин не был. Следовательно, всего в Казанском уезде упоминается свыше 110 селений ясачных татар. Тем не менее и этим количество ясачных татарских деревень не исчерпывается.

В начале XVII в. в писцовой книге в 13 селениях Ногайской дороги записано 177 ясачных дворов, по Зюрейской дороге в 19 селениях – 143 двора, по Арской дороге в 16 селениях – 135 дворов и в 25 деревнях Алатской и Галицкой дорог – 345 ясачных дворов. Это позволяет заметить, что населенность деревень по Ногайской, Алатской и Галицкой дорогам почти вдвое выше, чем в деревнях по Зюрейской и Арской дорогам. Объясняется это тем обстоятельством, что в селениях Арской и Зюрейской дорог было значительно больше служилых татар, да и плодородные земли Ногайской дороги привлекали к себе больше населения; кроме того, необходимо учитывать и то, что царские карательные отряды в XVI в., особенно в 1564–1566, 1582–1584 гг., активнее действовали именно в селениях по Арской и Зюрейской дорогам. В той же писцовой книге отражено обострение земельных отношений ясачников не только с русскими, но и с татарскими помещиками. Сведения оброчных книг по луговым угодьям⁸⁵ дополняют данные И.Болтина сведениями об отдельных лицах, пользовавшихся за оброк сеном с казенных лугов. Когда Янбарис Яушев платит оброка 1,5 руб. за 300 копен сена, или Бутыш Шигаев берет за денежный оброк 350 копен сена за р. Камой против Берсута, или Уразбахта Чюреев арендует на р. Шошме 300 копен сена, то мы с уверенностью можем считать таких ясачников куда более зажиточными, чем те, которые с арендованных казенных лугов получали по 20, 30, 40 копен сена. Если эти последние восполняли сеном с казенных лугов нехватку фуража в своем хозяйстве, то крупные арендаторы либо были связаны с рынком, либо имели собственные гурты скота.

Писцовая книга И.Болтина не фиксирует за ясачниками тех доходов, которые они имели, обслуживая помещичьи угодья, – доходов, не подлежавших никакому обложению. Тем не менее, такие доходы реально существовали, являясь результатом договора со служилым помещиком, обычно заключавшегося всей сельской общиной или артелью, как это бывало на рыбных ловлях, где ясачники платили только «третью рыбу», а две брали себе. Только

⁸⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153.

единичные ясачники могли быть закабалены помещиком при невыполнении долговых обязательств, но и подобная кабала преследовалась законом, исходящим из интересов государственного фиска.

В документах зафиксированы случаи столкновений помещиков и ясачных татар. Дозорная книга Посника Белокурова 1618 г. констатирует насильственный захват ясачной татарской земли в дер. Кугурчиной по Ногайской дороге: помещики С.Аристов и В.Землянов «ворвались на их землю с людьми, с крестьяны и с самопалы и саблями, вспахали землю насильством и посеяли»⁸⁶. А в дер. Именкеске, где поселился служилый литвин Михайло Вербицкий, у него потравили весь хлеб, так как он получил опальное поместье Ишея Илчибекова, уже бывшее в эксплуатации ясачников⁸⁷.

Так выглядит татарская деревня в первые два десятилетия XVII в.

Переписная книга 1646 г. по Свияжскому уезду фиксирует 498 служилых татар-помещиков, из которых крепостных имели лишь 120 помещиков (24,1%). Кроме того, у многих помещиков жили бобыли и «соседи». Всего служилые татары имели поместья в 136 селениях Свияжского уезда. Особенностью этого времени было наличие у служилых татар значительного количества русских крепостных; встречалась и крепостная мордва⁸⁸. На земле помещиков Акугулова и Кибеева жила «ясачная чебоксарская чуваша», а на земле в деревнях Лаца, Болтаева и Юзюкова – «цивильская ясачная чуваша», но эту «чувашу» нельзя признать крепостной – скорее всего служилые помещики сдавали землю ясачным чувашам в долгосрочную аренду. В починке Иванаева на р. Черемшане у служилого татарина Ивана Баубекова было два крестьянских двора – один русский, другой татарский, 3 двора бобыльских (во всех дворах 15 душ мужского пола) и 5 дворов пустых, так как один крестьянин бежал, а остальные четыре татарина «вышли в казаки». Таким образом, выход в казаки означал переход на положение служилых людей, которых помещик не мог задерживать у себя, так как служилый татарин не располагал ими так, как русский помещик своими крепостными.

Следовательно, в середине XVII в. в Свияжском уезде дворов крестьян и бобылей в поместьях служилых татар стало значительно больше, но крепостное право на них не распространилось так, как на крестьян русских помещиков. Для служилых татар характерны больше феодально-арендные отношения, чем крепостнические. А так как подавляющее большинство служилых татар совсем не имело крестьян и бобылей, то это в классовой борьбе того времени больше сближало их с антикрепостническими элементами.

То же самое наблюдается в Казанском уезде в 1646 г.⁸⁹ Здесь было всего 619 дворов служилых татар-помещиков, из них 449 помещиков (72,3%) не

⁸⁶ Там же. Л. 163–169.

⁸⁷ Там же. Л. 183–189.

⁸⁸ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 34–35, 40–41.

⁸⁹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6445.

имели крестьян и бобылей, а остальные 170 помещиков имели 575 дворов крестьян с 1672 душами мужского пола. Кроме того, у этих помещиков были бобыли, дворовые, задворные люди, «соседи» и наймиты. Наймитов упомянуто всего 25 душ, но важно отметить их появление в деревне у служилых татар. Бобылей указано 48 дворов, дворовых – 58 дворов, задворных – 34 двора и «соседей» – 37 душ. Как видим, преобладали крестьяне, но из них далеко не всех можно назвать крепостными. Даже у старинного крепостника Кадрека мурзы, сына князя Камая Смиленева, в дер. Чалны из 6 крестьянских дворов было два двора мордовских, один «черемисин» и один «ясачный черемисин», который платил в государеву казну полный ясак, а помещику – полуполтину за год. У него же бобыль Баймурзко Емаев был «черемисин». У служилого татарина Толбая Ишеева в дер. Инсе жил дворовый Антуганко с братом Барсубкой, «и тот же Барсубка платит в государеву казну пол-ясака, а живет своим двором»⁹⁰. За Иштереком Семеневым в дер. Ярыкло числилось 74 двора крестьян, из которых 18 дворов «написаны на пол-ясака», а 2 двора – на полный ясак. В дер. Ардяш под Сарапулом у служилого татарина Богдана Исенева сына Яушева были «написаны на ясаки» 5 дворов и 13 душ крестьян. После этого понятно, что служилый татарин довольно хладнокровно относился к стремлению его крестьян считаться ясачниками, а не помещичьими крестьянами, поскольку их ясачное положение не лишала помещика возможности пользоваться их трудом на договорных началах.

Сложившееся в середине XVII в. положение, при котором подавляющее количество служилых татар не имело крестьян, определяло политику самодержавия, направленную на превращение в конечном счете служилых в ясачников. И служилые, и ясачные татары давление крепостного права больше ощущали со стороны государства, чем в отношениях между собой.

По сравнению с началом века в середине XVII в. количество служилых татар сильно возросло, однако очень многие из них имели поместья, но не имели ни крестьян, ни дворовых людей. В начале XVII в. мы констатировали в Казанском уезде группу помещиков в 50 человек, имевших крупные и средние поместья, а в половине XVII в. таких помещиков стало меньше, так что из 170 помещиков едва можно насчитать 25 человек с более или менее значительными поместьями. Крупнейшими землевладельцами были князья Яушевы, Асановы, Яникеевы, Хозяшевы, Смиленевы и некоторые другие⁹¹. Большинство же служилых татар владело угодьями, но в их распоряжении были один-два крестьянских двора или два-три дворовых человека, обслуживавших помещика, но не обрабатывавших землю. Следовательно, в середине XVII в. еще более резко определилась общая тенденция в сторону уравнения татарских помещиков с ясачниками или государственными крестьянами. Так, служилый татарин Урукчей Утешев «живет за Богданом мурзою

⁹⁰ Там же. Л. 537.

⁹¹ Подробно о хозяйстве Хозяшевых см. в кн.: История Татарии в документах и материалах. С. 196–198.

Яушевым, наймуя пашенные земли, а не верстан де за бедностью». Другой пример: в дер. Мозяр служилый татарин Утегей Ямаметев с двумя братьями «живет в закладе у ясачника Коробайки в дер. Каратман». В дер. Хозяшевой по Зюрейской дороге четверо служилых татар, имея дворовых людей, соседей и даже наймитов, жили на земле Московова, который, видимо, скупил жеребьи своих трех товарищей или взял их в аренду. Таким образом, поместная система развивалась вширь, но глубоко не проникала, почти уравнивая мелкопоместных татар с крестьянами. Внеэкономическое принуждение тоже мало давало себя чувствовать. Так, в дер. Алан у служилого Ижбулатова записаны бобыль с «соседом», которые ему не принадлежали.

Один из ярких примеров захвата земель ясачных татар служилыми татарами представлен в «отдельных книгах» Еф. Скрипицина 1643 г. В починке Сердя по Алатской дороге служилый татарин Кебек Сабакаев с братьями завладели ясачной землей, заставив уехать из деревни ясачных татар Агишка Кудайбахтеева, Палатка Няникова и Атычка. Такая же участь готовилась для Чемея Чепалева, но его челобитной о проверке владельческих прав Сабакаевых, видимо, неожиданно был дан ход и в результате произведенного сыска захват земли был предотвращен⁹².

Сведения о татарской деревне конца XVII в. дает писцовая и переписная книга казанского стольника И.И. Кайсарова 1685 г.⁹³, но эти сведения очень бедны. Касаясь лишь Зюрейской дороги, книга описывает только поместья и вотчины русских помещиков; служилых татар она совершенно не касается, а ясачные татары представлены только по одному с. Черемыш. Эта книга пестрит сведениями о том, что ясачная татарская земля в большом количестве переходила во владение русских помещиков, а татарские ясачники должны были переселяться в другие места. Так было, например, в дер. Енасалы и Русской Черемышевой.

Татары-ясачники дер. Татарской Черемышевой платили ясака 27 алтын 4 деньги и 20 пудов хлеба. Но во всей деревне не было ни одного ясачника, с которого взимался бы полный ясак: 7 хозяйств из 13 были полуясачники, два хозяйства платили по $\frac{1}{4}$ ясака и одно хозяйство – $\frac{1}{8}$ ясака; только один ясачник платил $\frac{3}{4}$ ясака и два ясачника – по $\frac{5}{8}$ ясака. На ясак пашни приходилось в трех полях 24 чети и лугов 8 десятин. Ряд ясачников имел до 200 бортовых деревьев, 5 ясачников «гоняли подводы». Не в пример 1603 г. в ясачной деревне исчезли перелог и заросли – трехполье господствовало на всей пашне. Количество ясачников с начала века увеличилось на 8 дворов, но лугов стало несколько меньше. Рентабельным нельзя назвать уже хозяйство полуясачника, с тем большим основанием надо считать нерентабельными более мелкие хозяйства. В общем хозяйства ясачников в конце XVII в. в большинстве своем были экономически несостоятельными. Это было вызвано тем, что ясачники потеряли много земли в пользу служилых татар и русских помещиков.

⁹² Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 24–26.

⁹³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 645.

Писцовая и перечневая книга Свияжского уезда 1686 г. стольника Г.А. Суворова⁹⁴ дает описание 28 хозяйств служилых татар с. Архангельского, в прошлом дер. Татарское Бурнашево. Менее половины хозяйств – 11 имели от одного до трех дворов крестьян, а у прочих были только пашня и луга. Угодья этих хозяйств настолько измельчали, что их владельцев трудно отнести даже к средним помещикам: все они были на пути превращения в тяглое население. В том же селе жили и русские ясачники: крестьян – 180 душ и бобылей – 42 души, но все это население платило лишь $7\frac{1}{4}$ ясака, так как пашни было только 84 чети в поле и сена – 168 копен (на один ясак приходилось 12 четей пашни в поле и 40 копен сена). На четверти ясака было 6 дворов, на осьмухе – 30 дворов, $\frac{1}{12}$ долю ясака платили 6 дворов и $\frac{1}{16}$ долю ясака – 11 дворов. Ни одного крепкого хозяйства в окружении помещичьих земель! Мы видим, таким образом, что у русских ясачников дифференциация обозначилась еще глубже, чем у татарских.

Марийский край в составе централизованного многонационального государства во второй половине XVI – в XVII вв.

*Опубликовано в книге «Очерки по истории Марийской АССР»
(Йошкар-Ола, 1965. С. 96–139)*

§ 1. Марийский край во второй половине XVI – в начале XVII вв.

Политика царского правительства в крае

Вторая половина XVI в. и XVII в. в истории Русского государства ознаменовались дальнейшим развитием производительных сил, укреплением централизованного многонационального феодального государства. Несмотря на господство натурального хозяйства, товарно-денежные отношения начинали влиять на экономику. Развитие товарного производства отразилось на росте и денежной ренты, а это, в свою очередь, усиливало имущественное расслоение населения и классовую борьбу. Развитие товарного производства вело к возникновению буржуазии и буржуазных связей. Одной из важнейших сторон экономического развития России в XVII веке являлось объединение местных рынков в единый всероссийский рынок.

После присоединения Марийского края к Русскому государству население края оставалось на прежних местах своего жительства. В административном отношении марийцы были организованы в десятки, пятидесятни и сотни. Марийцы определенной сотни, если их было достаточное количество, объединялись в волость, в которой могло быть несколько селений. Одно из этих селений

⁹⁴ Там же.

выделялось как главное – волостное, а другие, расположенные поблизости, составляли усад или новую заимку. Волость или сотню возглавлял сотник, а селение – староста. Как сотники, так и старосты «избирались миром» и утверждались воеводой. Сотник поддерживал связь марийцев с русской администрацией (с воеводой и его дьяками, подьячими, со стряпчими), выполнял распоряжения воеводы, привлекал марийцев к выплате налогов и исполнению повинностей, оказывал содействие в судебном расследовании, организовывал отpravку мужчин на военную службу. Воевода утверждал сотника в должности только в том случае, если он был вполне лоялен к русской администрации. Подчинение старост сотникам, а сотников русской приказной администрации во главе с воеводой было настолько ощутительным, что лишало их самостоятельности и превращало лишь в исполнителей воеводских распоряжений.

В середине XVI века в документах упоминаются следующие волости: Ошли, Мазари, Большая и Малая Орши, Сорока, Мамич-Бердея, Кикина, Б. и М. Кухтуял, Кокши, Сызал, Шумурша, Хозякова, Кунши, Килеева, Кушкул, Битши, Дмаши, Момам, Кемерчи, Уल्याзы. В конце XVI века в писцовых и оброчных книгах перечисляются, кроме того, волости: Нали-Кукмор, Бет-Кукмор, Пинжан-Кукмор, Пор-Ат, Бигишна, Рясь, Карамас, Яран, Морку, Илеть, Коркетова, Шали, Кундыш-Черанур, Кетек, Пюр, Малмыж, Ошторма-Кукмор и Кумор.

Местное население сохраняло за собой угодья, которыми пользовалось раньше, но уже по феодальному праву Московского государства.

Земля в Марийском крае считалась государевой и передавалась московским правительством в пользование марийцам за ясак или ратную службу. Марийское население не обладало правами собственности на землю, а пользовалось лишь правами временного феодального арендатора, в большинстве случаев даже коллективного. Марийские «сотни» или «волости», возглавлявшиеся сотником или старостой, получали пожалование в виде различных угодий и были обязаны платить соответствующий ясак.

Ясачные марийцы могли получить звание служилых, если они привлекались на военную или сторожевую службу. В 1558 и 1559 годах марийцы принимали участие в военных действиях против Ливонии. В 1564 г. в одной из разрядных книг упоминалось, что в походе к Великим Лукам вместе с казанскими татарами, мордвою были и «черемисы». В 1590 году путешественник Маржерет отмечал участие марийцев в Шведской войне.

Важное место в политике русского царизма по упрочению своего положения в присоединенном крае занимало строительство городов-крепостей.

Первым городом, построенным на марийских землях, был Кокшайск. Он возник весной 1574 г. на удобном месте – на левом берегу Волги, близ устьев Большой и Малой Кокшаг.

1583 год является годом рождения другого города на Волге (на ее правом, высоком берегу) – Козьмодемьянска. В документах говорится, что царские воеводы во время военного похода по Волге «в Козьмодемьянской острог поста-

вили». Следует иметь в виду, что поселение, существовавшее здесь до основания острога, было построено раньше, как об этом указывается в одной летописи («повеле поставити град Козьмодемьянский на Волге»).

Укрепленные города появились и в глубинных, центральных районах края. Так, в дремучих лесах Луговой стороны, на берегу Малой Кокшаги во время карательной экспедиции русских войск в октябре 1584 года был основан «Царев град», который вскоре стал называться «Царев город на Кокшаге», затем «Царевококшайск» (позднее – Краснококшайск, ныне – Йошкар-Ола)⁹⁵. Вскоре в новый город прибыли первые воеводы и городничий с воинской командой, вооружением, боеприпасами и продовольствием. А «ноября в первый день... бояре князь И.Ф. Мстиславский с товарищи приговорили послать в новый Царев город с нарядом и с запасы⁹⁶ воевод на три полки... А как воеводы запасы и наряд в город привезут, и быти в Цареве городе воеводам князь Иван Андреевич Ноготков, да Михайло Александров сын Нагово, в городничих быти Звяге Воейкову...».

В том же 1584 г. в районах с марийским населением были построены Шанчюрин (Санчурск) и Уржум, несколько позднее (1591 г.) Яранск.

Все эти города были обнесены деревянными стенами с башнями, в которых имелись проезды с воротами. Рядом со стенами с наружной стороны имелись рвы, обычно наполненные водой.

Не только по своему внешнему облику, но и по своей роли они были военными укреплениями, опорными пунктами царизма на вновь присоединенной территории. Эти города-крепости еще в течение довольно продолжительного времени оставались в первую очередь лишь военно-административными центрами, и только впоследствии в них появилось посадское торговое и ремесленное население. Другая их особенность состояла в том, что представителям местного нерусского населения запрещалось не только проживать в этих городах, но и въезжать в них без разрешения властей и оставаться на ночь.

Городские военно-административные центры были местами, где прочно оседало пришлое русское население. Около строившихся городов стали возникать русские деревни.

⁹⁵ Мнение некоторых авторов об основании города в 1578 г. не соответствует действительности. И летописи («Новый летописец»; летописный свод начала XVII в., обнаруженный и опубликованный акад. М.Н. Тихомировым), и «Разрядные книги» в качестве даты основания Царева города называют 1584 год. В сведениях, относящихся к предыдущим годам, нет никаких упоминаний об этом городе. В частности, в «Разрядных книгах» даны сведения, кто из бояр в том или ином году и в каком городе был воеводой. Например, за 1583 год перечислены все города Русского государства, которые существовали в то время (Свияжск, Чебоксары, Кокшайск, Козьмодемьянск и т.п.), но среди них нет «Царева города на Кокшаге» или «Царевококшайска». Если бы он был основан до 1584 г., то и он, безусловно, фигурировал бы в этом перечислении.

⁹⁶ Т.е. с боеприпасами и продовольствием.

Значительное место в политике правительства занимали изоляция мари́йского населения от влияния магометанского духовенства и обращение его в православие. Христианизацией мари́йцев занимались казанские и свияжские монастыри, расположенные недалеко от места жительства мари́йцев (Зилантовский монастырь в Казани, Свияжский Успенский и Чебоксарский Троицкий монастыри). Однако, православие приняли очень немногие. У мари́йцев не было никакого расположения к православию. Митрополит Гермоген писал в 1591 г. про всех новокрещенов, что они «в православной вере не утвердились», а «от татарских обычаев не отстают». Религиозная нетерпимость православного духовенства и администрации лишь усиливала стойкость и стремление мари́йцев противодействовать насилию, к которому царское правительство начало, правда, еще в слабой степени, прибегать уже во второй половине XVI века.

Ясак взимался в крае с пашни. Мари́йцы вначале платили ясак в том же размере, что и «прежним казанским царем». Однако вскоре ясак начал взиматься, исходя из того, «чтоб казне не было порухи» (убытка), «смотря по выгодам и по промыслам», «сколько можно». Такая неопределенность вызывала невероятные злоупотребления со стороны приказных людей. В XVI веке ясаком облагалось все мужское население. Ясак начислялся даже на младенцев, малолетних, стариков и на инвалидов. В общей сложности с мари́йцев брали от одной трети до половины всего того, что получал ясачник от своего труда. Натуральная часть ясака, вносимая зерном, называлась «посопным хлебом». Мари́йцы платили, кроме ясака, оброк за арендуемые у казны луга, за бортные деревья, бобровые гоны, рыбные ловли, за птичьи перевесья, за мельницы. Местные чиновники, собирая для правительства весьма значительный ясак и немалые оброчные деньги, не забывали и свои личные интересы, обременяя тяглое население особыми сборами в свою пользу.

Ясачное население не могло мириться с этим. Оно жаловалось, протестовало. Когда мари́йцы увидели, что это не достигает цели, то наиболее обездоленная их часть стала отказываться и убегать от обложения. С 50-х годов XVI в. началось переселение мари́йцев в Башкирию. Грабеж населения приказными и служилыми людьми приводил к выступлению против угнетения. За первые 5 лет после присоединения края к Русскому государству ясак удалось собрать не более 2–3 раз. За вторую половину XVI века местная администрация вследствие восстаний тяглою нерусского населения не могла собрать даже точные данные о количестве ясачников.

Значительный размах со второй половины XVI века приобрело колониационное движение русского населения в Среднее Поволжье, в том числе и в районы Мари́йского края. Казанские земли нужны были беглым крестьянам центральных уездов, спасавшимся от усилившейся помещичьей эксплуатации; русским помещикам и монастырям, чтобы развернуть хозяйство на плодородных землях; купцам, чтобы освоить волжский и камский торговые пути; посадским людям, чтобы развернуть свои промыслы и ремесла в условиях

наибольшего благоприятствования, когда первые переселенцы пользовались значительными податными льготами.

Опорными пунктами колонизации были, прежде всего, города и уголья около них. Вследствие того, что в крае освободились земли, ранее принадлежавшие представителям господствующего класса Казанского ханства, убитым во время сражений или бежавшим после военных поражений, в интересах царской власти было скорее заселить их русскими переселенцами. В крае возникает значительное количество новых русских селений (ср. Покровское, Владимирское и др.). Русские появились в дворцовых селах, около городов, монастырей, в помещичьих владениях по берегам Волги, а потом и ее притоков. Эксплуатация подчиненного марийского, чувашского, мордовского и татарского населения русскими помещиками и чиновниками вскоре же восстановила местное население против русской администрации и служилых людей. Львовская летопись указывает, что в начале марта 1553 года было прислано сообщение воеводы князя А.Б. Горбатого, что «казанские люди луговые изменили, ясаков не дали», а сборщиков ясака «побили». Митрополит Макарий доносил о том, что присоединившиеся к Московскому государству народы «вновь отложились», так как убедились в «нечестивой жизни» служилых людей. Летописные источники говорят о том, что приказная администрация «возжелала богатства» и больше стала заботиться о «кормлениях», чем о государственных интересах, что в результате этого «многие грады и волости пусты учинила». Летопись отмечает, что все эти кормленщики были «гонителями» и «разорителями» ясачников. Побуждаемые корыстным стремлением к «пожитку», к «прибытку», служилые люди занимались вымогательством не только по отношению к татарам, марийцам, мордве и чувашам, но и по отношению к тяглому русскому населению. Безудержный грабеж местного населения со стороны царских чиновников приводил к резкому недовольству и возмущению ясачных людей и обострял классовую борьбу.

В середине 60-х годов XVI в. проводится перепись помещичьих владений и ясачных волостей, пополнявших деньгами, хлебом, пушниной и медом государеву казну. Производится замена «кормленщиков». Новые «кормленщики» в первые годы были более осторожными в эксплуатации и грабеже тяглового населения, но впоследствии и они стали творить произвол.

Экономика и социальные отношения

Основным занятием марийского населения являлось земледелие. Сельское хозяйство в крае во второй половине XVI и в начале XVII вв. было зерновым.

Писцовая книга Казанского уезда за 1603 год отмечает марийскую волость Малмыж, в которой числилось 38 дворов «ясачной черемисы». Эти ясачники имели пашни 152 чети в одном поле, лесных порослей 76 четей, сена по р. Вятке 7600 копен и леса 3 кв. версты. За ними же числилось на об-

роке 10 меленок-мутовок⁹⁷. Таким образом, на каждый марийский двор в среднем приходилось 9 десятин пашни. На каждый двор падало также по 200 копен сена, что было значительной кормовой базой для домашнего скота. О развитии зернового хозяйства говорят также «записные книги» луговых оброчных денег 1617 года по волости Ерань. В книгах отмечается, что марийцы Айгозя Алшейхов да Актыбай Айгилдеев не уплатили оброка за 300 копен сена потому, что уехали в Казань с посопным хлебом, что по той же причине оброк за 600 копен в размере 3 рублей не взят с марийца Байгилды Ивекова из волости Бет-Кукморы. В дозорных книгах 1614 года указывается, что ясачные марийцы Кундыш-Черанурской волости имели посева на каждый ясак от 3 до 6 четей в поле, сена косили по 70–80 копен.

В начале XVII века ранее установившееся относительно уравнильное распределение пахотной земли и покосов по ясакам нарушилось: земля и сенные покосы оказались «не против ясаков», у одних сосредоточилось значительно больше, у других стало значительно меньше. Это нарушение вызывало большое недовольство крестьян. В одном из документов рассматриваемого периода говорится, что среди ясачников «живет брань и драка», что даже стали бояться «убойства». Таким образом, усиление имущественного неравенства населения приводило к обострению социальных противоречий в марийской деревне, и администрация нередко должна была вмешиваться, чтобы смягчать их.

Большое значение приобретает скотоводство. Марийцы держали коров, лошадей, овец и свиней. Если на ясак приходилось мало лугов, то марийцы брали на оброк казенные луга и платили в казну оброчные суммы по деньге с копны. Это прекрасно иллюстрируют оброчные луговые книги 1615 и 1619 гг. В марийских волостях Рясь, Морку, Чюкша, Шали, Бигишна, Бет-Кукмор, Карамас, Муморы, Пинжан-Кукмор, Ерань, Кундыш-Черанур марийцы в одиночку и компанией в 3–5 человек брали луга на оброк дополнительно к общему наделу. Некоторые арендовали большие участки и собирали с них по 300–330 копен. Были и мелкие арендаторы, собиравшие по 30–40 копен. Среди арендаторов значились и рядовые марийцы, и сотники.

Поставка в казну посопного хлеба подтверждает господство земледелия и связанного с ним скотоводства даже на «средних» и «худых» землях левобережья Волги.

Кроме земледелия и скотоводства у марийцев были развиты пчеловодство (бортничество) и охота. Обилие лесов, обширных и девственных, простиравшихся на сотни верст, позволяло населению получать за счет пчеловодства и охоты значительное пополнение к бюджету. Причем это пополнение трудно было учесть для обложения налогом. При переписях населения и переобложении его ясаком марийцам легко удавалось скрывать доходность этих видов промысла. Марийцы охотились на белок, лис, куниц, волков, горностаев и даже соболей, но тем не менее ясак продолжал оставаться пашен-

⁹⁷ Мельница-мутовка – водяная мельница с лежачим колесом.

ным. Пушнина в определенном количестве поступала в казну, но часть ее просачивалась к скупщикам из русских торговых людей. Также трудно было учесть сбор меда и воска, ибо ясачники указывали лишь самое ограниченное количество «дельных бортей» (т.е. деревьев с пчелами). И большинство бортных деревьев налогом не облагалось. «Список разных денежных доходов» 1619–1620 гг. предусматривает сбор меда с ясачной мордвы и «черемис» четырех уездов: Нижегородского, Козьмодемьянского, Чебоксарского и Курмышского в количестве 722 пудов. Мед и воск частью поступали в казну как оброк и как товар, но заметная его доля попадала и скупщикам.

Наличие многоводных рек, изобиловавших рыбой, обуславливало занятие рыболовством, которое обеспечивало главным образом потребительские нужды населения. Иногда рыбная ловля имела и товарное значение, в частности на таких реках, как Б. и М. Кокшаги, Илеть, Ветлуга, Вятка, особенно в помещичьих и монастырских хозяйствах.

«Исторические записки» Маржерета отмечают появление садоводства и огородничества, особенно вблизи городских поселений. Яблоки и огурцы продавались проезжающим и горожанам.

Из ремесел необходимо указать изготовление деревянной посуды, транспортных средств (сани, телеги, лодки и барки), а также изготовление мочала, мочальных изделий, лубьев и строительных деталей. Эти ремесла не имели еще товарного характера, они не выходили за пределы потребительского значения и определялись условиями эксплуатации природных богатств Марийского края ради собственного потребления.

Социальные отношения после присоединения края к Русскому государству претерпели изменения.

Господствующее положение стали занимать уже не татарские феодалы, а русские. Из марийского населения к феодалам относились сотники, тарханы, а также служилые марийцы других категорий (чиновники уездной администрации, начальники военных подразделений). Марийские сотники могли достичь равного положения с русскими помещиками только в том случае, если они стояли во главе марийских военных отрядов, особенно во время войн, и показали полную лояльность к русскому правительству. В этом случае они получали пожалование и земельные угодья на поместном праве, особенно если принимали православие. Тарханы имели особые льготы податного характера в результате особых военно-административных заслуг. Однако служилые марийцы, будучи подчинены русским «головам» по военной линии, имели мало самостоятельности в своих делах и большой властью не обладали.

К господствующему классу относились также русские торговые люди. Нарождавшееся купечество, сосредоточив в своих руках торговлю, занимало привилегированное положение на посаде, хотя значительного влияния в сфере административной власти не достигло. Его деятельность контролировалась феодалами и была подчинена воеводе, обладавшему полнотой феодальной власти в уезде. Купечество имело влияние на посадское население, особенно на

мелких торговцев и ремесленников, подчиняя их своим капиталом, широкими операциями скупщиков и ростовщиков. Купечество стремилось подчинить себе мелких сельских торговцев и ремесленников, не допуская их к оптовым торговым операциям, особенно в городах.

Посадское население городов края во второй половине XVI века только начало формироваться из русских переселенцев. Преобладающим контингентом городского населения края были приказные, служилые люди, стрельцы, казаки и духовенство. Марийцы, как уже говорилось, в города не допускались, за исключением некоторых служилых лиц, принявших православие.

Большую часть населения составляли крестьяне (марийские и русские). Марийцы были ясачными, а русские могли быть и дворцовыми, помещичьими. Ясачники не были равны между собой. Имущественное неравенство ясачников в феодальной марийской деревне было уже давно утвердившимся явлением.

Классовая борьба во второй половине XVI в. Реакционные выступления марийской феодальной верхушки против присоединения края к Русскому государству

Во второй половине XVI в. обострялась классовая борьба. Наряду с классовой борьбой, игравшей важную прогрессивную роль, в крае имели место реакционные выступления феодальной верхушки. В декабре 1552 года марийские ясачники, не уплатив ясак, побили сборщиков ясака, соединились с арскими татарами, вместе с ними пошли по направлению к Казани, дошли до Высокой Горы и остановились у засеки. Казанская администрация выслала отряды казаков и стрельцов. Однако, вследствие несогласованности действий, они потерпели поражение, потеряв 350 стрельцов и 450 казаков. Так началось восстание луговых марийцев и татар.

Отряды восставших под предводительством Зензеита и Сарый-богатыря нанесли поражение воеводе Б.И. Салтыкову. При этом было убито 250 человек, захвачены в плен воевода и 200 подчиненных ему людей. А.М. Курбский писал, что восстание распространилось до Нижнего Новгорода и даже дальше на запад – вплоть до Муромской земли. Восстание ясачников приняло такие размеры, что правительству пришлось послать 30-тысячное войско, которое и развернуло карательные действия, продолжавшиеся до 1554 года включительно. Воеводы С.И. Микулинский, Ю.И. Кашин и Д.М. Плещеев посланы были на Арск-Шурму-Уржум, «воевали и жгли во всех местах», забирая тысячи пленных татар и марийцев. «На изменников на черемису» посланы были воеводы И.Ф. Мстиславский и Д.Г. Плещеев. Воеводы выделили особый отряд на Ошлу, на Ветлугу и Рутку, который прошел многие волости и

«всех повоевал». «Большие воеводы» прошли с боем по другим марийским волостям, где «многих людей повоевали и побили»⁹⁸.

Летописные сведения вполне определенно говорят о том, что движение марийцев имело массовый, народный характер: восстание было направлено против безудержной феодальной эксплуатации ясачного населения. В этом движении на первый план выступал его социальный, антифеодальный характер. Царские войска принесли ясачникам большое разорение, возвратившись домой, как указывал А.М. Курбский, «со множайшими корыстьми», т.е. со многими ценностями. Восстание было подавлено окончательно лишь в 1557 году. Восставшие марийцы потерпели жестокое поражение.

Однако после этого стало назревать новое восстание. Эксплуататоры, представители царской администрации снова довели трудовое население до предела терпения. В 1572 году трудящиеся татары, марийцы и удмурты опять поднялись против притеснителей и перестали платить налоги и сборы. Правительство было сильно обеспокоено. Оно подготовило большой отряд карателей для подавления восстания (отряд находился в Муроме). Начались переговоры с восставшими. В 1574 году восстание прекратилось. Войско было отозвано из Мурома.

Антифеодальный характер носило в целом и восстание 1582–1584 годов. Марийцы стойко сражались с отрядами русских войск. «Повесть» о житии царя Федора Ивановича указывала, что марийцы не вступали в бой с большими отрядами царских войск, но нападали на малые подразделения, большей частью на станах или во время похода. «Повесть» отмечала также, что восставшие сильно противились принятию православия. Московским воеводам весьма трудно давалась победа над восставшими.

С возведением на престол нового царя Федора Ивановича марийские крестьяне прекратили борьбу, надеясь, что новый царь улучшит их положение. Однако отношение к марийцам, чувашам и татарам почти не изменилось. Это привело к тому, что в 1587 году в Унженском уезде марийцы вновь «побили» представителей власти. В 1592 году волнение происходило в 12 марийских волостях. В эти волости были посланы карательные отряды, подавившие выступления.

В последующие годы классовая борьба ясачного населения сливалась с антифеодальной борьбой русских крестьян.

Недовольство народных масс угнетательской политикой царизма, классовую борьбу в крае во второй половине XVI в. пыталась использовать в своих корыстных целях часть марийской феодальной верхушки. В то время как классовая борьба была прогрессивным явлением, выступления части марийской феодальной верхушки являлись реакционными.

⁹⁸ Марийские волости, в которых «воевали» большие воеводы: Шумурша, Хозякова, две волости Мазара, две волости Орши, Битша, Кушкуме, Сорока, Кунша, Василиуков беляк, Мамич Бердеева волость, Килеева, Кикина, Кухтуял, Кокша Большой и Малый, Сызал, Дмаши, Моноли, Комерчи, Улыязы.

Эти реакционные выступления были вызваны тем, что часть местных феодалов, в свое время тесно связанная с феодальной верхушкой Казанского ханства, лишилась своих прежних привилегий с присоединением края к Русскому государству и потеряла власть над населением. Таких феодалов в пределах Волжско-Камского края после 1552 года оставалось довольно значительное число, особенно среди татарских и марийских сотников. После падения Казани в 1552 году и установления царской власти в крае эти марийские феодалы не могли примириться с потерей своей власти и своего влияния на тяглое население, которое к тому же очень рано испытало на себе тяжесть корыстных стремлений царской администрации и русских служилых помещиков. С целью отторжения края от Русского государства некоторые марийские сотники предпринимали попытки склонить восставших крестьян на свою сторону и, вопреки стремлениям народных масс, искали помощи в борьбе с Москвой у крымских, сибирских и ногайских ханов и даже в Турции.

Однако московские полки нанесли тяжелые поражения реакционным элементам и примкнувшим к ним крестьянам в боях по Казанке, Вятке, Меше, Ветлуге, Б. и М. Кокшагам. Самые сильные удары по татарским и марийским феодалам, поднявшимся на борьбу с Русским государством, были нанесены в 1553–1556 гг., когда феодалов отказались поддерживать ясачники, частично вовлеченные в эту неравную борьбу. Например, марийский сотник Мамич-Бердей был схвачен и выдан московским воинам в 1554 году. Несколько позже был пленен ясачниками марийский сотник Ахмачек. В 1557 году были разбиты малмыжские феодалы.

Отдельные проявления сепаратизма имели место и впоследствии. Но они легко подавлялись. Таким образом, феодальная верхушка из татар и марийцев первые два десятилетия после присоединения к Русскому государству старалась повернуть колесо истории назад. Однако Русское государство подавило все сепаратистские стремления и закрепило за собой бассейны Волги и Камы. Попытки местных феодалов восстановить Казанское ханство представляли опасность, пока феодалы могли пользоваться народным протестом против социального и национального угнетения. Но как только ясачники поняли, что им не по пути с феодалами бывшего Казанского ханства, и отошли от них, феодалы оказались бессильными в своих намерениях.

Антинародные действия феодалов вызвали такое разорение хозяйства крестьян, какого не приносила даже большая война, например, Ливонская.

Участие трудящихся края в крестьянской войне в начале XVII в.

Классовая борьба нерусского населения сливалась с антифеодальной борьбой русских крестьян. Самым ярким и выдающимся событием этой борьбы в рассматриваемый период явилась крестьянская война начала XVII века, в которой трудящиеся Марийского края приняли самое активное участие.

В Среднем Поволжье народное движение началось в середине 1606 года, когда в Свияжске появился со своим отрядом самозванец «царевич Петр» – Илейка, бывший кабальный холоп свияжского помещика Г.Елагина. Пребывание Илейки под Свияжском содействовало пробуждению народного недовольства и в Марийском крае.

Массовое восстание ясачных крестьян в Среднем Поволжье началось во второй половине 1606 года. Все трудовое население между Нижним Новгородом и Казанью встало на сторону Болотникова. В числе 70 восставших городов были Арзамас, Алатырь, Курмыш, Ядрин, Чебоксары и Свияжск. В этих уездах было много и марийцев, принимавших участие вместе с мордовскими, чувашскими и русскими крестьянами в осаде Нижнего Новгорода в конце 1606 – в начале 1607 гг.

К Нижнему Новгороду пришли русские, мордовские, чувашские и марийские крестьяне под командованием мордвина Воркадина и марийца Енбахты Москова. Царские воеводы, совершив поход на Муром, Арзамас и Алатырь, повернули на Нижний Новгород и сняли с него осаду, а потом длительное время боролись с восставшими в Нижегородском, Арзамасском и других уездах.

По дороге от Яранска в Козьмодемьянск шли разговоры о том, что стоят под Нижним «воры» (т.е. повстанцы), гонцов ловят, а иных побивают. Дорога на Москву из Перми через Яранск – Нижний Новгород была прервана восставшими, что вынуждало направляться через Унжу и Галич. Непокойно стало на Вятке. В числе восставших были русские крестьяне, холопы и бортники. Участие марийцев, мордвы, чувашей и татар в восстании придавало антифеодальному движению также национально-освободительный характер.

Крупными центрами восстания были Курмышский район и Чебоксарский уезд.

С конца 1607 года, после ликвидации главных очагов восстания И.Болотникова, наметился некоторый спад антифеодальной борьбы в центре государства в связи с появлением Лжедмитрия II и дальнейшим развитием польской интервенции. Однако этот спад нельзя принимать за затухание классовой борьбы, особенно в Поволжье.

В конце 1608 года Лжедмитрий II был признан, кроме центральных уездов, в Муроме, Арзамасе, Костроме и Балахне. Дальше на восток господство поляков не распространялось. Против захватчиков выступили многочисленные отряды.

К осени 1608 года развернулось сильное антифеодальное движение русских, чувашских, марийских, татарских и мордовских крестьян в Козьмодемьянской, Чебоксарском, Цивильском, Свияжском, Кокшайском и Алатырском уездах. Это обстоятельство заставило правительство послать из Нижнего Новгорода на подавление восстания боярина Ф.И. Шереметева с большим войском. 22 декабря 1608 года Шереметев разбил восставших под Чебоксарами и отправился к Свияжску, но был вынужден часть своих войск напра-

вить снова в Чебоксарский уезд, т.к. после ухода Шереметева рассеянные отряды восставших вновь соединились и активизировали борьбу. В приказе Шереметева говорилось, что если не удастся привести к присяге татар и марийцев, то волости нужно «воевать», татар и «черемису» побивать, жен и детей их брать в плен, имущество «грабити», деревни жечь. Отряды солдат разбили восставших.

В январе 1609 г. Ф.И. Шереметеву удалось разбить отряды восставших также под городом Свияжском. Но в марте отряды повстанцев вновь основательно дали себя почувствовать. Шереметев не мог сражаться с ними. Он должен был следовать со своими войсками к Москве.

В конце 1608 года на помощь восставшим крестьянам поволжских уездов пришли из Арзамасского уезда мурзы Бибай и Теребердей, которые после сражения с Ф.И. Шереметевым под Чебоксарами переправились у Козьмодемьянска на левый берег Волги, подняли марийцев на восстание, в январе 1609 года заняли Царевококшайск, а оттуда направились в Яранск и Санчурск⁹⁹. В их отрядах были многие «воровские люди», стрельцы, казаки, мордва, чуваша и марийцы. Вскоре восставшие захватили Яранск и опустошили Предтеченский монастырь. Активное участие в этих походах приняли марийские ясачники. Только в 1610 году царские войска окончательно овладели Яранском и Санчурском. Из Казани был послан отряд в 2300 человек по направлению к Царевококшайску через Свияжск, но этот отряд стремился лишь к тому, чтобы не пропустить восставших к Казани. Таким образом, в 1608–1609 годах восстания русских, мордовских, татарских и марийских крестьян против феодалов охватили громадную территорию.

В марте 1609 года в Свияжский уезд были посланы из Казани стрелецкие отряды, которые встретились с восставшими в селе Бурундуки и разогнали их, но не надолго.

Все три года, пока продолжалось антифеодалное восстание народов Поволжья, ясачные деньги не собирались и в казну не поступали.

В конце 1610 года царские войска сумели рассеять отряды восставших на правом берегу Волги, а потом – на левом. В этих операциях действовали казанские и вятские стрельцы. Правительственные войска жестоко расправлялись с восставшими, избивали крестьян, расхищали их имущество, сжигали целые деревни. Много жертв понесли восставшие, но эти жертвы не сломили народ.

⁹⁹ В переписке пермских и вятских воевод указывалось, что в Санчурском уезде в Юж волости восставших марийцев находится тысячи две во главе с марийским сотником Ялпаем Токшейковым, в Царевококшайском уезде в Хозяковской волости было с тысячу человек, в Кокшайске и Шемурше (Чемурше) стоял отряд марийцев в 700 человек под командой сотника Ветлужской волости Аникея Кошакова.

Марийский народ в борьбе с иностранной интервенцией

Видное место в общественной жизни России занимала в это время борьба с иностранной интервенцией.

В начале 1609 года по призыву жителей Галицкого уезда горные марийцы собрали и отправили в Галич большой отряд, принявший деятельное участие в борьбе с иностранными интервентами к северу от Москвы.

В 1611 году под Москвой стояло первое ополчение, которым командовали Ляпунов, Заруцкий и Трубецкой. В этом ополчении был и казанский отряд, сформированный из русских стрельцов Казани, Свияжска и всех пригородов, из татарских, марийских и чувашских служилых людей, которые принимали участие в операциях под Москвой и Коломной.

Вскоре в Нижнем Новгороде началось формирование второго ополчения. Посадский староста и выборный голова купец Козьма Минин возглавил подготовку и финансирование второго ополчения. Военное руководство ополчением было поручено воеводе Д.П. Пожарскому. Во второе ополчение вошло значительное число русских, татар, чувашей и марийцев. Из Чебоксар, Козьмодемьянска, Царевококшайска и других городов и деревень поступали деньги и ополченцы. Общая численность ополчения достигала 30 тысяч человек. 15 февраля 1612 г. из Нижнего Новгорода выступил передовой отряд ополчения, а 5 марта двинулись вдоль Волги и главные силы. Ополченцы освободили Ярославль, где был создан «совет всей земли». Ополчение заняло позиции под Москвой и нанесло поражение гетману Ходкевичу, который шел на подкрепление полякам, осажденным в Москве. Польский гарнизон Москвы сдался. Сигизмунд, шедший к Москве с небольшим отрядом, повернул с Волоколамска обратно. Казанский отряд ополчения принимал участие в операциях по освобождению Москвы от интервентов.

После этого в течение ряда лет пришлось ликвидировать последствия польско-шведской интервенции.

В 1614 году служилые люди Казанского Поволжья, а отчасти и из марийского населения, приняли участие в ликвидации попыток Заруцкого организовать из Астрахани поход на Самару и на Казань. Заруцкий и Марина Мнишек были арестованы. В 1615 году войска из Казани, в которых были и марийцы, принимали участие в борьбе с польскими отрядами Лисовского.

Русский и другие народы России отстаивали независимость своей страны.

Восстание 1615–1616 гг.

После изгнания интервентов классовая борьба в стране продолжалась. Интервенция сильно подорвала хозяйство ясачников. В борьбе с интервентами погибла наиболее трудоспособная часть мужского населения. Правительство Романовых пыталось обеспечить всеми мерами поступление в государственную казну налоговых недоимок. Увеличиваются размеры прежних налогов. Вводятся новые налоги. Особенно тяжело народу было платить пятинные деньги (сбор, равный пятой части доходов хозяйства). Новый нажим на подат-

ное обложение и послужил поводом к крупному восстанию в Поволжье в 1615 году. В восстании участвовали татары, чувашы, удмурты, марийцы. Оно продолжалось и в 1616 году, а отдельные вспышки имели место и в 1617–1619 гг. Восстание было жестоко подавлено царскими войсками, что привело к дальнейшему запустению земель и громадному разорению населения.

Народные восстания начала XVII века были попыткой уничтожить феодальный гнет, а выступления нерусских народов, кроме того, преследовали цель ликвидировать национальное угнетение народных масс. Но крестьянские восстания не могли быть успешными. Неорганизованные крестьяне не в состоянии были победить военную силу централизованного государства.

§ 2. Социально-экономическое развитие Марийского края в XVII в.

Политика царизма. Подати и повинности

Голодные годы, карательные походы царских войск во время крестьянской войны, борьба с иностранными интервентами привели к тому, что хозяйство ясачников края оказалось сильно подорванным, население заметно сократилось. Разрядные книги 1625 года зарегистрировали в Козьмодемьянском уезде 1742 ясачника, в Царевококшайском – только 764, в Кокшайском – 320, в Санчурском – 795, в Уржумском – 1553. Таким образом, в границах края насчитывалось тогда менее 5 тысяч марийских ясачников. Кроме того, ясачников-«черемис» имелось в Казанском уезде не менее 2000, в Свияжском и Чебоксарском – не менее чем по 800, в Цивильском – 1957, в Курмышском – 953, всего более 6,5 тыс. В ходе крестьянской войны произошло некоторое перемещение населения. В последующие годы марийское население частично возвратилось на прежние места жительства, в результате чего разрядные книги за 1629 и 1635 гг. фиксируют некоторое увеличение марийского ясачного населения в крае.

Разорение хозяйства марийских крестьян видно из сведений о сокращении платежей оброка. Нижегородские платежницы отмечали, что за 1619 год, например, меда вместо 722 пудов уплачено было меньше половины; за 343 куницы нужно было уплатить почти 108 рублей, а уплачено было немногим более 47 рублей (по Козьмодемьянскому, Нижегородскому, Чебоксарскому и Курмышскому уездам).

Земельная политика царизма не претерпела больших изменений, хотя некоторые новшества были введены. По Соборному Уложению 1649 г. устанавливалось, что если окажутся поместные земли в руках нерусского населения, а от русских помещиков поступит на эти земли челобитье, то следует передать эти земли русским помещикам. Исключение составили лишь земли, которыми владели новокрещены. Это сделало помещичье землепользование нерусских служилых людей еще более условным и неустойчивым. Царская политика была направлена к тому, чтобы служилых из нерусских народов было как можно меньше. Положение служилых новокрещенов было значи-

тельно прочнее, чем некрещеных. Хотя при характеристике положения служилых людей следует иметь в виду, что иногда поместный оклад очень мало превышал сумму ясака.

Система управления марийским населением серьезных изменений после крестьянской войны не претерпела. В руках воеводы была сосредоточена и военная, и гражданская, и судебная власть. Власть воеводы была почти неограниченной. Жаловаться на него разрешалось только по истечении срока воеводства. Как и раньше, воевода всегда имел в городе известное число аманатов (заложников из марийских волостей), чтобы легче было обеспечить покорность марийских ясачников царизму.

Налоговое обложение ясаком было самым существенным для государства. Ясак составлял значительную сумму государственных доходов. Плательщик целого ясака мог иметь от 8 до 15 четей пашни в одном из трех полей, до 80 копен сена. За это вносился пашенный ясак, который и поощрялся правительством во всем Поволжье, в том числе и у марийцев. Правительство предоставляло ясачникам на 3 года льготы, если они только что переходили к пашне, а если марийцы осваивали новые места, то льготы давались иногда на 6–7 лет, и в течение этих льготных лет ясак не взимался совсем.

Переписная книга 1678 года отражает практику взимания денежного и натурального ясака. Денежная часть выражалась в 18 алтын 2 деньги, т.е. несколько больше половины рубля. Натуральная часть ясака составляла: четверть (8 пудов) ржи, столько же овса, полосьмины (2 пуда) ячменя¹⁰⁰. Всего с ясака мариец должен был сдавать в казну 18 пудов зерна. Это было очень тяжело, ибо марийцы жили преимущественно на песчаных землях и снимали очень небольшой урожай.

На каждый ясак падало также примерно 70 копеек денежных сборов. Приказ Казанского дворца ежегодно собирал свыше 20 тыс. рублей ясачных денег. Для рассматриваемого времени это была весьма значительная сумма. Состояние хозяйства и социально-экономические условия были таковы, что эти взносы собирались с большими трудностями.

¹⁰⁰ В 22 марийских волостях по Галицкой дороге Казанского уезда в 1678 году насчитывалось 2892 двора, в которых мужчин было 5369 душ. Все они платили 1660 $\frac{1}{4}$ ясаков, т.е. целый ясак приходился почти на 2 двора. Конечно, мы должны учесть стремление облагаемых платить как можно меньше, вследствие чего ясачные деньги не дают точного представления об экономике марийского хозяйства. Однако, принимая во внимание массовый характер этих данных, можно заключить, что состояние марийского хозяйства было неудовлетворительным. Действительно, со всех ясаков и дворов ясачных денег поступало лишь 919 руб. 19 алтын. Более чем десяти тысячное население не могло внести в счет ясачных даже одной тысячи рублей. Вместе с тем были уплачены оброчные деньги с мельниц 24 руб. 20 алтын 2 деньги, с бортовых деревьев 168 руб. 29 алтын, за бобровые гоны 14 руб. 7 алтын 1 деньга, за рыбные ловли 3 руб. 30 алтын 1 деньга, за луга 17 руб. 19 алтын 3 деньги и за веревки 29 рублей. Бобыльский оброк выразился в сумме 1 руб. 32 алтына 4 деньги. Всех денежных сборов население давало 1179 руб. 24 алтына 3 деньги.

Если ясачник не мог платить даже четверти ясака, то переводился в бобыли и платил уже бобыльский оброк, размер которого был самым разнообразным, но не всегда соответствующим доходности налогоплательщика. По волости Пинжан-Кукмор бобыльский оброк достигал 8 алтын. В некоторых волостях он был и меньше, например, 6 алтын 2 деньги.

Кроме того, вносились оброчные деньги (за бортные деревья, за мельницы, рыбные ловли, за луга и т.д.). Оброчные деньги за бортные деревья платили одиночки-хозяева, коллективы в составе 2–3 хозяев, целые волости. Также выплачивался оброк за бобровые гоны. Оброк за луга взимался по одной деньге с копны. Но были случаи, когда оброк за луга исчислялся ясаками. В таких случаях ясаки выплачивались всей волостью. Например, волость Абашай платила луговых пять ясаков. Редко встречались ясачники, которые платили и пашенный и луговой ясак. Держатели птичьих перевесьев платили оброк в зависимости от результатов охоты.

Как марийское, так и русское тяглое население деревень и посадов должно было выполнять в пользу феодального государства целый ряд повинностей, из которых самыми тяжелыми являлись ратная служба, городовое и засечное дело. Общим положением было предоставление одного ратника с трех дворов. «Акты исторические» говорят о том, что ратные люди должны были являться на службу «конны, людны и оружны». Они должны были иметь при себе луки, рогатины, копья и топоры, а в некоторых случаях огнестрельное оружие; на двоих ратников приводилась одна лошадь. Для снаряжения ратников с населения взимались особые ежегодные сборы, при этом дело не обходилось и без злоупотреблений. В 1624 году Разрядный приказ имел на учете 6219 чувашских и марийских дворов, от которых на ратную службу ожидалось 2073 человека. В Уржумском уезде значилось 1553 марийских двора, которые должны были дать 517 ратников. В Санчурском уезде от 795 дворов ожидалось 265 марийских ратников. Иногда, например, в 1658–1660 гг. брали ратников и меньше: одного с 20–25 дворов. Но это было очень редко.

Строительство городов, крепостей, валов и рвов, редутов и частоколов требовало сотен и тысяч людей с лошадьми. Засечные линии, например, возводились протяжением в сотни километров. При участии марийцев были построены, в частности, Тетюшская, Симбирская, Сызранская, Корсунская, Закамская «черты». Сначала на устройство засечных линий бралось по человеку с трех дворов, а потом – по человеку с шести дворов. В пределах построенных укрепленных линий появилось несколько марийских сел и деревень. Марийцы должны были нести также караульную службу на засечных линиях, что вызывало вплоть до конца XVII века дополнительную мобилизацию по одному человеку с шести дворов.

Марийские ясачники должны были обеспечивать работниками устройство дорог и мостов и выполнять ямскую повинность. «Ямы», или почтовые станции того времени, отстояли одна от другой на 150–250 верст. Марийский край пересекался не одной большой дорогой. Главным из путей был Сибир-

ский тракт (Нижний Новгород – Козьмодемьянск – Санчурск – Яранск – Котельнич – Орлов – Хлынов – Соликамск и дальше). Марийские ясачники обязаны были обеспечивать ямщиков нужным снаряжением, лошадой – фуражом. Все это требовало значительных средств.

Города. Помещичья и монастырская колонизация

Одной из главных в политике царского правительства была проблема заселения районов, вошедших в состав централизованного многонационального государства, русскими. Заселение Марийского края шло путем образования слобод около городов, основания новых дворцовых поселений, помещичьих сел и деревень с русским населением, а также посредством создания монастырских владений.

Самым крупным городом края был Козьмодемьянск. В 1646 году в нем значилось 139 посадских дворов, в которых проживало 496 душ, и 18 дворов бобылей с населением в 46 душ. Кроме того, в городе жили чиновники приказной администрации, служилые люди и помещики, а также духовенство. Если учесть еще непостоянный контингент приезжих, то оказывается, что в XVII в. всего в Козьмодемьянске имелось более 2000 жителей. Для того времени это было значительное количество. Около Козьмодемьянска образовалось 2 слободы, 2 деревни, починок и село Троицкое с русским населением.

Меньше населения было в других городах Марийского края. В Царевококшайске проживало: 11 дворов посадских и 22 двора бобыльских с населением в 44 души. Царевококшайск в первой половине XVII в. еще не потерял своего военно-административного облика, развитие посада в городе только начиналось, тогда как Козьмодемьянск стал больше посадским городом, чем военным центром.

Первыми русскими землевладельцами в Марийском крае были стрельцы и чиновники приказной администрации, которые обычно получали в эксплуатацию различные угодья около городов. Раньше, чем в других марийских уездах, русские помещики появились в Кокшайском уезде. Первыми русскими помещиками здесь были стрельцы и стрелецкие головы, получившие угодья в селе Троицком и дер. Шульгиной. Впоследствии в этих деревнях жили помещики Кушниковы. В дер. Куницыной, Набережной Куницыной и Амачкиной Кокшайского уезда жили крепостные крестьяне помещика С.А. Амачкина. Земли, занятые русскими помещиками, находились до этого в большинстве случаев в эксплуатации ясачных марийцев, которым пришлось покинуть родные места во время и после крестьянских восстаний.

«Отказные книги» Дан. Левашева сообщают (1674 г.), что в дер. Паголкиной, Шимшур существовали стрелецкие сенные покосы, принадлежавшие боярским детям Федору и Ивану, детям Федора Янковского, Р.И. Култашеву и стрелецкому сотнику Науму Ленкову. Во второй половине XVII века их угодья стали выморочными и были переданы помещику М.В. Кашпиреву,

имевшему в дер. Куницыной Кокшайского уезда 60 четвертей земли в поле и 8 крестьянских дворов (24 души).

Крупным помещиком Царевokokшайского уезда в середине XVII века был князь В.Г. Ромодановский. Ему принадлежало 13 деревень, 6 починков, 2 займища, 300 четей пашни в одном поле, 968 копен сена, 120 крестьянских дворов с 379 душами, 59 бобыльских дворов с 138 душами.

Вблизи Царевосанчурска целую волость получил боярин Б.М. Хитрово.

Около Царевосанчурска была пустошь Изитеевская, которая в 1618 году была отведена Петру Каверину и стрелецкому сотнику В.П. Колесницыну.

Русские помещики забирали себе угодья, которыми до этого пользовались марийцы. Так, казанец М.Кашпирев довольно легко прибрал к своим рукам сенные покосы острова Скопина на Волге, так как марийцы не имели на эти покосы «ввозной» грамоты, а косили их долгое время «по старине». Даже обеспеченные юридическими документами угодья марийцев часто попадали в руки русских помещиков. Так, марийцы волостей Кетек и Пюр на Вятке владели землями в районе селений Бурец, Байланлар, Мал. Муй и Нурмы вблизи озера Шугуряк, на эту землю у них была и «ввозная» грамота 1648 года, выданная на основании выписи 1604 года. Но стоило только служилым Ивану и Федору Хохловым подать выпись 1615 года на 300 копен сенных покосов у озера Шугуряк, как покосы у марийцев были отобраны. При этом марийцам было сказано, что они владели землей «насильством», незаконно. Помещики захватывали также земли у дворцовых крестьян.

Многие русские крестьяне прибыли в Марийский край из помещичьих имений центральных уездов. Здесь они поселились около городов на дворцовых землях и тем самым перестали быть помещичьими крепостными.

Крестьянство края сопротивлялось попыткам помещиков закрепить местных жителей. Например, когда князь В.Г. Ромодановский захватил в свои руки часть выгонной земли Царевokokшайска и стал хозяином ряда дворцовых деревень около этого города, крестьяне «учинили разорение» князю, не стали подчиняться его представителям. Ромодановский вынужден был жаловаться в Приказ Казанского дворца на неповиновение крестьян и даже на воеводу. Крестьян заставили повиноваться. Однако они продолжали волноваться, хотя Ромодановский пошел на уступки и отпустил несколько человек на посад. С течением времени крестьяне стали обременительными для владельца, и его потомки отказались и от крестьян, и от деревень. В XVIII веке деревни, принадлежавшие кн. Ромодановскому, стали опять дворцовыми.

В Козьмодемьянском уезде помещичьими являлись с. Ивановское (Елкино), д. Сергеевка (Мурзаково) и д. Рутка. Князю Г.Ф. Долгорукому по р. Ветлуге принадлежало 16 населенных пунктов с населением в 424 души. В вотчинах В.П. Собакина было 15 сел и деревень, в которых имелось 598 душ. В вотчине М.Г. Собакина по р. Ветлуге было 47 сел, деревень и починков с населением в 2082 души. У М.В. Собакина было 17 деревень с населением в 819 душ. Эти громадные вотчины разместились среди марийских деревень,

так что марийцы должны были потесниться. Прибытие русских помещиков в край и усиление в связи с этим эксплуатации было весьма чувствительным для марийского населения. Кроме того, русские помещики, русские служилые люди, царские чиновники бесконечно злоупотребляли своим положением, издевались над марийцами, что особенно проявлялось в стремлениях обратить марийцев насильственно в православие. Это вызывало сопротивление. Трудовое же русское население, переселившееся в край, принесло большую пользу в развитии производительных сил. Проникновение русского, особенно посадского и крестьянского населения в край имело огромное прогрессивное значение, так как это население имело большую, по сравнению с марийскими ясачниками, свободу для хозяйственного предпринимательства, что содействовало лучшему использованию природных богатств.

Русские дворцовые крестьяне и ясачники селились на дворцовых и государевых землях. Так, в XVII веке ясачными деревнями были Рожественно-Туруново, Русский Кукмор, Починок, Чкарино, Сулаево, Кокшайская, Кужер, Ошторма-Уртем. Названия некоторых деревень говорят о том, что эти деревни были в свое время марийскими или возникли на землях, принадлежавших марийцам и по разным причинам запустевших, а затем перешедших в эксплуатацию русских крестьян. Положение дворцовых крестьян довольно заметно отличалось от положения помещичьих: дворцовые крестьяне платили ясак и оброк, тогда как помещичьи находились на барщине. Вследствие этого хозяйственная инициатива дворцовых крестьян была связана местной администрацией меньше, чем помещичьих крепостных.

В XVII веке значительное распространение получили в Марийском крае монастырские владения, в которых сосредотачивалось большое количество русских крестьян.

Возникший в Подмонастырской слободе города Козьмодемьянска Вознесенский женский монастырь, получив значительные угодья пашни и лугов, стал эксплуатировать 120 крестьян.

В 1627 году на р. Малой Юнге возник Спасо-Юнгинский монастырь. За первые 50 лет своего существования монастырь сосредоточил 33 крестьянских двора, тогда как монахов в нем было всего 8. При монастыре имелось 9 монастырских служителей: келейник, хлебник, повар, 2 сторожа, 2 конюха, 2 дворника. Монастырю принадлежали села Ахмылово и Предтеченское и деревни Рутка, Красногорка, Гаврениха и Сосновка. Монастырь получил даже «задание» от правительства «просветить крещением черемис», живущих в деревнях Коптяковой, Кадышевой и Чермышевой. Выполнить это задание монастырю было нелегко, ибо марийцы противились православию. Поэтому в «задании» указывалось, что если марийцы откажутся от крещения, то они должны быть принудительно выселены в Симбирский уезд, а земли этих марийцев отойдут монастырю.

В 100 верстах от Козьмодемьянска по р. Ветлуге возникла Троицкая Черноозерская пустынь; построены были Михайлово-Архангельский, Александроневский мужские, Введенский и Троицкий женские монастыри.

В Царевokokшайском уезде в 1647 году в 15 верстах от города возникла Мироносицкая пустынь с двумя церквями. За первые 30 лет своего существования пустынь имела 21 двор крестьян и значительные угодья.

Значительную роль в угнетении марийских ясачников играли Семиозерный монастырь и Раифская пустынь.

Марийские земли захватывали и большие монастыри – вятские и нижегородские (Успенский Трифонов, Цепочкинский, Макарьевский на р. Унже).

Сельское хозяйство

В XVII веке Марийский край был, в основном, земледельческим. Техника земледелия у марийцев, как и у русских крестьян, была примитивной. Соха и борона, серп и коса являлись главными орудиями производства. Сжатый хлеб до обмолота складывался в клады, перед обмолотом просушивался в овинах. Зерно перемалывалось на мельницах-мутовках, которых в отдельных марийских волостях насчитывалось довольно много (10–15). В XVII в. русские крестьяне и посадские стали строить большие мельницы на реках. Наличие хороших лугов и пастбищ позволяло марийскому населению держать значительное количество домашнего скота (лошадей, коров, овец и свиней).

Заметным подспорьем в хозяйстве продолжало оставаться примитивное бортничество. Вблизи городов развивалось садоводство и огородничество. Обилие леса определяло занятие охотой, дававшей значительное количество пушнины. Больше всего марийцы охотились на куниц, волков, а также на горностаев и соболей. Большое количество рек и озер благоприятствовало рыболовству, продукция которого шла не только на собственное потребление, но и на продажу.

Хозяйство русских крестьян, особенно монастырских, дворцовых и государственных, отличалось большой устойчивостью и разнообразием. Как уже говорилось, хозяйственное предпринимательство русских крестьян, в отличие от марийских, не стеснялось законодательством. Русские крестьяне занимались, например, металлообработкой или кузнечным делом.

Ценные сведения о разорении крестьян-ясачников и имущественной дифференциации дает «Переписная книга» 1678 года по 22 марийским волостям Галицкой дороги (Пинжан-Кукмор, Порат, Б. Карамас, М. Карамас, Коркатова, Кужмора и др.). Почти $\frac{4}{5}$ всех ясачников платили пол-ясака, а 5 процентов хозяйств (141 двор) платили всего четверть ясака. Имелось также некоторое количество дворов, плативших «за бедностью» бобыльский оброк. В то же время из 2818 дворов 20 (0,7 процента) платили по $1\frac{1}{2}$ –2 ясака. Эти зажиточные ясачные хозяйства имели значительные площади пахотных земель (до 10 десятин в одном поле), крупные луговые угодья (до 400 копен сена) или же богатые «бортные ужожаи».

Марийские хозяйства имели бортные угодья. Так, в Пинжан-Кукморской волости два брата Ямбаевых платили целый ясак пашенный и пользовались совместно с марийцем Иртугановым «бортными угодьями», за которые с них взималось 4,5 батмана меду или 3 рубля 18 алтын 1 деньга и пошлин 6 алтын 2 деньга. Необходимость платить деньгами свыше 4 рублей да воз зерна свидетельствует о том, что хозяйство было не чуждо товарного значения.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство, имевшее место в волости Пинжан-Кукмор. Сотник К.Пибахтин платил вместе с односельчанами оброк с бортной вотчины за 6 батманов меду 4 рубля 24 алтына 3 деньга и пошлин 7 алтын 5,5 деньга; другой сотник этой же волости П.Тансыбаев платил тоже вместе с односельчанами оброка за 5 батманов меду 4 рубля

4 алтына 3,5 деньга, а К.Паникеев – лишь за $\frac{1}{4}$ батмана – 6 алтын 5 $\frac{1}{2}$ деньга. Однако этот оброк вносился «всей волостью», «ухожаи» находились в пользовании всех ясачников этой волости, которые имели бортные деревья, за сотниками же он был записан только для того, чтобы они чувствовали за собой ответственность за аккуратное представление оброка.

В волости Кужуморы совсем не было таких ясачников, которые платили бы больше одного ясака. Из 318 дворов 279 платили по полуясаку. У ясачников имелись богатые бортные угодья, за которые платили 21 рубль 20 алтын и батман меду. Оброчных сенных покосов было мало, за 30 мельниц платили 3 рубля 25 алтын 4 деньга. Это были небольшие мельницы-мутовки, но одна была колесная, больше, построил ее «иноземец» из Царевококшайска; за нее был назначен оброк в 13 алтын 5 денег.

Хозяйства ясачников в XVII в. сильно мельчали. Причина этого заключалась в феодальной эксплуатации марийских ясачников и в злоупотреблении чиновников местной администрации. На крестьян обрушивались также стихийные бедствия, например, «морское поветрие» (эпидемия чумы) 50-х годов XVII в., в результате которого некоторые земли лежали «впусте» даже в конце 70-х годов.

Бобыльские дворы состояли из беднейшего населения, которое не могло платить и четверти ясака. Бобыльских дворов среди марийцев было мало.

Ремесло. Торговля

Ремесленное производство марийцев в некоторых отраслях было сильно стеснено царским законодательством. Так, после восстаний XVI в. и крестьянских войн XVII столетия, кузнечное и слесарное дело, вся металлообработка были запрещены. Наказ воеводы 1697 года гласил: «кузнечного и серебряного дела чуваша и черемиса не делали бы», а топоры, косы и серпы покупали бы «на торгу». Из ремесел наибольшее распространение имела деревообработка. Из липовой древесины делали кадки, блюда, ведра, ушаты и прочую домашнюю утварь. Продукция деревообрабатывающего производства имела своим назначением не только удовлетворение потребностей своего хозяйства, но «в разных местах» продавалось «на торгу»; то есть, изготов-

лялась для рынка и поступала в руки скупщиков, что содействовало разрушению натурального характера хозяйства марийского населения. Кроме того, марийцы драли лыко, ткали рогожи, циновки, плели лапти и делали лубяные короба. Довольно заметно было развито кожевенное ремесло, но оно ограничивалось лишь первоначальной обработкой кожи с целью предохранения ее от порчи.

Большого развития ремесла достигли в русских хозяйствах, особенно в пригородных деревнях. «Переписная книга» деревень кн. В.Г. Ромодановского (1648 г.) отмечает, что в дер. Вараксине Федор Степанов и Терентий Михайлов занимались кожевенным ремеслом, трое крестьян Павловых имели рукавичное ремесло, Никифор Леонтьев был занят кузнечным делом, Ив. Васильев – крашением. В деревне Коряковской были кузнец, бочкарь, в дер. Пахомово – плотник и горшечник. В починке Ширяйково один крестьянин изготовлял «чаны, колеса и сани». Иногда ремесло соединялось с торговлей на рынке. Например, житель дер. Березово имел в Царевококшайске солодовню, «ремесло за ним – растит солод и продает».

Торговля у марийцев тоже была сильно ограничена царским правительством: они могли продавать что-либо только после уплаты натурального и денежного ясака и только в гостинном дворе, по преимуществу оптовым торговцам. Торговым людям русского происхождения запрещено было ездить по марийским волостям и торговать в них, чтобы не допустить недобора ясачных денег или, как говорит указ, чтобы не было «изгони и налогов». Марийцам запрещено было рубить леса, чтобы «зверь не переводился и ясачного сбора поруха не была», т.е., чтобы не уменьшились сборы. Запрещалось продавать местному нерусскому населению оружие и металлоизделия, чтобы оно не могло воспользоваться этим во время восстаний. На неотложные нужды марийцы могли приобрести олово, медь и железо только у воеводы, и то понемногу, смотря «по поминкам», в зависимости от величины вознаграждения, преподносившегося воеводам за это «благодаяние».

Розничная торговля марийцев в городах тоже не допускалась, что обрекало их на подчинение скупщикам, стремившимся приобрести товар по заниженным ценам. Марийцам трудно было воспользоваться рыночной конкуренцией и выгодно продать свой товар, они были изолированы. Если они привозили на рынок хлеб и пушнину, мед и воск, то, прежде всего, должны были представить все это казенным скупщикам для царской казны и по ценам, установленным правительством.

Несмотря на значительные преграды, марийцы не могли избежать в XVII веке рынка, не могли обойтись без торговли продукцией собственного производства. Часть хлеба, пушнину, кожи, мясо и сало, мед и воск, мочальные изделия, кадки и бочки, колеса и телеги необходимо было продавать, чтобы уплатить денежный ясак или оброк и купить металлические изделия, необходимые в хозяйстве.

Основными рынками для марийцев были местные: Козьмодемьянск, Чебоксары, Свияжск, Царевококшайск, Кокшайск, Санчурск, Уржум и другие, а также Казань и Нижний Новгород. Марийские товары достигали через русских и татарских скупщиков и более отдаленных рынков (Москва, Архангельск, Астрахань, Устюг Великий и проч.). С середины XVII века в Устюге, например, находилось 5 козьмодемьянских торговых людей, о чем имеются сведения в таможенных книгах Московского государства XVII века. Продукция марийских крестьян и ремесленников доходила через скупщиков и до заграничных торговых центров.

Развитие товарного обращения вызвало создание новых заготовительных и скупочных центров: кроме казанских таможенных книг и выписей из них, появились козьмодемьянские, чебоксарские, сарапульские и другие, что свидетельствовало о росте торговых центров и баз, откуда товары поступали на крупные рынки государства. Торговцев-оптовиков стали давать и небольшие города (Козьмодемьянск), а также отдельные села. Развитие внутренних торговых связей отражалось и на внешней торговле. Например, из Персии в Казань шли товары, предназначенные для сбыта среди марийского населения.

Таким образом, развитие товарно-денежных отношений и мелкотоварного производства составляет характерную особенность XVII века. В России того времени мелкотоварное производство развивалось в направлении к укрупнению до пределов мануфактурного производства (крупного, но ручного). Местные рынки стали сливаться во всероссийский рынок. В некоторых отраслях производства появляется наемная рабочая сила, появляются капиталисты (торговцы и промышленники). Товарно-денежные отношения начинают разрушать веками создававшийся замкнутый характер феодального производства.

В условиях государственного феодализма марийское население вовлекается в товарно-денежные отношения по линии роста денежной части налоговых и оброчных платежей, в направлении развития мелкотоварного производства для рынка, особенно в деревообрабатывающей промышленности, а также в таких промыслах, как охота и бортничество. Это происходило, несмотря на стеснительные условия производства и торговли, в которые были поставлены марийские крестьяне.

Необходимость уплаты денежного ясака и оброчных денег заставляла марийцев продавать продукты своего производства. При этом марийцы часто пользовались посредничеством русских торговцев. Писцовые книги отмечают в слободах и в городе Царевококшайске торговцев из русского населения, скупавших хлеб у марийцев.

Марийские хозяйства XVII века относились к начальной стадии товарного производства, тогда как хозяйство центральных областей Русского государства переходило уже в следующую стадию развития. В русском хозяйстве общественное разделение труда было развито сильнее. Некоторые отрасли производства имели тогда наемных рабочих людей, уже выделились капиталисты, способные организовать мануфактурные предприятия. Под воздей-

ствием товарного производства в центральных районах, приближавшегося к грани капиталистического производства, в марийских хозяйствах возникли и стали развиваться в XVII в. некоторые признаки развитого товарного производства и зародыши капиталистических отношений. Об этом свидетельствовали увеличение денежных налогов, оброков и сборов, рост аренды казенных земель (лугов) и предприятий (мельниц), имущественное расслоение крестьян, рост товарной продукции, господство скупщиков товарной продукции в марийской деревне, рост товарных баз в городах и селах, рост общественного разделения труда, особенно среди русского населения, появление наемных рабочих, особенно в речном судостроении и судоходстве. Товарно-денежные отношения в крае могли достичь более высокой ступени, поскольку марийцы, как государственные крестьяне, являлись более свободными в хозяйственной деятельности по сравнению с русскими помещичьими крестьянами. Однако русский господствующий класс, царское правительство старались консервировать «инородческое», в частности, марийское население в условиях феодального гнета, подвергая его национальному угнетению.

§ 3. Классовая борьба

Царское правительство принимало решительные меры, чтобы не допустить крестьянских восстаний. Однако крестьяне не мирились с гнетом. Они скрывались в лесах во время переписей, меняли местожительство, уходя не только в близлежащие волости, но и в другие уезды, вплоть до Урала.

Ярчайшей страницей классовой борьбы крестьян с феодалами в XVII в. явилась крестьянская война под предводительством Степана Разина, начавшаяся в 1670 году. Восстание началось на Дону. Вскоре Степан Разин со своими отрядами появился на Волге, штурмом овладел Астраханью. Выступив из Астрахани, С.Разин взял Саратов, без боя занял Самару, дошел до Симбирска и овладел его посадом.

Основной движущей силой восстания С.Разина было крепостное крестьянство. К крестьянам примкнули мелкие посадские люди и даже служилые, «приборные чины» (стрельцы, солдаты), работные люди с поташных заводов, чуваша, марийцы, мордва и татары. Основное и организующее ядро восставших составляли голутвенное (бедное) казачество и перешедшие на сторону восставших стрельцы. Уже из Царицына в различных направлениях пошли в народ «прелестные письма» Ст. Разина, призывавшие крестьян единодушно выступить всей массой против классовых врагов. Под Симбирском С.Разин обращался к восставшим с такими словами: «Здравствуйте, братья! Мстите теперь вашим мучителям, что хуже турок и монголо-татар держали вас в неволе. Я пришел вам даровать льготы и свободу. Я иду истреблять бояр, дворян и приказных людей, искоренить всякое чиновачалие и власть, установить по всей Руси казачество и учинить так, чтобы всяк всякому был ровен».

Восстание молниеносно стало охватывать Симбирскую укрепленную черту по направлению к Алатырю и Карсунскую черту по направлению к Саранску, а от него на Пензу, Верхний и Нижний Ломовы, на Керенск и Шацк. Так как Шацк оказал сопротивление, атаман М.Харитонов, возглавлявший один из отрядов восставших, пошел на Кадом и Темников и вышел к Арзамасу. Другой атаман Ст. Разина – Максим Осипов, овладев Алатырем, пошел на Цивильск, Курмыш, Ядрин, Васильсурск. Дойдя до Нижегородского уезда, он взял село Лысково и направился к Макарьевскому монастырю. В его распоряжении было 15 тыс. человек. Русские помещичьи крестьяне Поволжья, мордва, татары, чуваша и марийцы охотно вступали в отряды восставших и самоотверженно сражались и под Симбирском, и под Алатырем, и под Саранском и прочими городами. Козьмодемьянский воевода, например, сообщал в сентябре 1670 года, что около 400 Козьмодемьянских посадских людей находится «в бегах» и принимает участие в военных действиях на стороне С.Разина, начиная с Симбирска. Когда царский воевода Ю.Барятинский, оправившись от первого поражения, вновь выступил из Казани к Симбирску, то на этом пути имел 4 сражения с татарами, мордвой и «черемисами». Восстание охватило и часть левого берега Волги.

После поражения восставших под Симбирском крестьянская война не только не пошла на убыль, но развернулась еще сильнее. Видным центром восстания стал большой район с Алатырским, Саранским, Нижегородским, Курмышским, Козьмодемьянским, Чебоксарским, Цивильским и Ядринским уездами. Определился и другой центр с Пензой, Темниковым, Ломовым, Кадомом и отчасти Арзамасским уездом.

Действия отдельных отрядов восставших в Марийском крае развернулись одновременно с действиями повстанцев в чувашских уездах. Воеводы принимали меры к тому, чтобы удержаться у власти. Козьмодемьянский воевода, например, усилил все укрепления: вокруг города был выкопан ров глубиной в 5 сажений, шириной в 7 сажений, через ров были сделаны подъемные мосты, возведена новая стена, выкопаны колодцы и тайник, насыпан новый вал и сделаны остроги и крепости, «каких тут не бывало». Строения, принадлежавшие примкнувшим к С.Разину посадским людям, были разобраны и использованы на городовое и острожное строительство. Все это делалось, когда в 60 верстах от Козьмодемьянска один из отрядов восставших занимал Емангашский мост.

В Козьмодемьянской уезде к восстанию С.Разина примкнули посадские люди, стрельцы, пушкари и ямщики, крестьяне и бобыли села Троицкого и деревень Струнихи, Мумарихи и Поляны, а также села Покровского и деревень Больших, Малых и Луговых Копаней, Малой Юнги, Болонихи, Красногорки и Гавренихи. Восстание в этом районе началось еще в сентябре 1670 г.

Тем временем из Васильсурска на Козьмодемьянск направился атаман Прокопий Иванов из группы восставших М.Осипова. 3 октября 1670 г. П.Иванов занял Козьмодемьянск. Восставшие установили в городе свою власть. Из

среды повстанцев были облечены властью писарь по фамилии Шуст, ямской охотник Замятня Лаптев, стрелец Дм. Холелев, донской казак Ив. Сорока. Воевода И.Побединский, сын боярский Ф.Дергалов, подьячий приказной избы Тих. Семенов, стрелецкий пятидесятник Ив. Сапожник и пристав Володька были убиты. Козьмодемьянск стал центром восстания марийцев. В скором времени число восставших в уезде дошло до 15 тыс. человек – «все крестьянство да черемиса луговая да нагорная Козьмодемьянского уезда».

Руководство восставшими осуществляли 4 атамана, подчиненные С. Разину: С.Черкашенин, донской казак Ив. Васильев, Мирон Мумарин – козьмодемьянец, «черемисский» пристав и Илья Иванов (Долгополов). Этим четверым атаманам были подчинены марийцы Шабанко да Индуйко и сотник Акпарус; из русских «начальных людей» в руководстве восставшими принимали участие есаул с Кукарки, 5 козьмодемьянских ямщиков и 13 посадских людей. Руководители восставших договорились с повстанцами Ядринского, Курмышского и Цивильского уездов, «с грацкими и уездными людьми», чтоб, соединившись вместе, уничтожить дворян, чиновников и защищаться совместно от царских воевод, когда они явятся со своими войсками.

В это время вспыхнуло восстание в Царевококшайске. Воевода был посажен в тюрьму. Через несколько дней появились и отряды восставших в 20–30 человек, которые поднимали на восстание сотни марийцев и русских крестьян. Один из отрядов был направлен из Козьмодемьянска на р. Ветлугу. Во главе отряда стоял Долгополов, «тюремный сиделец» из г. Козьмодемьянска. Пока он следовал до села Лапшанги, в разных поместьях и вотчинах было казнено 10 помещичьих приказчиков. Атаман Долгополов не ограничился Лапшангой и дошел до села Баков, не раз вступая в бой с отрядами вотчинников. Русские крестьяне и марийские ясачники, жившие в бассейне р. Ветлуги и Унжи, быстро переходили на сторону восставших и составили несколько отрядов. Такие отряды возникли, например, в селах Никольском, Ильинском, Воскресенском. Приказчик с. Спасского сообщал, что восстание в конце октября и в ноябре 1670 г. охватило и Галицкий уезд, особенно по р. Унже. В середине ноября восставшие были отеснены на Лапшангу, но прошло несколько дней, как крестьяне «вновь забунтовали» и примкнули к отряду Ил. Долгополова. Из Юрьева Повольского был отправлен отряд под командой В.Нарбекова с 9 пушками для борьбы с Долгополовым. 3 декабря произошло сражение, после которого восставшие были рассеяны, а Долгополов бежал к городу Тотме.

Из числа восставших, окруживших Цивильск, выделился небольшой отряд, который направился в район Сундыря – Кокшайска. Кокшайский воевода Кушников распорядился, чтобы население Сундыря отправилось в Кокшайск «в осад», т.е. для защиты. Но сундырское население отказалось выполнить распоряжение воеводы и «пристало» к восставшим. Более того, сундырские жители «прельстили» марийцев, чувашей и русских людей ряда волостей Кокшайского уезда сделать то же самое. Царская администрация была свергнута. После избрания новым старшиной В.Щепина и атаманом

Ф.Белогуза восставшие из Сундыря направились под Цивильск и били челом «воровским казакам». Возвратившись из-под Цивильска, восставшие закончили формирование нового управления и направились «войною» на Кокшайск. Митрополичьи крестьяне с. Сундыря, восставшие чуваша и марийцы подошли к Кокшайску, окружили его и держали в осаде почти 3 недели. Воевода с небольшим гарнизоном старался выдержать осаду, в которой принимали участие жители Сундыря, Брагина, Денисова и поч. Водолеева. Восставшие заняли за Волгой кружечный двор и распределили между собой деньги, вино и мед. В это же время другие восставшие осаждали Чебоксары. Осада Кокшайска и Чебоксар, в которой принимали участие марийцы, сопровождалась разгромом помещичьих и монастырских владений.

Для усмирения восставших был отправлен из Казани по направлению к Цивильску отряд войск под командой воеводы Д.Н. Барятинского. 19 октября 1670 г. отряд Д.Барятинского вступил в бой с отрядом восставших на р. Белой Воложке близ Козловки и одержал победу. 20 октября произошла встреча отряда с трехтысячным отрядом восставших, состоявшим из чувашей, русских и марийцев. 22 октября разгорелся бой под дер. Шотня, длившийся целый день. На р. Аниш под дер. Утяковой отряд московских стрельцов под командованием Ю.Лутонина имел продолжительный бой с отрядом восставших в 500 чел. 23 октября Д.Барятинский подошел к Цивильску и одержал победу над восставшими. Но многие из восставших не сдались. 28 октября Д.Барятинский из Цивильска направился в Козьмодемьянск, но не успел его отряд отойти 10 верст от Цивильска, как ему пришлось отражать нападение восставших на его обоз. Среди напавших были русские, чуваша и марийцы Ядринского, Курмышского и Козьмодемьянского уездов в количестве 2 тыс. человек. Бой продолжался в течение целого дня. К Козьмодемьянску Барятинский подошел только 2 ноября 1670 г. На переход небольшого расстояния от Цивильска до Козьмодемьянска пришлось потратить 6 дней.

11 октября по левому берегу р. Волги из Казани отправился отряд царских войск, возглавляемый М.Бараковым. За две недели он дошел до Кокшайска, освободил его от осады восставших, рассеял повстанцев и пошел дальше по р. Б. Кокшаге. 24 октября он достиг речки Ерыксы, впадающей в Б. Кокшагу и наткнулся на большую засеку, которую обороняли русские, чуваша и «черемиса». Произошел бой, в котором воевода М.Бараков одержал победу, оттеснил повстанцев с засеки и прошел в дер. Кушергу, находившуюся в 20 верстах от Козьмодемьянска. 26 октября здесь тоже завязался бой. Кушергинские повстанцы поддерживали оживленную связь с Козьмодемьянском и имели хорошую осведомленность о действиях царских войск. Они сообщили в Козьмодемьянск, что с Ерыксы приближается М.Бараков. Это было сделано так своевременно, что из Козьмодемьянска в Кушергу было прислано подкрепление в 460 человек с тремя пушками под командой Ив. Шмона. М.Баракову понадобилось много времени, чтобы рассеять восставших и отобрать одну пушку. Восставшие понесли большие потери. В

плен попал и командир отряда восставших козьмодемьянский посадский человек Ив. Шмонин. В 2 верстах от Козьмодемьянска на речке Рутке М.Баранков 28 октября встретил еще один отряд восставших русских, чувашей и марийцев и разбил его; при этом было захвачено оружие восставших, многие повстанцы взяты в плен и утоплены в Волге.

3 ноября начался штурм Козьмодемьянска царскими войсками. Представители повстанческой администрации были схвачены и посажены в тюрьму. Несмотря на то, что в город вошли отряды войск, присягать царю не явился «ни один человек». Решено было послать из Козьмодемьянска в деревни людей, которые звали бы народ присягать царю. В случае провала этой меры воевода решил в отношении жителей уезда так: «велю их сечь и дома их разорять». Затем началось расследование «измены». Участники восстания подверглись суровым наказаниям: 400 человек было «бито кнутом нещадно», у 110 человек были отсечены пальцы или руки, 60 человек было подвергнуто смертной казни. Население приводилось к присяге. Д.Барятинский указывал, что русских приведено к присяге 450 человек, марийцев – 505. У марийцев брали заложников и отправляли их в Казань.

Карателям казалось, что восстание подавлено, что они «очистили воровство до Ветлуги». Однако борьба не прекращалась. Многие городские и сельские люди ушли в Ядрин и, как сообщал воевода Барятинский, «воруют заодно» с ядринцами, что «нагорная черемиса вся ворует с воровскими казаками», даже те, которые были приведены к присяге. Стоило Д.Барятинскому уйти из Козьмодемьянска в Васильсурск, куда он прибыл с отрядом 7 ноября 1670 г., как Козьмодемьянский уезд снова забурился: в ночь на 16 ноября к городу пришли многие люди, не желавшие сдаваться. Они разогнали стоявшую в охране сотню казанских татар и подожгли во многих местах город. Этот новый натиск восставших был отбит. У восставших было отобрано две пушки. Но бой был очень продолжительным и ожесточенным. Захваченные во время боя люди сообщали на допросе, что к Козьмодемьянску подошел отряд восставших в 1300 человек под командой атамана Ив. Константинова и старшин Ивана Васильева, Прок. Иванова и Ив. Андреева. В отряде были сельские и городские люди Алатырского, Ядринского, Курмышского, Арзамасского, Нижегородского, Цивильского, Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов, преимущественно чуваш и марийцы. Классовая солидарность и необходимость совместной борьбы с эксплуататорами сблизила крестьян всех национальностей Поволжья.

Несмотря на поражение, которое потерпели восставшие под Козьмодемьянском 16 ноября, они оставались фактическими хозяевами положения в значительной части уезда. Это вызвало посылку из Казани в Козьмодемьянск нового карательного отряда под командой полковника Гаславского и Андрея Нармацкого. В начале декабря царские войска встретились под Козьмодемьянском с повстанцами. Отряд восставших, насчитывавший до 3 тыс. человек, потерпел поражение. Подобные события в это время происходили во всех

правобережных уездах. Несмотря на присутствие царских войск, борьба крестьян продолжалась вплоть до весны 1671 года.

До декабря 1670 г. продолжались действия восставших крестьян на Ветлуге и Унже. Атаман Илья Долгополов занял «Онежский городок», выпустил из тюрьмы заключенных. Прибывший туда с войсками и пушками воевода В.Нарбеков встретился с отрядом Ильи Долгополова численностью в 700 человек и 13 декабря разбил его. Но восставшие стали собираться в селах Спасском, Воскресенском и Рождественском и готовы были опять сражаться с царскими войсками. Участие ветлужских крестьян в борьбе с эксплуататорами, можно сказать, было поголовным. Марийские ясачники, находившиеся в отрядах восставших русских крестьян, в необходимых случаях получали отпуска и ездили домой, чтобы после побывки в родных местах вновь продолжать борьбу. Атаман Долгополов надеялся, что весной ему удастся поднять на борьбу крестьян вятских и пермских, вологодских и камских. В декабре 1670 г. И.Долгополов послал 150 человек по селам и городам с призывом «прибираться» зимой на восстание к Вятке и Соликамску. Призывы Долгополова находили горячую поддержку населения. В декабре 1670 г. орловский городовый приказчик в рапорте вятскому воеводе доложил об аресте четверых задержанных им агитаторов, а в мае 1671 года в Вятском уезде было захвачено 63 повстанца, которые направлялись к Соликамску. Однако организовать выступление весной 1671 г. И.Долгополову не удалось. Он был пойман и казнен. Трех его ближайших помощников, в том числе Мирона Мумарина, отправили под конвоем в Москву, троих заключили в тюрьму.

Крестьянское восстание под предводительством Ст. Разина было подавлено. Царизм жестоко расправился с его участниками. Многие повстанцы были казнены, целые деревни выжжены.

Классовая борьба крепостных с феодалами в годы крестьянской войны укрепила классовое единство и солидарность разных народов (русских, татар, чувашей, марийцев, мордвы и др.). Участие крестьян края, всех поволжских народов в войне с помещиками было почти поголовным.

Крестьянская война под предводительством Ст. Разина отличалась от крестьянской войны начала XVII в. более однородным классовым составом и большей организованностью. Восставшее крестьянство добивалось уничтожения крепостничества, власти бояр и помещиков, избавления от «мирских кровопивцев», от скупщиков и ростовщиков. Однако, осуществить свои чаяния в тех условиях крестьянство было не в силах.

Крестьянская война 1670–1671 гг. имела большое историческое значение. Она расшатывала устои феодализма, ослабила феодальную замкнутость, содействовала новому подъему производительных сил. Участие марийцев, мордвы, чувашей и татар в крестьянской войне свидетельствовало о слиянии национально-освободительного движения народов с классовой борьбой русских крестьян против крепостного строя.

§ 4. Развитие культуры

С середины XVI века марийское народное творчество стало претерпевать глубокие качественные изменения и обогащаться произведениями, отображавшими жизнь марийского народа в составе Русского многонационального государства.

Присоединение Среднего Поволжья к Русскому государству вызвало появление новых произведений устного народного творчества. В период борьбы с казанскими ханами и их сторонниками – местными феодалами – среди трудовых масс развивалась идея дружбы и сплочения народов против эксплуататоров.

Наиболее популярным и широко известным является предание об Акпарсе. По преданию, он выступил как организатор движения за присоединение Правобережья Волги к Руси. Народ приписывал своему легендарному герою гусельную мелодию, которую будто бы Акпарс создал во время казанского похода. Под названием «Акпарс сем» («мелодия Акпарса») она дошла до наших дней и исполняется на гусях современными музыкантами.

В произведениях устного народного творчества называются также имена друзей и соратников Акпарса: Аказа, Яныгыта, Ковяжа, а также Тетры, Пашкана, Актерека, Чавая, Мустая, Ыыланды, которые по преданиям, участвовали в битвах против Казанского хана и в присоединении Марийского края к Русскому государству.

Легенда об Ыыланде сохранилась наиболее полно благодаря талантливой литературной обработке писателя С. Чавайна.

В легендах и преданиях нашли свое отражение патриотические чувства народа, его стремление жить в братской дружбе с русским народом.

Произведения фольклора содержат положительную оценку присоединения Марийского края к Русскому государству и вместе с тем резкое осуждение произвола, жестокости московского царя Ивана IV и его приближенных.

Социальная неоднородность марийского населения не могла не отразиться на идейном содержании легенд и преданий, посвященных присоединению к Русскому государству. В некоторых из них под воздействием марийской феодальной верхушки в идеализированном виде представлен образ русского царя. Этому немало содействовали попы-миссионеры, насаждавшие в Марийском крае христианскую религию.

В ряде преданий и легенд идеализируется прошлое марийского народа и образы национальных легендарных героев.

Вхождение в состав Русского государства открыло путь благотворному влиянию русской культуры на местное население.

Это влияние было разносторонним. Совместное участие в борьбе против общих врагов, частые встречи с простыми русскими людьми – земледельцами и ремесленниками расширяли кругозор марийского крестьянства, знакомили его с неизвестными до того предметами и явлениями. Обогащается марийский

язык. В словарный фонд марийцев вошли десятки новых слов, заимствованных из русского языка («пычал» от «пищали», «тиак» от «дьяка», «шога» от «сохи», «коршок» от «горшка», «укват» от «ухвата» и т.д.). Начиная с середины XVI в. русский язык все более становится достоянием марийского населения и в некоторых местах превращается в разговорный язык марийцев.

Под русским влиянием обогащается содержание и форма произведений устного народного творчества. Даже былинные герои Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович становятся героями некоторых марийских преданий и сказок. В одной из них Илья Муромец помогает марийцам корчевать лес, спасает марийского героя от злой ведьмы «Вувер кува». Алеша Попович играет свадьбу на марийский лад и весело пляшет под марийские музыкальные инструменты шувыр и тумыр.

У марийцев издавна бытовали представления театрализованного характера, исполнявшиеся во время языческого зимнего праздника «Шорык йол».

Сохранились фольклорные произведения, посвященные участию трудящихся в крестьянских войнах под предводительством И.Болотникова и С.Разина. Образ одного из руководителей марийских восставших крестьян Ялпая Токшейкова послужил материалом для популярной гусельной мелодии, названной «Песня Ялпая». Мирону Мумарину народ посвятил «Марш Мирона». Антифеодальные, освободительные идеи, положенные в основу многих произведений народного творчества, помогали сближению простых людей разных национальностей. В то же время они оказывались в непримиримом противоречии с официальной идеологией самодержавия и подвергались гонениям.

В русских письменных памятниках середины XVI в. встречаются упоминания о «черемисе», т.е. о марийцах (например, «Царственная книга», «История о великом князе Московском» А.Курбского). В «Сказании о царстве Казанском», известном в исторической литературе также под названиями «Казанский летописец» и «Казанская история», отражены события периода присоединения Марийского края к Руси.

Первые шаги обучения марийцев грамоте связаны с начавшимся распространением христианской религии среди народов Поволжья и созданием монастырей. Феодалам, царскому правительству, миссионерам-христианизаторам нужны были покорные слуги, хорошо знавшие, кроме русского языка, и языки коренного населения края. Епископу Гурию, приехавшему в Казань в 1555 году, было приказано открыть при монастырях школы для обучения детей новокрещенных. Такие школы возникли при монастырях Казани и Свияжска. В первое время учеников набирали в принудительном порядке. Жестокие нравы, царившие в монастырях, фанатизм церковников, обстановка постоянного принуждения отпугивали детей от учения.

Татария в составе русского многонационального централизованного государства (вторая половина XVI и XVII вв.)

*Опубликовано в книге «История Татарской АССР»
(Казань, 1968. С. 101–126)*

С середины XVI в. историческая судьба населения Татарии неразрывно связана с историей России, ставшей к этому времени мощным централизованным многонациональным государством. В XVI в. на Руси создались все предпосылки к началу формирования внутреннего национального рынка и включения ее в европейско-азиатскую торговую систему. Под влиянием этого феодализм на Руси и подчиненных ей землях вступил в новый этап своего господства, который характеризуется значительным развитием производительных сил и торговли как внешней, так и внутренней, а в области социальных отношений усилением крепостного гнета для крестьян и введением поместной системы для служилых людей.

Дальновидная внешняя политика Русского государства в условиях столкновения с Турцией увенчалась полным успехом: Россия, овладев Казанским и Астраханским ханствами, создала могучий плацдарм для русской колонизации в Башкирии, на Урале, Сибири и на северном Предкавказье. Присоединение татарских ханств и Башкирии вполне обеспечило спокойствие в тылу для наступления и к берегам Балтийского моря.

Политика правительства в Татарии

После падения Казани организация управления краем, существовавшая в бывших Казанском и в Татарии Астраханском ханствах, была ликвидирована. В Казани и в Свияжске были поставлены русские «большие воеводы» с двумя-тремя «меньшими воеводами», с толмачами (переводчиками), со стряпчими (следователями по судебным делам), с дьяками и подьячими. Воеводы были в крае «наместниками государя». Гарнизон Казани состоял из 600 стрельцов и более 20 пушкарей. Около 400 стрельцов было в Свияжске. Воеводы подчинялись приказу Казанского дворца, как центральному московскому учреждению.

Среди приказной администрации распространен был старинный взгляд на службу государю как на кормление, вследствие чего каждый стремился увеличить свои доходы и поднять благосостояние незаконными поборами с подчиненного населения. Взирая же на покоренных как на объект колониальной эксплуатации, жажда наживы у администрации была безгранична.

Вместе с воеводами, дьяками и подьячими, вместе с купцами и военными начальниками, вместе с посадскими и русскими крестьянами появилось в крае и православное духовенство. Оно было призвано вести идеологическую «обработку» нерусского населения, попавшего в колониальную эксплуатацию, распространять христианство среди местных народов с целью русифи-

кации населения. Православие становилось средством подчинения российскому правительству и господствующему классу России, средством закабаления и закрепощения присоединенного населения.

В 1555 г. в Казани учреждается епархия во главе с архиепископом, которому были пожалованы обширные владения с крестьянским населением. Архиерей являлся крупнейшим вотчинником в крае. Основано было несколько монастырей (Зилантовский и Спасо-Преображенский в Казани, Богородицкий в Свияжске), которые тоже получили крупные угодья, населенные русскими крестьянами. Монастыри стали опорными пунктами миссионерской деятельности духовенства среди нерусского населения края.

Строительство городов было одним из важных мероприятий правительства. Большинство их основывалось как военные пункты русского владычества над местным населением края. Некоторые из них возникали для охраны от нападений крымских и ногайских татар. Вскоре после постройки укреплений в городах селились купцы и посадские, занимавшиеся промыслами, ремеслом, мелким производством на рынок и торговлей.

Город Казань превратился в первоклассную крепость. В 1556 году в городе началось строительство стен кремля «из белого камня». С этой целью из Великого Новгорода и Пскова прислали 200 каменщиков. Кремлевская стена имела 13 башен, вооруженных пушками и пищальями. Вблизи Булака были расположены пороховой, а вскоре и артиллерийский дворы.

Строились укрепленные крепости – Арск, Чебоксары (1555 г.) и Лаишев (1557 г.). Укреплен был прежний татарский город Тетюши. В 1573 г. строится город Кокшайск, а вскоре на Вятке – Уржум и Малмыж. В 80-х годах появились города Козьмодемьянск и Уфа, слобода Кукарка, в 1590 г. – город Цивильск, а вскоре Ядрин. В гуще марийского населения возник Царевококшайск.

Во всех этих городах допускались к поселению только русские.

Колониальный гнет

Русская колонизация территории бывшего Казанского ханства развернулась очень широко. Русские служилые люди, явившиеся в Казанский край из центральных уездов, быстро стали помещиками, так как им отведены были земли татарских феодалов, из которых многие были убиты в боях, а другие бежали в Башкирию и в Сибирь. Земли всех татарских вотчинников и помещиков объявлялись государевыми и передавались русским служилым людям, особенно вблизи Казани, вокруг других городов, по рекам Каме и Волге. На эти земли сажались русские крепостные. Иногда в поместье русским служилым передавали и деревни с татарским населением. Так, С.М. Койсаров получил в поместье деревню Ковали, где было 5 дворов ясачных татар и 3 двора служилых татар. В таких случаях татарам предстояло переселение в другую деревню.

Кроме помещичьей и монастырской колонизации в селах и деревнях селились беглые русские крестьяне, приходившие из центральных и верховых уездов и часть черносошных крестьян из северных уездов. Они селились на дворцовых и государевых землях, сохраняя свои права ясачников.

В течение первых 15 лет русская колонизация охватила 206 селений и 60 пустошей, ранее находившихся у татар.

Царское правительство установило размер ясака не выше, чем собирали татарские ханы (полуполтину со двора), но местная администрация ввела целый ряд других сборов и часто в свою пользу, что в несколько раз превышало ясак. Делопроизводство и суд производились только на русском языке, а незнание его сопровождалось большими платежами и взятками в пользу администрации. Судебная волокита и судопроизводство сопровождалось великим вымогательством со стороны судебных лиц. Военные из русских служилых бесплатно пользовались подводами, позволяли себе всякие насилия, присвоения и вымогательство, особенно при наборе ратных людей и лошадей. Каждый сборщик налогов разъезжал с воинской командой, обирая население в свою пользу. Купцы и посадские, проникая в деревню, скупали за бесценок дорогую пушнину, хлеб, сено и всякие изделия.

Часть татарских феодалов осталась в своих деревнях, относилась к русским властям совершенно лояльно, даже поступала на службу российского государя, становилась в ряды служилых людей и сохраняла свои владения. Служилые татары обладали некоторыми правами русских служилых людей, им разрешено было поселиться за пределами посада Казани в Татарской слободе за Булаком (до 150 дворов). Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. указывает 73 деревни, где жили служилые татары.

Переселение городского татарского населения имело большое значение для татарской деревни. Продолжая заниматься своим ремеслом, татары и там создали различные производства: кожевенное, шубное, валяльное, деревообделочное, слесарное и ювелирное. Иные занимались торговыми операциями с местным нерусским населением, овладевали местными рынками и выходили на отдаленные. В татарских, башкирских, удмуртских и марийских селах и деревнях торговые татары заняли господствующее положение, но на казанском и на всех отдаленных рынках они должны были уступить господство русским купцам и их приказчикам. На восточных рынках татары выступали в качестве приказчиков русских купцов, но вели торговлю и от себя. Таким образом, и в области производства и в торговых операциях колониальная зависимость сильно ощущалась татарами и другими народами.

Колониальный режим проявился в стремлении царского правительства обратить в православие все нерусское население присоединенного к России обширного края. В первое время высшее православное духовенство ограничивалось добровольным обращением в православие, предоставляя целый ряд льгот крестившимся. Но редко кто соглашался добровольно оставить веру отцов и своего народа. Тогда православное духовенство стало изыскивать меры

принуждения, пользуясь полной поддержкой и содействием администрации и правительства. Под страхом потери земель, служебного и общественного положения почти за полстолетие небольшая группа татар приняла крещение, но лишь формально, для вида. В 1593 году митрополит Гермоген писал, что крещенные в православии не утвердились, что они не отстают от мусульманских обычаев, а другие народы – от языческих обрядов. Поэтому религиозное насилие православного духовенства значительно усилилось: в татарских деревнях стали разрушать мечети, а в деревнях чувашей, мари и удмуртов – священные рощи, где происходили моления языческим богам. Это мероприятие не могло не вызвать народного гнева.

Классовый состав населения

Население края резко делилось на два класса. К первому относилось немногочисленное господствующее население: русские помещики и вотчинники, воеводы и военачальники, высшее духовенство, особенно черное (архиереи и игумены монастырей) и некоторые дьяки, имевшие поместья. В 60-х годах XVI века последних было более 200 семей.

Число помещиков и купцов к XVII столетию увеличилось до 600 семей. Увеличилось и число служилых татар, чувашей, мари и удмуртов. Только в Казанском уезде в 1603 г. последних числилось более 300 семей, да в Свияжском уезде – более 60 семей.

Основную часть эксплуатируемого класса составляло крестьянство, в основном ясачное и государевое.

Уплачивая натуральный денежный оброк и ясак в государеву казну, ясачники пользовались государевой землей (пашенной, луговой и лесной), снимали в аренду за оброк мельницы, рыбные ловли, бортные угодья. В интересах государевой казны ясачников помещикам не отдавали, как и государевых русских крестьян, плативших налоги с выти пашни (8–12 дес.). Бежавшие в Камско-Волжский край помещичьи крестьяне старались записаться или в государевы крестьяне или в ясачники. Если им это не удавалось, то селились в монастырских владениях, и только в последнюю очередь поневоле рядились к помещикам, ибо форма крепостной зависимости в помещичьих владениях была наиболее тяжелой. Во второй половине XVI в. приток русских крестьян из центральных уездов был хотя и значительный, но далеко не достаточный для обеспечения рабочей силой хозяйств служилых людей; последним приходилось переводить сюда крестьян из своих центральных владений.

Во второй половине XVI века значительно выросли группы бобылей и соседей из крестьян, лишившихся земли и попавших в зависимость от землевладельцев.

Кроме крестьянского населения, во второй половине XVI века выделяются холопы, или дворовые люди, как у русских помещиков, так и у служилых татар. Они большей частью обслуживали помещичью усадьбу и семью

помещика. Холопы не имели никаких гражданских прав, и помещики распоряжались ими по своему произволу.

Как среди посадского населения, так и у сельских жителей имущественная обеспеченность была весьма различна. Это объяснялось не только различной наделенностью пашней, лугами и лесами, не только производственной и хозяйственной инициативой крестьян и бобылей, но и степенью крепостной эксплуатации, практиковавшейся и государственными учреждениями, и монастырями и разных рангов помещиками и вотчинниками.

Экономика края

Присоединение края к Русскому государству стимулировало развитие местных производительных сил, в значительной степени обогащенных за счет притока русского ремесленного и крестьянского люда. Казанский край стал теперь поставщиком некоторых товаров на отдаленные рынки государства. В свою очередь и российские товары получили возможность распространения на обширной территории края и за его восточными и южными пределами.

Через 15 лет после завоевания в Казани наблюдается значительное оживление экономической жизни: из 300 семей ремесленников особенно выделялись кожевники, металлисты, деревообделочники, каменщики. Возникли различные мастерские, которые производили продукцию не только по заказу потребителя, но для внутреннего и особенно внешнего рынка: товары шли и в Среднюю Азию, и на запад (до Москвы), и на юг (в Астрахань), и в Сибирь.

Несмотря на то, что крупнейшим торжищем была Макарьевская ярмарка, в Казани почти во всякое время года можно было видеть купцов из Хивы, Бухары, Ирана, Грузии и Армении. Они закупали меха, кожи, воск и продавали главным образом шелковые изделия.

Помещичьи хозяйства во второй половине XVI в. только еще распространялись и укреплялись. Они занимали довольно значительные площади, особенно воеводские, но обеспеченность их крестьянами была еще недостаточна. Последним определялось и направление эксплуатации природных богатств края во второй половине XVI века: основной доход помещику приносила не пашня, не зерновое хозяйство, а луговое хозяйство, лесоразработки и различные оброчные угодья. Товарную продукцию составляли пушнина, сено и лес; помещик сдавал в аренду мельницы, рыбные ловли, кабаки в селениях по большим дорогам и т.п. Преобладал денежный оброк.

Нельзя не отметить значительность монастырского хозяйства. Межевая книга Кикина называет 36 селений, которые через 15 лет после завоевания Казани уже находились в распоряжении монастырей. Монахам были отданы рыбные ловли по Волге от устья Казанки и вниз по Волге до устья Камы. Эксплуатировались и берега рек: за причал судов к монастырским берегам взималось от 2 денег до 1 рубля. В годы первой переписи (1565–1567) на монастырских землях насчитывалось 158 крестьянских дворов, в которых проживало 170 душ.

Крестьяне после льготных лет должны были платить по полтине со двора оброка или пахать десятинную пашню на архиепископа.

Росло число служилых людей из татар. Так, если в Казанском уезде по переписи 1565 г. их было только в 13 селах, то к 1602–1603 гг. в этом же уезде они отмечаются в 70 селениях. Из 217 семей служилых татар избыточно были обеспечены угодьями 16, средние – 35, ниже среднего – 83, недостаточное количество имели 83. Абсолютное их большинство не имело крепостных.

Земельные угодья служилых татар обрабатывались ясачниками или по договору об аренде, или за часть урожая. В аренду отдавались мельницы, рыбные ловли, кабаки и другие угодья.

Товарная продукция сельского хозяйства имела лишь у крупных и средних помещиков: сено, лес, продукция животноводства давали значительный доход. Мелкопоместным приходилось иногда брать в оброк угодья от казны, особенно луговые.

Большая часть служилых татар вышла из ясачников. Ясачные татары по переписи 1565 года отмечены в Казанском уезде в 28 селениях, а в Свияжском – в 25 селениях. В 1602 году только в Казанском уезде описано их более 800 дворов. Больше половины ясачников имели пашни от 5 до 10 десятин в одном поле, 38% их имели средний надел и 13,6% ясачников обладали недостаточным наделом. Богатая прослойка, в руках которой было от 10 до 15 десятин и больше, была незначительной (6,2%).

Имущественное расслоение татар-ясачников было довольно значительным и уступало только русским крестьянам. Много слабее расслоение имело место у мари и удмуртов.

Социально-экономическое развитие края шло по пути укрепления хозяйства русских служилых людей, крупных торговцев, русских промышленных людей, высшего духовенства и администрации.

Во второй половине XVI века в товарно-денежные отношения были вовлечены не только посадские люди и русские крестьяне, но и местное население: и татары, и мари, и чуваша, и удмурты. Однако это вовлечение для господствующего класса было благоприятным, так как их богатства росли за счет угнетенного феодалами класса – многонационального крестьянства Среднего Поволжья.

Правительство и господствующий класс поставили крестьян в условия крепостного права: ясачники и дворцовые крестьяне были закрепощены правительством; крестьяне, жившие на монастырских и архиерейских землях, закрепощались высшим духовенством; а крестьяне, поселившиеся на землях служилых людей, – помещиками, которые, в большинстве своем мелкопоместные, были самыми ярыми крепостниками и эксплуататорами. Правительство овладело землями и угодьями татар, мари и прочих народов, присвоило себе законодательство, суд и управление всеми народами, стало регулировать социальные взаимоотношения, пытаясь изменить религиозно-нравственный быт населения всех нерусских народов.

Колониальный режим, сказавшийся прежде всего в злоупотреблениях администрации своей судебной, военной и административной властью, вызвал грабеж подчиненного населения под видом сбора ясака, налогов и сборов, под видом исполнения натуральных повинностей. Беззаконие и вымогательство, насилие и нравственные издевательства над угнетенными сопровождали все действия гражданских, военных и духовных властей.

Такая колониальная основа классовых взаимоотношений породила ожесточенную классовую борьбу, направленную против феодального и колониального угнетения.

Восстание крестьян

Классовая борьба во второй половине XVI века в Казанском царстве определялась общими политическими событиями, развернувшимися на территории бывшего Казанского ханства. Феодалы не церемонились в выборе средств для наживы. Летописец правдиво зафиксировал, что посланные с государственным заданием обеспечить политическую лояльность покоренного населения российскому правительству, они совершенно забыли об этом задании. Даже больше: они не только отложили в дальний ящик государственные задания, но «многие грады и волости пусты учинили».

Львовская летопись под 1553 г. сообщает, что «луговые казанские люди изменили, ясаков не дали и ясатчиков, которые на Луговой собирали, Мисаря Лихорева да Ивана Скуратова побили, прошли на Арское и соодиначилися (объединились) вси с одного и стали на Высокой Горе у засеки».

Восстание 1552–1557 гг. быстро охватило громадную территорию, колониальный грабеж кормленщиков вызвал всех пострадавших на активное сопротивление.

Казанские воеводы попытались подавить это восстание силой оружия. Они послали стрельцов и казаков в разных направлениях под командой Василия Елизарова и Ивана Ершова. Поход этих отрядов кончился плачевно: стрельцов было ранено и убито 350, а казаков – 450. После этих сражений восстание охватило и правый берег Волги. Летопись отмечает еще одно поражение русских войск под командой воеводы Салтыкова, который не только был разбит, но в числе 200 человек попал в плен к восставшим. Восставших возглавляли батыры Зензеит и Сарый. А.Курбский писал в своих сочинениях, что восстание распространилось до Нижнего (Новгорода и даже до Муромской земли. Это лишний раз убеждает, что восстание было крестьянским, а не аристократическим или феодальным. Восставшие были не только татары, мари́йцы, чуваша и мордва, но и русские крестьяне, особенно вокруг Нижнего Новгорода. Наступил 1554 год. Учитывая слабость военных сил в районе восстания, царское правительство решило отправить для подавления 30-тысячный отряд. Воевода С.Микулинский начал свой марш на Арск – Нурма – Уржум. Вместе с ним шли воеводы Кашин и Д.Плещеев, которые «воевали и жгли во всех местах», например, городок на Меше и взяли в плен татарских

«робят и женок» 15 000 душ. «Успех» воевод ярко подчеркивает колониально-истребительный характер похода.

Воеводы И. Мстиславский и Д. Плещеев направились по луговой стороне в марийские волости по рекам Ветлуге и Рутке. Расправа правительственных войск 1554 года хотя и была «победоносной», но волнения местами продолжались еще в 1555 и 1556 годах.

Антифеодальная классовая борьба слилась с антиколониальной борьбой угнетенного крестьянства разных национальностей. В стороне от этой борьбы не могли быть татарские и марийские феодалы, преследовавшие свои классовые корыстные цели. Они не могли примириться с уничтожением Казанского ханства, с потерей своего господствующего положения в нем, как класса, который фактически был ликвидирован с завоеванием ханства. А так как народ поднялся на восстание против колониального насилия, то эта группа феодалов прежде всего попыталась использовать восстание в своих интересах, и можно думать, что не без их участия потерпели поражение казаки и стрельцы, посланные под командой Елизарова, Ершова и Салтыкова.

Первые успехи и победы восставших внушили этой группе и мысли о реставрации Казанского ханства. Но так как их силы были весьма недостаточны, то они хотели опереться на помощь ногайцев, сибирских и крымских татар, даже на Турцию, чтобы вернуть себе власть. Об этих надеждах много говорят исторические источники. В действительности ничего конкретного не получилось: из Ногайского ханства приехал в Казанское Поволжье кандидат в ханы во главе 300 человек, но он возбудил недовольство крестьянских масс восставшего народа, в результате чего в 1556 г. был убит, а его ставленник Мамич-Бердей выдан Москве как изменник. Это событие со всей определенностью показало, что восстание и его направление не соскальзывало с антифеодальной и антиколониальной колеи. Оно не ориентировалось на реставрацию Казанского ханства, не было проникнуто стремлением выйти из сферы влияния России, но оно показало силу сопротивления крестьянских масс феодально-колониальной эксплуатации. Поэтому это восстание и было поддержано русскими крестьянами Нижегородской области.

Однако, несмотря на сравнительно широкий размах, и это восстание, как все крестьянские выступления, было подавлено.

Хотя и дано было указание местным властям не «жесточить» местное население, не захватывать их земель и ограничить «кормленческие» аппетиты, колониальный гнет сохранился. Через несколько лет аппетиты к наживе снова разгорелись. Количество помещиков росло, и они не хотели считаться с прошлыми уроками истории.

В 1573 г. народ черемисский, луговой и горный, явно отложился от России. Были подозрения, что восставшие имели тайные связи с крымским ханом Девлет-Гиреем. Может быть, какая-то группа и стремилась установить эти связи, но во всяком случае этого нельзя приписать широким народным массам восставшего крестьянства, которые как только узнали, что муромская

рать ждет распоряжения двинуться на среднюю Волгу с карательными целями, тут же прекратили свои выступления и изъявили верность московскому правительству.

Прошло восемь лет, и снова поднялось восстание, о котором Карамзин писал: «Общий бунт внезапно вспыхнул в земле луговых черемисов, столь опасный и жестокий, что казанские воеводы никак не могли усмирить его». В 1582 г. для подавления восставших из Муром двинулся отряд войск под командой И.Воротынского и Д.Хворостинина. Часть войска расположилась заслоном от вторжений на Оке, другая направилась на Каму, а третья – в Свияжск. Восставшие, озлобленные жестокостью царских чиновников, «резались с московскими воинами на пепле жилищ своих, в лесах, летом и зимою», но не сдавались. Только в 1584 г., когда восставшие узнали о смерти Ивана IV, то «без войны и без крови приидоша вси покорением и прошаху милости», надеясь, что новый царь не допустит насильственного крещения в православие. Следовательно, и это восстание было направлено против колониального угнетения и социального неравенства.

В 1587 г. снова пришлось направлять войска к луговым мари, так как там поднялось против администрации 12 волостей.

Таким образом, все эти восстания представляли собою борьбу нерусских народов, главным образом, с колониальным насилием царской администрации, что было прогрессивным явлением, так как оберегало народные массы от закрепощения помещиками. Эти восстания всегда были народными, так как главную роль в них играли угнетенные крестьяне, а остатки бывшей феодальной аристократии Казанского ханства стремились использовать народные восстания в своих классовых интересах, но безрезультатно.

В дальнейшем классовая борьба нерусских народов с крепостниками и с колониальным угнетением слилась воедино с антифеодальной борьбой угнетенного русского народа.

Народы края в крестьянской войне начала XVII в.

Продолжительные военные действия в связи с Ливонской войной вызвали особенно сильную эксплуатацию крестьян, что повлекло за собою громадные побеги их из поместий на юг и на восток в пределы недосыгаемости помещиков. В результате этого правительство в 1581 г. отменило Юрьев день, а в 1597 г. установило 5-летний срок сыска беглых крестьян. В 1602 и 1603 гг. наступил голод: хлеб не созрел от избытка влаги. Голод принес крестьянам не только изнурение, но для многих и смерть. Правительственные мероприятия по борьбе с голодом были ничтожны. Начались народные волнения, которые в 1606 г. вылились в крестьянскую войну под предводительством Ивана Болотникова.

Поволжское крестьянское население быстро отозвалось на клич И.Болотникова. Продвижение до Свияжска в 1606 г. терских казачьих отрядов под командой Ильи Горчакова, выдававшего себя за царевича Петра, бы-

ло началом выступления и казанского крестьянства. Четыре тысячи поволжских крестьян вместе с казаками ушли в Северную Украину на соединение, с Болотниковым.

Волнение татар, чувашей, мари, мордвы и русских крестьян, разрастаясь, в 1607–1608 гг. приняло столь обширные размеры, что воеводе Ф.И. Шереметеву пришлось вступить в бой с восставшими под Чебоксарами и Свияжском, где «многих людей бесчисленно побили», многих захватили в плен и отправили в Казань.

«Победы» Шереметева не прекратили народных волнений в крае, но даже усилили их. В январе 1609 г. восстание охватило всю левобережную Волгу и распространилось в бассейне Вятки. Марийцы, чувашаи, татары и мордва в союзе со стрельцами и детьми боярскими в марте 1609 г. начали наступление на Свияжск. Восставшие шли под командой Е.Шугурова, Б.Еникеева, Ф.Киреева, Я.Гладкова и др. Под деревней Бурундуки восставшим нанесла поражение казанская рать. Правительство В.Шуйского пыталось щедрыми пожалованиями отвлечь от восстания служилых татар и марийцев, убеждая их быть верными царю, «памятуя бога и свою мусульманскую веру». Но ни бог, ни мусульманская вера не помогли. В 1609 и в первой половине 1610 г. восстание клочкотало от Нижнего и Вятки до Казани и далеко к югу по Волге.

В крестьянской войне начала XVII в. приняли участие различные социальные слои населения. Выявлялось и то, что у сохранившейся части татарских мурз еще имелось стремление к восстановлению самостоятельного Казанского ханства. Опираясь на них, авантюрист и политический интриган дьяк Шульгин пытался создать самостоятельное государство на территории бывшего Казанского ханства, но не нашел поддержки со стороны народа.

Народные массы края, ведя борьбу против всякого угнетения, против неспособных управлять государством бояр-изменников, в то же время нашли силы бороться и против иноземных захватчиков. Классовая борьба в начале XVIII в. тесно переплеталась с освободительной борьбой народов России. В освободительной борьбе против польских интервентов принимал участие и Казанский край. Но оно было довольно слабым.

После ликвидации замыслов Шульгина посадское население Казани выступило на борьбу с польскими захватчиками. В июле 1611 г. воевода Морозов выступил под Москву к Ляпунову, собрав ратников в Казани, Свияжске и др. пригородах. Не застав Ляпунова в живых, отряд возвратился. В августе администрация решила «быти всем в соединении и стояти за Московское и Казанское государство».

В декабре 1611 г. из Нижнего Новгорода явился в Казань И.Биркин с ополчением, но, войдя в контакт с дьяком Шульгиным, медлил с выступлением. Когда же прибыл с ополчением в г. Ярославль, то избегал активного участия в боевых действиях. Мало того, отряд Биркина решил уйти обратно, но часть его под командой татарского головы Лукьяна Мясного осталась и приняла участие в освобождении Москвы от поляков.

В течение всего этого времени классовая борьба народных низов не останавливалась: когда казанская администрация объявляла о сборе налогов, то против этого начинались волнения крестьян (1611–1614 гг.).

В 1615 г. в Казань приехали сборщики пятой деньги на содержание ратных людей князь А.В. Сицкий и дьяк Ч.Оботуров. Но посадские люди всех городов оказывали сопротивление пятинщикам в оценке имущества и в сборе налога.

В 1616 г. началось восстание ясачного населения вследствие того, что администрация приступила к сбору ясака. Восстанием были охвачены татары, чуваша, мари, удмурты и башкиры. Сарапул, Арзамас и даже Муром оказались в осаде. Из руководителей восстания источники называют Джан-Али, или Еналея. Под именем еналеевского и известно это крупное восстание. Правительство послало войска для борьбы с восставшими, привлекая в эти войска много служилых татар, которые потом получали поместья и другие награды за участие в подавлении его. Хотя восстание и было подавлено, но отдельные вспышки продолжались до 1619 года. В борьбе погибло много крестьянского населения: писцовые книги 20-х годов XVII века полны указаниями такого рода: «дворы от войны запустели», «пашенные земли перелогом и лесом поросли».

Классовая борьба и крестьянская война в Камско-Волжском крае имели антифеодальное и антиколониальное направление. Хотя крестьянские восстания были подавлены, но они ограничивали углубление крепостничества и колониальное угнетение населения со стороны господствующего класса Русского государства.

Казанский край в XVII в.

Колонизация края

После иностранной интервенции и подавления крестьянских волнений с новой силой проявился крепостной и национальный гнет.

В XVII веке очень интенсивно шло строительство монастырей. Около Казани открыты были три монастыря: Раифский, Семиозерный и Кизический. Всего за XVII столетие основано было более 20 монастырей, которые отстраивались как крепости и в которых во время крестьянской войны отсиживались помещики и администрация, чтобы избежать народной расправы. Под селом Мамадыш Спасский монастырь в 1617 г. построил острог формально для защиты от ногайцев, а в действительности от напора тяглого населения в моменты обострения классовых противоречий. В XVII веке монастыри превратились в громадные феодальные латифундии. Например, Казанский Преображенский монастырь по переписи 1646 года имел земли и угодья в 28 населенных пунктах.

Национальный гнет царизма, ослабевший в первое двадцатилетие XVII века, усиливается с новой силой. Некрещеным помещикам запретили каба-

лить крещеных и владеть ими. Имущество некрещеных переходило по наследству в первую очередь к крещеным родственникам, минуя некрещеных. Эти распоряжения были направлены к тому, чтобы ослабить экономическую состоятельность некрещеных помещиков и обращением в православие отвлечь от них их крестьян. С другой стороны, указы должны были побуждать креститься самих помещиков и всех крестьян.

Царская администрация вновь стала проявлять высокомерие, пренебрежение к нерусскому населению. Она не стеснялась получать и двойные ясаки и подношения даже особым сбором в свою пользу.

Помещики незаконно захватывали земли и угодья местного населения, а русское купечество стремилось не допускать некрещеных к оптовым торговым операциям не только в городах, но и в селах и деревнях.

После крестьянской войны в начале XVII в. строительство укрепленных линий, или «засечных черт», стало важной задачей царского правительства, так как постройка городов не обеспечивала подчинения нерусских народов и не гарантировала от набегов ногайцев, калмыков и крымских татар. Сторожевые укрепленные линии должны были обеспечить помещикам безопасность их усадеб и оборону во время народных восстаний.

Возведение укрепленных линий началось с постройки «Тетюшской черты», которая проходила около деревни Пролей-Каши на Кильнинский острожек, где соединялась с ранее возведенной «Карлинской чертой», проведенной вдоль речки Карлы, впадающей в Свиягу.

В 40-х годах XVII в. началось строительство Симбирской линии по направлению к Саранску, на Тамбов, Воронеж и Харьков. Симбирск стал сильной крепостью. По линии были основаны военные слободы с малыми крепостями.

Вслед за Симбирской ведется постройка Закамской черты, которая начиналась на левом берегу Волги: Белый Яр – Ерыклинск – Тиинск – Новошешминск – Кичуев – Заинск – Мензелинск. Работы производились с 1652 до 1656 года. Ногайцы в 1654 г. прорвали линию между Тиинском и Новошешминском, но ее восстановили, при этом укрепили и острог Билярск. Для постройки этой линии привлекались татары, чуваша, мари и удмурты. На сторожевых линиях ежегодно занято было от 3 до 5 тысяч крестьян, которых мобилизовали по одному человеку с 6 русских и с 3 нерусских дворов. Эти работы были очень тяжелы для ясачников, которые временами оказывали сопротивление администрации.

Экономика края в XVII в. Сельское хозяйство

Социально-экономическое развитие Татарии в XVII веке шло по пути общего развития России. В это время наблюдается усиление мелкотоварного производства в городах и промышленных селах, возникают зачатки капиталистических мануфактур. Эта общая линия развития происходила в условиях господства феодально-крепостнического строя.

В этот период в Татарии окончательно сложились поместно-вотчинное, церковно-монастырское, дворцовое и ясачное землевладения. Поместно-вотчинное землевладение русских и татарских служилых людей увеличилось более чем в два раза. В 1646 г. только в Казанском уезде русских помещиков было 334. Значительно выросли монастырские земли: в разных местах Казанского и Свияжского уездов монастырям и архиерею принадлежало более 50 сел и деревень. Очень много было дворцовых земель, большая часть которых переходила к служилым людям. Самым значительным было ясачное землепользование.

После крестьянской войны русские помещики переводили крепостных из центральных уездов и привлекали беглых крестьян, которых было много тогда в Поволжье. Администрация не так сурово преследовала беглых, так как русские крестьяне являлись оплотом владычества России. Помещики стремились наладить свое хозяйство таким образом, чтобы привлечь больше крестьян. Это достигалось введением сначала оброчной системы эксплуатации, а потом уже оброчники переводились на барщину. Такая тактика имела своим следствием заметное развитие производительных сил: распаханы были многие переложные и поросшие лесом земли, построены сотни крупных мельниц, трехполье стало преобладающей системой хозяйства. Многие крестьяне в малоземельных поместьях стали заниматься ремеслом: деревообделочным, гончарным, валяльным, кожевенным, салотопенным и др. Охота и рыболовство приобрели товарный характер.

Землевладение и землепользование татарских помещиков отражено в писцовых книгах 1646 года. По Свияжскому уезду записано 498 помещиков, из которых 378 не имели крестьян. У многих помещиков жили бобыли и соседи. Служилые татары имели поместья в 136 селениях.

То же самое наблюдалось в 1646 г. и в Казанском уезде. Писцовая книга отметила 619 дворов татарских помещиков, из которых 449 совсем не имели крестьян и бобылей, а у остальных 170 человек записано 575 дворов крестьян и людей в них 1672 души. Кроме того, были бобыли, дворовые, задворные люди, соседи и наймиты. Большинство наймитов было у служилых татар, у которых в основном практиковались феодально-арендные отношения. В этом заключалась особенность татарского поместья. А так как подавляющее большинство служилых татар крестьян и бобылей не имели, то это сближало их в классовой борьбе больше с антикрепостническими элементами, то есть с ясачниками.

В самом начале XVII века писцовая книга Ивана Болтина зафиксировала до 50 крупных татар-помещиков, а в половине XVII века их было вдвое меньше. Нет сомнения, что это – результат национальной политики царизма, которая направлялась на то, чтобы служилых татар свести постепенно на положение ясачных; поэтому так много было служилых, но не «верстаных поместьями». Это подтверждается положением служилого Урукчея Утешева, который «живет за Богданом мурзою Яушевым, наймуя пашенные земли», а «не верстан де за бедностью».

У татар-ясачников хозяйство было земледельческое. Их наделы, например, в Свияжском уезде равнялись 10 четвертям (5 десятинам) пашни в одном поле и 10 десятин лугов (100 копен сена). В лесах ясачники имели бортные ухозя. Лес отводился для всей общины. С целого ясака платили 2 алтына 4 деньги и 20 пудов хлеба.

Ясачные татары платили ясак деньгами и натурой. Натуральные взносы предусматривались хлебом, медом, пушниной. В ясачных хозяйствах преобладала трехпольная система. В середине XVII века перелог значительно уменьшился. Если в XVII веке товарную продукцию составляли сено и лес, то со второй четверти XVII века товарную продукцию составило зерно. Доказательством тому служит оптовая хлебная торговля, перешедшая в руки купцов, которые скупали хлеб у скупщиков, действовавших по деревням. Ясачное хозяйство татар не было исключительно зерновым: кроме хлебных продуктов и льняного семени, на рынок шли мед и воск, беличь, лисьи и куньи меха, кожи, овчины и козловые шкуры.

Во второй половине XVII века количество земли на душу уменьшилось, а платежи сильно возросли. На ясак в 1685 г. полагалось меньше земли: 24 чети в трех полях вместо 30; лугов считалось на ясак 8 десятин вместо 10-ти. В деревне Черемышевой не было ни одного ясачника, платившего целый ясак. Если хозяйство полуясачника трудно признать рентабельным, то более мелкие хозяйства были очень слабые и толкали ясачников на развитие ремесла и торговли.

Города и промышленное развитие

Социальный состав населения казанских городов был сложный. По переписной книге 1646 г. Казань стала большим городом, в некоторых отношениях превзошла даже соседний Нижний Новгород. Население города доходило до 17 тыс. человек. Служилых людей, администрации и духовенства было до 3000 душ, что составляло меньшинство перед посадским тяглым населением, составлявшим 2597 дворов с населением почти в 10400 душ. Вокруг Казани возникли многие слободы: Засыпкина, Горшечная, Кирпичная, Ямская, Ягодная, Козья и Кизическая. Казань стала крупным административным и экономическим центром, в котором сосредоточены были многочисленные производственные и торговые предприятия. Тяглое посадское население состояло из купцов, ремесленников, торговцев, бобылей, соседей и наймитов.

В 1654–1656 гг. тяглое население города сильно пострадало от «морового поветрия» (чума), потеряв несколько тысяч человек.

Прочие города были значительно меньше Казани. Самым крупным городом после Казани был Лаишев – 1736 душ, который еще не потерял своего военного значения, так как гарнизон состоял из 776 душ.

В Свияжске населения было 903 души, а в Тетюшах – 906 душ, но если в Свияжске посадских и бобылей было подавляющее большинство, то в Тетю-

шах первое место занимали стрельцы и казаки, а посадских и бобылей было лишь 345.

Таким образом, городское население в половине XVII века было весьма незначительным, но растущим.

Промышленное развитие в середине XVII века шло по пути роста мелко-товарного производства на рынок.

В Казани мы наблюдаем очень много различных производств. Переписная книга 1646 г. зарегистрировала здесь 4460 ремесленников. В XVII веке и добывающая и обрабатывающая промышленности в связи с запросами внутреннего всероссийского рынка и более глубоким разделением общественного труда принимают новые формы и более глубокую специализацию с целью производства товаров на рынок. Так, возникновение капиталистической мастерской в городах знаменовало собою создание условий для зарождения капиталистического способа производства, а рост наемных рабочих в мастерских вел к возникновению капиталистической мануфактуры.

В пищевой мелкой промышленности были заняты ремесленники из 149 дворов. Пищевики представлены по 28 специальностям. Это обстоятельство указывает, что шло интенсивное разделение труда: хлебников было 27 дворов, калашников – 26, пирожников – 7 и т.д. Большинство пищевиков создавало семейную кооперацию, работающую на рынок. Таких пекарен было 120.

У Минки Макарьева в овощном хозяйстве были заняты сын и двое крепостных его людей. Это уже не семейная кооперация, а крепостное хозяйство типа мастерской, тесно связанное с рынком. Но хозяйств с крепостным трудом было только три.

У С.Иванова-калашника работало два наймита и «приимыш». Семейная кооперация выросла в этом случае в капиталистическую мастерскую, изготавливавшую калачи для рынка. Таких мастерских в переписной книге 1646 г. по Казани указано 30, количество наймитов доходило до 4 человек. Следовательно, двадцать процентов предприятий мелкой пищевой промышленности носили капиталистический характер да и многие мастерские типа семейной кооперации были на этом же пути. Во второй половине XVII века количество капиталистических мастерских увеличилось.

Довольно значительная специализация и в кожевенном производстве: кожевников указывается 46 дворов, строгальщиков – 27, сапожников и башмачников – 64, сырмятников – 15, овчинников – 15, скорняков – 20, бобровников – 4 двора, пушников – 6 дворов и т.д. Мастеров-одиночек и мастерских типа семейной кооперации значится 162 производства. Три мастерских эксплуатировали холопов и крепостных; у одного хозяина работал купленный татарин, у другого – ногаец, а у третьего – 5 дворовых, 2 крепостных и 1 наймит. Тринадцать мастерских имели только наемных работников. Такие мастерские пока составляли малый процент всех предприятий, но будущее было за ними.

Следовательно, кожевенная промышленность в общем была в сфере феодального способа производства, но с XVII века началось возникновение ка-

питалистических мастерских и рост наймитов, которые представляли собою лишенных средств производства специалистов-кожевников.

Писцовая книга 1646 г. указывает 129 дворов текстильщиков, 80 дворов металлистов, 34 двора химического производства, 41 двор деревообделочников и т.д.

В дополнение к этому следует иметь в виду промышленные слободы и села, где и ремесло и мелкая промышленность составляли главное занятие населения.

Архивные материалы позволяют констатировать, что из 37 сел митрополичьих 17 были промышленными. В селе Дмитриевском (Ягодная слобода) было 35 дворов крестьянских и 85 бобыльских. Среди бобылей были плотники, горшечники, сапожники, овчинники. В 1678 г. появились сафьянники, сыромятники и крашеники. Особенно много было кожевенных мастерских.

Село Архангельское под Казанью состояло из 26 бобыльских дворов, принадлежавших преимущественно кожевникам и сыромятникам. В деревне Аметьевой изготовляли одежду и рукавицы. В селе Омарах действовали капиталистическая кузница с наемными рабочими и скорняжная мастерская. В селе Кирельском Свияжского уезда развилась кожевенная промышленность. Овчинники и санники были в Матюшкином починке. Многочисленные ватаги рыболовов были в селах Богородское, Капердино, Рыбная Слобода. Татарские деревни Атня и Алаты тоже известны были кожевенным производством. У татар было развито швейное дело.

С 40-х годов XVII в. стали возникать предприятия типа мануфактуры, в которых было сосредоточено большое количество работников. В Казани и Кукморе появились медеплавильные «заводы». Ими руководил присланный из Москвы мастер Онофреев. На этих мануфактурах работало более сотни рабочих из крестьян.

Около села Спасского помещик выделил до 200 крепостных крестьян для производства селитры. Это предприятие действовало и в XVIII столетии.

Начали возникать мануфактурные предприятия и у частных лиц: у купцов, крестьян и посадских. На казанской мельнице у ее арендатора было 18 наемных рабочих. На квасоварном заводе наемных было 12 человек, не считая подсобных. В Услоне действовала судостроительная артель. Некоторые кожевенные и мыловаренные мастерские, увеличивая оборудование и производство, вырастали в крупные мануфактурные предприятия.

В конце первой половины XVII в. действовала доменная печь с двумя горнами «выше Мурзинской слободы на Каме», построенная татаринном Тумашевым, а в конце второй половины XVII в. началось производство кирпича в Казани. Мануфактуры частных лиц были капиталистическими.

Свободный труд в мелкотоварном производстве Казани был почти вдвое сильнее крепостного. Резервом для найма были 405 дворов бобылей.

Анализ 1034 дворов посадских товаропроизводителей приводит к выводу, что 829 дворов работали на рынок. Феодалное ремесло уступает место

мелкотоварному производству на рынок. Это производство от семейной кооперации переходило к капиталистической мастерской, выражая стремление к укрупнению.

Казанская мелкая промышленность половины XVII века убедительно доказывает, что в товарном производстве капиталистический способ производства уже возник в мелкотоварных мастерских. Преобладают количественно мастерские ремесленников, работающих по заказу, и мастерские семейной кооперации, работающие на рынок. Капиталистическая мастерская появляется тогда, когда семейная кооперация, работая на рынок и следуя его запросам, пополняется наемными работниками. Документы подтверждают наличие в половине XVII века капиталистических мастерских, как в городе, так и в слободах и селлах, но еще в небольшом количестве. В.И. Ленин подчеркивает, что *«семейная кооперация» является, таким образом, основанием капиталистической кооперации*. Само собой разумеется, конечно, что этот «закон» относится только к самым мелким товаропроизводителям, только к зачаткам капитализма; этот закон доказывает, что тенденция крестьянства состоит в превращении в мелкого буржуа¹⁰¹. Тем более это можно отнести к капиталистической мануфактуре, так как она представляет собою расширенную мастерскую с увеличенным числом работников, которую возглавляет капиталист-буржуа.

Зародившееся капиталистическое производство начало действовать и на формирование классовой структуры общества. Капиталистическое мелкотоварное производство с самого начала своего возникновения заявило требование на свободный труд, требование ликвидировать крепостничество, так как рынок рабочей силы не мог сформироваться без этого условия. В ответ на это господствующий класс в лице феодального правительства стал усиливать и расширять крепостное право. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями обострил классовую борьбу. Феодальный строй начинал приобретать консервативный характер. Будущее было за капиталистическим способом производства, который шел на смену феодальному.

Торговля

Торговля в XVII веке развивалась успешно. Значительное развитие производительных сил края, интенсивный рост ремесла и мелкой промышленности, наконец, очень удобное географическое положение на важнейших путях сообщения еще в XVI веке выдвинули Казань как экономический и торговый центр обширного края, связанного с Москвой, Вятским краем, Уралом и Сибирью, с Ногаями и Крымом, с Персией, Хивой и Бухарой. В XVII столетии связи торговые расширились: Киев, Смоленск, Ярославль, Тверь, Кострома, Великий Устюг, Архангельск посылали свои товары в Казань и покупали казанские. Многие иногородние купцы имели постоянную торговлю в Казани, посылая сюда своих приказчиков.

¹⁰¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 346.

В XVII веке из Казанского края много вывозилось хлеба, льняного семени, мяса, рыбы, кожи, овчин, козловых шкур, мехов, меда и воска. Из Сибири поступали дорогие меха, с юга – соль, фрукты и вино, из Архангельска – заграничные промышленные товары, из Москвы – товары русского промышленного производства.

Торговля Казани как центра обширного края в XVII веке со всей очевидностью доказывает слияние местных рынков в единый национальный все-российский рынок.

Таможенные книги Московского государства подтверждают, что уже в 30-х годах XVII в. определилась большая группа казанцев, состоящая преимущественно из русских торговых людей, державшая в своих руках оптовую торговлю с северными центрами страны. Вместе с ними деятельное участие принимали каринские татары, жившие в бассейне Вятки. Во второй половине XVII века на рынках Устюга и Сольвычегодска вместе с русскими появляются варзинские (елабужские), казанские и уфимские татары.

Возникли новые заготовительные и скупочные центры, как чебоксарский, козьмодемьянский, мензелинский, варзинский, пьяноборский, сарапульский. Торговцы-оптовики появляются не только из городов, но и из сел: Кукарка, Мамадыш, Елабуга, Салмачи, Клыкки и др.

Подъем производства и торговли наносил сильный удар господству натурального хозяйства, особенно в городах и в промышленных слободах и селениях, охватывая не только хозяйства русских, но и татар, чувашей, мари и удмуртов. Это свидетельствует о прогрессивном хозяйственном развитии многонационального Казанского края. Законы экономического развития неуклонно вели к новым успехам товарно-денежных отношений и подрыву феодального способа производства. В этих условиях происходило постепенное слияние местных рынков в один национальный внутренний рынок, связи внутри которого все более приобретали капиталистический характер. В.И. Ленин писал: «Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое». Это слияние «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»¹⁰².

Татаро-башкирские восстания

Классовая борьба в XVII веке имела очень широкий размах в пределах современной Татарии и в ее соседних областях. Начиная с побегов помещичьих крестьян, с мелких выступлений против помещиков и монастырских властей, начиная с отказов ясачников платить налоги и выполнять налагаемые повинности, классовая борьба во второй половине XVII века снова дос-

¹⁰² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153–154.

тигла высшей своей формы – крестьянской войны под предводительством Степана Разина.

Как особенность Камско-Волжского и Уральского края, необходимо указать башкирские восстания, направленные против колониальных захватов и эксплуатации, в которых горячее участие принимали татары, мари, удмурты и мордва.

В 1645 г. башкиры и татары сожгли Мензелинский острог. Это был вооруженный протест против действий царской администрации, основавшей этот острог на башкирской земле и открывшей путь для русской помещичьей колонизации в этом районе.

Весьма значительное башкирское восстание происходило в 1661–1665 гг. Отзвуки его выразились в отдельных вспышках в 1666 и 1667 гг. Кроме башкир, в восстании участвовали татары, мордва, мари, чуваш и манси (вогулы). Вспыхнув в Кунгурском и Соликамском уездах, восстание распространилось от зауральской Башкирии на востоке до берегов Волги на западе. Хотя восстание в Поволжье носило не столь упорный характер, но все же под Уфой и вдоль закамской укрепленной линии было весьма беспокойно. Калмыки и ногайцы совместно с башкирами ходили под Уфу, Мензелинск и Шешминск.

Движущей силой восстания были башкиры, ясачные татары, тептяри, то есть податные и тяглые люди. И хотя башкирские феодалы и тарханы дважды сговаривались с русскими властями и прекращали борьбу, восстание народных масс не прекращалось. В 1667–1669 гг. происходят набеги башкир на городки Шешминск, Билярск, Ерыклинск, село Садилово и вотчину Черемшан, окрестности городов Самары и Саратова. В 1670 г., когда развертывались действия Степана Разина на Волге, башкиры перебирались на правый берег Волги и доходили почти до Пензы, оттягивая на себя царские войска, которые направлялись на борьбу со Степаном Разиным.

Башкиры и татары готовы были поддержать Разина, так как у них классовый враг был один и тот же. Но массовой поддержки крестьянской войне они не могли оказать вследствие того, что восстание не охватило левобережья Волги. В течение последних 6 лет они уже были обескровлены карательными походами царских войск. Татаро-башкирские восстания были лишь прелюдией к более мощному движению.

Крестьянская война под предводительством Разина (1670–1671 гг.)

Движущие силы и размах борьбы

Крестьяне России и особенно Поволжья не могли согласиться с окончательным прикреплением к земле и к помещику, что было узаконено Соборным Уложением 1648–1649 гг. Нерусское население Поволжья только ожидало, когда восстанут донские казаки и русские крестьяне, чтобы присоединиться к ним и вместе с ними избавиться как от помещиков, попиравших их гражданское и человеческое достоинство, так и от администрации, вымогав-

шей всевозможные «посулы» и допускавшей всякого рода издевательства над татарами и другими народами. Многонациональное крестьянство и казацкая гольтыбга составляли основную движущую силу восстания.

Уже в самом начале восстания в армии Степана Разина много было татар и представителей других поволжских народов. Много их прибавилось во время походов по Волге до Симбирска. Из-под Симбирска Разин послал «прелестное письмо» на татарском языке татарам Казани, всем абызам, всем слободским и уездным «бусурманам» с приглашением присоединиться к нему против классовых врагов крестьянского люда. В стане Степана Разина находился Асан Айбулатов, ведавший делами агитации идей восстания среди татарского населения.

Степан Разин обратился к гольтыбге-мужикам, к посадским и будникам и всем казакам с призывом сокрушить дворянство и всех бояр, перебить воевод и приказных, овладеть всем Поволжьем, передать землю крестьянам, отняв ее у всех помещиков как светских, так и духовных, учредить торг бестаможенный, объявить всем волю вольную искоренить всякое чиновачалие и власть, установить во всей Руси казачество, чтоб «всяк всякому был ровен».

Из-под Симбирска в самом начале сентября 1670 г. Разин отправил Максима Осипова на Алатырь и Нижний Новгород, а Михаила Харитонову – на Корсун, Пензу и Ломов.

Руководящим центром борьбы с восставшими была Казань, имевшая много войска и военного снаряжения. Дожидаясь новых подкреплений, князь Ю.А. Долгорукий дал распоряжение Ю.Н. Барятинскому, находившемуся в Саранске, следовать быстрее к Симбирску.

Ход войны на Средней Волге

Под Симбирском Разин дважды нанес поражение Барятинскому, который был вынужден отступить к Тетюшам в надежде соединения с полком П.Урусова, но последнего там не оказалось, и Ю. Барятинский подошел к Казани, чтобы пополнить полк людьми и снаряжением.

После того как Разин занял Симбирский посад, восстание молниеносно распространилось по Симбирской укрепленной линии: уже 6 сентября разинцы появились в Тагае, Юшанске и Уренске; 7 сентября восстание охватило Корсунскую черту с Сурским острогом. Алатырский воевода А.Бутурлин писал, что стрельцы и казаки Симбирской черты и Симбирска изменили и в город не пошли, что мурзы и татары, бежавшие из-под Симбирска в Алатырь, сообщили, что вместе со стрельцами и казаками поднялись против администрации и войска крестьяне Симбирского уезда «татаровя и мордва и черемиса» – все «изменили государю», а помещиков-симбирян «побили с женами и детьми и дома их все разграбили». Алатырский толмач, вернувшись с разведки, добавил, что к Разину собираются из Свияжского уезда «стрельцы, казаки, крестьяне, татары, мордва и черемиса многие люди» и хотят «идти к Алатырю и в Алатырский уезд для разорения».

Из Казани князь Ю.Н. Бярятинский выступил не раньше 19 сентября 1670 г. 20 сентября он рапортовал, что в свияжском сельце Куланге дожидались его «воровские» казаки, татары, чувашы, мари и мордва, более 3 000 человек конных и пеших, с которыми у него был бой. Восставших рассеяли, а 67 пленных повесили, стрелец Ефрем Провоторхов был четвертован. Второй бой был на Карле, где Бярятинского встретили казаки, татары, чувашы, мари и мордва; казаки были побиты, а попавшие в плен 18 восставших были повешены. Это было 23 сентября.

24 сентября Бярятинский рассеял отряд казаков, татар, чувашей и мари близ деревни Крысадаки.

29 сентября князь с войсками пришел в городок Тагаев, нотам никого из гарнизона не нашел, так как все ушли к Разину под Симбирск. Пройдя через городок Юшанск, Бярятинский 1 октября подошел к реке Свияге, в двух верстах от Симбирска. Таким образом, восставшие очень сильно задержали продвижение Бярятинского к Симбирску, заставили отклониться от прямого пути, сделать большой полукруг, потратить на переход вместо 4–5 дней почти полмесяца и иметь четыре боя.

Разин повел войска в бой, но был рассеян. На другой день бой снова возобновился и продолжался весь день. Только 3 октября Бярятинский одержал окончательную победу и заставил Разина бежать.

Отступление Разина от Симбирска не остановило борьбы крестьян и ясачников со своими классовыми врагами.

Бярятинский из Симбирска отправился на Урень, а в Свияжский и Тетюшский уезды послал с карательным отрядом нижегородца А.Глаткова.

Ближайшие к Симбирску пригородки Юшанск, Тагаев, Аргаш, Белый Яр и Ерыклинск присягнули царскому правительству, но корсунские и надеинские казаки собирали сотни крестьян, татар, чувашей и мордву, чтобы двинуться к Уреню, где собралось шесть тысяч восставших. Корсунский отряд восставших был под командой мурзы Акая Карачурина. Только 24 октября Бярятинский разбил уренский отряд и продвинулся до Порамзина городища, но не решался следовать на Саранск и Алатырь: ждал пополнения своего полка. По сообщениям из Арзамаса, скопление восставших наблюдалось в Лыскове и Мурашкине, в Алатыре и Саранске, в Темникове и Кадоме.

В половине ноября большое сражение было на реке Кондарате, где восставшие потеряли 11 пушек, 323 человека попали в плен. После этого боя Бярятинский вернулся в Корсун. Отряд Шильникова, направленный на Алатырь, занял его 23 ноября.

В декабре крупные соединения восставших наблюдаются вокруг Самары, а также в Свияжском и Тетюшском уездах. В половине декабря произошел бой с правительственными войсками у дер. Чутеевой. В начале декабря восставшие совершили налет на Тетюши, убили приказного Игнатия Шапкина, а других тетюшан лишь пограбили за то, что они не перешли на сторону восставшего народа.

Крестьянская война 1670–1671 гг. охватила все народы Среднего Поволжья. Ожесточенные бои, совместные действия восставших чувашей, татар, мордвы, мари происходили и на чувашской земле. Громадное скопление восставших (до 15000 чел.) наблюдалось в засурских лесах. Десять тысяч крестьян разных национальностей расположились лагерем в 7 верстах от Цивильска и осадили город. Осада Цивильска была снята правительственными войсками после тяжелых боев с восставшими лишь через несколько месяцев. Другой отряд крестьян во главе с соратником Степана Разина Прокофием Ивановым взял Козьмодемьянск еще в октябре 1670 г.

Большой повстанческий отряд повел наступление на Кокшайск, но взять его не мог. Необходимо отметить, что на стороне восставших оказались некоторые мурзы и служилые татары и чуваша, например, мурза А. Кильдебяков, кадомский татарин-помещик Асан Айбулатов, Карачурин, чувашский служилый тархан Цехтемей Ахтубаев и др. Понятно, что в стан восставших их привела не борьба с помещиками, а борьба с колониальной эксплуатацией.

В 1671 г. крестьянская война была подавлена. А отзвуки ее имели место в 1672–1673 годах.

Историческое значение крестьянской войны

В крестьянской войне 1670–1671 гг., охватившей огромную территорию, главной движущей силой являлось крестьянство, которое во всем его национальном разнообразии выступило на борьбу с крепостничеством и колониальным насилием против дворян и царских властей. Собираясь в многотысячные отряды, крестьяне Казанского края дрались с царскими войсками под руководством донских казаков во главе со Степаном Разиным. Но у них были и свои крестьянские вожаки. Восставшие пытались осуществить единое руководство и командование на огромной территории восстания, как это наблюдается в Симбирской операции Разина или в чувашских уездах, когда жители Козьмодемьянска, Цивильска, Ядрина и Курмыша сговаривались, «соединяясь», побивать дворян и начальных людей «всем вместе». Посадское население выступало совместно с крестьянами, внося в стихийное движение организующее начало.

Классовый характер борьбы объединял все национальности Поволжья, так как враг был общий и для антифеодального и антиколониального движения: царизм и дворянство. Дружба многонационального угнетенного класса крепла в ожесточенной борьбе.

Военные действия восставших отличались упорством, стойкостью и храбростью. Имея недостаточное огнестрельное вооружение, восставшие в продолжительных рукопашных боях наносили большой урон царским войскам, действуя косами, рогатинами, пиками, вилами и кистенями. Устройство засек, уничтожение мостов и перевозов, организация засад и хорошая разведка сильно задерживали продвижение царских войск, что необходимо приписать боевой находчивости восставшего народа.

Царская армия с ее огнестрельным боем сломила сопротивление восставших, хотя для этого понадобилось много времени, беспощадно уничтожала не только самих восставших, но и их села и деревни и все их хозяйство. Дворянские каратели, не обнаружив в деревне населения, часто сжигали их, что усиливало борьбу со стороны крестьян.

В условиях XVII века нельзя было поднять всех крестьян Русского государства против феодального строя, мешали стихийность и локальность движения. Но историческое значение крестьянской войны было так велико, что память о нем сохранилась до настоящего времени.

В.И. Ленин писал: «Когда было крепостное право, – вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»¹⁰³.

Крестьянская война под руководством Разина заставила правительство прекратить раздачу ясачных земель помещикам, отобрать у дворян ранее захваченные земли и возвратить их ясачникам. Вместе с тем воеводы получили распоряжение не допускать «измены» нерусского населения и льготами склонять его к принятию православия. Но местная администрация мало следовала этим директивам, вследствие чего уже через два года после подавления крестьянской войны началось грозное и продолжительное восстание башкир и татар.

Селения Казанского ханства (по писцовым книгам)

*Опубликовано в сборнике «Вопросы этногенеза
тюркоязычных народов Среднего Поволжья»
(Казань, 1971. Вып. 1. С. 272–292)*

Казанское ханство сформировалось в XV веке на основе продолжения экономических, культурных и этнических традиций Булгарского ханства. Географическое положение Казанского ханства на Средней Волге и Нижней Каме усиливало его мощь и экономическое значение: ханство могло контролировать и бассейны рр. Камы, Вятки и Белой. А это давало возможность Казанскому ханству оказывать влияние на удмуртов и часть башкир, помимо чуваш, мари, мордвы, живших по р. Волге.

Граница Казанского ханства на западе смежена была с Нижегородским уездом и проходила по реке Сура до впадения в нее р. Алатыря. Далее, на запад граница шла по р. Алатырю, затем переходила на р. Мокшу и следовала к верховью этой реки, а повернув на восток, снова шла по верховью р. Суры, рекой

¹⁰³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 194.

Кададой выходила к р. Волге на Кашпир и Волгой шла до устья р. Самары. Далее на восток граница шла по р. Самаре, которая была пограничной. Затем граница через Сакмару подходила к реке Белой и шла по ее течению до впадения в р. Каму. Северная граница проходила вверх по р. Каме от устья Белой до Сарыпула и дальше шла на запад до вятского притока реки Чепцы, откуда граница проходила лесами и топями по р. Пижме к нижнему течению р. Ветлуги и по Ветлуге до впадения ее в Волгу (см. картограмму Казанского ханства).

Таким образом, Казанское ханство было поистине страной четырех главных рек: Камы, Волги, Вятки и Белой и других менее значительных, как Бол. и Малый Черемшан, Меши, Свяги, Суры, Илети, Бол. и Мал. Кокшаги и низовье Ветлуги.

Казанское ханство включало в свои границы не только булгаро-татарские владения, но и владения других народов: мордвы, чуваш, мари, удмуртов и башкир, которые далеко не полностью входили в состав ханства. Так, часть маришцев, чуваш, мордвы и удмуртов находились в пределах Московского государства, а часть башкир были подчинены Сибирскому ханству и ногайцам. Казанское ханство было таким же многонациональным государством, как и Русское.

Определение территории Казанского ханства и выявление его основных населенных пунктов представляет несомненный интерес, как для решения общеисторических вопросов Казанского периода, так и в особенности для изучения проблемы происхождения казанских татар. При этом возможны различные пути – археологическое исследование, топонимические наблюдения, поиски письменных сведений и т.п. К сожалению, археологически территория и населенные пункты Казанского ханства исследованы очень слабо, хотя основные районы территории ханства посещалось не одной экспедицией, но расположение большинства прежних населенных пунктов под современными селами лишало возможности их обнаружения.

Каких-либо подробных татарских записей о селлах ханства почти не сохранилось. Топонимические материалы еще только собираются (см. статью Г.В. Юсупова в настоящем сборнике)¹⁰⁴. Несомненно, интересные выводы в будущем может дать изучение татарских родословий – шаджаре. Но уже сейчас имеется один вид источника, который, на наш взгляд, сохранил в значительном объеме список населенных мест Казанского ханства. Это русские писцовые книги XVI–XVII вв.

Через 10 лет после присоединения Казанского ханства к Русскому государству русская администрация провела в 1565–1568 гг. описание сел, деревень и городов Казанского и Свяжского уездов, составивших новые административные деления бывшего Казанского ханства. Четырех лет было явно недостаточно, чтобы описать все богатства края, перепись продолжалась и позже, захваты-

¹⁰⁴ Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика, как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья: сб. статей. Вып. 1. Казань, 1971. С. 217–231.

вая незатронутые в первый период владения. После многочисленных восстаний 70, 80, 90-х годов XVI века и в первые 20 лет XVII века переписи земель и угодий возобновлялись и повторялись с целью уточнения податных платежей и оброчных сумм. Вот этот замечательный писцовый материал позволяет до некоторой степени представить территорию распространения селений Казанского ханства, указать насколько были «села часты», как они назывались и где были расположены. Очень жаль, что не весь писцовый материал сохранился, но и сохранившийся не столь глубоко изучен, как он этого заслуживает.

Основным критерием для отнесения селений ко временам существования Казанского ханства является нерусское название селения в писцовых материалах XVI и начала XVII века. Такие названия давались татарами, мордвой, марицами и удмуртами, т.е. народностями, населявшими Казанское ханство. Например, ясачные татары (в рукописи «чуваши») дер. Малой Атни в 1616 г. оспаривали свое право на пустошь Чарашевскую, которой они пользовались лет 60 без дач, по старине. Следовательно, и Малая и Большая Атня были уже в составе Казанского ханства¹⁰⁵. Про пустошь Аты в писцовой книге Д.Кикина сказано, что она была во владении Казанского Шейсупа князя, а потом запустела. Значит тут при Шейсупе было селение, запустевшее во время войны¹⁰⁶.

С.Мельников в своей книге «Акты исторические» осветил по материалам XVII века историю города Балымерского за Камой рекой¹⁰⁷.

В писцовой книге И.Болтина 1603 г. говорится про деревню Бол. Бимери Алатской дороги, что в ней исстари жили одни ясачники; так было и «до взятия» и «после взятия», и только лет 20 тому назад (в нач. 80-х годов XVI века) появились служилые татары¹⁰⁸.

В той же книге указывается около другой деревни Бимерь Тавелева Зюрейской дороги старинное татарское кладбище¹⁰⁹, что говорит о существовании селения во времена Казанского ханства.

И.А. Износков давно установил, что село Елагино на р. Нурме по Зюрейской дороге основано во времена Казанского ханства. По татарскому преданию два брата были основателями двух деревень: Ялаг-иле и Кудаш-иле. Деревня Ялаг-иле и стала впоследствии селом Елагиным¹¹⁰.

Деревня татарских ясачников Иман-Киска у И.Болтина записана «Именкеской» – впоследствии Именьково. И.А. Износков указывает в этом месте городище и древнее кладбище; что говорит о возникновении этого селения задолго до завоевания г. Казани¹¹¹.

¹⁰⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153. Л. 148–154.

¹⁰⁶ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. писцовая № 643. Л. 231 об.

¹⁰⁷ Мельников С. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и др. соседственных губерний. Казань, 1859.

¹⁰⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 228–232.

¹⁰⁹ Там же. Л. 91–92.

¹¹⁰ Износков И.А. Список населенных мест Лаишевского уезда Казань, 1891. С. 14.

¹¹¹ Износков И.А. Список населенных мест Лаишевского уезда. С. 65–66.

Писцовая книга по Казанскому уезду 1573–75 гг. иногда включает и исторические сведения по некоторым селениям; так в дер. Кильдишевой «при татарах», т.е. до завоевания «был на вражке старый острог, а вражком вниз к Меше-реке»¹¹². Следовательно, дер. Кильдишева возникла во времена Казанского ханства, если не раньше.

С.И. Шпилевский указал на древнюю могилу Нияза, что свидетельствует, что Кутлубукашевы Челны на р. Шумбуте могут быть отнесены ко временам Казанского ханства¹¹³.

В писцовых материалах XVI и нач. XVII века может быть принят как критерий давности, восходящий ко временам Казанского ханства, и такое указание, что местность, отведенная ясачникам или служилым татарам, является пустошью: «дер. Кшкар, что была пустошь по Алатской дороге». Такая пустошь образовалась как последствие военных или карательных действий, когда селение было уничтожено, а население разбрелось в разные стороны. После военных действий эти «пустоши» отдавались в поместья служилым¹¹⁴.

В дер. Мансурово, в 14 верстах от Лаишева, был найден надгробный камень, сыну Мансура Болгарского¹¹⁵, что говорит о древности этого селения с Болгарских времен.

Старинное татарское городище Кокрять-Кокрышское на р. Майне отмечается в Трудах первого археологического съезда»¹¹⁶.

В 1603 г. писцовая книга И.Болтина фиксирует пустошь Старый Менгер, что подсказывает убедительную мысль о том, что во времена Казанского ханства здесь было селение, которое после присоединения было восстановлено¹¹⁷.

В первом томе «Истории Татарской АССР» имеется карта Казанского ханства накануне его присоединения к Русскому государству. В этой карте отмечено 167 селений, расположенных в Казанском и Свияжском уездах 2 половины XVI века. В годы издания книги эта карта была наиболее полной, мало того, эта карта, составленная Н.Ф. Калининым, побуждала к дальнейшим разысканиям по исторической географии. В этом заключалась ее основная ценность. Привлечение же писцовых материалов XVI и нач. XVII вв. дало возможность значительно пополнить перечень населенных пунктов Казанского ханства. Мы взяли писцовую книгу Д.А. Кикина по Казанскому уезду¹¹⁸, писцовую книгу его же по Свияжскому уезду¹¹⁹, писцовую книгу И.Болтина 1602–

¹¹² ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 489, об. 490.

¹¹³ Шпилевский С.М. Древние города и др. булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 416–421.

¹¹⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 199.

¹¹⁵ Березин И.Н. «От Чистополя до с. Богородского» // Казанские губернские ведомости. 1862. № 36.

¹¹⁶ Тр. I АС. М., 1869. С. 542–546.

¹¹⁷ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 2.

¹¹⁸ Там же. Ф. 1209. Кн. 643.

¹¹⁹ Там же. Кн. 848 писц. кн.

1603 г.¹²⁰ и дозорные книги 1616–1619 гг.¹²¹ Вместе с тем использованы сборники исторических документов, как «Акты исторические» С.Мельникова¹²², «Документы и материалы»¹²³ и исторические монографии, как двухтомная работа Г.Перетятковича «Поволжье»¹²⁴, монография Н.А. Фирсова¹²⁵, И.М. Покровского¹²⁶, статьи И.А. Износкова и «Списки, населенных мест» Лаишевского и Мамадышского уездов¹²⁷, В.Магницкого¹²⁸ и др. Все это позволяет нам говорить о селениях Казанского ханства более полно. Конечно, мы не можем быть уверенными в том, что карта селений вполне исчерпывающая, но все же она даст новый импульс к дальнейшим изысканиям в этой области.

Начнем обзор с Ногайской дороги Казанского уезда (карта)¹²⁹. Здесь «после Казанского взятия» большинство селений и пустошей сохранили татарские названия. В нижнем течении р. Меши на Ногайском перевозе была татарская деревня Агайбаш. Эта деревня возникла на пустоши Телепеевской, что позволяет предполагать, что до Казанского взятия эта пустошь была заселена татарскими ясачниками, среди которых выделялся татарин Телепей. Название же Агайбаш дано местности по урочищам. Писцовая книга упоминает еще селище Агач, которое было до завоевания укрепленным пунктом татарских феодалов. Это был немаловажный стратегический центр. Доказательством существования Агайбаша, Аган и Агача является то, что русскому служилому В.Ф. Танееву дана была в поместье земля «селища Агача», которая была смежена с дер. Тоймой и Юлдузскими лугами г. Лаишева; эта земля

¹²⁰ Там же. Кн. 642.

¹²¹ Там же. Кн. 153.

¹²² Мельников С. Акты исторические и юридические, древние царские грамоты Казанской и др. соседственных губерний. Т. 1. Казань, 1859.

¹²³ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 1, 2. Саранск, 1950–1951.

¹²⁴ Перетяткович Г. Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877; Поволжье в XVI и нач. XVIII вв. Одесса, 1882.

¹²⁵ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского ханства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель. Казань, 1869.

¹²⁶ Покровский И.М. Казанский архиерейский дом. Казань, 1906.

¹²⁷ Износков И.А. Список населенных мест Лаишевского уезда. Казань, 1891; Мамадышского уезда. Казань, 1884.

¹²⁸ Магницкий В. Список татарских селений Буинского уезда. Изв. об-ва арх., истории и этног. при Казан. ун-те. Т. 18. С. 130.

¹²⁹ См.: Картограмма населенных пунктов Казанского ханства первой половины XVI в. (Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья: сб. статей. Вып. 1. Казань, 1971. Между с. 274–275); Административная карта Казанского ханства (XV–XVI вв.) (Аминова Г.И. К методике составления административной карты Казанского ханства // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань, 5 февраля 2002 г. Казань: Изд-во «Фэн», 2002. С. 117–134) (Ред.).

была расположена на левом берегу р. Меши по направлению к Лаишевскому лесу¹³⁰. Деревня же Агайбаш на правом берегу р. Меши и имела татарских ясачников. От укрепленного пункта Агача, расположенного вблизи Ногайского перевоза через р. Каму, в 1603 г. уцелело 22 двора, и та земля, которая не обрабатывалась ясачниками, отдана была тому же Танееву¹³¹.

Несколько южнее деревни Агайбаш находится дер. Байчуга, расположенная на левом берегу р. Меши. Эта деревня упоминается в писцовой книге Д.А. Кикина (№ 643. Л. 477), как смежная с дер. Тоймой, а в писцовой книге И.Болтина (№ 642. Л. 7) читаем, что в этой деревне жили и служилые и ясачные татары.

Дер. Ташкирмень, расположенная на правом берегу р. Меши, хотя и не упоминается в писцовой книге Д.А. Кикина, но она есть в книге И.Болтина (№ 642. Л. 17).

Дер. Атабаево (Табаева, Табаи), по данным И.А. Износкова, очень древнего происхождения¹³².

Дер. Епанчино упоминается в писцовой книге И.Болтина 1603 г., из которой мы узнаем, что в деревне жили служилые и ясачные татары. В писцовой книге Д.Кикина ее нет потому, что в этой деревне не было поместий русских служилых людей. Наличие деревни в Казанском ханстве подтверждает и карта Казанского ханства в I т. «Истории Татарской АССР».

Необходимо указать дер. Мансурову на Каме вблизи устья р. Меши, древность основания которой определил в 1862 году И.Н. Березин, обнаруживший там надгробный камень сына Мансура Булгарского¹³³. В XVI столетии после взятия Казани в дер. Мансуровой жили царские мережники-рыбаки¹³⁴.

Дер. Саралы впервые отмечена С.Мельниковым¹³⁵. Под этим же названием она записана в переписной книге Казанского уезда 1646 г.¹³⁶, и в писцовой книге И.Болтина 1603 г.¹³⁷ Во второй половине XVI в. в ней не было ни русских, ни татарских служилых людей, а жили одни ясачные татары. Эта деревня основана в период самостоятельности Казанского ханства.

На месте нынешней дер. Карташиха была *Салтыковка*, а в Семеновых книгах (Нармацкого) написано дер. *Тербедеево*. Именно это название и было присвоено деревне в Казанском ханстве¹³⁸.

¹³⁰ Татары и ныне этот лес называют Юлдузским.

¹³¹ В писцовой книге Д.А. Кикина № 643 указывается пустошь Опач; это очевидно ошибка переписчика, который в копии написал Опач вместо Агач. В подлиннике, с которого он списывал, первая буква была написана не прописной.

¹³² Износков И.А. Список населенных мест Лаишевского уезда. Вып. 2.

¹³³ Казанские губернские ведомости. 1862. № 36.

¹³⁴ Износков И.А. Список населенных мест Лаишевского уезда. Вып. 2. С. 30–31.

¹³⁵ Акты исторические и юридические, древние царские грамоты Казанской и др. соседственных губерний. Собрание С.Мельникова. Т. 1. Казань, 1859.

¹³⁶ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6445. Л. 650.

¹³⁷ Там же. Кн. 642. Л. 49.

¹³⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 196.

На месте Рождественского на р. Меше Д.А. Кикин записал две пустоши Укречь-Култук «у старого татарского острога у большого кургана». Следовательно, во времена Казанского ханства здесь было население городского типа с укреплением военного характера, а на вражке был старый острог¹³⁹. Смежна с Укречь была деревня *Кильдешева*.

Смежной с пуст. Укречь-Култук была дер. *Сингели*, где жили служилые и ясачные татары. Рядом с дер. Сингели к северу расположилась дер. *Тангачи* (Тамгачи, Таргайчи), которая в 60-х годах XVI века была пустошью, но к 1603 г. восстановлена.

Смежной с дер. Сингели была дер. *Бурнашева*, которая в переписи Д.Кикина состояла из одних ясачников. Смежной с пуст. Тангачи в книге Д.Кикина указана *пустошь Тетеевская* – запустевшая деревня Казанского ханства.

Дальше к северу на «Лихом болоте» были деревни: *Астрахань*, *Читаки*, *Мингерь*, *Сатки* и *Каирби*, на оз. Сабуголь основана была и дер. *Сабуголи*; на озере Кулчук – дер. *Кулчук Старый*, где жили служилые татары и после Казанского взятия¹⁴⁰.

Дер. Читаки была смежена с целым рядом старинных селений: дер. *Тарлаши*, *почин. Елишейков*, дер. *Карашишево*, *Пиголи* и *Карадулат*; недалеко от них была *пустошь Кумкечь* и дер. *Четова*, где открыто старинное татарское кладбище. С дер. Сабуголь смежны деревни *Караева*, *починок Смоклево (Измаил)* – *Займище*, дер. *Кабан* и *пустошь Белка*, где тоже обнаружено старинное татарское кладбище, но татарское название не сохранилось¹⁴¹.

Рядом с дер. Каирби расположены были *пустошь Куюк* и деревни *Сарку-Кадыш*, *Харибей* и *Сафаровка*. Дер. Сарку-Кадыш была смежна с дер. *Бученба*, а последняя – с деревнями *Тогашево*, *Каракчей Кабан*, *Селик Кабан* и *Старый Кабан*.

Ближе к Волге расположены были деревни: *Ковали*, *Отары Средние*, *Отары Большие* и *Отары Малые*. С Отарами были смежны дер. *Девлеткильдеево* (ныне Девликеево) и *Мамотяково*. С дер. Харибей смежны были пустошь *Ялмская* и дер. *Бол. Куюки*.

Этим мы кончаем обзор татарских селений, расположенных в самом устье р. Мешы и к северу между р. Мешей и Волгой и относящихся к Ногайской дороге.

На левом берегу р. Мешы мы уже указали Мансурово, Агач, Тойму и Другой Укречь-Култук. Теперь продолжим перечисление поселений на левом берегу р. Мешы, относящихся Ногайской же дороге.

Прежде всего надо отметить поселение *Лаиш* с пустошью *Юлдуз*. Мы не имеем достаточных данных, чтобы утверждать, что Лаиш был городом,

¹³⁹ Там же. Л. 207, 372, 376, 489–490.

¹⁴⁰ Из дер. Стар. Кулчук во второй пол. XVI в. от татарской деревни образовалась дер. Новый Кулчук (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 187–188).

¹⁴¹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 489.

имевшим крепость, т.к. на Ногайском перевозе через Каму господствовала крепость Укречь-Култук; наличие этой крепости уже достаточно, чтобы отнести селение Лаиш к большому феодальному центру сельского типа с большим количеством полоняников, которые в Лаишеве так и остались жить после Казанского взятия.

К северу от пуст. *Другой Укречь* находится дер. *Курманакова*, от нее вверх по р. Меше поместная дер. *Альгазы*, записанная в Семеновских книгах Нармацкого (1563 г.) за детьми феодала Нармацкого.

Недалеко от этой поместной деревни были деревни служилых татар, *Куюки* и *Нальгозя*.

Вверх по р. Меше в писцовой книге Д.Кикина указывается деревни *Салман* на р. Чашме, *Каип*, *Дертюли* на р. Каипе, *Салтыки*, *Бима Бурначеевская* и *Бима Бишнякова*.

На р. Чирпе расположены были дер. *Чирпа* и *Смолдеярово*.

На р. Буртыке известны дер. *Бурты*, *Евлушей*, *Мал. Куюк* и пустошь *Кармачи*.

На р. Брыси отмечаются деревни, *Булгак*, *Балахчая*, *Челмаки*, *Икимен*, пустошь *Шигали*, дер. *Тевкечь* и старое селище *Тургаево*. Вблизи от них называются деревни *Ликеево*, *Именкеска*, *Кудышева*, *Янтык*, *Кабищева*.

Далее на восток по р. Шуранке необходимо отметить деревни *Большая Елга*, *Малая Елга* и недалеко от них дер. *Шуран*, известную по карте Казанского ханства и по писцовой книге Д.Кикина.

По р. Ошняку расположились деревни: *Яушева*, *Брынка*, *Большой Ошняк*, *Ошняк Малый*, *Бахтиярова* и *Бол. Салтан*, пустошь *Ячи*, дер. *Черемша* и *Улылая* (Алыкная) за р. Ошняком. Неподалеку от дер. Улылая упоминаются деревни *Тарлы* и *Лиски* – татарские дворцовые или ханские.

На р. Ирге, притоке р. Ошняк, писцовые книги упоминают деревни *Туллуш Шетнева*, *Уча*, *Чандырева* и *Чочурча*.

На р. Бетке расположены деревни *Анатыш*, *Бетка*, *Апшейка*, *Янчиково* (Яншихово), *Байтеряково*, *Мекеева*, *Арыш* и *Меретьяки* (Мереть).

На р. Салтане, притоке р. Бетки можно указать деревни *Салтан Мал.*, *Ахча*, *Кузебердеево*, *Атмас Большой*, *Атмас Малый* и *Салтаналей*. Несколько восточнее устья р. Бетки упоминается дер. Урай.

По р. Суше (Шуша) упоминаются деревни *Урахча*, *Кульга*, *Кадибердеева*, *Кугарчино*, *Шуни*, *Темерлик Большой*, что было село «чувашское», т.е. ясачное Кучака Атмутова с товарищами (№ 643, № 233), *Енсубино*, *Бердыбекхан*, дер. *Балтачи* и *Ямашева*.

По р. Шумбуту в нижнем течении поселений не было, но там, где река поворачивает к югу писцовая книга № 153 отмечает целый ряд селений во главе с *Челлинским городом*, который существовал до «Казанского взятия». Вокруг этого города указаны дер. «*Верхние Чаллы* (скорее всего Уреевы Челны) и *Нижние Чаллы* (по-видимому, Тябердины Челны); недалеко от них *Ис-*

ки-Юрт (в рукописи Биюрт), *Болгузино* (или Кучуковы Челны; в рукописи Налгозя). Дер. *Шигизда* (Верхнее Шейх-Заде), *Мосляк* и *Ст. Мамли*».

Кроме того С.М. Шпилевский указывает на существование дер. *Кутлубукашевых Челнов* и *Пимерь*¹⁴². Все селения по р. Шумбуту писцовая книга № 153 относит к Зюрейской дороге. Это мы должны принять во внимание, но все же целесообразнее считать их в составе Ногайской дороги, как и прочие перечисленные селения, расположенные в бассейнах малых притоков р. Камы по правому берегу. По р. Берсут луговые книги отмечают деревни *Берсут* и *Кулуши*¹⁴³.

Всего на Ногайской дороге мы определили 149 татарских поселений, что говорит о значительной плотности населения по берегам рек Волги и Камы.

Зюрейская дорога начиналась от г. Казани. В район этой дороги входили поселения по р. *Ноксе* и *Киндерке*, в том числе: дер. *Бежболда*, *Тавель*, *Сия*, *Ачи*, *Салмачи*, *Енгильдеево*, *Сафарова*, *Бол. Клыки*, *Мал. Клыки*, *Самосырово*, *Абызазова*, *Кошак-Улановская* пустошь, *Чебакса*, *Бол. Естачи*, *Исамова*, *Амангозя* и *Мал. Естачи*. Писцовая книга упоминает на Ноксе *Большие* и *Меньшие Тебек-Коза*¹⁴⁴.

По р. Шемеле и вблизи: *Агиши*, *Шигали Бол.* и *Шигали Мал.*, *Шихазда Бол.*, *Шихазда Мал.*, *Кебек-Черемыш*, *Дертюли Бол.*, *Дертюли Мал.*, *Арышхазда*, пустошь *Абда*, дер. *Кулаева* и пустоши *Копшак* и *Буетырь*.

По р. Ушне расположены деревни: *Черемша*, *Кишкильдеево*, *Елань Бол.* и *Елань Мал.*, *Енасалы*, *Черемыш*, *Кадылы*, *Карамышево*, *Пестрецы Бол.* и *Пестрецы Мал.*, *Иске-Юрт*, *Селенгуши*, а несколько южнее *Шали Бол.* и *Шали Мал.*

Вниз по речке Ия были деревни: *Кадыш*, *Штырь*, *Ия Верхняя*, *Ия Средняя*, *пуст. Кирды Бахтина*, дер. *Ици*, *Ия Нижняя*, *Мемеры Бол.*, *Средние* и *Меншие*.

По реке Нурме на правом берегу указаны деревни: *Кебеш*, *Сюнели*, *Курдаш* и *Кобяково* и на левом: *Кулсары*, *пуст. Ярмушевская*, что была пустошь Ярмуша князя на р. Урсенове¹⁴⁵, деревни *Енасала*, *Сарыева*, *Венета*, *Иштерак*, *Ишери*, *Сия*, *Бол. Терезулово*, *пуст. Кукчу-Куюк*, дер. *Елагино*, *Тавель-Ходяшево*, *пуст. Боршло* (в рукописи Воршло), дер. *Ащерма Верхняя*, *Ащерма Нижняя*, *Пимери*, *Нурма Бол.*, *Нурма Мал.*, *Альведино*, *Юнусово*, *Енгурча*, *Отрячь*, *Чита* и дер. *Ст. Яштери*¹⁴⁶.

По р. Сие надо отметить дер. *Сию*, *Насырево*, *Кибиды Малые*, *Кебичи*, *пуст. Маамет*. Южнее через р. Мешу была дер. *Серди Старые*. На восток от *пуст. Асановой* – дер. *Ковали*.

¹⁴² Шпилевский С.М. Древние города и др. болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1887. С. 416–421.

¹⁴³ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153.

¹⁴⁴ Там же. Кн. 643. Л. 374.

¹⁴⁵ Там же. Л. 285.

¹⁴⁶ Там же. Л. 314.

Вверх по речке Нырсе, прежде всего, нужно указать дер. *Нырсы Варзи* (Нырсывар), затем *Таутермень*, *Толкишь* (Толкияз), *Шебулатово* и деревни *Казыли Верхние*, *Казыли Средние* и *Казыли Нижние*.

Далее вверх по р. Нырсе: деревни *Шатки*, *Нырса*, *Карабаян*, а в верховьях р. Нырсе *Арняш* и на сев. западе *Савруши Малые* и *Савруши Большие*.

От р. Нырсы вверх по р. Меше на левом берегу деревни *Шармаши*, *Юсокочи*, *Зюри*, *Меша*, *Баландыш* и *Корби*. По правому берегу р. Меша отмечены деревни *Шинар Бол.*, *Шинар Мал.*, *Кибяк-Кози*, *Тулумбаево*, *Ясачная*, *Тюлячи*, *Кска*, *Карашерма*, *Кукча* и *Балыкли*.

По р. *Тямте* указываются деревни: *Бол. Кибяк-Кози*, *Мал. Кибяк-Кози*, *Трюк-Тямти*, *Тямти-Метески*, *Метески Верхние*.

Арская дорога располагалась по реке Казанке и по сторонам ее, расширяясь к северо-востоку. Центром Арской дороги являлся гор. Арск; видимо так было и до «Казанского взятия». Если направляться вверх по Казанке, то первым населенным пунктом ее были две деревни *Кульсеитова*, *Бурнашева*, три деревни *Шаши*, дер. *Ямчурина* и пустошь *Шашиа Кабиковская*. Далее следует деревни *Клетни*, *Ямашурма*, *Ацерма*, *Сосмаги*, *Урмат*, *Куркачи*. За ними дер. *Иски Казань*, *Камаева*, *Чурилино*, *Бурнаш*; *Урсек*, *Бужа*, *Чулланово*, *Качкля* и *Хайван*. Все эти деревни расположены по левому берегу р. Казанки до гор. Арска.

На правом берегу р. Казанки Арской дороги деревни: *Бимерь Мал.* и *Бимерь Бол.*, *Бирюли*, *Айша Мал.*, и *Айша Бол.*, с пустошью *Арпа*, деревни *Ковали*, *Тимерчи* (Чамарчи), *Кишметево*, *Абзабар*, *Епанчино*, с пустошью *Красной*, *Морлы*, *Серда Бол.* и *Серда Мал.* Арской же дороги были деревни *Арняш* (Урнашбаш), *Аты Верхние*, «что была у казанского Шейсупа князя» и *Аты Сред.*, *Метески Бол.* и *Метески Мал.*, деревни *Мемеры*, *Наласы*, *Айша*, *Моллы* и *Тюбяк*. По правому берегу Казанки выше г. Арска упоминаются деревни *Утня*, *Азяк*, *Кырлай*, *Пишалым*.

По левому берегу реки Казанки называются деревни: *Ирек*, *Бимеры*, *Казанбаши*, *Турнали*, *Кутюк*, *Кармыш*, *Метески*, *Казыли*.

По левобережному притоку р. Казанки по речке Кисьмесь можно отметить деревни *Сизу*, *Кисмесь*, *Чурилино*, *Мурали*, *Бол. Муй*, *Мал. Муй*, *Масра* и *Корса*, *Тюбяк-Чекурча*, *Наураз* и *Хозяшево*.

По реке *Малой Меше* дер. *Ишей*, а по р. *Бол. Меше* деревни *Мингерь*, *Измя* и *Кутернесь*.

Довольно много селений отмечается по р. Шошме: дер. *Каратай*, *Тоузар*, *Карадован*, *Нурма*, *Салаусь*, *Янгул*, *Бурнак*, *Кучук*, *Смаил*, *Турья*, *Ирюк* и *Гоньба*.

По р. Ошторме упоминаются дер. *Байлангар*, *Каинсар*, *Аман*, *Ошторма*, *Люга*, *Деук*.

На р. Вятке часто отмечается дер. *Шунь Нижняя*. Кроме того к Арской же дороге отнесены марийские волости *Малмыж*, *Кетек*, *Пюр*, *Вошторма-Кукмар*, и волость *Кукмор*.

К северу от Арской дороги была *Алатская дорога*. Она начиналась от самого гор. Казани. Дер. *Алметева, Сеитова, Аки, Киндери, Дербышки, и Тевелди* начали эту дорогу, но в писцовых книгах и Д.Кикина и И.Болтина и в дозорных 1616–1619 гг. мы не найдем отнесения этих деревень ни к Алатской дороге, ни к Арской. Пришлось сначала определить район Арской дороги и механически отнести эти деревни к Алатской.

На левом берегу р. Казанки к Алатской дороге необходимо отнести деревни *Кадышево, Трое Отары*, пустошь *Вырга* (Выгорь, Высокая горка), пустошь *Енгильдеева*, деревни *Вишня, Караккозя, Утянгуш, Яки, Сейтяк, Мозяр, Чируча, Ертуш* (Юртуш). В том же районе марийские волости: *Нали, Кукмор, Бигишна, Рясь*.

По р. Солонице и Саинке: дер. *Коймар-Мамыш* и пуст. *Каймар*, дер. *Изупози, Бимерь Мал., Сеитляр и Тура* (Турба), пуст. *Абдылы*, дер. *Алдермыш, Ибра, Бол. и Мал. Ковали, Мамедели, Чуваш, Айбаш*.

По речке Сае и Инса деревни: *Чаркас, Сая, Саиря*, пустошь *Ячи-Мельдешевская*, дер. *Ялмалы*, которая смежна с дер. *Бимерь* Арской дороги. К северу по р. Суле: *Мушиева, Чуразина, Инсичурина, Инса Мен.*, пуст. *Сулешиба* и дер. *Абла, Чириш, Тохтамыш, Дубьяз* (Тибяз), еще севернее *Алаты Бол., Алаты Мал., Верески Мал. и Верески Бол., Шукоти, Енгильдеева, Сулабаш, Комаргузя, Аязы, Баирли, Чириш, Шумани, Тохтамыш, Айша, Девлизерево, Крылай и Унба*. Недалеко от них деревни: *Епанчино, Турукляр, Урсек, Кошлауш, Урняшбаш, Чорашево* и *Мал. Атня*. К северо-востоку от них дер. *Буркаш, Юбаш-Яваш*.

По р. Ашиту названы деревни: *Березя, Атамыш, Айшияз, Кубян, Кошар, Мокша, Ашитбаш, Атар, Айша, Кинер, Сюрда, Уфа, Узюм, Мамыш, Унжа*. По реке Семиту, притоку р. Ашита, упоминаются дер. *Бол. Атня, Менгер, Кишит, Мал. Крылай, Кшкар и Семит*.

По р. Илеть указаны марийские волости: *Марку, Чукиша, Илеть*. По реке Шаре, притоке р. Илети указаны деревни *Шора* (в рукописи Шоя).

Была еще Галицкая дорога, ведущая на гор. Галич, но писцовые материалы XVI и нач. XVII вв. объединяют ее с Алатской дорогой. Лишь оброчные книги за луговые угодья вполне определенно указывают, что по Галицкой дороге числились марийские волости: *Бет-Кукморы, Пинжан-Кукморы, Карамас, Яран, Коркет*, волость *Морки, Шали, Кундуш-Черанур* и волость *Муморы*.

По всем дорогам Казанского уезда в его центральной части мы указали 504 населенных пункта с названиями татарскими и марийскими. Как уже обратил внимание на это Ш.Мухамедьяров¹⁴⁷, владения казанских татар – служилых людей Русского государства, оставались за ними со времен «Казанского взятия» (1552 г.), а у некоторых были и до «Казанского взятия»¹⁴⁸. Многие служилые татары получали землю вместо денежного жалованья

¹⁴⁷ Изв. КФАН. Сер. гум. наук. Вып. 2. Казань, 1957. С. 192–193.

¹⁴⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 3, 9–10, 18, 24, 35, 46, 84, 144, 178.

в 60-х годах XVI века «по выписям Казанской дачи 7071, 7073, 7084 года», а большинство имело или «старый жеребий», или жеребий «деда его», или брата, или отца, или племянника и дяди. Так в дер. Именкеске (ныне Именьково) земля служилого абыза Ишея Илчебекова раньше была за отцом его, а до отца – за служилым Теребердейком. Некоторые владения служилых татар раньше были за татарами-ясачниками, как этого говорить о земле Баиша Байчурина в дер. Мал. Куюках¹⁴⁹.

В результате многолетних военных действий многие татарские селения запустели совершенно, из многих деревень часть населения разбежалась, но после войны татарское население частично вернулось на свои земли. Эти земли стали уже государственными, переписчики их взяли на учет, если на них хотя бы в малой доле оставалось население, которое сохранило и название поселений. Это же население указывало, очевидно, и наименование пустошей, которыми потом администрация стала «верстать» служилых людей – и русских и татар.

Во второй половине XVI века образование поселений на целинных землях было большим исключением, как, например, дер. Подсеки или Кузьмине Займище на р. Киндере: прежде всего население тянуло на давно обработанные земли, но вследствие военных действий запущенные в перелог. Так Д.Кикин в 60-х годах XVI века записал пустошь Воршло, которая через несколько лет стала деревней (ныне Воршло), также пустошь Кобяковская стала деревней Кобяковой. Такие названия, как дер. Серди, мы не выписали на карту, так как можно предполагать, что эта деревня возникла после завоевания.

Писцы второй половины XVI века и начала XVII века за р. Каму не ездили для переписи государственных земель, так как за р. Камой населения было мало: за р. Камой часто «летовали» ногайцы со своими стадами. Это положение твердо установилось в исторической литературе с древних пор. Тем не менее, нельзя считать, что Закамье было совершенно безлюдной пустыней. В «Актах исторических» С.Мельникова, мы узнаем из челобитной 7185 (1676 г.), что и «в прошлых годах до казанского взятия исстари построен был басурманский город *Балымеровский* за Камой рекой, а в нем был царь Балым-Гозя». Когда он умер татарский царь Сафаралей похоронил его, построил над ним палату каменную и велел жить у той палаты вместо сторожей татарам Барямгоске да Тюлянчику Шихкамаловым с товарищами шести человек, чтобы они палаты у той были беспрестанно и жили дворами и тое палатку стерегли. И жили они на белой земле и, живучи, всякими угоды владели. И после де Казанского взятия он, Барямгоска с товарищами, а та де палата без строения развалилась. И по указу вел. государя тое палату построили они снова. А после их, Барямгоски, остались средники их.

В том же 7185 году били челом *Булярского* городка пятидесятники и десятники все рядовые стрельцы о наделении их землей. Переселившись из Ахтачинского острога в Биляр для сбережения от приходу воинских людей, они

¹⁴⁹ Изв. КФАН. Сер. гум. наук. Вып. 2. Казань, 1957. С. 192–193.

заняли часть татарских земель (третье поле), что вызвало возмущение местного населения. Это было в 1654 году. Из-за этого был послан в Биляр Артемий Перепилицын отвести землю стрельцам, а ясачных татар поселить «на пустые на ясачные степные земли, которые есть поблизку нынешние их усадьбы»¹⁵⁰. Следовательно, если в Билярске все время жили татары хотя бы в небольшом количестве после Казанского взятия, то тем более мы не имеем никаких оснований считать, что в Биляре никого не было до Казанского взятия. Таким образом, и *Балымер* и *Биляр* имели татарское население и до и после Казанского взятия.

Очень крупное владение со второй половины XVI века имели Яков и Федор Асановы по реке Уреню – *Атабаевский луг* с деревнями *Ботьма* и *Старая Майна*. Яков Васильевич Асанов получил на это владение грамоту 7105 (1597 г.), по которой он унаследовал от отца своего, служилого татарина, бортный ухжей, бобровые гоны и рыбные ловли за Камой рекой по Ногайской стороне, ниже Тетюш, и по Майне реке. Еще подробнее дает сведения об этой вотчине писцовая книга И.Болтина 1603 г.: «бортный ухжей и бобровые гоны и рыбные ловли за рекой за Камой по реке по Волге и на Ногайской стороне по Самарской дороге ниже Тетюш, по Майне реке Атабаевский луг, по речке по Уреню по вершину да к Малому бору и по дубровник и по Волгу реку, а по Волге реке на низ от Маинского устья: нижняя межа по Красный Яр – повыше Синбирского городища, а верхняя межа по Майне реке по нижнюю сторону (т.е. по левую) вверх и по тем урочищам бобровые гоны и рыбными ловлями и санными покосами владеет сам князь Яков: рыбу ловят и бобры гоняют на нево его князь *Яковлевы люди*, а бортной ухжей и по записи 1597 года отдает он на оброк Свияжскому уезду с горные стороны «чуваше» Якушу да Курмашу Мулозяковым да Бускею Кудай Мазит Девлетбахтееву, а оброку Якушко с товарищи с тех знамен князь Якову по записи платят 18 батман: за восемь батман деньгами 5 руб. 6 алт. 4 деньги – за батманы по 21 алтыну по 4 деньги – да медом дают 10 батман»¹⁵¹. Мы привели эту выдержку из писцовой книги, чтобы показать на обширность владений и на большой доход, получаемый Асановым. Кроме того, эти угодья, если были в постоянной эксплуатации татарских служилых людей во второй половине XVI в., то тем более это надо иметь в виду «до Казанского взятия». Писцовая книга говорит о том, что только бортный ухжей эксплуатировался наездом, т.е. приходящими людьми, а, следовательно, тут было достаточное количе-

¹⁵⁰ Мельников С. Акты исторические. С. 179–185. Совершенно не понятно, как мог С.Мельников, а за ним и С.М. Шпилевский признавать тождественность названий Балымер – Булымер – Балымай и Билярск – Буляр – Бюляр. Одна группа относится к Балымеру, а другая группа названий – к Билярску (Шпилевский С.М. Древние города. С. 306–307).

¹⁵¹ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 642. Л. 55–56; Тр. I АС. 1869 г. С. 555; История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 169.

ство населения, постоянно живущего и до и после взятия Казани, с помощью которого убирались луга, ловили рыбу и пользовались лесами.

От дер. Батьмы к северо-востоку есть дер. *Кандала*. Г. Перетяткович считает, что она основана русскими крестьянами в конце XVII в. Это совсем не так. С конца XVII в. сюда действительно наблюдается большой приток русских крестьян. Это верно, но приходили они уже на давно обжитое место, где жили после Казанского взятия ясачные татары, а до 1552 года здесь было население значительно больше¹⁵².

На р. Утке давно уже известно старое татарское городище *Кокрять* и *Алан*, где после Казанского взятия добывали селитру¹⁵³.

Необходимо указать еще на один уголок бывшего Казанского уезда, который был освоен татарами, за которыми он оставался и после «Казанского взятия», это на р. *Иж Терсиновская волость*, которая была в вотчинном владении Ишкея Мурзы князя Багишева сына Яушева да Карамаметя мурзы Доскеева сына Яушева. Эти данные мы имеем из переписной книги 7154 (1646 г.)¹⁵⁴. Но так как эти владения представляют собой вотчину Яушевых, то древность возникновения ее восходит к той половине, когда определилась уже лояльная государева служба Яушевых и дала многозначительный результат. Немного сомнений в том, что вотчинные права на Терсинскую волость после 1552 г. основывались на традициях вотчинных порядков, существовавших до «Казанского взятия».

Самым крупным селением этой волости была дер. *Терся*, имевшая татарского населения около 40 дворов и более 130 душ мужского населения в половине XVII века. До Казанского взятия населения было значительно больше. Значительно меньше размером были деревня *Агрыз* и дер. *Аккозина*, но и они имели татарское население.

Наконец, мы должны учесть то, что сделано И.А. Износковым, и несколько селений Мамадышского уезда, основанных еще до завоевания Казани включить в карту селений Казанского ханства. Это деревни *Айдарово*, *Субаиш*, *Кирмени*, *Кузгунча*, *Кукмор*, *Кукморы*, *Сабабаиш*, *Киндеркуль*, *Нагашева*, *Омара*, *Уразбахина*, *Сатыш*, *Тулбаево* и *Шеморбаиш*¹⁵⁵. Все эти селения основаны еще до Казанского взятия.

Необходимо указать также на обширные владения татар по Чепце, впадающей в р. Вятку, и владения Параньгинских татар в нынешней Марийской Республике. Кроме того, мы мало имеем исторических материалов по татарским селениям среди башкирских земель между рр. Иком и Уфой, между рр. Уфой и Белой, а они уже были «до Казанского взятия».

¹⁵² Перетяткович Г. Поволжье в XVII в. Ч. 2. Одесса, 1882. С. 269, 282–285, 301–305, 311.

¹⁵³ Тр. I АС. С. 540–542.

¹⁵⁴ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6445.

¹⁵⁵ Износков И.А. Список населенных мест Мамадышского уезда. Тр. IV АС в Казани. Т. 1. С. 116–148.

Следовательно, по левому берегу р. Волги в Казанском уезде уже намечается более 500 названий деревень и волостей, бывших в пределах Казанского ханства.

Свияжский уезд второй половины XVI века представлен писцовой книгой того же Д.Кикина 1565–1567 гг.¹⁵⁶ Чтобы полнее охватить селения с татарским населением, мы принуждены были дополнить данные Д.Кикина XVI века сведениями из переписной и перечневой книги А.Племянникова и И.Фадеева 1646 г.¹⁵⁷, которая содержит много данных по дворцовым деревням.

Татарские селения на правом берегу р. Волги очень густо освоили бассейны р. Свияги. В четырехугольнике, образуемом р. Аниш, Волгой, Свиягой и Арей мы можем отметить целый ряд татарских деревень.

Шигозданы	Сустатово	Бол. Ширдан	Юрты
Бол. Кошлауш	Аралово	Мал. Ширдан	Сюлемень
Тохтамыш	Ширдан	Именева	Кочемир
Мал. Кошлауш	Кугушева	Девлезерово	Чатеево
Луба	Албаба	Ураспуги	Янгильдино
Бол. Ходяшево	Алишево	Ачасыри	Другая Именева
Асаново	Баджюг	Альменево	Кирмерлин
Мал. Ходяшево	Бол. Ачасыри	Алыш	Хадарово
Бежбатмен	Таулина	Бускей	

Много деревень было по р. Кубне и Бирле:

Моллино (Молвино)	Семикей	Сундяково	Тояба
Нурлат	Бол. Итяково	Ардатово	Нороваш
Булат	Мал. Итяково	Каратам	Темишево
Кучеево	Бузаева	Маматыш	Турмыш
Исламово	Чирпаева	Таниаво	Кармалы
Бакарчи	Мал. Кушман	Киншелей	Чутеева
Кудаш	Урусева	Тегешева	Кулчук-Кулчуги
Мурат	Налитева	Асюнева	Куштова
Кичкелей	Каинки	Алдиярово	Чечкаб
Багашево	Кушман	Бол. Кайбицы	Бурты
Кубузево	Сатламыш	Мал. Кайбицы	Мурали
Бурундук	Азбаба	Куланга	Шушерма
	Азелеево	Наратлы	Кулабердин
			Индырчи

По реке Большой и Малой Буле располагались селения:

Байбахта	Девликей	Каменный брод	Кульгун
Сюндюр	Лаци	Наратбаш	Бурнаш
Яльчики	Кушелга	Бишево	Кильдураз
Биабаш			

¹⁵⁶ ЦГАДА. Писцовая книга Свияжского уезда. № 848.

¹⁵⁷ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6447.

По р. Карле: дер. Карабай-Чемурша, д. Айтурган; по р. Цильне д. Алыш, по р. Улема: д. Янговат, Колучин, Негасов, Атар, Киять. Далее вниз по р. Улеме идут деревни: Баталык, Шемяка, Льяшево, Ямбухтин, Атряс Бол., Юмралы, Ивряз, Ишеево, Танаево, Енали, Табор, Калелеп, Барыш, Альмен-деревно и Шонгут.

По р. Сухой Улеме расположены деревни: Бикей, Барыш, Казево, Эликеево, Качиево, Болгояр, Каирев, Бускеево, Болтачи, Салтыганово, Сюкеево, Шалахола, Менситово, Капердено, Сарбогози, Клери, Стар. Бургас, Бургас, Атабаево.

Ближе к Волге дер. Ишей, Енасалы, Кира, Салтыки, Уразлино, Коротай, Янтики.

По р. Сулице можно отметить такие деревни: Киншелей, Теребердей, Моркваш, Шигалей, Бурнаш, Танайцево, Конбарово, Сеитово, Ташкабак, Стар. Маматкозино, Маматкозино, Кильдеево, Едигерева, Шеланга, Большой и Малый Коклей, Теньки, Булчикле.

Необходимо отметить дер. Ундор, и Уланово на 30 верст выше по р. Волге от Синбирского городища.

Следовательно, не считая Синбирска, только деревень насчитывается на правой стороне р. Волги 196 селений, которые, очевидно, существовали во время Казанского ханства.

Если же принять во внимание и Казанский уезд XVI в., то общее число селений, которые можно отнести к Казанскому ханству, составляет *700 деревень*, в подавляющем большинстве которых жили татары.

Список населенных мест периода Казанского ханства

Казанский уезд

1. Абда, пуст., Зюр. дор. (к дер. Арышхазда), I¹⁵⁸.
2. Абдула – Абдылы, дер., Алат. д., (около Тамчи Мелдешева), I.
3. Абзебар. дер., Арс. д., III.
4. Абла, дер., Алат. д., (близ дер. Чирши), I.
5. Абызасова, дер., Зюр., д., (на рч. Ноксе), I.
6. Агайбаш, дер., Ног., д., (на р. Меше), I.
7. Агач-Агаи-Опач, сел., Ног. д., (вблизи дер. Тоймы), I.
8. Агиш, дер., Зюр. д., I.
9. Агрыз, дер. Зюр. д., I.
10. Азяк-Озяк, дер., Ар. д., III.
11. Аки, дер., Ал. д., (на рч. Киндере), I.
12. Аккозина, дер., Зюр. д., (около дер. Терси), V.
13. Ахча, дер., Ног. д., III.
14. Алат Малый, дер., Алат. д., III.

¹⁵⁸ Римские цифры означают источник, список которых прилагается в конце.

15. Алат Средний, дер., Алат. д., III.
16. Алдарово-Айдарово, дер., Ар. д., I.
17. Алдербыш-Алдермыш, дер., Ал. д., I.
18. Алкеева, дер., Ног., д., (в Закамье), X.
19. Алметева, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
20. Алпарова, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
21. Алыкная-Улылая, дер., Ног. д., за р. Ошняком, I.
22. Альведино, дер., Зюр. д., III.
23. Альгоза – Нальгозя, дер., Ног. д., на р. Меше, I.
24. Аман, дер., Ар. д., на р. Оштарма, I.
25. Амангозя, пуст., Зюр. д., (припущена к дер. Клетни с дер. Агиш), I.
26. Аметева, дер., Ал. д., I.
27. Анатыш – Онаташ, дер., Ног. д., на р. Бетке, I.
28. Арняш, дер., Зюр. д., III.
29. Арпа пуст., Ал. д., (около дер. Енмалы), I.
30. Арск, гор., на р. Казанке, XV.
31. Арыш, дер., Ног. д., на рч. Бетке, IV.
32. Арышхазда, дер., Зюр. д., I.
33. Астрахань, дер., Ног. д., (на Лихом болоте), I.
34. Атабаева – Табаево, дер., Ног. д., на р. Каме, VII.
35. Атня Большая, дер., Ал. д., III.
36. Атня Малая, дер., Ал. д., IV.
37. Аты Средние, дер., Ар. д., V.
38. Аты Верхние, дер., Ар. д., на рч. Ате, I.
39. Атрыс – Отрячь, дер., Зюр. д., III.
40. Ачи, дер., Зюр. д., на рч. Ноксе, I.
41. Ашит (Старый) дер., Ал. д., IV.
42. Ашияз – Айшияз, дер., Ал. д., IV.
43. Ашерма – Яштери – Яшурма, дер., Зюр. д., I.
44. Ашерма Большая, дер., Зюр. д., I.
45. Айбаш, дер., Ал. д., III.
46. Айша, дер., Ар. д., I.
47. Айша Нижняя, дер., Ар. д., III.
48. Айша Верхняя, дер., Ал. д., III.
49. Айша, дер., Ал. д., (около деревень Баирли и Крылай), I и III.
50. Аязы, дер., Ал. д., на рч. Суде, I.
51. Баирли – Бирли, дер., Ал. д., на р. Суде, III.
52. Баландыш, дер., Зюр. д., IV.
53. Балахчая – Балыхча, дер., Ног. д., (около дер. Булчак), III.
54. Балыкли, дер., Зюр. д., на р. Тямте, III.
55. Балымеры, дер., Ног. д., X.
56. Бахтеярова, дер., Ног. д., на рч. Салтане и Мал. Ошняке, I.
57. Байлангар, дер., Ар. д., VIII.
58. Байчуги – Бачаги, дер., Ног. д., III.
59. Бежбалда, дер., Зюр. д., I.
60. Бекечи – Кибяч – Азенево, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.

61. Бердыбек, дер., Ног. д., IX.
62. Березя, дер., Ал. д., IV.
63. Берсут, дер., Ног. д., VII.
64. Бетки, дер., Ног. д., на рч. Бетки, I.
65. Бетьки, дер., Зюр. д., на р. Каме у Елабуги, V.
66. Билярск, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
67. Бима Бурначеевская (ныне Бима), дер., на рч. Биме. I.
68. Бима, (Вишнякова), дер., Ног. д., (смежна с дер. Каип), I.
69. Бимерь, дер., Зюр. д., III.
70. Бимерь Большая, дер., Ар. д., I.
71. Бимерь Тавелева, дер., Зюр. д., III.
72. Бирюева, дер., Зюр. д., на р. Нурме, I.
73. Бирюли, дер., Ар. д., на р. Казани, I.
74. Битаман, дер., Ал. д., III.
75. Бишня – Бишина, дер., Ал. д., IV.
76. Богана Старая, татарская, дер., Ног. д., за р. Камой, X.
77. Болтачи – Болтачева, дер. Ног. д., IV.
78. Боршли – Воршло, пуст., Зюр. д., (к дер. Кадыли), I.
79. Брынка – Брум, дер., Ног. д., на р. Ошняка, VII.
80. Бужа, дер., Ар. д., III.
81. Булчак, дер., Ног. д., на р. Брыси, III.
82. Бурен, дер., Ар. д., на р. Вятке,
83. Буркаш, дер., Ар. д., III.
84. Бурнакова – Бурнак, дер., Ар., д., (вблизи р. Вятки), VIII.
85. Бурнашево, дер., Ар. д., на р. Киндере, III.
86. Бурнашева, дер., Ног. д. I.
87. Бурты (ныне Бутыри), дер. Ног. д., на р. Буртыке, I.
88. Бустырь, пуст., Зюр. д., (близ Мал. Шигалеево), I.
89. Бученба, пуст., Ног. д., к дер. Тогашевой, I.
90. Венета, дер., Зюр. д., на р. Нурме, I.
91. Верески, дер., Ал. д., III.
92. Верески Малые, дер., Ал. д., IV.
93. Выгарь – Высокая гора, пуст., Ал. д., I.
94. Гонба – Гоньба, дер., Ар. д., I.
95. Девук – Деук, дер., Зюр. д., VIII.
96. Девлезеровская, пуст., Ал. д., на рч. Умбе на Сайре, I.
97. Девлеткильдеево – Девликеево, поч., Ног. д., I.
98. Дербышки, дер. Ал. д., на р. Казани, I.
99. Дертюли (позже дер. Чемодурова), дер., Ног. д., на рч. Каипе, I.
100. Дертюли, пуст., Ног. д., на рч. Бетки, I.
101. Дертюли, пуст., Зюр. д., на рч. Нырсе, I.
102. Дертюли Большие, дер., Зюр. д., на ручье р. Шемелка у р. Меши, I.
103. Дертюли Меньшие, дер., Зюр. д., на рч. Шемелке, I.
104. Евлушай – Евлушейк – Лушейка, дер., Ног. д., III.
105. Елабуга – Алабуга, дер., Зюр. д., на р. Каме.
106. Елагино – Ялаг-иле, дер., Зюр. д., на р. Нурме, VII.

107. Елань, дер., Зюр. д., на р. Ушне, I.
108. Елга Большая, дер., Ног. д., III.
109. Елга другая, дер., Ног. д., IV.
110. Елшейков, поч., Ног. д., (около дер. Торлаши), I.
111. Енасала (ныне Кукушкино), дер., Зюр. д., I.
112. Енасалы – Янасал, дер., Зюр. д., на р. Нурме, (в рук. на Ар. д.) I и III.
113. Енгильдеева – Янгильдеева – Ангильдеева, дер., Зюр. д., на р. Ноксе, I.
114. Енгильдеевская, дер., Ал. д., на р. Суде смежна с дер. Сеитляром, I.
115. Енгурчеева, дер., Зюр. д., III.
116. Енмалы, дер. Ал. д., на р. Суле, I.
117. Енсубино (ныне Юлсубино), дер., Ног. д., (около Кутлубукаша), IV.
118. Епанчино, дер., Ног. д., на р. Меше, IV.
119. Епанчина, дер., Ал. д., III, V.
120. Ертуш – Юртуш – Ертусья, дер., Ал. д., III.
121. Ерыкса – Ярыкло, дер., Зюр. д., V.
122. Естачи Большие, дер., Зюр. д., на р. Киндерке, I.
123. Естачи Меньшие, дер., Зюр. д., I.
124. Жукотина, дер., Ног. д., на р. Каме XII.
125. Зюри, дер., Зюр. д., III.
126. Ибря, дер., Ал. д., III.
127. Изма, дер., Ар. д., IV.
128. Изупузи – Изупози, дер., Ар. д., на р. Казани, I.
129. Икимен – Якимен, дер., Ног. д., на р. Брыси (ныне дер. Маматова), I.
130. Икское устье, дер., Зюр. д., XII.
131. Илеть – Илнет, дер., Ал. д., IV.
132. Именкеска (Именькова), дер., Ног. д., III.
133. Инса, дер., Ал. д., I.
134. Инсечурина, дер., Ал. д., на р. Инсе, I.
135. Ирек – Ирюк, дер., Ал. д., V.
136. Исамова, пуст., Зюр. д., I.
137. Иски-Казань, дер., Ар. д., на р. Казани, I.
138. Иске-Юрт, пуст., Зюр. д., на р. Меши, I, III.
139. Иске-Юрт Другой, дер., Зюр. д., III.
140. Ишери, дер., Зюр. д., III.
141. Ишей Верхний, дер., Ар. д., III.
142. Иштерек, дер., Зюр. д., V.
143. Ищи, дер., Зюр. д., по р. Меше, I.
144. Ия Верхняя, дер., Зюр. д., III.
145. Ия Нижняя, дер., Зюр. д., I, III.
146. Ия Средняя, дер., Зюр. д., I.
147. Кабан, дер., Ног. д., I.
148. Кабан – Селик, дер., Ног. д., I.
149. Кабан – Каракчей, дер., Ног. д., I.
150. Кабан Старый, дер., Ног. д., I.
151. Кабаны Трое, дер., Ал. д., (около дер. Аметева), I.
152. Кадибердеево, дер., Ног. д., на р. Шуше (Суше), I.

153. Кабыли, дер., Зюр. д., (смежна с дер. Енасалы), I.
154. Кадышева, дер., Ал. д., на р. Соланице, I, IV.
155. Казанбаш, дер., Ар. д., III.
156. Казань, гор., I.
157. Казыли Верхние, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
158. Казыли Нижние, дер., Зюр. д., V.
159. Казыли Средние, дер., Ар. д., на р. Казанке, I.
160. Казыли, дер., Ар. д., на рч Казылке, I.
161. Каинсяр, дер., Ар. д., на р. Ошорме, III.
162. Каин, дер., Ног. д., на р. Каип, I.
163. Каирби, дер., Ног. д., III.
164. Кайбищева, дер., Ног. д., на рч. Брыси, I.
165. Каймар Большой, дер. Ар. д. на р. Казани, VIII.
166. Каймар Мамыш – Комар Малый Ар. д., на р. Казани, I.
167. Катаева, дер., Ар. д., I.
168. Камкина, дер., Ног. д., на р. Мал. Черемшане, X.
169. Канда, дер., Ног. д., за р. Камой, V.
170. Карадуван – Карадован, дер., Ар. д., V.
171. Карабулат – Карадули, дер., Ног. д., на р. Меше, I.
172. Караева, дер., Ног. д., I.
173. Карайшево, дер., Ног. д., на р. Меше, I.
174. Караккозя – Карагози – Кургузи, дер., Ал. д., III.
175. Карамас Большой, дер., Гал. д., IV.
176. Карамыш – Уланова, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
177. Каратай, дер., Ар. д., I.
178. Карашерма, дер., Зюр. д. (около дер. Тюлячи), VIII.
179. Кармачи, дер., Ног. д., на р. Буртыке (Бутырка), I.
180. Кармышева, дер., Ар. д., IV.
181. Кастерина, пуст. Зюр. д., на р. Меше, III.
182. Кебеш Большой – Кебечи – Кибечи, дер., Зюр. д., IV.
183. Кеземетева, пуст., Ал. д., I.
184. Кетек – Китяк, дер., Ар. д. (удмурское селение), III.
185. Кебечи Малые – Кебеч, дер., Зюр. д., III.
186. Кибичи Малые, дер., Зюр. д., III.
187. Кибяк-Кози Большие, дер., Зюр. д., III.
188. Кибяк-Кози Меньшие, дер., Зюр. д., III.
189. Кильдешева, дер., Ног. д., на р. Меше вблизи Укречь-Культ, I.
190. Киндери, дер., Ал. д., I.
191. Кирбы-Бахтинская, пуст., Зюр. д., на рч. Ковале, около дер. Ищи, I.
192. Кирмени, дер., Зюр. д., I.
193. Кисмесь-Кузмесь, дер., Ар. д., III.
194. Кичель-Качелина, дер., Ар. д., III.
195. Кишит Старый, дер., Ал. д., III.
196. Кишкилдеева, дер., Зюр. д., на р. Ушне, вблизи дер. Еланы, I.
197. Кишметево, дер., Ар. д., III.
198. Клетли-Клетни, дер., Ар. д., (смежна с дер. Бирюли), I.

199. Клык Средний (Малый), дер., Зюр. д., I.
200. Клыки, дер., Зюр. д., на реч. Ноксе, I.
201. Кобяковская, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
202. Ковали Большие, дер., Ал. д., IV.
203. Ковали Малые, дер., Ал. д., IX.
204. Ковали, (ныне Песчаные Ковали), дер., Ног. д., I.
205. Ковали, – Ташли, дер., Ал. д., III.
206. Кокрять-Алан, дер., Ног. д., I.
207. Кокчибаки, дер., Зюр. д., III.
208. Комаргиза – Кимаргиза, дер., Ал. д., III.
209. Копшак, пуст., Зюр. д., I.
210. Корби, дер., Зюр. д., на р. Меше, IV.
211. Коробан – Корабаян, Зюр. д., на рч. Нырсе, I.
212. Корса (Старая), дер., Ар. д., III.
213. Кошан, дер., Ног. д., III.
214. Кошары, дер., Ал. д., III.
215. Кошлауш, дер., Ал. д., VIII.
216. Кошак – Упаново, дер., Зюр. д., на рч. Ноксе, I.
217. Крылай Старый, дер., Ал. д., III.
218. Крылай Малый, дер., Ал. д., на р. Инсе, I.
219. Ксаир, дер., Ар. д., за рч. Уньбой, I.
220. Кска, дер., Зюр. д., V.
221. Кубян-Кубяк, дер., Ал. д., III, V.
222. Кучуряи – Кучарги, дер., Ног. д. на рч. Воряш, I.
223. Кудашева, дер., Зюр. д. на рч. Нурме, I.
224. Кудышева, дер., Ног. д., III, IV.
225. Кузгунча, дер., Ар. д., (р. Шия), I.
226. Кузембердей, дер., Ног. д., на рч. Салтановке, I.
227. Кукча, дер., Ар. д., I.
228. Кукчу – Куюк, пуст., Зюр. д. на р. Нурме, I.
229. Кулаево, дер., Зюр. д., на рч. Шемеле, I.
230. Кулмаметево, дер., Зюр. д., у Кабана озера, I.
231. Кулсары, дер., Зюр. д., (около пустоши Селенгуш), III.
232. Кулуши, дер., Ногайской д., III.
233. Кулчук (ныне Салатыково) дер., Ног. д., I.
234. Кульга Большая, дер., Ног. д., VII.
235. Кульга Малая, дер., Ног. д., VII.
236. Кульсеитово Меньшое, дер., Ал. д., в устье рч. Киндери, I.
237. Кульсеитово, дер., Ал. д., (в устье рч. Киндери), I.
238. Кумкечь, пуст., Ног. д., (около дер. Читаковой), I.
239. Куркачи, дер., Ар. д., (около дер. Урмат), I.
240. Курманаково, дер., Ног. д., на р. Меше, III.
241. Кутерней – Кутернесь – Кутюк дер., Ар. д., III.
242. Кучюковская, дер., Ар. д., III.
243. Куюк, пуст., Зюр. д., (дер. Бол. Естачам), I.
244. Куюк Большой, дер., Ног. д., III.

245. Куюк Малый, дер., Ног. д., III.
246. Куюк, дер., Ног. д., (между Каирби и Сарку Кадыш), IV.
247. Куюки, дер., Ног. д., (около дер. Дертюли), I.
248. Кшкар, дер., Ал. д., III.
249. Лаиш, Ног. д., I.
250. Ликеево – Лекеево, дер., Ног. д., I.
251. Лиски, дер., Ног. д., III, IV.
252. Люга, дер., Ар. д., (около дер. Псяк), VIII.
253. Маамет, пуст., Зюр. д., (около дер. Кебечи (Кибячи), на рч. Нырсе), I.
254. Малмыж (марийский) дер., Ар. д., III.
255. Мамадыш, дер., Зюр. д., VII.
256. Мамедели – Мемдели, дер., Ал. д., III.
257. Мамкеечевская, пуст., Ал. д., (около дер. Кубян), V.
258. Мамотякова – Мамоткова пуст., Ног. д., I.
259. Мамышева, дер., Ар. д., III.
260. Мараса, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
261. Масра, дер., Ар. д., (около дер. Корса), III.
262. Машляк – Мосляк – Мышляк, дер., Ног. д., на рч. Шумбуте, V.
263. Майна, дер., Ног. д., III.
264. Мамери, дер., Зюр. д. на ручье р. Нурмы, I.
265. Мамери Средние, дер., Зюр. д., I.
266. Мамери Малые, дер., Зюр. д., I.
267. Мекеева, дер., Ног. д., на р. Бетке, III.
268. Менгер Большой, дер., Ал. д., III.
269. Менгеры Старые, дер., Ал. д., III.
270. Мереть, дер., Ног. д., на рч. Бетке, IV.
271. Меретьяки, пуст., Зюр. д., на рч. Нырсе, I.
272. Метески Верхние, (Малые) дер., Ар. д., IV.
273. Метески Нижние, дер., Ар. д., III.
274. Метески Верхние, Зюр. д., III.
275. Метески Большие, дер., Зюр. д., III.
276. Метески, пуст., Зюр. д., (вблизи дер. Юскокчи), I.
277. Метески (Четвертые) дер., Зюр. д., (около Тямти Метески), I.
278. Меша, дер., Зюр. д., I.
279. Мешер, дер., Зюр. д., IV.
280. Миева, дер., Зюр. д., за р. Вяткой, V.
281. Мимет, дер., Ар. д., (против дер. Шунь, на р. Вятке), IV.
282. Мингерь, дер., Ног. д., на Лихом болоте, I.
283. Мингерь, дер., Ар. д., I.
284. Мозяр, дер., Ал. д., IV.
285. Мокша, дер., Ал. д., V.
286. Молнина – Моллы, дер., Ар. д., (около дер. Ниж. Айши), I.
287. Морлы – Морты, дер., Ар. д., за р. Вяткой, III.
288. Мурали – Мрали, дер., Ар. д., (около Меньшего Муя), III.
289. Муй Старый, дер., Ар. д., III.
290. Муй Малый, дер., Ар. д., III.

291. Мушиева – Мушаева – Мишавка, дер., Ал. д., III.
292. Наласы, дер., Ар. д., V.
293. Насырева, дер., Зюр. д., III.
294. Наураз, дер., Ар. д., III.
295. Нурма Малая – Мурма, дер., Зюр. д., I.
296. Нурма, дер., Зюр. д., (устье рч. Нурмы на р. Меше), I.
297. Нурма, дер., Ар. д., на р. Шошме, I.
298. Нурмабаш – Нурма, дер., Ар. д., (около с. Болтасы), VIII.
299. Нырса, дер., Зюр. д., на р. Нырса, I.
300. Нырсывар – Нырсовар – Нырсиварзи, дер., Зюр. д., III.
301. Омары, дер., Ног. д. на р. Каме, VIII.
302. Отары Меньшие (Задние), дер., Ног. д., на озере Глухом, I.
303. Отары, (Средние), дер., Ног. д., I.
304. Отары Большие, дер., Ног. д., на Долгом озерке, I.
305. Отары Трое, дер., Ал. д., I.
306. Отмас Малый, дер., Ног. д., IV.
307. Отмас Большой, дер., Ног. д., I.
308. Ошняк Большой, дер., Ног. д., на рч. Ошняке, I.
309. Ошняк Малый, дер., Ног. д., IV.
310. Ошторма, дер., Ар. д., VIII.
311. Ошторма – Кукмор Большой, дер., Ар. д., VIII.
312. Ошторма – Кукмор Малый, дер., Ар. д., VIII.
313. Ошторма – Юмтя – Юмья, дер., Ар. д., VIII.
314. Перевьы – Пелева, дер., Ног. д., III.
315. Пестрецы (Большие), дер., Зюр. д., I.
316. Пестрецы Малые, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
317. Пиголи, дер., Ног. д., (около Сабуголи), III.
318. Пимерь – Бимерь, дер., Ал. д., I, III.
319. Пинжан – Кукмор, дер., Ал. д., V.
320. Порат, дер., Ал. д., (в Марийской волости Пинжан-Кукмор), IV.
321. Сабабаш – Сабы, дер., Ар. д., VIII.
322. Сабуголь (ныне Сапуголи) дер. Ног. д., на озере Сабугол, I.
323. Савруш, дер., Зюр. д., III.
324. Савруш Малый, дер., Зюр. д., IV.
325. Салаусь, дер., Ар. д., III.
326. Салмае (ныне Маматово), дер., Ног. д., на рч. Чашме, I.
327. Салмачи, дер., Зюр. д., на р. Ноксе, I.
328. Салтан, дер., Ног. д., на рч. Мал. Ошняк при впадении ее в р. Салтань, I.
329. Салтаналей, дер., Ног. д., на рч. Отмас, около дер. Кузембердеевой, I.
330. Салтыки, дер., Ног. д., на р. Меше, (позже дер. Обухова), V.
331. Самосырово, дер., Зюр. д., I.
332. Саралан, – Саралы, дер., Ног. д., III, V.
333. Сарамак, дер., Зюр. д., за р. Вяткой, VIII.
334. Сарбеева – Сарыева, дер., Зюр. д., на рч. Нурме, I.
335. Сарку – Кадыш (позже Смолдеярово), дер., Ног. д., на рч. Чирпе, I.
336. Саря – Сайря, дер., Ал. д., III.

337. Сатки, дер., Ног. д., на Лихом болоте, I.
338. Сафарова, дер., Зюр. д., за рч. Ноксою, I.
339. Сая, дер., Ал. д., V.
340. Сеитляр, (ныне Толмачи), дер., Ал. д., на рч. Суле, I.
341. Сеитова, дер., Ал. д., на рч. Киндере, I.
342. Селенгуши, дер., Зюр. д., на р. Меше–уч Иле – Искакауль, V, VII.
343. Семит – Семитбаш, дер., Ал. д., IV.
344. Сейтяк – Сеймяковская, дер., Ал. д., III.
345. Серда Большая – Старая Серда, дер., Ар. д., I.
346. Серда Малая – Средняя Серда, дер., Ар. д., I.
347. Серда, дер., Зюр. д., I.
348. Сиза, дер., Ар. д., II.
349. Сингели – Сангиля, дер., Ног. д., I.
350. Сия Меньшая, дер., Зюр. д., III.
351. Сия, дер., Зюр. д., (близ дер. Тавеля), I, III.
352. Слутка – Слудка, дер., Ар. д., на р. Вятке (по татарски Еворек), VIII.
353. Смаил, дер., Ар. д., на р. Шошме, III.
354. Смолдеярово, дер., Ног. д., на р. Чирпе, I.
355. Сосмаковская – Сосмаги, дер., Ар. д., (вблизи Иски-Казань), I.
356. Субаш – Сюбаш, дер., Ар. д., I.
357. Сулабаш – Сулебаш, дер., Ал. д., на рч. Сула, I.
358. Сюнели, дер., Зюр. д., IV.
359. Сюрда – Сюрдовражка – Сердовражка, дер., Ал. д., за р. Ашит, V.
360. Табор, дер., Ног. д., (в Закамье), X.
361. Тавель – Хозяшева дер., Зюр. д., на р. Нурме, III.
362. Тамгачи – Тангачи, дер., Ног. д., (около Укречь-Кулук), I, III.
363. Тарлаши, дер., Ног. д., I.
364. Тарлы, дер., Ног. д., III, IV.
365. Таузарова – Тоузар – Тавзарово, дер., Ар. д., IV.
366. Таутермень, дер., Зюр. д., (верховье р. Меши), IV.
367. Ташкирмень, дер., Ног. д., III.
368. Тебек – Кози Большие, дер., Зюр. д., I.
369. Тебек – Кози Малые, дер., Зюр. д., I.
370. Тебек – Черемыш, дер., Зюр. д., на рч. Шемелке, I.
371. Тевелди, дер., Ал. д., на рч. Киндере, I.
372. Тевкечь, дер., Ног. д., (со сторон селищем дер. Тургаево на р. Брыси), I.
373. Темерлик, пуст., Ног. д., на рч. Шуше (Сушь), I.
374. Темерлик (Меньшой), дер., Ног. д., на рч. Шуше (Сушь), I.
375. Тербедеево – Салтыкова. дер., (ныне Карташиха), Ног. д., I.
376. Тербердеи (пустошь), Ног. д., (около дер. Карташихи), I.
377. Терегулово – Тереулово, дер., Зюр. д., на р. Нурле, I.
378. Терси, дер., Зюр. д., V.
379. Тетеева, дер., Ног. д., I.
380. Тогашево, дер., Ног. д., (смежна с дер. Арышхаздой), I.
381. Толкияз, дер., Зюр. д., на р. Меше, VII.
382. Тонеева – Танеева, дер., Ног. д., (в 10 верстах от Лаишева), VII.

383. Торгайча, пуст., Ног. д., I.
384. Тохтамыш, дер., Ал. д., III.
385. Тойма, дер., Ар. д., VIII.
386. Тойма – Толма – Столма, дер., Ног. д., (около дер. Байчуги), I.
387. Трюк – Тямти, дер., Зюр. д., V.
388. Тубяз – Дубяз, дер., Ал. д., V.
389. Тулуш – Шетнево Тулуши, дер. Ног. д., на рч. Аргизе, I.
390. Тура – Старая Тура – Турба, дер., Ал. д., I.
391. Тургаева, дер., Ног. д., на рч. Малой Брыси, I.
392. Турнали, дер., Ар. д., IV.
393. Турукляр, дер., Ал. д., III.
394. Турья, дер., Ар. д., на р. Кисмесь, IV.
395. Туяба – Тульба, дер., Ар. д., на р. Вятке, (против дер. Плаксихи), X.
396. Тюбяк – Тюбек, дер., Ар. д., XII.
397. Тюбяк Старый, дер., Ар. д., III.
398. Тюльняча – Тюлячи, дер., Зюр. д., на р. Меше, I.
399. Тямти Метески, дер., Зюр. д., на рч. Субаш, I, III.
400. Тямти – Тулубаево, дер., Зюр. д., III.
401. Убаш (Абаш), дер., Ар. д., (около дер. Чурилиной), III.
402. Узюм, дер., Ал. д., V.
403. Укречь – Култук – Кулчюк, пуст. Ног. д., на р. Меше, I, III.
404. Укречь – Култук (другой), пуст., Ног. д., I.
405. Уксун, дер., Ар. д., (около дер. Шун на р. Вятке), IV.
406. Умяк, дер., Зюр. д., за р. Вяткой, VIII.
407. Унба, дер., Ал. д., III.
408. Унжа, дер., Ал. д., V.
409. Ура, дер., Ал. д., V.
410. Урай, дер., Ног. д., на р. Каме. III, IV.
411. Урахча, дер., Ног. д., VII.
412. Урмат, дер., Ар. д., на р. Казанке, I.
413. Урняшбаш – Урмаш, дер., Ал. д., I.
414. Урсек, дер., Ар. д., III.
415. Уску – Уськи, дер., Ар. д., IV.
416. Утамыш – Атамыш, дер., Ал. д., V.
417. Утня, дер., Ар. д., (около дер. Азяк), X, III.
418. Утянгуш – Утнычуш – Утенгиш, дер., Ал. д., III.
419. Уча, дер., Ног. д., на рч. Яче, (ныне Старое Якшино), I.
420. Харибей, дер., Ног. д., I.
421. Хайвань, дер., Ар. д., I, IV.
422. Хозяшево, дер., Ар. д., III.
423. Хозяшева, дер., Ар. д., (стала пуст. к дер. Ярмушевской), I.
424. Чабья Старая – Чаби, дер., Зюр. X, IV.
425. Чаллы – Чаллинский городок, (*по-татарски* Чалы-Гау), дер., Зюр. д., на рч. Чаллы, IV.
426. Чебакса, дер., Зюр. д., на рч. Киндерке, I.
427. Чебокмасов, поч. Ар. д., III.

428. Чекурча – Чегурча, дер., Ар. д., III.
429. Челмак, дер., (была пуст.), ныне Стрюково, Ног. д., на р. Брыси, I.
430. Челны, дер., Зюр. д., V.
431. Челны Тябердины, дер., Ног. д., V.
432. Челны Мамли Козяковы, дер., Ног. д., на р. Шумбут, III.
433. Челны Кутлубукашевы, дер., Ног. д., на р. Шумбуте, XIV.
434. Чемерцы, дер., Ар. д., III.
435. Чепасна, пуст., Ар. д., (около Иски-Казань), I.
436. Чепчуги, дер., Ар. д., I.
437. Черевча – Чируча, дер., Ал. д., III.
438. Черемыш (татарский), дер., Зюр. д., I.
439. Черемыш – Апакаево, дер., Зюр. д., III.
440. Черемышево, дер., Зюр. д., на рч. Нурме и Ушне, I.
441. Черемша, дер., Ног. д., на рч. Ошняке, I.
442. Черемша, дер., Зюр. д., на рч. Нурме, I.
443. Черкас, дер., Ал. д., I.
444. Черлаки – Чердаки, дер., Ног. д., (около дер. Сабуголи), VIII.
445. Чиндырева, дер., Ног. д., III.
446. Чирпа, дер., Ног. д., на рч. Брысе, I.
447. Чирши, дер., Ал. д., на рч. Суда, I.
448. Читаково, дер., Ног. д., на Ляхом болоте, I.
449. Чарошевская, пуст., Ал. д., (около М. Атни), IV.
450. Чочюрча, дер., Ног. д., III.
451. Чувашли (Чуваш Караул), дер. Ал. д., III, IV.
452. Чурилино, дер., Ар. д., I.
453. Чюразина, дер., Ал. д., (около дер. Айша), I.
454. Шали Большие, дер., Ног. д., IV.
455. Шали Малые, дер., Зюр. д., III.
456. Шалым – Пшалым, дер., Ар. д., IV.
457. Шапша Большая, дер., Ар. д., I.
458. Шапша Средняя, дер., Ар. д., I.
459. Шапши, дер., Ар. д., на рч. Шапше, I.
460. Шапши другие, дер., Ар. д., на рч. Таузарке, I.
461. Шапша – Шамша Кобиковская, пуст. Ар. д., I.
462. Шармаш – Арняш – Армаши, дер., Зюр. д., на рч. Шарымаше, (около дер. Зюри), I.
463. Шатки, пуст., Зюр. д., на рч. Нырсе, I, III.
464. Шемелка, дер., Зюр. д., III.
465. Шеморбаш – Шумарбаш, дер., Зюр. д., VII.
466. Шейх-Заде, дер., Ног. д., IX.
467. Шигалеевская, пуст., Ног. д., на р. Брыси, (около дер. Икемен), I.
468. Старое Шигалеево, дер., Зюр. д., I, III.
469. Шигалеево Малое, дер., Зюр. д., I.
470. Шигали, дер., Зюр. д., III.
471. Шигали, дер., Зюр. д., на р. Нурме, III.
472. Шинар Большой, дер., Зюр. д., III.

473. Шинар Малый, дер., Зюр. д., (в рук. Арской), IV.
 474. Шихазда Большая – Шегозда – Шихозда, дер., Зюр. д., I.
 475. Шихазда Малая – Шегозда, дер., I.
 476. Шой, дер., Ал. д., IV.
 477. Штерь – Штырь, дер., Зюр. д. (около дер. Венеты на р. Нурме), IV.
 478. Шукоти, дер., Ал. д., III.
 479. Шумани, дер., Ал. д., на рч. Суде, I.
 480. Шунь Нижняя, дер., Ар. д., на р. Вятке, IV.
 481. Шуран, дер., Ног. д., VII.
 482. Шурня – Шурма, дер., Зюр. д., на лев. бер. р. Вятки, IV.
 483. Юлдуз, селище, Ног. д., (под Лаишем), I.
 484. Юнусова, дер., Зюр. д., (около дер. Селенгуши), IV.
 485. Юркули Старые, дер., Ног. д., III.
 486. Юсокчи – Кукчи, дер., Зюр. д., на р. Тямте, III.
 487. Яваш – Юбаш, дер., Ар. д., III.
 488. Ядыгерь – Едигерь, дер., Ар. д., на р. Бурец, VIII.
 489. Яки, дер., Ал. д., III.
 490. Ялмски, пуст., Ног. д., к дер. Тогашевой, I.
 491. Ямашева, дер., Ног. д., I.
 492. Ямашурма, дер., Ар. д., (около дер. Чепчуги), I.
 493. Ямчурина, дер., Ар. д., I.
 494. Ямшеек – Япшейка – Апшейка, Ног. д., (около дер. Арыж), I.
 495. Янгильдеевский – Енгильдеевский, поч., Зюр. д., I.
 496. Янгулова, дер., Ар. д., на р. Шошме, III.
 497. Янтык, дер., Ног. д., на рч. Брыси, (в 1565 г. записала как пустошь), I, III.
 498. Яншихово, дер., Ног. д., (около дер. Урай), XIII.
 499. Ярмушевская, дер., Зюр. д., на рч. Урсенова, I.
 500. Ясачная, дер., Зюр. д., III.
 501. Яушева, дер., Ног. д., (ныне Масловка), X.
 502. Ячи Милдешево – Ямчи Милдешево – Томчи Милдешева, поч.
 Ал. д., I.
 503. Ячи, дер., Ног. д., на рч. Ошняке, I.
 504. Ячи, дер., (пуст.), Ал. д., на рч. Суле, I.

Свияжский уезд

506. Агишево, дер., на р. Берли, II.
 507. Азбаба, дер., IX.
 508. Азелеевская – Азимиевская – Азелева, дер., II.
 509. Албаба, дер., II.
 510. Албаба другая – Олбасы – Албасы, дер., II.
 513. Акса, дер., XI.
 512. Алдиярова, дер., VI.
 513. Альменова, дер., II.
 514. Альшевская – Алишева, дер., на р. Анчигире, II.
 515. Альшеево, дер., на р. Цилне, II.

516. Ардатова – Ордатова, дер., на рч. Кубне, II.
517. Асанова, – Асенова – Асинова, дер., смежна с дер. Ачасыри, II.
518. Асюнева – Асенева, дер., II.
519. Атабаево, дер., VI.
520. Атрясы – Отрясы, дер., VI.
521. Ачасыря – Асасырова – Ашеширова, дер., II.
522. Ачасыри Мал., дер., II.
523. Баджюг, дер., VI.
524. Бақырчи, дер., IX.
525. Барышево, дер., (меж речек Шахяна и Азимы), II.
526. Бахлыхчеево, дер., II.
527. Байбахтина, дер., VI.
528. Байтеряково – Батирек, дер., XI.
529. Бежбатман, дер., II.
530. Бездна Татарская – Баздна, дер., XI.
531. Бекшейхово, дер., на Белой Воложке, II.
532. Бейшихова, дер., II.
533. Бейшихова, другая, дер., II.
534. Биабаш, дер., VI.
535. Бикеева, дер., VI.
536. Бишево, дер., на р. Свяге, VI.
537. Болгар Кривой – Болгояр, дер.
538. Болтай – Трех Болтаево, дер., XI.
539. Бузая – Бузаева, дер., II.
540. Булатова, дер., на р. Ари, II.
541. Булчикле, дер., VI.
542. Бурнашева, дер., II.
543. Бургас Старый, дер., VI.
544. Бурты – Буртасы, дер., VI.
545. Бурундукова, дер., II.
546. Бускеева, дер., II.
547. Бусурманская Слобода, дер., II.
548. Девлезерово – Сересево, дер., на рч. Сескерке, II.
549. Девликей, дер., VI.
550. Дрожанов Куст – Тепреле, дер.
551. Едигерово, дер., VI.
552. Енали, дер., VI.
553. Енасала – Янасала, дер., II.
554. Задурка – Задоровка, дер., XI.
555. Именева, дер., на Чебоксарском рубеже на рч. Чирмансаре (Чамансаре), II.
556. Именева, другая, дер., II.
557. Индырчи, дер., на р. Свяге, VI.
558. Исламова, дер., II.
559. Ишеева, дер., VI.
560. Старые Ишли – Иске Ишле, дер., XI.
561. Каипочек, дер., на роднике Каинки, II.

562. Каирлы – Корели – Клянчеево, дер., VII.
 563. Какерли Старые – Иске Каккерле, дер., XI.
 564. Калетьяб Малый, пуст., II.
 565. Каменный Град – Чепкас – Шарт Таткас, дер., XI.
 566. Капердина, дер., VI.
 567. Каракатаны – Кара-Кетта, дер.
 568. Каратам, дер., на р. Кубне, VI,
 569. Кармалы Старые, дер., VI.
 570. Качиево – Казыева, дер., VI.
 571. Кайбицы Малые, дер., VI.
 572. Каибичева – Кайбицы, дер., II.
 573. Кермерлина – Кермели, дер., II.
 574. Киждеева – Кильдеева, дер., на рч. Курмышке, II.
 575. Кильдуразы (Чирки), дер., VI.
 576. Киншелеева – Конжелеева, дер., на Диком поле, на рч. Кубне, II.
 577. Кира, дер., II.
 578. Кирланга – Карланга, дер., VI.
 579. Кичемирово – Кичемерово – Киземарово, дер., на рч. Сухой, II.
 580. Кичкеева – Кичкилеева, дер., II.
 581. Кичкилеево, дер., возможно, что надо читать «Киншелеево», II.
 582. Клери, дер., II.
 583. Кобузеева, дер., на р. Берли, II.
 584. Коклеп Большой, дер., II.
 585. Коклеп Малый, пуст., II.
 586. Конбарова, дер., II.
 587. Коротаево, дер., на р. Волге, II.
 588. Котеева, дер., (возможно, что надо читать «Чутеево»), II.
 589. Кошлоуш Бол., дер., между двух рек Кошлоуши и Чертанлы (Чертоил),
 Щучка на Чебоксарском рубеже, II.
 590. Кошлауш Малый, дер., на Мордовском селище, II.
 591. Кугушева, дер., IX.
 592. Кудашева, дер., на р. Аре-Але, II.
 593. Кулабердина, дер., VI.
 594. Куланга, дер., VI.
 595. Кульметевка Старая, дер., упоминается «старое селище на р. Имелне,
 где были «ногаевские станы», X.
 596. Кульгучи – Кулчюк, дер., VI.
 597. Кунгулы – Кульгун, дер., VI.
 598. Кучеева, дер., II.
 599. Кушелга – Кушельга, дер., VI.
 600. Кушман, дер., «на враге на Маралеевском», II.
 601. Кушман Малый, дер., на двух рч. Берли и Кушмане», II.
 602. Куштова, дер., VI.
 603. Куштонатовская, дер., на р. Уте, II.
 604. Старая Лаща, дер., VI.
 605. Луба, дер., VI.

606. Льяшево, дер., IX.
607. Макулова, дер., на р. Сулице, VI.
608. Маматкозина Старая, дер., II.
609. Маматыш Пять, дер., II.
610. Менинское селище на р. Кутолме, II.
611. Менситова, дер., VI.
612. Мещерское селище на р. Берли, дер., II.
613. Молнина – Молвина – Мулла иле дер., II.
614. Моркваша, дер., II.
615. Мочален – Мучелей, дер., XI.
616. Мурали – Муралеевская, дер., II.
617. Муратове, дер., на р. Кубне (Кундве), II.
618. Налетова, дер., II.
619. Нуратбаш, дер., VI.
620. Наратлей, дер., II.
621. Нороваш, дер., на р. Нороваш, II.
622. Нурдулатово – Нур Даулет – Нурлат, дер., «что была царевская Магло-ет Анжеева», II.
623. Порамзина, дер., на р. Уте, II.
624. Прелевская пуст. – Перелевская, II.
625. Прясево, дер., на р. Кубне, II.
626. Сабаргозина – Сарбогозина, дер., на р. Анчигире, II.
627. Салтыганово, дер., IX.
628. Саплыг – Саплаг, дер., XI.
629. Сатламышево, дер., VI.
630. Сеитово, дер., IX.
630. Семикеева, дер., II.
631. Сорма, дер., X.
632. Сорок Сайдаков – Карак Сатак, дер., XI.
633. Студенец Старый – Суык Су, дер., XI.
634. Сугут Татарский – Сагата, дер., XI.
635. Старый Сундырь – Сюдюр, дер., VI.
636. Сундюкова, дер., на р. Свяге, XI.
637. Сундякова, дер., на р. Берли, II.
638. Сустановское селище, у р. Мал. Цивиля, II.
639. Сюкеево, дер., IX.
640. Табор-Чирки, дер., VI.
641. Тавулина-Гавулина, дер., II.
642. Танаево, дер., VI.
643. Танаевское селище (дер. Бритвина), II.
644. Ташкабак – Ташевка, дер., VI.
645. Тебердеева – Тябердеева, дер., в 10 верстах от р. Кубни, II.
646. Тегешева, дер., VI.
647. Темлеева, дер., около дер. Нороваш, II.
648. Темышева – Темишева – Темешева, дер., на рч. Турмыш, II.
649. Тенчурина, дер., около Тетюш, XII.

650. Теньки, дер., на рч. Сарбыш, упоминаются 4 озера: Теньковское, Хозяшево, Круглое и Узкое, II.
651. Теребердеева, дер., на р. Сулице, II.
652. Тетюши – Тетеш, дер., IX, X.
653. Тимяши Татарские – Тимешь, дер., XI.
654. Тояба, дер., IX.
655. Турма, дер., X.
656. Турмыш, дер., II.
657. Тюки Татарские – Текке дер., XI.
658. Тяткемышева – Тяткемышела – Тохтамыш, дер., на рч. Кошлауш, II.
659. Убей Татарские – Уби, дер., XI.
660. Ундоры, дер., II.
661. Уразлина, дер., VI, IX.
662. Уразпуги, дер., II.
663. Старые Урмары, дер., IX.
664. Урусаво, дер., (смежна с Киншелеевой, в 7 верстах от реки Кубни), II.
665. Утякова Большая – Итяково дер., II.
666. Утяково Малое – Итяково, дер., на р. Свягие, II.
667. Ходарова – Айдарова, дер., II.
668. Большое Хозяшево, дер., на Озерке, II.
669. Хозяшево Малое, дер., II.
670. Хотеново Займище, на р. Щучке, II.
671. Цильна Малая – Танла, дер., XI.
672. Чатеева, дер., II.
673. Чекурская Старая – Иске Чака, дер., XI.
674. Чемурша Карабай дер., на р. Карле, XIII.
675. Чепкас – Янтуган Чапкас, дер., XI.
676. Чепкас – Утти Таткас, дер. XI.
677. Черпаева – Чепеева, дер., на рч. Шеланде, II.
678. Четаева, дер., на р. Мал. Цивиле, II.
679. Тинчали Старые – Иске Тители, дер., XI.
680. Чичкаб – Чичкап, дер., VI.
681. Чукалы Татарские – Иске Чукал, дер., XI.
682. Чутеева, дер., (на «Диком поле», упоминается рч. Якола Чума Кольч-черма), II.
683. Шалахола, дер., VI.
684. Шеленга, дер., VI.
685. Шемякина, дер., VI.
686. Шигалеево – Сюлеменево, дер., (близь Свяжского городка), II.
687. Шизганданово – Шихазданово – Шугозданово, дер., II.
688. Ширдан Старый, дер., II.
689. Ширдан Большой, дер., VI.
690. Ширдан Малый, дер., VI.
691. Шихирданы – Шагардан, дер., XI.
692. Шонгут, дер., VI.
693. Шушерма, дер., на р. Кубне, VI.

694. Юмралы, дер., VI.
695. Юрты, дер., на рч. Сухой, II.
696. Яльчик Большой, дер., VI.
697. Яльчик Малый, дер., VI.
698. Ямбухтина, дер., IX.
699. Янгильдино, дер., II.
700. Янтиковская, дер., IX.

Источники

I. 1) Книга Казанского уезда поместных земель, письма и меры Дмитрия Андреева сына Кикина с товарищи лета 7074–7076 годов, (Центральный Государственный Архив Древних Актов. Фонд 1209. Книга № 643. Л. 175–237).

2) Книги межевые Казанского уезда новых поместных дач письма Никиты Васильевича Борисова да Дмитрия Андреевича Кикина с товарищи 7073–7075 годов (ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. № 643. Л. 424–500).

3) Тетрадь поместная отдела Данилы Дмитриевича Пороховского. По книгам письма Д.А. Кикина с товарищи 7076 года и старых Казанских жильцов и с порозжих земель (ЦГАДА. Фонд 1209. Кн. № 643. Л. 337–379).

4) Тетрадь мельниц оброчных 7074 года письма Н.В. Борисова и Д.А. Кикина по Казанскому уезду (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. № 643. Л. 380–392).

5) Книга Казанского уезда сел и деревень и починков архиепископских и монастырских письма и меры Дмитрия Андреева сына Кикина и товарищи лета 7075 г. (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. № 643. Л. 392–424).

II. 1) Писцовая книга Свяжского уезда поместных дач 7073–7077 годов, письма и меры Д.А. Кикина с товарищи (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. № 848).

2) Межевые книги Д.А. Кикина и Н.В. Борисова поместных земель Свяжского уезда 7073–7074 годов (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. № 848).

III. Писцовая книга поместных и ясачных татарских земель Казанского уезда 7111 (1603 г.) письма и меры Ив. Болтина (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. № 642. Л. 1–242).

IV. Книга сбора оброчных денег с татар и марийцев за луга, отказные и межевые тетради по Казанскому уезду 7125–7127 годов дьяков Кручины Богданова и других (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153. Л. 1–231).

V. Книга переписная г. Казани и уезда письма дозора Тимофея Федоровича Бутурлина и подьячего Алексея Грибоедова 7154 (1646 г.) (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6445. Л. 498–690). Ногайская дорога этой книги помещена в книге № 645 (Л. 619–653).

VI. 1) Переписная книга Свяжского уезда 7154 (1646 г.) поместных дач (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6447. Л. 1–306).

2) Книга перечневая Свяжского уезда государевым селам, деревням и починкам Троицкого монастыря, дворян и детей боярских и служилых мурз и татар. 1646 года (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6447. Л. 307–377).

VII. Износков И.А. Список населенных мест Лаишевского уезда, Казань, 1891; Список населенных мест Мамадышского уезда. Казань, 1884. // Тр. IV АС. Т. I.

VIII. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. I. Ч. I, II. Саранск, 1950–1951.

IX. История Татарской АССР. Т. I. Казань, 1955.

X. Мельников С. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседствующих губерний. Казань, 1859.

XI. Магницкий В. Список татарских селений Буинского уезда // ОАИЭ. Т. 18.

XII. Перетяткович Г. Поволжье в XV–XVI вв. М., 1877; Поволжье в XVII – начале XVIII вв. Одесса, 1882.

XIII. Малов Е. Древние грамоты и разные документы (материалы для истории Казанской епархии). Казань, 1902.

XIV. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

XV. «Казанская История». Полное собрание русских летописей. Т. XIX.

Список сокращений

Ар. – Арская

Ал. – Алатская

д. – дорога

дер. – деревня

Зюр. – Зюрейская

Ног. – Ногайская

пуст. – пустошь

р. – река

рч. – речка

сел. – селище

Список публикаций Е.И. Чернышева

1921 год

1. Без прошлого нет настоящего! [об архивном деле в ТАССР] // Вестник Просвещения. 1921. № 1. С. 17–20.
2. Берегите архивы // Казанский библиофил. 1921. № 1. С. 54–56.
3. [Рецензия] Богословский М. Петр Великий и его реформа. М.: Изд-во «Кооперативное Издательство», 1921. 117 с. // Казанский библиофил. 1921. № 2. С. 177–180.
4. [Рецензия] Платонов С.Ф. Борис Годунов. Петроград: Изд-во «Огни», 1921. 157 с. // Казанский библиофил. 1921. № 2. С. 174–177.

1922 год

5. [Рецензия] Архивные курсы. Часть 1. История Архивного Дела Классической Древности, в Западной Европе и на Мусульманском Востоке. Петроград, 1920. 111+387 с. // Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 50–52.
6. [Рецензия] Архивные курсы. Часть 2. Маяковский И.А. Исторический очерк Архивного Дела в России. Петроград, 1920. 11+176 с. // Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 52–53.
7. [Рецензия] Архивные курсы. Часть 3. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк Русской Дипломатики Частных Актов. Петроград, 1920. 188 с. // Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 53.

1923 год

8. [Рецензия] Архивное дело. Вып. 1. М.: Госуд. Изд., 1923. 1+137 с. // Казанский библиофил. 1923. № 4. С. 177–178.
9. [Рецензия] Материалы по истории крестьянских движений в России / Под ред. Б.Б. Веселовского, В.И. Пичета, В.М. Фриче. Вып. 3: Крестьянские движения 1902 года. М., 1923. 129 с. // Казанский библиофил. 1923. № 4. С. 173–174.

1924 год

10. Охрана рукописных памятников народов Востока // Казанский музейный вестник. 1924. № 1. С. 29–39.

1925 год

11. Восточная печать в эпоху реакции XX века: [очерк по архивным документам] // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1925. Т. 33. Вып. 1. С. 105–130.
12. [Рецензия] Краеведение. Часть I. Природа и население Самарского края. Самара: Губиздат, 1924. 260 с. // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 3. С. 53.
13. Материалы по истории крестьянской революции в Казанском крае в 1917 году // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 1–2. С. 41–54.

14. Обзор материалов русско-ногайских отношений в XVI веке // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 1–2. С. 16–22.

15. [Рецензия] Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения. Вып. 2. 1924. 92 с.; Отчет о деятельности Иваново-Вознесенского губ. научного общества краеведения за 1924 г. 1925. 45 с. // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 3. С. 52–53.

16. [Рецензия] Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Часть 1 и 2-я. Л.: Госуд. Изд., 1925. С. 259+212 // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 3. С. 53–55.

17. Характеристика классовых отношений в деревне в 1915 г. // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 3. С. 40–42.

18. Школа и архив // Вестник научного общества Татароведения. 1925. № 1–2. С. 23–25.

1926 год

19. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. 1926. № 4. С. 50–71.

20. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. 1926. № 5. С. 81–105.

21. Письмо А.П. Щапова Александру II в 1861 г. // Красный архив. Т. 19. 1926. С. 151–165.

22. Рукописи Ульяновского книгохранилища // Край Ильича. Казань, 1926. № 1. С. 40–47.

23. Щапов А.П. Неизданные сочинения: С предисловием и примечаниями Е.И. Чернышева // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1926. Т. 33. Вып. 2–3. С. 1–58.

1927 год

24. Волнение казанских татар в 1878 г. (Очерк по архивным материалам) // Вестник научного общества Татароведения. 1927. № 7. С. 173–202.

25. Краткий отчет доцента Восточного Педагогического Института Е.И. Чернышева о научной командировке в Ленинград и Москву летом 1926 года // Восточно-педагогический институт в Казани: Научно-педагогический сборник 3. Казань, 1927. С. 124–128.

26. Материалы по истории классовой борьбы в России в 60-х годах XIX века // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1927. Т. 33. Вып. 4. С. 75–98.

27. Облик казанской жизни в XVI веке // Старая и Новая Казань: культурно-исторические экскурсии. Казань: Изд. Акад. Центра Татаркомпроса, 1927. С. 39–60.

28. Рукописи Ульяновского Дворца Книги // Край Ильича. Казань, 1927. № 2. С. 47–56.

29. А.П. Щапов о цензуре и просвещении // Восточно-педагогический институт в Казани: Научно-педагогический сборник 2. Казань, 1927. С. 51–82.

1928 год

30. Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 году. (Очерк третий по архивным материалам) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. 34. Вып. 1/2. С. 4–98.

31. Описание рукописей XVII и XVIII столетий Ульяновского (Симбирского) Дворца Книги // Край Ильича. Казань, 1928. № 3. С. 60–63.

1930 год

32. Из истории рабочего движения в России в XVIII в. Борьба казанских сукошников (очерк по архивным материалам) // Труды Дома татарской культуры. Ч. 1. Очерки по изучению местного края. Казань, 1930. С. 267–321.

33. Из истории рабочего движения в России в XVIII в. Борьба казанских сукошников (очерк по архивным материалам). Казань, 1930. 57 с.

34. К истории татарской периодической печати в России. Проект татарского журнала «Файда» («Польза») // Труды Общества изучения Татарстана. Казань, 1930. С. 129–134.

35. Причина эмиграции крымских татар в Турцию в 1860 году. (Очерк по архивным материалам) // Труды Общества изучения Татарстана. Казань, 1930. С. 93–128.

36. Профессор Н.Н. Фирсов как историк Поволжья // Вестник научного общества Татароведения. 1930. № 9–10. С. 5–16.

37. Список трудов Н.Н. Фирсова // Вестник научного общества Татароведения. 1930. № 9–10. С. 17–24.

1948 год

38. Крестьянская реформа в Казанской губернии // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 366–413.

39. Татария в период разложения крепостного строя // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 286–365.

1951 год

40. Революционный демократ-историк А.П. Шапов (1830–1876 гг.) // Вопросы истории. 1951. № 8. С. 38–58.

41. Татария в период дворянской империи XVIII века // История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань: Татгосиздат, 1951. Глава VI. С. 232–295.

42. Татария в период развития капитализма (1861–1895) // История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань: Татгосиздат, 1951. Глава IX. С. 407–477.

43. Татария в период разложения крепостного строя в России (XIX век до революционной ситуации 1859–1861 гг.) // История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань: Татгосиздат, 1951. Глава VII. С. 296–355.

1954 год

44. Социально-экономические очерки по истории Казанской губернии XIX века (Дореформенный период): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. (Институт истории АН СССР). 15 с.

1955 год

45. К вопросу о связи Камско-Волжского края с российским рынком в XVII веке // Известия Казанского филиала АН СССР. Казань, 1955. Вып.1. С. 37–51.

46. Татария в период дворянской империи XVIII века // История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань: Таткнигоиздат, 1955. Глава VI. С. 184–234.

47. Татария в период развития капитализма (1861–1895) // История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань: Таткнигоиздат, 1955. Глава IX. С. 332–393.

48. Татария в период разложения крепостного строя в России (XIX век до революционной ситуации 1859–1861 гг.) // История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань: Таткнигоиздат, 1955. Глава VII. С. 235–287.

1957 год

49. К истории строительства Казанской железной дороги // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1957. С. 105–115.

1961 год

50. Татарская деревня второй половины XVI–XVII вв. (По писцовым книгам Казанского и Свияжского уездов) // Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1961. С. 57–62.

1962 год

51. Первая революционная ситуация в Казанской губернии // Вопросы истории Татарии. Казань, 1962. С. 160–187.

1963 год

52. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига: Издательство АН Латвийской ССР, 1963. С. 174–183.

1965 год

53. Марийский край в составе централизованного многонационального государства во второй половине XVI – в XVII вв. // Очерки по истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965. С. 96–139.

1968 год

54. Татария в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы // История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 147–177.

55. Татария в составе дворянской империи. XVIII в. // История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 127–146.

56. Татария в составе русского многонационального централизованного государства (вторая половина XVI и XVII вв.) // История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 101–126.

1971 год

57. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. Вып. 1. С. 272–292.

2007 год

58. Чарующий облик Галимджана Ибрагимова [воспоминания] / к публ. подгот. А.Шамова // Казань. 2007. № 3. С. 19–20.

Публикации о Е.И. Чернышеве и его трудах

1. Фирсов Н.Н. Рецензия на сочинение Е.И. Чернышева «Историко-географический очерк Казанской губернии с учреждения ея в 1708 году до царствования Петра Великого» // Годичный отчет о состоянии Имп. Казанского университета за 1915. Казань: Казанский университет, 1916.

2. Фирсов Н.Н. Рецензия на сочинение Е.И. Чернышева «Из истории крестьянских движений в Казанском крае в 1917 г. // Красная Татария. 1928. 17 февраля.

3. Кириллов И.Н. Деятельность Е.И. Чернышова как историка Татарстана // Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность. Казань: Издательство «Kazan-Kazan», 1995. С.80–82.

4. Сальникова А.А. Становление советской системы исторического образования. 1917 г. – конец 1930-х гг. // Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань, 2003.

5. Абдрашитова И.М. Научные общества по изучению истории Татарстана (1923–1930 гг.) // Филология и культура. Выпуск 5. История и политология. 2006. С. 37–56.

6. Муфтахутдинова Д.Ш. Евгений Иванович Чернышев: жизненный и творческий путь историка // Проблемы археологии и истории Татарстана: сб. ст. Казань, 2009. Вып. 1. С. 179–189.

7. Муфтахутдинова Д.Ш. Жизнь и творческий путь Евгения Ивановича Чернышева [Электронный ресурс] URL: <http://goii.ru/conf/2009/06.pdf> (дата обращения: 01.11.19).

8. Ханбекова А. Историк Е.И. Чернышев: штрихи к биографии // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2010. № 1/2. С. 257–258.

9. Лексина Ю.А., Шишкин В.И. Чернышев Евгений Иванович / Татарская энциклопедия: [в 6 т.] / гл. ред. А.М. Мазгаров; [отв. ред. Г.С. Сабирзянов]. Казань: Ин-т татар. энцикл., Т. 6: У-Я. 2014. С. 308.

10. Файзрахманов И.З. Е.И. Чернышев о крестьянском движении в Казанской губернии в 1917 году // Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.): сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С. 430–439.

11. Файзрахманов И.З. Евгений Иванович Чернышев: биография и научное наследие (к 125-летию со дня рождения) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. №9. Т.2. С. 143–157.

Переиздания работ Е.И. Чернышева

1. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2014. С. 243–263.

2. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2014. С. 264–302.

Именной указатель

- Аббасиды – 39
 Абдреев Гафар – 301
 Абдул-Касим Ив-Оглу Хайдар – 43
 Абдул-Фазла-Бейхаки – 39
 Абдул-Фазля – 43
 Аблесимов А.В. – 197, 198
 Авдеев Григорий – 326, 335
 Авксентьев – 201, 236
 Аврамов Перфилий – 385, 387
 Агапитов Исак – 395
 Агишка Кудайбахтеев – 414
 Азаматов – 281
 Азаматов, поляк – 301
 Айбулатов Асан – 465, 467
 Айгилдеев Актыбай – 420
 Аказ – 444
 Акбар, император – 43
 Акпарс – 444
 Акпарус, сотник – 440
 Аксенов – 207
 Актерек – 444
 Акугулов – 412
 Акхубин Андрей – 395
 Алафузовы – 46, 346
 Александр II, император – 14, 51, 82, 272–
 274, 351, 353
 Александр III, император – 81, 82
 Александров – 209
 Алексеев – 171
 Алексеев Ив. – 337
 Алексеев Яков – 128
 Алексеева Марья – 133
 Алексей Михайлович, царь – 55
 Алеша Попович – 445
 Алишев С.Х. – 26
 Алкаев А. – 73
 Алкины – 195
 Алшейхов Айгозя – 420
 Алышев Федор – 387
 Аменхотеп IV – 38
 Амуатов Несмеянка – 63
 Ананьев – 207
 Андреев Ив. – 442
 Андреев К. – 172
 Андреев Михаил – 306, 308
 Андреев Прокопий – 385, 395
 Андреев Яков – 306, 308
 Андреевский – 373
 Андреевский С.С. – 188
 Андрей Артамонович, стольник – 54
 Анисимов М. – 182
 Анна Ивановна, императрица – 78
 Антипин Андрей – 385
 Антипин Микифор – 386
 Антоновская М.И. – 179, 180
 Антуганка – 413
 Антышев – 128
 Анучин В.И. – 19
 Анцо, холоп – 410
 Апанаев А.Х.А. – 172, 248, 249
 Апраксин – 353, 354, 361
 Арапов Никита – 390
 Араслановы Борис и Дмитрий – 386
 Арзепов С. – 410
 Аристов – 51
 Аристов М. – 68
 Аристов С., помещик – 396, 412
 Аристов Сем. – 71
 Аристов, студент – 361
 Аркатьев Федор – 145
 Артамон Сергеевич, боярин – 54
 Архангельский – 105
 Архипов – 115
 Архипов Г. – 226
 Арцыбашев Д.П. – 172
 Асановы – 413, 480
 Асеев – 118, 164
 Ассурбанипал – 38
 Атмутов Кучак – 475
 Атычка – 414
 Ахмадуллин А. – 128
 Ахмачек, сотник – 424
 Ахметзянов А. – 128
 Ахметов Адыгай – 291
 Ахметов Мух. Гал. – 296
 Ахметов Серазетдин – 291
 Ахтубаев Цехтемей – 467
 Ашмарин – 247
 Аюпов – 173
 Бабенышев Петр – 326, 330, 332
 Бабенышев Родион Иванов – 314
 Бабин – 173
 Багратион, князь – 165
 Бадамшины – 165

- Бажанов – 82
 Байкеев Аит мурза Доскеев сын – 62
 Байчорин Ляйлячко – 402
 Байчурин Баиш – 479
 Балабанов М. – 304, 305
 Балахонцева – 353
 Балым-Гозя, царь – 479
 Бандин – 191
 Барадин, майор – 54
 Бараков М. – 441, 442
 Баранчеев А. – 322, 335
 Баратаев – 203, 204
 Барсубка – 413
 Барсуков М.Т. – 406
 Бартольд В.В. – 37–39, 97
 Барямгоска – 479
 Баятинский Д.Н. – 441, 442
 Барятинский Ю. – 439, 465, 466
 Батанов И. – 170
 Батый – 58
 Батыршин Муртаза – 292, 299
 Баубеков Иванай – 412
 Бахрушин С.В. – 383
 Баюшев, князь – 59
 Баюшев, помещик – 352
 Баязитов Япар – 292
 Безсонов – 105
 Бекетов – 349
 Бекренев – 251
 Белинский В.Г. – 359, 360
 Белов – 195
 Белогуз Ф. – 441
 Белокуров Посник – 412
 Беляев – 81
 Беляев И.Д. – 100
 Белянкин Иван – 314
 Березин И.Н. – 83, 473
 Берсенов Дм. – 410
 Бестужев Н.А. – 9
 Бестужева – 352
 Бетюков Иван – 393
 Бибай, мурза – 426
 Бибишин – 294, 296
 Биккенин Юсуп – 294, 296
 Биркин И. – 455
 Бирюков – 360
 Блюменталь – 105
 Бобанины – 405
 Бобровников – 201
 Бобрянская – 181–183
 Богатов – 141
 Богданов Дмитрий – 386
 Богородицкий – 293, 296
 Богословский М. – 91–95
 Болотин – 304, 313, 320, 330
 Болотников И. – 425, 445, 454, 455
 Болтин И. – 25, 402, 408, 410, 411, 458, 470, 471, 473, 478, 480
 Болтухин Н.П. – 360
 Борисов – 403
 Бородавка Даниил – 315
 Бочкарев Ф.Т. – 327
 Бредихина – 257
 Бронников Г. – 309, 310
 Будде Н.Е. – 19
 Булгаков Дм. – 337
 Булич Н.Н. – 358
 Булыгина (Булыгины) – 163, 197, 257, 258
 Бусырев – 194
 Бутлеров – 165
 Бутлерова – 257
 Бутурлин А., воевода – 465
 Бушканец Е.Г. – 360
 Бычков А.И. – 175
 Вавилов – 170
 Вагапов – 357
 Вакурнин – 241
 Валиахметова М. – 355
 Валитов Ахмет – 293
 Валитов Бикчантай – 292
 Валишин Мухамедзян – 292, 299
 Валишин Шарип – 123
 Валк С. – 102, 103
 Валуев – 51, 273, 275, 276
 Варьпаева А. – 75
 Василий Губин – 394
 Васильев – 364
 Васильев Гаврила – 306, 308, 309
 Васильев Евг. – 337
 Васильев Ив. (1) – 186
 Васильев Ив. (2) – 436
 Васильев Ив. (3), донской казак – 440, 442
 Васильев Иван Васильевич – 7
 Васильев М. – 172
 Васильев С. – 187
 Васильев Федор – 306, 308
 Вахитов Насыбулла – 291
 Вегман В. – 271
 Вельяминов А.С. – 61
 Вербицкий Михайло – 412

- Веретенников – 100
Верещагин Я. – 73
Верменичев И. – 157
Вершинин Филип – 394
Веселовский Б.Б. – 101
Викторова В. – 212
Вишне夫斯基 М. – 103
Воейков Звяга – 417
Волдаевский Никифор – 394
Володька, пристав – 440
Волховский – 349
Воркадин – 425
Воробьева – 196
Воронков И.С. – 73
Воронцов М. – 71, 74
Воронцов П. – 75
Воронцовы – 80
Воротынский И. – 454
Вошошников – 314
Вульфсон Г.Н. – 344, 360
Высоцкий Вас. – 322
Габайдуллин Халиулла – 128
Габдрауфов Абдулбарей – 128
Габидуллин Галиакбер – 293, 296, 297
Габидуллин Хамидулла – 292, 294, 299
Габитов Сулейман – 295
Гагарин – 217, 222, 314, 352
Гагарина – 227, 241, 254, 262
Гадьльшин Садык – 292
Гайнуллин Валиулла – 128
Галаков Александр Павлович – 54
Галеев Гизетулла – 286, 292, 294–297
Галиуллин Губадулла – 128
Гартман – 256
Гаславский – 442
Гатина Х.Х. – 355
Гераклитов – 377, 379
Герасимов – 188
Герберштейн – 378
Геркен – 214
Гермоген, митрополит – 418, 449
Гернет – 252
Герцен А.И. – 76, 343, 359, 360–362, 364, 365
Гизетуллин – 145
Гизетуллин Самигулла – 128
Гильмутдинов С. – 211
Гимадудинов Шигабутдин – 292, 295, 296, 298, 299
Гисметуллин Файзулла – 301
Гладков Я. – 455
Глассон – 365
Глатков А. – 466
Глядков Аф. – 406
Годнев Д. – 104
Годунов Б.Ф. – 88–91
Голицын – 276
Голицын С.Б. – 74
Головкин – 51
Головнин – 273, 276
Головня – 215
Гольмстем – 105
Гольцев – 293, 296
Горбатый А.Б. – 419
Горбун Ив. – 308, 309, 328
Гордеев Г. – 171
Гордеев Н. – 192
Горемыкины – 172
Горин – 317–319
Горский – 352
Горталовы – 166, 180, 181, 197, 257
Горчаков Григ. – 314, 320, 327
Горчаков Илья – 454
Горшков – 207
Горшкова В.В. – 104
Гранов А.В. – 150
Грасис – 224
Гребенкин Герасим – 395
Гребенкин Дм. – 385, 390, 391
Гречин В., синбирянин – 65
Гречин, помещик – 61
Григорьев Ем. – 336, 337
Григорьев Иван – 395
Григорьев Никифор – 392
Григорьев Сид. – 336, 337
Грузинская – 165, 242
Грузинский – 180
Грузинцев – 308
Грушешников – 74
Губайдуллин Г.С. – 16, 277, 377
Губайдуллин Гайнулла – 292
Гукашева – 180
Гурий, епископ – 445
Гусева – 119
Густокормов Алексей – 315
Гусянитков Аф. – 72
Давыдов – 217
Давыдов Филипп Фролович – 354
Данилов Ф. – 395
Дашкевич – 151

- Девлетбахтеев Бускей Кудай Мазит – 480
 Девлет-Гирей, хан – 373, 453
 Дедюлин Гр. – 410
 Делярю – 353
 Демерт – 173
 Демидов – 180, 241, 304, 322
 Денисов П.В. – 401
 Депрейс – 251
 Дергалов Ф. – 440
 Державин Г. – 272
 де-Родес И. – 396
 Джан-Али (Еналей) – 456
 Дмитриев Б. – 327
 Дмитриев И. – 182
 Добиаш-Рождественская О.А. – 96
 Добролюбов Н.А. – 359, 361
 Добронравова – 191, 212, 213, 219
 Добросмыслов – 292, 296
 Добрыня Никитич – 445
 Догель – 172, 222, 254
 Долганов – 140
 Долгов И.И. – 52
 Долгополов (Иванов) Илья – 440, 443
 Долгорукий Г.Ф. – 432
 Долгорукий Ю.А. – 465
 Долгоруков – 273, 275, 276
 Долгоруков М.Ю. – 54
 Долгоруков Ю.А. – 54
 Донауров – 173
 Дормидонтов – 364
 Дорофеев – 217, 218
 Досмаметка, служ. тат. – 401
 Дружина, служ. тат. – 404
 Дряблов Афанасий – 305–342
 Дубенский – 65
 Дубровин – 340
 Дубровский С.М. – 108, 150, 155–157, 169, 267
 Дубровский, помещик – 165
 Дунаев – 165
 Дурасавы – 63
 Дурасов – 66, 72, 73
 Евдокимов Т. – 71
 Евсевьев М.Е. – 49
 Евсеев – 170
 Егоров Д. – 103
 Егоров Кучерга – 128
 Едигер – 58
 Ежев Петр – 330
 Ежов Филипп – 306, 308, 309, 313
 Екатерина II, императрица – 57, 79, 305, 338
 Елагин Г. – 425
 Елизавета Петровна, императрица – 77
 Елизаров Василий – 452, 453
 Елизаров Иван – 402
 Ельницкий А. – 304, 305
 Емаев Баймурзко – 413
 Емельянов – 216, 218
 Емяшев Чембулат – 410
 Еникеев Б. – 455
 Еремеев Василий – 403
 Еремеев, помещик – 195
 Ерепкин – 257
 Ермаков – 167
 Еремеев – 352
 Ермолов Александр – 54
 Ермолова – 352
 Ертя, холоп – 410
 Ершов Иван – 452, 453
 Есипов – 173
 Ефимов Никита – 337
 Ефремов – 141
 Ефремов Захар – 128
 Ефремов Захар – 128
 Ешевский – 83
 Жадовский – 173
 Жданов – 272
 Жигарев Б.С. – 265
 Жомини – 186, 187, 189, 190, 218, 264
 Жуков Г.И. – 61–63
 Жуков Л.Г. – 65–68
 Жуков Мих. – 62, 63
 Жукова – 53
 Жуковы Дмитрий и Лев – 64
 Забражицкая – 197
 Забродин (Забродины) – 186, 187, 218, 226, 264
 Завалишин Д.И. – 9, 11
 Завалишин И.С., писарь – 283, 285, 290, 292–298
 Завалишина А.А. – 292
 Загоскин Н.П. – 52, 59, 82
 Заичневский П.Г. – 354
 Зайцев – 258
 Залкинд Г.М. – 19
 Замалетдинов Насрутдин – 291
 Запольский П.Н. – 248–250
 Зарубин – 191, 219
 Заруцкий – 427

- Захаров Е.М. – 185
Захаров Иван – 184
Зейнун Габдинов Низамутдин – 291
Землянов В. – 412
Зензеит батыр – 422, 452
Зимнинская М. – 69
Змеев Н.Г. – 68
Знаменский – 273
Зотов С. – 75
Зубов – 222
Зубржицкая – 257
Ибн-Хурадбех – 39
Ибрагимов Г. – 27
Ибрагимов Мухамед Рахим – 292, 294, 298, 299
Иван Грозный (Иван Васильевич, Иван IV), царь – 44, 53, 89, 90, 377, 444, 454
Иван Есиплев Большой – 394
Иваницкий – 363–365
Иванов А. – 327
Иванов Василий – 72
Иванов Е. – 190
Иванов Егор – 75
Иванов Иван – 66
Иванов М. – 386
Иванов Мартемьян – 357
Иванов П. – 327
Иванов Петр – 335
Иванов Прокопий – 439, 442, 467
Иванов Родион – 314–316, 320, 323–326, 330–338
Иванов С. – 460
Иванов Ф. – 68
Ивеков Байгилда – 420
Игнатович – 270
Игумнищев Ф.В. – 406
Ижбулатов – 414
Измаил, мурза – 380
Измайлов А.П. – 66
Износков И.А. – 470, 472, 473, 481
Износков Улан Тимерев – 404
Иконников А.И. – 344
Иконников В.С. – 52, 59
Илейка – 425
Иллерицкий В.Е. – 360
Илчебеков (Илчибеков) Ишей – 412, 479
Ильинский Е. – 197, 257
Илья Муромец – 445
Индуйко – 440
Иоаким, патриарх – 54
Ирошамов – 141
Иртуганов – 435
Исаев В. – 392
Исаев Л. – 69
Исаков К. – 386
Исмагилов Иксан – 292, 294, 299
Ишеев Толбай – 413
Ишмуратов – 199, 200
Йыланды – 444
Кабанов П.И. – 360
Кабитович – 281
Казаков Г. – 277
Казембек – 353
Казем-Бек, помещица – 211
Кайсаров И.И. – 414
Каланин Андрей – 314
Калачев Н.В. – 100
Калинин Н.Ф. – 24, 471
Калинкин Андрей – 330
Калинников А. – 332
Каменева О.Д. – 13
Каменевы – 180, 181
Камерер Ф. – 309
Канонькин – 105
Каракозов – 365
Карамзин – 53, 376, 454
Карачурин Акай – 466, 467
Карнович Л. – 285, 292
Касаткин Н. – 292, 294–296
Касымов Г.К. – 19
Каховский – 349
Кацари – 256
Кашин Ю.И. – 422, 452
Кашпирев М.В. – 431, 432
Кебешев Первой – 386
Келдиков Келдибай – 395
Келибердеев Иван – 410
Кельсиев И.И. – 363
Кеневич И. – 363, 365
Кеплер – 353
Керенский – 133, 202, 220
Кибеев – 412
Кизаев Н. – 67
Кикин Д.А. – 374, 400, 402–404, 406, 450, 470, 471, 473–475, 478, 479, 482
Килметев – 73
Кильбургер – 396
Кильдебяков А. – 467
Кильдешев Ж. – 66
Киприанов – 222

- Киреев П. – 70
Киреев Ф. – 455
Кирило Босой – 386, 387
Кирилов Иван – 385, 395
Кирилов Осип – 395
Кирилов Сидор – 317
Киселев – 349
Киселев Филипп – 315
Кислицын – 170
Китаевы – 347
Клаус – 361
Климов Дм. – 69
Климушкин П. – 158
Климшин Оксентий – 386
Клушин – 196
Ключевский В.О. – 19, 80, 93
Кляшев – 238
Князев В.А. – 219
Ковалев С.Ф. – 212, 213
Ковалевский – 192, 301–303
Коведяев И.Н. – 168
Ковяж – 444
Кожевников – 141, 173, 187, 212, 218
Козлов Василий – 318, 327, 330, 335, 337, 338
Козлов И.А. – 167
Козлов Ф. – 332
Козянинов – 270, 272, 349
Койсаров С.М. – 405, 447
Кокорин Григорий – 394
Колегаев – 244, 263
Колегаев А.Л. – 168
Колесницын В.П. – 432
Кологреев Н. – 73
Кологреев Ст. – 75
Кологривов Вас. – 70
Кологривов Гр. – 68
Кологривов Н. – 72–75
Кологривов П. – 75
Кологривов Ст. – 74
Кологривова Пр. – 70
Колодкин, помещик – 173
Колсанов – 247
Колсанова Е.М. – 214, 215
Колчурин – 239
Колчурин – 257
Колчурин С.Д. – 64, 67
Кольбицкие – 249
Комлев А. – 432
Кондратьев – 173
Кондратьев В. – 190
Кондратьев С. – 386
Конищев Леонтий – 392
Конокозин Ст. – 409
Константинов Ив. – 442
Корвин М. – 69
Кордэ Н.В. – 104
Корнилов – 207, 235
Корнилов Л. – 74
Коробайка – 414
Корова Степ. – 314
Коровин М. – 67, 69
Корсаков – 238
Корсаков Д.Н. – 78, 80, 81
Костентинов (Костянтинов) Ив. – 336, 337
Костомаров – 80
Костяев А. – 61
Кошаков Аникей – 426
Кошов Яков Федоров – 133
Краснов – 141
Краснов В. – 75
Красновы – 256
Красноперов – 361, 365
Крестов Клим – 55
Крестовниковы, купцы – 346
Криворотов П.В. – 327
Крогиус – 356
Кроль – 238
Круковский – 257
Крупенников – 347
Крылов – 270
Крюков Ф. – 72
Кубанин М. – 157
Кудрявцев – 311, 328, 336
Кудрявцев Никифор – 394
Кузешов Исак – 392
Кузнецов – 141, 146
Кузнецов, помещик – 256
Кузьмин – 51
Кузьмин М. – 74
Кузьмин, арендатор – 141
Кузьмичев – 204
Кукляшев Салихджан – 357
Кукурапов – 118, 164
Култашев Р.И. – 431
Кулушев Гр. – 66
Кулушев И. – 67
Кунгуров – 181
Куприанова – 172
Купцов – 238

- Курбский Андрей – 399, 422, 423, 445, 452
 Курмаметев-Смеленев Арслан, мурза – 66
 Курочкин – 359
 Кутарев И.Г. – 298
 Кучук Атлеутов – 405
 Кушников, воевода – 440
 Кушниковы – 431
 Куянов – 195
 Лабзин – 254
 Лабзин А. – 65
 Лаврентьева А. – 75
 Лавров – 76
 Лавровский – 264
 Лаврский – 365
 Лазарев А. – 65
 Ланской – 349
 Лапаев П.С. – 194
 Лаппо-Данилевский А.С. – 79, 100
 Лаптев – 352
 Лаптев Замятня – 440
 Ларионов – 270
 Ларионов, помещик – 173
 Ларичев – 180
 Ласточкин Д.А. – 104
 Латыфов Гизетулла – 292
 Лашинская – 170
 Лебедев – 222, 241
 Левашев Дан. – 431
 Левашов – 352
 Левин – 67
 Левин К.П. – 65
 Лейкина-Свирская В.Р. – 365
 Леляка Вас. – 314
 Ленков Наум – 431
 Леонтьев – 186, 250, 352
 Леонтьев Назар – 386, 390
 Леонтьев Никифор – 436
 Лжедмитрий II – 425
 Ливен, княгиня – 256
 Лидин – 166
 Линков Я.И. – 362, 365
 Лисовский – 427
 Листоферов Василий – 145
 Лихарев О.Н. – 61
 Лихачев Н.П. – 100, 102, 103
 Лихачев(ы), помещик(и) – 140, 165, 180, 181, 204, 352
 Лихорев Мисарь – 452
 Логинов Василий – 385
 Логутов В.А. – 197
 Логутов В.П. – 179
 Логутова Е. – 197
 Логутовы – 256, 257
 Лукашевич – 257
 Лукоянова – 146
 Лутонин Ю. – 441
 Лучинский – 51, 271, 273, 275
 Львов – 223
 Львова – 353
 Любарский Платон – 339
 Любименко И. – 96, 97
 Любимцев – 281
 Ляпахины – 164
 Ляпидовский А. – 239, 240
 Ляпунов – 427, 455
 Лященко П.И. – 157
 Маврин – 305
 Магницкий В. – 472
 Мазрак Иван – 314
 Мазраков И.П. – 327
 Макарий, митрополит – 419
 Макаров А.Г. – 214, 215
 Макаров И.А. – 186
 Макаров К. – 75
 Макарьев Минка – 460
 Макашин А. – 173, 174, 242, 254
 Максимов, новокрещен – 66
 Максимов, помещик – 181
 Маланьичев – 256
 Малов В.П. – 164, 171
 Малышев Д. – 405
 Маманин – 396
 Маматов – 406
 Мамич-Бердей, сотник – 424, 453
 Мамонтовы – 200, 201
 Мамонтовы М.И. и М.Ф. – 200, 201
 Мамонтовы Петр, Семен и Илья – 201
 Манасеин – 254
 Манасеин Б. – 173
 Манасеин М. – 173
 Мансур Булгарский (Болгарский) – 471, 473
 Манун, халиф – 39
 Маразин – 199, 217
 Маржерет – 416, 421
 Марков – 50
 Марков, помещик – 118
 Маркс К. – 76, 351
 Маргынов М. – 150, 158
 Масленников М. – 331

- Масленников, попечитель – 77
 Маслов С.Л. – 178
 Матвеев – 208
 Матвеев Артамон – 54, 55
 Матвеев, дьяк – 68
 Матросов Андрей – 336, 337
 Махмуд, султан – 39
 Махмудов Гали – 357
 Маяковский И.А. – 35, 98, 99
 Медведев – 105
 Медведев Н.Ф. – 240, 241
 Медведев, полицейский – 293, 295, 296
 Мейчик Д. – 100
 Мельников – 281
 Мельников А.А. – 171, 175, 216, 241, 242, 252
 Мельников С. – 470, 472, 473, 479, 480
 Менняфов Садык – 294, 296
 Мергасов – 357
 Мереткозин Кучкей – 401
 Мерлин Г.И. – 75
 Мерлин И.И. – 70, 71, 73
 Микеев Ия – 402
 Микляев Иван, купец, фабрикант – 306, 308, 312, 322, 325, 328, 331, 340
 Микулин С. – 69
 Микулин, помещик – 173
 Микулина, помещица – 257
 Микулинский С.И. – 422, 452
 Милославский И.М. – 54
 Миндалев П.П. – 49
 Минин Козьма – 427
 Минин Яков – 390, 391
 Миних – 42
 Миронов С. – 187
 Михаил Губин – 394
 Михаил Федорович, царь – 52, 53
 Михайлов – 272
 Михайлов В.А. – 284
 Михайлов Илья – 388
 Михайлов Л.А. – 56
 Михайлов Никита – 72
 Михайлов Ст. – 337
 Михайлов Терентий – 436
 Михайлов, помещик – 173
 Мнишек Марина – 427
 Моисеев С.Ф. – 226
 Мокулов А. – 73
 Молоствов В.Г. – 169
 Молоствов К.В. – 165, 171
 Молоствов Л.В. – 184, 237
 Молоствов, чиновник – 350
 Молоствовы, помещики – 118, 163–165, 184, 215, 247, 249, 358
 Молотков – 251
 Морозов, воевода – 455
 Морозов, помещик – 68
 Москов Енбахты – 425
 Мосолов – 303
 Мочалин А. – 325
 Мошлатов – 349
 Мрочек – 363, 365
 Мстиславский И.Ф. – 417, 422, 453
 Музлов – 195
 Мулозяковы Якуш и Курмаш – 480
 Мумарин Мирон – 440, 443, 445
 Муравский – 271
 Муравьев А.Н. – 273, 275
 Муралеев Тетингей – 409
 Мусин Мендыбай – 293, 298
 Мусин-Пушкин, граф – 53, 73, 74, 353, 356
 Мустай – 444
 Мустафа Решид-паша – 39
 Мухамед, пророк – 291
 Мухамедьяров Ш.Ф. – 399, 401, 478
 Муханов Мухамедзян – 291
 Мясников, мешанин – 281
 Мясников, помещик – 197
 Мясной Лукьян – 455
 Набоков – 256
 Нагаткин – 69
 Нагово Михайло Александров сын – 417
 Нагулла Э.Ф. – 298
 Надежин Ф. – 332
 Назмутдинов Фахрутдин – 128
 Назонов – 280
 Найденов М.Е. – 23
 Наполеон – 96
 Нарбеков В. – 440, 443
 Нармацкий Андрей – 442
 Нармацкий Мизин – 404
 Нармацкий Семен Дмитриев сын – 404, 473, 475
 Нармацкий Федор – 404
 Нармацкий Хотен – 404
 Нарышкин К.П. – 54
 Насыбуллин Ахметзян – 128
 Насыбуллин Ш. – 128
 Насыров Бадрутдин – 292
 Насыров Каюм – 357

- Насыров Шарафутдин – 291
Наумов Ф. – 332, 335
Наумова – 170
Наурский – 170
Нахтигаль – 197
Небельсон – 256
Невский В.И. – 51
Неклюдов – 67
Немов – 201
Неплюев И.И. – 83
Нератова – 165
Нестеров – 311
Неунылов – 208, 209
Нигаметуллин Фаткулла – 292
Никитин Василий – 330
Никитин Ив. – 332
Никифоров Мих. – 62
Никифоров П. – 385
Николаев А.С. – 90
Николаев С.А. – 175
Николаи, помещица – 349
Николай I, император – 82
Николай II, император – 81, 82
Никольский – 292, 296
Никонов П. – 68
Ничипоренко – 276
Нияз – 471
Новицкий – 250
Новосильцев – 197, 257
Новосильцев Ион – 71
Ноготков Иван Андреевич – 417
Нурушев Бокшанда – 408
Оболенская, княгиня – 258
Оболенский, князь – 170, 171, 207–210, 214, 215, 257
Оботуров Ч. – 456
Обросимов Данило – 387
Обухов В.В. – 179, 217, 227
Обухова – 166, 172, 213, 214
Овчиников – 70
Огарев Н.П. – 343, 359, 360–362, 364
Огородников В.И. – 8
Ододерка Илья – 314
Одоевский Н.И. – 54
Одоевский Я.Н. – 54
Озенбашлы А. – 50
Озеров – 170
Оконишниковы – 172
Окулов Н.М. – 299
Олеарий – 378
Олсуфьев – 72
Омар I, халиф – 38
Омачкин Гр. – 68
Онофреев – 461
Онучины – 405
Опочинины – 103
Орлов Алексей – 318
Орлов И. – 365
Осипов Максим – 439, 465
Осланчеев Я.Г. – 327
Осокин А.Г. – 298
Осоргина М. – 75
Островский – 257
Отай, служ. тат. – 404
Павел I, император – 305
Павлов А.П. – 212, 213
Павлов К. – 181
Павлов Михаил – 56
Павлов Н. – 223, 224
Павлов С., мордвин – 69
Павлов Спиридон – 293
Павлов, шт.-кап. – 236
Павлова В.Ф. – 354, 355
Павловский – 219
Павловы – 436
Пажитнов К. – 304, 305
Палатка Няников – 414
Палицын Авраамий – 53
Пальцинская (Пальцина) – 180, 181
Паникеев К. – 435
Панкратова А.М. – 383
Патрекеевы (Патрикеевы) – 62, 63, 67–71, 75
Паулуччи – 217, 227, 240, 241, 254, 262
Пахотнов – 257
Пацковский – 353
Пашино П.И. – 17
Пашкан – 444
Пеньковские – 362
Перепилицын Артемий – 480
Пересветов Иван – 399
Перетяткович Г. – 82, 376, 377, 379–381, 399, 472, 481
Перцов – 358
Пестель – 360
Пестов А. – 71
Пестриков – 62
Петлин Ф. – 73
Петр I, Петр Великий, царь, император – 8, 9, 52, 54, 55, 80, 91–94

- Петр Каверин – 432
 Петр, царевич – 425, 454
 Петров – 105
 Петров Алексей – 335
 Петров Антон, священник – 324
 Петров Елисей, ткач – 306–310, 313
 Петров, лесопромышленник – 256
 Пихагин К. – 435
 Пименов М.П. – 192
 Пионтковский С.А. – 13, 51
 Пиотровский И.А. – 354
 Пирожников Григ. – 337
 Пирожников Ф. – 337
 Пискунов Степан – 331, 335
 Пичета В.И. – 101, 103, 104
 Платонов С.Ф. – 88–91, 96
 Племянников А. – 482
 Плеханов – 80, 271
 Плещеев Д.М. – 422, 452, 453
 Плотников – 215, 247
 Побединский И. – 440
 Поводимов Бисяр – 61
 Погодин – 50
 Пожарский Д.П. – 427
 Покровский И.М. – 399, 472
 Покровский М.Н. – 19, 156, 271
 Покровский, помещик – 352
 Поливанов – 347
 Полиевктов М.А. – 97
 Поликарпов Парфен – 392
 Полиновский – 365
 Поляков С.Ф. – 226
 Попельницкий – 270–273
 Поплавский – 168
 Порк – 173
 Посадский Я. – 305, 337, 339
 Постников – 245, 262
 Потапов – 77
 Потемкин П.И. – 340
 Поярков-Квашнин Иван – 405
 Преображенский – 105
 Пресняков А.Е. – 96
 Провоторхов Ефрем – 466
 Прокофьев Илья – 327, 336, 337
 Протопопов Ив. – 402
 Проухов И. – 70
 Птоломеи – 38
 Пугачев Е.И. (вор Емелька) – 16, 22, 26, 27, 54, 305, 339, 340, 353
 Пузино И. – 103
 Пушечников Д.Ю. – 61
 Пушкин А.С. – 339
 Пушников Борис – 322, 328
 Пушниковы, целовальники – 396
 Пчелкин В.М. – 104
 Пызырев И. – 101
 Пьянов М. – 229
 Радищев А. – 272
 Раевская – 349
 Разина С. – 16, 84, 85, 393, 438–440, 443, 445, 464–468
 Рахматуллин Муз. – 293
 Рейнгардт Н.В. – 299
 Рейтенфельс – 378
 Репнин – 322
 Ридман Н.А. – 298
 Рогозин И.А. – 53
 Родионов – 241, 248, 249
 Родионов Петр – 337
 Рождественский С. – 102, 103
 Рожков Н. – 19, 90
 Рожнов П. – 197, 198
 Розентретер З.И. – 197, 256, 257
 Романов Гав. – 72
 Романов Ф. – 73
 Романовы – 427
 Ромодановский В.Г. – 432, 436
 Ростиславский С. – 67
 Ростовский – 66
 Рубинский Андрей Евгеньев – 133
 Рукавишников П.Д. – 314
 Румянцев Н. – 55
 Рунич Павел Степанович – 54
 Рыбаков – 192
 Рыбушкин – 82
 Рылеев – 360
 Рычков Андрей Петрович – 58
 Рычков П.И. – 57, 58, 82
 Рюрик – 79
 Сабакаев Кебек – 414
 Сабдеков Данило – 392
 Саблин – 66
 Савельев Д. – 186
 Савельев Иван – 395
 Савельева – 292
 Савич – 353
 Савичев А. – 216
 Саврасов И.П. – 72
 Сагадеев Ш. – 17, 49, 278, 301–303
 Сазонова – 205, 206

- Сайфуллин Фахрутдин – 291
Сайфуллины – 256
Салихов (Мухамед Салихов) Салик – 293, 296, 298
Салихов Ахмет – 292
Салихов Садык – 292, 294–296
Салтыков Б.И. – 422, 452, 453
Сальцин – 208
Санин К.Е. – 194
Сапожник Ив. – 440
Сарый батыр – 422, 452
Сафа-Гирей, хан – 369
Сафаралей, царь – 479
Сафин – 256, 257
Сафонов – 256, 257
Сахаров – 353
Сахиб-Гирей, хан – 370
Сверчков – 200, 241, 247
Свешник Федот – 386
Свешников – 346
Свиньин М. – 67
Святловский В.В. – 48
Семевский В.И. – 304, 305, 310, 338, 339
Семенев Иштгерек – 413
Семенов З. – 314
Семенов Ив. – 314
Семенов Тих. – 440
Сен-Симон – 274
Сергеев – 365
Сергеев Козма – 133
Серебряков Н.Н. – 194
Середа Н. – 305
Серно-Соловьевичи – 362
Сивков К.В. – 23
Сигизмунд – 427
Сидоров – 241
Сидоров Антон Петрович – 353, 354
Сиид-Ассан-Чилиби – 50
Симбирин А.В. – 170, 173, 174, 253, 254
Симон – 242
Сингалевич С.П. – 19, 368
Сисмонди – 274
Сицкий А.В. – 456
Скаврронские Федор и Анна – 73
Скарятин Н.Я. – 16, 278–282, 284, 285, 289, 291, 297, 301–303
Скорняков Зиновий – 314
Скрипицин Еф. – 414
Скуратов Иван – 452
Слепцов А.А. – 362
Смельницкий Ю.М. – 299
Смиленев В.И. – 60
Смиленев Камай – 408, 413
Смиленев Н. – 68
Смиленев Петр – 408
Смиленевы – 64, 65, 67, 413
Смирнов В.Н. – 189, 264, 265
Смолин В.Ф. – 19
Собакин В.П. – 432
Собакин М.В. – 432
Собакин М.Г. – 432
Собещанский – 51, 270, 272, 273
Сова И. – 309
Соковнин Гр. – 402
Соколов, крестьянин – 364
Соколов, помещик – 191
Соловцев – 55
Соловьев С.М. – 19, 55, 80, 376, 377, 381
Соловьев, помещик – 247
Соловьева – 191
Сорока Ив. – 440
Сорокин (Сорока) Андрей – 314, 330, 332
Сорокин Мих. – 336, 337
Софья, царевна – 92
Срезневский И.И. – 100
Станкевич – 365
Старший Федор – 330
Старынкевич С.Д. – 104
Стахеев – 174, 185, 256, 257
Стахович – 229
Степанов А. – 68
Степанов Н. – 186
Степанов Федор, кожевник – 436
Степанов Федор, суконщик – 306, 308, 309, 325–327, 330
Степанов, помещик – 165, 241
Стефан Босой – 387
Стольпин – 82
Стоянов Филип – 394
Стратонов И.А. – 8
Стрелковы – 171
Стрешнев Р.М. – 54
Стриковский (Стрыйковский) – 53
Строганов – 216
Суворов А.А. – 276
Суворов Г.А. – 415
Суворов Ив. – 317, 324
Султан Али-Арсан – 43
Сусленков П.М. – 65
Сустатов Бурнучка – 62

- Сухарев – 150
 Сушко – 217, 242
 Сушков – 255
 Сыромятников Борис – 330, 332
 Сытдыков К. – 196–198
 Сююндюков Ишей – 408
 Тавгилдин Ильбахтка – 402
 Талантова С. – 103
 Тамара, монахиня – 171
 Танеев В.Ф. – 181, 472, 473
 Танский – 71
 Тансыбаев П. – 435
 Тарасов – 191, 256
 Тарасовы – 64
 Тарле Е.Ф. – 97
 Твердышев – 323
 Тебенькова – 352
 Телепей – 472
 Телепнев Степан Ларионович – 56
 Темников – 173
 Тенишев, князь – 48
 Теняев Черевашка – 61
 Теребердей, мурза – 426
 Теребердей, холоп – 410
 Теренин – 214, 215, 247
 Терехов – 105
 Тетерин Елисей – 387
 Тетра – 444
 Тимофеев А. – 314
 Тимофеев С. – 186
 Титов, лесопромышленник – 256
 Титов, помещик – 191
 Титова М. – 71
 Тихомиров М.Н. – 417
 Тихонов Степ. – 337
 Товарищевы Мансур и Иван – 403, 404
 Токшейков Ялпай – 426, 445
 Толстов – 182
 Толстой – 183
 Толстой П.П. – 298
 Толстой, помещик – 257
 Толстые-Милославские – 103, 179
 Тотлебен – 50
 Трейман – 241
 Гретьяков Иван – 306, 308
 Трифон – 385
 Трофимов Максим – 314
 Трубецкой – 427
 Трубецкой, князь – 334
 Трубников – 165, 357
 Туган-Барановский М. – 79, 304
 Тумашев – 461
 Туркель – 336, 337
 Тюменев – 108
 Тютчев Д. – 72
 Тюфилин – 251
 Угличинин – 352
 Ульяниновы Михаил и Овдоким – 68
 Ульянов А.И. – 77
 Ульянов-Ленин В.И. – 77, 82, 86, 153, 245, 343, 351, 357, 358, 366, 462, 463, 468
 Умнов – 361, 365
 Уразгильдеев М.Г. – 193, 197, 257
 Урекеев Илекей – 66
 Урусов – 197
 Урусов П. – 465
 Усков А. – 318, 321, 333
 Усков И.Н. – 314, 327, 330, 335
 Усков С.П. – 314, 327
 Усов Алексей – 385
 Усов С. – 385
 Усов С.А. – 50
 Усов Яким – 385
 Устинов Григ. – 337
 Устюжанин Е.И. – 344
 Утешев Урукчей – 413, 458
 Ухтомский – 217
 Ушков – 347
 Фадеев И. – 482
 Фадеев Федор – 315
 Фаизов Шарып – 292
 Файезханов Хусаин – 357
 Фаткуллин Абдулла – 292, 299
 Федор Иванович, царь – 53, 89, 90, 376, 423
 Федоров – 115
 Федоров Алексей – 335
 Федоров Андрей – 306, 308, 327
 Федоров Ем. – 337
 Федоров К. – 71
 Федоров Ларион – 393
 Федоров Н., подмастерье – 311
 Федоров Павел – 145
 Федоров Петр – 133
 Федорова – 135
 Федоровская Н. – 73
 Федотов Сергей – 133
 Феноменов М.Я. – 106
 Фигнер – 215, 229
 Филарет, митрополит – 51, 274

- Филатов Т.Е. – 144, 145
Филиппов – 349
Филиппов Ив. – 315
Филиппович – 348
Филлипсон (Филипсон) – 191, 193, 255
Филюшин С. – 181, 183
Фирсов Н.А. – 77, 376, 377, 472
Фирсов Н.Н. – 8, 10, 13, 18, 19, 27, 76–87, 108, 150, 154, 268, 277, 278, 305
Флетчер – 378
Фомин Ив. – 337
Франзбеков Ив. – 402
Фриче В.М. – 101
Фукус К. – 82, 348
Фурзиковы – 185, 186
Фурье – 274
Хабаров – 218
Хайруллин Магасумзян – 128
Халитов Сейфулгабит – 291
Хамитов Мухамед Шагей – 292
Хамитов Насыбулла – 292, 294, 298, 299
Хардин – 74
Хардин М. – 74
Харитонов Михаил – 439, 465
Харун-аль-Рашид – 39
Харя Я. – 309
Хасан – 355
Хасанов Х.Х. – 24
Хворостинин Д. – 454
Хвостов М.М. – 8
Хисамутдинов Г.М. – 24
Хитрово Б.М., боярин – 54, 395, 432
Хитрово, воевода – 61
Хишам, халиф – 39
Ходкевич – 427
Хозяшевы – 413
Холелев Дм. – 440
Хорин – 364
Хохловы Иван и Федор – 432
Хохлаков – 347
Христофоров И.Я. – 52, 56, 58, 59
Хрушов – 105
Хрящева А. – 154
Худяков М.Г. – 7, 369, 377
Царьков – 181
Цветков – 352
Церетели Г.Ф. – 96
Церетелли – 216
Цешинская Н.И. – 104
Цыплекхин (Цыплеха, Ципляха) Андрей – 314, 320, 330, 332
Чавай – 444
Чавайна С. – 444
Чегодаев А.П. – 179, 180
Челноков – 205, 206
Чемесов П. – 61
Чемоданов – 185
Чемодуров – 317
Чемылов Емельян – 405
Чепаев Чемей – 414
Чепеслин Б.И. – 405
Черкасов И.А. – 334
Черкашенин С. – 440
Чернобровцев П.С. – 104
Чернов – 234, 235
Чернов А. – 309
Чернов К. – 187
Черновский – 54
Чернышев Евгений Иванович – 6–27, 127, 271, 344
Чернышева (Храмцова) Раиса Ивановна – 6, 20
Чернышева Анна Ивановна – 7
Чернышева Татьяна Евгеньевна – 6, 20
Чернышевский Н.Г. – 77, 271, 272, 343, 350, 354, 359–362
Черняк – 363, 365
Чинаев А. – 70
Чинаков И.Е. – 175
Чирковы – 69, 181
Чихметьев – 257
Чичерин – 19
Чубаров – 61
Чувашев Иневат – 60
Чугунов – 181
Чудинов Д. – 271
Чумаков – 173
Чуманов Ефрем – 55
Чурашев А.В. – 333
Чурашев Васька – 333
Чюреев Уразбахта – 411
Шабанко – 440
Шавалдышев О. – 385
Шагалева Вафа – 355
Шагиахметов (Шагеев) Хусаин (Саин) – 292, 294, 297–299
Шакиров М. – 123
Шакиров С. – 195
Шаметдинов Фаттахутдин – 128

- Шамсутдинов Тазетдин – 292
 Шапкин Игнатий – 466
 Шарап, служ. тат. – 404
 Шатский – 192
 Шафигуллин Н. – 192
 Шашин – 197
 Шашина – 257
 Шейн А. – 64, 66
 Шейх-Али, хан – 371
 Шелгунов – 271, 272
 Шелгунов Н.В. – 271
 Шелимов Н.Г. – 71
 Шереметев Б.И. – 49
 Шереметев Ф.И. – 425, 426, 455
 Шереметевский В. – 102, 103
 Шерин Василий – 388
 Шерин Герасим – 387
 Шестаков А.В. – 157
 Шестаков С.П. – 19
 Шешуков – 62
 Шибаев Мухамет-Галей – 291
 Шигаев Бутыш – 441
 Шийдяк – 379
 Шильников – 466
 Ширишилов – 73
 Шихкамаловы Барямгоска и Тюлянчик – 479
 Шишкин И.Г. – 338
 Шишкин И.П. – 314, 337
 Шишкин Иван – 330, 332, 335
 Шишов – 201
 Шляпников Ив. – 332
 Шмонин Ив. – 441, 442
 Шнуровский К. – 182
 Шонгутский – 293, 296
 Шпилевский С.И. – 471, 476, 480
 Штуцер И.И. (Штругер) – 239, 261, 262
 Шубин – 405
 Шугуров Е. – 455
 Шуйский В. – 455
 Шульгин – 455
 Шумаков С.А. – 100
 Шуст – 440
 Цапов А.П. – 12–14, 25, 27, 50, 51, 77, 80, 83, 269–276, 360, 361
 Щеголин Вол. – 307, 313, 320
 Щепелин О. – 68
 Щепин В. – 440
 Щербань – 50
 Щербатов М. – 376
 Щербатов Ф. – 323
 Щетинкин П.В. – 164, 226, 242, 243
 Щетчик Н. – 309
 Щукин – 105
 Элпидин М. – 361, 362
 Эмин – 39
 Энгельс Ф. – 153
 Эннатский – 191
 Юмашев – 352
 Юнусов – 181–183, 277
 Юрьев Василий – 388, 390, 392
 Юрьичев – 261
 Юсупов Г.В. – 469
 Юсуф, мурза – 380
 Юхин Т.А. – 264, 265
 Языков – 54
 Якимов – 211
 Якобий Л.П. – 211
 Якобий, матрос – 134
 Яков, князь – 480
 Яковлев А. – 312, 314, 316, 332, 333
 Яковлев Ив. – 314
 Яковлев Я.А. – 156, 157, 268
 Яковлев, князь – 480
 Якупов Юсуп – 301
 Якушкин И.Д. – 9
 Якшин – 406
 Ямай, служ. тат. – 404
 Ямаетев Утегей – 414
 Янбаевы – 435
 Яникеевы – 413
 Янишевский Э.П. – 298
 Янковские Федор и Иван Федоровичи – 431
 Яныгыт – 444
 Яныш, служ. тат. – 404
 Ярмуш, князь – 476
 Ярцов Иван – 306, 308, 309
 Якушев Багим – 408
 Якушев Богдан Исенеев сын – 413, 458
 Якушев Ишкой мурза князь Багишев сын – 481
 Якушев Кадыш – 409
 Якушев Карамамет мурза Доскеев сын – 481
 Якушев Янбарис – 411
 Якушевы – 413, 414, 481

Географический указатель

- Аба-Касы, д. – 131
 Абашай, вол. – 430
 Абда, пуст. – 476, 483
 Абди Старые, д. – 233
 Абдинская вол. – 170, 198
 Абдула (Абдылы), д. – 478, 483
 Абзебар (Абзабар, Абзябары), д. – 352, 477, 483
 Абла, д. – 478, 483
 Абрискино, с/о – 208
 Абызасова, д. – 476, 483
 Авдеева, д. – 173
 Аверьяново, д. – 214
 Авзяно-Петровский завод – 304
 Австрия – 97
 Австро-Венгрия (Цесарский двор) – 90
 Агайбаш, д. – 472, 473, 483
 Агач (Аган, Опач), д. – 472–474, 483
 Агиш, д. – 476, 483, 484
 Агишево (Зюрейская дор.), д. – 494
 Агрыз, д. – 481, 483
 Азбаба, д. – 482, 494
 Азелеевская (Азимиевская, Азелева, Азелеево), д. – 482, 494
 Азелеевская вол. – 200
 Азима, р. – 495
 Азия – 52
 Азов, г. – 92
 Азяк, д. – 66, 477, 483, 492
 Айбаш, д. – 478, 484
 Айбечь, д. – 132, 146
 Айтурган, д. – 483
 Айша Большая, д. – 477
 Айша Верхняя, д. – 484
 Айша Малая, д. – 477
 Айша Нижняя, д. – 484, 489
 Айша, д. – 406, 478, 484, 493
 Аки, д. – 478, 483
 Аккозина, д. – 481, 483
 Акрамовская вол. – 123, 124, 240
 Акса, д. – 494
 Аксубаевская вол. – 197, 256, 257
 Аксумла Большая, с/о – 208
 Алан, д. – 414
 Алат Малый, д. – 478, 483
 Алат Средний, д. – 484
 Алатская вол. – 250
 Алатская дор. – 411, 414, 470, 471, 478, 483–494
 Алаты Большие, д. – 478
 Алаты, д. – 461, 478
 Алатырский (Алатарский) у. – 49, 60–75, 395, 425, 439, 442, 465
 Алатырь, г. – 71, 425, 439, 465, 466, 468
 Албаба другая (Олбасы, Албасы), д. – 494
 Албаба, д. – 352, 355, 403, 482, 494
 Алгышевы, д. – 65
 Алдарово (Айдарово), д. – 481, 484
 Алдербьш (Алдермыш), д. – 478, 484
 Алдиярова, д. – 482, 494
 Александровка, д. – 173
 Александро-Невский мон. – 434
 Александро-Невский мужской мон. – 434
 Алексеевка, с. – 74
 Алексеевская вол. – 179
 Алексеевское с/о – 179
 Алкеева, д. – 484
 Алкинское с/о – 195
 Алметева, д. – 478, 484
 Алпарова, д. – 484
 Алпарово Новое, д. – 279
 Алпарово Старое, д. – 279
 Алыкная (Улылая), д. – 475, 484
 Алым-Касинская вол. – 138, 147, 219
 Алыш, д. – 482, 483
 Алышевская (Алишева), д. – 482, 494
 Альведино, д. – 476, 484
 Альгазы, д. – 475
 Алье-Касы, д. – 138
 Альемендереве, д. – 483
 Альеменево, д. – 301, 482, 494
 Алышеево, д. – 494
 Аман, д. – 477, 484
 Амангозя, пуст. – 476, 484
 Амачкино, д. – 431
 Аметева, д. – 484, 486
 Аметьево, д. – 461
 Анат – и Калай Касинское с/о – 125
 Анатыш (Онаташ), д. – 475, 484
 Анатыш, с. – 253
 Анатышская вол. – 170, 252, 253
 Анатышский перевоз – 404
 Анга, с. – 276
 Англия – 90, 97, 360, 378

- Андреевка (Алатырский у.), д. – 68
 Андреевка (Чистопольский у.), д. – 353
 Аниш, р. – 441, 482
 Антоновка, с. – 167
 Анчигир, р. – 494, 497
 Анчиково Верхнее, д. – 187
 Анчиково Ниж., д. – 186, 187
 Апастово, д. – 356
 Аралово, д. – 482
 Арбузова, с. – 62, 63, 68, 69, 71
 Аргаш, пригород – 466
 Аргиз, р. – 492
 Ардатово (Ардатова, Ордатова), с. – 75, 482, 495
 Ардатовский у. – 151
 Ардяш, д. – 413
 Арей, р. – 482
 Арентова – 139
 Аржадеево Новое, д. – 66
 Аржадеево, д. – 61
 Арзамас, г. – 68, 71, 425, 439, 456, 466
 Арзамасский у. – 60–65, 67–69, 71, 425, 426, 439, 442
 Арзаматово, д. – 191
 Аркатовская вол. – 119, 252
 Армения – 450
 Армянская слоб. – 370
 Армянская, ул. – 370
 Арняш (Урнашбаш), д. – 477
 Арняш, д. – 477, 484
 Арпа, пуст. – 477, 484
 Арпаяс-Янасалы, с. – 355
 Арск, г. – 295, 422, 447, 452, 477, 484
 Арская вол. – 250
 Арская дор. – 62, 64, 66–68, 395, 402, 411, 477, 478, 483–494, 499
 Арское поле – 340, 452
 Архангельск, г. – 384, 385, 388, 390, 392, 396, 397, 437, 462, 463
 Архангельское (Казанский у.), с. – 461
 Архангельское (Свияжский у.), с. – 415
 Архангельское (Симбирский у.), с. – 65
 Архангельско-Янтиковская вол. – 146
 Арчиловка 1-я, д. – 202, 204
 Арчиловка 2-я, д. – 204
 Арчиловское 1-е с/о – 204
 Арыж, д. – 494
 Арыш, д. – 475, 484
 Арышхазда, д. – 476, 483, 484, 491
 Аря (Аря-Аля), р. – 495, 496
 Асан-Илгинская вол. – 258, 260
 Асанова (Асенова, Асинова), д. – 482, 495
 Асаново, пуст. – 476
 Ассирия – 38
 Астраханская вол. – 226, 252, 253
 Астраханское ханство – 371, 379, 446
 Астрахань, г. – 62, 347, 362, 372, 373, 381, 390, 396, 397, 437, 438, 450
 Астрахань, д. – 438, 474
 Асюнева (Асенева), д. – 482, 495
 Атабаево (Табаева, Табаи), д. – 473, 484, 495
 Атабаевский луг – 480
 Атар (Свияжский у.), д. – 483
 Атар, д. – 478
 Атиков, д. – 189
 Атмас (Отмас) Большой, д. – 475, 490
 Атмас (Отмас) Малый, д. – 475, 490
 Атна Большая, д. – 128, 470, 478, 484
 Атна Малая, д. – 470, 478, 484, 493
 Атна, д. – 291, 461
 Атряс (Отрячь), д. – 476, 484
 Атрясы (Отрясы, Большой Атряс), д. – 483, 495
 Атрячь, с. – 164, 171
 Аттика – 96
 Аттиково, с. – 187
 Аты Верхние, д. – 477, 484
 Аты Средние, д. – 477, 484
 Аты, пуст. – 470
 Аты, р. – 484
 Атяшевы под Сурским лесом, д. – 62
 Африка – 52
 Ахмылово, д. – 433
 Ахтачинский острог – 479
 Ахча, д. – 475, 483
 Ачасыри (Ачасыри Большие, Асасырова, Ашеширова), д. – 402, 482, 495
 Ачасыри Малые (Ачасыр), д. – 482, 495
 Ачи, д. – 402, 403, 476, 484
 Ачинское с/о – 175
 Ашит (Старый), д. – 484
 Ашит, р. – 478, 491
 Ашитбаш (Сенные покосы), д. – 292, 293, 478
 Ашияз (Айшияз), д. – 478, 484
 Ащерма (Яштери, Яшурма), д. – 477, 484, 403
 Ащерма Большая, д. – 484
 Ащерма Верхняя, д. – 476

- Ашерма Нижняя, д. – 476
 Аязы, д. – 478, 484
 Багашево, д. – 482
 Багдад, г. – 39
 Багурна, р. – 63
 Баджюг, д. – 482, 495
 Баева что на р. Инзоре, с. – 75
 Баевы на р. Саре, д. – 61, 62
 Баевы Подгородная, д. – 60
 Баевы, д. – 72
 Базарно-Матаковская вол. – 143
 Базяково, д. – 242
 Баирли (Бирли), д. – 478, 484
 Байбахтина, д. – 482, 495
 Байгулово Верхнее, д. – 186, 189
 Байгулово, с. – 186, 189
 Байлангар (Байланлар), д. – 432, 477, 484
 Байметево, д. – 187
 Байрашевское с/о – 125
 Байтеряково (Батирек), д. – 475, 495
 Байтеряково, с. – 353, 355
 Байчуга (Бачаги), д. – 473, 484, 492
 Байчурунский починок (Мамся), д. – 291–
 294, 298
 Бакырчи (Бакарчи), д. – 482, 495
 Баландыш, д. – 477, 484
 Балахна, г. – 425
 Балахчая (Балыхча), д. – 475, 484
 Балдаевская вол. – 138
 Балтачи, д. – 475
 Балтийское море – 93, 371, 446
 Балыкли, д. – 477, 484
 Балыкуль, д. – 355
 Балымер, с. – 202
 Балымерское (Балымеровское), г. – 470,
 479
 Балымеры (Балымер, Булымер, Балымай),
 д. – 480, 484
 Барышево (Барыш), д. – 483, 495
 Баталык, д. – 483
 Батеевское с/о – 201
 Батьма, д. – 481
 Бахлыхчеево, д. – 495
 Бахтеярова, д. – 484
 Бахтиярова Старая, д. – 146
 Бахтиярова, д. – 475
 Бахчисарай, г. – 42
 Бачаги, д. – 405
 Башкирия – 13, 78, 418, 446
 Бежбалда, д. – 484
 Бежбатман, с. – 192, 495
 Бежбатмен, д. – 482
 Бежболда, д. – 476
 Безводниковское с/о – 180
 Бездна Татарская (Баздна), д. – 495
 Бездна, с. – 51, 248, 249, 269–272, 353–355,
 360–362, 364
 Бейшихова другая, д. – 495
 Бейшихова, д. – 495
 Бекечи (Кибяч, Азенево), д. – 484
 Бекшейхово, д. – 495
 Белая Воложка, р. – 441, 495
 Белая, р. – 468, 469, 481
 Белка, пуст. – 474
 Беловолжское с/о – 187
 Белоруссия – 157
 Белый Ключ, д. – 355
 Белый Яр, г. – 457, 466
 Беляев Починок – 238
 Беляхчинское с/о – 175
 Бердыбекхан (Бердыбек), д. – 475, 485
 Березник (Ксна), д. – 292
 Березовая Грива, д. – 242
 Березово, д. – 436
 Березовское с/о – 179
 Березя, д. – 478, 485
 Берли (Бирле), р. – 482, 494, 496, 497
 Берсут, д. – 476, 485
 Берсут, р. – 411, 476
 Бетка, д. – 475, 485
 Бетка, р. – 475, 484, 485, 489
 Бет-Кукмор, вол. – 416, 420, 478
 Бетьки, д. – 485
 Бетьковская вол. – 170, 252
 Биабаш, д. – 482, 495
 Бигашевский починок (Сюрда), д. – 292
 Бигишна, вол. – 416, 420, 478
 Бизюргуб, д. – 183
 Бикеева (Бикей), д. – 483, 495
 Биктемирова Средняя (Бектемерова), д. –
 143, 144
 Бикши Большие, д. – 132, 146
 Бикши Малые, д. – 146
 Билярск (Буляр, Бюляр, Биляр, Булярский
 городок), г. – 457, 464, 479, 480
 Билярск, д. – 480, 485
 Бима Бишнякова, д. – 475, 485
 Бима Бурначеевская, д. – 475, 485
 Бима, р. – 485
 Бимеры, д. – 477, 478

- Бимерь (Зюрейская дор.), д. – 485
 Бимерь (Пимерь) (Алатская дор.), д. – 490
 Бимерь Большая, д. – 470, 477, 478
 Бимерь Малая, д. – 405, 477, 478
 Бимерь Тавелева, д. – 470, 485
 Бирск, г. – 360
 Бирский у. – 44
 Бирюева, д. – 485
 Бирюли, д. – 477, 485, 487
 Битаман, д. – 485
 Битши, вол. – 416, 423
 Бишево Малое, д. – 139
 Бишево, д. – 482, 495
 Бишня (Бишина), д. – 485
 Богазкей – 38
 Богана Старая, д. – 485
 Богдановка, д. – 170
 Богдашкино, с. – 194
 Богородицкий мон. – 447
 Богородская вол. – 174, 175, 186, 189, 218, 256, 257
 Богородское с/о – 185
 Богородское, с. – 461
 Богоявленская церковь – 7
 Бокшандин – 188
 Бокшандино (Медян), д. – 60
 Бол. Кульгинское с/о – 180
 Бол.-Тюлязи, д. – 124
 Болгар Кривой (Болгояр), д. – 483, 495
 Болгузино (Кучуковы Челны, Налгозя), д. – 476
 Болониха, д. – 439
 Болтаева, д. – 412
 Болтай (Трех Болтаево), д. – 495
 Болтасы, с. – 490
 Болтачи (Болтачева), д. – 483, 485
 Болзовка, с. – 364
 Больше-Атнинская вол. – 127, 145, 282, 289
 Больше-Атнинское с/о – 127, 128
 Больше-Менгерская вол. – 282, 293
 Больше-Толкишевская вол. – 256
 Больше-Шигаковская вол. – 116
 Борзая Коса, д. – 172
 Борисоглебское, с. – 170
 Боршло (Воршло), пуст. – 476, 485
 Ботьма, д. – 480
 Брагин, д. – 441
 Брехова, д. – 173
 Брынка (Брум), д. – 475, 485
 Брысы Малые, р. – 492
 Брысы, р. – 475, 485–487, 491, 493
 Бугровка, с. – 184
 Бугульма, г. – 29
 Буетырь, пуст. – 476
 Бужа, д. – 477, 485
 Буженер Новый, д. – 127
 Бузаева (Бузая), д. – 403, 482, 495
 Буинский у. – 151, 194
 Буинское с/о (Мамадышский у.) – 140
 Букени, д. – 122
 Букенское с/о – 123
 Буккал, имение – 257
 Букмышская вол. – 243
 Була Большая, р. – 482
 Була Малая, р. – 482
 Булак, р. – 447, 448
 Булатова (Булат), д. – 482, 495
 Булгак, д. – 475
 Булгарское ханство – 468
 Булдовы, д. – 62
 Булчак, д. – 484, 485
 Булчикле, д. – 483, 495
 Бураково, с. – 165, 353
 Бурен, д. – 485
 Бурец, д. – 432
 Бурец, р. – 494
 Буркаш, д. – 478, 485
 Бурметево, д. – 198
 Бурнак (Бурнаково), д. – 402, 477, 485
 Бурнаш (Арская дор.), д. – 477
 Бурнашево (Арская дор.), д. – 477, 485
 Бурнашево (Ногайская дор.), д. – 474, 485
 Бурнашево Татарское (Свияжский у.), д. – 415, 482, 483, 495
 Бурнашево, с. – 352
 Буртас Старый, д. – 483, 495
 Буртасы (Бурты), д. – 355, 483, 495
 Бурты (Бутыри), д. – 404, 475, 482, 485
 Буртык (Бутырка), р. – 475, 485, 487
 Бурундук (Бурундуки, Бурундуково), д. – 455, 482, 495
 Бурундуки, с. – 426
 Бурундуковская вол. – 194
 Бурцевское с/о – 179
 Бускеева (Бускей), д. – 482, 483, 495
 Бустырь, пуст. – 485
 Бусурманская Слобода, д. – 495
 Бутлеровское 1-е с/о – 180
 Бутлеровское 2-е с/о – 180

- Бухара, г. – 97, 370, 381, 450, 462
 Бученба, д. – 474, 485
 Быкокуры, г. – 388
 Вага, г. – 385, 388, 397
 Валдайский у. – 106
 Валдайское озеро – 103
 Вараксино, д. – 338, 436
 Варангуш-Яваш (Яваш, Юбаш-Яваш), д. – 293, 478, 494
 Варварино, д. – 355
 Василиуков беляк, вол. – 423
 Васильевка, д. – 355
 Васильсурск, г. – 375, 439, 442
 Введенская слоб. – 352
 Введенский женский мон. – 434
 Ведянец, с. – 69
 Великие Луки, г. – 416
 Великий Новгород, г. – 370, 371, 397, 447
 Великобритания – 42, 97
 Венета, д. – 476, 485, 494
 Верези, д. – 352
 Верески (Большие), д. – 478, 485
 Верески Малые, д. – 478, 485
 Верхне-Арбашево, д. – 260
 Верхне-Якинское с/о – 123
 Верхняя и Нижняя Волга – 114
 Верхняя, д. – 353
 Ветлуга, р. – 421, 422, 424, 432, 434, 440, 442, 443, 453, 469
 Ветлужская вол. – 426
 Виленская губ. – 150
 Вишневая Поляна, с/о – 208
 Вишня, д. – 478
 Владельну, с/о – 179
 Владимирское, с. – 419
 Водолеево, д. – 191, 213
 Водолеево, поч. – 441
 Вознесенский женский мон. – 433
 Вознесенское, с. – 389
 Волга, р. – 66, 67, 84, 167, 191, 241, 304, 346, 347, 354, 359, 364, 372–374, 379, 380, 392, 401, 402, 416, 417, 419, 420, 424, 426, 427, 432, 438, 439, 441, 442, 447, 450, 452, 454, 455, 457, 464, 468, 469, 474, 476, 480, 482, 483, 496
 Волжско-Камская (Камско-Волжская) Болгария (Болгарское гос-во) – 84, 87
 Волжско-Камский (Камско-Волжский) край – 24, 43, 47, 87, 304, 370, 374, 382–384, 386, 388–393, 396–398, 400, 401, 403, 424, 449, 456, 464
 Волжско-Камский бассейн – 371
 Волжско-Камский торговый путь – 371
 Вологда, г. – 388, 396, 397
 Вологодская губ. – 303
 Волоколамск, г. – 427
 Волостниковка, д. – 353
 Воронеж, г. – 457
 Воршло, д. – 479
 Воряш, р. – 488
 Воскресенская вол. – 135, 138, 139, 147, 219
 Воскресенское, с. – 440, 443
 Восток – 35, 37, 38, 40, 41, 43, 84, 90, 95, 97, 281
 Восточная Европа – 398
 Вошторма-Кукмар, д. – 477
 Вторая Чурашева, д. – 138
 Вусь-Пуртское с/о – 125
 Выровский завод – 304
 Высокая Гора (Высокая горка, Выгорь, пуст. Вырга), д. – 422, 452, 478, 485
 Вычегда, г. – 388, 397
 Вязовка, с. – 74
 Вятка (Еворек), р. – 373, 419, 421, 424, 432, 447, 455, 463, 468, 469, 477, 481, 485, 489–492, 494
 Вятка, г. – 272, 347, 360, 365, 388, 389, 392, 396, 425, 443, 455
 Вятская губ. – 48, 283, 359
 Вятский Волок – 388, 397
 Вятский край – 24, 347, 389, 396, 462
 Вятский у. – 443
 Гаврениха, д. – 433, 439
 Гадыши, д. – 106
 Газни – 39
 Галицкая дор. – 411, 429, 434, 478, 487
 Галицкий у. – 427, 440
 Галич, г. – 425, 427, 478
 Германия – 97
 Глухое озеро – 490
 Гоголиха, с. – 258–261
 Голландия – 90
 Гонба (Гоньба), д. – 477, 485
 Городковское с/о – 180
 Горская на Бурсе, д. – 198
 Горшечная, слоб. – 459
 Гремячинское с/о – 180
 Греция – 96

- Гришино, с. – 146
 Грузия – 450
 Губайдуллина, д. – 173
 Гусиха, д. – 355, 364
 Гусихинская вол. – 249
 Дания – 90
 Дватга-Пюргь, д. – 132
 Девлезери (Девлизерево) Верхние, д. – 172, 173, 254
 Девлезерово (Сересево) (Свияжский у.), д. – 482, 495
 Девлизерево (Девлезеровская) (Алатская дор.), д., пуст. – 478, 485
 Девлизери Средние, д. – 173
 Девликеево (Девлеткильдеево), д. – 389, 474, 485
 Девликей, д. – 482, 495
 Девук (Деук), д. – 477, 485
 Демешкино, д. – 191, 213
 Денисов, д. – 441
 Дербышки, д. – 478, 485
 Державино, с. – 242
 Державинская вол. – 226, 252
 Дертюли (Зюрейская дор.), пуст. – 485
 Дертюли (Ногайская дор.), пуст. – 485
 Дертюли (Чемодурова), д. – 475, 485, 489
 Дертюли Большие, д. – 476, 485
 Дертюли Малые, д. – 476, 485
 Дигитлинское с/о – 140
 Дмаша, вол. – 416, 423
 Дмитриевское, с. – 73
 Дмитриевка, д. – 353
 Дмитриевское, д. – 461
 Долгая Поляна, д. – 170
 Долгая, д. – 406
 Долгое озеро – 490
 Дон, р. – 85, 157, 438
 Донская область – 364
 Дрожанов Куст (Тепреле), д. – 495
 Другой Укречь, пуст. – 475, 492
 Дубенки, д. – 66
 Дубовская вол. – 151
 Дубровки, д. – 64
 Дусмы, д. – 128
 Евлушай (Евлушейк, Лушейка) (см. также Курманаково), д. – 475, 485
 Европа – 39, 52, 90, 92, 93, 96, 97, 103
 Европейская часть России – 118, 389
 Египет – 38, 42, 96
 Егоркинская вол. – 170, 257
 Едигерово, д. – 483, 495
 Екатериновка, д. – 173, 353, 355
 Елабуга (Алабуга), г. – 392, 393, 397, 463, 485
 Елагино (Ялаг-иле), с., д. – 470, 476, 485
 Елаевка, с. – 69
 Еланы, д. – 487
 Елань Большая, д. – 476
 Елань Малая, д. – 476
 Елань, д. – 486
 Елань, с. – 405
 Елаур, с. – 205
 Елга другая, д. – 486
 Елга Малая, д. – 475
 Елги Большие, д. – 139, 402, 475, 486
 Елшейков, поч. – 406, 407, 474, 486
 Ельшевская вол. – 124
 Емангашский мост – 439
 Емельяновка, с. – 165
 Емуратка, д. – 126
 Енали, д. – 483, 495
 Енасала (Кукушкино), д. – 486
 Енасалы (Енасала, Янасала) (Свияжский у.), д. – 483, 495
 Енасалы (Янасал), д. – 486, 487
 Енасалы, д. – 414, 476
 Енгальчево, с. – 73
 Енгильдеева (Енгильдеевская) (Алатская дор.), д. – 478, 486
 Енгильдеевская (Енгильдеева, Янгильдеева, Ангийлдеева) (Зюрейская дор.), д. – 405, 476, 486
 Енгурча (Енгурчеева), д. – 476, 486
 Енисейск, г. – 388, 397
 Енмалы, д. – 484, 486
 Енсубино (Юлсубино), д. – 475, 486
 Епанчино (Алатская дор.), д. – 477, 478, 486
 Епанчино (Ногайская дор.), д. – 473, 486
 Ерань, вол. – 420
 Ернур с. – 185
 Ертуш (Юртуш, Ертуся), д. – 478, 486
 Ерши-Пось, д. – 131
 Ерыкла, д. – 143, 258
 Ерыклинск – 457, 464, 466
 Ерыклинская вол. – 256
 Ерыкса (Ярыкло), д. – 413, 486
 Ерыксы, р. – 441
 Ерянкино, с/о – 208
 Естачи Большие, д. – 476, 486, 488

- Естачи Малые (Естачи Новые Меньшие), д. – 405, 476, 486
 Жильгильди, д. – 128
 Жуково (Буинский у.), с. – 194
 Жуково (Казанский у.), с. – 75
 Жукотина, д. – 486
 Заволжье – 105
 Задурка (Задоровка), д. – 495
 Заинск, г. – 457
 Займище (Смоилево, Смоклево, Измаил), д. – 406, 407, 474
 Закавказье – 371, 396, 397
 Закамская черта – 430, 457
 Закамье – 479, 484, 485, 489, 491
 Заозерье, д. – 66
 Западная Европа – 37, 95, 98, 397
 Засыпкина слоб. – 459
 Затеевское с/о – 180
 Зеленовка, д. – 188
 Зилантовский мон. – 375, 418, 447
 Золотая Орда – 42, 84, 376
 Зюзинская вол. – 254
 Зурейская дор. – 401, 403, 410, 411, 414, 470, 476, 483–494
 Зюри, д. – 477, 486, 493
 Зюринская вол. – 115
 Ибрайял, д. – 135
 Ибря, д. – 478, 486
 Иванаев, поч. – 412
 Иваново (Цивильский у.), д. – 146
 Иваново, д. – 137, 138
 Иваново-Вознесенская губ. – 104
 Ивановская вол. – 257
 Ивановское (Елкино) (Козьмодемьянский у.), с. – 432
 Ивановское (Свияжский у.), с. – 166
 Ивряз, д. – 483
 Иглиновка, д. – 74
 Игнатовы, д. – 66, 70
 Идельмеси, д. – 189
 Иж, р. – 481
 Изамбаево Кармала, д. – 279
 Изановская, д. – 355
 Изгарская вол. – 256
 Изгары, д. – 353
 Изитеевская, пуст. – 432
 Изма, д. – 477, 486
 Измерь, д. – 355
 Изупузи (Изупози), д. – 478, 486
 Ик, р. – 481
 Икимен (Якимен, Маматова, Икемен), д. – 475, 486, 493
 Икское устье, д. – 486
 Илеть (Илнет), д. – 486
 Илеть, вол. – 416, 478
 Илеть, р. – 421, 469, 478
 Ильинская вол. – 181, 182, 220
 Ильинское, с. – 440
 Ильмовый Куст, д. – 151
 Имелня, р. – 496
 Именева Другая, д. – 482, 495
 Именева, д. – 482, 495
 Именкеске (Именькова, Иман-Киска), д. – 412, 470, 475, 479, 486
 Инга, р. – 478
 Индия – 42
 Индырчи, д. – 482, 495
 Инза, ст. – 163
 Инса, д. – 413, 478, 486
 Инса, р. – 486, 488
 Инсечурина, д. – 478, 486
 Иран – 450
 Ирбит, г. – 347
 Ирга Новая, д. – 173
 Ирга, р. – 475
 Ирек (Ирюк), д. – 477, 486
 Иркутск, г. – 276
 Иркутская губ. – 299
 Исамова, пуст. – 476, 486
 Иске-Юрт Другой, д. – 476, 486
 Иски Казань (Иски-Казань, Ички-Казань) – 64, 67, 404, 477, 486, 491, 493
 Иски-Юрт (Иске-Юрт, Биюрт), д. – 476, 486
 Исламова, д. – 482, 495
 Исфаган – 43
 Италия – 97
 Ичиксы, с. – 49
 Ишеева (Ишей), д. – 483, 495
 Ишей Верхний, д. – 477, 486
 Ишери, д. – 410, 476, 486
 Ишли Старые (Иске Ишле), д. – 495
 Ишнарат, д. – 292
 Иштерак (Иштерек), д. – 476, 486
 Ищи, д. – 476, 486, 487
 Ия Верхняя, д. – 476, 486
 Ия Нижняя, д. – 476, 486
 Ия Средняя, д. – 476, 486
 Ия, р. – 476
 Йошкар-Ола – 417

- Кааба – 39
 Каб.-Купер, д. – 238
 Кабан Старый, д. – 407, 486
 Кабан, д. – 407, 486
 Кабан, озеро – 488
 Кабаны Трое, д. – 486
 Кабищева, д. – 475
 Кабыли, д. – 487
 Кавказ – 90, 157, 289, 347, 379, 396
 Кадада, р. – 469
 Кадибердеево, д. – 475, 486
 Кадом, г. – 439, 466
 Кадьли, д. – 476, 485
 Кадышево (Кадыш), д. – 433, 476, 478, 487
 Казанбаш – 477, 487
 Казанка (Казан), р. – 62, 371, 450, 477, 478, 484–487, 492
 Казанская губ. – 8, 9, 14, 15, 17, 21–23, 25, 27, 33, 48, 103, 108, 110, 116, 118, 158, 159, 165, 184, 269, 278, 284, 285, 303, 329, 343, 344–348, 350–352, 356, 357, 362–364, 366, 367
 Казанская дор. – 60
 Казанская земля – 376
 Казанская обл. – 396
 Казанская суконная слобода – 305, 338, 339
 Казанский край – 12, 15, 19, 23, 27, 108, 110, 111, 114, 115, 120, 131, 142, 153, 163, 213, 258, 268, 288, 289, 299, 300, 374, 386, 389, 391–393, 397, 401, 447, 450, 455, 456, 463, 467
 Казанский у. – 17, 60, 62, 64–68, 75, 120, 127, 145, 149, 170, 172, 175, 176, 181, 182, 199, 215, 216, 220, 221, 223, 242, 246, 247, 250–252, 262, 277, 278, 282, 283, 285, 289, 291, 293, 301, 352, 355, 382, 399–404, 406, 408, 410–413, 419, 428, 429, 448, 449, 451, 458, 469, 471–473, 478, 481–483
 Казанское гос-во – 455
 Казанское Поволжье – 342, 427, 453
 Казанское ханство – 12, 25, 26, 87, 277, 368, 369, 371–376, 399, 400, 408, 409, 419, 424, 446, 447, 452–455, 468–475, 481–483
 Казанское царство – 82, 84, 452
 Казань, г. – 10, 11, 18, 20, 22–24, 26–29, 32, 34, 35, 44, 45, 47, 51, 58, 63, 71, 76, 80, 82, 86–88, 91, 95, 98, 100–102, 104–106, 108, 110, 111, 116, 124, 127, 131, 153, 159, 178, 199, 205, 218, 233, 251, 254–256, 262, 263, 267, 269, 271, 272, 277, 281, 290, 293, 296, 302–305, 307, 308, 313, 315, 320, 321, 323, 326, 329, 330, 332–335, 339, 343, 346, 347, 359–362, 364, 365, 368–376, 381, 382, 384–397, 399–401, 418, 420, 422, 424–427, 437, 439, 441, 442, 445–448, 450, 455, 456, 459–463, 465, 466, 468, 470, 476, 478, 481, 487
 Казенная слоб. – 394
 Казыли Верхние, д. – 477, 487
 Казыли Нижние, д. – 477, 487
 Казыли Средние, д. – 477, 487
 Казыли, д. – 477, 487
 Казылка, р. – 487
 Казыльская вол. – 164, 172
 Каибичева (Кайбицы Большие), д. – 482, 496
 Каин, д. – 487
 Каинки, родник – 495
 Каинки, с. – 352, 482
 Каинсар (Каинсар), д. – 477, 487
 Каип, д. – 475, 485
 Каип, р. – 475, 485, 487
 Каипочек, д. – 495
 Каирби, д. – 474, 487, 489
 Каирев, д. – 483
 Каирлы (Жорели, Клянчеево), д. – 496
 Кайбицы Малые, д. – 482, 496
 Кайбищева, д. – 404, 487
 Каймар Большой, д. – 487
 Каймар Мамыш (Жомар Малый), д. – 478, 487
 Каймар, пуст. – 478
 Каймарская вол. – 250
 Каймары, с. – 172
 Кайсар, д. – 170
 Какерли Старые (Иске Каккерле), д. – 496
 Калевьяб Малый, пуст., д. – 496
 Калелеп, д. – 483
 Калугино, д. – 187
 Кама, р. – 38, 84, 140, 252, 346, 347, 364, 373, 395, 404, 405, 411, 424, 429, 447, 450, 454, 461, 468–470, 473, 475, 476, 479, 480, 484–487, 490, 492
 Камаева, д. – 477
 Каменная Гора, д. – 125
 Каменное, с. – 238

- Каменный Град (Чепкас, Шарт Таткас, Каменный Брод), д. – 482, 496
 Камкина, д. – 487
 Камкины Новые, д. – 279
 Камкины Старые, д. – 279
 Камский край – 12
 Камско-Вятский край – 389
 Камско-Вятский р-н – 382
 Камчатка – 308, 313
 Камышла Малая, с/о – 208
 Камышла Средняя, с/о – 208
 Кандада, д. – 481, 487
 Кандеевка, с. – 362
 Канше, д. – 69
 Капердено (Капердино), д. – 483, 496
 Капердино, с. – 461
 Карабаян, д. – 477
 Карабулат (Карадули), д. – 487
 Карадуван (Карадован), д. – 477, 487
 Карадулат, д. – 474
 Караева, д. – 474, 487
 Караишево, д. – 406, 407, 474, 487
 Каракатаны (Кара-Кегга), д. – 496
 Караккозя (Карагози, Кургузи), д. – 478, 487
 Каракчей-Кабан, д. – 406, 407, 486
 Карамас Большой, д. – 487
 Карамас, вол. – 416, 420, 434, 478
 Карамышево, д. – 476
 Каратай, д. – 477, 487
 Каратам, д. – 482, 496
 Каратман, д. – 414
 Караульная Гора, с/о – 208
 Карачуры Бол., с. – 187, 212
 Карашерма, д. – 477, 487
 Каргалинская вол. – 193, 257
 Каребеляжковское с/о – 116
 Карлинская слоб. – 74
 Карлинская черта – 457
 Карлы, р. – 457, 466, 483, 498
 Кармалы Старые, д. – 482, 496
 Кармачи, д. – 352
 Кармачи, пуст. – 404, 475, 487
 Кармышева, д. – 477, 487
 Кармышская вол. – 199, 250, 251
 Карсунская черта – 439
 Карташиха, д. – 352, 473, 491
 Карцовка, с. – 187
 Кастерина, пуст. – 487
 Катаева, д. – 487
 Катюшино, д. – 248, 249
 Качейкино, д. – 183
 Качиево (Казыева, Казево), д. – 483, 496
 Качкляя, д. – 477
 Кашкара, имение – 258, 260
 Кашпир – 469
 Кебек-Черемыш (Тебек-Черемыш), д. – 476, 491
 Кебеч, д. – 402
 Кебечи Малые (Кебеч), д. – 487
 Кебеш Большой (Кебечи, Кибечи), д. – 476, 487
 Кебичи (Кебечи, Кибячи), д. – 476, 489
 Кеземетева, пуст. – 487
 Кемерчи (Комерчи), вол. – 416, 423
 Кемли, с. – 70
 Керенск, г. – 439
 Кетек (Китяк), д. 487
 Кетек, вол. – 416, 432, 477
 Кечюшево, д. – 61, 64, 66, 72
 Кибечь Средний, д. – 147
 Киби Малые, д. – 476, 490
 Кибяк-Кози Большие, д. – 477, 487
 Кибяк-Кози Меньшие, д. – 477, 487
 Кибяк-Козинская вол. – 136
 Киев, г. – 52, 462
 Киждеева (Кильдеева), д. – 483, 496
 Кизический мон. – 456, 459
 Кикина, вол. – 416, 423
 Килеева, вол. – 416, 423
 Килня, р. – 68
 Кильдешево, д. – 404, 474, 487
 Кильдишево, д. – 471
 Кильдуразы (Чирки), д. – 482, 496
 Кильнинский острожек – 457
 Киндери, д. – 478, 487
 Киндерка (Киндери), р. – 476, 479, 483, 485, 486, 488, 491, 492
 Киндеркуль, д. – 481
 Киншелеева (Конжелеева), д. – 496, 498
 Киншелей, д. – 482, 483
 Кинярский остров – 125
 Кинярское 1-е и 2-е с/о – 125
 Кира, д. – 483, 496
 Кирби, д. – 226
 Кирды Бахтина (Кирбы-Бахтинская), пуст. – 476, 487
 Киреево, д. – 192, 352
 Кирельское, с. – 461
 Киржеман, д. – 62

- Кирланга (Карланга), д. – 496
 Кирмели Старые, с. – 200
 Кирмени Малые, д. – 195
 Кирмени, д. – 481, 487
 Кирмерлин (Кермерлина, Кермели), д. – 482, 496
 Кирпичная слоб. – 459
 Кирсановский у. – 151
 Кисмесь (Кузмесь), д. – 477, 487
 Кисмесь, р. – 492
 Китай – 41, 43, 347, 397
 Кичель (Качелина), д. – 487
 Кичемирово (Кичемерово, Киземарово, Кочемир), д. – 482, 496
 Кичкеева (Кичкилеева, Кичкенеи), д. – 482, 496
 Кичкилеево, д. – 496
 Кичуев, г. – 457
 Кишит Старый (Кишит), д. – 478, 487
 Кишкилдеева, д. – 476, 487
 Кишметев, д. – 355, 477, 487
 Киять, д. – 483
 Клери, д. – 483, 496
 Клетли (Клетни), д. – 487
 Клетни, д. – 477, 484
 Клетни, с. – 170
 Климово, д. – 189
 Клыки Большие, д. – 476
 Клыки Малые (Средние), д. – 476, 488
 Клыки, с. – 397, 463, 488
 Ключищи, с. – 65
 Ключищинская вол. – 252
 Клянчеево, с. – 355
 Клянчеевское с/о – 180
 Клянчинская вол. – 247
 Кнутихи, с. – 212
 Княжая, д. – 353
 Кобек, д. – 402
 Кобузева, д. – 496
 Кобяково (Кобяковская), д. – 476, 479, 488
 Ковали (Арская дор.), д. – 477
 Ковали (Песчаные Ковали), д. – 405, 447, 474, 488
 Ковали (Ташли), д. – 476, 488
 Ковали Большие, д. – 478, 488
 Ковали Малые, д. – 478, 488
 Ковали, р. – 487
 Ковалинская вол. – 251
 Кодряково Большое, с. – 134
 Кодряково Малое, с. – 134
 Кожино, д. – 67
 Козловка, д. – 75, 187, 189, 265, 441
 Козьмодемьянск, г., острог – 375, 392, 397, 416, 417, 425–427, 431, 433, 434, 437, 439–442, 447, 467
 Козьмодемьянский у. – 123, 125, 135, 149, 161, 176, 218, 220, 222, 223, 239, 243, 246, 421, 425, 428, 432, 439–442
 Козья слоб. – 459
 Коклеп (Коклей) Большой, д. – 483, 496
 Коклеп (Коклей) Малый, пуст. – 483, 496
 Кокрять, с. – 353
 Кокрять-Алан, д. – 481, 488
 Кокрять-Кокрышское городище – 471
 Кокчибаки, д. – 488
 Кокшага Большая, р. – 416, 421, 424, 441, 469
 Кокшага Малая, р. – 191, 416, 417, 421, 424, 469
 Кокшайск, г. – 416, 417, 426, 437, 440, 441, 447, 467
 Кокшайская, д. – 433
 Кокшайский у. – 425, 428, 431, 432, 440
 Кокшамар, д. – 191
 Кокши Большая и Малая, вол. – 416, 423
 Коласевы, д. – 61
 Кологреевка, д. – 74, 75
 Кологривовка, д. – 74
 Коломна, г. – 427
 Колунецкая вол. – 194
 Колунецкое с/о – 200
 Колучин, д. – 483
 Комаргиза (Кимаргиза, Комаргузя), д. – 478, 488
 Комаровка, д. – 124
 Комаровка, с. – 115
 Конбарова, д. – 483, 496
 Кондарат, р. – 466
 Контор-Касы, д. – 146
 Копани Большие, Малые и Луговые, д. – 439
 Коптяково, д. – 433
 Копшак, пуст. – 476, 488
 Корби, д. – 477, 488
 Коркатов, вол. – 434
 Коркет, вол. – 416, 478
 Корноухова, д. – 173
 Коробан (Коробаян), д. – 488
 Коровино (Симбирский у.), с. – 75
 Коровины (Алатырский у.), д. – 69

- Коротаво, д. – 483, 496
 Корса (Старая), д. – 478, 488, 489
 Корсун, г. – 465, 466
 Корсунская черта – 430, 465
 Коряковская, д. – 436
 Космынка, р. – 66
 Кострома, г. – 396, 425, 462
 Костромская обл. – 396
 Костромской у. – 67
 Косяково, с. – 191, 192, 352
 Косяковская вол. – 191, 192, 200, 231
 Котеева, д. – 496
 Котельнич, г. – 431
 Кочаков, д. – 140
 Кошак-Улановская, пуст. – 476
 Кошан, д. – 488
 Кошары, д. – 478, 488
 Кошелевская вол. – 201, 220, 228
 Кошки, д. – 248, 249
 Кошки-Куликеево, д. – 151
 Кошлауш Малый, д. – 482, 496
 Кошлауш, д. – 478, 488
 Кошлоуш Большой, д. – 482, 496
 Кошлоуш, д. – 131
 Кошлоуши (Кошлауш), р. – 496, 498
 Кошак (Упаново), д. – 488
 Кошаковское с/о – 211
 Красная гора – 396
 Красная Горка, с. – 238
 Красная Поляна, д. – 138
 Красная, пуст. – 477
 Красногорка, д. – 433, 439
 Краснококшайск, г. – 417
 Краснококшайский у. – 125, 127, 138, 161, 167, 168, 176, 185, 211, 217, 218, 221, 223, 246
 Красноярская вол. – 257, 265
 Красный Яр – 480
 Крестниково, д. – 201
 Кривое Озеро, с/о – 208
 Крика-Касы, д. – 135
 Кронштадт, г. – 171
 Круглое озеро – 404, 498
 Крылай (Крылай Старый, Кырлай), д. – 477, 478, 484, 488
 Крылай Малый, д. – 478, 488
 Крым – 16, 50, 90, 289, 370, 372, 378, 381, 462
 Крымская Орда – 42
 Крымский полуостров – 50
 Крымское ханство – 379
 Крысадаки, д. – 466
 Ксаир, д. – 405, 488
 Кска, д. – 477, 488
 Кубня (Кундва), р. – 482, 495–498
 Кубузево, д. – 482
 Кубянь-Кубяк, д. – 478, 488, 489
 Кугарчино (Кугурчино), д. – 412, 475
 Кугушева, д. – 482, 496
 Кудайгулова (Ташкич), д. – 292, 293
 Кудаш (Кудаш-иле), д. – 470, 476
 Кудаш (Свияжский у.), д. – 482, 496
 Кудашево (Зюрейская дор.), д. – 410, 488
 Кудышева, д. – 475, 488
 Кужар, д. – 347
 Кужер, д. – 433
 Кужмор (Кужморы), вол. – 434, 435
 Кузгунча, д. – 481, 488
 Кузебердеево (Кузембердей, Кузембердеево), д. – 475, 488, 490
 Кузмодемьянское (Кирзять), с. – 72
 Кузнецовская, пуст. – 68
 Кузнечи, д. – 248, 353
 Кузьмино Займище, д. – 479
 Кукарка, с. – 392, 397, 440, 463
 Кукарка, слоб. – 447
 Кукеевское с/о – 180
 Куклинка, д. – 205, 206
 Кукмор Большой (Ошторма), д. – 490
 Кукмор Малый (Ошторма), д. – 490
 Кукмор Русский, д. – 433
 Кукмор, вол. – 477
 Кукмор, с. – 461, 481
 Кукморская вол. – 251
 Кукморское с/о – 179
 Кукморы, д. – 481
 Кукча, д. – 477, 488
 Кукчу-Куюк, пуст. – 476, 488
 Кулабердина, д. – 482, 496
 Кулаево, д. – 251, 476, 478
 Кулаевская вол. – 250, 251
 Кулаевское с/о – 251
 Куланга, д. – 466, 482, 496
 Кулбав, с. – 347
 Кулмаметево, д. – 488
 Кулсары, д. – 476, 488
 Кулуши, д. – 476, 488
 Кулчук (Салатыково), д. – 488
 Кулчук Новый, д. – 474
 Кулчук Старый, д. – 474

- Кулчук, озеро – 474,
 Кулчук-Кулчуги, д. – 482
 Кульга Большая, д. – 488
 Кульга Малая, д. – 488
 Кульга, д. – 475
 Кульгучи (Кулчюк), д. – 496
 Кульметевка Старая, д. – 496
 Кульсеитово Меньшее, д. – 488
 Кульсеитово, д. – 477, 488
 Кулясово, д. – 72
 Кума, р. – 379
 Кумкечь, пуст. – 474, 488
 Кумор (Муморы), вол. – 416, 420
 Кунгулы (Кульгун), д. – 482, 496
 Кунгурский у. – 464
 Кундуш-Черанур (Кундыш-Черанур), вол. – 416, 420, 478
 Куницына, д. – 431, 432
 Кунши, вол. – 416, 423
 Кураишево – 373
 Курган Нижний, д. – 186
 Куримачкасы, д. – 69
 Куркачи, д. – 477, 488
 Курманаево, д. – 198
 Курманаково (см. также Евлушай), д. – 475, 488
 Курмыш, г. – 425, 439, 467
 Курмышка, р. – 496
 Курмышский р-н – 425
 Курмышский у. – 188, 421, 428, 439–442
 Куродеевка, д. – 70
 Кутерней (Кутернесь, Кутюк), д. – 477, 488
 Кутлы-Букашевы Челны, д. – 138, 471, 476, 486, 493
 Кутолма, р. – 497
 Кутушская вол. – 257
 Кутюк, д. – 477
 Кухтуял Большая и Малая, вол. – 416, 423
 Кучеева, д. – 482, 496
 Кучук, д. – 477
 Кучуряи (Кучарги), д. – 488
 Кучюковская, д. – 488
 Кушелга (Кушельга), д. – 482, 496
 Кушерга, д. – 441
 Кушкул (Кушкум), вол. – 416, 423
 Кушман Малый, д. – 482, 496
 Кушман, д. – 482, 496
 Кушман, р. – 496
 Кушманская вол. – 255
 Кушниково, с. – 191
 Кушниковское 1-е с/о – 185
 Кушниковское 3-е с/о – 185
 Кушниковское с/о – 191
 Кушня Малая, д. – 125
 Куштова, д. – 482, 496
 Куштонатовская, д. – 496
 Куюк (Ногайская дор.), д. – 489
 Куюк Малый, д. – 475, 479, 489
 Куюк, пуст. – 474, 488
 Куюки (Казанский у.), д. – 389, 397, 406, 407
 Куюки (Ногайская дор.), д. – 489
 Куюки (Спасский у.), д. – 355, 475
 Куюки Большие, д. – 474, 488
 Кшкар, д. – 471, 478, 489
 Кшкловская вол. – 128
 Кюстимер, д. – 133
 Лаиш, г., поселение, д. – 474, 475, 489, 494
 Лаишево, г., крепость, – 139, 217, 226, 252, 375, 447, 459, 471, 472, 475, 491
 Лаишевский у. – 119, 135–137, 139, 141, 161, 164, 165, 170–172, 175, 176, 179, 193, 194, 201, 216, 221–223, 226, 235, 241–244, 246, 247, 252–254, 262, 349, 352, 353, 355, 364, 365, 472
 Лальский городок – 392, 394
 Лаптевка, с. – 214
 Лапшанга, с. – 440
 Латышовка, д. – 146
 Лаща Старая, д. – 412, 482, 496
 Лебедино, с. – 254
 Ленинград – 13, 23, 47, 48, 277
 Ливония – 416
 Ликеево (Лекеево), д. – 475, 489
 Лиски, д. – 475, 489
 Литва – 90, 381
 Лихое болото – 474, 484, 489, 491, 493
 Лобаски (Собаченок), д. – 60, 65, 70
 Лобышки, д. – 355
 Ломовская вол. – 151
 Ломовы Верхний и Нижний, д. – 439, 465
 Луба, д. – 482, 496
 Луга, г. – 209
 Лунги, д. – 65, 73
 Лысково, с. – 439, 466
 Льяшево, д. – 483, 497
 Любимовка, д. – 355
 Люга, д. – 477, 489
 Лягушинское с/о – 179

- М. Курналинское с/о – 179
 М. Яндугановское, д. – 191
 Маамет, пуст. – 476, 489
 Маглоет Анжеева, д. – 497
 Мазари, вол. – 416, 423
 Маинское устье – 480
 Майна Старая, д. – 480, 489
 Майна, р. – 471, 480
 Макарьевская ярмарка – 450
 Макарьевский мон. – 434, 439
 Макеевская вол. – 188
 Максимкино Малое, д. – 126
 Максимов Починок, поч. – 238
 Макулова, д. – 497
 Мал. Кульгинское с/о – 181
 Малая Азия – 38, 370
 Малая Цивилия, р. – 497, 498
 Малая Юнга, р. – 433
 Малмыж, вол. – 416, 419, 477
 Малмыж, г. – 260, 447
 Малмыж, д. – 489
 Мало-Кирменская вол. – 122
 Мало-Кирменское с/о – 195
 Мало-Яушевская вол. – 135
 Малый бор – 480
 Мамадыш, г., с., д. – 124, 238, 392, 397, 456, 463, 489
 Мамадышский у. – 115, 120, 122, 124, 140, 141, 143, 161, 162, 170, 174, 176, 177, 188, 195, 196, 198, 199, 215–217, 221–223, 224, 232, 237, 238, 243, 246, 247, 258, 352, 355, 472, 481
 Маматкозина Старая, д. – 483, 497
 Маматкозино, д. – 483
 Маматыш Пять, д. – 482, 497
 Мамедели (Мемдели), д. – 478, 489
 Мамич-Бердея, вол. – 416, 423
 Мамкеечевская, пуст. – 489
 Мамли Козаковы Челны, д. – 139, 493
 Мамли Старые, д. – 476
 Мамотяково (Мамоткова), д. – 474, 489
 Мамсинская вол. – 17, 278, 282, 283, 285, 286, 289, 290, 292, 293, 296, 297
 Мамся, с. – 292–296
 Мамыловка, д. – 238, 239
 Мамышева (Мамыш), д. – 478, 489
 Мангазая, г. – 385, 387, 388, 396, 397
 Мансурово на Каме, д. – 473
 Мансурово, д. – 471, 473, 474
 Маралеевский враг – 496
 Мараса, с. – 258, 489
 Марасинская вол. – 125, 279, 280
 Маринский Посад, г. – 212
 Марийская АССР (Марийская Республика) – 25, 415, 481
 Марийский край – 415, 416, 418, 421, 424, 425, 428, 430–434, 439, 444, 445
 Марку, вол. – 478
 Масловская вол. – 139, 252
 Масловский остров – 123, 239, 240
 Масловское с/о – 179
 Масра, д. – 478, 489
 Матюшино, с. – 74
 Матюшкин, поч. – 461
 Машляк (Мосляк, Мышляк), д. – 476, 489
 Медянец, с. – 69, 75, 75
 Медянцы, д. – 64
 Мекеева, д. – 475, 489
 Мельничные Клыки, с. – 389
 Мемеры (Мамери) Большие, д. – 476, 489
 Мемеры (Мамери) Меньшие, д. – 476, 489
 Мемеры (Мамери) Средние, д. – 476, 489
 Мемеры, д. – 477
 Менгер Большой, д. – 291, 489
 Менгер Старый, пуст. – 471
 Менгер, д. – 478
 Менгеры Старые, д. – 489
 Менгеры, с. – 290, 295
 Мензелинск, г. – 457, 464
 Мензелинский острог – 464
 Мензелинский у. – 44
 Менинское селище, д. – 497
 Менситова, д. – 483, 497
 Меньча Чувашская с/о – 208
 Мереть, д. – 489
 Меретьяки (Мереть), д. – 475, 489
 Метески (Четвертые) (Зюрейская д.), д. – 489
 Метески Большие, д. – 477, 489
 Метески Верхние (Зюрейская д.), д. – 489
 Метески Верхние (Малые) (Арская д.), д. – 117, 170, 477, 489
 Метески Малые, д. – 477
 Метески Нижние, д. – 489
 Метески, д. – 477, 489
 Меша Большая, р. – 477
 Меша Малая, р. – 477
 Меша, р. – 405, 424, 452, 469, 471–477, 483–492
 Мешер, д. – 489

- Мещерское, д. – 497
 Миева, д. – 489
 Микишины, д. – 74
 Мимет, д. – 489
 Мингерь (Арская дор.), д. – 477, 489
 Мингерь (Ногайская дор.), д. – 474, 489
 Минская губ. – 150
 Мироносицкая пустынь – 434
 Михайловка, д. – 173
 Михайлово-Архангельский мон. – 434
 Мозяр, д. – 414, 478, 489
 Мокша, д. – 478, 489
 Мокша, р. – 468
 Моллин (Молвино, Молнина, Молвина, Мулла иле) (Свияжский у.), д. – 403, 482, 497
 Молнино (Моллы) (Арская дор.), д. – 404, 477, 489
 Молоствовка, д. – 355
 Монам (Моноли), вол. – 416, 423
 Монгольская империя – 41
 Мордовское селище – 496
 Мордовы Челны, д. – 137
 Моркваш (Моркваш), д. – 483, 497
 Моркинская (Морку), вол. – 168, 416, 420, 478
 Морлы (Морты), д. – 477, 489
 Морозовицы, с. – 388
 Москва, г. – 9, 10, 13, 22–24, 28, 35, 40, 47–49, 51, 52, 54, 65, 90, 308, 313, 332, 333, 347, 360, 371–373, 375, 377–382, 384, 385, 388–390, 393, 396, 397, 424–427, 437, 443, 450, 453, 455, 461–463
 Московия – 90, 370, 371
 Московова земля – 414
 Московская обл. – 320, 396
 Московская Русь – 55, 90, 94
 Московское гос-во – 16, 82, 85, 88–91, 98, 368, 369, 371, 372, 378, 382–384, 398, 416, 419, 437, 455, 463, 469
 Мочален (Мучелей), д. – 497
 Муй Большой (Старый), д. – 477, 489
 Муй Малый (Меньший), д. – 432, 477, 489
 Муллино Татарское, д. – 279
 Мульминская вол. – 250
 Мумариха, д. – 439
 Муморы, вол. – 478
 Мурали (Мрали), д. – 477, 489
 Мурали (Муралеевская), д. – 482, 497
 Мураса, д. – 352
 Муратово (Мурат), д. – 482, 497
 Мурашкино, с. – 466
 Мурзина слобода – 382
 Мурзинская на Каме, слоб. – 461
 Мурзинские луга – 140, 141
 Мурзиха, с. – 254
 Мурзихинское с/о – 179
 Муром, г. – 423, 425, 454, 456
 Муромская земля – 422, 452
 Мусирминское с/о – 146
 Мусирьма, д. – 146
 Муслюмкинская вол. – 257
 Мушиева (Мушаева, Мишавка), д. – 478, 490
 Мыня, д. – 395
 Мякишины, д. – 71, 74
 Н. Аба-Касы, д. – 188
 на Окше, д. – 292, 294, 298
 Набережная Куницына, д. – 431
 Нават, д. – 66
 Нагашево, д. – 196, 481
 Нагорные Аловы, д. – 63
 Надеждинский выселок – 172
 Наласы, д. – 352, 477, 490
 Налетова (Налитева), д. – 482, 497
 Нали Кукмор, вол. – 408, 416, 478
 Нальгозя (Альгоза), д. – 475, 484
 Наратбаш (Нуратбаш), д. – 482, 497
 Наратлей (Наратлы), д. – 482, 497
 Насырево, д. – 476, 490
 Наумовка, д. – 173
 Наураз, д. – 477, 490
 Нахраты Старые, д. – 143, 144
 Негасов, д. – 483
 Некрасово, д. – 170, 353
 Нерядово, д. – 191, 213
 Нерядовское с/о – 219
 Нижегородская обл. – 396, 453
 Нижегородская губ. – 48, 188
 Нижегородская ярмарка – 303
 Нижегородский край – 371
 Нижегородский у. – 421, 425, 428, 439, 442, 468
 Нижне-Алькеевская вол. – 143, 144
 Нижнее Поволжье – 83–85, 163, 381, 382
 Нижне-Томлаевское с/о – 125
 Нижне-Якинское с/о – 123
 Нижний Новгород, г. – 67, 71, 272, 347, 362, 384, 422, 425, 427, 431, 437, 452, 455, 459, 465

- Нижняя Волга – 157
 Нижняя Кама – 468
 Нижняя на р. Нус, д. – 71
 Нижняя, д. – 67
 Никифорово, с. – 229, 256
 Никифоровская вол. – 229
 Николаевская, д. – 138
 Николаевское (Растовка), с. – 73, 74
 Николаевское с/о – 179, 185
 Никольская вол. – 134, 139, 147, 186, 189, 219
 Никольское (Алатырский у.), с. – 71
 Никольское (Казанский у.), с. – 252
 Никольское (Ключищи), с. – 73
 Никольское (Мамадышский у.), с. – 140
 Никольское (Спасский у.), с. – 184, 237, 353
 Никольское (Чистопольский у.), с. – 257
 Никольское (Ядринский у.), с. – 138
 Никольское, с. – 440
 Новгородская губ. – 106
 Новинская, д. – 191
 Новогеоргиевская, д. – 355
 Ново-Кишитская вол. – 145
 Новоселка, д. – 173
 Новоселье, д. – 355
 Новоспасское с/о – 180
 Новотроицкое, с. – 65, 67
 Новошешминск – 457
 Ногайская дор. – 67, 411, 412, 472, 474, 476, 483–494
 Ногайская Орда – 16
 Ногайская сторона – 480
 Ногайский перевоз – 472, 473, 475
 Ногайское ханство – 453
 Нокса, р. – 476, 483, 484, 486, 488, 490, 491
 Нороваш, д. – 482, 497
 Нороваш, р. – 497
 Ночаево, д. – 61
 Нурдулатово (Нур Даулет, Нурлат), д. – 482, 497
 Нурла, р. – 491
 Нурма (Арская дор.), д. – 432, 452, 477, 490
 Нурма (Зюр. дор.), д. – 349, 402, 490
 Нурма (Нурмабаш), д. – 490
 Нурма Большая, д. – 476
 Нурма Малая (Мурма), д. – 406, 476, 490
 Нурма, р. – 410, 470, 476, 485, 486, 488–491, 493, 494
 Нырса, д. – 477, 490
 Нырса, р. – 477, 485, 488–490, 493
 Нырсывар (Нырсовар, Нырсиварзи), д. – 477, 490
 Обиково, д. – 190
 Обухова, д. – 490
 Озерка – 498
 Ока, р. – 454
 Околодок-Янасал, д. – 137
 Оксфорд, г. – 97
 Олонецкие заводы – 304
 Ольдеева-Изеева, д. – 138
 Омара, д. – 481, 494
 Омарская вол. – 123, 140
 Омары, с. – 461
 Онга-Пось, д. – 135
 Оренбург, г. – 285, 289, 347
 Орлов, г. – 431
 Орловская земля – 70
 Орши Большая и Малая, вол. – 416, 423
 Осиново, с. – 183
 Остолоповское с/о – 179
 Отары Большие, д. – 474, 490
 Отары Малые (Меньшие, Задние), д. – 474, 490
 Отары Средние, д. – 474, 490
 Отмас, р. – 490
 Отымбал, д. – 183
 Отяшево, д. – 61, 63
 Ошла, с. – 422
 Ошлан Верхний, д. – 143
 Ошли, вол. – 416
 Ошняк Большой, д. – 475, 490
 Ошняк Малый, д. – 139, 475, 490
 Ошняк Малый, р. – 484, 490
 Ошняк, д. – 253
 Ошняк, р. – 475, 484, 485, 490, 493, 494
 Ошняк-Качкалак, д. – 253
 Ошняковское с/о – 179
 Ошторма (Оштарма, Ошорма), р. – 477, 484, 487
 Ошторма (Юмтя, Юмья), д. – 490
 Ошторма, д. – 477, 490
 Ошторма-Кукмор, вол. – 416
 Ошторма-Уртем, д. – 433
 Паголдина, д. – 431
 Панова Гора, с. – 355
 Пановка, д. – 242
 Паново, с. – 352, 353
 Пановская вол. – 170, 252

- Панская ул. – 7
 Параней, д. – 72
 Параты Старые, с. – 120
 Париж, г. – 97
 Пахомово, д. – 436
 Паш-Кичуй, поч. – 291
 Пенза, г. – 439, 464, 465
 Пензенская губ. – 48
 Пензенский у. – 69, 71
 Первомайский р-н – 20
 Перевьи (Пелева), д. – 490
 Передние Карьки, д. – 132
 Перещенный Сап, д. – 128
 Пермская губ. – 48, 359
 Пермский край – 55
 Пермь, г. – 272, 273, 360, 365, 396, 425
 Персия – 38, 41, 42, 43, 93, 288, 370, 371, 373, 381, 390, 397, 437, 462
 Пестрецы Большие, д. – 476, 490
 Пестрецы Малые, д. – 476, 490
 Пестрецы, с. – 251
 Петербург (Питер), г. – 77, 150, 272, 276, 301, 302, 323, 326, 327, 330, 331, 333, 335, 337, 338, 347, 360, 361, 364
 Петриковская вол. – 138, 185
 Петровское, с. – 211, 212
 Петроград, г. – 35, 40, 88, 95, 98, 100, 165, 207
 Петропавловская вол. – 143, 259–261
 Петяково, д. – 138
 Пиголи, д. – 474, 490
 Пижма, р. – 469
 Пилюгино, д. – 74
 Пимери, д. – 476
 Пимерь, д. – 476
 Пинжан-Кукмор, вол. – 416, 420, 430, 434, 435, 478, 490
 Пинжан-Кукмор, д. – 490
 Пичевели, д. – 68
 Плаксиха, д. – 492
 по р. Мамсе, д. – 291, 296, 298
 Поволжье – 13, 50, 76, 81–87, 304, 341, 346, 355, 356, 362, 377, 378, 380, 425, 426, 428, 429, 439, 442, 445, 458, 464, 465, 467, 472
 Подмонастырская слоб. – 433
 Подсека (Кузьмине Займище на р. Киндере), д. – 479
 Покровская вол. – 189
 Покровское (Баева), с. – 71
 Покровское (Козьмодемьянский у.), с. – 439
 Покровское с/о – 140
 Покровское, с. – 419
 Полтавская губ. – 101
 Польша, д. – 264
 Польша – 90, 364, 378
 Поляна, с. – 439
 Полянка, с. – 184, 202, 204, 352
 Полянская вол. – 279, 280
 Полянское с/о – 175, 185
 Помарская вол. – 147, 219
 Помьяльская вол. – 219
 Поповка, с. – 174, 185
 Попово, д. – 194
 Поповское с/о – 175, 185
 Порамзин, городище – 466
 Порамзина, д. – 497
 Порамзинки, поч. – 60
 Пор-Ат (Порат), вол. – 416, 434
 Порат, д. – 490
 Посадская вол. – 190
 Посадско-Сотниковская вол. – 212, 213, 219
 Починок Уют, д. – 136
 Починок, д. – 433
 Починское с/о – 181
 Правобережье Волги – 444
 Предкавказье – 289, 446
 Предтеченский мон. – 426
 Предтеченское, с. – 433
 Прелевская (Перелевская), пуст. – 497
 Прикаспийские степи – 380
 Приозерный р-н – 157
 Приуралье – 19, 26, 163, 341
 Пролей-Каша, с. – 194, 457
 Прясево, д. – 497
 Псков, г. – 370, 371, 373, 447
 Псяк, д. – 489
 Пустоозерский острог – 53, 54
 Пушино, д. – 191, 213
 Пшенгер, д. – 291
 Пюр, вол. – 416, 432, 477
 Раифская пустынь – 434
 Раифский мон. – 456
 Раненбургский у. – 10, 151
 Решетниково, д. – 187, 188
 Рим, г. – 96
 Родниковы, с. – 75
 Рождественское на р. Меше, с. – 474

- Рождественское, с. – 443
 Рождественно-Туруново, д. – 433
 Рождественское Микулино, с. – 72–74
 Рождественское, с. – 72
 Ромашкино Новое, д. – 193
 Ромод вол. – 179
 Российская Империя – 82, 109, 183, 199, 305
 Российская Республика – 24
 Российская Федерация – 95
 Россия – 9, 10, 14, 22, 23, 27, 32, 33, 35, 36, 42, 48, 50, 76, 79, 81–84, 86, 88–90, 92, 93–95, 97–99, 101–104, 109, 111, 113, 114, 118, 150, 152, 153, 156, 158–160, 163, 245, 255, 269, 273, 274, 281, 284, 285, 288, 289, 301, 303, 304, 313, 320, 329, 341, 343, 345–347, 349, 351, 354, 357, 358, 360, 361, 363–367, 373, 376–378, 383, 384, 396, 397, 399, 400, 415, 427, 437, 446–448, 453, 455, 457, 458, 464
 Ростов-на-Дону, г. – 347
 Румянцево, д. – 69
 Рус.-Клянчевское с/о – 181
 Русские Саралы, с. – 141
 Русское гос-во – 12, 382, 389, 391, 409, 415, 417, 418, 421, 422, 424, 437, 444, 446, 450, 456, 468, 469, 471, 478
 Русское Черемышево – 414
 Русь – 52, 53, 79, 86, 438, 444–446, 465
 Рутка, д. – 432, 433
 Рутка, р. – 422, 442, 453
 Ручьи, д. – 71
 Рыбинск, г. – 347
 Рыбная слобода, с. – 165, 461
 Рысево, д. – 64
 Рязанская губ. – 150, 151
 Рязанский край – 371
 Рясь, вол. – 416, 420, 478
 Сабабаш (Сабы), д. – 481, 490
 Сабакеевское с/о – 179
 Сабаргозина (Сарбогозина), д. – 483, 497
 Сабуголь (Сапуголи), д. – 405, 474, 490, 493
 Сабуголь, озеро – 474, 490, 493
 Савиново, д. – 143
 Савруш Малый, д. – 477, 490
 Савруш, д. – 477, 490
 Садилово, с. – 464
 Саинка, р. – 487
 Сакайское с/о – 179
 Сакмара – 469
 Салаусь, д. – 477, 490
 Салдакаева, с/о – 208
 Салмае (Маматово), д. – 490
 Салман, д. – 355, 406, 475
 Салманы Старые, д. – 355
 Салмачи, д. – 389, 397, 463, 476, 490
 Саловка, с. – 74
 Салтан (Салтань), р. – 475, 484, 490
 Салтан Большой, д. – 173, 475
 Салтан Малый, д. – 475
 Салтан, д. – 490
 Салтаналей, д. – 475, 490
 Салтановка, р. – 488
 Салтыганово, д. – 483, 497
 Салтыки, д. – 475, 483, 490
 Салтыковка (Тербедеево), д. – 473, 491
 Самара, г. – 10, 105, 347, 427, 438, 464, 466
 Самара, р. – 469
 Самарская губ. – 48, 105, 158, 350, 353, 359, 362
 Самарская дор. – 480
 Самарский край – 105
 Самосырово, д. – 407, 476, 490
 Самуковка, д. – 126
 Санчурск (Шанчюрин), г. – 417, 426, 431, 437
 Санчурский у. – 426, 428, 430
 Сап-Баш, д. – 127
 Саплыг (Саплаг), д. – 497
 Сараловская вол. – 141, 167
 Саралы (Саралан), д. – 473, 490
 Сарамак, д. – 490
 Саранск, г. – 439, 457, 465, 466
 Саранский у. – 60, 64, 466, 73–75, 439
 Сарапул, г. – 413, 456, 469
 Сарапульский у. – 44
 Саратов, г. – 62, 299, 347, 360, 362, 438, 464
 Саратовская губ. – 48
 Сарбеева (Сарыева), д. – 476, 490
 Сарбыш, р. – 498
 Сарку-Кадьш, д. – 474, 489, 490
 Саря (Сайря, Саяря), д. – 478, 490
 Сатки, д. – 474, 491
 Сатламышево (Сатламыш), д. – 482, 497
 Сатыш, д. – 481
 Сафарова, д. – 474, 491
 Сафаровка, д. – 474

- Сая, д. – 478, 491
Сая, р. – 478
Свияга, р. – 457, 466, 469, 482, 495, 497, 498
Свияжск, г. – 192, 372, 397, 399, 417, 425–427, 437, 445–447, 454, 455, 459
Свияжский городок – 498
Свияжский мон. – 392
Свияжский у. – 60, 68, 118, 161, 165, 166, 172, 176, 187, 188, 191, 192, 200, 212, 217, 221, 223, 227, 231, 232, 234, 239, 241, 242, 246, 247, 254–256, 261, 352, 353, 355, 399, 400, 402, 403, 412, 425, 426, 428, 449, 451, 455, 458, 459, 461, 465, 466, 469, 471, 480, 482, 494
Свияжский Успенский мон. – 418
Святительское, с. – 71
Северная Украина – 455
Северный Кавказ – 390
Сеитляр (Толмачи), д. – 478, 486, 491
Сеитова, д. – 478, 491
Сеитово, д. – 483, 497
Сейтак (Сеймяковская), д. – 478, 491
Селенгуш, пуст. – 488
Селенгуши, д. – 205, 476, 491, 494
Селик-Кабан (Столбища), д. – 402, 406, 407, 486
Селищи Старые, д. – 60
Семикеева (Семикей), д. – 482, 497
Семиозерный мон. – 434, 456
Семит (Семитбаш), д. – 478, 491
Семит, р. – 478
Сенклеря, д. – 405
Сергеевка (Мурзаково), д. – 432
Серда (Зюрейская дор.), д. – 491
Серда Большая (Серда Старая), д. – 476, 477, 479, 491
Серда Верхняя, д. – 171
Серда Малая (Серда Средняя), д. – 477, 491
Сердя, поч. – 414
Сескерка, р. – 495
Сибирский тракт – 430
Сибирское ханство – 469
Сибирское царство – 53
Сибирь – 81–83, 86, 90, 118, 157, 272, 273, 276, 299, 347, 349, 354, 359, 361, 365, 367, 370, 371, 388, 390, 392, 395, 397, 446, 447, 450, 462, 463
Сиделевская вол. – 146
Сиза, д. – 477, 491
Симбирск (Синбирск), г. – 7, 49, 438, 439, 457, 465, 466, 483
Симбирская губ. – 151, 163, 188, 194, 350, 353, 362
Симбирская черта – 430, 439, 457, 465
Симбирский (Синбирский) у., провинция – 60, 63, 65, 66, 70–75, 433
Синбирское городище – 480, 483
Синбирское наместничество – 75
Сингели (Сенгили, Сангиля), д. – 405, 474, 491
Синьял, д. – 132
Синьяльское с/о – 125
Сия Меньшая, д. – 491
Сия, д. – 476, 491
Сия, р. – 476
Скопин остров – 432
Слоб. Баран, с/о – 179
Служилая Шентала, д. – 353
Слутка (Слудка), д. – 491
Смаил, д. – 477, 491
Смевы, д. – 64
Смолдеярово на р. Чирпе, д. – 404, 475, 490, 491
Смолдеярово, с. – 243
Смоленск, г. – 462
Собакино, с. – 66
Собакинская вол. – 250, 251
Собачино (Собаченка, Дмитриевское) – 70, 71
Собачкина Б., д. – 191
Собачкина М., д. – 191
Сокур-Кадыш, с. – 405
Сокуры, с. – 226, 227, 355
Соланица (Солоница), р. – 478, 487
Соликамск, г. – 394, 431, 443
Соликамский у. – 464
Сольвычегодск, г. – 24, 384, 385, 388, 392, 393, 395–397, 463
Сорма, д. – 497
Сорминская вол. – 233
Сорок Сайдаков (Карак Сатак), д. – 497
Сорока, вол. – 416, 423
Сосмаковская (Сосмаги), д. – 477, 491
Сосмак-Пшенгер, д. – 292, 295, 298
Сосновка, д. – 433
Сосуновка, с. – 75
Спасо-Преображенский мон. – 389, 447, 456

- Спасо-Юнгинский мон. – 433
 Спасск, г. – 171, 353
 Спасский затон – 347
 Спасский мон. – 375, 389, 392, 407, 456
 Спасский у. – 17, 118, 143, 144, 161, 163–165, 175, 176, 184, 202, 215–217, 221, 223, 232, 234, 237, 241, 242, 246–249, 254, 262, 277–284, 291, 301, 352, 353, 355, 356, 364, 365
 Спасское, с. – 57, 440, 443, 461
 Ср. Тиганское с/о – 179
 Средне-Волжский р-н – 157
 Среднее Поволжье – 7, 12, 19, 22, 26, 27, 38, 49, 59, 83–85, 163, 289, 368, 381, 382, 399, 418, 425, 444, 451, 467, 468
 Средняя Азия – 38, 288, 347, 370, 371, 379, 390, 391, 396, 397, 450
 Средняя Волга – 465, 468
 Ст. Киремет, д. – 355
 Ст. Рус. Киремет, д. – 198
 Ст.-Кленская вол. – 151
 Ст.-Янзыгово, д. – 187
 Старая Нижняя, д. – 68
 Старо-Альметьевская вол. – 257
 Старо-Арабосинская вол. – 146
 Старое Максимкино, д. – 143
 Старо-Максимкинская вол. – 126, 205
 Старо-Максимовская вол. – 143
 Старо-Мокшинская вол. – 233
 Старо-Мрясовы Челны, д. – 356
 Старо-Тябердинская вол. – 127, 146, 220
 Старо-Челнинская вол. – 196
 Старо-Шишминская вол. – 185
 Старый Завод, д. – 195
 Стекольный завод, с. – 355
 Степное Озеро, с/о – 208
 Столбищенская вол. – 250
 Столбищи, д. – 389
 Стрелецкая слоб., д. – 138
 Струниха, д. – 439
 Студенец Старый (Суык Су), д. – 497
 Субаш (Сюбаш), д. – 481, 491
 Субаш, р. – 492
 Сугут Татарский (Сагата), д. – 497
 Суда, р. – 484, 486, 493, 494
 Сула, р. – 405, 486, 491, 494
 Сулабаш (Сулебаш, Сулешба), д. – 478, 491
 Сулаево, д. – 433
 Сулица, р. – 483, 497, 498
 Сундырь Старый (Сюндюр), д. – 482, 497
 Сундырь, г. – 440, 441
 Сундюкова, д. – 497
 Сундякова, д. – 482, 497
 Сура, р. – 187, 188, 468
 Сурский острог – 465
 Сустатово, д. – 482
 Сустатовское селище – 497
 Сухая Улема, р. – 483
 Сухая, р. – 496, 499
 Суша (Шушь), р. – 475, 486, 491
 Сызал, вол. – 416, 423
 Сызранская черта – 430
 Сырьесь, с. – 74
 Сысолы, г. – 393
 Сюкеево, с. – 169, 483, 497
 Сюлемень, д. – 482
 Сюлово, д. – 135
 Сюндырская вол. – 123–125, 135
 Сюнели, д. – 476, 491
 Сюрда (Сюрдовражка, Сердовражка), д. – 478, 491
 Сют-Касы, д. – 139
 Табор, д. – 483, 491
 Табор-Чирки, д. – 497
 Тавель-Ходяшево, д. – 476
 Тавель, д. – 476, 491
 Тавриз – 42
 Тавулина (Гавулина), д. – 497
 Тагаев (Тагай), пригород – 65, 72, 465, 466
 Тазнеевы, д. – 65
 Тамбов, г. – 61, 457
 Тамбовская губ. – 150, 151, 350
 Тамгачи (Тангачи, Таргайчи), д. – 474, 491
 Тамчи Мелдешева, д. – 483
 Танаево (Таниаво), д. – 482, 483, 497
 Танаевское селище (Бритвина), д. – 497
 Танайцево, д. – 483
 Тансарино, д. – 139
 Тара, г. – 396
 Тарасовы (Батушевы), д. – 65
 Тарасовы, д. – 72
 Тарлаши (Торлаши), д. – 474, 486, 491
 Тарлы, д. – 475, 491
 Тархановское с/о – 181
 ТАССР – 13, 19, 20, 28
 Татария – 21, 22, 87, 277, 278, 343, 446, 457, 458, 463
 Татарская АССР – 22, 446, 471, 473
 Татарская Республика – 87

- Татарская слоб. – 373, 448
 Татарская Соц. Сов. Республика – 87
 Татарстан – 28, 31, 33, 43, 44, 107
 Таузарка, р. – 493
 Таузарова (Тоузар, Тавзарово), д. – 477, 491
 Таулина, д. – 482
 Таутермень, д. – 477, 491
 Ташевская вол. – 239
 Ташкабак (Ташевка), д. – 483, 497
 Ташкент, г. – 285, 287, 289
 Ташкирмень, д. – 141, 171, 473, 491
 Тверской край – 371
 Тверь, г. – 362, 462
 Тебек-Кози Большие, д. – 476, 491
 Тебек-Кози Малые (Меньшие), д. – 405, 476, 491
 Тебердеева (Тябердеева), д. – 497
 Тевелди, д. – 478, 491
 Тевкечь, д. – 475, 491
 Тегешева, д. – 482, 497
 Телепеевская, пуст. – 472
 Темелеева, д. – 497
 Темерлик Большой, д. – 405, 475, 491
 Темерлик Меньший, д. – 405, 491
 Темников, г. – 439, 466
 Темышева (Темишева, Тева), д. – 482, 497
 Тене Касы, д. – 138
 Тенево, д. – 141
 Тенчурина, д. – 497
 Теньки, с. – 241, 352, 355, 483, 498
 Теньковское озеро – 498
 Теребердеева, д. – 483, 498
 Теребердеи, пуст. – 491
 Терегулово Большое (Тереулово), д. – 476, 491
 Терешки (Дворянское), д. – 73
 Терся, вол. – 408, 481
 Терся, д. – 481, 483, 491
 Тетвельский завод – 256
 Тетеева, д. – 474, 491
 Тетюши (Тетеш), д. – 498
 Тетюши, г. – 112, 247, 353, 375, 447, 459, 465, 466, 480, 497
 Тетюшская черта – 457
 Тетюшский у. – 15, 112, 149, 161, 163, 164, 167, 176, 188, 194, 200, 214, 215, 217, 221, 223, 241, 246, 247, 265, 349, 355, 356, 430, 466
 Тигановское с/о – 180
 Тиганы Большие, д. – 279
 Тиганы Нижние, д. – 279
 Тиганы Средние, д. – 279
 Тиинск, г. – 457
 Тимерчеево Нижнее, д. – 151
 Тимерчи (Чамарчи), д. – 477
 Тимяши (Темишева, Тимешь), д. – 498
 Тинсарино, д. – 191
 Тинчали Старые (Иске Тители), д. – 498
 Тобольск, г. – 396, 397
 Товулин, д. – 403
 Тоганашево, с. – 187
 Тогашево, д. – 474, 485, 491, 494
 Тогашевская вол. – 126
 Тойма (Толма, Столма), д. 472–474, 483, 492
 Тойма, д. – 492
 Тойсинская вол. – 131, 132, 188
 Токшихова-Шербашаи, д. – 135
 Толбаево (Тулбаево), д. – 134, 137, 481
 Толкияз (Толкишь), д. – 477, 491
 Томская губ. – 299
 Тонеева (Танеева), д. – 491
 Тораевская вол. – 135
 Торгайча, пуст. – 492
 Торхановка, д. – 137
 Тотьма, г. – 24, 384, 385, 440
 Тохтала, д. – 355
 Тохтамыш, д. – 478, 492
 Тояба, д. – 482, 498
 Трех-Алгашей, д. – 135
 Трехозерская вол. – 184, 202
 Три Озера, с. – 163, 184, 202, 353
 Троице-Сергиев мон. – 388
 Троице-Сергиев мон. (Алатырский у.) – 49, 72
 Троицкая Черноозерская пустынь – 434
 Троицкий женский мон. – 434
 Троицкий мон. – 387, 389
 Троицкое, с. – 431, 439
 Трон Отары, д. – 478, 490
 Трюк-Тямти, д. – 401, 477, 492
 Тубяз (Дубяз, Тибяз), д. – 478, 492
 Туглим, г. – 388, 397
 Тула, г. – 373
 Тулумбаево – 477
 Тулуш (Шетнево Тулуши), д. – 173, 475, 492
 Тулья, д. – 402

- Тура (Старая Тура, Турба), д. – 404, 478, 492
 Тургаево, д. – 475, 491, 492
 Тургаково Новое, д. – 70
 Тургаково, с. – 72
 Туркестан – 39, 42, 97, 288, 371
 Турма, д. – 498
 Турмыш, д. – 482, 498
 Турмыш, р. – 497
 Турнали, д. – 477, 492
 Турукляр, д. – 478, 492
 Турция – 16, 27, 40, 41, 43, 50, 90, 93, 97, 287–289, 300, 357, 370–372, 378, 424, 446, 453
 Турья, д. – 477, 492
 Туяба (Тульба), д. – 492
 Тюбьяк (Тюбек), д. – 492
 Тюбьяк Старый, д. – 477, 492
 Тюбьяк-Чекурча, д. – 477
 Тюгульбаево Татарское (Тюгульбаево), с. – 248, 249, 355
 Тюки Татарские (Текке), д. – 498
 Тюкля, д. – 395
 Тюлячи (Тюльняча), с., д. – 355, 364, 477, 487, 492
 Тюрнясево, д. – 214
 Тюрнясево, с/о – 208
 Тябердины Челны, д. – 193, 194, 475, 493
 Тямти (Тулубаево), д. – 492
 Тямти-Метески, д. – 477, 489, 492
 Тямтя, р. – 477, 484, 494
 Тяткемышева (Тяткемышела, Тохтамыш), д. – 482, 498
 Убаш (Абаш), д. – 492
 Убеево, д. – 132
 Убеевская вол. – 132
 Убеи, д. – 74
 Убей Татарские (Уби), д. – 498
 Углицкий мон. – 72
 Углицкий у. – 72
 Узкое озеро – 498
 Узюм, д. – 478, 492
 Украина – 81, 86, 89, 157, 364
 Укречь-Култук (Кулчюк), пуст. – 474, 475, 487, 491, 492
 Уксун, д. – 492
 Уланова (Карамыш), д. – 487
 Уланово (Свияжский у.), д. – 355
 Уланово (Симбирский у.), д. – 483
 Улема, р. – 483
 Улыязы, вол. – 416, 423
 Ульяновск, г. – 7, 12, 58
 Ульяновский край – 53
 Умба на Сайре, р. – 485
 Умяк, д. – 492
 Унба, д. – 478, 492
 Ундоры, д. – 483, 498
 Унжа, д. – 478, 492
 Унжа, р. – 434, 440, 443
 Унжа, с. – 425
 Унженский у. – 423
 Уньба, р. – 488
 Ура, д. – 492
 Уразбахина, д. – 481
 Уразлина, д. – 483, 498
 Уразметево, д. – 186
 Уразпуги, д. – 498
 Урай, д. – 475, 492, 494
 Ураково, д. – 191, 212, 213
 Урал – 82, 85, 288, 320, 346, 347, 379, 380, 382, 391, 438, 446, 462
 Уральск, г. – 285, 287, 289
 Уральский край – 464
 Ураспуги, д. – 402, 482
 Урахча, д. – 181, 475, 492
 Урахчинское с/о – 181
 Ургагары Новые, д. – 279
 Ургагары Старые, д. – 279
 Уреевы Челны, д. – 475
 Уренск, пригород – 465
 Урень, р. – 466, 480
 Уржум, г. – 417, 422, 437, 447, 452
 Уржумский у. – 428, 430
 Уркушево, д. – 260
 Урмары Старые, д. – 498
 Урмат, д. – 64, 355, 477, 488, 492
 Урняшбаш (Урмаш), д. – 478, 492
 Урсек, д. – 62, 477, 478, 492
 Урсеново, р. – 476, 494
 Урусаво (Урусева), д. – 482, 498
 Урусов, д. – 70, 72
 Урюм Новый, д. – 127
 Уску (Уськи), д. – 492
 Услоны, с. – 389, 397, 461
 Успенский Трифонов мон. – 434
 Устренское, с. – 73
 Устюг (Великий), г. – 24, 384–397, 437, 462, 463
 Ут, р. – 496, 497
 Утамыш (Атамыш), д. – 478, 492

- Утка, р. – 481
 Утня, д. – 145, 477, 492
 Утяково (Итяково) Большое, д. – 403, 482, 498
 Утяково (Итяково) Малое, д. – 403, 482, 498
 Утяково (Свияжский у.), с. – 353, 441
 Утяково (Спасский у.), с. – 355
 Утянгуш (Утнычуш, Утенгиш), д. – 478, 492
 Утяшки, д. – 200
 Утяшкино, с. – 256
 Уфа, г. – 392, 395, 447, 464, 478, 481
 Уфа, д. – 478
 Уч Иле (Искакауль), р. – 491
 Уча (Старое Якшино), д. – 492
 Уча, д. – 475, 492
 Ушня, р. – 476, 486, 487, 493
 Файзуллина, д. – 295, 296
 Федоровское – 179, 200
 Фомкино, д. – 143
 Франция – 96, 97
 Хазария – 84
 Хайвань, д. – 477, 492
 Харезм – 39
 Харибей, д. – 474, 492
 Харранская пров. – 38
 Харьков, г. – 360, 457
 Харьковская губ. – 101
 Хатти, г. – 38
 Хвостова 1-я, д. – 173
 Хвостова 2-я, д. – 173
 Хеттитское гос-во – 38
 Хива – 42, 370, 450, 462
 Хивинское ханство – 39, 42
 Хлынов, г. – 388, 394–396, 431
 Хмелевка, д. – 69, 72, 74, 75
 Ходарова (Айдарова, Хадарово), д. – 482, 498
 Ходяшево (Худяшево), д. (с.) – 60, 64–68
 Ходяшево Большое, д. – 482
 Ходяшево Малое, д. – 482
 Хозесанова, д. – 146
 Хозякова, вол. – 416, 423, 426
 Хозяшева (Тавель), д. – 491
 Хозяшево (Арская дор.), д. – 492
 Хозяшево (Зюрейская дор.), д. – 477
 Хозяшево (пуст. к д. Ярмушевской) (Арская дор.), д. – 492
 Хозяшево Большое Новое, д. – 402
 Хозяшево Большое, д. – 498
 Хозяшево Малое, д. – 403, 414, 498
 Холмогоры, г. – 385, 387, 388, 396, 397
 Хормалинская вол. – 132, 146, 189
 Хотеново Займище, д. – 498
 Хотня, с. – 293, 295
 Хочашево, д. – 187, 188
 Хочашевская вол. – 138, 187, 188
 Хочашевская дача – 188
 Хочашево, озеро – 498
 Царевококшайск (Царев град, Царев город), г. – 417, 426, 427, 431, 432, 435–437, 440, 447
 Царевококшайский у. (округ) – 116, 127, 128, 338, 347, 426, 428, 432, 434
 Царевосанчурск, г. – 432
 Царицыно, г. – 338
 Центральная Россия – 163
 Центрально-Земледельческий р-н – 157
 Центрально-Промышленный р-н – 157
 Цепочкинский мон. – 434
 Цивильск, г. – 439–441, 447, 467
 Цивильский у. – 119, 120, 127, 132, 145, 149, 161, 166, 172, 176, 181, 188, 189, 201, 218, 221, 223, 228, 246, 425, 428, 439, 440, 442
 Цильна (Цилна), р. – 483, 494
 Цильна Малая (Танла), д. – 498
 Чабья Старая (Чаби), д. – 492
 Чаллы (Верхние Чаллы, Челлинский город, Чаллинский городок, Чалы-Гау), д. – 475, 492
 Чаллы Нижние, д. – 475
 Чаллы, р. – 492
 Чалны, д. – 413
 Чалым, г. – 373
 Чандырева, д. – 492
 Чарошевская (Чарашевская, Чорашево), пуст. – 470, 493
 Чатеева, д. – 482, 498
 Чашма, р. – 475, 490
 Чебакса, д. – 476, 492
 Чебокмасов, поч. – 492
 Чебоксарская вол. – 140, 187, 190, 218
 Чебоксарский рубеж – 495, 496
 Чебоксарский Троицкий мон. – 418
 Чебоксарский у. – 126, 134, 135, 138, 139, 147, 149, 161, 166, 167, 172, 176, 185–187, 189, 190, 212, 218, 221, 223, 246,

263, 301, 302, 421, 425, 426, 428, 439, 442
 Чебоксары, г. – 212, 224, 375, 397, 417, 425–427, 437, 441, 447, 455
 Чекурская Старая (Иске Чака), д. – 498
 Чекурча (Чегурча), д. – 493
 Челмак (Стрюково), д. – 475, 493
 Челны, д. – 493
 Челныбаш, д. – 137
 Челпановы, д. – 65
 Чемерцы, д. – 493
 Чемзины Новые, д. – 71
 Чемзины Старые, д. – 70
 Чемодуровка, д. – 353
 Чемуруша Карабай, д. – 483, 498
 Чепасна, пуст. – 493
 Чепкас (Утти Таткас), д. – 498
 Чепкас (Янтуган Чапкас), д. – 498
 Чепца, р. – 469, 481
 Чепчуги, д. – 493, 494
 Чепчуговская вол. – 250
 Черевча (Чируча), д. – 478, 493
 Черемша (Зюрейская дор.), д. – 476, 493
 Черемша (Ногайская дор.), д. – 475, 493
 Черемшан Большой, р. – 469
 Черемшан Малый, р. – 469, 487
 Черемшан, вотчина – 412
 Черемшан, р. – 354, 414
 Черемыш, с., д. – 414, 476, 493
 Черемыш-Апакаево, д. – 493
 Черемышево Татарское – 414, 493
 Черемышевская вол. – 252
 Черкас (Чаркас), д. 478, 493
 Черлаки (Чердаки), д. – 493
 Чермышево, д. – 433
 Черный Яр, г. – 63
 Чернышевская ул. – 29, 34, 47,
 Черпаева (Чепаева), д. – 498
 Чертанлы (Чертоил), р. – 496
 Четаева, д. – 498
 Четова, д. – 474
 Чешлама, д. – 186
 Чилна, р. – 66
 Чиндырева, д. – 493
 Чирмансар (Чамансар), р. – 495
 Чирпа, д. – 475, 493
 Чирпа, р. – 475
 Чирпаево, д. – 482, 490, 491
 Чирповская вол. – 226, 244
 Чирши, д. – 478, 483, 493

Чирш-Касов, д. – 139
 Чирш-Тойзи, д. – 138
 Чистополь, г. – 44, 194, 197, 205, 233, 281, 284, 301, 347
 Чистопольские Выселки, село – 194
 Чистопольский у. – 17, 50, 120, 126, 138, 143, 149, 161, 165, 167, 170, 174–176, 184, 193, 196–198, 205, 214, 215, 221, 223, 229, 233, 246, 247, 256–258, 265, 277, 278, 281, 284, 353–355, 365
 Чита, д. – 253, 476
 Читаки (Читаково), д. – 474, 488, 493
 Чичкаб (Чичкап, Чечкабы), д. – 482, 498
 Чкарино, д. – 433
 Чочурча (Чочюрча), д. – 475, 493
 Чувак Кисяк, д. – 128
 Чувашия – 13
 Чувашли (Чуваш Караул), д. – 478, 493
 Чувашский Брод, д. – 354
 Чукал, д. – 71
 Чукалы Татарские (Иске Чукал), д. – 498
 Чукша, вол. – 478
 Чулпаново, д. – 477
 Чурагчинское с/о – 125
 Чуреево, д. – 409
 Чурилино, д. – 477, 492, 493
 Чутеево, д. – 466, 482, 496, 498
 Чюа (Чуа), д. – 478, 493
 Чюваш, д. – 409
 Чюкал, д. – 65
 Чюкалы Малые, д. – 69
 Чюкалы Старые, д. – 60, 70, 73, 75
 Чюкальская Выставка, д. – 60
 Чюкша, вол. – 420
 Чюразина, д. – 406, 493
 Чюразино (Чуразино), д. – 406, 478, 493
 Шалахола, д. – 483, 498
 Шалбы, озеро – 404
 Шали Большие, д. – 476, 493
 Шали Малые, д. – 476, 493
 Шали, вол. – 416, 420, 478
 Шалым (Пшалым), д. – 477, 493
 Шапша (Шамша Кобиковская), пуст. – 477, 493
 Шапша Большая, д. – 493
 Шапша Средняя, д. – 493
 Шапши другие, д. – 493
 Шапши, д. – 477, 493
 Шапши, р. – 493
 Шар, р. – 478

- Шармаш (Арняш, Армаши), д. – 477, 493
 Шарымаш, р. – 493
 Шатки, пуст. – 477, 493
 Шатъма Малая, д. – 132
 Шахян, р. – 495
 Шацк, г. – 439
 Швеция (Швец) – 53, 90, 93, 378
 Шебулатово, д. – 477
 Шегурчи, с. – 256
 Шейсуп, князь – 470, 477
 Шейх-Заде, д. – 493
 Шеланга (Шеленга), д. – 483, 498
 Шеланда, р. – 498
 Шеленгур, д. – 352
 Шемелка, р. – 476, 485, 488, 491, 493
 Шеморбаш (Шумарбаш), д. – 481, 493
 Шеморбашская вол. – 162
 Шеморбашское с/о – 162
 Шемурша (Чемурша), с. – 426
 Шемякина (Шемякино, Шемяково, Шемяка), д. – 15, 112, 483, 498
 Шереметево, с. – 256, 257
 Шетнево-Черемышево, д. – 173
 Шешма, р. – 140
 Шешминск, г. – 464
 Шешминская Крепость, с. – 20
 Шибьлги, д. – 172
 Шибьлгинская вол. – 147
 Шигаево Малое, д. – 191
 Шигалеево (Сюлеменево), д. – 498
 Шигали (на р. Нурме), д. – 493
 Шигали (на р. Сулице), д. – 483, 493
 Шигали (Шигалеевская), пуст. – 475, 493
 Шигали Большие (Старое Шигалеево), д. – 476, 493
 Шигали Малые (Малое Шигалеево), д. – 476, 485, 493
 Шигизда (Верхнее Шейх-Заде), д. – 476
 Шизганданово (Шихазданово, Шугозданово, Шигозданы), д. – 482, 498
 Шика, д. – 296
 Шиланка, д. – 253
 Шимшур, д. – 431
 Шинар Большой, д. – 477, 493
 Шинар Малый, д. – 477, 494
 Шинерь-Кинерь (Кинер), д. – 296, 478
 Шиньши Нижние, д. – 128
 Шиньшинская вол. – 127–129
 Ширдан Большой, д. – 482, 498
 Ширдан Малый, д. – 482, 498
 Ширдан Старый, д. – 482, 498
 Ширяйково, поч., – 436
 Шихазда Большая (Шегозда, Шихозда), д. – 476, 494
 Шихазда Малая (Шегозда), д. – 476, 494
 Шихирданы (Шагардан), д. – 498
 Шишовка, д. – 75
 Шия, р. – 488
 Шлютебурх – 313
 Шой, д. – 494
 Шонгут, д. – 483, 498
 Шора (Шоя), д. – 478
 Шор-Касы (Шоркино), д. – 126, 131
 Шор-кисры, с. – 146
 Шотня, д. – 441
 Шошма, р. – 411, 477, 490, 491, 494
 Штырь (Штерь), д. – 476, 494
 Шубина Усаду, д. – 49
 Шугурыяк, озеро – 432
 Шукоти, д. – 478, 494
 Шульгина, д. – 431
 Шумани, д. – 478, 494
 Шуматовская вол. – 138
 Шумбут, р. – 471, 475, 476, 489, 493
 Шумбут, с. – 355
 Шумбутская вол. – 134, 135, 137, 139, 181, 193, 194
 Шумково, с. – 170, 253
 Шумурша, вол. – 416, 423
 Шуни, д. – 475
 Шунь Нижняя (Шун, Шунь), д. – 477, 489, 492, 494
 Шуран, д. – 475, 494
 Шуранка, р. – 475
 Шурма, с. – 422
 Шурня (Шурма), д. – 494
 Шушерма, д. – 482, 498
 Щелкан Новый, д. – 119
 Щербетская вол. – 184
 Щучка, р. – 496, 498
 Эликево, д. – 483
 Энгельса ул. – 7
 Этнескерь, д. – 135
 Юж, вол. – 426
 Юзюкова, д. – 412
 Юлдуз, селище, пуст. – 474, 494
 Юлдузские луга – 472
 Юлдузский лес – 472
 Юмралы, д. – 483, 499
 Юнга Малая, д. – 439

Юнусово, д. – 476, 494
 Юнусово, с. – 353, 355
 Юркули Старые, д. – 494
 Юртукули, с. – 353
 Юрты, д. – 482, 499
 Юрьев Повольский, г. – 440
 Юскочки (Кукчи), д. – 404, 477, 489, 494
 Юшанск, пригород – 465, 466
 Ягодная слоб. – 459, 461
 Ядрин, г. – 67, 425, 442, 447, 467
 Ядрин, р. – 67
 Ядринский у. – 60, 131, 132, 135, 138, 161, 176, 185, 187, 188, 216–218, 220, 223, 233, 425, 439–442
 Ядрицы, г. – 67
 Ядыгерь (Едигерь), д. – 494
 Яки Верхние, д. – 122, 123
 Яки Нижние, д. – 122
 Яки, д. – 478, 494
 Якола Чума Кольччерма, р. – 498
 Якушкина – 208
 Якушкина, с/о – 208
 Ялмалы, д. – 478
 Ялмски, пуст. – 474, 494
 Яльчик Большой, д. – 482, 499
 Яльчик Малый, д. – 482, 499
 Ямашева, д. – 475, 494
 Ямашурма, д. – 477, 494
 Ямбухтино (Спасский у.), д. – 355, 356
 Ямбухтино (Тетюшский у.), с. – 349, 483, 499
 Ямская слоб. – 459
 Ямчурина, д. – 477, 494

Ямшеек (Япшейка, Апшейка), д. – 475, 494
 Янгильдеевский (Енгильдеевский), поч. – 494
 Янгильдино, д. – 301, 482, 499
 Янговат, д. – 483
 Янгулова (Янгул), д. – 477, 494
 Янзы-Касы, д. – 132
 Яниково-Шоркисринская вол. – 146
 Янтиковская (Янтики), д. – 483, 499
 Янтык, д. – 475, 494
 Янчиково (Яншихово), д. – 475, 494
 Яранск, г. – 417, 425, 426, 431
 Яранская вол. – 416, 478
 Яранский у. – 185
 Яренск, г. – 388, 393, 397
 Ярмушевская, д. – 476, 492, 494
 Ярославль, г. – 385, 388, 396, 397, 427, 455, 462
 Ясачная, д. – 477
 Ясашная Сердобряжка (Сюрда), д. – 292, 294, 298
 Яшueva (Масловка), д. – 494
 Яшueva, д. – 475
 Яч, р. – 492
 Ячи (на р. Суле), д. – 494
 Ячи, пуст. – 475, 494
 Ячи-Мельдешевская (Ячи Милдешево, Ямчи Милдешево, Томчи Милдешева), пуст. – 478
 Яшевка, с. – 214
 Яштери Старая, д. – 476

Список сокращений

АН СССР – Академия наук СССР

вол. – волость

ВПИ – Восточный педагогический институт

г. – город

Г.З.У. – Губернская земская управа

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан

гос-во – государство

губ. – губерния

д. – деревня

дор. – дорога

ИЯЛИ КФАН СССР – Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР

мон. – монастырь

Наркомсвязь – Народный комиссариат связи

Наркомторг – Народный комиссариат торговли

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете

обл. – область

от Р.Х. – от Рождества Христова

поч. – починок

пуст. – пустошь

р. – река

РАН – Российская академия наук

РИО – Русское историческое общество

р-н – район

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

с. – село

с/о – сельское общество

слоб. – слобода

служ. тат. – служилый татарин

Совдеп – Совет депутатов

Совнарком ТССР – Совет народных комиссаров ТССР

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика

Татнаркомпрос – Татарский народный комиссариат просвещения

Татпромсовет – Совет промысловой кооперации ТАССР

Тр. АС – Труды Археологического съезда

у. – уезд

УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР

ул. – улица

ЦГА ТАССР – Центральный государственный архив ТАССР

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов

ЦИК МАССР – Центральный исполнительный комитет Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики

ЦК РСДРП (б) – Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)

Чернышев Евгений Иванович

**Народы Среднего Поволжья в XVI – начале XX века:
избранные труды**

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 28.10.2020 г. Формат 70×100 1/16

Усл. печ. л. 34,25 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Принт»
426035 г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5

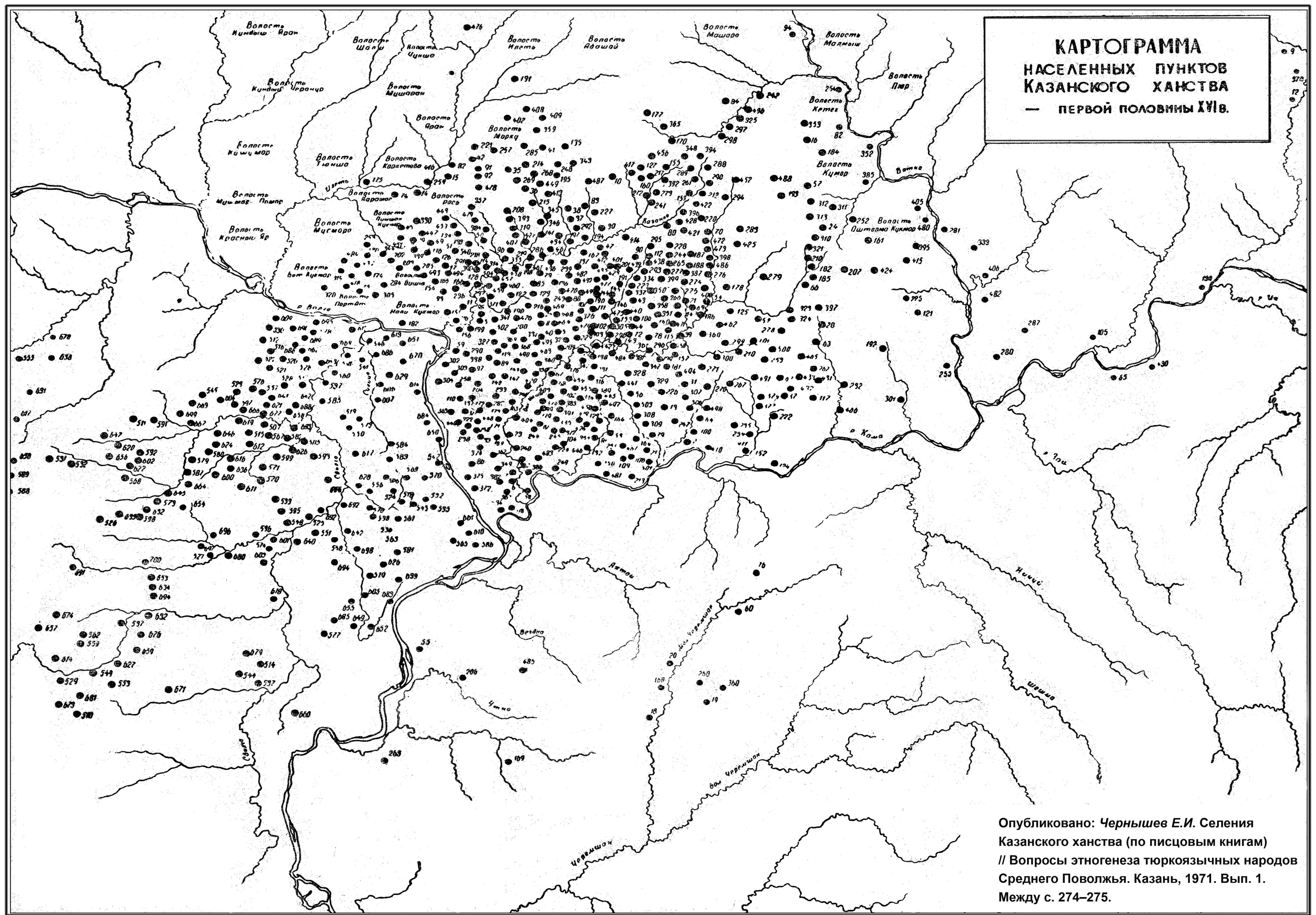

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

**КАРТОГРАММА
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ
КАЗАНСКОГО ХАНСТВА
— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.**

Опубликовано: Чернышев Е.И. Селения
Казанского ханства (по писцовым книгам)
// Вопросы этногенеза тюркоязычных народов
Среднего Поволжья. Казань, 1971. Вып. 1.
Между с. 274–275.